This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

ДЕКАБРЬ. 1907.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 12.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUL 14 1959

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели Работниковъ Печатнаго Дѣла.
Лиговская, 34.
1907.

Открыта подписка на 1908 годъ

(XVI-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ Вл. Гал. КОРОЛЕНКО

при ближайшемъ участіи Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р.; на 6 мѣс.—4 р. 50 к.; на 4 мѣс.—3 р.; на 1 мѣс.—75 к.

Безъ доставки: на годъ—8 р.; на 6 мѣс.—4 р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.

За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго,—*Пассажъ* *).—Въ магазинѣ „Трудъ"—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства".

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
1.	**Новые дни.** (Изъ школьной хроники). *Ѳ. Крюкова* .	1—36
2.	**Картинки тюремной жизни.** (Изъ дневника 1906 г.). Окончаніе. *М. Осоргина*	37— 57
3.	**Соломоново рѣшеніе.** Разсказъ *Николая Шиханова.*	58— 97
4.	**Грядущаго счастья далекіе дни.** Стихотвореніе *П. Я.*	97
5.	**Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ.** Глава III. *В. Семевскаго.* . .	98—141
6.	**Безпріютный.** *Ола Гансона.* Переводъ Б. О. . . .	142—160
7.	**Илья Каленый** (Изъ недавняго прошлаго). *В. Ѳаворскаго*	161—180
8.	**Изъ Ибсена.** Стихотвореніе. *А. Языкова.*	180
9.	**Анархистъ.** *Жана Шантавуона.* Переводъ А. Н. Анненской.	181—199
10.	**Въ маленькомъ городкѣ.** *Кнута Гамсуна.* Переводъ А. Н. Анненской	200—215
11.	**Урокъ короля.** Разсказъ. *Вилліама Морриса.* Переводъ Н. С. Русанова	216—222
12.	**Записки парія.** *Діонео*	1— 34
13.	**Уроки исторіи.** *Н. Е. Кудрина*	34— 72
14.	**Успокоеніе.** *А. Петрищева.*	72— 91
15.	**Наброски современности.** IX. Успокоеніе или упрощеніе. *В. Мякотина*	91—107
16.	**Хроника внутренней жизни.** Въ обновленномъ строѣ: I. Новые виды.—II. Новые звуки.—III. Новые планы. — IV. Новыя основы. — V. Новыя перспективы.—Революція кончилась. *А. Пѣшехонова* . .	108—145
17.	**Письмо изъ Италіи.** *П. Я. Рысса.*	145—161

(*См. на оборотѣ*)

СТРАН.

18. **Политика.** Изъ итоговъ 1907 года: Международные вопросы.—Соглашеніе между Японіей, Франціей, Россіей и Англіей. *С. Южакова* . . . . . 162—171

19. **Новыя книги:**
Литературно-художественный альманахъ, изд. Шиповникъ".—Ѳедоръ Сологубъ. Истлѣвающія личины.—Поль Верленъ. Стихи.—С. Рафаловичъ. Отвергнутый Донъ-Жуанъ.—Г. Цыперовичъ. За полярнымъ кругомъ.—Декабристы.—Памяти декабристовъ.—М. Гершензонъ. П. Я. Чаадаевъ.—Эрнстъ Геккель. Чудеса жизни.—Б. Шмидъ. Философская хрестоматія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. . . . . 171—189

20. **Случайныя замѣтки.** Педагогическій максимализмъ. *А. Петрищева.* . . . . . 189—197

21. **Отчетъ конторы редакціи.** 197

22. **Объявленія.**

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

(*С.-Петербургъ*—контора журнала „Русское Богатство", Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше 1 рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ — уступка 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ настроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма.— Ирландскій „ледоходъ".—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. *второе* 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Кокосовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРІЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Чернышевскій.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Одиннадцатое* изд. 1906 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Седьмое* изд. 1905 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Третье* изд. 1905 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое*, исправленное и дополненное, изд. 1907 г.—[illegible] стр. Ц. 1 р.

СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Десятое* изд. 1904 г.—[illegible] стр. Ц. 75 к.

БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебнаго разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ.—Наука, литература и печать.—Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ.—Додэ.—Золя.—Клемансо.—Вальдекъ Руссо.—Комбъ.—Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье*. 1906 г.—380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.—Надсонъ.—Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.*—II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ по 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Борьба за индивидуальность.—Вольнодумцы и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Паталогическая магія.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. — Суздальцы и суздальская критика. — Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Литературныя замѣтки 1878—1 880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій. — Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ.—Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе*. 1905 г. 504 стр. Ц. 2 руб. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—О гр. Толстомъ. — Письмо К. Маркса. – Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. — Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ницше.

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г. — 489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій.— К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА. — Изд. 1905 г. — 296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II. (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное дополненное изданіе. 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ «Р. Б.» продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

1907, № 12 декабрь

НОВЫЕ ДНИ.

(Изъ школьной хроники).

XV.

Это была прелюдія совершенно неожиданная, вызванная служебнымъ усердіемъ Дементія Степаныча.

Четвертоклассникъ Лавровъ вышелъ изъ кабинета уединенія съ лицомъ подозрительно дѣловымъ. Дементій Степанычъ—человѣкъ опытный—вѣжливенько взялъ его сзади за руку повыше локтя, подернулъ назадъ, къ себѣ, и какъ-бы по секрету, но стараясь приблизить свой носъ къ его рту, спросилъ ласково, почти по-товарищески:

— Курилъ?

Вихрастый, шершавый Лавровъ, худой, заморенный и достаточно смирный субъектъ, былъ очень удобенъ для розыска. Обыкновенно онъ съ смиреніемъ подчинялся фатальной неизбѣжности карцера, духъ имѣлъ слабый и плоть немощную; два раза былъ изловленъ съ папиросой въ ватерклозетѣ тѣмъ же Дементіемъ Степанычемъ, а одинъ разъ попался на глаза самому инспектору въ глухомъ переулкѣ, у воротъ того маленькаго мѣщанскаго домика, на которомъ прибита была неказистая вывѣска: „Духовный мастеръ изъ Кіева Лавровъ".

Лавровъ молча, съ притворнымъ недоумѣніемъ, смотрѣлъ на Дементія Степаныча. Но въ этомъ взглядѣ опытный глазъ Дементія Степаныча уже уловилъ проворныя, малодушныя тѣни.

— Курилъ? — строго повторилъ свой вопросъ Дементій Степанычъ.

— Что вы, Дементій Степанычъ? Съ чего вы взяли?..

— Дыхни!

Лавровъ съ готовностью широко раскрылъ ротъ и громко дохнулъ. Но Дементія Степаныча и тутъ провести было

трудно: по долголѣтнему опыту онъ зналъ, что Лавровъ дохнетъ въ себя, а не изъ себя.

— Говори: „пахнетъ сѣномъ надъ лугами"...—строго нахмурившись, сказалъ онъ Лаврову.

Ни одинъ самый опытный плутъ не сумѣетъ скрыть при декламаціи табачнаго запаху.

— Да что вы ко мнѣ пристали! — крикнулъ вдругъ Лавровъ.

Вмѣсто малодушныхъ тѣней въ глазахъ его засверкали огоньки, и въ голосѣ послышались слезы.

— Что-о?!

Дементій Степанычъ изумился. Забитый, шершавый, покорный Лавровъ, всегда такой удобный для примѣненія къ нему всякихъ педагогическихъ экспериментовъ,—и этотъ тонъ... Вотъ такъ время!

— Что?! — повторилъ Дементій Степанычъ и, откинувъ голову нѣсколько назадъ, подернулъ къ себѣ Лаврова.

Запрокинутая назадъ голова и изумленно-негодующій взглядъ выражали несравненное, уничтожающее великолѣпіе.

— Вы не смѣете дергать!—громко крикнулъ Лавровъ и вырвалъ руку.

Дементій Степанычъ выхватилъ изъ бокового кармана записную книжку и, снова хватая Лаврова выше локтя, точно боясь, что онъ убѣжитъ, жидкимъ, но боевымъ голосомъ воскликнулъ:

— Къ инспектору!

А между тѣмъ, ихъ уже окружила толпа. Впереди маленькіе карапузы, вертлявые и любопытствующіе, толкаясь и хихикая, напирали со всѣхъ сторонъ и одобрительно кивали Лаврову изъ-за спины Дементія Степаныча. Сзади—плотное кольцо большихъ, солидныхъ мужей, привлеченныхъ къ сценѣ уже не однимъ любопытствомъ.

Вотъ они—глухіе, немного придавленные звуки ропота и защиты; мычатъ и гудятъ:

— Глистъ... Глистъ...

— Вы не имѣете права хватать! — озлобленнымъ, плачущимъ голосомъ кричалъ Лавровъ, вырываясь.

— У-у-у... гу-у-у... Гли-и-стъ... бэ-э-э... му-у-у... Гли-и-стъ...—глухо загудѣла толпа.

Дементію Степанычу пришлось барахтаться, чтобы не выпустить руку Лаврова. Онъ и самъ не понималъ, къ чему держитъ его, но растерялся и дѣйствовалъ уже наобумъ... И откуда такая сила у этого заморыша? Отъ усилій и напряженія Дементій Степанычъ покраснѣлъ, вспотѣлъ, дышалъ тяжело и потерялъ солидный видъ.

— За что-о-о?.. Гли-и-истъ... у-у-у... гу-у-у...—все громче

гудѣла толпа, и эти звуки, повалившись на Дементія Степаныча, обсыпали его, какъ куча мелкихъ камней, давили и обезсиливали. Онъ началъ падать духомъ.

— Не смѣете хватать!.. Вы мнѣ куртку пачкаете!..—истерически кричалъ Лавровъ и, вырвавшись, сталъ рукой вытирать рукавъ куртки.

Толпа захохотала. Ветхую куртку Лаврова, украшенную пятнами, съ слѣдами мѣла и пыли, мудрено было испачкать. Но Лавровъ удачно показалъ, что прикосновеніе Дементія Степаныча все-таки испачкало ее.

— Я тебѣ говорю: къ инспектору! А иначе я...—попробовалъ крикнуть Дементій Степанычъ...

Но жидкій голосъ его уже утерялъ прежнее боевое упоеніе, и, вмѣсто грозныхъ нотъ, въ немъ слышался неувѣренный, почти заячій крикъ.

— Гли-и-истъ... Гли-и-истъ... у-у-у... гу-у-у... улю-лю-лю...—загудѣла толпа, и комокъ жеваной бумаги мягко шлепнулся въ благовоспитанную физіономію Дементія Степаныча.

Онъ вздрогнулъ, быстро развернулъ книжку и окинулъ юркимъ взглядомъ толпу. Сплошная, плотная стѣна молодыхъ лицъ, сѣрыхъ куртокъ. Насмѣшливые и свѣтящіеся ненавистью глаза, много глазъ... И все одинаковое. Все стало какъ-то вдругъ незнакомымъ, враждебнымъ, большимъ и серьезнымъ. Рыжій, прыщеватый пятиклассникъ съ большимъ носомъ напиралъ на него грудью и нагло усмѣхался.

— Гурьевъ! вы выше своей природы не возноситесь!

Дементій Степанычъ любилъ блеснуть краснорѣчіемъ и иногда загибалъ, на потѣху ученикамъ, изумительныя выраженія.

— Своей мордой, все равно, Европы не украсите!—прибавилъ онъ тономъ безапелляціоннаго приговора.

Гурьевъ, хотя и не обольщалъ себя надеждою украсить своей „мордой“ Европу,—обидѣлся и грубо возразилъ:

— А ты, думаешь,—украсишь?

— Что-о?!

И среди оглушительнаго хохота толпы, въ которомъ принялъ участіе даже Лавровъ, Дементій Степанычъ выхватилъ изъ своей памятной книжки карандашъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто это былъ револьверъ. Рука его быстро забѣгала по страницѣ, но кусокъ булки, пущенный искусной рукой сзади, изъ-за головы, угодилъ прямо въ книжку, и она вылетѣла изъ рукъ Дементія Степаныча при общемъ восторженномъ гвалтѣ и гомерическомъ хохотѣ.

— Го-го-го... Хо-хо-хо-хо... О-о-о... у-у-у!..—застонало все кругомъ.

И обезкураженному Дементію Степанычу казалось, что хохочутъ стѣны, потолокъ, лѣстница, дребезжатъ скверным, злорадным смѣхомъ окна, и притомъ все это гудитъ, улюлюкаетъ, мычитъ, кричитъ: „Глистъ!"

— Бунтъ... Не миновала и насъ чаша сія!..

Онъ поблѣднѣлъ и сразу упалъ духомъ.

Трясущимися руками поднялъ онъ книжку и, весь сжавшись, втянувъ шею, боясь оглянуться и ожидая, что его вотъ-вотъ ударитъ кто-нибудь въ шею или спину, протиснулся къ лѣстницѣ, которая вела наверхъ, и побѣжалъ по ней быстрыми, трусливыми шагами.

— Гли-и-истъ!.. Гли-и-истъ!.. — дружнымъ, нестройнымъ, пестрымъ хоромъ грянули ему вслѣдъ.

И торжествующія волны звуковъ гулко отдались въ корридорѣ, веселымъ эхомъ прокатились по гимнастической залѣ, пролетѣли наверхъ, смягченныя и болѣе стройныя. И Дементію Степанычу казалось, что онѣ гнались за нимъ и хотѣли захлестнуть и утопить его въ своихъ шумныхъ объятіяхъ.

Эти дружные звуки, дикіе и задорно-торжествующіе, призывно отдались во всѣхъ углахъ гимназіи, и въ нижній корридоръ сейчасъ же стеклись сѣрыя толпы пятисотъ разнообразныхъ по возрасту, но объединенныхъ общимъ чувствомъ смутнаго, безсознательнаго, давно назрѣвавшаго протеста головъ. Юныхъ, горячихъ головъ, веселыхъ, легкомысленно-боевыхъ, радостно-готовыхъ на всякій шумъ, возню, ораку и на штурмъ педагогическаго персонала.

Минуты черезъ двѣ появилась на горизонтѣ — въ концѣ корридора—фигура инспектора съ растопыренными руками. За нимъ съ воинственнымъ видомъ выступалъ Каллистратъ, а дальше Ѳаворскій. Дементій Степанычъ остался наверху, въ резервѣ.

Инспекторъ усиленно хотѣлъ явить своей фигурой нѣчто грозное и устрашающее. Но въ нахмуренномъ взглядѣ его явно сквозила заячья трусость. Густыя толпы, гудѣвшія, какъ пчелы, и крики малышей смутили его сразу. Онъ издалъ губами нѣсколько трещащихъ звуковъ,—онъ всегда это дѣлалъ, прежде чѣмъ сказать что-нибудь. Этотъ коротенькій и оригинальный трескъ приводилъ всегда въ особенно веселое настроеніе легкомысленную молодежь—первоклассниковъ и второклассниковъ. Всѣ они очень искусно умѣли воспроизводить его. Заслышавъ его, сейчасъ же начинали вторить сами и фыркать отъ смѣха.

— Пог-гуляйте!—кротко говорилъ инспекторъ, стараясь разрѣдить толпы странными, ловящими воздухъ жестами.

И слышалось въ его голосѣ что-то трусливое, неувѣрен-

ное, умоляющее. Онъ безслѣдно утонулъ въ гулкомъ говорѣ молодежи. А малыши бѣжали сзади и рядомъ, громко потрескивали губами и фыркали отъ смѣха.

— Разойдитесь!.. Вы... тѣ, которые... вотъ именно... вы, которые тамъ...

Инспекторъ безуспѣшно старался ухватить руками воздухъ.

—У-у-у... о-о-о... гу-у-у...—раздавалось спереди и сзади, и малыши фыркали отъ смѣха.

— Калистратъ Агаѳонычъ, запишите тѣхъ, которые не расходятся... И потомъ подайте... тѣхъ, которые тутъ... булваны... поютъ, вотъ именно...

— Гу-у-у... у-у-у... Долой сапожника!.. у-у-у... Ровножуя долой! Барана!.. у-у-у...

— Первымъ долгомъ... Квитницкаго, Антонъ Антонычъ,— прижавъ ладонь къ губамъ и скосивъ глаза, съ таинственнымъ видомъ сказалъ Ѳаворскій:—обратите ваше вниманіе... взоромъ своимъ, какъ бы сказать... пожрать или попалить насъ хочетъ...

— Затѣмъ Жигунова, — прибавилъ сиплымъ голосомъ Каллистратъ:—первый зачинщикъ всему.

— За что, Каллистратъ Агаѳонычъ?—возразилъ оказавшійся подъ рукой Жигуновъ,—онъ чуткимъ ухомъ уловилъ свою фамилію,—и тотчасъ двумя пальцами высморкался и сдѣлалъ видъ, что облизываетъ ихъ языкомъ.

— Вотъ видите... критику какую наводитъ!—ткнулъ пальцемъ Каллистратъ Агаѳонычъ.

— Жигуновъ, останься на три часа, булванъ этакій!— воскликнулъ инспекторъ негодующимъ тономъ.

— За что же? Я только высморкался. А Каллистратъ Агаѳонычъ развѣ не сморкается? Даже въ стѣну харкаетъ... Почему же я долженъ сидѣть, а не онъ?

— Молчи, булванъ! Ты у меня... не разговаривай! Я тебѣ не товарищъ...

— Гу-у-у... у-у-у... Долой Ровножуя! Бондаря долой!.. До-ло-ой!..

Сзади, съ боковъ, спереди несутся звѣриные голоса. Весь корридоръ загудѣлъ, замычалъ, застоналъ. Инспекторъ двинулся впередъ съ растопыренными руками и со взглядомъ, вперенным въ одну точку. Толпа подалась. Нѣчто сѣрое, безформенное и странно-подвижное закопошилось, зарябило, колыхнулось передъ нимъ. Никого не узнаешь... Сзади закричали, засвистали, затопали. Гдѣ-то тамъ, внутри этой безформенной, шевелящейся сѣрой массы раздались звуки пѣнія—нестройные, но бойкіе, вызывающіе, бравурные.

— Эге! вотъ оно что! — съ ужасомъ подумалъ инспекторъ.

Былъ страшенъ ему не дымный запахъ революціи—это пустяки, — а леденило кровь одно ужасное опасеніе: не дошла бы вся эта исторія до губернатора, а тамъ до попечителя округа... Тогда—пиши пропало! Не расхлебаешь этой каши въ десятки лѣтъ!

Онъ быстро повернулъ назадъ—съ видомъ трусливо-отчаянной рѣшимости. Пѣніе грянуло у него за спиной. Крики, свистъ и топотъ слились въ дикую, страшную, но своеобразную симфонію.

— Долой Ровножуя!.. Долой сапожника Каллистрата!.. Бондаришку долой!.. У-у-у... гу-у-у...

Кто-то изъ пансіонеровъ, которымъ давали на завтракъ черный хлѣбъ, пустилъ краюхой въ Ѳаворскаго, но промахнулся. Краюха пролетѣла корридоръ и попала въ окно. Раздался звонъ разбитаго стекла. Взрывъ крика, гама, смѣха, свиста привѣтствовалъ этотъ новый звукъ.

Это было началомъ, но оказалось вмѣстѣ и концомъ перваго революціоннаго періода. Сторожъ Петръ прекратилъ его самымъ неожиданнымъ и простымъ способомъ: онъ зазвонилъ, мотая изо всѣхъ силъ колокольчикомъ, и пронзительные, сверлящіе звуки звонка, какъ звуки полковой трубы, разрѣдили толпу, раздѣлили ее на группы, и, автоматически послушныя, онѣ двинулись къ классамъ. Шумъ разбился на отдѣльные ручьи, потускнѣлъ и, вспыхнувъ два раза, сталъ гаснуть.

XVI.

У директора опять пропало величіе, и маленькая фигурка съ наклоненной впередъ головой, съ растеряннымъ взглядомъ, снова напоминала озябшую куропатку.

— Кажется, господа, придется намъ расхлебывать кашу, сказалъ онъ растерянно-скорбнымъ тономъ:—я уже сообщилъ по телефону полицеймейстеру... на всякій случай...

— Дда... посвистываютъ...—меланхолически замѣтилъ батюшка, держа руки сложенными на животѣ.

Помолчали. Глухо доносились зыблющіяся волны угасающаго шума. Иногда зычный свистъ или визгъ пронзалъ копошившіеся звуки, звонко проносился черезъ пустую залу и ударялся въ раскрытую дверь учительской комнаты.

— Сообщилъ полицеймейстеру... всего надо ждать...—повторилъ директоръ, ожидая услышать отъ своихъ подчиненныхъ одобреніе этой мѣрѣ.

И опять никто сразу не отозвался, точно всѣ прислушивались къ этому отдаленному, пестрому, казавшемуся теперь мягкимъ шуму.

— Главное—слабости не обнаруживать!—первымъ заговорилъ Кузнецовъ и сжалъ пухлый кулакъ.

Онъ исподлобья посмотрѣлъ на своихъ товарищей и рѣшительнымъ, нѣсколько докторальнымъ тономъ продолжалъ:

— Государство устанавливаетъ законы, подданные об-бязаны ихъ соблюдать!.. Разъ не хочешь подчиняться, чинишь революцію, вносишь разрушеніе существующаго строя,—государство примѣняетъ мѣры, какъ то: военную силу, полицію, судъ... Что-же это будетъ, если маль-чиш-ки начнутъ диктовать свои условія взрослымъ людямъ?..

Лицо его побагровѣло. Онъ задергалъ плечомъ и усиленно засопѣлъ своимъ широкимъ носомъ. Вся массивная фигура его выражала негодованіе. Въ самомъ дѣлѣ, обидно было, что мальчуганы, выросшіе на его глазахъ, столько разъ заливавшіеся слезами изъ-за единицъ, униженно упрашивавшіе „простить“ или „зачеркнуть“, или поправить, трепетавшіе передъ рѣшительнымъ взмахомъ пера, почтительно отвѣшивавшіе поклоны, смиренно стоявшіе въ углу, безропотно выслушивавшіе далеко не аттическую соль учительскихъ насмѣшекъ,—теперь устраиваютъ забастовку, причиняютъ тревогу, обиды, нарушаютъ обычный порядокъ жизни

Странный былъ человѣкъ Кузнецовъ.

Жизнь онъ велъ изумительно-педантическую. Всегда въ одно время показывался на улицѣ, однимъ и тѣмъ же шагомъ шелъ въ гимназію; какая бы ни была погода, никогда не бралъ извозчика и не садился въ трамвай. Ни разу не опоздалъ, не пропустилъ ни одного урока. Раздѣвался и вѣшалъ пальто всегда на своемъ, строго опредѣленномъ мѣстѣ, и если оно оказывалось занято, приказывалъ швейцару немедленно освободить. Калоши самъ отиралъ заготовленной заранѣе бумагой и даже обдувалъ съ нихъ пыль. Костюмы свои носилъ изумительно долго. Жилъ одиноко, скупо. Но покупалъ много книгъ, выписывалъ журналы „Русскую Старину“ и „Историческій Вѣстникъ“, газеты, всѣ номера которыхъ, даже листы съ объявленіями, бережно хранилъ и складывалъ въ старой банѣ, доставшейся ему по наслѣдству отъ родителей.

Объ этой угрюмой, одинокой жизни среди гимназистовъ ходило много легендарныхъ разсказовъ.

— Скупой чортъ! Собаки даже не держитъ. Выйдетъ ночью, самъ побрешетъ-побрешетъ да опять спать...

Два года назадъ Кузнецовъ выслужилъ пенсію. Ждали,

что выйдетъ въ отставку. Браня гимназію и учениковъ, онъ обыкновенно говорилъ:

— Дослужу до пенсіи, ни минуты не останусь въ этомъ проклятомъ заведеніи!

Но все таки остался. И, кажется, не изъ скупости — дожить было чѣмъ, — а просто потому, что некуда было дѣть себя, страшно было ломать застывшія формы заведеннаго порядка. И по прежнему ровнымъ, размѣреннымъ шагомъ входилъ онъ въ учительскую ровно за пять минутъ до молитвы, садился на свой стулъ подъ зеркаломъ, вынималъ сложенный вчетверо платочекъ и, тяжело отдуваясь, вытиралъ потъ съ сердитаго, пухлаго лица. При первыхъ звукахъ колокольчика, не теряя ни секунды, вставалъ, бралъ журналъ и тѣмъ же неторопливымъ, методическимъ шагомъ шелъ въ классы. И всегда, при входѣ туда, онъ слышалъ предупреждающее учениковъ восклицаніе: „Кобель!“

— Единственное... самое законное и... самое гуманное... гу-ман-ное!.. средство въ подобныхъ случаяхъ—плеть!—закончилъ Кузнецовъ почти шипящимъ голосомъ и потрясъ пухлымъ кулакомъ передъ своимъ носомъ.

— Или пожарная кишка, — прибавилъ Борщевичъ.

— Да, это освѣжаетъ! — радостно подхватилъ батюшка: — но и плетка, конечно... переноситъ пылъ отсюда (онъ прикоснулся перстами ко лбу)—сюда (онъ погладилъ себя пониже поясницы сзади).

Афоризмъ о. законоучителя не произвелъ надлежащаго впечатлѣнія ни на директора, ни на учителей. Авксентій Васильевичъ одобрительно захихикалъ, но, увидѣвши, что директоръ остается серьезнымъ и растеряннымъ, сейчасъ же прекратилъ смѣхъ и изобразилъ на своемъ лицѣ сугубо серьезную мину.

— Попрошу г.г. классныхъ наставниковъ на перемѣнахъ дежурить каждому около своего класса, — сказалъ директоръ тономъ мягкаго приказанія:—а гг. преподавателей—выходить за пять минутъ до звонка и останавливаться до положеннаго срока у двери класса..

Вздохнули. Распоряженіе было не изъ пріятныхъ. Оно избавляло самого директора отъ непріятности личныхъ столкновеній и ставило лицомъ къ лицу съ возбужденной толпой учителей. У Кузнецова мелькнула мысль, законно ли это распоряженіе, и онъ рѣшилъ навести справки въ сборникѣ Исаенкова.

Онъ взялъ карту — старую, затасканную, запыленную карту Московскаго государства XVII вѣка. Она была небрежно навернута на скалки, пучилась, гремѣла, и неловко было нести ее. Еще неудобнѣе было стоять съ ней въ корридорѣ

передъ классомъ цѣлыхъ пять минутъ. И Кузнецовъ чувствовалъ себя смѣшнымъ, когда остановился передъ шестымъ классомъ, прижимая одной рукой къ животу журналъ, а другой нѣжно обнявъ эту запыленную огромную карту. Среди гама молодыхъ, здоровыхъ, звонкихъ голосовъ, среди пѣнія и дикихъ возгласовъ, доносившихся изъ класса, онъ слышалъ и остроты надъ собой:

— Шишакъ бы ему теперь на голову,—настоящій бы Ередя былъ...

— Въ археологическомъ музеѣ спросить, нѣтъ ли подержанаго...

— А фигура подходящая...

И слышался хохотъ, дружный и заразительный.

Эти остроты вились надъ Кузнецовымъ, какъ наглыя мухи, покусывали, иной разъ впивались прямо въ сердце, и оно закипало безсильнымъ негодованіемъ.

— Долой Каллистрата!—кричалъ дикій, бараній голосъ, выдѣляясь надъ волнующимся шумомъ.

Кузнецовъ укоризненно оглянулся по сторонамъ. Нѣтъ никого сочувствующихъ вблизи. Каллистратъ стоялъ въ дверяхъ третьяго класса, и видно было, какъ онъ выразительно грозилъ кому-то пальцемъ. Около него робко жался маленькій классикъ Чижовъ. Инспекторъ трусливо выглядывалъ изъ-за поворота на лѣстницу. Дальше, передъ пятымъ классомъ, теряясь неясными очертаніями въ сумеречномъ свѣтѣ корридора, торчала унылая фигура Эзельмана. И вездѣ изъ классовъ выскакивали въ пустой солидно-внимательный корридоръ веселые, звонко прыгающіе крики, взрывы смѣха, стукъ, барабанная трель, живые, бойкіе, неугомонные звуки юной жизни, со стороны казавшіеся смѣшными и мирнорѣзвыми.

Прозвенѣлъ звонокъ. Принявъ сурово непреклонный видъ, слегка насупившись, Кузнецовъ вошелъ въ классъ.

— Кобель!—вырвался откуда-то сбоку предупредительный возгласъ, который всегда обгонялъ его при входѣ въ классы.

Что-то разомъ громыхнуло, точно сердитый дворникъ сбросилъ на полъ тяжелую вязанку дровъ. Встали. И когда онъ взошелъ на кафедру, опять дворникъ шарахнулъ съ размаху вязанку дровъ: сѣли...

— Кого нѣтъ?

Прежде, бывало, дежурный торчалъ около кафедры съ бумажкой въ рукѣ, съ выраженіемъ достаточной почтительности и готовности на лицѣ. Теперь никого не видно. Явное и намѣренное нарушеніе порядка.

— Кого нѣтъ?—строго повторилъ Кузнецовъ.

Изъ дальняго угла, отъ печки, поднялся рослый молодой человѣкъ въ курткѣ безъ пояса, съ обросшимъ волосами подбородкомъ и медленно началъ выбираться изъ-за партъ. Онъ безъ необходимости цѣплялся за нихъ, громыхалъ, сдвигалъ ихъ тазомъ и вообще демонстрировалъ комическое усердіе. У Кузнецова все внутри кипѣло при видѣ этого ломанія, но надо было сдерживаться.

— Петровъ,—мрачно пробасилъ дежурный, точно ставя въ вину учителю отсутствіе Петрова.

— Гм... животикъ, значитъ, заболѣлъ?

Прежде, обыкновенно такъ называемая мелкота поощряла хихиканьемъ эти остроты. Но теперь никто не улыбнулся.

— Глупо!—раздался возгласъ съ камчатки.

— Неостроумно!—прибавилъ голосъ ближе.

— Молчать!—крикнулъ Кузнецовъ.

Отворилась дверь. Въ классъ спѣшно, съ провинившимся видомъ, вошелъ опоздавшій ученикъ Сохоръ. Стараясь не встрѣтиться взглядомъ съ учителемъ, онъ направился было къ партамъ.

— Сохоръ!—строго остановилъ его Кузнецовъ.

Онъ не любилъ инородцевъ, „жидовъ" въ особенности, и рѣдко пропускалъ случай задать имъ трепку. Всклокоченная вороная шевелюра Сохора, вытаращенные, влажно блестѣвшіе глаза, крупный семитическій носъ и губы, возбуждали въ немъ теперь самую искреннюю ненависть.

— Поди за дверь... потомъ войди въ классъ... остановись... и поклонись учителю.

Кузнецовъ говорилъ отрывисто, со значительными паузами. Сохоръ изобразилъ на своемъ лицѣ изумленіе и сказалъ недоумѣвающимъ тономъ:

— Съ какой стати я буду эту комедію продѣлывать!

Кузнецовъ часто и громко засопѣлъ носомъ.

— Я долженъ требовать отъ учениковъ вѣжливости... Должны они кланяться учителю, или нѣтъ?

— Я съ вами раскланялся,—сказалъ Сохоръ, кривя душою.

— Правду онъ говоритъ?—обратился вдругъ Кузнецовъ къ классу.

Настроенная враждебно камчатка какъ будто прорвалась и дружно загудѣла:

— Правду!

Правое плечо Кузнецова нервно задергалось. Вотъ она, эта толпа, это безшабашное стадо, у котораго нѣтъ—не то, что чести и совѣсти, нѣтъ простой порядочности! А вѣдь чуть не каждый изъ нихъ щеголяетъ громкими лозунгами, претендуетъ на особое вниманіе къ своей персонѣ, таитъ—

предположительно—какіе-то задатки, требуетъ сердечнаго попеченія и даже поучаетъ... И всѣ драпируются въ плащъ притѣсненныхъ, угнетенныхъ, загубленныхъ. Но никто, къ сожалѣнію, не погибнетъ, всѣ выплывутъ благополучно, станутъ прохвостами, обгонятъ своихъ учителей, съ комфортомъ усядутся на шею народа... О, постылое учительское безсиліе!..

— Правду?—стиснувъ зубы, тонкимъ, шипящимъ голосомъ медленно заговорилъ Кузнецовъ:—во-первыхъ, вы лжете, говоря, что поклонились мнѣ (онъ прижалъ одинъ палецъ своей пухлой руки), а во-вторыхъ, вы не исполняете своего долга...—(онъ прижалъ другой палецъ). Поэтому я вамъ опять приказываю: пойти вонъ, войти въ классъ и поклониться...

Влажные глаза Сохора обвели классъ, который выжидательно притихъ. Это насторожившееся безмолвіе приказывало ему упереться и выдержать натискъ. Сохоръ опустилъ голову и глухо сказалъ:

— Я не пойду...

— Тогда пошелъ вонъ! Совсѣмъ!

Лицо Кузнецова было багрово и смѣшно. Рука дергалась, словно порывалась размахнуться. Сохоръ съ усиліемъ улыбнулся и неторопливо, стараясь соблюсти достоинство, вышелъ изъ класса. Кузнецовъ долго молчалъ, пыхтѣлъ и отиралъ платкомъ лицо.

— Ж-жидовская морда!—грузно выдыхнулъ онъ облегчающія слова ненависти и сталъ разсказывать урокъ.

Онъ говорилъ всегда хорошо, интересно, съ знаніемъ дѣла. Его стоило послушать, но далеко не всѣ и не всегда слушали. Гдѣ-то далеко были мысли этихъ враждебно настроенныхъ юношей. Кончилъ. Нагнулся къ журналу. Сейчасъ вызоветъ кого-нибудь.

— Иванъ Кузьмичъ, позвольте выйти?..

Конечно, это—Тиньковъ. Видъ непризнаннаго генія. Насупился, смотритъ угрюмо, готовъ на грубости.

— Сдѣлайте такую пакость. Кланяйтесь тамъ сторожу. А вы что употребляете: верченыя, или набивныя? Можетъ, трубку?

— Кланяться могу, а курить не курю,—мрачно отвѣтствуетъ Тиньковъ.

— Гм... да... Ну, извините въ такомъ случаѣ... Пожалуйста, извините...

— Иванъ Кузьмичъ, я не могу отвѣчать урока...

— Причина?

— Голова болѣла...

— И вы? Такъ. И вы тоже? Три, четыре, шесть чело-

вѣкъ... Шесть человѣкъ! Ничего... По Траяновой колоннѣ вамъ, друзья мои, поставлю. Голова, животъ и прочее... Къ чему лгать, молодые люди? Это унизительно, безплодно, ненужно... По Траяновой колоннѣ! Садитесь!

Тогда они стали выражать протестъ. Такъ, какъ умѣютъ выражать его лишь мальчишки: стучали и двигали партами, швыркали ногами, мычали, гоготали.

— Жаловаться директору!—доносились глухіе возгласы изъ глубины класса:—ишь, зазнался! Пыхтитъ изъ двустволки... Сбить спѣсь!.

Это нервировало. Вызванный къ каѳедрѣ ученикъ Плохово отвѣчалъ изъ рукъ вонъ скверно, мямлилъ и улыбался, прислушиваясь къ товарищескимъ боевымъ кликамъ. О, вѣчная, изнурительная, мелкая война учениковъ съ учителемъ, учителя съ учениками, принижающая и озлобляющая, обильная каверзами, острыми уколами, жестокая и безсмысленная!..

— Скажите, пожалуйста, сколько вамъ лѣтъ?

Тонъ вопроса былъ усиленно спокойный, но язвительность уже улавливалась чуткимъ ухомъ Плохово, и онъ изготовился къ бою.

— Осьмнадцать.

— Взрослый человѣкъ... Слава Богу, можетъ быть, скоро разстанемся. Получишь расписной листъ... трахъ-тарарахъ— подъ красную шапку!

— Нѣтъ, увидимся еще на будущій годъ. Надежды не теряю.

— Гмм... вы думаете? Жаль, если такъ. Но скажите, ради Бога, для чего, собственно вы числитесь здѣсь, въ этомъ прекрасномъ заведеніи? Почему вы не исполняете своего долга?

— А вы что-же думаете: мой долгъ ваши уроки учить?

— Полагаю. Мои и другіе. За что же вы хлѣбъ ѣдите? Зачѣмъ?

— Edimus, ut vivamus,—солидно сказалъ Плохово.

Классъ оглушительно захохоталъ. Классическая ученость въ устахъ Плохово была совсѣмъ неожиданною вещью и произвела глубоко-комическое впечатлѣніе.

Рука Кузнецова опять задергалась, и было похоже, что онъ вотъ-вотъ размахнется и ударитъ. Но онъ не ударилъ. Онъ лишь сказалъ тонкимъ, впивающимся голосомъ:

— До свиданія, молодой человѣкъ, звѣзда будущаго! Водружаю вамъ парочку...

Онъ нагнулся къ журналу, выставилъ крупную, жирную двойку и, положивъ перо, заговорилъ, обращаясь къ классу:

Пугаете жалобой директору? Страшно... Но что обидно

до омерзенія? Тѣ самые господа, которые кричатъ теперь въ кулакъ, послѣ урока подходятъ: „извините, пожалуйста, больше никогда не буду...“ А еще требуютъ къ себѣ уваженія!

Коротенькій Сорокинъ, получившій единицу за отказъ, поднялся и съ достоинствомъ заявилъ:

— Къ числу такихъ я не принадлежу и жаловаться непремѣнно буду!

Кузнецовъ быстро побагровѣлъ, задергалъ рукой и крикнулъ:

— Вонъ изъ класса!

На лицѣ Сорокина изобразилось великолѣпное достоинство, и онъ сказалъ хладнокровно:

— Напрасно кричите... Я и такъ уйду. А все-таки я вамъ скажу...

— Убирайся вонъ, говорю тебѣ! Иначе...

— Слышу. Я не глухой. А все-таки...

— Вонъ, тебѣ говорятъ!

Толстенькій Сорокинъ, не теряя достоинства, вышелъ неспѣшными, нарочно замедленными, шагами изъ класса и громко хлопнулъ дверью. Сразу въ двухъ углахъ коротко, дѣланно загоготали, потомъ кто-то замычалъ, еще кто-то свиснулъ.

— Н-негодяй! — прошепталъ еле слышно, почти задыхаясь, Кузнецовъ.

Потомъ, тяжело пыхтя, поглядѣлъ на классъ нѣсколько мгновеній и, широко разставивъ руки, воскликнулъ голосомъ, полнымъ изнеможенія и отчаянія:

— Распните меня!.. Вотъ... стою... На-те!.. Жестоковыйное россійское юношество! Надежда отечества! Распинай!..

XVII.

На другой день, съ самаго утра, настроеніе было тревожное и выжидательное. Директоръ уже не ходилъ по залѣ величественными шагами, не вытягивалъ усовъ, не откидывалъ назадъ голову.

Первые признаки революціоннаго характера обнаружились во время общей утренней молитвы. Батюшка съ Каллистратомъ тянули козлиными голосами: „и благослови достояніе твое...“ А сѣрые ряды молчали. Малыши переглядывались между собой, перемигивались и трусливо хихикали. Старшіе стояли солидно, серьезно и глубоко безмолвствовали.

Это уже пахло „забастовкой“.

Надо было принять мѣры. Но какія? Какъ узнать: кто? Въ комъ корень зла? Всѣхъ не притянешь къ отвѣту: подымутъ гвалтъ, завоютъ, запротестуютъ.

Было единственное, традиціонное средство, которое видѣлъ въ своихъ рукахъ директоръ и въ спасительность котораго не вѣрилъ: потребовать разысканія виновныхъ по нисходящей служебной градаціи. Онъ приказалъ инспектору произвести дознаніе, инспекторъ передалъ это приказаніе надзирателямъ. А тѣ обычнымъ порядкомъ вошли въ соприкосновеніе съ непріятелемъ и наугадъ выхватили трехъ главныхъ, по ихъ мнѣнію, агитаторовъ.

Два были изъ второго класса—Безпаловъ и Бѣлкинъ, третій изъ четвертаго—Лавровъ. Было установлено Ѳаворскимъ, что Безпаловъ и Бѣлкинъ злорадно хихикали во время пѣнія батюшки и регента. А Лавровъ, какъ обнаружено разслѣдованіемъ Дементія Степаныча, во время молитвы что-то говорилъ стоявшимъ съ нимъ рядомъ товарищамъ, и тѣ утвердительно кивали на это головой.

— Записать въ кондуитный журналъ,—съ зловѣщимъ спокойствіемъ произнесъ директоръ.—Резолюція: доложить въ совѣтѣ!

Къ обычному времени собрались учителя. И у всѣхъ на лицахъ было написано ожиданіе сюрпризовъ. За пять минутъ до звонка пришелъ Кузнецовъ. Онъ приходилъ всегда въ одну пору—ни минутой раньше, ни минутой позже. Мрачно и молча подавъ руку сослуживцамъ, онъ обратился къ директору:

— Довожу до вашего свѣдѣнія, какъ начальника: сегодня, въ два часа ночи, толпа гимназистовъ била ко мнѣ въ окна...

И, не дожидаясь отвѣта, онъ отошелъ, сѣлъ на свой стулъ подъ зеркаломъ, положилъ пухлыя ладони на колѣни и вперилъ неморгающій взглядъ Будды на дверь.

Извѣстіе было неожиданное и чрезвычайное. И директоръ и учителя не знали, что сказать. Въ воображеніи вдругъ выросъ таинственный, грозный непріятель, котораго до послѣдняго времени трактовали довольно пренебрежительно, почти не замѣчая его силы, прижимали и озлобляли. Неужели всѣмъ будетъ предъявленъ счетъ?..

— Въ два часа, говорите?—спросилъ инспекторъ.

— Да.

— Гмм... много позже разрѣшеннаго времени...

Инспекторъ съ глубокой укоризной качнулъ своей лысиной справа налѣво и обратно.

— Когда сторожъ сталъ ихъ останавливать, они ему:

„молчи, пока цѣлъ! Это еще только начало! Погоди, не то еще будетъ!..“

Кузнецовъ угрюмо посмотрѣлъ на директора и, какъ-будто, ждалъ отъ него оправдательныхъ словъ. И директоръ чувствовалъ, что надо бы что-нибудь сказать, вынести вѣскую резолюцію, но молчалъ и растерянно шевелилъ усами. Потомъ потихоньку повернулся и, не сказавши ни слова, крадучись ушелъ изъ учительской.

Это было открытое признаніе банкротства власти. Инспекторъ съ отчаянною рѣшимостью сдѣлалъ попытку проявить начальственную дѣятельность, хотя бы въ видѣ стремленія къ разслѣдованію.

— А что, сторожъ вамъ не сообщилъ какихъ-нибудь признаковъ? Или фамилій, можетъ быть, не слышалъ ли?— наклонившись къ Кузнецову и таинственно понизивъ голосъ, спросилъ онъ.

— Въ два часа ночи, говорю вамъ! Кажется, ясно? Какіе тамъ признаки можно разсмотрѣть?—съ раздраженіемъ сказалъ Кузнецовъ.—Въ два часа ночи! Неужели не понимаете? Очевидно, въ люпанарій подлецы направлялись...

Инспекторъ поморгалъ глазами, постоялъ, молча повернулся и вышелъ.

— Въ первый разъ встрѣчаю такого инспектора!—съ раздраженіемъ сказалъ Кузнецовъ въ пространство:—притворяется ли онъ дуракомъ, или такой на самомъ дѣлѣ?

— Нѣтъ, это природное... отъ Господа,—сказалъ о. законоучитель.

Еще не прозвенѣлъ звонокъ, а они всѣ уже выступили въ походъ и остановились каждый противъ своего класса. И на урокѣ каждый чувствовалъ себя такъ, какъ будто былъ въ первый разъ у новыхъ знакомыхъ въ гостяхъ. Всѣ держали себя осторожно, усиленно вѣжливо и предупредительно.

Первый часъ прошелъ благополучно. Но бюллетень перемѣны, устно опубликованный Дементіемъ Степанычемъ, былъ тревожнаго содержанія: изъ шестого класса въ корридоръ выкатили какіе-то странные предметы,—что-то шарообразное, темное, неопредѣленное, но дающее основаніе предполагать разрывные снаряды. Дежурившій внизу Каллистратъ спрятался, рѣшительно заявивши, что онъ внизъ не пойдетъ, что своя жизнь ему дороже службы. Онъ заразилъ своимъ страхомъ и инспектора, засѣвшаго у себя въ кабинетѣ и объявившагося больнымъ, но было очевидно, что онъ самовольно эвакуировалъ себя въ безопасное мѣсто. Нечего дѣлать, директоръ командировалъ на дознаніе надзирателя Скворцова. Скворцовъ не безъ колебанія спустился внизъ,

въ корридоръ, трясущимися руками взялъ въ руки шарики и, подъ смѣхъ благодушно настроенной толпы, стоявшей кругомъ, убѣдился, что это—обыкновенные мякиши чернаго хлѣба.

На второй перемѣнѣ Дементій Степанычъ опубликовалъ новый бюллетень. Въ четвертомъ классѣ раздался выстрѣлъ. Кто произвелъ его—неизвѣстно, но Дементій Степанычъ собственными глазами видѣлъ, что Блюмъ угрожающе размахивалъ револьверомъ — видимо, по адресу его, Дементія Степаныча. Привлекли къ отвѣту Блюма. Сознался сразу: револьверомъ размахивалъ, но это не „настоящій" револьверъ, а пеналъ. Представленный въ качествѣ вещественнаго доказательства, револьверъ-пеналъ не былъ признанъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Дознано, что выстрѣлъ былъ произведенъ хлопушкой. Прикосновенность свою къ выстрѣлу Блюмъ отрицалъ. Все-таки директоромъ была положена резолюція: арестъ на два часа.

Потомъ наступила большая перемѣна, самый критическій моментъ. Чтобы предупредить скопленіе гимназистовъ, обыкновенно завтракавшихъ въ гимнастической залѣ, было сдѣлано распоряженіе: классамъ второго этажа внизъ не сходить, нижнимъ—не являться наверхъ. Класснымъ наставникамъ вмѣнено было въ обязанность наблюсти за порядкомъ. Голодные и хмурые, они бродили безъ толку около своихъ классовъ. Гимназисты вертѣлись около нихъ, сыпали вопросами, острили, надоѣдали. Но настроеніе было благодушное, и революціей, какъ-будто, не пахло.

Тогда классные наставники рѣшились самовольно бросить свои позиціи и пойти въ учительскую попить чайку.

— Ничего, спокойно, — говорилъ Борщевичъ, какъ бы оправдываясь.

— Да вѣдь и глотку-то промочить необходимо, — прибавилъ глухой Нимфодоровъ, любившій пить чай.

— Никакого броженія умовъ незамѣтно, — увѣрялъ птицевидный Чижовъ.

Но къ концу перемѣны снизу донеслись звуки многоголосаго пѣнія, громкіе, дружно-возбужденные, вызывающе-веселые. Подмывающій рѣзвый ритмъ ихъ бойко и задорно пробѣгалъ мимо учительской по корридору и звенящими волнами мимоходомъ ударялся въ двери. И было въ немъ что-то удалое, просторное и заразительно-смѣлое... Даже о. Андрей, вслушавшись, сталъ помахивать въ тактъ головой. Не выдержалъ и Кузнецовъ, начавшій выбивать пальцами тактъ на колѣняхъ, какъ на барабанѣ...

Забытая юность, радостно-самонадѣянная, бодрая, окрыленная короткими золотыми грезами, въ этихъ звукахъ про-

бѣжала передъ глазами усталыхъ, отяжелѣвшихъ, угрюмыхъ людей и всколыхнула со дна робкихъ, унылыхъ душъ свѣтлую зыбь давнихъ очарованій и милыя, старыя ошибки... О, чудная, далекая, невозвратная молодость! гдѣ ты?..

— А вродѣ какъ бы марсельеза?—прислушавшись, сказалъ съ радостной улыбкой Черноморъ.

— Или „Во Францію два гренадера", — высказалъ предположеніе батюшка.

И, придержавъ блюдечко, тонкой фистулой запѣлъ:

И смирно, и чутко я бу-уду
Ле-жать, какъ на стражѣ, въ гро-бу...

Вошелъ встревоженный Дементій Степанычъ и торопливо сказалъ:

— Г. директоръ проситъ классныхъ наставниковъ къ своимъ классамъ!

— Гдѣ это поютъ?—спросилъ Черноморъ.

— Въ гимнастической залѣ... старшіе классы... забрались и безобразничаютъ...

— А что поютъ?

Дементій Степанычъ скосилъ на сторону свои выразительные шмыгающіе глаза и смущенно отвѣтилъ:

— Не могу вамъ сказать, не разобралъ. Но, видимо, какъ слова, такъ и мотивъ не того... не соотвѣтствуютъ въ учебномъ заведеніи...

— А вы французскій діалектъ можете разобрать?—спросилъ о. Андрей.

— Да такъ... кое-что... мерси, пардонъ, пермете муа де сортиръ... А въ общемъ—слабъ. Вы-же сами, о. Андрей, знаете, какіе французы изъ семинарій выходятъ. Эх-хе-хе... вотъ какое время подошло, о. Андрей!.. По-истинѣ воскликнешь: o, tempores, o, mora!.. Хоть бы звонокъ поскорѣй...

Звонокъ, дѣйствительно, выручилъ. Гипнотическое дѣйствіе его еще не потеряло силы. Задребезжалъ, покрылъ всѣ звуки, разбилъ ихъ на отдѣльные ручейки и загналъ въ классы.

XVIII.

Когда Эзельманъ, Карлъ Оскарычъ, пришелъ въ шестой классъ, за партами сидѣло человѣкъ шесть-семь, не больше. Никто не всталъ при его входѣ. Всѣ заняты были своимъ дѣломъ: одни болтали, двое читали газету, одинъ, положивъ голову на парту, напѣвалъ похоронный маршъ. Въ теченіе первыхъ пяти минутъ ученики входили въ классъ по-одиночкѣ и группами, затѣмъ опять выходили. На пре-

подавателя не обращали вниманія, какъ будто его и не было. Напрасно Карлъ Оскарычъ нѣсколько разъ взывалъ:

— Дежурный! зап-сать, кого нѣтъ!..

Никто не откликался.

Карлъ Оскарычъ былъ въ тягостномъ недоумѣніи: продолжать ли сидѣть въ классѣ, обрекая себя на смѣшное и унизительное положеніе, или уйти? Но если уйти, — подымется шумъ, гвалтъ и затѣмъ неминуемо объясненіе съ директоромъ, котораго Эзельманъ боялся.

Видно, остаться...

Но что дѣлать? Переводить изъ „Тридцатилѣтней войны" ихъ не заставишь, а чѣмъ занять? Развѣ экстемпоралій попробовать? Хоть для виду?..

— Тогда сдѣлаемъ маленькій письменный экстемпоралій... — торжественно произнесъ онъ вслухъ.

— Напрасно, Карлуша!—пробасилъ невидимый голосъ.

— Что-о?..

Кто-то фыркнулъ. Басъ не отозвался.

— Поди съ своей кухаркой разговар-вай! — сказалъ съ достоинствомъ Карлъ Оскарычъ и всталъ, заложивъ руки за спину.

— Мо-м-п-съ и мѣ-сяцъ!—раздѣльно и внушительно провозгласилъ онъ.

— Погоди, Карлуша,—прогудѣлъ опять невидимый басъ.

— Что-о?..

Опять кто-то фыркнулъ. Невидимый басъ не отозвался, но въ другой сторонѣ сердитый голосъ сказалъ:

— Еще ничего не приготовили, а вы ужъ диктуете!..

— Безъ разговоровъ! Взялъ ручка и пиши.! „Мо-м-п-съ и мѣ-сяцъ..." Въ скобкахъ нап-сать: „Луна."

— Что такое „Момпсъ"?

— Какой глупій господинъ спрашиваетъ? Извѣстный видъ собачьей породы... съ круглымъ мордомъ и курносымъ носомъ... есть момпсъ!

— Мопсъ?

— Не разговар-вать!

Эзельманъ окинулъ вдохновеннымъ взглядомъ классъ и громко началъ диктовать:

— „Однажды былъ толстый тучный момпсъ, который ходилъ, какъ всѣ момпсы, на всѣхъ своихъ четверинкахъ..."

— Погоди, Карлуша,—проговорилъ басъ.

— Моль-чать! Я повторять не намѣренъ! Дальше... „При свѣтломъ лунномъ сіяні-è однажды прогуляться..." Я васъ прошу моль-чать и п-сать!..

— И больше ничего, — успокоительно проговорилъ басъ изъ подземелья.

— Глупій усачъ—бородачъ и... больше ничего!—сердито проговорилъ Карлъ Оскарычъ.

И когда всѣ засмѣялись, засмѣялся и онъ, считая свою послѣднюю реплику очень удачной. Потомъ настала тишина, и было слышно, какъ гдѣ-то далеко пѣли—тихо, стройно и такъ красиво, что хотѣлось слушать, не нарушая притаившагося молчанія. И вдругъ къ этому отдаленному пѣнію присоединился въ классѣ сначала одинъ тихій голосъ, потомъ другой...

— Моль-чать! Этъ что такое?!—строго крикнулъ Карлъ Оскарычъ.—Нап-сали? Дальше: „Тутъ наткнулся онъ на поперечный ровъ и вмигъ!..“

Таинственный басъ прогудѣлъ:

— Не спѣши-же!

— Опять разговоры? Васъ за это выключатъ, ежели я васъ возьму за виворотъ и поведу къ инспектору!.. „Пригнулъ вамъ тотъ толстякъ... этотъ тучный мопсъ... черезъ ровъ, думаете вы?..“

— Конечно!

— Оставлю весь классъ на два часа!.. Нѣтъ! „Прижокъ его былъ слишкимъ кратокъ... и онъ упалъ въ него только по причинѣ тяжелой тучности своей...“

Звуки пѣнія стали рости и приближаться. Вотъ они уже совсѣмъ близко. Вотъ по корридору, мимо класса, потекла длинная, пестроцвѣтная лента зыблющихся звуковъ, простучали сотни ногъ съ шумнымъ говоромъ, смѣхомъ, пѣніемъ, крикомъ... Вся аудиторія Карла Оскарыча съ радостнымъ шумомъ, скачками мгновенно вынеслась въ корридоръ и утонула въ общемъ могучемъ потокѣ.

Когда онъ проходилъ въ учительскую, онъ не узналъ актовой залы. Высокая, въ два этажа, обыкновенно пустая, молчаливая, она теперь ожила, наполнилась молодымъ шумомъ, весело загудѣла, заговорила страннымъ, малопонятнымъ, но бойкимъ и звонкимъ языкомъ. Въ пріотворенную дверь учительской выглядывали растерявшіеся и недоумѣвающіе учителя. Казалось, они въ первый разъ видѣли эту пятисотенную толпу юношей и дѣтей. Всѣ лица знакомыя. Всѣ они на ихъ глазахъ росли—эти высокіе, тонкіе, еще не совсѣмъ сложившіеся зеленые юноши и плотные мужи съ усами и щетинистыми подбородками, и подростки четвертаго—пятаго классовъ, усиливающіеся теперь быть особенно серьезными, и второклассники, съ веселыми лицами, съ радостно блестящими глазенками, шныряющіе подъ ногами взрослыхъ...

Не они ли, бывало, торчали въ углахъ, получали единицы, заливались горькими слезами, приставали съ упра-

шиваніями?.. Была власть, было значеніе у всѣхъ, даже у глупаго, невѣжественнаго Эзельмана. Куда все дѣлось?.. Почему вдругъ дѣтская толпа пріобрѣла новый обликъ, стала незнакома и непонятна? Откуда неожиданно выросла въ ней эта неясно рѣющая, едва ощутимая сила, которая подняла ее надъ ними, усталыми и робкими людьми, отодвинула и сдѣлала чужой?..

Чужой... Стало грустно. Не досадно, а грустно... Можетъ быть, и прежде эта дѣтская толпа не была имъ въ полной мѣрѣ близкой и родной. Любили они ее такъ, какъ сапожникъ любитъ сапоги, которые тачаетъ для своихъ заказчиковъ: всю жизнь, согнувшись, сидитъ на стулѣ, ковыряетъ шиломъ, свиститъ дратвой, стучитъ молоткомъ, наводитъ лоскъ щеткой,—изо дня въ день одна и та же отупляющая работа изъ-за куска хлѣба, пока не износятся глаза и не покроются ревматическими узлами пальцы, пока весь не придетъ въ негодность. Какая ужъ тутъ любовь!.. Но есть невидимыя нити, которыя связываютъ его сердце съ зеркально-блестящей обувью равнодушнаго заказчика, ибо она унесла часть его творчества, его труда, заботъ, часть его жизни...

Такъ и они, угрюмые, мелкіе ремесленники, ненавидя свое ремесло, любятъ все-таки его издѣлія...

Послѣ шумнаго и казавшагося безтолковымъ говора криковъ, пререканій и вспыхивавшаго на короткіе моменты смѣха выдѣлились пять человѣкъ и пошли въ кабинетъ директора. Они шли, слегка рисуясь своей миссіей, увѣренные въ себѣ и своихъ товарищахъ, которые стояли за ними дружной стѣной. А ихъ начальникъ, недавно такой важный, съ недосягаемымъ величіемъ произносившій самыя обыкновенныя, даже пустыя слова, вышелъ къ нимъ теперь, блѣдный, съ трясущеюся головой, которую тщетно усиливался держать бодро...

Онъ пошелъ за ними въ залу. Говоръ слегка стихъ, понизился, а сѣрая стѣна, охватившая его полукругомъ, стала непроницаемо-плотной и неподвижной. Онъ сталъ говорить имъ. Не было слышно его голоса. Они понимали лишь робкую жестикуляцію его рукъ, приглашавшую ихъ разойтись, и заговорили всѣ разомъ, и засмѣялись.

Онъ отвелъ двухъ учениковъ, стоявшихъ къ нему всѣхъ ближе, — сутулаго, тихаго осьмиклассника Пѣшеходова, всегда серьезнаго, участіе котораго въ забастовкѣ казалось страннымъ до необъяснимости, и носатаго Гурьева, вопросительно оглядывавшагося по сторонамъ. Онъ мягко опрашивалъ ихъ и кротко предлагалъ удалиться изъ залы. Но въ отвѣтъ на это, Пѣшеходовъ лишь пожалъ плечами и улыбкой молчаливаго отказа далъ понять, что избранный

директоромъ маневръ не цѣлесообразенъ. А Гурьевъ продолжалъ вертѣть своимъ большимъ носомъ, оглядываясь по сторонамъ и ожидая инструкцій изъ-за спины.

Вотъ дружные крики изъ заднихъ рядовъ разомъ понеслись на директора.

— Петицію!.. Петиція на каѳедрѣ!—слышались ревущіе, какъ въ рупоръ, возгласы:—на каѳедрѣ!.. Возьмите!..

— Петицію! — подхватила многоголовая и многоголосая сѣрая стѣна.

— ...тицію! — послѣдними въ этомъ шумномъ аккордѣ прозвенѣли тонкіе, серебристые дѣтскіе голосишки.

Оглушенный и обезкураженный криками, директоръ подошелъ къ каѳедрѣ. Не совсѣмъ опрятный полулистъ съ фіолетовыми строками неровныхъ, крупныхъ буквъ взглянулъ на него, какъ-будто, издѣвательски. Таилось что-то страшное, противозаконное, не разрѣшенное никакими циркулярами, ни конфиденціальными письмами, въ этихъ фіолетовыхъ черпилахъ и въ этихъ заключительныхъ восклицательныхъ знакахъ. Въ душѣ директора началась тяжелая борьба: прикасаться ли къ этой преступной бумажкѣ во имя успокоенія умовъ и прекращенія скандальной исторіи, или отвергнуть ее во имя буквальнаго исполненія послѣдняго предписанія его п—ства?

Онъ посмотрѣлъ въ нее, спрятавъ руки въ карманы.

„Тяжелый гнетъ нашей школьной системы, который испыталъ и испытываетъ каждый изъ учащихся, заставляетъ насъ смѣло и открыто сказать опекающему насъ сердечнымъ попеченіемъ начальству...“

Дальше запрыгали въ глазахъ буквы и слова, странныя неожиданныя, таившія въ себѣ особый, непонятный смыслъ чего то нездѣшняго, необычнаго... закачались, сорвались съ своихъ мѣстъ и пошли кружиться по всему листу въ безшабашномъ, издѣвательскомъ хороводѣ.

Онъ отошелъ.

— Петицію! Петицію.. — опять гаркнули дружные возгласы.

— ...тицію!—подхватили ихъ пестрые, звенящіе голоса малышей.

И казалось, что кричитъ все—стѣны, потолокъ, окна, двери, что вотъ-вотъ сомкнутся надъ его головой эти властные, диктующіе крики, захлестнутъ его, и произойдетъ что-то страшное, неожиданное, что погубитъ навѣки все его служебное преуспѣяніе, пріобрѣтенное тридцатилѣтними усиліями и униженіями.

Самообладаніе покидало его. Онъ машинально вернулся къ каѳедрѣ и протянулъ руку къ этому ужасному листу.

оффиціально-вѣжливому и холодно-насмѣшливому. Взялъ его осторожно, какъ разрывной снарядъ, и не зналъ, что съ нимъ дѣлать...

Прежніе пять депутатовъ отдѣлились отъ толпы и подошли къ нему снова:

— Старшіе классы просятъ разрѣшить сходку.

— Я... не въ правѣ...

Онъ не узналъ своего голоса: кто-то робкій, извиняющійся, растерявшійся говорилъ за него.

— Въ противномъ случаѣ, мы за порядокъ въ классахъ не ручаемся...

Онъ на одно мгновеніе задумался.

— Сейчасъ,—сказалъ онъ и ушелъ въ учительскую.

— Просятъ разрѣшить имъ сходку...

Онъ улыбался растерянной улыбкой, тщетно стараясь показать этой группѣ своихъ подчиненныхъ, что онъ еще не окончательно лишился самообладанія и воли. Но что-то жалкое, недоумѣвающее и оторопѣлое звучало въ его голосѣ.

Учителя сидѣли молча, трусливо, выжидательно. Каждый какъ будто воспроизводилъ въ умѣ свои грѣхи и ждалъ возможнаго возмездія. Они всю жизнь привыкли гнуться и молчать, ибо всю жизнь ихъ безъ пощады гнули и давили. По временамъ, вольно и невольно, они вымещали свое униженіе и горечь безотрадной жизни вотъ на этихъ самыхъ дѣтяхъ и юношахъ, которые теперь что-то требовали, о чемъ-то шумѣли... И вотъ незамѣтно выросла новая сила, которая согнетъ ихъ еще болѣе. И они молчали, готовые претерпѣвать и гнуться до безконечности.

— Разрѣшить?—спросилъ директоръ.

Никто не отвѣчалъ. Лишь старый, благодушный Черноморъ сказалъ:

— Настроеніе повышенное. Открыть бы ужъ клапанъ... Пусть...

И такъ какъ всѣ молчали, то директоръ, принимая это молчаніе за знакъ согласія, вышелъ и сообщилъ депутатамъ, что сходка разрѣшена педагогическимъ совѣтомъ. Онъ рѣшилъ, что теперь удобнѣе дѣйствовать именемъ педагогическаго совѣта, а не единолично. И тотчасъ же депутаты сказали ему спокойно-вѣжливо, но рѣшительно:

— Просятъ васъ и всѣхъ преподавателей и надзирателей не присутствовать въ залѣ.

Онъ вышелъ и остановился въ коридорѣ. Видна была лишь часть залы. Слышался шумъ; гудѣли, какъ шмели, толкались около каѳедры.

Нѣсколько добровольцевъ полицейскихъ выгнали малень-

кихъ. Временами шумъ смолкалъ, раздавался одинъ голосъ. Какъ будто и знакомый, а никакъ не ухватишь: чей? Удивительно какъ измѣняетъ ихъ разстояніе...

— Семенъ, посмотри-ка, кто это говоритъ?..

Семенъ осторожно, бокомъ, втиснулся въ залу, но сейчасъ же былъ замѣченъ.

— Пошелъ вонъ!—дружно закричали на него.

Потомъ нѣсколько человѣкъ выглянули въ коррилоръ. Увидѣвъ директора, спрятались. Опять вышли депутаты и вѣжливо заявили:

— Собраніе проситъ васъ удалиться въ кабинетъ.

Директоръ молча повернулся и медленно пошелъ. Никогда и во снѣ не снилось ему подобнаго афронта. И какъ все это вышло? Почему? Гдѣ тайныя пружины? Куда дѣлось обаяніе его начальнической власти, недавно казавшееся ему самому несокрушимымъ и не подлежащимъ колебанію?

Два или три раза сдѣлана была попытка заглянуть въ залу и изъ учительской. Сперва вышелъ батюшка и остановился въ дверяхъ залы съ улыбкой благорасположенія и даже умиленія на лицѣ. Нѣсколько человѣкъ подошли и вѣжливо попросили его удалиться въ учительскую.

Потомъ Нимфодоровъ сдѣлалъ видъ,что ему надо собрать третьеклассниковъ, у которыхъ онъ былъ классным наставникомъ, и вошелъ въ залу.

— Вонъ!.. Во-онъ!!—раздались вдругъ дружные, оглушительные, негодующіе крики,—отвѣтъ на тридцатилѣтнюю жестокую тиранію черстваго классика.

Поблѣднѣвшій Нимфодоровъ, когда-то гроза гимназіи, колеблющимися шагами унесъ себя изъ залы и, залившись слезами безсильнаго негодованія, повалился на диванъ въ учительской...

Попробовалъ было инспекторъ открыть дверь въ залу съ противоположной стороны,—пришла въ голову счастливая мысль освѣжить помѣщеніе,—но опять дружные крики, гиканье, смѣхъ встрѣтили его, и онъ трусливо исчезъ...

До пяти часовъ вечера зала оставалась во владѣніи бунтовщиковъ.

XIX.

Забастовали всѣ среднія учебныя заведенія города.

Начались безалаберные, но веселые дни. „Захватнымъ правомъ“ гимназисты установили свободу сходокъ и отмѣнили ношеніе формы. Приходили въ гимназію въ пиджакахъ, косовороткахъ, въ большихъ сапогахъ. Нѣкоторые даже до-

были гдѣ-то лохматыя манджурскія шапки и, несмотря на теплое время, щеголяли въ нихъ.

На сходкахъ начиналась борьба съ правымъ теченіемъ, сторонники котораго стали поговаривать о томъ, что пора бы приступать къ занятіямъ, пока учителя присмирѣли и готовы сдѣлать негласно многія уступки. Лѣвые были непримиримы. Резолюція—„не приступать къ занятіямъ впредь до удовлетворенія всѣхъ пунктовъ петиціи"—въ первые дни имѣла за собой подавляющее большинство голосовъ.

Петиція требовала „академической свободы", „автономіи" для старшихъ классовъ, свободы сходокъ, цѣлаго ряда отмѣнъ: отмѣны внѣшкольнаго надзора, обысковъ, распечатыванія писемъ, формы, обязательнаго посѣщенія церкви, балльной системы, введенія лекціоннаго способа преподаванія, передачи библіотеки въ руки учениковъ и т. д.

Были пункты и объ устраненіи нѣкоторыхъ преподавателей. Въ гимназіи требовали удаленія Кузнецова и Каллистрата Фениксова.

Начальство, повидимому, окончательно растерялось и не знало, что дѣлать. Ждали указаній свыше, но тамъ дипломатически молчали. Понимали, какъ-будто, что эпидемію забастовокъ, охватившую всю учащуюся Россію, мудрено остановить циркуляромъ.

Либеральная часть учителей предложила компромиссы. Нѣкоторые пункты петиціи обѣщали временно удовлетворить, лишь бы приступить къ занятіямъ. Дня три гимназисты походили на уроки, но держали себя слишкомъ свободно и непринужденно: въ классахъ курили, грызли подсолнухи, вели громогласныя бесѣды, приходили и уходили, когда вздумается, свысока третировали учителей...

Правильныя занятія при такомъ порядкѣ оказались невозможны. Попробовали сосредоточить вниманіе лишь на младшихъ классахъ, махнувъ рукой на старшіе. Полагали, что это легче. Но когда малыши увидѣли, что ихъ однихъ только заставляютъ работать, а старшіе гуляютъ, то подняли настоящій бунтъ: перебили чернильницы, выбили восемьдесятъ три стекла, разорвали семь картъ и болѣе тридцати гравюръ. На урокахъ держали себя совсѣмъ какъ маленькіе хулиганы: исписывали мѣломъ и оплевывали спины нелюбимымъ учителямъ, швыряли въ нихъ жеваной бумагой, кричали, барабанили...

— Это не гимназія, а кабакъ!—говорилъ со стономъ Борщевичъ на перемѣнѣ (анекдотовъ теперь онъ уже не разсказывалъ):—куда мы идемъ?

— Куда мы пришли—вотъ что надо спрашивать!—говорилъ измученный, совсѣмъ больной Черноморъ.

— О, Боже мой, Боже мой! — вздыхалъ о. Андрей: — все расхлябалось, начальство выпустило возжи, ни во что не хочетъ вникать...

— А вы хотѣли бы, чтобы оно вникало? — желчно воскликнулъ Кузнецовъ.—Развѣ для того начальство поставлено, чтобы ему безпокоить себя этими пустяками? Это—грязная работа... Тутъ нужно мужество, честность, соображеніе... А начальство создано для чистой работы—драть шкуру съ нашего брата!

— Да... да, да...—усталымъ голосомъ соглашался Черноморъ, задумчивый и грустный:—шкуру драть... да, конечно... начальство,—чтобы гнуть въ дугу... Когда доживешь до такихъ лѣтъ, какъ я, то въ головѣ—лишь воспоминанія. И хоть бы одно свѣтлое, отрадное... Боже мой, какихъ директоровъ мнѣ приходилось знать! И все вынесъ... Въ Измаилѣ былъ одинъ. У него легкія сгнили, сердце сгнило, печень тоже,—весь прогнилъ насквозь. И раздражителенъ былъ до послѣдней степени. Въ первомъ классѣ училъ, помню. Какой-нибудь ребятенокъ не понимаетъ, онъ изъ себя выходитъ... Издѣваться начнетъ: „вотъ... онъ тупъ, какъ дерево... ничего не понимаетъ. Вы дайте ему карандашъ, онъ его сосать начнетъ. На, пососи!..“ Суетъ ему въ ротъ карандашъ. „Карандаша не хочетъ... ну, дадимъ ему кусокъ мяса, онъ его сосать будетъ“... Суетъ ему кукишъ...

Черноморъ грустно усмѣхнулся и покачалъ головой.

— А то Аквилоновъ былъ... Съ визитомъ я къ нему являюсь, а онъ спрашиваетъ: „зачѣмъ?“ Говорю: засвидѣтельствовать почтеніе.—„Помнится, я васъ въ гимназіи видѣлъ? Въ разговорѣ со мной мало поэзіи. Лучше взяли бы Энеиду или Одиссею—тамъ поэзія. Посидѣли-бы дома и почитали—полезнѣе и пріятнѣе“...

— Что-жъ, это правильно,—сказалъ одобрительно Кузнецовъ,—и оригинально...

— Характеристики, бывало, окончившимъ писалъ такія: „остался такимъ же жидомъ, какъ и былъ“... А вотъ теперь за этихъ оригиналовъ мы расплачиваемся... На насъ плюютъ, кричатъ, съ грязью насъ мѣшаютъ!

Наконецъ, изъ округа было получено сразу три циркуляра: въ одномъ—гласномъ—предписывалось созвать родительское совѣщаніе и совмѣстно съ родителями выработать мѣры къ прекращенію безпорядковъ; другой—конфиденціальный—требовалъ выказывать твердость при подавленіи безпорядковъ, внушать вѣру и вѣрность отчизнѣ и государственному строю; третій—тоже секретный—запрещалъ учителямъ посѣщать общественныя собранія, гдѣ оскорбляютъ вѣдомство народнаго просвѣщенія.

Приступили къ родительскимъ совѣщаніямъ.

Зрѣлище было пестрое и оригинальное. Въ первомъ засѣданіи произошло то, что предсказывалъ Кузнецовъ: бранили учителей. Критика была рѣзкая и не всегда доказательная. Одна изъ родительницъ въ нервной, возбужденной рѣчи, произнесенной дрожащимъ голосомъ, обвиняла директора въ томъ, что черезъ него она нажила порокъ сердца, разстроила нервы и страдаетъ непрерывными мигренями. Директоръ обидѣлся и отказался отъ предсѣдательствованія въ совѣщаніи. Оппозиціонно настроенные родители выбрали предсѣдателемъ адвоката Гладилина.

При новомъ предсѣдателѣ, въ качествѣ родителей стали выступать совсѣмъ зеленые юноши, и тонъ дебатовъ сразу поднялся до непредвидѣнной высоты. Юные критики школьныхъ порядковъ въ концѣ концовъ рѣзко обрушивались на весь государственный строй. Новый предсѣдатель попробовалъ было останавливать не въ мѣру пылкихъ ораторовъ, но былъ освистанъ. Разумѣется, онъ сейчасъ же почувствовалъ себя нездоровымъ и отказался отъ предсѣдательствованія.

Стали искать замѣстителя. Но это оказалось дѣломъ нелегкимъ. Охотниковъ руководить преніями не находилось. Въ средѣ родителей уже слышался глухой протестъ противъ сраторовъ, нагоняющихъ внезапный ознобъ на предсѣдателя. Гимназисты, которые „явочнымъ порядкомъ“ тоже пробрались въ залу засѣданія, стали кричать:

— Краева! Краева предсѣдателемъ просить!

Краевъ тотчасъ же обратился въ бѣгство. Но въ вестибюлѣ нагнала его публика, окружила и стала упрашивать.

— Господа! никогда въ жизни я не предсѣдательствовалъ!—растерянно говорилъ Краевъ, красный, какъ ракъ.

— Помилуйте, кому же, какъ не вамъ? Вѣдь вы у нихъ кумиръ!—ухвативъ его за руку, гудѣлъ соборный протодьяконъ.

— Да и что тутъ мудренаго — предсѣдательствовать? — авторитетнымъ тономъ говорилъ какой-то незнакомый студентъ:—вызывайте по списку ораторовъ, и пусть себѣ говорятъ на здоровье...

— Да вы ихъ не учите! Они знаютъ,—возражалъ бородачъ-фельдфебель въ артиллерійской формѣ.

Упросили. Подъ апплодисменты молодежи Краевъ сѣлъ въ предсѣдательское кресло и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— На очереди вопросъ объ отмѣнѣ балльной системы. Слово принадлежитъ г. Рыднику.

Маленькій Рыдникъ, въ синей блузѣ и высокихъ сапо-

гахъ, безусый, съ чернымъ пушкомъ на подбородкѣ, вышелъ на средину залы, скрестилъ руки и опустилъ голову. Потомъ черезъ минуту, поднялъ ее, обвелъ глазами затихшую публику и сказалъ:

— Граждане!

И снова потупился.

— Всякій мало мальски мыслящій человѣкъ,—заговорилъ онъ наконецъ, послѣ томительной паузы, — теперь понимаетъ,конечно, что главнымъ виновникомъ негодности нашей школы является существующій бюрократическій строй. Онъ именно сдѣлалъ изъ школы полицейское учрежденіе, воспитывающее насъ не гражданами Россіи, а сухими канцелярскими чиновниками...

— Виноватъ, — смущенно замѣтилъ предсѣдатель: — позвольте вамъ напомнить, что вопросъ—объ отмѣнѣ балльной системы... Такъ какъ записалось семнадцать ораторовъ...

— Я перейду...

— Пожалуйста!

— Но надо же мнѣ мотивировать...

— Нельзя-ли короче? Семнадцать записей...

— Слушаю-съ... Въ полицейской школѣ, граждане, школьное начальство преслѣдуетъ и систематически убиваетъ всякое проявленіе живой мысли. Кому незнакомъ типъ педагога—„человѣка въ футлярѣ",—всю свою задачу полагающаго въ подслушиваніи, подсиживаніи, выслѣживаніи, подлавливаніи?.. Я не называю лицъ, но кто не согласится, что охранное отдѣленіе всегда могло бы пополниться хотя бы изъ здѣшней гимназіи дѣятельными агентами. Небезызвѣстный Дементій Степанычъ Десницынъ и столь же почтенной извѣстности господинъ Фениксовъ, или хоть г. Ѳаворскій...

— Виноватъ!—нахмурившись и стараясь говорить тономъ возможно болѣе рѣшительнымъ, остановилъ оратора Краевъ:— очень прошу отдѣльныхъ личностей не касаться...

— Почему же?—задорно спросилъ Рыдникъ, и маленькая фигурка его стала напоминать ерша.

— Здѣсь идетъ обсужденіе вопроса объ отмѣнѣ балльной системы, а вы трактуете совсѣмъ иную тему... Семнадцать записей...

— Хотя бы семнадцать тысячъ! Вопросъ настолько важенъ, что всестороннее разсмотрѣніе его...

— Александръ Петровичъ!—раздался голосъ Десницына, въ которомъ явственно слышалась обида: — а спросите у нихъ, у г. Рыдника, кому они родитель? Здѣсь сотни родителей собрались, а они вовсе—не родитель! Даже и не родственникъ никому...

— Вѣрно! У него и дѣтей-то нѣтъ!—послышался ожесточенный, хриплый голосъ Фениксова.

— Это совершенно справедливое указаніе! — заявилъ, вставая съ мѣста, благообразный батюшка въ зеленой рясѣ:— мы, родители, съѣхались сюда даже изъ дальнихъ уѣздовъ, чтобы обсудить вопросы школы и возстановить порядокъ А вмѣсто этого вынуждены слушать неумѣренныя, скажу даже, неумѣстныя рѣчи зеленой молодежи. Обратите ваше вниманіе на это, г. предсѣдатель...

Какъ-то сразу зашумѣли еще нѣсколько протестующихъ голосовъ, и черезъ минуту въ залѣ стоялъ ожесточенный гвалтъ. Растерявшійся предсѣдатель попробовалъ было звонить въ колокольчикъ, но публика оставила свои мѣста, разбилась на группы, спорила, кричала, бранилась, и солидная актовая зала съ ея строгими портретами имѣла теперь изумленно-сконфуженный видъ.

— Черносотенцы! — слышались крики сверху, изъ корридора третьяго этажа, имѣвшаго окна въ залу.

— Шпіоны!..

— Вы, молодой человѣкъ, эти слова попомните!

— А вы что? Шпіонъ, что-ль?..

— Извините съ! У меня сынъ въ четвертомъ классѣ и двѣ дочери. Я желаю, чтобы они людьми были, а не шалберничали...

— Никто не шалберничаетъ. Идетъ борьба. Въ ряды борющейся арміи, во главѣ съ пролетаріатомъ, вступаютъ теперь и учащіеся.

— Вы еще—купырь зеленый, молодой человѣкъ, да-съ! А я изъ послѣднихъ силъ, можетъ, тянусь... Какіе у меня капиталы? Я—приказчикъ, сорокъ пять рублей жалованья, изъ послѣднихъ средствъ тянусь, чтобы дѣтей въ люди вывесть... А вы еще, можно сказать, трава... да-съ. Попомните послѣ ваши слова на этомъ мѣстѣ...

— Позвольте мнѣ сказать, ваше благородіе, г. предсѣдатель!

Большой, толстый человѣкъ въ пиджакѣ верблюжьяго цвѣта перегибался черезъ столъ въ сторону Краева.

— Все равно, никто не слушаетъ!

— Нѣтъ, позвольте. Я вамъ именно сказать...

— По этому вопросу?

— Сказать вообще. Два слова... Я не задержу-съ. Я— человѣкъ простой, бакалейщикъ... Я только одно: желаю, чтобы мои дѣти обязательно каждую церковную службу ходили, какъ къ обѣднѣ, иначе говоря къ литургіи, такъ и ко всенощной. О-бя-за-тель-но! Больше ничего-съ... А ежели не

придутъ, вы мнѣ лишь два слова черкните, ваше благородіе, и я имъ, сукинымъ сынамъ, покажу-съ!..

— Мозговая, умственная система, какъ и физическая структура, требуетъ постояннаго упражненія,—слышался въ центрѣ одной группы солидный баритонъ: — продолжительное уклоненіе въ сторону отъ этого упражненія можетъ гибельно отозваться на умственномъ уровнѣ подрастающаго поколѣнія... И какъ врачъ, какъ другъ молодежи, всею душой сочувствующій ей, понимающій благородство ея порывовъ, я все-таки высказываюсь за прекращеніе забастовки и возможно скорѣйшее начало занятій...

— Вѣдь мальчонкой былъ — ну, просто, любо глядѣть!— звенѣлъ дребезжащій голосъ чистенькаго человѣчка въ сѣрой пиджачной парѣ:—тихій, какъ самая тихая вода... Возьметъ сайку, жуетъ и все надъ книжкой сидитъ... Перелѣзъ въ пятый классъ,—какъ подмѣнили! Отъ окна не прогонишь... Вертихвостки эти, гимназистки, шмыгъ-шмыгъ... и онъ ужъ тутъ, какъ кобелишка какой... И книжку забросилъ!..

— Ну, хорошо. Нынче одного выгнать, завтра другого... Гдѣ же вы учителей найдете? — увѣщающимъ тономъ говорилъ благообразный іерей въ третьей группѣ.

— Мы студентовъ пригласимъ! — увѣренно возражалъ длинный, тонкій гимназистъ.

— А-а, это дѣло... Они научатъ!

— Да ужъ не хуже нашихъ педагоговъ...

— Посмотримъ... Недогадливы учителя. На ихъ мѣстѣ я бы забастовку устроилъ да всѣхъ васъ на второй годъ въ тѣхъ же классахъ. А затѣмъ нашъ братъ, родитель, тоже вродѣ забастовки: не далъ бы вамъ недѣльку-другую обѣдать... Посмотрѣлъ бы я тогда на васъ!..

— Они стараются ниспровергнуть нашу православную религію! — съ ожесточеніемъ хрипѣлъ въ своей группѣ сочувствующихъ Каллистратъ Фениксовъ:—религію! И мы будемъ ихъ слушать? Тутъ говорилось противъ меня. И меня хотятъ судить... Кто-же? Студенты!.. А я заявляю вамъ, что меня пригласилъ сюда директоръ и далъ мнѣ при вступленіи на службу инструкціи. Эти инструкціи я и выполняю, и больше я знать никого не хочу! И судить меня они не имѣютъ права, — таково мое мнѣніе, — и вы меня въ этомъ никогда не разубѣдите!..

Краевъ началъ звонить опять и звонилъ до тѣхъ поръ, пока общій шумъ нѣсколько понизился. Тогда онъ рѣшительнымъ тономъ заявилъ о своемъ отказѣ отъ предсѣдательствованія. Отказъ этотъ опять возбудилъ страсти. Родители перессорились между собой. Перевѣсъ стали брать консервативные элементы — купцы, мѣщане, духовенство. Ими

былъ приглашенъ въ предсѣдатели брандмейстеръ 3-й части Васильевъ. Новый предсѣдатель сейчасъ же влѣзъ на стулъ и ожесточенно началъ мотать колокольчикомъ, призывая къ порядку. Но слушались плохо. Другая часть родителей требовала, чтобы предсѣдателемъ былъ присяжный повѣренный Богоявленскій. Молодежь кричала:

— Васильевъ - узурпаторъ! Долой!

Сверху, изъ корридора третьяго этажа, кто-то началъ брызгать водой. Это была обструкція гимназистовъ. Потомъ принялись гасить лампы. Засѣданіе было сорвано.

Второе совѣщаніе не состоялось за неприбытіемъ учителей. На третье явилось очень мало родителей. Попробовали совѣщанія по классамъ,—вышла трудно примиримая разноголосица: родители седьмого класса отвергли „автономію" и прочія требованія петиціи гимназистовъ, настаивали на немедленныхъ занятіяхъ; родители пятаго класса высказались за автономію, за лекціонный способъ, за продолжительный отдыхъ, дабы дать дѣтямъ успокоиться, и за переводъ всѣхъ безъ экзаменовъ.

Такъ тянулось дѣло больше мѣсяца. Наконецъ, изъ округа пришло предписаніе: немедленно приступить къ занятіямъ; учениковъ, не желающихъ подчиниться установленнымъ требованіямъ порядка, уволить; обратно принимать лишь по экзамену.

Тогда къ занятіямъ явились всѣ.

Но что это были за занятія! По прежнему, на урокахъ курили, играли въ карты, лущили подсолнухи. Приходили и уходили, когда вздумается. Черезъ день устраивались сходки, выносившія совсѣмъ невыполнимыя резолюціи. Учиться никто не хотѣлъ. Отвѣчать на урокахъ отказывались. Безцѣлье и праздное словоизверженіе возведено было въ культъ. Учителя, по прежнему, щеголяли въ исписанныхъ мѣломъ и оплеванныхъ сзади сюртукахъ. Все ползло врозь...

Начальство трусливо пряталось и искало, на кого бы свалить вину въ происходящей неурядицѣ. Инсинуаціи и доносъ дѣйствовали съ безпримѣрнымъ усердіемъ.

Какъ-то, въ началѣ мая, директоръ опять пригласилъ Краева въ свой кабинетъ и величественно-строгимъ тономъ обратился къ нему:

— Я имѣю свѣдѣнія, что васъ посѣщаютъ гимназисты старшихъ классовъ...

— Заходятъ нѣкоторые.

— Кто именно?

— Фамиліи не нахожу нужнымъ называть.

— Значитъ, считаете нужнымъ скрывать? Это какъ-разъ то, что я предполагалъ...

— Конспирація?—улыбаясь, спросилъ Краевъ.

Директоръ не отвѣтилъ. Краевъ всталъ, чтобы уйти. Къ мысли о томъ, что ему придется разстаться съ гимназіей, онъ уже привыкъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ конца учебнаго года. Атмосфера гимназіи становилась невыносимою.

— Я хотѣлъ бы васъ еще спросить,—сказалъ директоръ не совсѣмъ рѣшительно.

— Пожалуйста.

— Былъ-ли вотъ такой фактъ?.. Передъ началомъ бывшихъ у насъ безпорядковъ вы шли по залѣ, а ученикъ 8-го класса Богоявленскій подошелъ къ вамъ и, приложивъ ладонь къ губамъ, спросилъ что-то, на что вы отвѣтили утвердительнымъ кивкомъ головы. Когда же находившійся тутъ помощникъ классныхъ наставниковъ Фениксовъ обратился съ вопросомъ къ Богоявленскому, о чемъ онъ перешептывается съ учителемъ, то Богоявленскій ему грубо отвѣтилъ: „не ваше дѣло“...

Краевъ засмѣялся и сказалъ:

— Могло быть.

— Ммм-гу... хо-ро-шо...

16-го мая сторожъ Семенъ Клюкинъ принесъ на квартиру къ Краеву казенный пакетъ, которымъ директоръ увѣдомлялъ статскаго совѣтника Краева о томъ, что попечитель учебнаго округа освобождаетъ его съ 1-го іюля отъ должности преподавателя гимназіи,—по прошенію.

— Вотъ подлость,—съ досадою промолвилъ Краевъ:—по прошенію... а я и не подавалъ никакого прошенія!..

XX.

— Ну, прощай! Иду...

Тонкая женская фигура поднялась съ дивана. Въ молчаливомъ сумеречномъ полусвѣтѣ она казалась выше, легче. Черты лица стали незнакомы и лишь угадывалось въ нихъ что-то близкое, милое...

Она повторила шепотомъ:

— Прощай!

И близко наклонившись къ лицу Краева, положила руки ему на плечи. Знакомый ароматъ violette de Parme и прикосновеніе ея колѣнъ разбудили въ немъ на одно мгновеніе близкія и далекія воспоминанія. Неуловимо быстро мелькнули всѣ его недолгія связи, окутанныя легкой поэтической дымкой. О, милыя женщины! Спасибо вамъ за короткое,

свѣтлое обаяніе, уносившее отъ сѣрыхъ буденъ жизни, за сладкія волненія сердца, за своеобразную изобрѣтательность, новизну, рискъ, за милую вашу ложь!..

Онъ молча взялъ ее за локти. Подчиняясь его ласкѣ, она сѣла къ нему на колѣни. Шелкъ кофточки ласково зашелестѣлъ и нѣжно коснулся его лица, когда она охватила рукой его шею.

— Вчера вечеромъ я подошла къ окну... У сосѣдей на рояли кто-то игралъ. Грустный такой вальсъ... Сумерки... и я такъ плакала!..

И когда она прижалась лицомъ къ его щекѣ, онъ почувствовалъ теплыя слезы и тихое, робкое всхлипыванье.

— Милыя сумерки! Я такъ любила ихъ!.. Никогда не забуду, были мы съ тобой у Алексѣя Иваныча: садикъ такой крошечный... и узенькая рѣчка... Музыка долетала... Мягкая, стройная, нѣжная... И хотѣлось ни о чемъ не думать... тихо дышать и слушать прекрасную жизнь...

Краевъ вздохнулъ. Правда, было: и тихій, мечтательный вечеръ, и короткая радость жить, не думая ни о чемъ... И прошло все, лишь грусть осталась—безмолвная и прочная...

— Это было давно,—грустно качая головой, стала декламировать она:—а безсонныя ночи, а думы?—Какъ мнѣ жутко тогда, какъ мнѣ хочется счастья!—Какъ прошлое близко и мило...—Это было давно. Я не помню, когда это было?—Можетъ быть, никогда?..

Она вдругъ съ силой сжала руками его голову и стала цѣловать ее.

— О, мой мечтатель, дорогой мой, ненаглядный!.. Неужели—конецъ? Неужели я больше никогда не прижмусь къ тебѣ безумно, жадно, не буду чувствовать около себя твою теплоту, твое сердце?!.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались тяжелые шаги Васильевны.

— Къ вамъ емназисты, баринъ,—сказала она, деликатно кашлянувъ и не показываясь изъ-за двери.

Онъ всталъ, поднялъ на рукахъ эту бѣлокурую, гибкую женщину и бережно поставилъ ее. Она отерла глаза и ровнымъ голосомъ сказала:

— Прощай... На вокзалъ пріѣду или нѣтъ,—не знаю. Пиши почаще. Черезъ мѣсяцъ постараемся увидѣться. Ну... въ послѣдній разъ!

Она крѣпко и коротко поцѣловала его въ губы и вышла. Остался запахъ violette de Parme и ощущеніе въ рукахъ молодого, гибкаго тѣла. Какъ будто оторвалось что-то—юное, обвѣянное чарами сладкихъ мученій, неоцѣнимое, оторвалось и полетѣло въ бездну невозвратнаго... Отошла часть

жизни—свѣтлая, поэтическая полоса горячихъ увлеченій, неясныхъ мечтаній и надеждъ... И никогда, никогда уже не вернется...

Вошли гимназисты.

Комната, казавшаяся раньше просторной, теперь, съ выдвинутыми на середину чемоданами и корзинами, стала походить на разгромленный лагерь, въ которомъ негдѣ было повернуться десятку молодыхъ посѣтителей.

Кое-какъ размѣстились. Васильевна внесла свѣчку.

— Чайку, господа?

— Нѣтъ, не безпокойтесь. Мы лишь узнать, съ какимъ поѣздомъ? Наши всѣ ужѐ отправились на вокзалъ. А мы вотъ зашли... узнать...

Они какъ-будто стѣснялись его, мало говорили, больше покашливали. Чувствовалась въ ихъ взглядахъ и рѣдкихъ словахъ застѣнчивая ласковость и грусть, что-то теплое, трогательное. Пансіонеръ Ивановъ сказалъ:

— А у насъ тревога вчера вышла... Весь пансіонъ обыскали!

— Ага... такъ вамъ и надо!..

— Директоръ, инспекторъ и Авксентій Васильичъ... Третьеклассникъ одинъ написалъ стихотвореніе, посвященное вамъ. Конечно, не очень важное, но... все-таки есть что-то... отъ души... Вотъ онъ тамъ это своимъ товарищамъ и читаетъ,—въ швейцарской спрятались,—а Авксентій Васильичъ подкрался на цыпочкахъ и цапъ-царапъ!—„А, вотъ оно,—говоритъ,—откуда идетъ... писательство-то... Вотъ кто ему сообщаетъ!..“ Къ директору. Ну, директоръ сейчасъ же допросъ: какія свѣдѣнія, когда и зачѣмъ сообщали? Часа три обыскивали... Боятся, что вы ихъ опишете...

Тихо всѣ засмѣялись.

— Изъ этого ясно, — сказалъ, добродушно посмѣиваясь Краевъ,—что слово, не только печатное, но и писанное, — сила, и даже такой величественный Юпитеръ, какъ нашъ директоръ, приходитъ въ безпокойство отъ одного призрака ея...

Помолчали. Звуки весенняго вечера, вмѣстѣ съ душистой прохладой, черезъ открытыя окна заглянули на минутку въ комнату: прозвенѣлъ разсыпчатый дѣтскій смѣхъ у церковной ограды, и, оторвавшись, долетѣла изъ городского сада короткая, мягкая трель военнаго оркестра.

— Наши всѣ ждутъ слова отъ васъ,—сказалъ Богоявленскій несмѣлымъ голосомъ:—будете говорить на вокзалѣ?

Краевъ отрицательно закачалъ головой.

— Почему? Послѣднее слово всегда такъ дорого... долго помнится... И какъ-то особенно хочется послушать его!

Вотъ мы знали васъ, по-своему любили, и надоѣдали, и огорчали... Все бывало. Не всегда умѣли цѣнить...

Голосъ Богоявленскаго сталъ глуше и тише.

— И вотъ, вы уѣзжаете, а мы чувствуемъ, что теряемъ своего незамѣнимаго друга...

Богоявленскій вдругъ нахмурился и смолкъ. Краевъ всталъ, оглянулся кругомъ. Пансіонеръ Мазаевъ, зажавшись въ уголокъ, уже утирался платкомъ. Не желая выдать своего волненія, Краевъ крякнулъ и прошелся по комнатѣ, цѣпляясь за чемоданы и корзины.

— Не умѣю я говорить,—сказалъ онъ, и голосъ былъ, какъ будто, не его, сиплый и тихій.—Конечно, хотѣлось бы сказать что-нибудь, многое хотѣлось бы сказать... Какъ больно отрывать тѣ невидимыя нити, которыя крѣпко соединяютъ сердце мое съ вами... Какъ вы мнѣ всѣ дороги и близки... Какъ хотѣлось бы встрѣтить васъ когда-нибудь послѣ счастливыми, свободными, бодрыми... Но не умѣю говорить! Словъ у меня такихъ нѣтъ, которыя выразили бы какъ разъ то, что я чувствую...

Онъ скрестилъ руки и глубоко вздохнулъ.

— Сколько разъ я мечталъ и плакалъ о пылающихъ, яркихъ словахъ, могучихъ и проникновенныхъ! Но такъ и не приходили они... И мысли все были такія блѣдныя, колеблющіяся, робкія, безсильныя... И кругомъ—сухіе туманы, грошевая армія полусытыхъ, трусливыхъ людей, и я въ ихъ числѣ, лѣнивый и лукавый рабъ, мало образованный, опустившійся, цѣпко державшійся за жалкій полукомфортъ 20-го числа... Вотъ вы пришли ко мнѣ съ вашею трогательною ласкою, съ теплымъ сочувствіемъ, а совѣсть меня сейчасъ грызетъ: ничего-то я для васъ настоящаго, нужнаго, цѣннаго не сдѣлалъ!..

Они дружно запротестовали, поднялись, разомъ заговорили, и чувствовалось въ ихъ смѣшавшихся восклицаніяхъ желаніе излиться въ той плѣнительной юношеской любви и благодарности, которыя достаются нелегко и рѣдко высказываются.

— Ну, хорошо! Ну, пусть будетъ по вашему!—сказалъ Краевъ, смущенный и растроганный, остановившись среди комнаты: — благодарю... большое вамъ спасибо!.. Но... опять вотъ я путаюсь... Что я хочу сказать? Да... вотъ что: цѣните то рѣдкое счастье, которое выпало вамъ на долю,—счастье учиться, счастье пріобщиться къ сокровищницѣ человѣческихъ знаній, завоеванныхъ трудомъ, лишеніями, страданіями милліоновъ людей... Огромное и рѣдкое у насъ это счастье! Дорожите имъ, какъ зѣницей ока, используйте его такъ, чтобы послѣ не стыдиться и не жалѣть; труды

тесь, работайте, не теряйте драгоцѣннаго времени! Не пріучайте себя къ тунеядству, не умножайте собой число паразитовъ, боритесь съ распущенностью, которая такъ легко беретъ въ плѣнъ вашъ возрастъ. Испытуйте писанія, не давайте заснуть уму, и сердца ваши пусть будутъ всегда открыты для всего благороднаго, смѣлаго, возвышеннаго!.. Не забывайте, что прикосновенность къ образованію ставитъ васъ въ ряды привилегированныхъ классовъ, а образованіе получаете вы насчетъ чьего-то неумѣлаго, чернаго, тяжелаго труда... насчетъ тѣхъ темныхъ массъ,

Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ...

— О, не забывайте этого!—крѣпко сжимая руки, воскликнулъ онъ горячо и умоляюще:—можетъ быть, выше этой памяти, выше сознанія этого неоплатнаго долга передъ народомъ ничего и нѣтъ для насъ, русскихъ... Думаю, что нѣтъ!..

Онъ остановился, охваченный чувствомъ, безымяннаго, восторженнаго порыва, подыскивая слова, чтобы выразить неясную, но казавшуюся ему важной мысль.

— Вѣроятно, еще долго нужны будутъ подвижники нашему народу... Подвижники, освѣщающіе тернистый путь его къ завоеванію свободы и счастья. И нѣтъ выше подвига, какъ подвигъ ради несчастнаго народа... „Нѣтъ лучезарнѣе вѣнца", какъ вѣнецъ, за него принятый... И вы положите всѣ ваши силы на трудъ, который сдѣлалъ бы изъ васъ настоящихъ, незамѣнимыхъ работниковъ для родины. Трудъ, трудъ и трудъ... Просвѣщайте умъ, вооружайте его могучимъ оружіемъ знанія... бодрствуйте и вѣруйте!..

Онъ опустилъ голову и долго молчалъ. Молчали и они всѣ. Неслись издали мягкіе звуки солдатской пѣсни и глухая трель городской ѣзды.

— Гимназія даетъ вамъ, можетъ быть, очень немного. Надо, все-таки, умѣть взять. Мы, ваши учителя, конечно, плохи, но не судите насъ судомъ немилостивымъ! Смиренная учительская фигура несетъ такой тяжкій грузъ, давитъ ее къ матушкѣ сырой землѣ такой гнетъ и независящихъ обстоятельствъ, и безжалостной нужды, и беззащитности, что прибавлять къ этому великому грузу еще тяжелую гирю огульной брани и сплошного осужденія — не рыцарское дѣло. Не браните вашихъ учителей, господа! Постарайтесь понять ихъ положеніе, мысленно станьте въ него сами или вашихъ родителей поставьте, а затѣмъ почаще оглядывай-

тесь на себя, себя построже провѣряйте, не давайте себѣ поблажки... И я твердо вѣрю, что выйдутъ изъ васъ настоящіе граждане бойцы, честные, смѣлые, безъ страха и упрека.. О, какъ бы мнѣ хотѣлось встрѣтиться съ вами въ тѣ лучшія времена, взглянуть на васъ хоть однимъ глазкомъ и извѣдать рѣдкое удовольствіе, удовольствіе воскликнуть—не стыдясь, а съ гордостью:

— „Это мои ученики!..“

Онъ широкимъ жестомъ повелъ кругомъ и улыбнулся.

— И я увѣренъ, что время это придетъ... Положимъ, я—мечтатель. Но какъ часто посѣщаютъ меня эти неясныя и чудесныя грезы, какъ волнуютъ они сердце! Какъ будто музыка... право! Такъ и кажется: играетъ дивный оркестръ стройныхъ, чудныхъ звуковъ, побѣдныхъ и радостныхъ, полныхъ зовущей надежды, смѣлости и гордости... А встряхнешься и—нѣтъ ничего!.. Люблю я эти мечты и этотъ фантастическій оркестръ! Неужели онъ никогда не прозвучитъ въ дѣйствительности?.. Прозвучитъ!

Онъ окинулъ своихъ гостей вопросительнымъ взглядомъ. Они глядѣли на него молча и восторженно.

— Ну, Поцлавскій! „Робітники духа“!.— сказалъ онъ весело.

И они запѣли. Сперва робко и тихо, потомъ смѣлѣй. Молодые голоса стали рости, крѣпнуть, заполнили собой всю комнату, поднялись и понеслись въ мягкій, теплый вечерній воздухъ, вызывающіе и яркіе. И пѣсня о землѣ, о тревогахъ ея, о битвѣ жизни звучала бодро и радостно...

И звуки ея все звенѣли въ ушахъ Краева, даже когда поѣздъ отходилъ. По платформѣ за нимъ вслѣдъ бѣжали гимназисты, что-то кричали. Махали платочками дамы. Пробѣжала вдали лента электрическихъ фонарей: это городъ уходилъ... Городъ, въ которомъ онъ похоронилъ тринадцать лѣтъ своей жизни...

Сжалось и задрожало сердце. Лучшихъ лѣтъ жизни уже нѣтъ.

Прощай, милый и скучный городъ!..

Ѳ. Крюковъ.

Картинки тюремной жизни.

(Изъ дневника 1906 г.).

IV.

Книги.

Собрать весь запасъ нравственныхъ силъ и держать себя въ ежовыхъ рукавицахъ, не позволяя себѣ переступать предѣлы самаго мѣщанскаго благоразумія,—вотъ моя мечта. Въ тюрьмѣ нельзя распускаться, хандрить и нервничать... Разъ вступивъ на этотъ путь,—не остановишься и покатишься по наклонной плоскости...

На этомъ скользкомъ пути спасаетъ и поддерживаетъ книга. Съ той поры, какъ въ форточку впервые повѣяло весной—ничто серьезное не идетъ на умъ. Является потребность въ фантастическомъ, необыкновенномъ, по возможности веселомъ, съ хорошимъ концомъ, въ чемъ-нибудь такомъ, гдѣ бы содержаніе преобладало надъ мыслью или, лучше всего, мысль отсутствовала бы. Жюль Верна я проглотилъ однимъ махомъ. Съ жадностью читаю ужасный переводъ «Потопа» Сенкевича, гдѣ на каждой страницѣ пять приключеній, и герои глупы до безгрѣшности. Но что убиваетъ и вызываетъ скуку,—такъ это Леонидъ Андреевъ съ его нытьемъ и трагическими натурами. Съ отвращеніемъ, истиннымъ отвращеніемъ я перечиталъ Василія Фивейскаго и до сихъ поръ не могу рѣшиться на «Красный Смѣхъ», хотя читать болѣе нечего.

Книги ужасны по внѣшности, особенно беллетристика. Тутъ ужъ о гигіенѣ и думать нечего, только бы не испачкать о книгу хлѣбъ, ложку, ножъ. Внутри почти вся беллетристика загажена самыми безсмысленно-циничными надписями и рисунками, которые приноравливаются къ наиболѣе художественнымъ и «чувствительнымъ» мѣстамъ текста. Изрѣдка, впрочемъ, попадаются надписи иного характера. На обложкѣ одной книги, среди заборной литературы, я прочелъ нѣжное и безграмотное посланіе арестанта къ своей женѣ—нѣсколько очень трогательныхъ строкъ о томъ, что

«загубилъ я свою душу и васъ. дорогая моя супруга, пустилъ съ дѣтьми по міру».

Вообще надписи въ тюрьмѣ дѣлаются рѣшительно на всемъ Мой столъ весь покрытъ вырѣзанными фамиліями и кличками заключенныхъ арестантовъ. На двери—рядъ фамилій политическихъ съ обозначеніемъ дня ареста, «дѣла» и статей уложенія. На стѣнахъ, на оконной рамѣ,—на всемъ, кромѣ параши (характерно!) видны надписи, которыхъ не могла уничтожить вторичная закраска. Особенно охотно пишучъ на такихъ мѣстахъ мебели и стѣнъ, гдѣ эти надписи не скоро бросаются въ глаза, напримѣръ, на внутренней сторонѣ сидѣнія табуретки. Тамъ я прочелъ такую строчку-съ трудомъ выведенную Гришкой Хромымъ, сидѣвшимъ въ одиночкѣ «за зеленщика» въ 1897 году: «На воли я, друзья, очинь былъ мало, жисть проклятая заела». Другой арестантъ подробно извѣщаетъ о томъ, что онъ числится за судебнымъ слѣдователемъ за разгромъ чайно-колоніальной лавки...

Говоря о книгахъ, я забылъ упомянуть о перепискѣ посредствомъ книгъ, хотя въ подобной перепискѣ въ данное время надобности не встрѣчается, такъ какъ внутренняя тюремная почта усовершенствована. Переписка ведется послѣдовательнымъ зачеркиваніемъ нужныхъ буквъ на страницѣ. Тѣмъ же способомъ пишутся таинственнаго смысла посланія безъ опредѣленнаго адреса—прямо къ читателю, напримѣръ: «Читатель, не вѣрь, что убійца избѣгнетъ наказанія за свое преступленіе. Я избѣжалъ, но теперь сижу за чужое убійство. Я—Д.» (фамилія полностью).

Мнѣ подчасъ дѣлается очень досадно, что за три мѣсяца пребыванія въ тюрьмѣ я не составилъ, хотя и могъ бы, интересную коллекцію,—коллекцію надписей на книгахъ. О составленіи полной коллекціи, т. е. о занесеніи въ тетрадку всѣхъ надписей—и рѣчи быть не можетъ, какъ потому, что ими испещрены всѣ страницы, такъ особенно потому, что это, главнымъ образомъ, изысканные образчики заборной литературы, изумительные по размаху цинизма. И не эту, конечно, литературу я разумѣю, хотя не сомнѣваюсь, что для врача-психіатра она должна быть интересна чрезвычайно, такъ какъ здѣсь не простая пошлость, а болѣзненно-извращенная фантазія. И все-таки я долженъ признаться, что наиболѣе интересныя надписи принадлежатъ перу уголовныхъ, а не политиковъ. Отъ безграмотныхъ іероглифовъ уголовныхъ вѣетъ непосредственностью, а порою и глубиной мысли.

Увы! Этого матеріала у меня нѣтъ подъ рукою. Описывая мелочи жизни и малоцѣнныя наблюденія, я проморгалъ цѣлый кладъ!

Все это пришло мнѣ въ голову больше потому, что сейчасъ, взявъ новую книгу изъ библіотеки, я на внутренней сторонѣ нашелъ вкривь и вкось крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ написанное стихотвореніе, написанное несомнѣнно уголовнымъ, что вполнѣ до-

казывается третьей строфой. Я его приведу цѣликомъ и съ его орфографіей.

Сежу въ одиночки
мнѣ скучно одному,
А втотъ тюремный замокъ
нѣтъ ходу никому.
Но вотъ нежданнымъ гостѣмъ
едва настанетъ ночь
тюремное начальство
провѣрить насъ нипрочь.
по утру оченъ Рано
нашъ надзѣратель пришолъ
Сказалъ онъ тихо скромно
вставай, гулять пошолъ.
Я тутъ же всталъ, умылся
надѣлъ свои коты
на образъ помолился
и задалъ лататы.
Когда пришолъ сгулянья
кровать свою одѣлъ
рабочей каридора
за чаемъ полетѣлъ.

Но интересъ надписей не въ стихотвореніяхъ и самостоятельныхъ произведеніяхъ тюремной уголовной и политической музы, а въ маленькихъ помѣткахъ на поляхъ. Прежде всего, каждой книгѣ дается оцѣнка: «очень хорошо», «хорошая книга, кто читаетъ со вниманіемъ», —«ничего не стоитъ», «все это неправда написана» и т. д.

Въ серединѣ текста постоянно читатель-арестантъ старается пояснить мысль автора. Напримѣръ, герой романа говоритъ что-нибудь, а читатель замѣчаетъ на поляхъ: «это онъ нарочно улещиваетъ, обманетъ подлецъ». Характеристики дѣйствующихъ лицъ побуждаютъ читателей къ сравненію съ лицами живыми: «это про Ваську Калитина написано. Безпремѣнно онъ, больше некому». «Ловко отдѣлалъ», «вотъ такъ молодецъ», «дуракъ», «я бы ему двинулъ»,—такими выраженіями поощряется или порицается дѣйствующее лицо.

Но большинство ремарокъ въ текстѣ сальнаго характера: подчеркиваются и сопровождаются поясненіями такія мѣста, гдѣ самый пытливый, но не болѣзненный умъ не найдетъ ничего игриваго или вольнаго. Я не считаю умѣстнымъ приводить здѣсь примѣры, но скажу только, что даже случайно встрѣтившееся въ текстѣ слово «чулокъ» или сказанная между лицами разныхъ половъ фраза «пойдемте гулять»—способны привести въ экстазъ арестанта-эротомана. Одиночное заключеніе и отчужденность отъ общества извращаетъ природу тѣхъ, кому недоступны умственныя занятія, кто живетъ только инстинктами. Я прямо не въ состояніи понять, чѣмъ и какъ живутъ, какъ могутъ жить одиночки-неграмотные, какихъ въ тюрьмѣ очень много, до какого нравственнаго отупѣнія

должны они дойти. А нужно помнить, что по отношенію къ уголовнымъ арестантамъ режимъ въ тюрьмѣ несравненно строже, чѣмъ къ политикамъ. Съ первыми зачастую обращаются, какъ со скотами. Вѣдь въ приведенномъ стихотвореніи фраза «вставай, гулять пошолъ»—подлинное выраженіе. Но если бы только фраза! А ругань, а пинки, а карцеръ...

Сегодня читалъ я «Космополита» Поля Бурже. Одна изъ центральныхъ фигуръ—знаменитый, талантливый писатель-романистъ, эпикуреецъ, очень умный, смѣлый, живой. Вообще—фигура удачная. Надписи на книгѣ очень характерны и принадлежатъ, главнымъ образомъ, двумъ читателямъ. Одинъ—атеистъ и въ то же время дубовая голова; онъ не можетъ пропустить такого выраженія, какъ, напримѣръ, «она милосердна, какъ сто монахинь», чтобы, проглядѣвъ иронію автора, не написать сбоку: «Что за сравненіе! Какая чепуха!!»; слова «какая-нибудь компаньонка» вызываютъ его негодованіе: «Глупо! Точно не человѣкъ». Выраженіе «искренно набожная» вызываетъ ту же ремарку «глупо», слово «молитвенникъ» подчеркивается и сбоку написано: «подумаешь, какая невидаль!» Нечего и говорить, что Поля Бурже въ ханжествѣ упрекнуть трудно, а потому всѣ эти ремарки удивительно курьезны.

Второй комментаторъ романа еще интереснѣе; онъ мелкимъ почеркомъ исписалъ всѣ поля. Онъ помѣшался на томъ, что герой романа Дорсенъ—вылитый портретъ его самого, читателя-политическаго. Дорсенъ разсуждаетъ самъ съ собой,—читатель отмѣчаетъ: «моя привычка разсуждать такимъ образомъ вслухъ. Е. В.». Что бы ни дѣлалъ Дорсенъ, что бы онъ ни думалъ, что бы ни говорилъ,—читатель отмѣчаетъ на поляхъ: «моя привычка», «мнѣ это понятно», «такъ же я отношусь къ настоящему», «я бы сказалъ то же самое», «такъ и я иной разъ обращаюсь къ самому себѣ», «и я люблю эти парадоксы», «мое отношеніе къ Р.». «Увы! Когда-то и я такъ разсуждалъ съ собой». И это смѣшное «и я...» идетъ на протяженіи всей книги... Въ одномъ мѣстѣ другой читатель, очевидно, не выдержавъ, пишетъ: «Вотъ проклятый идіотъ, который портитъ книги!..» Въ увлеченіи своимъ сходствомъ съ героемъ романа Дорсеномъ этотъ «проклятый идіотъ» доходитъ до Геркулесовыхъ столбовъ. Дорсенъ называетъ своихъ знакомыхъ «актерами своей труппы». Двойникъ его пишетъ: «мое опредѣленіе». Къ Дорсену пріѣхалъ его товарищъ въ нервномъ возбужденіи. Двойникъ героя отмѣчаетъ: «Я былъ въ точно такомъ-же положеніи съ однимъ моимъ знакомымъ». Дорсенъ, вспоминая одну свѣтскую даму, ловко игравшую роль невинности, говоритъ: «Вотъ почему я не люблю театръ. Гдѣ найти такую актрису». «Идіотъ» сейчасъ же пишетъ на поляхъ: «И я, вѣроятно, потому же». Наконецъ, воспріимчивый читатель доходитъ до того, что начинаетъ прямо зачеркивать слово «онъ» и замѣнять его словомъ «я». Дальше идти, кажется, некуда...

Конецъ этого односторонняго помѣшательства на сходствѣ съ Дорсеномъ очень забавенъ. Дорсену признается въ любви одна милая дѣвушка, красавица, съ которой онъ былъ очень друженъ. Закоренѣлый холостякъ, эпикуреецъ и космополитъ, неспособный къ семейной жизни, онъ, какъ честный человѣкъ, прямо говоритъ ей, что онъ ей не пара, успокаиваетъ ее и уходитъ. Все это у него очень хорошо и искренне, но читатель—«идіотъ» крайне удивленъ. Очевидно, онъ женился бы на Альбѣ. И онъ пишетъ на поляхъ: «Вотъ тутъ-то я въ недоумѣніи! Никакъ не ожидалъ подобной развязки...» И въ концѣ книги онъ заключаетъ: «Нѣтъ, конецъ не тотъ! Онъ не понялъ стремленій Дорсена и *извратилъ* его сущность».

Дальше идутъ надписи послѣдующихъ читателей:

«Вообще глупо пачкать книги; но пачкать ихъ подобной непрошенной и безсмысленной критикой—глупо въ квадратѣ».

И надписи карандашемъ:

«Вполнѣ согласенъ».

«И я вполнѣ согласенъ».

«Согласенъ» и т. д.

Ну, право-же, это цѣлый разговоръ! Я ясно вижу передъ собой самодовольную вначалѣ и затѣмъ разочарованную физіономію двойника Дорсена и злыя, раздраженныя лица тѣхъ, кому пришлось читать вздоръ на поляхъ. Самый романъ мнѣ не очень понравился но «проклятый идіотъ» заставилъ меня похохотать всласть . . .

. . . . . .

«Извѣщаю товарищей, что въ камерѣ моей № 00 открыта библіотека. Книги можно получать во всякое время дня и ночи...» Слѣдуетъ списокъ книгъ самаго разнороднаго содержанія; нѣсколько интересныхъ партійныхъ изданій.

Оффиціальная тюремная библіотека, которою завѣдуетъ священникъ, достаточно скудна, хотя лучше, чѣмъ можно бы ожидать. Отдѣлъ соціальныхъ наукъ постоянно пополняется новыми изданіями, которыя оставляются выходящими на волю политиками. Но, конечно, не всѣмъ книгамъ удается добиться чести быть зачисленными въ тюремный каталогъ, который подлежитъ исключительной цензурѣ. Прежде прочитанныя «собственныя» книги охотно сдавались въ казенную библіотеку на общее пользованіе. Теперь заключенные стараются на ряду съ казенной заводить свою неоффиціальную библіотеку; циркуляръ вновь открытой товарищеской библіотеки я и цитировалъ выше. Здѣсь уже нѣтъ цензуры, и разъ брошюркѣ удалось проникнуть въ тюрьму,—то она ходитъ здѣсь свободно. Въ послѣднее время, въ ожиданіи грядущей Думы и амнистіи, нерѣдко проникаетъ въ тюрьму и нелегальщина.

При нѣсколько болѣе свободномъ режимѣ тюрьма легко обращается въ народный университетъ. Конечно, это болѣе примѣнимо къ тюрьмамъ пересыльнымъ, гдѣ въ общихъ камерахъ собираются

со всѣхъ концовъ Россіи соціалисты-интеллигенты, забастовщики-рабочіе, аграрники-крестьяне. Но и въ одиночкахъ есть много способовъ тѣснаго товарищескаго общенія. Нужда всему научитъ, и полутороаршинная толща стѣны не мѣшаетъ обмѣну мыслей. Отъ многихъ товарищей изъ рабочихъ я слыхалъ, что въ тюрьмѣ они получили какъ бы откровеніе; сюда они попали почти случайно, идя за болѣе сознательными; но отсюда они выйдутъ (если выйдутъ!) вполнѣ развитыми и поведутъ за собой другихъ. Здѣсь на досугѣ имъ пришлось услыхать и прочесть много такого, что открыло имъ глаза и просвѣтило ихъ умъ. И съ этой точки зрѣнія можно сказать, что правительство въ его попыткахъ искорененія крамолы тюремнымъ заключеніемъ — само роетъ себѣ яму.

Въ разсылкѣ книгъ по камерамъ принимаютъ дѣятельное участіе уголовные-рабочіе и надзиратели; даже самые упрямые и трусливые младшіе чины надзора не видятъ въ обмѣнѣ книгъ ничего предосудительнаго; тутъ ихъ попустительство достигаетъ высшей точки. Очевидно, свыше на этотъ счетъ никакихъ опредѣленныхъ инструкцій не дано. За чтеніемъ заключенные проводятъ время спокойнѣе, меньше нервничаютъ, рѣже звонятъ, не такъ усердно перестукиваются и перекликаются,—и надзору хлопотъ меньше. Я думаю, этимъ и объясняется, главнымъ образомъ, тюремное попустительство и своеобразная «свобода печати».

Какъ-то на вечернемъ дежурствѣ одинъ надзиратель просилъ у меня почитать «умную книжку». Я далъ ему тонкую популярную брошюрку на тему о народномъ представительствѣ. Передъ смѣной онъ возвратилъ ее.

— Ну, что же, какъ вамъ понравилось?

— Ничего, понравилось. Вѣрно тутъ все написано. Только вотъ читать намъ времени нѣтъ; на посту—не полагается, а дома когда-же? Придешь со службы, поужинаешь, да и спать до новой смѣны. Такъ и живемъ въ темнотѣ... Даже газеты почитать не удается. Иной разъ въ праздникъ покупаемъ, ну, событія прочтемъ,—а ужъ остальное прочесть и времени нѣтъ, да и мало понятно для насъ...

А потребность въ чтеніи есть. Даже неизмѣнно веселый и безшабашный Семеновъ, этотъ тюремный enfant terrible, и тотъ иногда пытается отдать должное литературѣ. Приноситъ онъ мнѣ однажды растрепанную, грязную книжку:

— Вотъ, пожалуйте. Это я вамъ досталъ...

— Что же это такое?

— Пѣсельникъ. Я тутъ въ кладовой нашелъ; тамъ много бумаги навалено, и книжка нашлась.

— Да мнѣ зачѣмъ-же пѣсенникъ, Семеновъ?

— А вы мнѣ почитайте! Одному-то мнѣ скучно читать.

Пѣсенникъ оказался малороссійскимъ. Я прочелъ Семенову нѣсколько стихотвореній. Онъ все время блаженно улыбался.

— Ну, хорошо? Нравится вамъ?

— Нравится.

— А понимаете что нибудь?

— Ничего я не понимаю, а складно. Вы его, пѣсенникъ этотъ себѣ возьмите.

— Да мнѣ его не нужно, Семеновъ.

— Пускай полежитъ, куда-же мнѣ его дѣть. Какъ вамъ скучно станетъ, вы и почитайте. А я вамъ въ другой разъ еще принесу; тамъ, въ кладовой, всякія бумаги есть, календарей старыхъ много, я, можетъ быть, и календарь принесу...

Право же этому курьезному парню невозможно отказать! Пусть принесетъ календарь. И календарь почитаемъ...

V.

Настроенія.

12 марта.

— А къ намъ новаго посадили, Михалъ Андреичъ!

При первой возможности отправляюсь смотрѣть «новичка».

Прежде всего смотрю черезъ глазокъ. Видно въ него плохо, такъ какъ стеклышко всегда грязное, да и смотрѣть приходится противъ свѣта. Видно—точно въ мутной водѣ плаваетъ фигура новичка.

«Новичка»... Да, мы уже стали старичками. Уже на нашихъ глазахъ родилось, созрѣло и уѣхало въ дальнее плаваніе нѣсколько поколѣній; населеніе быстро мѣняется. На дняхъ я сравнилъ списки заключенныхъ—нынѣшній съ январскимъ,—половина убыла и прибыла новая половина.

Новички всегда, когда къ нимъ ни заглянешь, стоятъ задумчиво посреди камеры,—то ли соображаютъ, то ли читаютъ надписи на стѣнахъ. Отворишь дверную форточку,—они шарахаются въ сторону, а скажешь «товарищъ»,—бросаются съ такой радостью, какая понятна только въ тюрьмѣ. Если «новичекъ»—вашъ сосѣдъ, то вы и послѣ полуночи будете слышать его шаги. Вздоховъ не услышите: камера скрадываетъ даже рыданія. А если онъ станетъ биться въ стѣну головой,—не примите это за сигналъ начать разговоръ...

Одинъ товарищъ изъ рабочихъ сидѣлъ недолго. Ему попалась газета съ знаменитымъ приказомъ Гродекова, который объявилъ заключенныхъ въ тюрьмахъ заложниками, обѣщая разстрѣливать ихъ, если будутъ покушенія на административныхъ лицъ. Фантазія, больная фантазія арестанта-одиночки, создала остальное. Вообразивъ себя такимъ заложникомъ, товарищъ забаррикадиро-

валъ дверь столомъ, табуреткой и тюфякомъ... но не защитился; его увезли въ больницу...

Одинъ изъ моихъ сосѣдей тоже давно собирается сойти съ ума, но, къ сожалѣнію, никакъ не можетъ. Это—болгаринъ С., небезызвѣстный въ печати подъ почетнымъ именемъ «виднаго авантюриста». Онъ игралъ на два лагеря и, какъ профессіональный предатель,—предавалъ революціонеровъ шпикамъ, а шпиковъ революціонерамъ. Такъ по крайней мѣрѣ о немъ говорятъ. Его поймали дружинники и хотѣли разстрѣлять, но отпустили, затѣмъ поймали свои братья-шпики и также хотѣли разстрѣлять, но онъ откупился нѣсколькими головами дружинниковъ. Сѣвъ между двумя стульями, онъ очутился между двумя револьверами. Положеніе не изъ пріятныхъ. Авантюристу нуженъ просторъ: камера душитъ его авантюру. И если онъ до сихъ поръ не сошелъ съ ума, то это только говоритъ не въ пользу болгарскаго интеллекта.

Въ тюрьмѣ есть нѣсколько «опозоренныхъ». Кромѣ болгарина и также небезызвѣстнаго «частнаго повѣреннаго», который, кажется, тщетно старается реабилитироваться, есть еще нѣсколько несчастныхъ, слабовольныхъ, запуганныхъ рабочихъ, отчасти случайныхъ, отчасти сознательныхъ предателей... Въ одномъ большомъ будущемъ процессѣ будетъ фигурировать оговоренный товарищами рабочій П. Его считали почему-то убитымъ; слухъ о его смерти былъ настолько упорнымъ, что мать отслужила по немъ панихиду. Въ дѣйствительности онъ былъ арестованъ. Когда забрали его товарищей, то они, испугавшись обвиненія (въ охранкѣ имъ, конечно, грозили разстрѣломъ), сговорились и рѣшили свалить всю отвѣтственность на «убитаго» П-ва. Слѣдователю пять человѣкъ дали подробныя и обстоятельныя показанія, изъ которыхъ можно заключить, что коноводомъ былъ П., что онъ держалъ ихъ всѣхъ въ ежовыхъ рукавицахъ, что подъ угрозой смерти, не выпуская изъ рукъ револьвера, онъ заставлялъ ихъ строить баррикады и отбирать у полиціи оружіе, что онъ самъ вершилъ судъ и расправу, чуть не самъ разстрѣливалъ и т. д. и т. д. А они, молъ, были только слѣпыми орудіями въ его рукахъ. Въ дѣйствительности онъ былъ рядовымъ среди нихъ, такихъ же рядовыхъ. Въ начальники его произвела только мнимая смерть и оговоръ товарищей.

Наступилъ день завершенія слѣдственнаго производства. Къ слѣдователю повели всѣхъ сразу, и... предатели увидали мертвеца, который давно уже былъ въ одной съ ними тюрьмѣ. Протоколы слѣдствія читались съ часу дня до 11 час. вечера. Во всѣхъ протоколахъ, среди другихъ именъ, на первомъ планѣ стояло имя П., подъ всѣми протоколами стояло имя его товарищей. Только въ одномъ протоколѣ никто не былъ названъ: этотъ протоколъ былъ подписанъ П.

— Мерзавцы вы! Негодяи! Будьте вы прокляты, окаянные! За что вы на меня наплели?..

Слѣдователь раскричался на П.:

— Какъ вы смѣете ругаться! Я васъ лишу вашего права знакомиться съ документами. И за что вы ихъ ругаете? Они показали всю правду. Это только вы запираетесь. Если бы не вы,—я давно бы слѣдствіе закончилъ.

Предатели сидѣли блѣдные, какъ смерть, и П. больше ничего имъ не прибавилъ.

Я читалъ письмо П. къ одному изъ его сосѣдей, написанное на другой день, въ которомъ онъ все это разсказываетъ. Это не письмо, это вопль отчаянія извѣрившагося и присужденнаго къ смерти человѣка... Я помню почти дословно начало этого длиннаго посланія, написаннаго малограмотнымъ крупнымъ почеркомъ:

«Дорогой NN! Вчерась вернулись мы ночью отъ слѣдователя, а я и посейчасъ сижу у стола не спавши. Всю то ночьку я проплакалъ, въ первый разъ въ жизни реву. За что они меня продали, окаянные. А я ихъ считалъ самыми лучшими товарищами. Теперь, дорогой NN, висѣть мнѣ на веревочкѣ непремѣнно»...

Все это очень тяжело... Нѣтъ ничего мудренаго, что нервы многихъ не выдерживаютъ и что фельдшеру приходится бѣгать съ пятью скляночками брому и валерьянки (двѣ панацеи тюремной аптеки) въ каждой рукѣ. О нашемъ фельдшерѣ я уже писалъ. Помню, что, сравнивая его съ Чеховскимъ фельдшеромъ, я назвалъ нашего меньшимъ поклонникомъ Бахуса. Сорокадневный опытъ инъекціи мышьяку доказалъ мнѣ, какъ жестоко я ошибался.

Бывало, сижу, пишу... Слышны быстрые, шумные шаги: фельдшеръ въ любомъ градусѣ умѣетъ ходить быстро. Надзиратель Егоровъ отворяетъ дверь и входитъ самъ въ камеру вслѣдъ за фельдшеромъ. Егоровъ смотритъ неодобрительно и даже нѣсколько презрительно, такъ какъ фельдшеръ несомнѣнно въ градусахъ и въ большихъ. Впрочемъ, водка не бываетъ ниже 40 градусовъ, а съ медицинской точки зрѣнія это опасная температура. Егоровъ заходитъ не столько выразить молчаливое неодобреніе, сколько попользоваться папироской.

— А стаканчикъ-то вашъ пустой, Михаилъ Андреичъ! Я вамъ положу папиросокъ...

Онъ охотно оказываетъ мнѣ эту мелкую услугу, беретъ съ полки коробку и туго набиваетъ мой стаканчикъ, закуриваетъ самъ и становится въ дверяхъ. Къ стаканчику тянется и фельдшеръ. Онъ сидитъ на моей кровати рядомъ со мной,—вольность, которую онъ себѣ позволяетъ только въ экстренныхъ случаяхъ.

— Хе-хе-хе... Сейчасъ я чуть не умеръ со смѣху...

— Что такое?

— Да вотъ, №00,—должно быть, писатель—такую штуку написалъ!. Замѣчательно! Пишетъ въ больницу записку: «Г-ну фельдшеру, у меня въ палатѣ на кровати... нѣтъ, какъ это онъ? Да! Въ моей палатѣ и въ моемъ халатѣ!.. и что молъ, прош-

лите мнѣ натри бромати. Ха-ха-ха!.. Да! Про клоповъ что-то: въ моей палатѣ, въ моемъ халатѣ... кажется, такъ... завелись клопати... ха-ха-ха!.. не помню хорошо, только очень складно. И, говоритъ, пришлите, мнѣ, говоритъ, натри бромати... Вѣдь вотъ какіе стихи! Должно быть писатель. Я хотѣлъ переписать, а докторъ нашъ говоритъ: «я, говоритъ, себѣ возьму». Эхъ! А надо бы переписать...

Надзиратель явно недоволенъ. Фельдшеръ видитъ это, а онъ надзирателей очень боится. Онъ дѣлаетъ серьезное лицо и вытаскиваетъ свои инструменты.

Одной и той же иголкой,—прости ему Боже,—да еще тупой, онъ готовъ перетыкать всю тюрьму. Руки у него дрожатъ, и я тоже начинаю трепетать.

— А не перепрыгнуть ли намъ черезъ одинъ день? Не вспрыснуть ли завтра?—говорю я сладкимъ голосомъ, чтобы не обидѣть его.

— Почему же-съ? Я свои обязанности знаю! Я, знаете, бывало...

Надзиратель окончательно недоволенъ и даже уходитъ, притворивъ дверь. Фельдшеръ лукаво мнѣ подмигиваетъ и начинаетъ операцію.

Широко разставивъ ноги ради лучшаго равновѣсія, онъ защипываетъ мнѣ кожу польцами, что оказывается всегда больнѣе самаго укола. Выбравъ минуту совершеннаго равновѣсія корпуса, онъ искусно всаживаетъ иголку по самый кончикъ шприца. Оттого ли, что равновѣсіе уже утрачено, или оттого, что иголка упирается въ мои бѣдныя кости, но только жидкость не идетъ.

— Что такое? Что за чортъ. Гм...

Онъ вытаскиваетъ иголку и пробуетъ шприцъ. Шприцъ дѣйствуетъ исправно: жидкость обрызгиваетъ стѣну. Я снова стараюсь подвести мину:

— А то отложимъ до завтра: кажется шприцъ испорченъ...

— Шприцъ испорченъ? Нѣтъ-съ! Шприцъ дѣйствуетъ исправно. Сейчасъ будетъ готово.

На всякій случай я стискиваю зубы и скрючиваю пальцы на ногахъ. Иголка вновь впивается, мышьякъ вновь не идетъ и вдругъ... пфф! весь мышьякъ фонтаномъ летитъ въ физіономію фельдшера... Слава Богу! Теперь я кажется свободенъ! У фельдшера ѣстъ глаза, такъ какъ въ жидкости немного карболки. Я любезно предоставляю свой платокъ вытереть глаза. Фельдшеръ долго моргаетъ, третъ, но въ заключеніе снова пробуетъ шприцъ, повернувъ его вверхъ иголкой. Струя положительно великолѣпна и попадаетъ прямо на ламповое стекло, которое даетъ трещину.

— Ничего, казенное,—успокаиваю я смущеннаго фельдшера Такъ какъ струя хороша, то операція продолжается.

— Сейчасъ прикончу,—заявляетъ мой мучитель.

— Приканчивайте!—соглашаюсь я упавшимъ голосомъ.

На этотъ разъ, установивъ равновѣсіе, фельдшеръ таращитъ глаза на то мѣсто моей руки, въ которое хочетъ меня прикончить и вдругъ, разомъ кидается, какъ лягушка на муху, одновременно щиплетъ и пронзаетъ,—и все кончено.

Успѣхъ предпріятія заставляетъ его забыть обожженные карболкой глаза, а меня—трижды пронзенный бицепсъ и разбитое ламповое стекло. Мы выкуриваемъ по папироскѣ и разстаемся. На прощанье онъ говоритъ:

— А я вспомнилъ, какъ!—Въ моей палатѣ, въ моемъ халатѣ... нѣтъ—на моей кровати... пришлите мнѣ, пожалуйста, натри бромати... ха-ха-ха... Какъ складно! Должно быть, писатель.

И выйдя за дверь и заперевъ ее автоматической ручкой, онъ пріотворяетъ дверную форточку и дополняетъ:

— Клопати! Вотъ какъ! Вспомнилъ...

---

16 марта.

У меня новая болѣзнь, довольно, впрочемъ, пріятная: спячка Виню въ этомъ весенній воздухъ. И какой пріятный сонъ! Нисколько не утомляющій, не глубокій, полный сновидѣній, которыя я сейчасъ-же забываю. Помню только, что во снѣ я всегда на волѣ.

Да. На волѣ и съ моими милыми. Потому-то и пріятно заснуть чуткимъ сномъ, чтобы каждый звукъ, доносящійся въ камеру извнѣ, создавалъ новую фантазію, чтобы шаги надзирателя, окликъ начальства, болтовня рабочихъ-арестантовъ, стукъ посуды,—вся эта привычная тюремная дневная сутолока сновидѣніемъ пересоздавалась въ звуки улицы, грохотъ экипажей или въ болтовню милой компаніи, смѣхъ дѣтей—веселыхъ, беззаботныхъ ребятишекъ...

На волѣ... Въ большой свѣтлой комнатѣ, на мягкомъ диванѣ, чтобы въ окно врывались лучи солнца, которые избѣгаютъ моей камеры... Или вечеромъ, при лампѣ съ абажуромъ, среди давно хорошо знакомыхъ и близкихъ людей, и смѣяться, смѣяться, смѣяться...

Мы и здѣсь постоянно смѣемся, но особымъ, тюремнымъ, ироническимъ смѣхомъ. Смѣемся надъ собой, надъ своимъ положеніемъ...

Разъ-два, разъ-два, разъ-два,—условный стукъ у отдушины.

— Товарищъ, слышите?

— Слышу...

— Товарищъ! Что-то скушно. Вы какъ полагаете?

— Да, знаете, какъ будто скушновато, какъ это ни странно.

— Товарищъ! Скушно, говорю я вамъ!

И ребячьими голосами мы оба тянемъ:

— Ску-у-ушно, ску-у-ушно...

— Товарищъ! А то наплевать. Пойдемте [illegible]ше гулять.

— Пойдемте. Только куда? За городъ развѣ? Не дернуть-ли въ Петровскій паркъ?

— Грязно тамъ, я сейчасъ оттуда.

— Ну, тогда лучше будемъ дома сидѣть... Вы, можетъ быть, пива хотите выпить?

— Бутылочку, пожалуй.

— Да нѣтъ пива-то, вотъ какая жалость.

— Вышло все?

— Вышло, да собственно и не было.

— Досадно. А вы замѣтили, товарищъ, какой у насъ Александрычъ смѣшной?

— А что?

— Да вотъ, отворилъ окно, выглянулъ и говоритъ: «а вѣдь хорошо на волѣ»! Насмѣшилъ меня...

— Да, смѣшной. . Ну, а вы отмѣчаете?

— Тѣ дни не отмѣчалъ, пасмурно было, а сегодня отмѣтилъ.

Мой сосѣдъ отмѣчаетъ на косякѣ окна границу солнечнаго луча. Дѣло въ томъ, что съ приближеніемъ весны заходящее солнце стало слегка-слегка касаться нашихъ оконъ. Въ камеру лучъ все еще не проникаетъ, но на нѣсколько минутъ задѣваетъ краешекъ окна. Когда въ первый разъ солнце продѣлало эту штуку, мы оба сразу замѣтили и бросились къ отдушинѣ подѣлиться новостью. Съ этого дня сосѣдъ сталъ дѣлать на косякѣ отмѣтки границы солнечнаго луча.

Занимаюсь садоводствомъ и огородничествомъ: посадилъ въ жестянкѣ изъ-подъ какао зерна бѣлой горчицы, прописанныя мнѣ отъ катарра желудка... Я бросалъ сѣмя въ добрую почву, я ждалъ обильнаго всхода. Но растутъ у меня какіе-то тонкіе волоски, худосочные и безцвѣтные... Свѣту мало, тюрьма заглушила мои посѣвы... Впрочемъ, тянется моя горчица удивительно быстро. Въ пять дней вытянулись длинные, вершка въ два стебли, съ двумя листиками на верхушкѣ. Эта тощая травка, выросшая въ тюрьмѣ, такъ настойчиво клонится къ свѣту, такъ выгибается, что мнѣ по нѣскольку разъ въ день приходится поворачивать банку, чтобы стебельки росли прямо. И едва я поверну, какъ и травка начинаетъ выпрямляться, выпрямляться, и опять нагибается въ сторону окна, опять стремится туда, гдѣ видно, если встать на столъ, колокольню Ивана Великаго, крыши домовъ и маленькій кусочекъ улицы, по которой крошечная лошадка везетъ микроскопическія санки...

---

22 марта.

Четыре дня ушелъ на борьбу изъ-за бумаги. Испортилъ себѣ нервы, добился головной боли, но добился и результата: получилъ разрѣшеніе имѣть бумаги, сколько пожелаю. Цѣлый рядъ объясне-

ній, сопровождавшійся цѣлымъ рядомъ обѣщаній, не приводили ни къ чему, и я изобрѣлъ экстренное, довольно курьезное средство: позвонилъ надзирателя и, когда тотъ отворилъ дверную форточку, я просунулъ сквозь нее голову и сказалъ, что не уйду и не дамъ запереть, пока не получу 24 листовъ бумаги. Пришелъ старшій (фельдфебель), которому я заявилъ, что если черезъ 15 минутъ бумага не будетъ у меня, въ камерѣ, то я буду кричать и стучать на весь корпусъ и подыму на ноги всю тюрьму; а такъ какъ я и эти слова уже кричалъ достаточно громко, то черезъ пять минутъ принесли бумагу не только мнѣ, но и моимъ сосѣдямъ. Итакъ, способъ найденъ. Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!..

Теперь предстоитъ «борьба» за открытыя окна. На дняхъ наши окна забили пятидюймовыми гвоздями. Очевидно,—подулъ плохой вѣтеръ изъ Петербурга... Насъ вообще стали стѣснять во всемъ: въ бумагѣ, въ вопросѣ объ окнахъ, въ прогулкѣ, въ выпискѣ продуктовъ, въ распредѣленіи ихъ между нуждающимися черезъ нашихъ неоффиціальныхъ старостъ. Начальникъ тюрьмы, согласно инструкціи, подтягиваетъ вожжи, провоцируя голодовку...

---

25 марта.

Вышли у меня папиросы. Пришлось попросить у сосѣда. Надзирателя звонить не хотѣлось, а потому, не смотря на ночное время, мы съ двухъ сторонъ возобновили работы по проложенію туннеля въ отдушинѣ—и не безъ успѣха. Папиросы удалось передать черезъ отдушину, и даже мы могли пожать другъ другу пальцы. Сосѣдъ пришелъ въ полный восторгъ! Какъ это ни смѣшно,—но впечатлѣніе въ высшей степени пріятное: сидѣть въ двухъ камерахъ, раздѣленныхъ стѣной въ полтора аршина толщины, не пропускающей ни малѣйшаго звука (если не стучать),—и все-таки нашлась таки лазейка, черезъ которую можно коснуться другъ друга. По этому поводу мы болтали и хохотали часа два. Заглянулъ было старикъ побесѣдовать, но увидавъ, что я занятъ, попросилъ покурить и ушелъ.

— Я ужъ мѣшать не буду, говорите, говорите. Такъ-то скучно сидѣть...

Онъ очень интересуется сейчасъ тюремной злобой дня—процессомъ о 103 поджогахъ Тенькина, 17-ти лѣтняго мальчишки, осужденнаго на каторгу. Пріятель и сотрудникъ этого Тенькина сидитъ недалеко отъ меня. Это бравый и красивый парень, постоянно сидитъ на площадкѣ 4 этажа, такъ какъ въ этомъ отношеніи уголовные пользуются значительной свободой. Самъ Тенькинъ въ другой тюрьмѣ. Здѣсь его, какъ предателя, непремѣнно бы убили.

---

28 марта.

Близится Дума... Большинство увѣрено, что въ первый день Думы—конецъ нашему великому сидѣнію. Сомнительно...

Интересъ къ выборной агитаціи—огромный. Кадеты прислали на имя тюремныхъ надзирателей воззванія и списки кандидатовъ: пакеты остались у начальника, который не ясно понимаетъ, въ какую же, наконецъ, сторону нужно держать носъ, чтобы держать его по вѣтру...

Поздно ночью, во второмъ часу, щелкаетъ глазокъ, и затѣмъ пріотворяется форточка и осторожно заглядываетъ ко мнѣ голова надзирателя Егорова.

— Михаилъ Андреичъ, я вижу, вы не спите; вотъ, мы сидимъ, газету читаемъ и не знаемъ, что это конституціонно-демократическая партія и партія народной свободы одна и та же?

— Да,—отвѣчаю я Егорову.

— Такъ! А вѣдь побѣдила она. Это хорошо! Вотъ жаль, намъ никакъ нельзя голоса за нее подать. Времени нѣтъ.

Послѣ 9 часовъ, когда тюрьма засыпаетъ, надзиратели, насколько это возможно, собираются кучками или парочками, попиваютъ чаекъ и почитываютъ газетку. Это — большой рискъ, но соблазнъ еще большій. Въ полной тишинѣ слышенъ разговоръ вполголоса. Иногда встрѣчается затрудненіе,—не понимаютъ чего-нибудь. Тогда каждый уходитъ въ свое крыло навести справки у свѣдущаго лица. Получивъ справку, неслышнымъ шагомъ отправляется обратно на сходку. Интересъ къ выборамъ и событіямъ страшный, даже у старыхъ тюремщиковъ. Къ движенію они относятся вполнѣ сознательно.

— Ничего, посидите, скоро выйдете. За то *не даромъ* сидите, *за народъ, за свободу*!

Интересно слышать это отъ тюремныхъ надзирателей!

Какъ-то я говорю Грушецкому:

— Вотъ, скоро, говорятъ, амнистія; опять народъ придетъ въ тюрьму.

— Это хорошо, амнистія, а только я боюсь...

— Чего?

— Уголовныхъ боюсь. Какъ начнутъ васъ выпускать,—уголовные насъ зарѣжутъ и убѣгутъ... Ужъ я рѣшилъ такъ сдѣлать: какъ только придетъ народъ,—я первый убѣгу изъ тюрьмы...

— А насъ-то какъ же бросите?

— А я васъ всѣхъ отворю, потомъ и убѣгу...

Частенько мы болтаемъ съ нимъ у форточки.

— Что, Грушецкій, хорошо бы теперь на волю?

— Охъ, вздыхаетъ онъ, хорошо бы!

Оба мы арестанты и оба мечтаемъ о волѣ,—я, запертый имъ на замокъ, и онъ, приставленный стеречь меня. Одна мечта—воля, одна надежда—выйти изъ тюрьмы какой угодно цѣной...

Однажды Грушецкій пришелъ на смѣну съ веселымъ лицомъ.

Наканунѣ у него былъ свободный день, что бываетъ разъ въ мѣсяцъ. Съ таинственнымъ видомъ онъ сообщилъ, что дѣло устроилось: онъ получилъ мѣсто швейцара и сейчасъ же подалъ прошеніе объ увольненіи.

— Къ Пасхѣ уйду!

Какой онъ счастливый, сіяющій! Такъ же буду сіять и я, когда выйду изъ тюрьмы.

Сидимъ у форточки, бесѣдуемъ объ его удачѣ. Вдругъ онъ протягиваетъ мнѣ руку, жметъ и говоритъ:

— Желаю вамъ выйти скорѣе... Спасибо вамъ!..

Онъ чувствуетъ, что перестаетъ быть тюремщикомъ, что дѣлается гражданиномъ и получаетъ этимъ право пожать руку гражданину, какъ равный. Нужно сказать, что Грушецкій всегда былъ довольно чопорнымъ солдатомъ, даже не позволялъ себѣ фамильярно называть заключенныхъ по имени и отчеству. Но инстинктъ свободы, уравнивающій людей, сказался въ тотъ моментъ, когда судьба его рѣшилась.

Я радъ за него вдвойнѣ: тюрьма оказалась для него полезной и сдѣлала изъ солдата гражданина.

Пишу,—и вдругъ страшный крикъ въ корпусѣ... Неистовые вопли, бѣготня, стукъ, возгласы «убили», «изъ пистолета убили» и т. д. Изъ всѣхъ камеръ слышны ожесточенные звонки—звоню и я. Эта проклятая дверь безъ единой щелочки...

— Вы что, г. И.?—слышу спокойный голосъ надзирателя.

— Что тамъ случилось?

— Ничего, такъ, пустяки,—сумасшедшій тамъ одинъ...

Понемногу все успокаивается. Этотъ «сумасшедшій» уже не въ первый разъ производитъ переполохъ. Помню такой же случай ночью. Но только зачѣмъ въ тюрьмѣ сидитъ сумасшедшій? Почему онъ не въ больницѣ? Какая чушь...

30 марта.

Третій день дуетъ сѣверный вѣтеръ, воетъ и гудитъ за окномъ, свиститъ въ каждой щелкѣ рамы, гуляетъ по камерѣ, словно онъ здѣсь хозяинъ. Я закрываюсь отъ него шубой, надѣваю глубокія калоши, затыкаю щели бумагой, дѣлаю изъ лучины прочный запоръ для оконной рамы, сержусь, топаю ногой, проклинаю и вьюгу, и сѣрыя кучевыя облака, и силуэты города на закатѣ солнца, и побѣду кадетовъ, и изверженіе Везувія, и сосѣда, который мелкой дробью отстукиваетъ на стѣнѣ свои думы и тревоги... Что мнѣ за дѣло до его тревогъ; что мнѣ за радость слышать, что завтра или послѣзавтра онъ уйдетъ на волю, подъ залогъ, ждать суда за небывалыя преступленія, о которыхъ самъ онъ знаетъ менѣе, чѣмъ кто-нибудь... Онъ идетъ на волю,—и пускай идетъ, но слышать объ этомъ мнѣ скучно...

Я слышалъ, какъ не далеко отъ меня гремѣлъ замокъ, какъ голосъ фельдфебеля, выкрикивая чью-то фамилію, прибавилъ два магическихъ слова «съ вещами», какъ за окномъ раздались прощальные крики товарищей... Я видѣлъ, вставъ на табуретку и прижавшись лбомъ къ стеклу, какъ кто-то, сидя въ пролеткѣ, махалъ шляпой по направленію къ нашимъ окнамъ, какъ тронулся извощикъ и какъ маленькій кусочекъ улицы у воротъ тюрьмы, видный изъ моего окна, снова опустѣлъ... На минуту въ камеру проникъ лучъ солнца которое затѣмъ скрылось за колокольней. Въ камерѣ стало темнѣе, вѣтеръ завылъ еще болѣе злобно, и отъ его порыва закачалось на стѣнѣ картонное «извлеченіе изъ правилъ для заключенныхъ»...

— Вѣдь вотъ какой свирѣпый, съ ногъ сшибаетъ, а сколько крышъ сорвалъ сегодня,—заговариваетъ надзиратель.

— Хоть бы онъ съ тюрьмы крышу снесъ!—говорю я злобно.

— Зачѣмъ же, тогда намъ хуже будетъ; ужъ и теперь продуваетъ...

Ахъ, ты, старая практическая мудрость!.. Какъ ты не хочешь понять, что меня эта крыша давитъ. Неужели ты не чувствуешь, что тотъ-же сѣверный вѣтеръ, который свиститъ въ моей камерѣ и отъ котораго такъ разболѣлась голова, — былъ бы милъ мнѣ на волѣ. Я распахнулъ бы на встрѣчу ему шубу, снялъ бы передъ нимъ шапку и позволилъ бы ему трепать мои волосы, какъ ему угодно, трепать меня всего, какъ огородное пугало. Если вѣтеръ попутный — я отдался бы ему, если вѣтеръ противный,—я пошелъ бы ему наперерѣзъ, и все таки достигъ бы того, чего мнѣ сегодня такъ страстно не достаетъ, пришелъ бы туда, гдѣ меня и ждутъ, и не ждутъ...

— Посмотрите-ка въ окно,—говоритъ сосѣдъ.

— Ну, что тамъ?

— Городъ...

— Видѣлъ, ничего хорошаго нѣтъ...

— Картинка!

— Очень глупая картинка...

— Да вы что? Эге! Можетъ быть вамъ на волю хочется?

— Хочется.

— Такъ... Вамъ, вѣроятно, хотѣлось бы, напримѣръ, сѣсть этакъ на извощика и поѣхать... колесики вертятся, пролеточка катится, гуляютъ человѣчки...

— Вотъ именно, гуляютъ человѣчки, несутъ изъ церкви свѣчки, благо сегодня Страстной четвергъ,—пытаюсь я острить и замѣчаю при этомъ, что въ послѣднее время острю тупѣе, чѣмъ было бы простительно.—А, впрочемъ, будьте здоровы, заходите какъ-нибудь, а я въ данную минуту гостей не принимаю...

— Да, пролеточка катится... Пріѣзжаете вы домой, «семья вокругъ вся соберется» и все такое...

— Слушайте, дяденька, отстаньте, подите къ чорту!..

— Да, семья вокругъ соберется, и при этомъ Христосъ Воскресъ изъ устъ польется...

— Убирайтесь къ чорту, говорю я вамъ. Я сейчасъ же задѣлаю отдушину кирпичемъ, а васъ на дуэль вызываю.

— Вы уже, кажется, Александрыча вызвали?

— Вызвалъ и убью, и васъ убью.

— И насъ убьете? Такъ-съ. А все таки на волѣ недурно... А?

— Слушайте! Сергѣй Сергѣичъ! уважаемый! исполните мою покорнѣйшую просьбу, уберитесь ко всѣмъ чертямъ! Если ужъ вамъ такъ хочется бесѣдовать, то «приходите» сегодня вечеромъ въ половинѣ десятаго. Надѣюсь быть дома и даже угощу апельсиномъ.

— Значитъ, сегодня журъ-фиксъ?

— Да, по обыкновенію...

Сосѣдъ отходитъ отъ отверстія. Злоба моя утихаетъ, сѣверный вѣтеръ свиститъ меньше... Слышно, какъ сосѣдъ напѣваетъ что-то меланхолическое...

— Эй, товарищъ, Сергѣй Сергѣичъ! подойдите, голубчикъ, на минутку по важному дѣлу.

— Иду. Слушаю, что такое?

— Вотъ какая вещь, С. С., видите ли въ чемъ дѣло, милый другъ,—растягиваю я слова.—Вотъ я васъ о чемъ хотѣлъ спросить, вы... вамъ, можетъ быть, сегодня на волю хочется?

— А ну васъ!

— Нѣтъ, серьезно, можетъ хочется? Только я васъ долженъ, голубчикъ, предупредить, что сегодня вѣтрено, простудиться можно.

— Отстаньте, ради Христа!

— Ну, не сердитесь, голубчикъ. А скажите, пожалуйста, вы сегодня вечеромъ дома будете?

— Думаю быть. Хотѣлъ идти въ театръ, да раздумалъ...

— Конечно, не стоитъ. Слышите, погода какая. А домой вы сегодня не собираетесь?

— Подите къ чорту! Нѣтъ, серьезно, убирайтесь, ну васъ...

— А то пошли бы вы домой, этакъ, знаете, семья вокругъ вся соберется...

— Я васъ убью палкой!

— Ну, зачѣмъ же палкой, голубчикъ. А впрочемъ до свиданья, до вечера...

Сегодня безумно хочется на волю... Никогда еще стѣны не давили такъ мозгъ, никогда еще мечты не были такъ страстны и надежды такъ отчаянны. Я—невѣрующій и религіи не имѣю. Но традиціи всегда живы, и страстная и пасхальная недѣли для меня невольно выдѣляются изъ остальныхъ пятидесяти недѣль года. Страстная недѣля приводитъ мнѣ на память гимназическіе годы; подробности давно забыты, но не забыто это особое предпраздничное весеннее настроеніе, не забыта красота великопостнаго пѣнія, «разбойника», «чертога», молитва Ефрема Сирина, путешествіе изъ

церкви со свѣчами домой,—со свѣчами, на которыхъ шариками велся счетъ двѣнадцати евангелій. А этотъ пасхальный перезвонъ, который такъ же нравится сначала, какъ надоѣдаетъ потомъ... Все это много разъ переживалось и не можетъ изгладиться изъ памяти.

И все это такъ чуждо тюрьмѣ! Здѣсь жизнь идетъ ровно, одинаково, безъ малѣйшаго уклоненія, и будни ничѣмъ не отличаются отъ праздниковъ. Говорятъ, въ прежнее время уголовные устраивали иллюминацію на дворѣ и даже въ одиночномъ корпусѣ. Развѣшивались и зажигались цвѣтные фонарики, стаканчики, позволяли одиночкамъ выходить, здороваться, поздравлять другъ друга. Теперь, кажется, все это уничтожено, и христіанскій праздникъ не нарушаетъ теченія тюремной жизни, сѣрой и однообразной, какъ арестантское платье.

Потому душа просится на волю, что тамъ теперь жизнь кипитъ ключемъ, всѣ оживлены, всѣ одѣваются и мыслятъ по праздничному. И въ общественномъ движеніи оживленіе; всѣ увлечены выборами, подсчитываютъ побѣды, дѣлятъ шкуру неубитаго медвѣдя, восхваляютъ свои подвиги. И хочется выйти и сказать этимъ торжествующимъ: «Полно, ваша ли это побѣда, вы ли подняли Россію? Кто далъ право вамъ, умѣреннымъ, серединникамъ, постепеновцамъ, называть себя провозвѣстниками и защитниками народной свободы? Не есть ли вы безжизненный центръ, сдѣлавшійся лѣвой на безрыбьи? Не подадитесь ли вы вправо, когда вернутся изъ тюрьмы и ссылки настоящіе народоборцы и попросятъ васъ очистить ихъ мѣста на лѣвыхъ скамьяхъ, мѣста, принадлежащія имъ по праву? Гдѣ были вы, когда они шли подъ выстрѣлы?»

Потому хочется на волю, что тамъ осталось все, что наполняло жизнь, ради чего стоитъ жить, тамъ остались всѣ, съ кѣмъ дѣлились большія надежды, маленькія удачи и грандіозныя пораженія; съ кѣмъ лучше вѣчно ссориться, чѣмъ быть часъ въ разлукѣ...

Но, главное, потому хочется на волю, что тамъ весна,—а здѣсь сѣверный вѣтеръ, что тамъ и этотъ вѣтеръ свободенъ,— а здѣсь онъ смѣшанъ съ тюремной атмосферой и врывается не широкой порывистой волной, а по іезуитски, сквозь оконную щелку, острый и пронизывающій, ядовитый и злобный...

Въ сокровенномъ уголкѣ души есть маленькая-маленькая клѣточка, а въ ней крошечная, микроскопическая надежда на скорую свободу. Ничтожная, какъ маковое зернышко, она не пускаетъ ростковъ,—и хорошо дѣлаетъ, такъ какъ разсудокъ мигомъ заглушилъ бы ее. Но она есть, не буду скрывать. Она должна быть, иначе было бы скучно.

А скука въ тюрьмѣ—излишняя роскошь, которая рискуетъ перейти въ расточительность,—въ тоску, въ отчаяніе, въ болѣзнь. А потому будемъ лучше беречь и охранять отъ постороннихъ глазъ эту маленькую надежду, вѣдь она никому не мѣшаетъ...

---

10 апрѣля.

Въ тюрьмѣ мертвая и чуткая тишина. Въ это время, подъ вечеръ, населеніе одиночекъ обычно собиралось у оконъ, шли нескончаемые митинги, причемъ ораторъ не видѣлъ оратора, не видѣлъ ничего, кромѣ крышъ столицы и скучающаго привратника; наскучивъ рѣчами—пѣли и соло, и хоромъ... Но сегодня молчанье, окна забиты гвоздями; политическая тюрьма голодаетъ...

Что можетъ быть ужаснѣе и безсмысленнѣе этой формы протеста;—и однако, она неизбѣжна, такъ какъ единственно доступна. Чѣмъ больше отвѣтить на дикое нападеніе на одиночныхъ двухъ ротъ солдатъ, подъ предводительствомъ начальника тюрьмы? Чѣмъ отвѣтить на эту безсмыслицу, какъ не еще большей безсмыслицей?

Сколько тяжелыхъ сценъ было вчера. Въ каждую камеру вваливалось 4—5 солдатъ со штыками, за дверями стоялъ еще десятокъ, офицеръ, начальникъ, надзиратели; плотникъ забивалъ окно а къ заключенному рѣшался подойти кажется только одинъ Иванъ Петровичъ, который всѣмъ этимъ очень разстроенъ. Въ нѣкоторыхъ камерахъ была свалка. Нашего кроткаго и милаго Александрыча, моего партнера по игрѣ въ шахматы по стуку, держали четверо солдатъ, уложивъ его на койку, а онъ вырывался и бросался чѣмъ попало, стараясь расшибить окно; съ нимъ сдѣлалась истерика, онъ страшно кричалъ и проклиналъ всѣхъ. Я припомнилъ его рѣчь на послѣднемъ тюремномъ «митингѣ», когда онъ горячо протестовалъ противъ голодовки и предлагалъ активную борьбу. Съ послѣднимъ словомъ его рѣчи слился звонъ стеколъ разбитыхъ ударомъ его кулака... Сегодня такой звонъ слышался все утро,—ни одно окно не осталось цѣлымъ. Затѣмъ все смолкло... Тюрьма единодушно голодаетъ...

Нервы напряжены... какъ мы ненавидимъ и какъ мы... безсильны. . . . . .

. . . . . .

Но во всемъ бываетъ смѣшная сторона.

Солдаты, которыхъ приставили къ нашимъ камерамъ, оказались милѣйшими ребятами. Сначала они ежесекундно заглядывали въ глазокъ, показывая другъ другу каждый своего звѣря. Прямо покою не было! Стоитъ двинуть рукой—пріотворяется форточка... Имъ было приказано с..ѣдить строжайше. Наконецъ, мнѣ надоѣло, и я сталъ шагать по комнатѣ; вижу—смотритъ въ глазокъ солдатъ, и я подошелъ въ упоръ и приставилъ глазъ.

— Что, говорю, видалъ звѣря заморскаго?

— Чево?

— А то, говорю, что надоѣлъ ты мнѣ! Чего зря щелкаешь задвижкой?

Солдатъ помолчалъ, но все смотритъ. Потомъ отворилъ форточку и спрашиваетъ тихонько:

— Ходишь все?

— Хожу. А ты смотришь все? Какого полка?

— Астраханскаго.

— А какой губерніи?

— Разныхъ мы. Есть курскіе, есть калужскіе...

Къ форточкѣ подошли еще двое, потомъ еще; всѣ съ ружьями и смотрятъ любопытными, круглыми глазами. Ужасно смѣшные.

— А что, говорю, вамъ на посту покурить нельзя? Хотите папироску?

Одинъ взялъ, но сказалъ, что выкуритъ потомъ. Другой попросилъ у меня разокъ затянуться, третій спрашиваетъ:

— А что, тутъ все забастовщики?

— Всякіе, говорю, тутъ есть.

— А ты давно сидишь?

— Четвертый мѣсяцъ.

— А еще долго просидишь?

— Не знаю, можетъ долго, можетъ нѣтъ.

— Вишь ты! Скучно, вѣрно, одному-то? Добро бы хоть двое было...

— Скучно, говорю. По женѣ да по роднымъ скучаю.

Понемножку разговорились, хотя они очень кого-то боялись; впослѣдствіи оказалось, что нашего надзирателя. Я ихъ успокоилъ на его счетъ и сталъ имъ разсказывать, за что мы всѣ сидимъ, кто мы такіе и т. д. Они слушали съ громаднымъ интересомъ. Меня они почему-то сочли за «самаго главнаго»; я слышалъ, какъ мой часовой съ гордостью говорилъ: «тутъ у нихъ самый главный ихъ начальникъ сидитъ». Впрочемъ, другой увѣрялъ, что я похожъ на бабу,—«очень долговолосый». Интересно, что почти всѣ мы занимались въ этотъ вечеръ «пропагандой въ войскахъ», и солдаты были очень довольны. Мы угостили ихъ ветчиной, яйцами, куличами. Къ ночи ихъ увели, о чемъ я искренно пожалѣлъ. Если бы солдаты пробыли у насъ дня два—три, они вернулись бы въ казармы иными. Почва—благодатная, черноземная.

---

26 апрѣля.

Что день грядущій намъ готовитъ?..

Завтра открывается Дума. Увѣренность въ близкой свободѣ, въ общей амнистіи, настолько сильна, что многіе укладываютъ вещи, чтобы быть наготовѣ. Въ тюремной конторѣ сегодня подвели даже итоги въ нашихъ расходныхъ книжкахъ. Надзиратели сегодня позволяютъ одиночкамъ, возвращающимся съ прогулки, бродить по тюрьмѣ по полчаса. Нашъ новый надзиратель, назначенный на мѣсто счастливца-Грушецкаго, выпросилъ у меня спальныя туфли.

— Вамъ, г. О., все равно ужъ не понадобятся, завтра всѣ

выйдете. А мнѣ онѣ пригодятся ночью дежурить; въ валенкахъ теперь жарко...

А я, скептикъ, не вѣрю въ свободу, и фраза надзирателя невольно напоминаетъ мнѣ другую фразу, сказанную при другихъ обстоятельствахъ. Когда одного изъ товарищей по заключенію, студента-фабриканта Ш., послѣ допроса подъ угрозой смерти, вывели на дворъ, гдѣ на его глазахъ разстрѣляли двоихъ рабочихъ, то солдаты говорили Ш.:

— Подари сапоги! Тебѣ все равно больше не понадобятся.

---

1 мая.

Итакъ, заготовимъ новый календарь... на сколько мѣсяцевъ? О, нѣтъ, я теперь уже не такъ наивенъ! Есть прекрасной системы передвижной календарь, такъ называемый вѣчный... Устройство его нѣсколько сложно, но у меня много свободнаго времени впереди...

Да здравствуетъ 1 мая! Запасемся терпѣніемъ, товарищи!

Еще поживемъ, еще поспоримъ. Еще много, много разъ посидимъ въ тюрьмѣ...

М. Осоргинъ.

СОЛОМОНОВО РѢШЕНІЕ.

Разсказъ.

На овечьей ярмаркѣ ходили въ толпѣ и жарко о чемъ-то бесѣдовали другъ съ другомъ два молодыхъ бѣлокурыхъ священника; они ловко подхватывали на ходу полы своихъ сиреневыхъ рясъ между кривыми рядами связанныхъ, жалобно блеявшихъ и сучившихъ хвостами овецъ и круторогихъ барановъ, солидно дремавшихъ на припекѣ, и, казалось, чего-то искали, охваченные важной заботой. Одна баба, прислушавшись къ ихъ разговору, шепнула своему мужу:

— Съ ноздрей ищутъ...

— Съ ноздрей?..—переспросилъ мужикъ и, что-то быстро сообразивъ, догналъ попиковъ и, кланяясь, скороговоркой выпалилъ:

— Отцы духовные! Вамъ съ ноздрей требуется? Есть такая... у мово тестя Ефима Митрича... овца-то... Жеребенокъ ее лѣтомъ укусилъ въ самую морду,—такъ ноздря-то у нея, почитай, во всю щеку...

Батюшки на мигъ остановились, переглянулись, улыбнулись и сказали:

— Никакой овцы намъ не надо.

— Какъ же такъ? А моя баба....

Мужикъ остановился, почесывая въ затылкѣ, а батюшки, вернувшись къ прерванной бесѣдѣ, опять то и дѣло повторяли воодушевленно:

— Назрѣло...

— Да, да, назрѣло!...

Вдругъ они ускорили шаги, замѣтивъ впереди себя духовную особу, высокую и плотную, съ длинными рыжими волосами, ярко развѣвавшимися по широкой спинѣ, подъ черной, широкополой шляпой. Почтенная особа эта, опасливо оглядываясь и явно поспѣшая, быстро удалялась къ чугунной

оградѣ, окаймлявшей своими безчисленными крестиками низко вросшую въ землю старинную каменную церковь. А тамъ—попики знали это—около пахнувшей махоркою и мокрыми голенищами церковной сторожки, въ тѣни, подъ дырявымъ навѣсомъ, стояла телѣжка на желѣзномъ ходу, съ некрашеными дрожинами, рыжей жеребой кобылой, жевавшей свѣжую траву, и подросткомъ кучеромъ, тоже жевавшимъ калачъ-папушникъ въ ожиданіи хозяина. Послѣдній уже торопливо занесъ ногу въ телѣжку и, грузно сѣвъ, крикнулъ: „Скорѣе, Мотька!", какъ молодые отцы подбѣжали легкой рысцой и, ухватившись руками за кузовъ, завопили:

— Отецъ благочинный!.. На минуту!.. Дѣло!..

— Ка-кое?—утомленно спросилъ благочинный.

Пойманный въ собственной телѣжкѣ, онъ теперь съ трудомъ сдерживалъ гнѣвъ на неповоротливаго Мотьку, который пропустилъ удобный моментъ подвязать подпругу, взять возжи и зачмокать на лошадь.

— Жара-то какая, а вы—дѣло... Ну, что тамъ?

— Да все о томъ же,—отвѣтили попики:—помните, о чемъ на этотъ же самомъ мѣстѣ въ позапрошлый четвергъ говорили? Вѣдь назрѣло, о. благочинный!..

Отецъ благочинный помнилъ... Тогда онъ точно такъ же былъ застигнутъ тѣмъ же о. Петромъ изъ Конобѣева и о. Павломъ изъ Конотопова, которые добрыхъ два часа тревожили его своими пустыми разговорами и неосмысленными проектами насчетъ религіозно-нравственно-экономически-политическаго положенія духовенства. Предвидя и теперь повтореніе того же истязанія, онъ раздраженно буркнулъ:

— Да ужъ я сказалъ: назначу... И назначу!

— Когда?

— Ну, тамъ, послѣ Казанской... Какъ-нибудь...

— Нѣтъ, о. благочинный... Это невозможно! Такъ долго мы ждать не согласны...

— Вы... то есть, кто же это?

— Мы всѣ... все благочиніе... Полгода ждали и ужъ устали... Терпѣніе истощилось... Мы, наконецъ, *требуемъ*!..— Они подчеркнули это слово.—Въ ближайшее воскресенье, отецъ благочинный, въ ближайшее! Положительно назрѣло... Множество важнѣйшихъ вопросовъ!

— Назрѣло!..—брезгливо произнесъ благочинный и, зажавъ однимъ перстомъ правую ноздрю, высморкался по-русски...

Тогда оба бѣлокурыхъ попика вдругъ поблѣднѣли отъ обиды и запальчиво выговорили:

— Вы все еще скоморошествуете, о. Тарасій, своей филологіей?

Уличенный въ некорректности, благочинный вылѣзъ изъ телѣжки и сталъ переминаться съ ноги на ногу, какъ слонъ.

— Да я ничего, господа... Что-жъ! Въ воскресенье, такъ въ воскресенье... Только сегодня вѣдь пятница,—не успѣть въ одинъ день разослать повѣстки.

— Мы вамъ поможемъ.

— Тоже помогальщики!.. Вертки вы только на ноги да на языкъ... Аяксы!

— Тамъ увидимъ, отецъ Громовержецъ,—пошутили въ тонъ отецъ Петръ и отецъ Павелъ.

— Вонъ о. Евгеній уѣхалъ къ брату на свадьбу, и окна закрыты на глухо,—указалъ благочинный на поповъ домъ съ закрытыми ставнями.—Гдѣ же повѣстки писать будемъ?

— А въ сторожкѣ?—предложили Аяксы.

— Да вѣдь тамъ ни пера, ни бумаги...

— Раздобудемъ!—сказалъ о. Петръ и побѣжалъ немедленно въ лавку, гдѣ разорился на три копѣйки и купилъ шесть листовъ сѣрой бумаги.

Вошли въ сторожку. Благочинный сѣлъ въ передній уголъ; Аяксы муслили бумагу въ сгибѣ и, отрывая, писали, а благочинный, по мѣрѣ написанія повѣстокъ, подписывался: „Свящ. Тарасій Неопалимскій“.

Всѣ тринадцать іереевъ восьмого благочинія Попрошайскаго уѣзда, съ дьяконами и дьячками, приглашались въ село Конобѣево къ о. Петру на собраніе, для рѣшенія „назрѣвшихъ“ нуждъ духовенства. Черезъ часъ всѣ трое вышли въ одно время изъ сторожки; благочинный распрощался и уѣхалъ.

Аяксы же съ треугольными пакетиками пошли опять по базару искать мужиковъ сосѣднихъ селъ, чтобы черезъ нихъ вручить повѣстки ихъ отцамъ духовнымъ.

Въ назначенный день къ селу Конобѣеву тянулись экипажи съ духовными особами. Изъ матушекъ прибыла одна только жена о. Павла, для содѣйствія женѣ о. Петра въ разливаньѣ чая на „такую ораву“.

Въ тотъ день обѣдня по округѣ вездѣ была „по-рану“,—каждому батюшкѣ хотѣлось поспѣть къ домашнему обѣду и послѣобѣденному „отдохновенію“, а къ тому же и въ собраніи быть со свѣжей головой.

Дьячки тоже приглашены были въ собраніе „изъ чести“; имъ даже льстили перспективой равнаго голоса (незамѣтно выставлялось, впрочемъ, условіе, чтобы дьячекъ „подвезъ“ на своей лошади попа); но лукавые дьячки, въ большинствѣ,

уклонились отъ этой чести, говоря: „Зачѣмъ намъ! Вотъ кабы въ дѣлежкѣ равенство да въ поляхъ“...

Изъ дьяконовъ явилось только двое. Пріѣзжіе размѣщались по дворамъ соотвѣтственно своему званію—попы подвертывали къ попу, дьяконы къ дьякону, псаломщики къ своему брату Исакію, и только псаломщикъ Обудѣевъ, товарищъ о. Петра по семинаріи, смѣло занялъ мѣсто въ поповомъ домѣ.

Къ часу дня всѣ священники расхаживали въ залѣ или сидѣли парами по возрастамъ—старые съ стариками, молодые своей компаніей. Дьяконъ Эрастъ изъ Мымрина терся около круглой, желѣзной печи, охлаждая объ нее свою спину и повертывая голову то въ одну, то въ другую сторону, смотря по тому, откуда шла громкая фраза, привлекавшая общее вниманіе. Два старыхъ псаломщика, Игнатычъ и Егорычъ, высокіе, тощіе и лысые, однообразно подпоясанные спеціально стародьяческими широкими вышитыми поясами, вытянулись у косяковъ входной двери, какъ судебные пристава, въ готовности побѣжать, поднять, услужить или дать кому пинка, если прикажутъ. А дьячекъ Обудѣевъ, занимавшій мѣсто дьячка лишь въ качествѣ временнаго обсерваціоннаго пункта, съ котораго легче высмотрѣть хорошую невѣсту и доходный приходъ,—вертѣлся все время по сосѣдству въ столовой, обучая молодыхъ попадеекъ игрѣ „въ черви“ и выслушивая отъ нихъ похвалы разнымъ невѣстамъ изъ хорошихъ, т. е. родственныхъ имъ семей.

О. Петръ и о. Павелъ ходили изъ угла въ уголъ, усиленно занимаясь предварительной агитаціей; въ рукахъ у нихъ были листы бумаги, куда они вносили вопросы, подлежащіе обсужденію собранія. То одинъ, то другой потихоньку спрашивалъ:

— А у васъ что,—назрѣло?

Большинство отшучивалось:

— Назрѣть-то назрѣло, да не оформилось.

Псаломщики, между прочимъ, говорили:—нельзя ли молъ, всѣхъ псаломщическихъ дѣтей содержать на казенный счетъ? Иначе „по нынѣшнимъ временамъ“—петля... Занесли и этотъ вопросъ.

Дьяконъ Эрастъ, съ своей стороны, заявилъ:

— Нельзя ли обхлопотать намъ какой-нибудь значекъ дьяконскаго преимущества, въ соотвѣтствіе съ пастырскимъ крестомъ? А то попы получили, а дьяконы—ничего... Между тѣмъ, изъ научныхъ работъ профессоровъ духовныхъ академій явствуетъ, что во времена оны давали камилавки не только попамъ, но и дьяконамъ, и даже дьячкамъ.

— Вотъ какъ!—возликовали дьячки.—Къ этому предмету и мы присоединяемся...

Выслушавъ причтъ, Аяксы пошли въ столовую совѣщаться, какъ формулировать дьяконское заявленіе.

— Образокъ, что-ли, имъ какой? А? — мыслилъ вслухъ о. Павелъ.—Какого-бы святого?

— Архидіакона Стефана, — рѣшилъ о. Петръ. — Такъ и запишемъ.

— И у меня, отцы, вопросъ,—заявилъ Обудѣевъ.

— Пожалуйста.

— Безусловно важный... для кончалыхъ... Бюро-бы духовныхъ невѣстъ учредить.

Аяксы разсердились и, по старому товариществу, обозвали его дуракомъ. Обудѣевъ безобидно разсмѣялся и, сдавая карты, пустилъ имъ въ догонку:

— Кадеты... предсоборные...

Подготовительная работа была кончена. Среди залы стоялъ столъ, а на немъ лежало нѣсколько чистыхъ листовъ бумаги, съ полдюжины очиненныхъ карандашей и двѣ чернильницы съ ручками. Но собраніе не открывалось, потому что благочинный все еще не являлся.

— Ужъ пріѣдетъ-ли?

— Какъ же? Самъ назначилъ... Видно поздно обѣдню служилъ.

— Ну!—махнулъ рукой псаломщикъ Игнатычъ, смѣясь:— Къ восьми часамъ у нихъ и ладономъ не пахло. Проѣзжалъ я мимо... Знаю... Что-нибудь другое!

— Спать любитъ о. Тарасій... Ухъ, и лютъ же по этой части,—сказалъ одинъ изъ поповъ.

— Но главное, медлителенъ, — прибавилъ другой. — Пожаръ у нихъ въ селѣ былъ въ третьемъ году, такъ о. Тарасій кричалъ всѣмъ: „Не торопитесь, поспѣете“...

— А не начать-ли безъ него собраніе? — предложилъ кто-то.

— Что въ самомъ дѣлѣ? Надо ему хоть разъ показать...

— Давайте о. Авраамія въ предсѣдатели...

На это самый старый священникъ съ севастопольскимъ крестомъ на груди зашамкалъ, отбиваясь обѣими руками:

— Спаси Господи и помилуй! Куда мнѣ? Нѣтъ, нѣтъ... Я лучше уѣду.—И онъ сдѣлалъ движеніе къ выходу, но его удержали.

Дьяконъ Эрастъ вдругъ сказалъ разсудительно:

— Безъ благочиннаго нельзя.

И въ эту минуту послышался стукъ колесъ подъ окнами. Многіе выбѣжали встрѣчать благочиннаго.

— Подымать пошли, — съязвилъ одинъ попъ по ихъ адресу.

— Раболѣпіе...—подтвердилъ совсѣмъ молодой безусый попикъ и сконфузился.

Благочинный, войдя, истово перекрестился и облобызался со всѣми священниками, а дьяконамъ и дьячкамъ протянулъ длань для лобзанія, что тѣ и сдѣлали,—дьяконы со страхомъ, а дьячки съ трепетомъ, отвѣшивая поясные поклоны.

— А ужъ мы хотѣли по домамъ разъѣзжаться, — замѣтилъ вновь прибывшему отецъ Гервасій.

— Куда торопиться?—спокойно отвѣтилъ о. Тарасій.— Успѣемъ... Ну, что же, начнемъ, благословясь, — и онъ запѣлъ „Царю Небесный". Всѣ встали и присоединили свои голоса. Затѣмъ въ предсѣдатели единогласно избрали того же о. Тарасія Неопалимскаго, а двухъ Аяксовъ просили быть секретарями. Президіумъ усѣлся за столъ, всѣ прочіе размѣстились по стульямъ и задымили папиросами. Два тощихъ дьячка съ скрещенными на груди руками стояли по-прежнему у косяковъ двери; имъ предлагали сѣсть на скамью, но они смиренно отзывались:

— Постоимъ... Наше дѣло телячье...

— Прочтите, о. секретарь, въ чемъ наши дѣла заключаются,—провозгласилъ предсѣдатель.

— Вопросы, подлежащіе настоящему собранію, — читалъ о. Павелъ,—таковы:

1) объ уничтоженіи латинскаго и греческаго языковъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ,

2) объ упраздненіи должности надзирателей за учениками,

3) объ измѣненіи системы церковнаго судопроизводства,

4) о выборномъ началѣ церковной іерархіи,

5) о поднятіи авторитета духовенства,

6) о матеріальномъ обезпеченіи его же,

7) объ іерейскомъ второбрачіи,

8) объ участіи мірянъ въ церковной жизни,

9) объ участіи духовенства въ политической жизни страны,

10)...

— О, Господи! И еще есть? — перебилъ предсѣдатель утомленно.

— Есть, — отвѣтилъ секретарь, — всего двадцать два пункта.

— Эко напрѣло! Тьма...

— Вольно же было не назначать собранія раньше, вотъ и подогнали все къ одному дню. Придется попотѣть.

— Неужто думаете все сейчасъ? И прочитаннаго довольно!

— За глаза...—подтверждали старики.

— Въ какомъ же порядкѣ разбирать?

— По моему,—отозвался предсѣдатель,—надо съ корня.

— Правильно.

— Но въ чемъ же, братія, корень?

— Да—въ самомъ дѣлѣ... Въ чемъ главное наше неустройство?

— Открыть бы только корень, а тамъ такъ и пойдемъ...

— Ну, такъ прошу высказаться, отцы...

— По моему,—началъ одинъ священникъ небогатаго прихода, но съ большой семьей,—главная причина — необезпеченность духовенства, которое всецѣло зависитъ отъ прихожанъ. Нужно жалованье.

— Да вѣдь ты получаешь, о. Маркъ?

— А много-ли? Надо бы вдвое!

— Уравнять бы сначала всѣхъ, во всѣ бы приходы жалованье назначить,—вмѣшался священникъ безъ жалованья.— А то однимъ даютъ, а другимъ—не прогнѣвайтесь.

— А гдѣ такую уйму денегъ взять? Никакое государство не выдержитъ,—возразилъ благочинный.—Даже и Америка, если хотите, къ примѣру...

— А по моему, главное зло въ томъ, что у насъ нѣтъ выборнаго начала,—сказалъ о. Павелъ.—Напримѣръ, благочинный... Я не объ отцѣ Тарасіи говорю, а вообще... Почему онъ по назначенію? Почему не выборный?

— Хм...—засмѣялся предсѣдатель: — Не нашего ума это дѣло...

— А надо, чтобы это дѣло наше было!

— И опять-таки, отцы, главный нашъ грѣхъ въ отсутствіи надлежаще поставленнаго образованія! — важно вмѣшался о. Филиппъ, изъ студентовъ семинаріи.

— Совершенно вѣрно, подтвердилъ тоненькимъ голоскомъ молодой священникъ,—и потому слѣдовало бы намъ завести библіотеку, да не кой-какую, а настоящую... чтобы тамъ и Спенсеръ былъ, и Дарвинъ, и Марксъ... Вотъ съ этого бы и начать...

— Все это господа, чепуха,—возразилъ о. Гервасій Кедроливанскій, живописно поднявшись среди комнаты и жестикулируя.—Учиться ужъ поздно, читать некогда да и безполезно, подъ черепомъ-то ужъ не мозги, а опилки. А я скажу: главный непорядокъ нашей жизни заключается въ наградахъ.

— Какъ?—изумились многіе столь неожиданному обороту мысли.

— Ваше соображеніе не вставлено въ реестръ, — замѣтилъ о. Петръ.

— Что же изъ того? Я предлагаю вставить и хочу доказать свое положеніе.

Благочинный, сообразивъ, что поднятый вопросъ меньшей остроты, чѣмъ выборное начало и все прочее вплоть до политической роли духовенства, сказалъ:

— Пожалуйста, развивайте вашу идею, о. Гервасій!..

О. Гервасій принялъ подобающую ораторскую позу и продолжалъ:

— Награды—великое зло въ человѣческой жизни вообще а въ пастырской наипаче. И въ педагогическомъ дѣлѣ онѣ выброшены въ нормальныхъ школахъ... читалъ объ этомъ недавно. Да, награды поселяютъ въ сердцахъ зависть и тѣмъ разобщаютъ духовенство, заставляютъ его подлаживаться къ начальству, проникаться духомъ низкопоклонства и раболѣпія; онѣ вносятъ невѣжество, ибо кто почтенъ, тотъ славенъ и уменъ. Къ чему тогда быть образованнымъ и украшать свой умъ науками, а сердце добродѣтелями, когда сунулъ взятку и очутился вверху всѣхъ и даже на головахъ всякихъ умниковъ?

— Вѣрно!—подтверждали многіе.—Вѣрно!

О. Гервасій еще больше воодушевился, ибо это было самое больное мѣсто въ его душѣ... Въ началѣ службы по части наградъ ему везло. На первомъ же году онъ словилъ какимъ-то чудомъ набедренникъ, потомъ по два года кряду два благословенія святѣйшаго синода, одно съ грамотой, другое безъ оной. Къ двадцати пяти годамъ онъ носилъ уже фіолетовую скуфью, а еще черезъ семь-восемь лѣтъ и камилавку...

Думалъ о. Гервасій, что и впредь дѣло такъ же гладко пойдетъ, но вдругъ оборвалось. Прошло десять лѣтъ послѣ камилавки, надо бы уже крестъ наперстный получить, а его нѣтъ, какъ нѣтъ! Глядишь, еще пять лѣтъ промелькнуло, а о наградахъ все ни слуху, ни духу... Товарищи, которыхъ о. Гервасій опережалъ въ молодости, теперь давно всѣ обогнали его и начали зазнаваться. Обидно!.. По началу о. Гервасій думалъ, что причина сидитъ въ благочинномъ, и, стараясь устранить оную, по два года передъ сроками наградныхъ представленій неупустительно презентовалъ о. Тарасію по парѣ живыхъ индюковъ на племя, но толку отъ этого никакого не было, и въ послѣдній разъ, принимая третью пару индюковъ, благочинный даже сказалъ, вздохнувши: „Напрасно!“ Совѣстливость о. Тарасія простерлась до того, что онъ отдарилъ о. Гервасія парой утокъ...

— Мѣшаетъ тамъ кто-то вамъ, — промолвилъ при этомъ благочинный.

И только тутъ осѣнило о. Гервасія прозрѣніе... Онъ вспомнилъ, какъ ровно 12 лѣтъ назадъ у него произошла небольшая стычка съ консисторскимъ протоіереемъ... Онъ давно забылъ о ней, но *тамъ* обида, очевидно, не была забыта!

И чувство, такъ давно зароненное въ душу о. Гервасія консисторской несправедливостью, диктовало ему теперь въ собраніи сослуживцевъ вдохновенную рѣчь, которая во многихъ сердцахъ нашла горячій откликъ.

— Итакъ,—заключилъ о. Гервасій, дѣлая энергическій жестъ,—надо совсѣмъ отказаться отъ всякихъ наградъ. Къ чему онѣ духовному лицу, служителю престола Божія, вѣчной правды? Награды нужны для міра, для видимости, для почета, суетности. Но Богъ знаетъ... Награды будутъ на небесахъ... На землѣ для Божьяго дѣла не нужны поощренія человѣческія... Когда бы, дѣйствительно, Господь давалъ эти награды.. А то, вѣдь, человѣки... да и какіе?.. Консисторскія крысы... И за что? За мзду!..

— Правильно!!!

— Когда же, братія, не будетъ наградъ, и мы будемъ всѣ равны, тогда исторгнутся изъ сердца нашего зависть и лукавство, водворится въ немъ одно доброжелательство взаимное, и на почвѣ равенства поживемъ добре и благочестно, мирно, вкупѣ, въ благомъ единеніи всѣхъ, во единомъ общемъ упованіи награды отъ Отца Небеснаго.

— Правда! Правда!—загудѣли кругомъ священники, а псаломщики съ дьяконами, обреченные на вѣчную безнаградность, того пуще...

Долго не смолкали бурные аплодисменты... Ораторъ же, еще больше воодушевленный ими, громко и запальчиво возгласилъ:

— Отцы и братія! Откажемся отъ наградъ, какъ отъ зла, какъ отъ грѣха, и положимъ начало новому доброму житію!

— Положимъ!—ревѣла толпа.

— Составимъ мотивированное постановленіе и пошлемъ владыкѣ!

Толпа захвачена была о. Гервасіемъ, а самъ онъ—толпою...

Когда онъ началъ говорить, онъ совсѣмъ не предполагалъ, что придетъ къ такому концу...

Наступила пауза. Кто-то вздохнулъ неожиданно для себя, не то прощаясь на вѣкъ съ орденомъ, не то каясь въ неправедно стяжанной камилавкѣ...

— А не нагоритъ-ли намъ за это?—вдругъ послышалось изъ угла подъ образами.

— Ну!—отвѣчали съ противоположнаго конца, — тамъ рады будутъ! Вѣдь въ году отпускается извѣстное число милостей, по пропорціи... А разъ мы въ счетъ не войдемъ, для другихъ облегчится, значитъ, способъ скорѣйшаго воспріятія.

— Какъ взглянуть еще!—продолжалъ скептикъ.

— Какъ ни гляди, хорошо выходитъ! Разъ мы отказываемся, значитъ, мы—смиренны. А смиреніе—добродѣтель. А для добродѣтели развѣ полагается препона?

— А если...

— Кто намъ запретитъ быть смиренными?—вопіялъ не безъ гордости одинъ полный батюшка, ударяя себя въ грудь. —Не хотимъ—и баста! Смиреніе—оно, братъ...

— Правильно!—гудѣла въ углу басовая нота, и ее поддерживали съ другихъ концовъ тенора:

— Да, тутъ нельзя придираться... Добродѣтель — она, братъ, твердыня каменная, маякъ...

Скептикъ былъ вышибленъ изъ позиціи, но тогда выступилъ о. Маркъ, на все имѣвшій склонность смотрѣть съ чисто экономической точки зрѣнія. Онъ говорилъ хрипло, точно съ перепоя:

— А не сочтутъ-ли это за желаніе отказаться косвеннымъ путемъ отъ прямыхъ налоговъ? Награды вѣдь обложены сборомъ, также какъ карты, вино и всякая такая штука... За набедренникъ пожалуйте три рублика, за скуфью—пятерку, за камилавку—красненькую, а за протоіерейство—и всю полсотню. И все это идетъ въ попечительство о бѣдныхъ нашего званія. Полагаю, со всякаго благочинія въ среднемъ набѣжитъ рубликовъ сорокъ, пятьдесятъ?

— Набѣжитъ,—подтвердилъ благочинный, черезъ котораго шли всякіе сборы въ консисторію.

— Ну, вотъ... И такъ поймутъ, что мы отказываемся поддерживать вдовъ и сиротъ... А потомъ, глядь-поглядь, пять старухъ безъ ѣды умрутъ отъ нашего протокола и будутъ на насъ жаловаться на томъ свѣтѣ.

Возраженіе это заставило многихъ призадуматься; но о. Гервасій нашелся:

— А если станемъ не только смиренными, но и благородными?.. Возьмемъ да и заявимъ, что взносы на попечительство принимаемъ и безъ наградъ...

— За не сущія, яко за сущія!—формулировалъ эту мысль другой отецъ.

— Да. Не за самыя награды, а за потенцію къ онымъ.

— За потенцію... Ха-ха! Не обложатъ!

— Обложатъ! Ей-Богу, обложатъ!

Псаломщикъ Обудѣевъ, покинувъ молодыхъ попадеекъ,

которыхъ обыгралъ на полтора цѣлковыхъ, вышелъ въ залу и сказалъ:

— Чего спорите? Пропорція рѣшаетъ дѣло. Кто въ нее войдетъ, тотъ плати. И если первый членъ пропорціи, то есть число наградъ останется безъ измѣненія для епархіи, а ихъ расхватаютъ, то какая же вдовица будетъ жить голодомъ?

— А вѣдь правда!..—спохватились попы.—Умѣешь ты соображать, Яковъ Иванычъ. Студентомъ кончилъ?

Но Яковъ Иванычъ оставилъ безъ отвѣта вопросъ и, поочередно наклоняясь надъ отцами, кивалъ имъ головой на отворенную дверь, гдѣ матушки стучали чайными ложками о стаканы.

— Въ кулуары, отцы, въ кулуары... просятъ матушки для просвѣтленія ума и мыслей,—шепталъ Обудѣевъ.—Нагрѣлъ я ихъ!—ухмылялся онъ,—лихо!

Многодумное собраніе устремилось немедленно въ „кулуары". Тамъ высказывались особыя мнѣнія, которыя могли быть неудобны въ общемъ присутствіи.

Имѣвшіе кресты чувствовали себя неловко, когда имъ говорили:

— А что, о. Ѳеодосій, съ крестами-то водка вкуснѣе или какъ?

— Все равно,—смущался крестоносецъ.—Велика важность орденъ... Что въ немъ толку въ селѣ? Кабы въ городѣ, въ соборѣ, на царскомъ молебнѣ—ну, всетаки...

— А мужики не понимаютъ?

— Не понимаютъ и не чувствуютъ.

— Лишняго ковша руги не прибавляютъ?

— Да какой же дуракъ по ругу ходитъ въ орденѣ?

— Хе-хе-хе... Суета, значитъ? Одинъ расходъ?..

— Такъ что же, старики? Согласны? Въ васъ главная пружина...

— Мы не честолюбцы,—отвѣчали тѣ.—Хоть съ наградами, хоть безъ оныхъ, намъ все равно, мы свой вѣкъ прожили.

— Они ужъ вся благая воспріяли въ животѣ своемъ,—вставилъ о. Гервасій.

Старики нѣсколько сконфузились, а молодые разсмѣялись, но смѣхомъ мягкимъ, добродушнымъ. Осуждалась прошлая глупость, пустое побрякушество, которому пришелъ конецъ въ серьезное горячее время, и никому этого прошлаго не жаль, какъ ребячьей глупости... Рѣчь шла о молодежи, о будущемъ, когда новые хозяева жизни выметутъ накопившійся отъ предковъ хламъ и соръ.

Старикъ о. Авраамій, кряхтя и позвякивая древнею севастопольскою мѣдью о новѣйшее серебро, высказалъ:

— Кресты—что въ нихъ? Только къ землѣ пригибаютъ... Видите? — И онъ ниже сгорбился и повторилъ: — Тяга внизъ, а не ввысь... Вотъ кабы кресты обладали такой чудодѣйственной силой, что могли бы снять съ плечъ долой десятокъ-другой лѣтъ, тогда бы я съ вами поспорилъ...

Молодые улыбнулись.

— Ишь ты, чего захотѣлъ... Поплясать?

— Ухъ, и плясунъ же былъ я, отцы, въ ваши годы!

— Тряхни-ка стариной.

— Нѣтъ ужъ, довольно... И вамъ не совѣтую. Проплясалъ я въ свое время, горько сказать, протоіерейство. И доселѣ помнятъ и не возводятъ...

— Значитъ, зубъ имѣешь?...

— Какой зубъ!.. Давно всѣ повыпадали... И кусаться не хочется. Ничего не надо! Суета все... тлѣнъ и прахъ эти награды. Вполнѣ согласенъ съ вами.

Мудрость старца рѣшила дѣло, особенно послѣ того, какъ кто-то изъ молодежи польстилъ:

— Старики—хорошіе товарищи!

— А то? Мы такими и въ ваши годы были. Мы не искательны. Не мы шли къ наградамъ, онѣ сами къ намъ...

— А мы вотъ хотимъ, чтобы онѣ никогда къ намъ и не приходили!

— Вы дальше насъ пойдете... Шагайте! Съ Богомъ! Препятствія не окажемъ.

— Тогда, значитъ, единогласно?

— Единогласно! Единогласно!

— Только въ такомъ случаѣ и будетъ имѣть вѣсъ наше постановленіе.

— Именно!.. Единогласно!

— И единодушно! Такъ и пишите. Эй, о. Петръ! О. Павелъ Такъ и пишите!

— Слушаемъ,—отвѣтили секретари.

Еще выпили... Добрый геній явно царилъ въ синей мглѣ табачнаго дыма надъ высокоподнятыми, всхохленными и взбодренными головами духовныхъ отцовъ, касаясь своимъ мягкимъ крыломъ длинныхъ волосъ. Отцы то дѣлились на группы, то всѣ окружали кого-нибудь одного, кому удалось привлечь общее вниманіе острой фразой, мѣткимъ словомъ. Секретари-аяксы писали протоколъ, изображая въ немъ всѣ мотивы, стараясь ни одного не забыть. Они такъ серьезно заняты были этимъ дѣломъ, что даже не выпили ни „единой“...

— Господа! — обращался къ нѣсколько захмѣлѣвшему собранію о. Петръ.—Вотъ о. Василій говоритъ, что награды развращаютъ духовенство. Вставить это или нѣтъ?

— Вставляй! Пиши!

— А о. Григорій говоритъ, что награды касаются всегда лицъ недостойныхъ—это писать?

— Пиши! Все пиши!

— Ну? И „всегда"—писать?

— Лупи! Во вся тяжкая! Всегда, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ, аминь!

Черезъ часъ протоколъ составили и прочли вслухъ, при чемъ нѣкоторые отцы уже держались за плечи товарищей, склонивъ отяжелѣвшія головы внизъ.

Протоколъ вышелъ на славу, стройный, гладкій и вѣскій.

Начинался онъ словами: „Мы, нижеподписавшіеся, собравшись въ селѣ Конобѣевѣ, по молитвѣ Св. Духу, и принявъ во вниманіе, во-первыхъ"... Слѣдовало 12 пунктовъ...

— Ловко—двѣ-надцать! Чуть не по числу собравшихся...

— „Постановили: всепочтительнѣйше и всеусерднѣйше ходатайствовать предъ Его Преосвященствомъ, нашимъ Милостивѣйшимъ Архипастыремъ и Отцомъ, дабы оное благочиніе разъ навсегда было освобождено отъ всякихъ наградъ по всѣмъ вѣдомствамъ".

— Цѣлый листъ... Ого, вотъ такъ вооруженіе... Мортира... Длинный Томъ!

— Подписывайтесь, о. предсѣдатель.

Благочинный, вооружившись очками, сталъ перечитывать и указывать на пропускъ запятыхъ; въ одномъ мѣстѣ не кстати употребленная буква *ѣ* была, по его указанію, счастливо подтерта и превращена въ *е*; но и послѣ того о. Тарасій медлилъ подписывать.

— Чего же вы?

— Я послѣднимъ, господа... Пусть всѣ вы сначала... Какъ водится—съ младшихъ.

— Идетъ! Кое мѣсто?

— Мы всѣ равны... По алфавиту.

— Это правильнѣе—по алфавиту. Алфеевъ! Еварестовъ! Могуловъ, Тиверіадовъ!

— А намъ куда—въ алфавитъ врѣзаться, или каждому къ своему настоятелю приткнуться?—неодумѣвали дьячки и дьякона.

— Въ особицу... пониже прочихъ, повыше секретаря,—показывалъ имъ мѣсто о. Петръ.

Благочинный тѣмъ временемъ стремился улизнуть, и уже велъ таинственный разговоръ съ Мотькой, которому велѣлъ подать лошадь, а самъ разыскивалъ шляпу, когда о. Гервасій поймалъ его за полу и привелъ обратно въ комнату.

— Сдѣлай все по формѣ... Подпиши.

— Я дома...

— Э, нѣтъ... Нечего тѣнь наводить...

— Руки дрожатъ...

— А ты выпей для храбрости... Вотъ!—И о. Гервасій налилъ благочинному полыновки.

— Перо что-то не того... скорблое, ржавое.

— А мы вамъ свѣженькое,—подкладывали ручку о. благочинному.

Препятствія были такимъ образомъ устранены. Надъ головой благочиннаго, снова просматривавшаго за столомъ протоколъ, стояли попы съ линейками, а кто и съ ножичками въ рукахъ...

— Ну, айда, подмахивай!—нетерпѣливо подгоняли старики, опасавшіеся, какъ бы о. Тарасій не оставилъ ихъ въ дуракахъ вмѣстѣ съ молодежью и дьячками.—Да смотри, не капни!—предупреждали они, зная повадку благочиннаго зацѣплять изъ чернильницы большую зеленую муху, когда бумага ему почему-либо не нравилась.

Благочинный подписалъ, наконецъ, и, набравъ въ свою богатырскую грудь воздуха, выпустилъ:

— У-у-ухъ!..

Секретари живо подхватили свое твореніе, подули на не засохшія чернила, чѣмъ-то пришлепнули, торопливо запечатали въ конвертъ и надѣли шляпы.

— Куда пошли?

— На почту.

— Да вѣдь заперта... праздникъ,—заговорилъ благочинный, не предполагая такого стремительнаго оборота дѣла.

— Похлопочемъ,—спокойно отвѣтили Аяксы.—Почтмейстеръ уважитъ.

Тогда благочинный заговорилъ печально:

— Да какъ же, робяты, это дѣло-то вѣдь мое—посылать бумаги?.. Рапортъ я долженъ присовокупить.. При рапортѣ...

— Старо это, о. благочинный, старо.. Отжило свой вѣкъ... Суть не въ рапортахъ...

— У-у-уфъ!—еще разъ вздохнулъ благочинный, съ отчаяніемъ взмахнулъ рукой предъ неизбѣжностью надвигающейся опасности и, чувствуя сразу необычайный упадокъ силъ, подошелъ къ столу съ наливками и началъ поспѣшно прикладываться...

— Ну, и озорники же ваши благовѣрные... Какъ только вы съ ними живете?—шутилъ онъ съ молодыми попадейками послѣ четвертой рюмки полыновки.—Безъ рапорта... Хм... схватили и—безъ рапорта... хм...

— Да, да, о. благочинный... Они—ужасные самовольники

—вмѣшался въ разговоръ Обудѣевъ,—они даже ихъ вотъ цѣлуютъ безъ рапорта...

Обѣ матушки стыдливо зарумянились и съ притворнымъ гнѣвомъ ударили остроумца вѣерами по кудрявой головѣ.

А благочинный, всмотрѣвшись въ загнутые вверхъ усы смѣлаго и юркаго псаломщика, замѣтилъ, качая головой:

— Ну и Софронъ же! Ты, парень, какъ я погляжу... похлеще кадетовъ!..

На почтѣ пакетъ приняли. Отцы-Аяксы, возвращаясь, подошли къ дому въ ту минуту, когда изъ раскрытыхъ оконъ съ зелеными ставнями понеслась пѣсня: „Отрѣшимся отъ стараго міра". Легкой походкой скользнувъ по ступенькамъ крыльца, они быстро вбѣжали въ залу, чтобы присоединить къ хору и свои тенора; между тѣмъ какъ встревоженный о. Тарасій испуганно перебѣгалъ заплетающимися ногами отъ одного къ другому, увѣщевалъ, вразумлялъ и ругался:

— Оглашенные! Съ ума вы сошли! Объѣлись свободы-то, какъ бѣлены! Уймитесь! Замолкните!

Комната стонала отъ кощунственныхъ звуковъ; негодующе колебались фотографическія карточки предковъ и архіереевъ, развѣшанныя въ картонныхъ рамкахъ по стѣнамъ... Благочинный, наконецъ, плюнулъ и, безпомощно махая обѣими руками, подъ общій смѣхъ убѣжалъ черезъ балконную дверь въ садъ.

Въ комнатахъ было душно, и скоро всѣ вышли на свѣжій воздухъ.

— А хорошо бы вотъ здѣсь на прохладцѣ и другіе назрѣвшіе вопросы рѣшить,—предлагалъ о. Павелъ.—Но гдѣ нашъ благочинный?

— Пошелъ въ конопли вмѣстѣ съ севастопольцами.

— О. благочинный!—кричали черезъ прясло.—А остальные-то вопросы?

— Пошли вы всѣ къ черту!—отозвался изъ коноплей о. Тарасій.—Въ монастырь съ вами угодишь...

— Ха-ха-ха...

Но было ясно, что другіе вопросы приходится на этотъ разъ отложить. Старики устали, укладывали регаліи и камилавки въ особые футляры и стремились домой. Расходившаяся молодежь тщетно удерживала ихъ.

— Куда торопитесь? Поймите, что такое единодушіе выше всего житейскаго. Вѣдь это рѣдкія минуты! Въ ваше время этого, поди, не было? Наше постановленіе, можетъ быть, единственное въ своемъ родѣ на всю епархію!

— Мало—на всю Россію!—поправляли другіе.—Восьмое благочиніе Попрошайскаго уѣзда—каково?!.

— Господа, надо объ этомъ въ печать...

— Въ печать! Конечно, въ печать!

— Не срамитесь, отцы...—увѣщевали старшіе:—Настряпали и молчите... Пусть останется въ семейномъ, такъ сказать, кругу.

— Нѣтъ, это дѣло принципіальное,—возражали молодые.—Мы должны открыто и широко заявить о немъ.

— Въ какой же газетѣ?

— Валяйте во всѣ... Вездѣ печатай!

Старики совсѣмъ испугались; они присѣдали книзу, словно надъ ними спускался небесный сводъ, хлопали себя по ляжкамъ и растерянно восклицали:

— Ма-ма-ша!..

О. Ѳеодосій успѣлъ-таки увернуться и, не простясь, уѣхалъ. Замѣтивъ отсутствіе сверстника, о. Авраамій тоже заторопился, но его „схватали“ и не пустили.

— Отцы!—взмолился онъ,—да меня старуха только до стада отпустила. Стадо ужъ гонится, вонъ взгляните, а мнѣ семь верстъ...

— Пастырь, не бойся стада!—отвѣтилъ ему Обудѣевъ.

— А попадьи?—прибавилъ о. Гервасій.

Всѣ дружно засмѣялись.

— Нечего скалить зубы... Пустите. Это насиліе, а вы проповѣдуете свободу.

— И равенство,—гудѣлъ басъ.—А ты еще не сравнялся съ нами: за тобой недоимка—шесть рюмокъ!

— Смерти, чтоль, вы моей хотите?—стоналъ о. Авраамій.—Итакъ ужъ назюзился съ вами...

Наконецъ и всѣхъ потянуло домой. При прощальныхъ лобзаньяхъ и объятіяхъ опять вернулись къ впечатлѣніямъ дня.

— Навѣсили мы кое-кому на носъ... Пусть всѣ знаютъ, какъ думаетъ настоящее духовенство, да-съ... А нашъ братъ, Исакій откликнется изъ медвѣжьихъ угловъ и пойдетъ, и пойдетъ!.. Свѣтъ-то—онъ нѣкогда изъ Галилеи...

Объ опасности мало кто думалъ. Какая опасность? Откуда? За что? Все такъ благородно сдѣлано и даже почтительно... Двѣнадцать пунктовъ; и каждый изъ нихъ—правда, голая, истинная правда... Прежде ее, матушку, изурочь, опровергни, а потомъ ужъ съ насъ взыскивай. Ну, а ужъ если, паче чаянія, обходомъ какимъ или умолчаніемъ правду возьмете, то что и тогда намъ сдѣлаете? Выговоръ? Велика важность... Какой попъ живетъ безъ выговора? Привычны!.. Да и одинъ выговоръ на всю братію, на человѣка—одна тринадцатая—тьфу! пустякъ сущій...

Такія, приблизительно, мысли ползли въ захмѣлѣвшихъ

головахъ двѣнадцати духовныхъ отцовъ, разъѣзжавшихся по двѣнадцати окрестнымъ селамъ. Многимъ изъ нихъ казалось, что изъ ихъ сердецъ изливается въ эту ночь какой-то особый фосфорическій свѣтъ, озаряющій и согрѣвающій землю лаской и привѣтомъ, которыхъ они никогда еще не испытывали... А вверху блистали вѣчныя звѣзды, струя свой загадочный свѣтъ—не то благословляя и нашептывая своими лучами что-то нѣжное и ободряющее, не то добродушно смѣясь надъ восьмымъ благочиніемъ Попрошайскаго уѣзда...

Въ тотъ годъ у преосвященнаго было много хлопотъ и всякаго рода непріятностей, и заглавному консисторскому протоіерею, приходившему по утрамъ съ докладами, часто приходилось выслушивать:

— Вотъ и еще глупость... Которая ужъ по счету?

— Не считалъ, ваше преосвященство...

— А надо бы... Для статистики. Вотъ прочтите-ка, я мелькомъ посмотрѣлъ... Читать тошно... Отъ тринадцати. Скажите, что тамъ за люди—въ этомъ Попрошайскомъ благочиніи? Вамъ извѣстенъ благочинный?

— Да...

— Каковъ?

— Службистъ отмѣнный.

— И не лукавый?

— Не замѣчалось...

— А не глупый?

— Разума обыкновеннаго...

— Зачѣмъ же онъ подписался?

— Навѣрное склонили.

— Значитъ малодушный.

— Раньше, какъ будто, и характеръ былъ.

— Куда же все дѣвалось?

— Это нынѣ, владыко, бываетъ... Не рѣдко бываетъ... И умный, и честный, и строгихъ правилъ былъ человѣкъ, а вдругъ отмочитъ такую штуку, что диву дашься! Время такое... Ну, да это, ваше преосвященство, пройдетъ! Какъ короста, пройдетъ... Что же, мѣры прикажете?

— Да какія же мѣры противъ коросты? Только не ковырять, по моему... Отдаю на ваше полное усмотрѣніе.

Консисторскіе протоіереи прочли попрошайскій протоколъ и со вздохомъ изрекли:

— Воистину, дураки... Стультусы!..

Но все же стали думать. Прежде всего слѣдовало установить, преступно-ли дѣяніе. Порылись въ толстомъ сводѣ консисторскихъ законовъ,—ничего не нашли; порылись въ

общихъ законахъ—то же самое; поворочали даже постановленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и каноны церковные, но ни одно „аще“ не подошло къ сему случаю.

— Формально неуязвимы, это правда,—замѣтилъ тогда одинъ изъ членовъ, посѣдѣвшій въ консисторскихъ трудахъ. — Но обратите, господа, вниманіе на тонъ... Каковъ тонъ!.. Гордости-то въ немъ сколько—ровно въ башнѣ вавилонской... Осужденіе сущаго... А цѣль — обезцѣнить нашу дѣятельность, понизить энергію службы...

— Правильно!

— Пожалуй!

— Тогда наказать? — сорвался одинъ изъ младшихъ. — Всѣхъ на черную доску! Никогда ни одной никому награды!

Молчавшій до тѣхъ поръ секретарь, господинъ облѣзлаго вида, въ синемъ безукоризненномъ фракѣ, съ академическимъ значкомъ и прочими отличіями, вдругъ улыбнулся и возразилъ:

— Топить щуку въ водѣ? Что вы?!

— Гм...—задумались отцы,—дѣйствительно... Они этого-то вѣдь и хотятъ! Но тогда что же придумать?

Тогда секретарь принялъ глубокомысленный видъ и таинственно сказалъ:

— Надо наградить.

Всѣ три протопопа широко раскрыли глаза и рты отъ неожиданности и потомъ громко и сочно разсмѣялись,—до того показалось имъ нелѣпо предложеніе.

— Наградить за проступокъ?!

Но секретарь возразилъ:

— Я серьезно, отцы... Я не смѣюсь... Вникните... Вставишь въ колесо полѣно, и телѣга остановится. У нихъ все слажено, все на мази, надо все испортить... Если накажемъ,—это ихъ объединитъ и укрѣпитъ. Надо ихъ разъединить... Царство раздѣльшееся на ся... знаете?.. И вотъ...

— Соображеніе, не лишенное смысла,—замѣтилъ первоприсутствующій.

— Есть доля правды,—подтвердилъ средній.

— Итакъ?—поставилъ вопросъ младшій.

— Итакъ, наградимъ!—повторилъ секретарь.

— Всѣхъ?

— Одного изъ всѣхъ.

— Но кого же?

— Того самаго, кто первый сдѣлалъ предложеніе. Запросимъ о семъ благочиннаго.

Черезъ двѣ недѣли въ консисторіи стало конфиденціально извѣстно, что иниціаторъ и руководитель неподобающаго

постановленія былъ не кто иной, какъ комаровскій іерей Гервасій Кедроливанскій.

— Хм... помните, о. протоіерей?.. Гараську-то?

— Ну, какъ забыть такого гуся!

— А вдругъ онъ откажется отъ награды?

— Что?—возразилъ секретарь.—Небо и земля прейдутъ, а попы...

Отцы протоіереи немного еще колебались...

— Но какъ же объяснятъ такой, въ сущности, необъяснимый фактъ? Награжденіе виновнаго?—ставили они вопросъ.

Консисторскій Соломонъ подумалъ немного и сказалъ тихо, но многозначительно, поднявъ палецъ вверхъ:

— Мудростію!

Чуть не десять разъ въ недѣлю владыка призывалъ къ себѣ главнаго консисторскаго совѣтчика и, сдавая ему бумаги, говорилъ удрученно:

— Вотъ и еще глупость... того же сорта... Поголовное сумасшествіе! Что прикажете дѣлать? Настойчиво просятъ созвать пастырскій съѣздъ всей епархіи...

— Отъ скуки это, ваше преосвященство. Въ деревнѣ-то скучно. Пусть погалдятъ, можетъ полегчаетъ.

— Такъ вы думаете—разрѣшить?

— А почему бы и нѣтъ, владыко?

— Наерундятъ, вѣдь... такого наворочаютъ!..

— Да вѣдь рѣшить они не призваны?

— Но задѣвать начнутъ...

— А можно и сдачи дать... Однимъ словомъ все въ щепки превратить.

— Такъ вы совѣтуете, о. протоіерей?

— Да пусть потѣшатъ свою душеньку! — и протоіерей расплылся въ улыбку.

— А пожалуй...—склонялся владыка.—Нарывъ назрѣлъ...

— Пора и проколоть... — закончилъ совѣтчикъ и получилъ порученіе свести воедино всю сумму мнѣній, воззрѣній, проектовъ и предположеній, которыхъ накопилось ни много, ни мало—около двухсотъ... Одно перечисленіе вопросовъ заняло собою довольно толстенькую брошюрку, которую получили и въ Попрошайскомъ уѣздѣ. Восьмое благочиніе готовилось къ выбору депутатовъ, и, конечно, наряду съ оо. Аяксами у всѣхъ на языкѣ было имя о. Гервасія Кедроливанскаго, у котораго на знаменитомъ благочинническомъ собраніи обнаружились незаурядныя черты общественнаго дѣятеля—высокой марки ораторскій талантъ, честность убѣжденій и стойкость характера.

— Ужъ этотъ не выдастъ... Онъ имъ накладетъ въ загривокъ... Надёжа!—говорили о немъ въ благочиніи. Но бла-

гочинный все медлилъ созвать выборное собраніе. А тѣмъ временемъ въ одномъ изъ номеровъ „Церковныхъ Вѣдомостей“ появилась маленькая, но чреватая послѣдствіями фраза: „Священнику села Комарова, Гервасію Кедроливанскому—наперстный крестъ.“

Если бы на рѣчкѣ Попрошайкѣ, протекавшей вдоль восьмого благочинія, улеглось поперекъ невѣроятно-исполинское чудовище и, загородивъ русло, произвело потопленіе всѣхъ попрошайскихъ луговъ,—навѣрное, это было бы не такъ поразительно!

Читая „Вѣдомости“, всѣ таращили глаза, протирали ихъ вмѣстѣ съ очками и говорили:

— Не можетъ быть!..

На другой день, къ вечеру, у о. Петра въ Конобѣевѣ съѣхались человѣкъ пять отцовъ, и каждый изъ нихъ захватилъ не только свою матушку, но и свой номеръ вѣдомостей. И стоя среди зала на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда возсѣдалъ президіумъ, всѣ, уткнувшись каждый въ свой номеръ, разводили руками и склонны были думать, что это—опечатка.

Но послѣднее предположеніе для каждаго было самоочевидной нелѣпостью.

— Никогда въ жизни „Церковныя Вѣдомости“ не опечатывались!—завѣрялъ о. Маркъ.—За всѣ восемнадцать лѣтъ—ни разу!

— Такъ, какъ же это?

— А чортъ знаетъ какъ...

— Изумительно!

— Кто же это устроилъ?

— Консисторія... кому же больше?

— Послѣ нашего протокола-то?..

Тогда о. Авраамій извлекъ изъ своей старческой головы нѣкое удивительное предположеніе:

— А ежели о. Гервасій потомъ взялъ да и раскаялся... чистосердечно?..

— Что-о-о?..—поблѣднѣвъ, загоготали въ одинъ голосъ молодые, какъ потревоженные гуси, и изъ-подъ нахмуренныхъ бровей свѣтился такой гнѣвъ, что отецъ Аврамій перетрусилъ и смущенно сталъ заметать слѣды нелѣпой своей догадки:

— Я, отцы, пошутилъ... Нѣтъ, нѣтъ... Ей-Богу, я только пошутилъ... Развѣ можно такое?... Вѣдь онъ всетаки у Божьяго престола...

Но чѣмъ усерднѣе заминалъ свою догадку о. Авраамій, тѣмъ назойливѣе лѣзла она каждому въ голову, такъ что о. Павелъ, окончательно измученный ею, не могъ дольше сдер-

живаться и воскликнулъ съ горечью, сдавившей ему горло:

— Все можетъ быть!.. Предательство можетъ выражаться въ тысячѣ самыхъ разнообразныхъ формъ...

— Плутоватъ онъ былъ всегда, отецъ-то Гервасій,—согласился первый о. Авраамій.

— Чего тутъ?.. Жуликъ... извѣстно!—прибавилъ о. Маркъ.

— Всѣхъ провелъ, да какъ искусно!

— А самъ... ну и шельма!

— Извергъ! Іуда!—рѣзко заключили отцы-Аяксы.

Никому и въ голову не приходило самое простое предположеніе—о мудрости начальства.

— Бойкотъ ему, Іудѣ!—прокричалъ о. Павелъ.

— Въ депутаты его! Совсѣмъ изъ нашего благочинія извергнуть!..

— Да туда же бы и благочиннаго...—вставилъ о. Павелъ.

— Ну, едва ли благочинный къ этому дѣлу причастенъ,—заступился о. Авраамій.—И, кромѣ того, отцы... Не мѣшаетъ вообще осторожность... и по отношенію къ о. Гервасію... Слѣдуетъ выждать. А вдругъ это какая-нибудь шальная награда. Вѣдь бываютъ же шальныя пули...

— Положимъ... Но тогда онъ самъ долженъ отказаться отъ награды.

— Это дѣло десятое... А то въ человѣка сразу камнемъ!..

— Не догадается,—ядовито вставилъ о. Маркъ.

— Насчетъ чего?

— Отказаться-то... Носить будетъ...

— Ну, мы его тогда!..

Собраніе послѣ этого разъѣхалось, объявивъ о. Гервасію лишь условный бойкотъ...

А въ домѣ о. Гервасія почти одновременно происходило слѣдующее. Когда принесли „Церковныя Вѣдомости", дома была одна матушка Елена Ивановна, существо грамотное; она отыскала въ газетѣ свою епархію и начала вычитывать, какая изъ родственныхъ и знакомыхъ фамилій попала въ число награжденныхъ. И вдругъ... У нея сердце чуть не выскочило изъ груди... Совершенно забывъ объ отсутствіи мужа, уѣхавшаго въ деревню причащать бабу, мучившуюся родами третьи сутки, она благимъ матомъ закричала на весь домъ:

— Попъ! Да ты ли это?

Такъ какъ по случаю жары всѣ двери были растворены, то восклицаніе донеслось въ кухню.

— Вамъ чего, матушка?—спросила кухарка, прибѣжавшая съ подоткнутымъ подоломъ изъ кухни.

— Попъ награду получилъ, крестъ...

— Ну, слава тебѣ Господи, слава тебѣ... А я-то думаю что это съ матушкой попритчилось, не своимъ голосомъ реветъ...

Сгорая желаніемъ подѣлиться съ кѣмъ-либо своей радостью, попадья отправилась къ мельницѣ, мимо которой по навозной плотинѣ долженъ былъ возвращаться о. Герасій. На сваяхъ виднѣлся русскій костюмъ съ синими бусами, а сама обладательница его, барышня-учительница, купаясь въ пруду, заплыла далеко къ огородамъ, гдѣ и шалила съ утятами.

— Анна Ивановна!—кричала ей матушка, махая зонтикомъ.—Анна Ивановна! Попъ награду получилъ...

— А? Чего? Громче говорите!

— Попъ награду получилъ... Да вы перестаньте дразнить утокъ...

— Ну?—остановилась учительница, скрывая, кромѣ головы, всю себя въ водѣ.

Матушка приложила обѣ ладони къ щекамъ раскрытаго рта и, какъ въ рупоръ, нѣсколько окрѣпшимъ голосомъ басовито выкрикивала по словечку:

— Попъ... награду... получилъ...

— Откуда?—звенѣло изъ воды, и что-то бѣлужье поплыло къ плотинѣ.

— Изъ синода,—отвѣчало съ берегу.

— Какую?

— Сама не знаю хорошенько... Не то крестъ, не то протоіерея... вотъ пріѣдетъ, разберетъ.

— Поздравляю!—И комаровская Фрина, оглядѣвшись кругомъ, вышла изъ воды и бурно облобызала матушку, а потомъ вскрикнула: „Ай!“, опять скользнула въ прудъ... Отъ дверей мельницы показалась чья-то голова... Это дьяконъ Эрастъ мололъ рожь и, заслышавъ на плотинѣ громкій разговоръ, вмѣстѣ съ мельникомъ хотѣлъ полюбопытствовать. Попадья привѣтливо кивнула имъ головой изъ-подъ синяго зонтика и на нѣмой вопросъ, выгибая шею на трехэтажномъ подбородкѣ, солидно прибавила:

— Да, получилъ... награду мой попъ.

— Какъ такъ? - недоумѣвалъ запыленный мукой дьяконъ.—А... протоколъ-то нашъ?—Но тутъ же спохватился, что сказалъ не ладное, и поправился:—Ну, дай Господи...

Вдругъ сбоку, на поворотѣ, совсѣмъ съ неожиданной стороны, заскрипѣла телѣга; возница, стоя въ передкѣ, хлесталъ концами вожжей клячу по выдавшимся ребрамъ, а позади его на торчавшей во всѣ стороны, какъ воронье гнѣздо, соломѣ, прикрытой какой-то грязной рванью, сидѣлъ о. Герасій.

— Ты какъ здѣсь?—вскрикнулъ онъ изумленно, увидѣвъ попадью.

— Угадай-ка?—интриговала матушка, но сейчасъ же, не утерпѣвъ, прибавила весело:—Тебя наградили!

— Что ты, что ты, Богъ съ тобой!.. Съ ума сошла...

И попъ перекрестилъ по воздуху.

— Да сама я читала въ вѣдомостяхъ, сейчасъ съ почты принесли.

— Нынѣ, мать моя, не первое апрѣля... Въ маѣ врать не подобаетъ...

Матушка, раздраженная такимъ невѣріемъ, сердито отняла руку отъ края телѣги, на которую опиралась, идя въ шагъ съ не останавливавшеюся лошадью, и отвернулась.

— Обозналась, легковѣрная!.. Кого-нибудь другого приняла за меня... Мало ли Кедроливанскихъ на бѣломъ свѣтѣ!—твердилъ попъ изъ телѣги, не покидая своей позиціи и въ тоже время не приглашая благовѣрную сѣсть рядомъ съ собой; послѣднее отнюдь не было невѣжествомъ по отношенію къ дамѣ, такъ какъ, имѣя дароносицу на груди, о. Гервасій и не въ правѣ былъ разыгрывать роль кавалера.

Едва ступивъ черезъ порогъ дома, о. Гервасій, не снимая съ себя дароносицы и шляпы съ отвислыми полями, стремительно кинулся къ вѣдомостямъ и остолбенѣлъ, глядя въ облитое квасомъ мѣсто.

— Что, Ѳома невѣрный, разулъ глаза?—начала попадья.

— Да, дѣйствительно... наперсный крестъ!

— Не однофамилецъ?

— Нѣтъ...

— Ха-ха...

— Но что-жъ это значитъ?

— Очень просто... Монаршая милость...

— Но ты, чай, помнишь наше конобѣевское собраніе?

— Давно забыла!..

— Но у начальства не попадьиная память.

— Мало ли чего вы мелете подъ пьяную руку... Кабы всяко лыко въ строку, всѣхъ бы васъ въ Сибирь...

— Кабы однимъ разговоромъ покончили, оно бы ничего, а то вѣдь запротоколили и послали...

— А, можетъ, и не дошла ваша бумага... Говорятъ, на почтѣ много пропадаетъ писемъ.

— Да не такихъ... Владычное не конфискуется.

— Ну, чего ты!..—перебила матушка, возвращаясь къ радостнымъ ощущеніямъ.—Теперь и безъ того у меня будетъ хлопотъ полный ротъ! Гости... Пирогъ...

— Пирогъ?

— А какъ же?

— Хм... Пожалуй...

Матушка соображала подробности.

— Пріѣдутъ — всѣ двѣнадцать, да десять попадей... Двадцать два человѣка...

— Хм... А можетъ и не пріѣдутъ...—задумчиво сказалъ о. Гервасій, забирая въ кулакъ бороду.

— Какъ не пріѣдутъ?!—И глаза матушки округлились и вся она нахохлилась, какъ сова, когда на нее замахиваются палкой. Но когда о. Гервасій высказалъ не безъ печали, что это благоволеніе свыше многимъ товарищамъ придется шибко не по сердцу, ибо, какъ-никакъ, протоколъ-то въ Конобѣевѣ былъ оборудованъ при его ближайшемъ участіи,—матушка сама задумалась и произнесла сокрушенно:

— Д-да... вотъ что винцо-то ваше дѣлаетъ! Но черезъ минуту она опять озабоченно спросила:

— Такъ на сколько же человѣкъ готовить?

— Не знаю...

— Ну, такъ кто же будетъ знать?—разсердилась матушка.

Тогда о. Гервасій, въ свою очередь, разсвирѣпѣлъ и затопалъ ногами.

— Убирайся ты къ чорту! Что я—Богъ, что ли?.. Ну, и мѣси на всѣхъ... Сколько есть муки, и мѣси... На всѣхъ дрожжахъ! Во всѣхъ квашняхъ!

— А кто будетъ ѣсть, если?

— Все самъ поѣмъ!

— Одинъ? Ишь ты... Монаршая-то милость какъ аппетитъ подымаетъ.

— Да ужъ поздравлюсь!

— Радъ?

— Всекбнечно...

— Ну, и я рада...

— Вѣрю...

И вдругъ матушка была необычайно изумлена: сколько лѣтъ она замужемъ, и никогда еще не случалось, чтобы попъ ее поцѣловалъ днемъ, при открытыхъ окнахъ и дверяхъ, въ которыя врывался шумъ уличныхъ голосовъ, дребезжаніе телѣги, ревъ коровы и хрюканье свиньи... Поцѣлуй при солнечномъ освѣщеніи... Даже совѣстно... Она закрылась фартукомъ и убѣжала за дрожжами къ просвирнѣ.

Пришло воскресенье. Матушка всего наготовила цѣлыя горы. Пироговъ, пшенниковъ, лапшенниковъ, ватрушекъ и разныхъ лепешекъ было столько, что можно было испу-

гаться при мысли, что все сіе предназначено для утробъ человѣческихъ... О. Гервасій проявилъ экстраординарную фантазію въ уготовленіи выпивальной части,—недаромъ онъ ѣздилъ на вокзалъ и купилъ въ буфетѣ двѣ бутылки сногсшибательной, по его словамъ, водки.

Послѣ обѣдни и благодарственнаго молебна предъ иконой „Нечаянной Радости", онъ прохаживался со стаканомъ чаю въ рукахъ по залѣ около уготованной трапезы, ждалъ и немножко волновался.

— Двѣнадцать часовъ... надо бы ужъ кой-кому пріѣхать... напримѣръ о. Марку... Всего семь верстъ... Что-нибудь его задержало... Конечно, семья... Бѣда съ такой семьей, и въ гости не вырвешься — утѣшалъ себя о. Гервасій, у котораго была всего одна дочь, да и та счастливо была выдана. Онъ не одинъ разъ косился на очаровательную „сногсшибательную" бутылку и даже грозилъ ей перстомъ:

— Погоди ты, не мани, глазастая... Вотъ подъѣдутъ!..

Всякій стукъ колесъ по улицѣ привлекалъ его вниманіе; онъ подходилъ къ окну, смотрѣлъ и ошибался.

Часъ пробилъ, а все никто не показывался, и въ душу вкрадывалось безпокойство.

— Два пробило, а благочиннаго нѣтъ...

Благочинный долженъ бы уже быть... Его дѣло привезти крестъ награжденному, если выслали изъ консисторіи, а нѣтъ, такъ дать свой на время, а если своего нѣтъ, то раздобыть на сторонѣ, и во всякомъ случаѣ совершить публично церемонію возложенія креста, въ которомъ награжденный и оставался бы затѣмъ во все время торжества, а на другой день возвратилъ бы его собственнику.

— Не везетъ о. Тарасій! Пора бы ужъ и о. Петру, и, о. Павлу...

— Что за странность? — спрашивалъ вслухъ о. Гервасій, устраняя отъ себя непріятное предположеніе, лѣзшее въ голову помимо воли: — На что злятся?..

Да, какъ будто съ исконнымъ обычаемъ поздравленія случилось что то неладное. Обыкновенно въ ближайшее воскресенье всѣ съѣзжались къ награжденному—и попы, и попадьи, и не только друзья, но и недруги и даже заклятые враги... Особенно интересны были въ такихъ случаяхъ эти послѣдніе... Врагъ, переступая порогъ, появленіемъ своимъ какъ бы говорилъ:

— Вотъ я!.. Видишь?.. Конечно, я твой врагъ, это ты знаешь, это всѣ знаютъ, но я въ твоемъ домѣ, я тебѣ дѣлаю честь... Не удивляйся, — это время перемирія на войнѣ, я не омрачу твоего веселья и торжества... Я долго не засижусь... Пирога твоего ѣсть не буду, „сногсшибалевки" твоей

не вкушу, а въ твоемъ чаю только усы помочу и пусть онъ стынетъ-стынетъ-стынетъ... Я явился сюда, чтобы показать, что я зависть къ тебѣ вытравилъ изъ своего сердца, превозмогъ себя... Честь честью, а прочее безъ перемѣны. Можетъ быть завтра-же я пошлю на тебя кляузу, матеріалъ для коей почерпну здѣсь-же, у тебя въ домѣ...

Изумительно самоувѣренно держитъ себя врагъ въ домѣ врага. Онъ болѣе всѣхъ гостей, больше самого хозяина, обыкновенно нѣсколько стѣсняющагося, чувствуетъ неприкосновенность своей личности. Его, какъ будто, все ограждаетъ,—и хозяинъ, и хозяйка, и гости... Всѣ говорятъ что-то простое и съ виду обычное, но не то, что имѣется въ сердцѣ. А въ то же время всѣ другъ у друга въ сердцахъ читаютъ, и даже много понятнѣе, яснѣе, чѣмъ въ своемъ собственномъ...

И это въ высшей степени интересно — говорить не то, что думаешь, и слушать не то, что говорятъ, а прислушиваться къ тайной музыкѣ чужихъ лукавыхъ словъ, вызывая ихъ своими, какъ свистулькой перепелку... Двойная работа мысли... очаровательная игра жизни... одно изъ величайшихъ наслажденій, безъ которыхъ не проходила ни одна награда въ попрошайскомъ благочиніи. И о. Гервасію тоже хотѣлось бы, чтобы у него на праздникѣ присутствовалъ подобный врагъ, — вотъ бы они побесѣдовали! Ужъ и хитроумная была бы игра, что твои шахматы!

О. Гервасій замечтался и пропустилъ было стукъ колесъ какого-то не мужицкаго, а болѣе деликатнаго экипажа. Мигомъ проскакала пара гнѣдыхъ,—о. Гервасій видѣлъ только хвосты свѣтлые, развѣвающіеся на вѣтру, волосы о. Павла Конотоповскаго и краснуюваль его супруги... Смотря на улегавшуюся пыль, о. Гервасій вслухъ произнесъ:

— Скотина... Мимо... Да я чѣмъ виноватъ? Удивительно!

Въ третьемъ часу проѣхалъ своякъ о. Филиппъ и не только не завернулъ, но даже отвернулся отъ комаровскаго попа, когда этотъ вытянулъ всю свою голову за подоконникъ съ намѣреніемъ поздороваться.

— Ну, это ужъ прямо подлецъ, хоть и родня... Подлецъ! Подлецъ! — Злобно кричалъ о. Гервасій вдогонку милому родственнику, хотя тотъ и не слышалъ, вѣроятно, этихъ лестныхъ эпитетовъ.

Матушка все еще крѣпилась и находила въ себѣ силы успокаивать супруга:

— Обѣдаютъ... Неловко къ чужому-то обѣду... Къ вечеру пріѣдутъ... къ чаю... Ну-ка, я пасьянсъ разложу, пятощакъ лучше сходится. — Она никакъ не могла себѣ представить, что вся ея великая стряпня останется втунѣ; такъ худож-

никъ, написавшій огромное полотно и поставившій его въ чудной рамкѣ на выставкѣ,—можетъ ли думать, что на его работу даже не взглянутъ?

— Этого не можетъ быть... Какъ это? Ну, разумѣется, немножко пообидѣлись, правда, но чтобы не пріѣхали,—это не мыслимо!

Но ужъ стукнуло пять часовъ... шесть... Стадо погнали по дворамъ... Ржалъ жеребенокъ, блеяли овцы... Пять разъ подогрѣвали самоваръ, мухи облѣпили ватрушки, — этого хозяйка даже не замѣчала. Не замѣтили Кедроливанскіе и того, что съ утра они оба не ѣли.

— Проклятые... шипятъ... — разсердился о. Гервасій на собиравшіеся снова бить часы и прекратилъ теченіе временъ, остановивъ движеніе длиннаго маятника, усиженнаго мухами.

— Охъ!—простонала матушка со вздохомъ.

— Да, вотъ оно... — подтвердилъ батюшка и опустилъ свою голову, подпирая ее руками.

— Хоть бы одна свинья... а то — никого! — сузилъ онъ свои желанія.

— И зачѣмъ только велѣлъ готовиться?—упрекала Елена Ивановна ослабѣвшимъ голосомъ.—Сколько добраго пропадаетъ... расходы какіе...

Попъ былъ глухъ.

— Ну коли такъ, ѣшь все самъ!—О. Гервасій не двигался.—Празднуй!.. Радуйся! Жри!—ехидничала въ конецъ обозлившаяся попадья. О. Гервасій съ отчаяніемъ схватилъ себя за грудь и воскликнулъ, какъ страдалецъ:

— Не пори ты мою душу!—И крупная слеза-горошина выкатилась у него изъ глазъ. Матушка образумилась и миролюбиво сказала:

— Давай, что ли, обѣдать... Люди ужинаютъ.

Они сѣли за столъ, но не въ парадной залѣ, а въ сосѣдней маленькой комнатѣ. Перенесли туда часть яствъ и питій съ приготовленнаго стола и затворились. Имъ тяжело было сидѣть за тѣмъ столомъ, гдѣ было много пустыхъ стульевъ, которые какъ будто скалили зубы своими рѣзными спинками.

— Нечего и скатерть грязнить,—объясняла матушка, разстилая свой запачканный фартукъ на маленькій столъ. О. Гервасій предварительно пропустилъ съ горя четыре рюмки „сногсшибаловки“, и въ него точно вселился нѣкто въ радугѣ и сіяніи. И о. Гервасій бормоталъ, утѣшая себя:

— Ничего... Ну и песъ съ вами. Была бы честь предложена, а отъ убытку Богъ избавилъ!

Не успѣли похлебать щей, которыя были невѣроятно жирны и вкусны, какъ въ залѣ услышали вдругъ шаги.

— Кто это?—сказали супруги въ одинъ голосъ и расцвѣли:

— Неужели?..—Они бросили обѣдъ и побѣжали. Навстрѣчу имъ поднялась сѣдая голова, хрипя:

— Обычай свято соблюдая, я поздравляю... поздравляю...

Хозяева оторопѣли. Передъ ними качалась и тряслась зловѣщая фигура попа-разстриги, старика Акакія, прозваннаго Переметомъ. Онъ изъ православія ушелъ въ единовѣріе, изъ единовѣрія въ расколъ, скитался изъ села въ село, опредѣленнаго мѣста не имѣлъ, скрывался и показывался тамъ, гдѣ была какая-нибудь радость, а при ней лишній кусокъ хлѣба, котораго люди въ это время не жалѣютъ.

— Вотъ и азъ, многогрѣшный, явился... Какъ же? Радость великая, превеликая, развеликая... Монаршая милость, чего же больше?

Хозяева молчали, но гость, не смущаясь, присѣлъ къ столу.

— Ждете?—спросилъ онъ, оглядывая столъ жадными глазами изъ-подъ сѣдыхъ, торчащихъ бровей, которыми двигалъ. Хозяевамъ было неловко, даже стыдно; матушка искренно желала провалиться всей своей стряпнѣ со всѣми наливками. Гость взглянулъ на часы:

— Не идутъ?

— Испортились.

— Я могу починить... Отлично починяю!—Онъ подошелъ и двинулъ маятникъ, часы пошли, гость внимательно смотрѣлъ и ждалъ, когда же они остановятся. Но часы шли своимъ порядкомъ, и гость замѣтилъ шутя:

— Однимъ прикосновеніемъ исцѣлилъ... А! каково, матушка?

— Ты лучше скажи: откуда пожаловалъ?—отозвалась Елена Ивановна.

— Отъ запада и сѣвера, и моря...

— Кто подвезъ тебя?

— Вотъ мои кони!—поочередно поднялъ онъ изъ-подъ рваннаго полукафтанья обѣ ноги, обутыя въ лапти.—Только подлецы обременяютъ настоящихъ лошадей собственнымъ тѣломъ, но я въ этомъ не грѣшенъ. Все хожу, хожу, хожу... Вотъ поздравить тебя, отецъ, пришелъ.

— Ну, поздравься, да и...

— Эхъ, отецъ, отецъ...—вдругъ перемѣнилъ старикъ шутовской тонъ на грустный.—Пожалѣй!.. Вѣдь, можетъ быть, только я одинъ тебя жалѣю... Я, твой врагъ, нѣкогда тобою

скошенный, и вотъ я у ногъ твоихъ...—Акакій опустился на колѣни.

— Встань, довольно паясничать...

— Встану и скажу: я лучше всѣхъ твоихъ друзей. Они всѣ тебя оставили. Ну, смотри—кому сіе?—онъ обвелъ руками.—Вотъ ужъ именно—много званныхъ...

— Никого мы не звали,—замѣтила матушка.

— Знаю, знаю.. Но если бы даже вышли на распутія и стали бы громко зазывать, все бы равно... Никто бы! знаю, знаю... Всю вашу исторію знаю...

— Откуда?

— Я, отецъ, не оглохъ... А слухомъ земля полнится... И я скажу прямо: подлецы!..

— Ну, выпьемъ, что ли...—предложилъ, наконецъ, хозяинъ.

И гость, выпивъ рюмку и крякнувъ, сказалъ:

— Я много знаю, отецъ, много!..

— Ну-ну... Ну-ка еще, чтобы не хромать...

— Можно... И скажу я тебѣ, какъ дѣло было... У нихъ было собраніе опять тамъ же, въ Конобѣевѣ... Ужъ и честили же тебя!.. Не поздоровится... Будто, у тебя ужъ давно уговорено было съ пилатовой конторой: взятку ты обѣщалъ заглавному протопопу, да не вполнѣ доставилъ... Посулилъ сотню, а представилъ рентой, а рентѣ цѣна только 70, и вотъ онъ тебя и проманежилъ, дескать, тоже жди, пока рента не дойдетъ до 100... Но ты не дуракъ, финансы русскіе понимаешь, столѣтіе ждать тебѣ не захотѣлось, и вотъ ты дослалъ три десятишницы—къ курсу.

— Гадость! Никому я взятки не давалъ.

— Неужто?

— Да чѣмъ хочешь поклянусь...

— Но тогда какъ же?

— Вотъ такъ...

— Съ неба?

— Именно...

— Ну, тогда еще поздравляю... Повторимъ!

— Повторимъ!

— А они противъ тебя умышляютъ... Только, говорятъ, надѣнь онъ, только надѣнь!!.

— Что же?

— Руки не подадимъ! А, по моему, эка штука—рука! Ну и песъ съ ними!.. Оно какъ тутъ (Акакій ударилъ по карману о. Гервасія), да тутъ (дотронулся до лба пальцемъ) и—все! А тамъ чортъ съ ними! Не надо! Твое мнѣніе, отче?..

— Раздѣляю...

— Раздѣлимъ и сей графинъ!—вдохновился гость.

— Ну, ужъ будетъ вамъ,—останавливала матушка.—Не пора ли тебѣ отправляться, о. Акакій?

— Куда?

— Домой.

— А гдѣ онъ?

— Самъ знаешь...

— Не знаю... И самъ Господь Богъ не знаетъ...

— Шелъ бы въ монастырь...

— Не принимаютъ.

— Ну еще бы куда... на землѣ мало ли мѣста.

— Нѣтъ мѣста мнѣ нигдѣ... И ты меня не гони... ей-Богу, не гони!.. Зачѣмъ? Пищи у васъ много, водки—веліе.. Помогу... Со всею силою души... Поживу до завтра... и починю часы... Да они идутъ оглашенные?.. Ну такъ... изъ милости заночую... Гдѣ ни то... Конюшня есть?... Баня есть?.. Отецъ?

— Въ кухнѣ можешь...

— Вотъ спасибо! Вотъ благодарю! Я не врагъ, я никому не врагъ, хотя меня отовсюду гонятъ. За что? За измѣну... Переметъ Искаріотычъ... А вы Богу не измѣняли? Вы его не распинаете? Бога-то своего?... Чорту душу за полтинникъ не продаете?.. Да вы безъ распинанія своего Бога дня не проживете!

— Успокойся, старикъ... Ну, что тамъ... Выпей,—утѣшалъ о. Гервасій. Отецъ Акакій выпилъ и снова заговорилъ:

— Гонятъ меня отовсюду... отъ края до края, до того, что я на прошлой недѣлѣ очутился у татаръ... у муллы... Онъ не прогналъ, „Живи",—сказалъ... И я жилъ тамъ, отдохнулъ... И я опять туда уйду... Мнѣ—что? Могу... Салма, коранъ... мнѣ все равно... Всѣ грѣшники и я грѣшникъ... — О. Акакій вдругъ сдѣлался свирѣпымъ и сказалъ:

— И однажды я совершу великій грѣхъ!..

— Какой?

— Уйду въ татарскую вѣру...

— Что-о-о?—О. Гервасій даже привскочилъ, сгибая спину и вытянувшись всѣмъ туловищемъ впередъ.

— Приму коранъ, залѣзу на мечеть и буду кричать: Алла! Алла!

— Ты не того?.. У тебя всѣ дома?—тревожно справлялся о. Гервасій, тыча ему пальцемъ въ лобъ.

— Въ полномъ умѣ и здравой памяти... Нынѣ свобода... Нынѣ какую хочешь вѣру, ту и исповѣдуй.. Если я раньше жилъ отъ вѣры... И къ этому привыкъ... И если меня гонятъ, яко пса смердящаго... И если я долженъ умереть подъ заборомъ... А другая вѣра меня, безпріютнаго, пріютила... то лучше умру въ вѣрѣ, которая меня согрѣла... въ ней я умру

не какъ дохлая кошка, а какъ человѣкъ... Уйду, уйду въ магометанство! И если, по вашему, это грѣхъ, пускай онъ падетъ на васъ!

И о. Акакій торжественно протянулъ къ о. Гервасію свою волосатую руку, а самъ въ тоже время мрачно двигалъ сѣдыми бровями снизу вверхъ, вращая при этомъ бѣлками глазъ.

— Обезумѣлъ... Попадья, обезумѣлъ Акакій! Сбрызни его святой водицей!

— Этого еще не доставало, чтобы насъ будущій мулла поздравлялъ!—воскликнула, ожесточившись, матушка:—Пошелъ вонъ, нехристь!

— А, такъ вы гоните?? Провокаторы!..

— Вонъ! вонъ!..

— Такъ я же къ муллѣ!.. Сейчасъ! Грѣхъ на васъ и на дѣтяхъ вашихъ!!

И Акакій, нахлобучивъ овчиный малахай, ушелъ. Черезъ пять минутъ попъ съ попадьей, обдумавшись взывали во тьмѣ:

— Эй, отецъ Акакій, вернись... ночуй въ банѣ...

Но тьма уже поглотила тѣнь о. Акакія.

На утро, когда матушка хотѣла убрать со стола снѣди, о. Гервасій остановилъ ее.

— Не трожь.

— Кого ждешь?

— Никого... Самъ.

И о. Гервасій пилъ и ѣлъ, ѣлъ и пилъ и потомъ спалъ, спалъ безъ конца. За три послѣдующихъ дня онъ обрюзгъ, осовѣлъ и опустился. Елена Ивановна тоже обезпокоилась.

— А ты, попъ, полегче... кабы чего не случилось.

— А что?

— Знаешь... Кондрашка...

Когда все было, наконецъ, съѣдено и многое выпито, и настали будни, о. Гервасій предался мышленію и самоуглубленію. Онъ не переставалъ ломать себѣ голову надъ рѣшеніемъ двухъ вопросовъ: какъ и чѣмъ объяснить поступокъ начальства? И какъ быть теперь по отношенію къ товарищамъ?

— Не поможетъ ли благочинный?—высказала матушка, которую о. Гервасій неотступно водилъ за собою въ лабиринтѣ всяческихъ сомнѣній и соображеній.

— Въ самомъ дѣлѣ!—воскликнулъ батюшка съ облегченіемъ.

Но можно ли было ѣхать къ начальству за разрѣшеніемъ мудреной задачи съ пустыми руками?

— Нѣтъ! — рѣшилъ о. Гервасій. — Безсовѣстно пользоваться даромъ чужимъ разумомъ, не въ моихъ это правилахъ.—Онъ вышелъ на дворъ и сталъ обозрѣвать свое хозяйство, отыскивая какой-либо подходящій для дара предметъ. Лошадь, корова, жеребенокъ—это слишкомъ убыточно и несоразмѣрно велико. Куры, гуси, индюшки — несоразмѣрно въ обратную сторону... Утки — со всѣмъ выводкомъ въ тридцать два утенка—пожалуй, подходили бы но... передаривать неприлично.

Вдругъ съ невысокой соломенной крыши заблеяла коза.

— Вотъ онъ, перстъ Божій!.. Радъ будетъ... И не дорого—всего три съ полтиной... Козу! ей-Богу, козу!—О. Гервасій ласково поманилъ ее: „Машка! Машка!“ Та живо кувырнулась и подошла. Попъ погладилъ ее и заговорилъ съ ней, какъ съ разумнымъ существомъ:

— Вотъ, козочка, благочинный воображаетъ въ себѣ чахотку и лѣчится морковнымъ сокомъ... Морковный сокъ — чепуха, а вотъ твое молочко—первое средство. Итакъ, Маша, собирайся завтра къ благочинному.

Коза жалобно заблеяла.

— Не хочешь? Не хочешь въ чужой домъ?.. Полно... все равно... вездѣ земля Господня. И тамъ тебя будутъ холить. Мы не такъ въ тебѣ нуждаемся; попала ты ко мнѣ случайно, за долгъ нашей учительницы... Все равно я продалъ бы тебя... Жаль козлятокъ? Не жалѣй, они ужъ большіе и одни проживутъ. А у благочиннаго будетъ тебѣ лучше, онъ тебѣ заведетъ козла...

На утро, когда привязывали козу къ тарантасу, началась цѣлая исторія. Коза была воспитана учительницей на свободѣ и не знала, что такое веревка. Теперь она рвалась кружилась, рисковала жизнью, путаясь между колесъ. При видѣ такой безмѣрной отчаянности попъ предложилъ связать козу, какъ теленка, и положить ее въ передокъ тарантаса. Но матушка рѣшительно противъ этого запротестовала, говоря, что въ такомъ обществѣ она ни за что не поѣдетъ, тѣмъ болѣе, что у нея новая шляпка и во второй только разъ надѣтое муаровое платье.

— Ну, такъ я одинъ поѣду,—не подумавъ, сказалъ о. Гервасій.

— Поѣзжай...—обидѣлась матушка. — Съ козой... ха-ха!.. И хоть ты крестъ получилъ, а ума у тебя не прибавилось...

Словно жандармскій ротмистръ, который жену оставилъ дома, а на Кавказъ поѣхалъ съ пуделемъ... Смѣхи!..

О. Гервасій насмѣшекъ боялся и потому спросилъ:

— Тогда какъ же?

А матушка ехидничала:

— Поѣзжай, поѣзжай... Ничего. Съ козой... — Она ужъ отколола шляпку отъ пышно взбитыхъ волосъ и намѣревалась начать раздѣванье. Попъ, въ свою очередь, злился:

— А ты не ерунди, Олена, толкомъ говори, какъ быть... Присовѣтуй.

— А у самого-то у тебя умъ корова слизала?.. Бабьимъ хочешь жить... — Она разстегнула пряжку и стала свертывать голубой кожаный поясъ.

Работникъ Алешка, присутствовавшій при этой семейной сценѣ, укротилъ ее очень простымъ предложеніемъ:

— Еже ли бы со сторожемъ съ церковнымъ... Козу-то...

— И вправду! — воскликнулъ о. Гервасій облегченно. — Какъ раньше не догадаться!.. Садись теперь, попадья, не бойся за свои муары!

Матушка молча застегнула опять корсажъ. Козу, съ веревкой на шеѣ, сдали церковному сторожу и поѣхали... Но долго о. Гервасій и Алешка оглядывались назадъ.

— Упрямится, мошенница... уперлась задними ногами, какъ сохой... А теперь вонъ въ сторону метнула... Глянь-ка, батюшка, съ бугра-то она въ оврагъ потянула Ермолая...

— Да онъ никакъ ее держитъ надъ обрывомъ? Дуракъ... удавитъ... Ермошка, что ты дѣлаешь? — испуганно закричалъ о Гервасій, но тотъ уже и самъ догадался, спрыгнулъ въ оврагъ и черезъ минуту снова появился на дорогѣ.

— Обойдется, — замѣтилъ Алешка и ударилъ по лошадямъ.

Первое время у благочиннаго семья Кедроливанскихъ чувствовала себя неловко, такъ какъ хозяева вели себя чрезвычайно сдержанно и сухо. О. Гервасій злился на Ермолая, который запоздалъ. Елена Ивановна вопросительно поглядывала на мужа, и въ круглыхъ ея глазахъ чуялся сердитый вопросъ:

— Скоро-ли козу-то приведутъ? А то хоть домой впору...

Наконецъ, когда коза появилась на дворѣ, и благочинниха услышала изъ устъ гостьи, что у этой козы — не молоко, а настоящій кумысъ, благочинный же безъ всякихъ объясненій понялъ ея назначеніе, онъ, накашлявшись вдосталь, въ доказательство своей серьезной болѣзни, заговорилъ чрезвычайно благосклонно:

— Ваша награда, о. Гервасій, прямо, по моему мнѣнію, дѣло сверхъ-естественное... Откроюсь вамъ: былъ ко мнѣ за-

просъ, и я, простите, теперь нѣтъ надобности скрывать,— отписалъ все, какъ было...

— И про меня?

— Да... каюсь... Но, видите, правда-то послужила на пользу.—Однако, лицо о. Гервасія затуманилось.

— Да вы что?—ободрялъ его о. Тарасій.—Хорошо все, что хорошо кончается...

— Такъ-то оно такъ, но теперь, отецъ Тарасій, мое недоумѣніе еще болѣе возрастаетъ...

— Мало ли тайнъ, о. Гервасій, въ природѣ и жизни человѣческой, которыя скрыты отъ нашего ума, ограниченнаго въ своей субстанціи. Чего безпокоиться? Получили и благодарите Бога, подателя всѣхъ щедротъ.

— Но... принимать ли награду?

— Она ужъ прислана. На почтѣ. Вотъ повѣстка...

— Эхъ, посмотрѣть бы... — произнесла Елена Ивановна нетерпѣливо.

— Да мы сейчасъ же пошлемъ записку на почту!

Черезъ полчаса благочинный уже распарывалъ посылку. Кедроливанскіе стояли около въ нетерпѣливомъ ожиданіи и до извѣстной степени страдали отъ медлительности движеній и методичности благочиннаго, который старался сохранить въ цѣлости не только коленкоръ и веревочку, но и сургучъ, которымъ запечатана была посылка. Сургучъ этотъ онъ привыкъ сберегать, занимаясь въ свободное время свариваньемъ его въ особой формы палочки и заставляя потомъ почтмейстера ломать голову, на какой фабрикѣ покупаетъ о. Тарасій такой смрадно-шипучій сургучъ неопредѣленнаго цвѣта и номера... Кедроливанскіе хорошо знали, какіе бываютъ наперсные кресты, но имъ казалось, что *ихъ* крестъ, навѣрное, будетъ какого-то особаго вида и качества и можетъ наполнить ихъ сердца новымъ чрезвычайнымъ чувствомъ. Они задыхались отъ ожиданія; Елена Ивановна готова была выхватить изъ рукъ благочиннаго ножницы, которыми онъ не торопился дѣйствовать, тщательно сгребая крошки сургуча... Секунды казались часами... Но вотъ выскочилъ изъ рукъ благочиннаго футляръ, и матушка Елена Ивановна съ неудовольствіемъ отмѣтила:

— Старый... ободраный.

— Это всегда... Обмѣниваютъ тамъ... Орденъ ли, крестъ ли,—все равно футляръ старый...

— А берутъ, какъ за новый?

— Иногда и ленту не дошлютъ... Но какъ запираютъ, точно гвоздями...

— Футляръ не бѣда, но лента... Ее не купишь на базарѣ въ Конобѣевѣ, въ лавченкахъ... Туго какъ!.. Жди случая — овечьей ярмарки, а то изъ городу выписывай... Иной бы и воздѣлъ на выю, да не по формѣ будетъ...

— То-то я дивился: почему это у консисторскихъ протоіереевъ футляры всегда точно изъ магазина... На что зарятся!

— Да... У нихъ эта статья безъ износу...

Благочинный открылъ, наконецъ, крышку облупившагося футляра. Лучи солнца, глядѣвшаго въ окно, около котораго всѣ трое стояли, ударили по золоту и ослѣпили глаза о. Гервасія, принудивъ ихъ прищуриться.

Благочинный подошелъ къ иконамъ, гдѣ стояла святая вода, покропилъ немного награду, какъ бы омывая съ нея духовную нечистоту, и, повернувшись затѣмъ къ о. Гервасію, сказалъ:

— Ну-съ... Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа... За ревность и особые труды...

О. Гервасій нагнулъ шею, крестясь, а благочинный, осѣнивъ его крестомъ, расправилъ цѣпь, разставляя какъ можно шире отверстіе, оба сдѣлали движеніе впередъ, о. Гервасій головой, о. Тарасій руками, и крестъ очутился на выѣ награжденнаго, который, поцѣловавъ награду, сталъ лобзаться съ благочиннымъ. Когда они терли щеки объ щеки, Елена Ивановна, расправляя на спинѣ своего мужа перекрутившійся отвѣсъ цѣпи, ласково замѣчала:

— Не умѣетъ еще носить-то, какъ слѣдуетъ.

— Научится, дѣло не мудреное,—отвѣтилъ благочинный и пригласилъ:

— Пойдемте въ столовую, благочинниха-то еще не видала... Эй ты, Марѳа, Марѳа, печешися о мнозѣмъ... Смотри— любуйся, мать... Новый крестоносецъ!

Благочинниха, отпирая шкафъ, въ полуоборотъ взглянула и сказала:

— Этакой же, какъ и у тебя.

— А ты поздравь, мать.

— Поздравляю,—она подала руку, не сжимая пальцевъ. О. Гервасій съ чувствомъ трясъ протянутую лопатку, сдѣлалъ движеніе поцѣловать ее, но благочинниха мгновенно отдернула, говоря:

— Въ желткахъ: яичницу стряпала,—и потомъ звонко-звонко расцѣловалась съ гостьей.

— Садитесь... Скушайте глазунью, а потомъ чай будемъ пить.—Отдавъ честь яичницѣ, о. Гервасій пилъ чай съ отмѣннымъ аппетитомъ, при чемъ не могъ преобороть искушенія взглянуть на крестъ при каждомъ глоткѣ чаю, обе-

регая его отъ края стола и направляя его качанія на пастырскій серебряный крестъ, отчего получалась нѣжная музыка двухъ металловъ, ласкавшая ухо Елены Ивановны, но вызвавшая замѣчаніе благочиннаго:

— Серебряный-то теперь въ архивъ, ибо меньшее поглощается бо́льшимъ.—О. Гервасій хотѣлъ было тотчасъ же снять старый крестъ, но благочинный остановилъ:—Послѣ... потомъ...

— Теперь у васъ, о. Гервасій, впереди—протоіерейство,—занимала благочинниха гостей.—Дай Богъ...

— Отъ всей души благодарю васъ, Любовь Петровна.

— Дай Богъ, дай Богъ... Мы не завистливы, напротивъ, желаемъ, чтобы у всѣхъ были такія награды... Конечно, иной разъ награждаютъ и не знай за что...

Но тутъ она спохватилась и прибавила:

— Я не объ васъ говорю, о. Гервасій... Вы, конечно, по заслугамъ...

Тогда о. Гервасій, подъ вліяніемъ хозяйской ласки и выпитыхъ трехъ рюмокъ вина, размякъ и пустился въ откровенность:

— Нѣтъ, Любовь Петровна, какіе же мои особые труды? Напротивъ... Если и была особая ревность, то не награжденію, а скорѣе наказанію подлежащая... Сами знаете, не буду распространяться... Прошу вникнуть только въ мою душу, въ душу!—онъ стучалъ по груди кулакомъ.—Душа болитъ... смущена и недоумѣваетъ... Носить, или не носить?..

— Кажется, но́сите...—улыбнулась благочинниха.

— Но какъ дальше быть? Вѣдь товарищи осуждаютъ! Между ними ропотъ... грозятъ прекратить общеніе...

— А вамъ кто дороже—начальство, или товарищи?

— Да, вѣдь, какъ сказать... И безъ этого нельзя, и безъ того не обойдешься. А одно съ другимъ, какъ огонь и вода, въ великомъ противорѣчіи... И потому—драма...

Всѣ задумались и помолчали, послѣ чего хозяинъ изрекъ:

— Надо одно изъ двухъ выбрать.

— Которое же?—трагически произнесъ гость. На это отвѣтила раньше всѣхъ его собственная жена:

— Давно я тебѣ говорю: брось благопріятелей, а ты все малодушествуешь.

А благочинниха добавила:

— Охъ, ужъ это товарищество, прости Господи, гадость порядочная. Иной разъ къ тому поведутъ, что весь вѣкъ пятно!..

— Да, да...

— Вотъ хоть бы тогда... Ну, что галдѣли? Чего хотѣли?

О. Гервасій опустилъ голову.

— И самъ не знаю, какъ произошло сіе...

— Новшаки... Крикуны... Неволятъ,—сказалъ благочинный.—Молодятина... боронятъ. Подхватили случайную мысль, такъ сказать, pia desiderata, мечту, уцѣпились за нее—и пошло.

— Вотъ именно!..

— О. Гервасій долженъ теперь съѣздить къ начальству въ губернію,—твердо заявила благочинниха.

— Охъ, вотъ мученье!—воскликнулъ награжденный.

— Но иначе какъ же? Повиниться... Въ этомъ что худого? Винимся же передъ Господомъ во грѣхахъ... Каждый день, каждый часъ, можно сказать, грѣшимъ, ни на шагъ безъ грѣха,—и что было бы, если бы не каялись?!

— А что, вѣдь мою попадью Богъ разумомъ не обидѣлъ?—съ улыбкой вопрошалъ хозяинъ гостей.

О. Гервасій почелъ долгомъ тактично упомянуть о достоинствахъ предковъ хозяйки:

— Да, покойный о. Петръ былъ разума необычайнаго.

Произошла пауза, послѣ которой Любовь Петровна произнесла:

— Память ему недавно была... въ прошлое воскресенье.—Тогда гостья воскликнула:

— То-то васъ и не было у насъ! А мы съ попомъ думали-гадали, почему это не пріѣхали?

— Дураками-то мы никогда не были...

Черезъ минуту о. Гервасій заговорилъ:

— Да, пожалуй, надо съѣздить въ консисторію.

— Обязательно! И не замедлительно!—настаивалъ благочинный.

Черезъ двѣ недѣли о. Гервасій сообщалъ пріѣхавшему къ нему о. Тарасію:

— Да, была накалка, что и говорить... Такая баня—и-и!.. Ну да, въ концѣ концовъ, все обошлось благополучно... Далъ я, прежде всего, подписку въ томъ, дескать, что подписался подъ тѣмъ, знаете, глупымъ протоколомъ по недоразумѣнію. Но вижу—мало. „Чего молъ, еще?“

— Запишись въ союзъ русскаго народа.—„Съ полнымъ удовольствіемъ“. Сдѣлалъ взносъ, ублаготворились.

— А про меня не спрашивали?

— Спрашивали... И я удостовѣрилъ, что подъ натискомъ нѣкоторыхъ агитаторовъ вы не могли направить собраніе по надлежащему руслу, а что въ душѣ и на словахъ вы были противъ.

— Благодарю за доброе слово...

— Считалъ своимъ прямымъ долгомъ... Встрѣтилъ, между прочимъ, въ городѣ отца Марка... Разсказалъ ему кое-что, такъ онъ самостоятельно побѣжалъ и сдѣлалъ подобное же заявленіе... Должно быть, скоро всѣмъ предложатъ сдѣлать то же самое... А которые останутся при прежнемъ мнѣніи, тѣхъ будутъ сортировать по другимъ уѣздамъ...

— Это вотъ напрасно!—воскликнулъ отецъ Тарасій, а отецъ Гервасій объяснилъ:

— Обижаются, главнымъ образомъ, на гласность... Въ либеральныхъ газетахъ было напечатано. Мало того, говорятъ, что пакость учинили, еще и воспечатали объ оной, въ ожиданіи суетной похвалы... Слѣдствіе по сему поводу будетъ, и надо полагать, отцу Петру съ отцомъ Павломъ не сдобровать... Секретарь прямо сказалъ: „Мы вашего брата отучимъ отъ газетъ“.

— А вы помалкивайте объ этомъ, отецъ Гервасій. Услышатъ, еще и объ этомъ напечатаютъ. Народъ нынѣ какой!?.

— Я только вамъ...

— Мнѣ можно,—я могила... — И благочинный еще тише заговорилъ, опуская до шепота свой голосъ: — Между прочимъ, отецъ Гервасій, интересно,—простите за нескромный вопросъ: во сколько же обошлось примиреніе?

Отецъ Гервасій обвелъ глазами карнизъ комнаты, гдѣ вился плющъ, вздохнулъ и отвѣтилъ тоже шепотомъ:

— Какъ сказать?.. Деньгами ничего не взяли. Но секретарь назначилъ свиданіе въ гостиницѣ „Россія“, знаете — шикарная такая съ зеркалами во всю дверь?.. Ну, заняли мы особый кабинетъ... Сначала все чинъ-чиномъ, серьезный разговоръ, дѣльный: насчетъ союза русскаго народа, выборовъ въ Думу и пр. Программами и всякими брошюрами снабдилъ меня. Между прочимъ, жалѣлъ, что дѣйствительно награды обременяютъ, и наводилъ справки о богатыхъ попахъ, которые выдержатъ... Я, конечно, не скрылъ кредитоспособности нашего брата... по совѣсти...

— Ну?

— И про отца Марка, напримѣръ, прямо сказалъ, что наградить его большой наградой равносильно будетъ пустить его по міру, потому—семьища, и каждый грошъ на учетѣ...

— А про меня что сказали?

— Признаюсь, васъ одного и выдвигалъ...

— Хм... — благочинный инстинктивно сунулъ руку въ карманъ, а отецъ Гервасій продолжалъ:

— Потомъ подошелъ къ намъ главный столоначальникъ, высокій такой, худущій и съ большимъ кадыкомъ, главный пріятель секретаря, правая его рука...

— Знаю...

— Стало насъ трое, значитъ... Семенъ Семенычъ, секретарь-то, взялъ карточку яствъ и питій, позвалъ хлѣбодара съ виночерпіемъ и началъ тыкать перстнемъ по прейсъ-куранту во всѣ мѣста. И тотчасъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, появились на столѣ — икра, балыки, омары и разные бифштексы и разносолы, имена ихъ, Господи, Ты вѣси... Ѣдимъ, пьемъ, значитъ, бесѣдуемъ о томъ, о семъ... Много я отъ нихъ узналъ тутъ и про консисторскихъ заправилъ и даже про владыку... Откровенничали, — и нельзя сказать, чтобы матеріалъ былъ доброкачественный: все больше смѣшное, анекдотическое... И вотъ столоначальникъ и говоритъ: „Шампанскаго бы!..“ Вижу, дѣлать нечего... Заказалъ было бутылочку русскаго, но они не захотѣли и нюхать такого квасу; пришлось какъ слѣдуетъ — заграничнаго... Дѣйствительно—винцо, хаять не приходится... И другую потребовали... Закурили сигары настоящія, гаванскія... И начались анекдоты изъ другого ужъ ящика. — Мастера! Признаться, меня затошнило даже... А подъ конецъ я ужъ не могъ и оставаться...

О. Гервасій запнулся.

— Почему же?—спросилъ о. Тарасій.

— Да не могъ... ну, какъ іерей... ну, просто какъ мужъ, уважающій собственную жену...

— А, понимаю... А они остались?

— Да, послали за какими-то особами женскаго пола... Я же сбѣжалъ, на нездоровье сослался...

— Вотъ артисты!.. Хорошо хоть то, что вамъ платить не пришлось.

— Нѣтъ, о. Тарасій! За все заплачено—вотъ отсюда!— Отецъ Гервасій шумно хлопнулъ по своему карману.—И за то, что послѣ меня было... Авансомъ... За все...

— Однако!..

— Да...

— Сколько же?

Много забралъ въ себя воздуху отецъ Гервасій прежде, чѣмъ отвѣтить...

— ...Сто двадцать три рубля сорокъ четыре копѣечки!..

Благочинный покачалъ головой и сокрушенно заключилъ:

— Взятокъ, правда, не берутъ, но то же на то выходитъ... Не легче прежняго.. Да еще политику пристегнули... у-уфъ!

Уплативъ за крестъ столь дорогимъ угощеніемъ, о. Гервасій носилъ его потомъ, ничтоже сумняся, безъ всякой драмы въ сердцѣ, и только при встрѣчѣ съ товарищами невольно прижималъ его къ груди, какъ бы инстинктивно

охраняя дорогую собственность отъ нахальнаго поруганія; сгибался, хмурился, ничего не говорилъ и торопливо удалялся. Его избѣгали.

И къ благочинному стали относиться замѣтно хуже, хотя и не настолько, чтобы желать его замѣны другимъ лицомъ, ибо для всѣхъ стало ясно, кто первый кандидатъ на это мѣсто.

— Съ Тарасомъ хорошо нахлебались, а ужъ Гервасъ прямо утопитъ... На то пошелъ, въ соборные мѣтитъ!

Николай Шихановъ.

* * *

Грядущаго счастья далекіе дни
Съ сіяніемъ солнца, цвѣтовъ и лазури...
Въ ненастную ночь, подъ раскатами бури,
Не вѣрится сердцу, что будутъ они!
Конца нѣтъ дорогѣ томительно-трудной...
Не сонъ ли тò людямъ пригрезился чудный?

Но, солнце, ты будешь!.. И люди съ трудомъ
Повѣрятъ кровавой и горестной были
И, въ ужасѣ, спросятъ: „Да вправду-ль вы жили,—
Любили, смѣялись, боролись съ врагомъ?
На праздникѣ свѣтломъ любви и свободы
Не снятся-ль тюрьмы намъ угрюмые своды?“

П. Я.

Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ.

ГЛАВА III.

Проекты реформъ М. Ѳ. Орлова, гр. М. А. Дмитріева-Мамонова и Н. И. Тургенева въ 1814—17 годахъ.—Общество Русскихъ Рыцарей.

Всѣ указанныя нами, какъ отрицательныя, такъ и положительныя вліянія содѣйствовали возникновенію и развитію либеральныхъ идей въ Россіи, которыя были распространены, конечно, не среди однихъ членовъ общества. Послѣдніе, впрочемъ, иной разъ увлекались, представляя себѣ распространеніе этихъ идей гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Такъ, напр., Н. А. Бестужевъ въ своемъ показаніи говоритъ: «едва ли не треть русскаго дворянства мыслила подобно намъ, хотя была насъ осторожнѣе». Каховскому процентъ либераловъ среди молодежи представлялся еще болѣе значительнымъ. Въ письмѣ изъ крѣпости онъ говоритъ: «Я съ немногими членами Тайнаго Общества былъ знакомъ и вообще думаю, число ихъ не велико. Но изъ большого числа моихъ знакомыхъ, не принадлежащихъ никакимъ Тайнымъ Обществамъ, очень немногіе были противнаго со мною мнѣнія. Смѣло говорю, что изъ тысячи молодыхъ людей не найдется ста человѣкъ, которые бы не пылали страстью къ свободѣ».

Послѣ рѣчи государя въ Варшавѣ въ 1818 г. весьма многіе ожидали введенія конституціоннаго строя и въ Россіи. Тургеневъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ 3 апрѣля 1820 г. любопытный фактъ: «На сихъ дняхъ собрались сенаторы для объявленія манифеста о разводѣ цесаревича Константина Павловича [1]). Сенаторы, не зная, зачѣмъ ихъ собираютъ, искали причинъ. Иные полагали,—*что манифестъ о конституціи,* иные—о вольности крестьянъ. Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!» прибавляетъ Тургеневъ, очевидно, по адресу

[1]) Манифестъ этотъ появился 20 марта. П. С. З. XXXVII, № 28.208.

послѣднихъ [1]). Завалишинъ свидѣтельствуетъ, что «либеральныя мнѣнія, въ общемъ, были очень распространены даже въ начальственныхъ сферахъ», гдѣ не боялись приближать къ себѣ нѣкоторыхъ людей, слывшихъ либералами. Что же касается общественныхъ теченій, то, по словамъ Завалишина, нѣкоторые «мечтали о слишкомъ утопическихъ средствахъ государственнаго устройства, даже вродѣ фенелоновыхъ порядковъ всеобщаго братства» [2]).

Зарожденіе политическаго либерализма въ массѣ молодежи военной, университетской и всякой другой естественно вызывало желаніе попытаться выступить на борьбу съ безобразнымъ политическимъ и соціальнымъ строемъ. Но вести эту борьбу въ печати, при существованіи строжайшей предварительной цензуры, было дѣло совершенно невозможное, не говоря уже о томъ, что не всякій способенъ къ литературному труду. Наконецъ, однихъ литературныхъ вліяній было недостаточно для преобразованія государственнаго строя: опытъ Западной Европы показалъ, что для завоеванія политической свободы нужна активная борьба со старымъ порядкомъ. Невозможность открыто выяснять общественныя задачи и способы борьбы съ существующимъ зломъ естественно вызывала потребность въ негласныхъ собраніяхъ. Одну изъ такихъ готовыхъ формъ, унаслѣдованныхъ отъ XVIII вѣка, представляли масонскія ложи, и многіе изъ декабристовъ прошли эту школу, но скоро почувствовали себя слишкомъ стѣсненными условными формами и задачами нашего масонства почти исключительно нравственнаго и благотворительнаго характера [3]). Естественно, что на ряду съ масонствомъ явилась мысль, занесенная также съ Запада, объ устройствѣ тайныхъ обществъ съ политическими задачами. М. А. Фонъ-Визинъ,

[1]) Въ декабрѣ того же года Тургеневъ отмѣчаетъ въ дневникѣ свой разговоръ съ гр. Потоцкимъ по поводу книги Гизо: «Сегодня при завтракѣ совѣтскомъ гр. Потоцкій говорилъ мнѣ о книгѣ Guizot; хвалилъ въ особенности одно мѣсто, гдѣ G. говоритъ: „Народы имѣютъ чувство, влекущее ихъ къ лучшему. Они увѣрены, что требованія ихъ справедливы; этого недовольно; они знаютъ, что они имѣютъ право дѣлать сіи требованія. Этого не довольно. Они видятъ, что они имѣютъ и силу произвести свои требованія въ исполненіе. И такъ чувство, справедливость, право и сила соединены вмѣстѣ". Это мѣсто представляетъ не совсѣмъ точную передачу на память изъ книги Гизо „Du gouvernement de la France depuis la restauration et du ministère actuel". P. 1820. p. 266. Затѣмъ Тургеневъ продолжаетъ: „Гр. Потоцкій говоритъ: «двѣ стороны спорятъ теперь между собой: Старый свѣтъ и новый. Долженъ ли старый уступить что-нибудь новому? Правительства, кажется, хорошо сдѣлали (бы), если бы согласились на какія нибудь уступки. Народы много бы выиграли. Правительства ничего бы не потеряли. Но если сіи послѣднія будутъ съ упорствомъ противиться, то не приближаетъ ли это рѣшительную схватку, рѣшительный толчокъ"..

[2]) Ср. о соціальныхъ взглядахъ Фенелона книгу Lichtenberger «Le socialisme au XVIII siècle» . P. 1895, p. 41—43.

[3]) Участію декабристовъ въ масонскихъ ложахъ я посвящу особый очеркъ.

упомянувъ о стремленіи петербургской военной молодежи къ изученію политическихъ системъ, теорій и современныхъ западныхъ европейскихъ событій, продолжаетъ: «а это и было главнымъ предметомъ занятій размножившихся въ Европѣ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ члены исключительно посвящали себя политикѣ. *Статуты нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ*, существовавшихъ *во Франціи* и Германіи, завезены были въ Россію и навели нашихъ либераловъ на мысль учредить тайное политическое общество у насъ съ цѣлью ограничить самодержавіе». Подъ такими вліяніями и зародился въ 1816 году Союзъ Спасенія. Мы указывали выше на то, что во время пребыванія Лунина въ Парижѣ въ 1816-17 г.г. у него были сношенія съ какимъ-то тайнымъ обществомъ, повидимому, съ карбонаріями.

8-го февраля 1816 г. незадолго до того, какъ въ Россіи былъ основанъ Союзъ Спасенія, полковникъ бар. Дибичъ въ секретномъ донесеніи (на нѣмецкомъ языкѣ) фельдмаршалу Барклаю-де Толли изъ Мейссена писалъ: «Офицеры въ прусской королевской гвардіи открыто говорятъ, что никакихъ королей не нужно и что состояніе мірового просвѣщенія дѣлаетъ необходимыми республики.—Говорятъ, что въ нашей арміи распространился такой же духъ между офицерами вслѣдствіе соприкосновенія ихъ съ тайными обществами во Франціи, Германіи, Варшавѣ, Петербургѣ и т. д. и что подобныя же выраженія употребляютъ даже офицеры свиты вашего сіятельства» [1]). Подъ тайными обществами въ Петербургѣ Дибичъ, всего вѣроятнѣе, разумѣлъ масонскія ложи (ему, очевидно, не было извѣстно, что правительство очень хорошо знало все, что въ нихъ дѣлается), такъ какъ дальше онъ переходитъ къ масонству, называетъ живущаго въ Россіи извѣстнаго масона Фесслера іезуитомъ-якобинцемъ и считаетъ опасною масонскую пропаганду. Но нѣсколько ранѣе существовали въ Россіи и другія тайныя общества, какъ это видно изъ разсказа. Н. Н. Муравьева объ основанномъ имъ въ 1811 г. юношескомъ обществѣ. Н. Н. Муравьевъ былъ тогда колонновожатымъ и служилъ надзирателемъ въ петербургскомъ училищѣ колонновожатыхъ. Въ числѣ учениковъ этого училища былъ его дальній родственникъ, Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, впослѣдствіи членъ Южнаго Тайнаго Общества. Молодые люди часто бывали вмѣстѣ; къ нимъ присоединился юнкеръ Семеновскаго полка, Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, позднѣе членъ Союза Спасенія и другихъ тайныхъ обществъ. Н. Н. Муравьевъ, возбужденный чтеніемъ «Общественнаго договора» Руссо, мечталъ о необходимости преобразованія современнаго строя и наконецъ пришелъ къ мысли удалиться чрезъ пять лѣтъ на какой нибудь островъ, населенный дикими, взять съ собой надежныхъ товарищей, распространить обра-

---

[1]) Донесеніе бар. Дибича напечатано Н. М. Затворницкимъ въ „Русской Старинѣ“ 1907 года №№ 4—5.

зованіе среди жителей острова и устроить тамъ республику. Онъ составилъ даже законы этой будущей республики и уговорилъ слѣдовать за нимъ Артамона Муравьева, Матвѣя Муравьева-Апостола и двухъ Перовскихъ, Льва и Василія, также вступившихъ въ училище колонновожатыхъ (въ 1817 г. были приняты членами въ Военное Общество, или Общество благомыслящихъ, но скоро вышли изъ него). Были учреждены собранія и введены условные знаки для узнаванія членовъ при встрѣчѣ. Предполагалось установить даже особую форму (между прочимъ поясъ съ кинжаломъ, а на груди двѣ параллельныя линіи изъ мѣди—знакъ равенства), но для осуществленія этого предположенія у членовъ общества не оказалось денегъ. На собраніяхъ читались записки относительно усовершенствованія законовъ товарищества, которые по обсужденіи утверждались всѣми. Между прочимъ постановили, чтобы каждый изъ членовъ усвоилъ какое нибудь профессіональное знаніе, а на Н. Н. Муравьева возложили обязанность устроить воинскую часть и защищать будущія владѣнія отъ нападенія сосѣдей. Артамонъ Муравьевъ назначенъ былъ лѣкаремъ [1]), Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ—столяромъ; вступившій въ общество юнкеръ конной гвардіи Сенявинъ долженъ былъ заняться устройствомъ флота. Черезъ пять лѣтъ предполагалось отправиться, по совѣту Сенявина [2]) и Перовскаго, на островъ Чока (нынѣшній Сахалинъ). Проектъ этотъ никому изъ членовъ не казался дикимъ, и всѣ обсуждали его вполнѣ серьезно: но составленіе устава общества общими силами подвигалось медленно и не пошло далѣе трехъ писанныхъ листовъ. Предполагалось всѣмъ членамъ сдѣлать печати съ изображеніемъ званія и ремесла каждаго, но на это также не хватило денегъ. Н. Н. Муравьевъ надѣялся привлечь въ общество Михаила Колошина, своего брата Михаила и сына покойнаго Мих. Никитича Муравьева, Никиту, (впослѣдствіи члены Союза Благоденствія, а Никита Муравьевъ также Союза Спасенія и Сѣвернаго Тайнаго Общества). Каждый представлялъ своихъ кандидатовъ, и Артамонъ Муравьевъ привелъ однажды колонновожатаго Рамбурга, но онъ принадлежалъ уже къ другому обществу и потому не рѣшился вступить въ общество Муравьева безъ предварительнаго совѣщанія съ своимъ «братствомъ». Членами того же общества были также офицеры: Дурново, Александръ Щербининъ, Вильдеманъ, Делингсгаузенъ и нѣкоторые другіе. Цѣль этого общества, собиравшагося у Дурново, была въ точности Н. Н. Муравьеву неизвѣстна, такъ какъ они «таились отъ другихъ то-

---

[1]) Впослѣдствіи, находясь въ отпуску за границей, онъ слушалъ въ университетахъ лекціи по медицинскимъ наукамъ и посѣщалъ клиники, *П. М. Головачевъ*. «Декабристы. 86 портретовъ, изд. М. М. Зензинова» М. 1906 г. стр. 155.

[2]) Ник. Дмитр. Сенявинъ, сынъ вице-адмирала Сенявина, привлекался къ слѣдствію о тайномъ обществѣ; при освобожденіи арестъ былъ вмѣненъ ему въ наказаніе. Гос. арх. I В. № 198.

варищей своихъ». Поэтому и Рамбургу была не вполнѣ открыта цѣль общества Муравьева. Однажды Рамбургъ выразилъ желаніе соединить оба общества и полагалъ, что «можно будетъ согласовать» ихъ виды, о чемъ говорилъ и своимъ сочленамъ, но такъ какъ одинъ изъ нихъ уѣхалъ въ Ригу, то считали необходимымъ подождать отвѣта на посланное ему письмо. Однако, походъ 1812 г. разстроилъ всѣ проекты этой зеленой молодежи, а затѣмъ они забыли о нихъ.

Нужно замѣтить, что ни кружокъ Муравьевыхъ, ни братство Рамбурга не были масонскими ложами: въ первомъ смѣялись надъ увлеченіемъ масонствомъ брата Н. Н. Муравьева, Александра Николаевича, а имена членовъ братства Рамбурга также не встрѣчаются въ спискахъ членовъ масонскихъ ложъ [1]).

Попытка Муравьевыхъ была вполнѣ дѣтскою; относительно братства Рамбурга и его друзей мы не знаемъ никакихъ подробностей. Главнымъ побужденіемъ къ дальнѣйшимъ попыткамъ основать тайное общество, потребность въ которомъ вызывалась цѣлымъ рядомъ причинъ и вліяній, подробно разобранныхъ въ предыдущихъ очеркахъ, послужилъ прежде всего нѣмецкій Союзъ Добродѣтели (Tugend-Bund), о позднѣйшихъ же сношеніяхъ русскихъ съ западно-европейскими карбонаріями мы будемъ говорить далѣе.

М. Ѳ. Орловъ въ запискѣ на французскомъ языкѣ для императора Николая отъ 29 декабря 1825 года говоритъ: «Я думаю, что я первый въ Россіи задумалъ планъ тайнаго общества. Это было въ 1814 году. Я былъ вполнѣ проникнутъ тогда сознаніемъ важнаго значенія, которое Tugend-Bund пріобрѣлъ въ политикѣ. Съ другой стороны, я запомнилъ слова императора Александра, сказавшаго въ Парижѣ: «Внѣшніе враги разбиты надолго, будемъ сражаться съ врагами внутренними». Съ этими мыслями я пріѣхалъ въ Россію. Я хотѣлъ перемѣнить карьеру, оставить военную службу и перейти въ гражданскую, въ которой.. гнѣздятся внутренніе Наполеоны-грабители. Въ этомъ смыслѣ я велъ переписку съ гр. Мамоновымъ. Я склонилъ его участвовать въ осуществленіи моихъ намѣреній. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что внутренній врагъ сильнѣе, чѣмъ всѣ внѣшніе враги, и что онъ отчаивается въ успѣхѣ. Тѣмъ не менѣе мы согласились тогда относительно нѣкоторыхъ предположеній». Въ своемъ подробномъ показаніи на русскомъ языкѣ Орловъ также говоритъ:« Увѣренный, что Тугендъ-Бундъ было одно изъ дѣятельнѣйшихъ средствъ, употребленныхъ для спасенія Пруссіи и Германіи, по возвращеніи въ Россію въ 1814 году, я вознамѣрился сдѣлать тайное общество, составленное изъ самыхъ честныхъ людей

---

[1] Ср. списокъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ масонскимъ ложамъ и давшихъ подписку не участвовать въ нихъ при запрещеніи масонства въ 1822 году, хранящійся въ Военно-ученомъ Архивѣ и напечатанный Т. О. Соколовскою, въ „Русской Старинѣ“ 1907 г. №№ 6—9.

для сопротивленія лихоимству и другимъ безпорядкамъ, кои слишкомъ часто обличаются во внутреннемъ управленіи Россіи». Орловъ добавляетъ здѣсь, что, по соглашенію съ гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, они «готовили общій планъ», который будто бы «хотѣли предложить на утвержденіе» государя, надѣясь, что онъ возьметъ ихъ «подъ свое покровительство, подобно тому, какъ это сдѣлалъ король прусскій относительно Тугендъ-Бунда». [1])

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ тѣхъ политическихъ и общественныхъ идей, которыя выразились въ проектѣ, выработанномъ М. Ѳ. Орловомъ и гр. М. А. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, я считаю необходимымъ остановиться на предшествующей ихъ жизни, отмѣтивъ въ ней особенно тѣ событія, которыя могли наиболѣе сильно повліять на развитіе ихъ міросозерцанія.

М. Ѳ. Орловъ, сынъ генералъ-поручика Ѳед. Григ. Орлова, родился въ 1788 г. и окончилъ образованіе въ пансіонѣ іезуита аббата Николя (гдѣ былъ первымъ ученикомъ); товарищами его были будущій декабристъ С. Г. Волконскій и дѣти изъ многихъ семей русской знати: Голицыны, Нарышкины, Гагарины, Меншикова, Бенкендорфы и др. Въ 1801 г., слѣдовательно 13-ти лѣтнимъ мальчикомъ, онъ былъ записанъ «юнкеромъ» въ коллегію иностранныхъ дѣлъ: вѣроятно, его предполагали готовить къ дипломатической карьерѣ, однако, уже въ 1805 г. онъ поступаетъ эстандартъ-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ и, благодаря участію въ походахъ противъ французовъ въ 1805—7 г.г. [2]), быстро дѣлаетъ военную карьеру.

Въ 1810 г. Орловъ былъ назначенъ адъютантомъ къ князю И. М. Волконскому, завѣдывавшему квартирмейстерскою частью, и уже въ это время, по словамъ декабриста Волконскаго, онъ «выказалъ отличныя дарованія», «прилежаніе къ усовершенствованію въ военной наукѣ», а «вмѣстѣ съ тѣмъ въ кругу петербургскаго общества пріобрѣлъ уваженіе и... сталъ во главѣ и мыслящей, и свѣтской молодежи» [3]).

---

[1]) Болѣе сильное вліяніе нѣмецкій Союзъ Добродѣтели оказалъ при выработкѣ устава нашего Союза Благоденствія, а потому я и буду говорить о его вліяніи ниже. Есть извѣстіе, что еще А. Н. Радищевъ, въ своемъ неразысканномъ до сихъ поръ „Проектѣ гражданскаго уложенія", представленномъ въ 1802 г. графу П. В. Завадскому, считая необходимымъ строгій и неподкупный контроль надъ дѣйствіями судовъ и чиновниковъ, предлагалъ учредить тайное общество, котораго члены обязаны были бы слѣдить за отправленіемъ правосудія, стараться исправлять или предупреждать несправедливыя дѣйствія и, въ случаѣ надобности доводить о нихъ до свѣдѣнія высшаго правительства.

[2]) Былъ въ сраженіяхъ при Аустерлицѣ, гдѣ проявилъ замѣчательную храбрость, за что и произведенъ въ корнеты, и при Фридландѣ.

[3]) Въ началѣ іюля 1812 г. онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ государю и съ августа того же года участвовалъ во многихъ сраженіяхъ съ французами (между прочимъ 11 октября при Маломъ Ярославцѣ,

18 марта 1814 г., по порученію имп. Александра, Орловъ заключилъ договоръ о сдачѣ Парижа союзнымъ войскамъ. Въ подробномъ разсказѣ его объ этомъ событіи отмѣтимъ слѣдующія слова: «Мы любили языкъ, литературу, цивилизацію и мужество французовъ, съ убѣжденіемъ и энтузіазмомъ отдавали имъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ справедливую дань удивленія», но тутъ же Орловъ упрекаетъ французовъ въ «склонности къ утопіямъ» [1]).

Во время пребыванія Орлова въ Парижѣ была одобрена французскимъ сенатомъ новая конституція, одинъ изъ пунктовъ которой, повидимому, имѣлъ вліяніе на Орлова и графа Дмитріева-Мамонова при составленіи ихъ перваго политическаго проекта.

Вслѣдъ затѣмъ Орлову было дано важное дипломатическое порученіе.

5-го апрѣля 1812 г. въ Петербургѣ былъ подписанъ трактатъ, по которому Швеція обязывалась оказать помощь Александру I въ его борьбѣ съ Наполеономъ, а русскій императоръ долженъ былъ побудить Данію (съ которою у Россіи были тогда вполнѣ мирныя отношенія) уступить Швеціи Норвегію добровольно (если возможно, за вознагражденіе въ Германіи), въ противномъ же случаѣ принудить къ этому Данію силою. Этотъ союзъ былъ скрѣпленъ личнымъ свиданіемъ шведскаго наслѣднаго принца Карла-Іоанна (Бернадота) съ императоромъ Александромъ въ Або, въ августѣ 1812 г. По договору Даніи съ Швеціей въ Килѣ (14 января 1814 г.) Норвегія была уступлена Швеціи; норвежцы не пожелали добровольно согласиться на безцеремонное распоряженіе ихъ родиною, тѣмъ болѣе, что въ норвежскомъ народѣ была очень сильна ненависть къ шведамъ, и во главѣ стремящихся къ національной независимости норвежцевъ сталъ сынъ наслѣдника датскаго престола, Христіанъ-Фридрихъ, ранѣе назначенный въ Норвегію королевскимъ намѣстникомъ и пріобрѣвшій общую любовь. Была провозглашена независимость Норвегіи, и 10 апрѣля 1814 г. было созвано собраніе выборныхъ въ Эйдсвольдѣ для рѣшенія судьбы Норвегіи и выработки ея конституціи. 17 мая весьма демократическая для того времени норвежская конституція была принята національнымъ собраніемъ, и Христіанъ-Фридрихъ избранъ былъ королемъ Норвегіи. Карлъ-Іоаннъ, наслѣдный принцъ шведскій, приблизился къ границамъ Норвегіи съ арміей въ 30.000 человѣкъ, чтобы силою до-

---

въ которомъ сражался и гр. Дмитріевъ-Мамоновъ). Въ 1813 г. перейдя Эльбу въ виду непріятеля, онъ заставилъ его оставить Дрезденъ и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ и въ знаменитой четырехдневной битвѣ при Лейпцигѣ.

[1]) 31 марта ст. стиля того же года Орловъ былъ посланъ въ Фонтенебло для размѣна ратификаціи трактата объ отреченіи Наполеона, причемъ разсматривались вопросы объ эскортѣ, который долженъ его сопровождать, объ объявленіи прекращенія всѣхъ военныхъ дѣйствій, объ освобожденіи военно-плѣнныхъ.

биться исполненія Кильскаго договора, а Англія и Россія обѣщали ему свою помощь [1]).

Но союзныя державы рѣшили сдѣлать попытку добиться исполненія Кильскаго трактата дипломатическимъ путемъ. 16 апрѣля ст. стиля М. Ѳ. Орловъ получилъ въ Парижѣ инструкцію отъ гр. Нессельроде, слѣдуя которой онъ долженъ былъ отправиться въ Данію и потребовать отъ короля принятія самыхъ суровыхъ мѣръ противъ принца Христіана въ случаѣ его дальнѣйшаго неповиновенія. Съ такими приказаніями датскаго короля Орловъ долженъ былъ поѣхать въ Норвегію къ принцу Христіану, причемъ ему предписывалось имѣть свиданіе со всѣми лицами, стоящими во главѣ ея управленія. Твердо заявляя о неизмѣнности рѣшенія, принятаго его государемъ, Орловъ долженъ былъ въ то же время дѣйствовать на норвежцевъ примирительными средствами, тѣмъ болѣе, что Швеція была склонна предоставить Норвегіи значительныя выгоды. Если бы датскій кабинетъ не пожелалъ уступить требованіямъ Александра I, то Орловъ долженъ былъ заявить, что армія графа Беннигсена, подкрѣпленная корпусомъ пруссаковъ, окажетъ помощь шведской арміи. По этому же дѣлу послали своихъ уполномоченныхъ Англія, Пруссія и Австрія.

Въ Даніи Орлова убѣдили, что правительство не причемъ въ сопротивленіи норвежцевъ, что оно вполнѣ примирилось съ мыслью о соединеніи Норвегіи со Швеціей и находитъ даже это соединеніе естественнымъ, такъ какъ конституціонная Швеція можетъ даровать конституцію и Норвегіи (Данія же была тогда неограниченною монархіей), но что датскій король не въ состояніи заставить своего племянника Христіана-Фридриха подчиниться своимъ требованіямъ. Христіанъ не впустилъ въ Норвегію коммиссаровъ короля, ссылаясь на то, что онъ не можетъ вѣрить, чтобы союзныя державы, даровавъ свободу всѣмъ народамъ, не желали бы дать ее норвежцамъ. Орловъ сообщилъ Нессельроде, что Швеція обѣщаетъ Норвегіи либеральную конституцію и требуетъ, чтобы датскій король оффиціально и публично восхвалялъ ея выгодность для Норвегіи.

22 іюня 1814 г. Орловъ отправился въ шведскій городъ Готеборгъ вмѣстѣ съ представителемъ Пруссіи, и тамъ они соединились съ представителями двухъ другихъ союзныхъ державъ. Не зная ни языка, ни мѣстныхъ обычаевъ, Орловъ пригласилъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ бывшаго русскаго генеральнаго консула въ Норвегіи, Брюнэ, и 30 іюня они были уже въ Христіаніи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Брюнэ составилъ для Орлова записку о послѣднихъ событіяхъ въ Норвегіи и настроеніи въ ней общественнаго мнѣнія, которую Орловъ переслалъ Нессельроде. Ме-

---

[1]) Allen. Histoire de Danemark, traduit d'après la 7-me édition danoise. Copenhague, 1879, t. II, 235—242.

жду прочимъ Брюнэ говоритъ въ ней, что на сеймѣ въ Эйдсвольдѣ собралось 113 депутатовъ, изъ которыхъ 33 были представителями различныхъ корпусовъ арміи, сформированныхъ по большей части изъ милиціи; такъ какъ въ составъ ея входили преимущественно земельные собственники, то и не было основаній лишать ихъ права голоса. Принцъ Христіанъ, произнеся въ сеймѣ энергичную рѣчь и указавъ на необходимость составить комитетъ изъ депутатовъ четырехъ главныхъ провинцій страны для выработки проекта конституціи, который долженъ былъ быть представленъ на одобреніе сейма, самъ уѣхалъ въ Христіанію, предоставивъ ему полную свободу дѣйствія и сообщивъ всѣ оффиціальные акты, появившіеся въ Даніи и Швеціи относительно присоединенія Норвегіи къ Швеціи по Кильскому договору. Конституція была одобрена сеймомъ 17 мая. Она установила въ Норвегіи ограниченную наслѣдственную монархію, и въ тотъ же день Христіанъ былъ провозглашенъ норвежскимъ королемъ, а черезъ два дня онъ принесъ въ сеймѣ присягу въ томъ, что будетъ управлять Норвегіей согласно законамъ и конституціи страны. Это событіе вызвало большой энтузіазмъ: города посылали поздравительныя депутаціи и приношенія деньгами и натурою на нужды страны; дамы жертвовали свои драгоцѣнности.

Орловъ нашелъ, что Христіанъ держитъ себя съ большимъ достоинствомъ и благородствомъ, не внося въ дѣло ни малѣйшаго личнаго самолюбія. Онъ заявилъ, что можетъ сложить корону только въ руки народа, для чего нужно созвать сеймъ, и что онъ не покинетъ своего народа. «Онъ показался намъ честнымъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова», писалъ Орловъ въ своемъ донесеніи Нессельроде: «счастіе Норвегіи составляетъ главный предметъ его заботливости. Онъ справедливо думаетъ, что помѣшалъ анархіи въ странѣ», и далѣе Орловъ указываетъ на страшную ненависть норвежцевъ къ шведамъ. При дальнѣйшихъ свиданіяхъ онъ сказалъ Христіану о желаніи представителей державъ дать Норвегіи самую независимую конституцію и заявилъ, что составилъ основныя положенія уніи ея съ Швеціею въ либеральномъ духѣ, причемъ вице-король долженъ быть природнымъ норвежцемъ. Въ результатѣ четырехъ-часовой бесѣды Орловъ убѣдился въ искренности и прямотѣ Христіана и проникся къ нему полнымъ уваженіемъ. Однако, требуя перемирія для созванія сейма, Христіанъ рѣшительно отвергъ предлагаемое для этого условіе—сдачу наиболѣе сильныхъ крѣпостей шведамъ, соглашаясь лишь на передачу ихъ войскамъ союзныхъ державъ. Общій выводъ Орлова въ депешѣ отъ 17 іюля тотъ, что «Европа была введена въ заблужденіе относительно этого принца, какъ и относительно многихъ другихъ предметовъ».

Орловъ ѣздилъ и въ Швецію и видѣлся съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, который нашелъ условія Христіана непріемлемыми.

Онъ произвелъ на представителя Россіи неблагопріятное впечатлѣніе. Новое свиданіе съ Христіаномъ не привело къ соглашенію, и Орловъ, заѣхавъ въ Копенгагенъ, чрезъ Стокгольмъ возвратился въ Россію [1]).

Въ Стокгольмѣ 16 августа Орловъ составилъ обстоятельную записку о своемъ посольствѣ въ духѣ благопріятномъ для Норвегіи. «Что касается конституціи,—говоритъ Орловъ,—то принцъ Христіанъ могъ предложить Швеціи только ту, которой онъ самъ присягнулъ...; но все было предоставлено обсужденію національнаго собранія и, слѣдовательно, все могло быть измѣнено». Напротивъ, такъ какъ наслѣдный принцъ шведскій «возставалъ противъ гарантій, то, слѣдовательно, онъ желаетъ дать норвежцамъ лишь призрачныя права, безъ всякаго ручательства, чтобы имѣть возможность отобрать ихъ по своему произволу». Признавая, въ виду категорическаго заявленія имп. Александра относительно присоединенія Норвегіи къ Швеціи, необходимость твердой политики, Орловъ предостерегалъ противъ честолюбивыхъ замысловъ Швеціи, доходящихъ до мечтаній о раздѣлѣ Даніи и напоминалъ, что Норвегія нѣкогда была очень полезна Россіи, нападая на Швецію, когда возгоралась или даже предстояла война между Швеціей и Россіею [2]).

26 іюля 1814 года началась война между Швеціей и Норвегіей, но продолжалась недолго съ перемѣннымъ счастіемъ. 14 августа въ Моссѣ были заключены перемиріе и въ тотъ же день договоръ, по которому наслѣдный принцъ шведскій Карлъ Іоаннъ отъ имени шведскаго короля призналъ норвежскую конституцію съ тѣмъ, что въ ней могли быть произведены, съ согласія норвежскаго стортинга, только тѣ измѣненія, какія вызывались уніею съ Швеціею. Христіанъ-Фридрихъ обязался отречься отъ короны въ засѣданіи стортинга, собраннаго съ этою цѣлью. 10 октября онъ исполнилъ это, вручивъ власть стортингу и въ тотъ же день покинулъ Норвегію [3]). Вслѣдствіе дальнѣйшихъ перегово-

---

[1]) Какъ видно, онъ ѣздилъ и въ Лондонъ, такъ какъ въ коллекціи писемъ Орлова изъ Англіи къ *князю* Разумовскому 1815 г. есть помѣченное: Лондонъ 1-го сентября 1814 г. съ обращеніемъ къ *графу*: Андр. Кир. Разумовскій былъ пожалованъ въ князья въ маѣ 1815 г. Васильчиковъ. „Семейство Разумовскихъ" IV, 567.

[2]) Приношу искреннюю признательность дѣлопроизводителю Главнаго Петербургскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Г. В. Бюше, сообщившему мнѣ, что донесенія Орлова изъ Даніи, Норвегіи и Швеціи на французскомъ языкѣ, хранящіяся въ петербургскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, уже были извлечены норвежскимъ ученымъ Нильсономъ, что дало мнѣ возможность отыскать ихъ въ печати. См. Aktsstykker vedkommende Stormagternes Mission til Kjobenhavn og Christiania i Aaret 1814, стр. 59, 169—246 въ изданіи Skrifter udgivne af Videnskabsselskabet i Christiania 1897, II, Historisk-filosofisk Klasse. Kristiania, 1897, № 3.

[3]) Отмѣтимъ, что, сдѣлавшись въ 1839 г. датскимъ королемъ подъ

ровъ стортинга съ шведскими уполномоченными, Норвегія была объявлена соединенною съ Швеціей, какъ независимое королевство, сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія въ конституціи, и 4-го ноября 1814 года Карлъ XIII, король шведскій, былъ избранъ норвежскимъ королемъ [1]).

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1816 г. [2]), какъ я уже упоминалъ, была помѣщена переводная статья о норвежской конституціи, въ которой было сказано, что «этотъ актъ можетъ удивленнымъ политикамъ служить за доказательство, до какой высокой степени въ наукѣ законодательства дошли европейскіе народы. Посредствомъ сего акта Норвегія, прежде столь мало значущая, занимаетъ между государствами мѣсто, съ котораго лично можетъ устремиться къ знаменитой цѣли». Система выбора членовъ стортинга была двустепенная, а затѣмъ они избирали изъ своей среды четвертую часть членовъ для образованія первой палаты (лагтингъ), а остальные три четверти составляли вторую, низшую палату (одельстингъ) [3]).

Н. Тургеневъ сообщаетъ, со словъ Орлова, что, прибывъ въ Норвегію, онъ увидѣлъ, что «дѣло норвежцевъ, возставшихъ противъ присоединенія ихъ отечества къ Швеціи, справедливо и достойно уваженія, и сообразовалъ съ этимъ свое поведеніе. Вмѣсто поддержки Бернадотъ встрѣтилъ въ лицѣ представителя Россіи противника, предубѣжденнаго противъ его притязаній, и защитника Даніи. Впрочемъ, продолжаетъ Тургеневъ, «не одинъ Орловъ находилъ дѣло норвежцевъ справедливымъ. Даже тѣ, которые принимали участіе въ отдачѣ Норвегіи Швеціи, не могли не осудить этого. Я помню, какъ при мнѣ прусскій канцлеръ, кн. Гарденбергъ, одобрялъ возстаніе норвежцевъ, и благородныя слова его по этому поводу... Въ концѣ концовъ норвежцы сумѣли извлечь для себя пользу изъ происшедшей перемѣны» [4]).

Мы видѣли, что Орловъ и во французской запискѣ для имп. Николая, и въ русскомъ обширномъ показаніи категорически говоритъ, что онъ возвратился въ Россію въ 1814 году [5]). Нахо-

---

именемъ Христіана VIII, онъ только передъ самою смертью (въ 1848 г.) согласился на введеніе конституціи въ Даніи, но умеръ до объявленія ея.

[1]) Allen. Histoire de Dannemark II, 242—243.

[2]) Ч. 83, стр. 284—295.

[3]) Французскій переводъ норвежской конституціи см. Dufau, Duvergier et Guadet. Collection des constitutions, P. 1822, III, 322—342.

[4]) La Russie et les Russes, I, 44—45. Якушкинъ въ своихъ запискахъ описываетъ участіе Орлова въ рѣшеніи судьбы Норвегіи: „Орловъ былъ посланъ съ тѣмъ, чтобы убѣдить норвежцевъ совершенно присоединиться къ Швеціи и имѣть съ нею вмѣстѣ одинъ сеймъ. Но Орловъ сблизился съ тамошними либералами и дѣйствовалъ несогласно съ данными ему предписаніями. Норвегія, присоединенная къ Швеціи, но имѣя свое собственное представительство, осталась во многихъ отношеніяхъ землею отъ нея отдѣльною“.

[5]) Обращаю на это вниманіе потому, что выше въ моей статьѣ („Рус-

жденіе Орлова въ Петербургѣ въ концѣ 1814 г. подтверждается и письмомъ его къ посланнику въ Россіи сардинскаго короля, лишеннаго его владѣнія, извѣстному писателю графу де-Мэстру. Письмо это чрезвычайно любопытно для насъ потому, что показываетъ, насколько не установились еще въ это время политическіе взгляды Орлова, насколько далеки они были даже и отъ того недостаточно послѣдовательнаго либерализма, которымъ онъ отличался впослѣдствіи. Можно было бы ожидать, что присутствуя во Франціи при крушеніи власти Наполеона и установленіи конституціонной монархіи Бурбоновъ, а затѣмъ посѣтивъ Норвегію, готовую съ оружіемъ въ рукахъ защищать принятую стортингомъ конституцію, гораздо болѣе демократическую, чѣмъ та, которая была одобрена французскимъ сенатомъ 6 апрѣля 1814 г., Орловъ проникнется вполнѣ либеральными воззрѣніями. Этого, однако, не случилось, какъ мы увидимъ ниже изъ разбора того проекта преобразованія, который онъ выработалъ вмѣстѣ съ гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ; это можно заключить и изъ упомянутаго письма де-Мэстра. Но для историка важны и интересны не только конечные выводы, къ которымъ пришли выдающіеся члены тайнаго общества, Пестель, Н. Муравьевъ и др., но и постепенная, медленная эволюція идей декабристовъ вообще.

Орлову, вращавшемуся въ Петербургѣ въ аристократическихъ салонахъ, воспитаннику пансіона аббата-іезуита Николя, не трудно было, конечно, познакомиться съ извѣстнымъ защитникомъ іезуитовъ и также ихъ ученикомъ графомъ Іосифомъ де-Мэстромъ. Умный, ловкій, чрезвычайно начитанный и любезный, графъ де-Мэстръ сумѣлъ сдѣлаться любимымъ гостемъ самыхъ знатныхъ петербургскихъ домовъ. Не довольствуясь славою остроумнаго собесѣдника, онъ сумѣлъ оказывать вліяніе въ самомъ реакціонномъ духѣ и на нѣкоторыя внутреннія дѣла Россіи, такъ какъ предъ нимъ благоговѣлъ министръ народнаго просвѣщенія гр. Алексѣй Кирилл. Разумовскій, отчасти вліялъ онъ и на его преемника князя А. Н. Голицына; де-Мэстру случалось работать даже съ самимъ имп. Александромъ [1]).

Въ 1814 году безъ согласія де-Мэстра было перепечатано въ Парижѣ его сочиненіе «Considérations sur la France», изданное впервые въ Лозаннѣ въ 1796 г. безъ имени автора, но перепеча-

---

кое Богатство" 1907 г. № 10, стр. 48) было упомянуто о возвращеніи Орлова послѣ Отечественной войны въ Петербургъ въ ноябрѣ 1816 г.; это было уже вторичное послѣ нея возвращеніе, первое же относится къ 1814 г.

[1]) Пять писемъ графа де Мэстра къ Алексѣю К. Разумовскому о народномъ образованіи и іезуитахъ см. въ книгѣ А. А. Васильчикова „Семейство Разумовскихъ" II, 248—287, ср. 532—534. Другой трудъ, написанный де Мэстромъ для Разумовскаго, изданъ въ 1859 г. въ Парижѣ подъ заглавіемъ: „Quatre Chapitres inedits sur la Russie" (свобода, наука, религія, иллюминатство).

тано неисправно со многими прибавками и сокращеніями. Въ то время, когда производилась эта перепечатка, де-Мэстръ послалъ Орлову свой трудъ въ первоначальномъ видѣ, очевидно не только для того, чтобы познакомить его съ сущностью своихъ идей, но и для того, чтобы похвастать своею проницательностью, такъ какъ въ этомъ сочиненіи, заявляя, что французская революція не что иное, какъ наказаніе, посланное Богомъ, онъ въ то же время утверждалъ, что Провидѣніе работаетъ на пользу Бурбоновъ, и что они непремѣнно вновь займутъ французскій престолъ.

Орловъ въ письмѣ де-Мэстру, при возвращеніи его труда, утверждаетъ, что это сочиненіе—одна изъ тѣхъ аксіомъ, которыя не доказываютъ, такъ какъ онѣ не нуждаются въ доказательствѣ, но которыя чувствуются сами собою, подобно тому, какъ «душа неопровержимо чувствуетъ» существованіе Бога; «таковы же и великія истины, которыми наполненъ трудъ» де-Мэстра. Человѣкъ можетъ только предполагать, но ходъ событій повинуется лишь рукѣ Творца. «Эпоха французской революціи—великая эпоха: это возрастъ зрѣлости и разума. Конецъ ея также весьма достопримѣчателенъ: въ немъ видна рука Божія,—это вѣкъ вѣры. Слѣдствіемъ этой громадной катастрофы является возвышенный урокъ народамъ и королямъ. Это примѣръ, данный для того, чтобы ему не подражать. Это одно изъ тѣхъ великихъ бѣдствій, которыми былъ пораженъ родъ человѣческій; оно является слѣдствіемъ краснорѣчивой главы» книги де-Мэстра, «трактующей о насильственномъ разрушеніи человѣческаго рода. Одна эта глава—цѣлый трудъ; она достойна пера Боссюэта» [1]). «Пророческая часть труда меня также поразила,—продолжаетъ Орловъ.—Вотъ что значитъ умозрительное изученіе въ духѣ Божіемъ: то, что для разума является неяснымъ слѣдствіемъ, становится откровеніемъ. Все понимается, все отгадывается, когда восходятъ къ великой причинѣ». Далѣе Орловъ называетъ трудъ де-Мэстра классическимъ по его глубокимъ идеямъ, но въ то же время имѣющимъ интересъ современности, особенно та глава, въ которой говорится о «декларацiи короля Франціи» въ 1795 году. Въ этой главѣ авторъ настаиваетъ на великомъ значеніи наслѣдственной монархіи и восхваляетъ Людовика XVIII, но въ то же время нѣкоторыя мѣста декларацiи короля могли показаться Орлову имѣющими большое значеніе и въ виду назрѣвающихъ потребностей Россіи, какъ напримѣръ, тотъ пунктъ ея, гдѣ король говоритъ: «Конституція предписываетъ условія установленія налоговъ, чтобы доставить народу увѣренность, что подати, которыя онъ платитъ, необхо-

---

[1]) Въ этой (третьей) главѣ де Мэстръ доказываетъ не только неизбѣжность, но даже полезность войнъ: по его словамъ, „кровь—удобреніе для того растенія, которое называютъ геніемъ“.

димы для блага государства». Но эта старая французская «конституція», по выраженію короля, ставила законы «подъ охрану короля и трехъ сословій, чтобы предупредить революцію—величайшее изъ бѣдствій, какимъ могутъ подвергнуться народы» [1]). Въ заключеніе Орловъ выражалъ желаніе, чтобы де-Мэстръ описалъ событія, послѣдовавшія за изданіемъ его сочиненія въ 1796 году.

Въ собраніи сочиненій де-Мэстра, вышедшемъ въ свѣтъ послѣ его смерти, его вдова разрѣшила напечатать передъ «Les Considérations sur la France» письмо Орлова [2]).

Мы привели выше показаніе Орлова о предположеніяхъ относительно внутреннихъ преобразованій, выработанныхъ имъ вмѣстѣ съ графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, причемъ Орловъ не пояснилъ, что обществу, ими задуманному, предполагалось придать масонскія формы, такъ какъ они оба изучали масонство. Познакомившись съ предшествовавшею карьерою Орлова, считаемъ необходимымъ сообщить свѣдѣнія и о предшествующей жизни Дмитріева-Мамонова, относительно которой мы также можемъ привести нѣкоторыя новыя данныя.

Гр. Матвѣй Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, сынъ фаворита имп. Екатерины II, А. М. Дмитріева-Мамонова, родился въ 1790 г. и получилъ хорошее домашнее воспитаніе [3]), но унаслѣдовалъ отъ отца его чрезвычайно гордый характеръ. Ему было всего 18 лѣтъ, когда, произведенный въ камеръ-юнкеры, онъ былъ назначенъ совѣтникомъ московскаго губернскаго правленія, а вскорѣ затѣмъ былъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ шестого уголовнаго департамента сената въ Москвѣ, гдѣ проявилъ большія спо-

[1]) Вотъ какъ характеризуетъ извѣстный французскій историкъ Сорель эту веронскую декларацію 1795 г.: „Отвергая всякую мысль о договорѣ съ народомъ, графъ Прованскій (Людовикъ XVIII) находилъ недѣйствительною, даже гражданскую реформу, дарованную революціей. Онъ предлагалъ Франціи въ даръ, по случаю радостнаго восшествія на престолъ и послѣ того какъ оно состоится во всей полнотѣ верховной королевской власти, только устраненіе нѣкоторыхъ злоупотребленій и положеніе въ скинію короны пресловутыхъ основныхъ законовъ, отыскиваемыхъ издавна юрисконсультами, текста которыхъ никто никогда не видѣлъ, духъ которыхъ истолковывался каждымъ по своему. Эти то неуловимые законы окрещены были громкимъ именемъ древней конституціи королевства. Въ этой конституціи имѣлась только одна статья, а именно о верховной власти короля, и представлялась только одна гарантія: „политическая доблесть монарха и искусство его министровъ". „Европа и французская революція". Спб. 1892 г. IV, 311—312.

[2]) Oeuvres de M. le comte de Maistre, 1822, t. I, p. V—VIII; письмо подписано въ печати такъ: „M. O..., général au service de S. M. l'Empereur de toutes les Russies"; о томъ, что оно принадлежитъ Орлову см. Bulletin du Bibliophile de Techener, 1854, p. 915; Bibliophile Belge, 1855, t. II, 156, О de Мэстрѣ и его пребываніи въ Россіи см. Cogordan Joseph de Maistre. P. 1894.

[3]) Есть извѣстіе о воспитаніи его въ іезуитскомъ училищѣ во Франціи, но оно мало вѣроятно.

собности, а также смѣлость и независимость при столкновеніи съ главнокомандующимъ Москвы, графомъ Гудовичемъ, изъ-за своего подчиненнаго, заподозрѣннаго въ выставленіи «пасквильныхъ стиховъ» на бульварѣ и за это арестованнаго.

Дмитріевъ-Мамоновъ интересовался русскою исторіей и между прочимъ собиралъ свѣдѣнія о пугачевщинѣ. Въ 1809 г. онъ купилъ, по его словамъ «на вѣсъ золота», запрещенную и потому очень рѣдкую въ Россіи книгу Кастеры «Vie de Catherine II» (1797) и написалъ на нее замѣчанія, гдѣ указываетъ на ханжество имп. Елизаветы, грабительство Шуваловыхъ, сообщаетъ, что кн. Никита Трубецкой, генералъ-прокуроръ, завѣдывавшій тайною канцеляріей, получилъ при отставкѣ фельдмаршальскій жезлъ, «тогда какъ онъ всю свою жизнь обращался съ жезломъ палача», что онъ умеръ «ненавидимый и проклинаемый» и что «ему постоянно слышались вопли и крики и мерещились тѣни невинныхъ людей», разсказываетъ, какъ «довольно беззастѣнчиво» Орловъ выпрашивалъ себѣ у Екатерины II населенныя имѣнія [1]). Отмѣтимъ, что Мамоновъ называлъ здѣсь Наполеона «великимъ человѣкомъ».

Мамоновъ принялъ участіе въ Отечественной войнѣ [2]). Когда устраивалось московское ополченіе, онъ вызвался сформировать на свой счетъ конный полкъ [3]); въ мартѣ 1813 года Мамоновъ съ своимъ, еще не окончательно сформированнымъ полкомъ находился въ Ярославской губерніи [4]).

---

[1]) Ср. мою статью „Пожалованіе населенныхъ имѣній въ царствованіе Екатерины II въ „Журналѣ для всѣхъ", за 1906 г.

[2]) За отличіе въ сраженіяхъ при Тарутинѣ 6 октября и Малоярославцѣ 12 октября 1812 г. онъ былъ награжденъ золотою саблею съ надписью „за храбрость".

[3]) Кн. П. А. Вяземскій разсказываетъ, что по пріѣздѣ въ Москву императора Александра въ 1812 г. Мамоновъ „предоставлялъ свой ежегодный доходъ (и доходъ весьма значительный) на потребности государства во все продолженіе войны; себѣ выговаривалъ онъ только 10.000 р. (асс.) на свое годовое содержаніе. Вмѣсто того было предложено ему чрезъ гр. Растопчина сформировать на свой счетъ конный полкъ". Н. Тургеневъ утверждаетъ, будто бы Дмитріевъ-Мамоновъ предлагалъ даже государю нѣсколько милліоновъ рублей, брилліанты на неменьшую сумму и все свое недвижимое имущество. По другимъ слухамъ тетка совѣтовала Мамонову пожертвовать милліонъ и даже болѣе, но не сформировывать полка, такъ какъ его воспитывали, чтобы быть не военачальникомъ, а министромъ.

[4]) 12 марта 1813 года Александръ I указомъ, даннымъ управляющему военнымъ министерствомъ, въ награду за „усердіе и пожертвованіе немаловажной суммы на покупку лошадей, вещей и содержаніе полка" произвелъ Дмитріева-Мамонова въ генералъ-маіоры и назначилъ шефомъ формируемаго полка, при чемъ ему было предоставлено укомплектовать его своими крѣпостными и навербованными людьми, для чего полкъ долженъ былъ прослѣдовать черезъ Москву, чтобы скорѣе обмундировать его изъ заготовленныхъ Мамоновымъ вещей (оружіемъ же долженъ былъ снабдить его коммиссаріатъ). Продовольствіе полка и жалованіе со времени указа государя должно было принять на счетъ казны. Дмитріеву-Мамо-

9 апрѣля онъ донесъ, что не выступилъ еще вслѣдствіе разлитія рѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жаловался на то, что даниловскій земскій судъ на просьбы его отрядить чиновника для помощи въ закупкѣ фуража отказался отъ этого и «тѣмъ явилъ новый опытъ тѣхъ безчисленныхъ безпорядковъ, о которыхъ» Мамоновъ «неоднократно доносилъ» управляющему военнымъ министерствомъ и даже самому государю [1]).

Въ сентябрѣ 1813 г., по повелѣнію государя, казачій полкъ Дмитріева-Мамонова былъ направленъ въ Могилевскую губернію, гдѣ и долженъ былъ расположиться. Въ 1814 г. онъ былъ уже заграницею [2]). Въ апрѣлѣ въ мѣстечкѣ Биллингенѣ великаго герцогства Баденскаго произошло столкновеніе полка Мамонова съ мѣстными жителями и квартировавшимъ тамъ австрійскимъ отрядомъ [3]).

нову было предписано слѣдовать въ Москву и заняться какъ можно скорѣе приведеніемъ полка въ окончательный видъ; онъ могъ вербовать только людей „свободнаго состоянія" и не имѣющихъ никакихъ законныхъ препятствій ко вступленію на службу, а также не старыхъ и не увѣчныхъ и заключать съ ними „капитуляціи" на 5—10 лѣтъ съ обѣщаніемъ выгодъ, предоставленныхъ именнымъ указомъ 5 марта 1810 года (черезъ пять лѣтъ службы прибавка трети окладного жалованія, черезъ 10 лѣтъ—половины, черезъ 20 лѣтъ желающимъ продолжать службу - двойное жалованіе) и съ тѣмъ, чтобы на основаніи именного указа 10 февраля 1811 г. всѣ поступившіе на службу по капитуляціи имѣли право получать отставку немедленно (П. С. З. XXXI, №№ 24.147, 24.519). На запросъ управляющаго военнымъ министерствомъ, можно ли расквартировать формируемый Мамоновымъ полкъ въ Москвѣ, гр. Растопчинъ отвѣчалъ, что для этого нѣтъ свободныхъ казармъ, главное же неудобство состоитъ въ томъ что съ водвореніемъ полка „возникнутъ снова безпорядки, жалобы, вербованіе и воровство, чему уже много было примѣровъ". Вслѣдствіе этого Мамонову было предписано прослѣдовать съ его полкомъ чрезъ Москву, въ Серпуховъ, гдѣ легко можно получить изъ Москвы разныя вещи, необходимыя для обмундированія, а затѣмъ выступить въ резервную армію прямо въ Слонимъ. Военно-ученый Архивъ, I отд. № 336.

[1]) Такъ какъ мѣстные жители не продавали фуража или продавали „по неимовѣрнымъ цѣнамъ", то Мамоновъ съ курьеромъ донесъ, что полкъ не имѣетъ болѣе возможности квартировать въ селѣ Вятскомъ. Ярославскій же губернаторъ, кн. Мих. Голицынъ, на сдѣланный ему запросъ, 1 мая отвѣчалъ, что гр. Мамоновъ сначала самъ отказался отъ содѣйствія члена земскаго суда, а когда онъ оказался нужнымъ, то былъ откомандированъ въ Вятское, гдѣ и исполняетъ немедленно всѣ требованія полка. Кн. П. А. Вяземскій, поступившій въ мамоновскій полкъ, и участвовавшій вмѣстѣ съ нимъ въ сраженіи при Бородинѣ, свидѣтельствуетъ, что когда этотъ полкъ стоялъ въ Ярославской губ., гр. Мамоновъ „воевалъ оффиціальными бумагами съ ярославскимъ губернаторомъ, кн. Голицынымъ. Мы всѣ однополчане стояли за начальника своего".

[2]) Въ немъ числилось тогда 40 штабъ и оберъ-офицеровъ и 679 нижнихъ чиновъ.

[3]) Въ русскихъ офицеровъ и солдатъ стали бросать каменья, бревна, желѣзные молотки и проч., вслѣдствіе чего нѣкоторые офицеры были ушиблены, а многіе рядовые ранены, иные—тяжело. Жителями предводительствовали нѣкоторые квартировавшіе тамъ австрійскіе саперы; двое

Незадолго до этого событія Мамоновъ въ донесеніи Александру I писалъ:

«Въ краю, гдѣ расположенъ нынѣ ввѣренный мнѣ полкъ, непріязненныя, или, лучше сказать, вражія расположенія жителей и правительства до того возрасли, что всякая маленькая русская команда отдѣльно идущая, подвергается общимъ обидамъ и оскорбленіямъ, которыя хладнокровно могутъ сноситься одними нѣмцами, прикрывающими личиною русскаго мундира ненависть свою къ русскому и любовь къ природнымъ врагамъ нашимъ. Въ здѣшнемъ краю большая часть офицеровъ, командующихъ русскими солдатами,—нѣмцы же, изъ коихъ иные не знаютъ ни слова по-русски, служа въ русской службѣ. Всѣ отношенія русскихъ войскъ къ здѣшнимъ жителямъ, правильность, долженствующая господствовать между ними... сими чиновниками искажается... всякому нѣмцу предоставлено оскорблять русскаго солдата... а русскому преграждаются самые пути отыскивать на нѣмца... Русскій солдатъ, удаленный отъ родины своей и ими притѣсненный... огорченъ симъ несказанно... Положеніе сіе толико несносно зрѣть русскому, что я умоляю в. и. в... позволить мнѣ не быть въ здѣшнемъ краю, дабы не быть свидѣтелемъ всего того, что претерпѣваютъ завоеватели Европы, русскіе, народъ вашъ, отъ народа, пріобыкшаго рабствовать и возвышающагося надъ подданными вашими потому только, что в. и. в-ву неизвѣстно, что иноземцы, русскими называющіеся, позволяютъ тѣмъ иноземцамъ, кои ненавидятъ Россію и алчатъ ея гибели, что доказано тѣми мятежами, коихъ я былъ очевидный свидѣтель, и подобные сему вѣроятно скрываемы отъ в. и. в-ва» [1]).

Какъ столкновеніе одного изъ эскадроновъ Мамоновскаго полка съ жителями нѣмецкаго мѣстечка, такъ вѣроятно и тонъ донесенія Мамонова Александру I, необычный въ подобныхъ оффиціальныхъ бумагахъ, повели къ тому, что военная карьера Дмитріева-Мамонова не была продолжительна. По свидѣтельству князя Вяземскаго вслѣдствіе описанныхъ уличныхъ безпорядковъ и драки полкъ Мамонова былъ расформированъ и его казаки были зачислены въ какой-то гусарскій полкъ. Это должно было очень раздражить Мамонова, но нѣкоторое время онъ еще продолжалъ службу. По окончаніи войны онъ присоединился въ Москвѣ къ «обширному кружку недовольныхъ: порицалъ, фрондировалъ, бранилъ». Въ февралѣ 1816 г. онъ былъ уволенъ за границу до излѣченія болѣзни и, повидимому, въ томъ же году вышелъ въ отставку. По возвра-

---

изъ нихъ смертельно ранили русскаго казака, а одинъ, назвавшійся офицеромъ, бросился съ кортикомъ на самого Мамонова, но былъ остановленъ русскими офицерами. Дмитріевъ-Мамоновъ велѣлъ схватить одного изъ наиболѣе виновныхъ въ безпорядкахъ и наказалъ его, „какъ наказываютъ виноватыхъ солдатъ“ въ нашей арміи. Въ донесеніи имп. Александру онъ оправдывался тѣмъ, что командовавшаго австрійцами офицера, котораго онъ не разъ требовалъ къ себѣ на помощь, съ самаго утра не было въ мѣстечкѣ. Подобное же происшествіе случилось и въ селеніяхъ, гдѣ квартировалъ другой эскадронъ.

[1]) Въ Германіи у Мамонова возникли какія-то непріятности съ ген. Эртелемъ.

щеніи изъ-за границы онъ сталъ вести совершенно затворническую жизнь въ своемъ подмосковномъ имѣніи Дубровицы. Съ 1817 г. у него началась психическая болѣзнь; Вяземскій полагалъ, что причинами ея были «неограниченное самолюбіе и *бѣдственность положенія нашего*». Сопоставивъ эти слова съ письмомъ Мамонова къ Александру мы можемъ понять ихъ лишь въ томъ смыслѣ, что его сильно раздражали политическія и общественныя неурядицы Россіи. Это будетъ еще яснѣе, когда мы познакомимся съ его отношеніями къ М. Ѳ. Орлову и съ тѣми планами преобразованія, которые они вырабатывали.

Кн. Вяземскій свидѣтельствуетъ о близости Мамонова съ старыми московскими масонами: по его словамъ, онъ «принадлежалъ въ Москвѣ обществу такъ называемыхъ мартинистовъ. Онъ былъ въ связи съ Кутузовымъ (Павломъ Ивановичемъ), Невзоровымъ и другими лицами этого кружка». Это видно и изъ того, что онъ сотрудничалъ въ «Другѣ Юношества» Невзорова: здѣсь въ 1811—12 гг. печатались его стихотворенія («Честь», «Генію», «Время», «Истина» и др.). съ подписью: Г. Д. М. Кн. Вяземскій упоминаетъ въ письмѣ 1823 г. о «прежнихъ масонскихъ связяхъ» Мамонова съ П. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ, который прославился доносами вообще и на Карамзина въ частности [1]). Позднѣе, во время болѣзни, Дмитріевъ-Мамоновъ писалъ своему родственнику и опекуну С. П. фонъ-Визину: «Или вы не тотъ Сергѣй Павловичъ, котораго я зналъ съ Алекс. Ив. Мамоновымъ и въ ложѣ масонской» [2]).

Уже изъ приведенныхъ выше слуховъ о предложенныхъ Мамоновымъ пожертвованіяхъ видно, что онъ былъ очень богатъ. По вѣдомостямъ, составленнымъ его опекунами въ 1853 г., у него было по 9-й ревизіи безъ малаго 13.000 душъ крестьянъ м. п. и ежегодный доходъ съ этихъ имѣній превосходилъ 76.000 р. да кромѣ того въ московской дворянской опекѣ хранился капиталъ въ 197.000 р. Въ 1860 году, по 10-й ревизіи, Мамонову принадлежало уже около 15.000 душъ крестьянъ м. п. при 90.000 десятинахъ земли, расположенныхъ въ десяти губерніяхъ и 29 уѣз-

---

[1]) *А. Васильчиковъ*. «Семейство Разумовскихъ», т. II, 64—65, 288, 325, 341, 343, 346, 348, 363, 374. Голенищевъ-Кутузовъ былъ сенаторомъ въ Москвѣ въ 1805 — 21 гг., слѣдовательно и въ то время, когда въ сенатѣ служилъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

[2]) Александръ Ив. Дмитріевъ-Мамоновъ былъ избранъ 7 декабря 1817 г. великимъ мастеромъ масонской ложи Ищущихъ Манны, только что передъ тѣмъ основанной, а С. П. фонъ Визинъ—ея намѣстнымъ мастеромъ, но ни среди членовъ, ни среди посѣтителей ложи Ищущихъ Манны въ 1817 году Матвѣй Алекс. Дмитріевъ-Мамоновъ не упоминается, да это и естественно, такъ какъ въ это время онъ уже жилъ въ полномъ уединеніи. Поэтому упоминаніе въ письмѣ Дмитріева-Мамонова относится, вѣроятно къ болѣе раннимъ масонскимъ собраніямъ.

дахъ [1]), затѣмъ у него была дача въ Москвѣ на Воробьевыхъ горахъ, домъ въ Петербургѣ и капиталъ болѣе 200.000 рублей въ билетахъ Государственаго банка. Все имѣніе было не заложено, и капиталъ черезъ четыре года возросъ до 500.000 рублей. Наконецъ, въ кладовыхъ московской дворянской опеки хранилось принадлежащихъ Мамонову золотыхъ, серебряныхъ и бриллiантовыхъ вещей примѣрно на 200.000 рублей.

Совершенно несомнѣнно, что предположенія, относительно которыхъ Орловъ и Дмитріевъ-Мамоновъ, по свидѣтельству перваго [2]), пришли къ соглашенію въ 1814—15 г.г, изложены въ документѣ, написанномъ рукою гр. Дмитріева-Мамонова [3]) и озаглавленномъ: «Пункты преподаваемаго во внутреннемъ орденѣ ученія». Самымъ первымъ изъ этихъ пунктовъ устанавливалось «ограниченіе самодержавной власти» посредствомъ сената: это было какъ бы возрожденіе тѣхъ идей о приданіи политическаго значенія сенату, съ которыми носились нѣкоторые наши либералы во второй половинѣ XVIII вѣка и въ самомъ началѣ царствованія имп. Александра I [4]). Орловъ и Мамоновъ предполагали, что самодержавная власть будетъ лишена права: 1) издавать новые законы и отмѣнять старые «безъ воли сената»; 2) «налагать налоги» безъ его «согласія»; 3) объявлять войну и заключать трактаты «безъ воли сената»; 4) ссылать и наказывать «безъ воли сената»; 5) оставлять государство и уѣзжать заграницу; 6) жаловать въ княжеское и графское россійское достоинство, въ фельдмаршалы, канцлеры, государственные министры, генералъ-губернаторы пограничныхъ губерній и Сибири, главнокомандующіе арміей, въ кавалеры орденовъ Андрея, Георгія первыхъ двухъ классовъ и Владиміра I-й степени, въ *сенаторы*, въ командиры корпусовъ и въ послы къ дворамъ англійскому, французскому, прусскому, турецкому и австрійскому безъ согласія сената. Это постановленіе напоминаетъ кондиціи, предложенныя верховнымъ тайнымъ совѣтомъ Аннѣ Іоанновнѣ. Она обязывалась безъ согласія верховнаго тайнаго совѣта: «1) ни съ кѣмъ войны не начинать, 2) мира не заключать, 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податями не отягощать, 4) знатные чины, какъ въ свѣтскіе, такъ и военные, сухопутные и морскіе выше полковничьяго ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, 5) у шляхетства жи-

---

[1]) Въ 1789 г. отцу Мамонова было пожаловано Екатериною II 2.250 душъ муж. п., нарочно для него купленныхъ.

[2]) См. приведененное выше его показаніе.

[3]) Что это дѣйствительно рука гр. Дмитріева-Мамонова можно убѣдиться, сравнивъ этотъ документъ съ собственноручными строками его донесенія въ дѣлѣ Военно-ученаго архива, I Отдѣленіе № 336, л. 31 об.

[4]) См. мою статью „Вопросъ о преобразованіи Государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка" въ журналѣ „Былое" 1906 года № 1.

вота и имѣнія и чести безъ суда не отнимать, 6) вотчины и деревни не жаловать, 8) государственные доходы въ расходъ не употреблять».

Извѣстно, что попытка верховниковъ ограничить самодержавную власть лишь въ свою пользу встрѣтила протестъ со стороны дворянства, и въ выработанныхъ тогда проектахъ къ участію въ представительномъ учрежденіи предлагалось допустить выборныхъ отъ дворянства, а въ проектѣ кн. Д. М. Голицына—и отъ городовъ. По проекту Мамонова и Орлова членами сената, который долженъ былъ ограничивать самодержавную власть въ дѣлѣ законодательства, внутренняго управленія и внѣшнихъ отношеній, должны были быть лица, не назначаемыя государемъ, а частью имѣющія на то право по своему происхожденію, частью выборные. Предполагалось, что сенатъ будетъ состоять «изъ двухсотъ наслѣдственныхъ пэровъ (Pairs), магнатовъ или вельможъ государства, изъ четырехсотъ представителей дворянства и изъ четырехсотъ представителей народа». Но откуда взять «наслѣдственныхъ пэровъ», которыхъ въ Россіи не существовало? Ихъ предполагалось создать искусственно посредствомъ «дарованія» двумстамъ вельможамъ государства «удѣловъ городами и помѣстьями» въ наслѣдственную собственность, при чемъ городамъ, составляющимъ «наслѣдіе пэровъ государства», должны были быть предоставлены «права графствъ въ Англіи и пэрствъ во Франціи».

Въ настоящее время такой планъ можетъ показаться совершенно нелѣпымъ и невозможнымъ, но если мы примемъ во вниманіе, что Орловъ и Дмитріевъ-Мамоновъ составляли свое предположеніе въ въ 1814-15 г. и что Орловъ тогда только что пріѣхалъ изъ Франціи, гдѣ Александръ I предоставилъ ему значительную роль въ переговорахъ съ французами, то мы не удивимся, если источникъ только что указанныхъ предположеній объ искусственномъ созданіи наслѣдственныхъ пэровъ, входящихъ въ составъ сената, который долженъ былъ ограничить самодержавіе въ Россіи, мы найдемъ въ современной Франціи. Въ такъ называемой сенатской конституціи, опубликованной во Франціи 6 апрѣля 1814 года, было сказано: «сенаторы несмѣняемы, и ихъ званіе передается по наслѣдству въ въ мужскомъ потомствѣ по праву первородства. Они назначаются королемъ... нынѣшнее пожалованіе (dotation) сенату и сенаторствамъ (sénatoreries) принадлежитъ имъ. Доходы дѣлятся между ними поровну [1]), и это право переходитъ къ ихъ наслѣдникамъ. Если случится, что умретъ кто либо изъ сенаторовъ безъ мужского потомства по прямой линіи, то его доля возвращается въ казну». Число сенаторовъ должно было быть отъ 150 до 200 [2]).

---

[1]) Въ нѣсколько сокращенномъ переводѣ сенатской конституціи, напечатанномъ въ „Сынѣ Отечества“ 1814 года (ч. XIII, 193—197), было упомянуто, что „сенаторы пользуются четырьмя милліонами дохода, получаемаго съ національныхъ имѣній“.

[2]) Tripier. Les constitutions françaises. P. 1848, p. 230. Когда Бона-

Мы полагаемъ, что изъ этого источника Орловъ и гр. Дмитріевъ-Мамоновъ и заимствовали свое предположеніе о наслѣдственныхъ пэрахъ. Заимствованіе это было тѣмъ легче и возможнѣе, что переводъ конституціи 6 апрѣля 1814 г. былъ напечатанъ въ одномъ изъ наиболѣе извѣстныхъ тогдашнихъ журналовъ. Возможно, конечно, и вліяніе примѣра англійской палаты лордовъ. Вѣроятно, отсюда же, т. е. подъ вліяніемъ французской сенатской конституціи 1814 г., а также и англійской палаты лордовъ, явилась и у Мордвинова мысль о «Государственной Думѣ» (или «Думѣ вельможъ», «Верховной палатѣ», какъ онъ хотѣлъ назвать ее первоначально), состоящей изъ пятидесяти членовъ. Онъ предлагалъ, чтобы въ званіе члена этой думы жаловалъ государь, а потомъ оно дѣлается наслѣдственнымъ и переходитъ всегда къ старшему сыну. Каждый «вельможа» при пожалованіи въ это званіе получаетъ изъ казенныхъ имуществъ не менѣе 10.000 душъ (м. п.); ихъ наслѣдуетъ старшій сынъ, который, по смерти отца занимаетъ его мѣсто по достиженіи совершеннолѣтія, получая, впрочемъ, право голоса въ думѣ лишь когда ему минетъ 24 года. Имѣнія, составляющія принадлежность достоинства вельможъ, не могутъ быть, по проекту Мордвинова, ни проданы, ни подарены, ни заложены, доходы съ нихъ не могутъ быть «упрочены» ни за кѣмъ другимъ. Они всегда переходятъ по наслѣдству къ старшему сыну, а если сына нѣтъ, то возвращаются въ казну. Впрочемъ, на мысль о желательности пожалованія населенныхъ имѣній вельможамъ могли навести Орлова и графа Дмитріева-Мамонова и «кондиціи», предложенныя верховнымъ совѣтомъ Аннѣ Іоанновнѣ, хотя тамъ самодержавная власть и лишалась права пожалованія этихъ имѣній безъ согласія верховнаго тайнаго совѣта. Нужно замѣтить, впрочемъ, что въ пунктахъ Мамонова и Орлова не указано точно того, кѣмъ производилось «дарованіе удѣловъ» вельможамъ государства; но изъ писемъ Дмитріева-Мамонова, которыя будутъ приведены ниже, можно заключить, что установленіе сената, ограничивающаго самодержавную власть, должно быть результатомъ государственнаго переворота, который долженъ былъ произвести Орденъ Рыцарей Русскаго Креста, или Русскихъ Рыцарей. Отмѣтимъ еще, что и конституціею (Добавочный актъ), при-

партъ, сдѣлавшись первымъ консуломъ, сталъ мечтать объ императорствѣ, онъ рѣшилъ пріобрѣсти расположеніе сенаторовъ, богато одаривъ ихъ. По конституціи VIII (1799) г. изъ доходовъ съ національныхъ имуществъ было опредѣлено содержаніе сената (п. 22). Въ XI году были образованы особые округа изъ національныхъ имуществъ—сенаторства, въ каждомъ изъ нихъ былъ домъ и оно давало доходъ отъ 20.000 до 25.000 франковъ. Съ слѣдующаго (1806 г) всѣ сенаторства были розданы, но только въ пожизненную собственность. Сенатская конституція 1814 г. обратила сенаторскія имѣнія изъ пожиненныхъ въ наслѣдственныя. Но конституція эта не была осуществлена, и указъ 4 іюня 1814 г. присоединилъ эти имѣнія къ государственнымъ имуществамъ, при чемъ каждому сенатору была назначена пенсія въ 36.000 франковъ.

нятою во время ста дней, подъ вліяніемъ Бенжамена Констана, была установлена палата пэровъ. По сенатской конституціи 6 апрѣля 1814 г., кромѣ сената долженъ былъ быть и законодательный корпусъ. Орловъ же и Мамоновъ думали соединить въ одномъ сенатѣ 200 наслѣдственныхъ пэровъ, магнатовъ или вельможъ государства съ 400 представителями дворянства и 400 представителями народа.

Мысль объ учрежденіи пэровъ въ Россіи приходила въ голову не только Дмитріеву-Мамонову, Орлову и Мордвинову; ею задавался одно время даже Н. И. Тургеневъ, хотя и на совершенно иныхъ основаніяхъ: у него эта мысль связывалась непосредственно съ предположеніемъ объ освобожденіи крестьянъ. Живя еще за границею, во Франкфуртѣ, Тургеневъ 19 октября 1815 г. заноситъ въ свой дневникъ мысль о томъ, чтобы послѣ преобразованія «внутренняго и въ особенности земскаго управленія» богатымъ дворянамъ была предоставлена возможность «пріобрѣтать права пэровъ освобожденіемъ своихъ крестьянъ. Какую прекрасную славу русскіе вельможи симъ заслужить могутъ», продолжаетъ онъ. «Черезъ то богатые люди соединяются съ правительствомъ для достиженія великой цѣли освобожденія». Пэры, предлагаемые Тургеневымъ, отличаются отъ пэровъ Орлова и гр. Дмитріева-Мамонова не только происхожденіемъ ихъ званія, но и тѣмъ, что они, по крайней мѣрѣ первоначально, не ограничиваютъ самодержавной власти: «не нужно терять *ни мало*[1]) самодержавной власти прежде уничтоженія рабства», говоритъ Тургеневъ. «Пэры не ограничатъ ея, но усилятъ»! Чрезъ полгода Тургеневъ развиваетъ свою мысль о пэрахъ и задумываетъ учрежденіе изъ нихъ единой палаты. 25-го апрѣля 1816 г., еще живя за границей, онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Въ Россіи, кажется, можно теперь съ пользою ввести une Chambre des Pair (палату пэровъ) а ch. de Dep. (палату депутатовъ) не вводить. Отъ сей нельзя теперь ожидать ничего полезнаго. Первая же можетъ поддерживать либеральную систему, которую можетъ ввести правительство. Сія первая, если такая система вводится, предохранитъ ее отъ разрушенія въ послѣдующихъ царствованіяхъ». Само собою разумѣется, что послѣдняя надежда очень наивна при сохраненіи самодержавной власти, которая будетъ имѣть полную возможность уничтожить какъ прежде принятую либеральную систему, такъ и самую палату пэровъ. Учрежденіе этой палаты Тургеневъ по прежнему считаетъ особенно полезною потому, что члены ея «не будутъ имѣть крѣпостныхъ людей». Онъ находилъ осуществленіе его мысли настолько важнымъ, что думалъ предложить ее имп. Александру[2]).

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Это видно изъ непосредственно слѣдующихъ за цитированнымъ мѣстомъ словъ: „Представить всѣ планы Одному и при томъ сказать, что оные не были никому сообщены. Ибо нѣтъ никакой пользы въ семъ сообщеніи, ибо я увѣренъ весьма, что полезныя перемѣны могутъ быть

Наконецъ, 2-го іюня 1816 года, еще за границей, Тургеневъ набрасываетъ въ своемъ дневникѣ общій планъ преобразованій, разсчитанный на 25 лѣтъ. Онъ предлагаетъ раздѣлить это 25-тилѣтіе на пять періодовъ. Въ теченіе перваго слѣдуетъ заняться: «1) составленіемъ кодекса всѣхъ законовъ, 2) образованіемъ внутренняго управленія, 3) исправленіемъ системы финансовъ». Тургеневъ предлагаетъ отправить за границу на четыре года отъ 100 до 200 человѣкъ для изученія преимущественно юриспруденціи, а въ это время заняться составленіемъ проекта законовъ, поручивъ это дѣло отдѣльнымъ лицамъ или комитетамъ. По возвращеніи отправленныхъ за границу на родину имъ прочитываются проекты законовъ, которые и получаютъ силу въ первый годъ второго періода не только на время, такъ камъ въ это второе пятилѣтіе ихъ пригодность подвергается испытанію, и лишь черезъ 10 лѣтъ отъ начала преобразовательнаго періода они окончательно утверждаются. Въ продолженіе третьяго пятилѣтія Тургеневъ предлагаетъ заняться осуществленіемъ его мысли о пэрахъ, которые, какъ онъ вновь настаиваетъ, не только «не ослабятъ власть престола», а даже будутъ имѣть противоположное значеніе. Такъ какъ пэрами могутъ быть только «помѣщики», освободившіе своихъ крѣпостныхъ, то, думаетъ Тургеневъ «они, по естественному ходу вещей и страстей, могутъ только... содѣйствовать правительству въ общемъ освобожденіи». Къ тому же онъ считаетъ возможнымъ, чтобы права пэровъ были «первоначальнымъ положеніемъ ограничены въ теченіе 10 или 15-ти лѣтъ такъ, чтобы вліяніе ихъ могло только всегда споспѣшествовать видамъ правительства, но никогда имъ противиться». Очевидно, Тургеневъ разсчитываетъ на то, что правительство, если оно приметъ его планъ, будетъ проникнуто прогрессивными стремленіями. Онъ настаиваетъ на своей мысли, что «все въ Россіи должно быть сдѣлано правительствомъ, ничто самимъ народомъ. Если правительство ничего не будетъ дѣлать, то все должно быть предоставлено времени, ничто народу. Такимъ образомъ черезъ 15 лѣтъ,—продолжаетъ онъ,—мы имѣемъ законы, финансы, внутренній порядокъ и пэровъ». Въ теченіе четвертаго пятилѣтія пэры вмѣстѣ съ правительствомъ должны произвести главнѣйшее преобразованіе—«полное уничтоженіе рабства». Въ теченіе пятаго періода будетъ введено «народопредставленіе. Самодержавная власть ограничится, но не такъ какъ въ Англіи и во Франціи и пр.,—у насъ она всегда должна быть сильнѣе: могущество, сила и внѣшняя слава Россіи сего требуютъ». Тургеневъ въ такомъ восторгѣ отъ своего проекта, что, изложивъ его, восклицаетъ: «Боже! когда я это на яву увижу!»

Во время составленія этихъ проектовъ Н. Тургеневу было 26 лѣтъ, и отъ человѣка, окончившаго университетскій курсъ въ

сдѣланы только правительствомъ. Слѣдовательно, если оно не захочетъ ихъ дѣлать, то всѣ планы предаются огню».

Россіи и прослушавшаго кромѣ того лекціи гёттингенскихъ профессоровъ-юристовъ, можно было бы, повидимому, ожидать чего-нибудь болѣе зрѣлаго, болѣе рѣшительнаго. Но очень возможно, что именно пребываніе въ Германіи, которая только что начинала въ это время вводить конституціонный строй [1]), заставило Тургенева думать, что установленіе народнаго представительства не такое легкое дѣло, какъ это казалось Орлову и графу Дмитріеву-Мамонову. «Пункты преподаваемаго во внутреннемъ Орденѣ ученія» прямо начинаются съ того, что самодержавная власть во многихъ отношеніяхъ ограничивается властью сената. Какъ достигнуть этого ограниченія,—не было сказано въ проектѣ ни слова, и средства осуществленія государственнаго переворота выяснялись только въ перепискѣ между Дмитріевымъ-Мамоновымъ и Орловымъ (см. ниже), — Тургеневъ же предполагалъ, чтобы народное представительство нѣсколько ограничило самодержавіе лишь черезъ 20 лѣтъ, послѣ проведенія ряда реформъ—изданія новыхъ законовъ, преобразованія управленія и финансовъ и главнымъ образомъ уничтоженія крѣпостного права. Правда, ранѣе, чѣмъ Тургеневъ набросалъ свои предположенія, а именно въ концѣ апрѣля 1815 года, были уже оглашены въ Варшавѣ основы польской конституціи, но если они даже были извѣстны Тургеневу онъ могъ полагать въ то время, что императоръ Александръ не находитъ возможнымъ немедленно сдѣлать то же для Россіи, что рѣшилъ относительно Польши, гдѣ въ герцогствѣ Варшавскомъ уже существовала конституція и было уничтожено въ 1807 г. крѣпостное право. Правда, то и другое было выполнено Наполеономъ весьма неудовлетворительно (крестьяне получили только личную свободу безъ земли), но хотя, какъ увидимъ ниже, у Тургенева въ это время мелькала мысль о необходимости дать землю крестьянамъ при освобожденіи, онъ вовсе не былъ убѣжденъ въ этомъ настолько, чтобы не допускать и безземельнаго ихъ освобожденія.

Сравнивая съ предположеніемъ Тургенева мысль Орлова и графа Дмитріева-Мамонова объ учрежденіи двухсотъ наслѣдственныхъ пэровъ, входящихъ въ составъ сената изъ тысячи членовъ, гдѣ остальные были должны быть выборными, мы видѣли, что между тѣмъ какъ Орловъ и Дмитріевъ-Мамоновъ требовали надѣленія своихъ пэровъ удѣлами, состоящими изъ городовъ и помѣстій, Тургеневъ ставилъ, наоборотъ, условіемъ для достиженія званія пэровъ отказъ отъ владѣнія крѣпостными людьми.

Возвращаясь къ содержанію «Пунктовъ преподаваемаго во внутреннемъ орденѣ ученія», мы видимъ въ нихъ двоякаго рода предложенія: одни—полезны для Россіи и русскаго народа, и хотя вовсе не разработанныя подробно, но все же являющіяся выраже-

[1]) Конституція въ герцогствѣ Нассаускомъ введена въ 1814 году. Гервинусъ т. II, 543—544.

ніемъ прогрессивныхъ стремленій лучшей части русскаго общества, другіе, напротивъ, совершенно реакціонные. Эта двойственность сказывалась уже въ самомъ устройствѣ сената, который долженъ былъ ограничить самодержавную власть: 800 выборныхъ членовъ вводились въ него цѣною надѣленія двухсотъ наслѣдственныхъ пэровъ городами и помѣстьями [1]) Далѣе: ордену, членовъ котораго составители проекта предлагали назвать Рыцарями Русскаго Креста, должны были, по примѣру тевтонскихъ рыцарей, быть дарованы не только крѣпости («фортеціи»), но и «помѣстья и земли», т. е., очевидно, земли, населенныя и ненаселенныя. А между тѣмъ въ тѣхъ же «пунктахъ» упоминалось объ «упраздненіи рабства въ Россіи». Нужно замѣтить впрочемъ, что даже такой противникъ законодательнаго ограниченія крѣпостного права, какимъ былъ Мордвиновъ, въ имѣніяхъ, которыя онъ предлагалъ пожаловать членамъ его «Государственной Думы», допускалъ весьма существенныя ограниченія правъ владѣльца, а именно крестьяне должны были платить ему оброкъ, а не отбывать барщину, во владѣніи крестьянъ состояла опредѣленная часть земель и луговъ и, наконецъ, они могли выкупаться на свободу за назначенную закономъ плату. Составители пунктовъ не входятъ ни въ какія подробности относительно того, какимъ образомъ рабство должно было быть уничтожено въ Россіи [2]).

Изъ числа прогрессивныхъ мѣръ предложенныхъ въ «Пунктахъ», отмѣтимъ слѣдующія: введеніе «вольнаго книгопечатанія», т. е. свободы печатнаго слова, «печатаніе и обнародованіе актовъ сената», вольная продажа вина и соли и упраздненіе виннаго откупа, уменьшеніе числа монастырей, «улучшеніе состоянія солдата», надѣленіе землею солдатъ, выслужившихъ урочные годы, и дарованіе имъ льготъ и привилегій, съ обязанностью обрабатывать данныя земли [3]),

---

[1]) Предлагалась, впрочемъ, и вообще раздача ненаселенныхъ земель частнымъ лицамъ „по государственнымъ уваженіямъ".

[2]) Въ запискахъ декабриста С. Г. Волконскаго есть такое извѣстіе: въ 1815 г. М. Орловъ „составилъ адресъ къ имп. Александру объ уничтоженіи крѣпостного права въ Россіи, подписанный тогда многими изъ первенствующихъ служебныхъ чиновниковъ; какъ я узналъ впослѣдствіи, были тамъ имена князя Иллар. Вас. Васильчикова, гр. Воронцова и Блудова". Извѣстіе это я считаю весьма сомнительнымъ: адресъ, составленный Орловымъ, не только до сихъ поръ не найденъ, но о немъ и не упоминаетъ никто, кромѣ Волконскаго, не упоминаетъ о немъ и Орловъ въ своемъ показаніи, и, вѣроятно, Волконскій былъ введенъ въ заблужденіе позднѣйшимъ (1820 г.) адресомъ, подписаннымъ графомъ М. С. Воронцовымъ, И. В. Васильчиковымъ, гр. Потоцкимъ, кн. Вяземскимъ, братьями Н. и А. Тургеневыми и др.

[3]) Это, конечно, было возможно лишь при сокращеніи срока службы и дѣйствительномъ улучшеніи быта солдатъ, такъ какъ при 25-ти-лѣтней лямкѣ и жестокой муштровкѣ они обыкновенно получали отставку лишь послѣ совершенной утраты силъ и способности къ такому тяжелому труду, какъ земледѣліе.

учрежденіе инвалидныхъ домовъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Ригѣ, Одессѣ и Казани, открытіе «каждому путей жаловаться на притѣсненія губернскихъ начальствъ» и нѣкоторыя другія.

Мѣры относительно просвѣщенія, предлагаемыя составителями «Пунктовъ», были довольно нелѣпы; они совѣтуютъ упразднить «ненужные университеты» и учредить вмѣсто нихъ, и при томъ только въ Москвѣ и Петербургѣ, обсерваторіи, ботаническіе сады, публичныя библіотеки, лабораторіи, звѣринцы, какъ будто всѣ эти учрежденія могли замѣнить университеты. Предложеніе это можно не оправдать, а развѣ до нѣкоторой степени объяснить несовершенствомъ тогдашнихъ нашихъ высшихъ заведеній. Наиболѣе симпатичными для авторовъ учебными заведеніями, очевидно, являются кадетскіе корпуса, при чемъ сверхъ существующихъ заведеній этого рода для дворянъ предлагалось учредить такія же и для мѣщанъ, а кромѣ того кавалерійскія школы, какъ во Франціи. Въ «военныхъ» (?) городахъ (быть можетъ, въ такихъ, гдѣ сосредоточивалось много войскъ или имѣющихъ значеніе крѣпостей) предлагалось учрежденіе политехническихъ школъ, изъ которыхъ успѣшно учащіеся могли поступать въ кадетскіе корпуса [1]).

Мы видѣли, что въ своемъ показаніи Орловъ говоритъ о борьбѣ съ лихоимствомъ, какъ объ одной изъ главныхъ цѣлей предположеннаго имъ общества, но указанное въ «Пунктахъ» средство было болѣе чѣмъ нелѣпо. Предлагалось «*скорое* [2]) наказаніе лихоимства смертью или торговою казнью» (т. е. тѣлесное наказаніе кнутомъ или плетьми). Къ числу отрицательныхъ сторонъ пунктовъ относится узкій націонализмъ ихъ авторовъ. Ненависть ихъ составителей къ иноземцамъ, занимающимъ мѣста на государственной службѣ и имѣющимъ, такимъ образомъ, вліяніе на дѣла государственныя, такъ велика, что они предлагаютъ не только лишеніе ихъ такого вліянія, но и «конечное паденіе, а, если возможно», даже «смерть». Такая крайняя ненависть къ иностранцамъ, состоящимъ на русской службѣ, которой, хотя и въ гораздо меньшей степени, были не чужды и нѣкоторые другіе декабристы, вызывалась столь же крайнею и неразумною приверженностью къ нимъ Александра I, которая сопровождалась пренебрежительнымъ отношеніемъ къ русскимъ.

Составители «Пунктовъ» проникнуты самымъ антипатичнымъ антисемитизмомъ: они предлагаютъ «переселеніе половины жидовъ

[1]) Подобно тому, какъ Тургеневъ считалъ полезнымъ дать званіе пэра дворянину, освободившему своихъ крестьянъ, такъ составители „Пунктовъ" предлагали возведеніе въ дворянство тѣхъ купцовъ, которые учредятъ въ Сибири (почему-то только въ Сибири) „заведенія, могущія приносить обществу пользу ежегодную отъ 400.000 до 500.000 руб." По ихъ мнѣнію, это должно быть единственнымъ средствомъ для купцовъ пріобрѣсти званіе дворянина.

[2]) Курсивъ подлинника.

изъ Польши въ ненаселенныя» (т. е. мало населенныя) «губерніи и *обращеніе ихъ въ вѣру*» [1]). Нужно думать, что тутъ имѣлось въ виду не свободное, а насильственное переселеніе, такъ какъ, во-первыхъ, опредѣлялось, какая часть евреевъ должна быть переселена, а во-вторыхъ, назначались, какъ мѣсто новаго водворенія, малонаселенныя губерніи, которыми являлись, конечно, мѣстности на окраинахъ Европейской Россіи и въ Сибири, куда евреи далеко не всегда захотѣли бы переселиться добровольно, а при условіи обращенія въ православную вѣру и навѣрно не захотѣли бы.

Крайняя религіозная нетерпимость сказывается въ «Пунктахъ» и въ отношеніи къ раскольникамъ: составители проекта желаютъ «истребленія» не только «раскола скопцовъ», но и «всѣхъ расколовъ», отвергающихъ церковный бракъ. Подъ «истребленіемъ», конечно, приходится разумѣть самое суровое преслѣдованіе.

Мы уже указывали ранѣе на то, что составители «Пунктовъ» проповѣдывали внутреннюю и внѣшнюю политику въ духѣ крайняго націонализма и шовинизма. Они желали не только окончательнаго «истребленія» имени Польши и королевства Польскаго [2]), но и присоединенія къ Россіи прусской и австрійской Польши, а также Венгріи, Сербіи и всѣхъ славянскихъ народовъ; предполагалось и другое, столь же нелегкое дѣло, изгнаніе турокъ изъ Европы [3]), а возстановленныя послѣ того греческія республики должны были состоять подъ покровительствомъ Россіи. На всѣхъ границахъ Россіи наши отважные политики считали необходимымъ «всегда содержать въ полномъ комплектѣ армію, а въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ и въ Архипелагѣ флоты». Построеніе гавани при устьѣ Амура также могло вызвать серьезныя внѣшнія затрудненія, особенно послѣ непринятія въ 1806 г. китайскимъ правительствомъ нашего посольства. И этимъ не ограничивались политическія фантазіи составителей «Пунктовъ»: они желали присоединенія Норвегіи къ Россіи, переселенія «Гренландовъ» въ Сибирь (безъ сомнѣнія, добровольнаго, по примѣру другихъ иностранныхъ колонистовъ), и даже «сочиненія проекта *выгодной* войны противъ персіанъ и вторженія въ Индію» [4]).

Въ 1815 г. Орловъ участвовалъ въ походѣ, вызванномъ возвращеніемъ Наполеона съ острова Эльбы; до 3-го сентября этого года онъ занималъ должность начальника штаба 7-го пѣх. корпуса.

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Послѣднее упоминаніе показываетъ, что „Пункты“ окончательно составлены не ранѣе апрѣля 1815 года. Въ болѣе позднемъ проектѣ Дмитріева-Мамонова въ числѣ членовъ палаты вельможъ мы находимъ, однако, „представителей Царства Польскаго“ (см. ниже).

[3]) Соборъ греческихъ патріарховъ и греко-россійскихъ митрополитовъ долженъ былъ благословить Орденъ на брань противъ невѣрныхъ.

[4]) Гос. Арх. I, В. № 15, л. 48 об 51 об.; напечатано въ книгѣ, издан. подъ ред. А. К. Бороздина: „Изъ писемъ и показаній декабристовъ“, изд. М. В. Пирожкова, Спб. 1906 г., стр. 145—148.

Въ это время съ нимъ познакомился во Франціи Н. Тургеневъ и, можетъ быть, его предположенія объ установленіи нэровъ были результатомъ споровъ съ Орловымъ, хотя конечно они могли быть навѣяны и конституціонною хартіею Людовика XVIII 1814 г. Въ показаніи сенатора Старынкевича объ Орловѣ есть указаніе, что послѣ похода во Францію въ 1815 году онъ оставался въ Парижѣ до сентября 1816 г., но это невѣрно. Въ 1815 году Орловъ, какъ видно изъ его писемъ къ кн. Андр. К. Разумовскому, жилъ нѣкоторое время въ Англіи, но затѣмъ опять пріѣхалъ въ Парижъ. Старынкевичъ говоритъ, что здѣсь Орловъ «занимался литературой и магнетизмомъ», и много читалъ объ Азіи и особенно объ Индіи, «которая тогда преимущественно его интересовала». У него бывалъ возвратившійся изъ Индіи и прожившій тамъ около 10 лѣтъ старикъ-французъ Моренасъ, который готовилъ въ это время къ печати сочиненіе: «Объ индійскихъ кастахъ, или письма объ индусахъ», вышедшее въ свѣтъ въ 1822 г. Орловъ имѣвшій очень хорошее состояніе [1]), занимался покупкою старыхъ картинъ и вращался въ самомъ аристократическомъ обществѣ: онъ бывалъ у княгини Волконской, урожденной Бѣлосельской, бывалъ у русскаго посланника, знакомъ былъ съ посланниками англійскимъ, шведскимъ и датскимъ, съ виконтомъ Сегюромъ, родственникомъ бывшаго посланника Наполеона въ Россіи Коленкура. Но что Орловъ велъ не исключительно свѣтскую жизнь, а интересовался и болѣе серьезными предметами, видно изъ того, что въ февралѣ 1816 г. онъ былъ избранъ членомъ общества начальнаго образованія въ Парижѣ. Интересъ къ магнетизму и Индіи находится, очевидно, въ связи съ его планами объ учрежденіи Общества Русскихъ Рыцарей. Что знакомства Орлова въ Парижѣ не ограничивались названными Старынкевичемъ лицами,—можно предполагать на основаніи словъ самого Орлова въ письмѣ къ имп. Николаю изъ Москвы отъ 22 декабря 1825 года, на другой день послѣ его ареста: «Еще въ 1816 году», говоритъ Орловъ, «когда пріѣхалъ я изъ чужихъ краевъ, полагали, что я во Франціи устроилъ связь съ тамошними возмутителями».

Уже было приведено ранѣе показаніе Орлова о его письмѣ къ Александру I въ 1815 г. съ протестомъ противъ возстановленія Польши, о которомъ государь узналъ и которое вызвало его гнѣвъ [2]).

---

[1]) Въ 1822 г. онъ самъ оцѣнивалъ свое состояніе въ 1.290.000 р. асс. М. О. Гершензонъ „Семья декабристовъ". „Былое" 1907 г. № 10, стр. 317.

[2]) Кн. Адамъ Чарторыскій писалъ имп. Александру изъ Варшавы въ 1815 году: „Съ нѣкотораго времени я вполнѣ убѣдился, что въ Петербургѣ устроилось нѣчто въ родѣ общества, главная цѣль котораго состоитъ въ противодѣйствіи намѣреніямъ В. В-ва относительно Польши.—Это общество послало сюда нѣкоторыхъ лицъ и, кажется, что цесаревичъ"

Полагая, что польскія вліянія одерживаютъ верхъ въ умѣ государя (онъ заключалъ объ этомъ изъ образованія особой части войска подъ названіемъ литовскаго корпуса [1]) и, приписывая это дѣйствіямъ польскаго тайнаго общества, которое существуетъ (прибавляетъ Орловъ въ своемъ письмѣ къ имп. Николаю), онъ задумалъ ко всѣмъ прежнимъ своимъ предположеніямъ присоединить противодѣйствіе «польской системѣ» и противопоставить польскому—русское тайное общество, которое, слѣдовательно уже немогло быть представлено на утвержденіе государя, какъ это онъ предполагалъ сдѣлать съ обществомъ, задуманнымъ въ 1814 году. Этимъ занимался Орловъ, по его словамъ, въ 1816 и отчасти въ 1817 году, вмѣстѣ съ гр. Дмитріевымъ Мамоновымъ, но ихъ предположенія остались не осуществленными и были вскорѣ совершенно покинуты Дмитріевымъ-Мамоновымъ «вслѣдствіе его путешествія и (душевной) болѣзни», а Орловымъ потому что онъ узналъ о существованіи другого тайнаго общества.

Такимъ образомъ не задолго до того времени, когда образовался Союзъ Спасенія, Орловъ и Дмитріевъ-Мамоновъ задумали составить «Общество Русскихъ Рыцарей» [2]). На слѣдствіи Орловъ показалъ,

(Константинъ Павловичъ) „руководится его вліяніемъ въ своемъ поведеніи, котораго онъ держался и держится еще теперь, надѣясь такимъ образомъ пріобрѣсти популярность. Это общество приготовило представленіе относительно Польши, которое должно было быть послано къ В-му В-ву". Начавшаяся война (съ Франціей въ 1815 г.) „отвлекла этихъ крамольниковъ, и совѣты нѣкоторыхъ благоразумныхъ людей помѣшали исполненію этого проекта". Быть можетъ это извѣстіе относится къ попыткѣ М. Ѳ. Орлова.

[1]) Якушкинъ, ссылаясь на разсказъ самого Орлова, говоритъ: „Когда сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе имп. Александра образовать отдѣльный литовскій корпусъ и, одѣвши его въ польскій мундиръ, дать ему литовскія знамена, намѣреніе это возмутило многихъ нашихъ генераловъ и они согласились между собой подать письменное представленіе императору, въ которомъ они излагали весь вредъ, могущій произойти отъ образованія отдѣльнаго литовскаго корпуса, и умоляли императора не приводить въ исполненіе своего намѣренія, столь пагубнаго для Россіи. Въ числѣ генераловъ, согласившихся подписать это представленіе, былъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ" (съ 1817 г.), начальникъ гвардейскаго корпуса. Онъ испугался собственной своей смѣлости и, пришедши къ императору съ раскаяніемъ, просилъ у него прощенія въ томъ, что задумалъ противъ него недоброе, назвалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ и разсказалъ все дѣло, въ которомъ главнымъ побудителемъ былъ Орловъ, написавшій самое представленіе. Государь потребовалъ къ себѣ Орлова, напомнилъ прежнее къ нему благоволеніе и спросилъ, какъ могъ онъ рѣшиться дѣйствовать противъ него. Орловъ сталъ увѣрять императора въ своей къ нему преданности. Тутъ императоръ разсказалъ подробно все дѣло, замышляемое генералами, и приказалъ Орлову принести къ нему представленіе, писанное къ нему отъ имени генераловъ. Орловъ отъ всего отрекся, послѣ чего императоръ разстался навсегда съ прежнимъ своимъ любимцемъ".

[2]) Мы видѣли изъ „Пунктовъ преподаваемаго во внутреннемъ Орденѣ

что намѣреніе учредить такое общество не было осуществлено, на вопросъ же,—«кто члены общества?» отвѣчалъ: «Никто, ибо не возымѣло дѣйствія. Развѣ можно назвать членами Мамонова, и меня, и еще Николая Тургенева, которому я о семъ говорилъ въ 1817 году, но который тогда нашелъ мысль эту неосуществимою. На вопросъ о правилахъ или законахъ общества Орловъ отвѣчалъ, что насколько онъ можетъ вспомнить, были составлены, или лучше сказать начаты три градуса принятія, совершенно масоническіе, выбранные частью изъ «Духовнаго Рыцаря» [1]), а частью изъ статутовъ храмовничества обыкновеннаго [2]). Сіи три градуса имѣли нѣкоторую постепенность и давали чувствовать, что трудами, повиновеніемъ и приверженностью неофитъ можетъ современемъ узнать цѣль сего ордена... Кромѣ сего былъ еще составленъ уставъ, совершенно подобный уставу Тампліеровъ». Орловъ прибавилъ, что все, что было у него по этому предмету, предано «забвенію и огню съ 1818 года». На основаніи бумагъ Дмитріева-Мамонова можно заключить, что Орловъ очень смягчилъ характеръ задуманнаго ими общества и не вполнѣ точно указалъ источники ихъ трудовъ.

Письма Дмитріева-Мамонова на французскомъ языкѣ, сохранившіяся въ его бумагахъ, значительно выясняютъ его міросозер-

ученія", что тогда рыцарей ордена предполагалось назвать Рыцарями Русскаго Креста".

[1]) Орловъ пояснилъ, что „Духовный Рыцарь"—печатное сочиненіе, „кажется", Ив. Влад. Лопухина, находящееся въ продажѣ у всѣхъ книгопродавцевъ». Но степени, выработанныя Мамоновымъ, совершенно не напоминаютъ это произведеніе Лопухина. Первое изданіе книги „Духовный Рыцарь, или ищущій премудрости" 5791, т. е. 1791 г. (безъ имени автора и мѣста печатанія) хранится въ Публичной библіотекѣ, какъ большая рѣдкость, въ витринѣ. Было еще второе изданіе этой книги подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: „Θ Ζηλοδολος, искатель премудрости или Духовный Рыцарь". А. Суровцевъ. „И. В. Лопухинъ". „Вѣстн. Всем. Ист." 1900 г. № 4, стр. 70.

[2]) Новые храмовники во Франціи (Chevaliers de l'ordre du temple), претендующіе на происхожденіе отъ Тампліеровъ, въ сущности ведутъ свое начало отъ парижской ложи Chevaliers de la croix, въ которой въ 1805 г. явилась мысль, уже и ранѣе прежде использованная, о возобновленіи стараго тампліерства. Въ 1811 г. они провозгласили новые статуты и заявили парижскому Великому Востоку, которому прежняя ложа была подчинена, что орденъ Тампліеровъ не находится ни въ какой связи съ масонствомъ. См. Allgemeines Handbuch der Freimaurerei, Leipz. 1865, II, 411—417 и Manuel des chevaliers de l'ordre du temple Paris. 699 (1816—7). Въ этой книгѣ между прочимъ названа въ числѣ великихъ пріорствъ ордена—Россія или Московія, раздѣляющаяся на округа: Ингрію, Двину(?), Ливонію, Москву и Смоленскъ съ командорствами: Петербургъ, Нотебургъ (?), Новгородъ, Бѣлоозеро, Псковъ, Кола (?), Архангельскъ, Вологда, Устюгъ, Рига, Ревель, Нарва, Москва, Ростовъ, Суздаль, Betjan (?), Вязьма, Дорогобужъ (p. 202). Въ Нарвѣ названъ и какой-то командоръ, братъ Юлій.

цаніе. Вотъ что онъ писалъ о книжкѣ, составленной имъ, вѣроятно, по соглашенію съ Орловымъ:

„Я велѣлъ напечатать „Краткія Наставленія" съ *прибавленіями* Это будетъ готово послѣ завтра, и я пришлю вамъ всѣ экземпляры. Я исправляю степени, предоставьте мнѣ это, прошу васъ. Я въ отчаяніи, что долженъ буду покинуть Россію и тѣмъ буду лишенъ возможности сообщаться съ вами. Я очень радъ имѣть въ васъ адепта. Воздвигайте *пророковъ* [1]), болѣе могущественныхъ *на словахъ и въ дѣлахъ*, чѣмъ вашъ слабый здоровьемъ другъ". Черезъ нѣсколько дней Мамоновъ писалъ: „Вотъ и „Краткія Наставленія" на веленевой бумагѣ. Я сдѣлалъ много добавленій. Что ни говори,—когда тѣло страдаетъ, страдаетъ и душа. Но я думаю, однако, что я придалъ этому маленькому труду весь тотъ размѣръ, всю ту силу, и, осмѣлюсь сказать, всю ту *изысканность*, какія были возможны.

„Это лишь введеніе. Я взялся за степени, я ихъ велѣлъ напечатать; вы укажете мнѣ вѣрный способъ для пересылки ихъ вамъ,—это будетъ прихожая. Вы же работаете въ глубинѣ кабинета надъ распредѣленіемъ и украшеніемъ внутреннихъ покоевъ. Помните, что изъ нихъ нужно устроить лабиринтъ и не ввѣрять путеводной къ нему нити—я едва не сказалъ—никому. Мнѣ нечего прибавить къ тому, что я вамъ написалъ о вашемъ теперешнемъ трудѣ. Катехизисъ долженъ составлять только одну главу этого труда. Онъ долженъ быть послѣднею главою, краткимъ обозрѣніемъ, сжатымъ повтореніемъ всего труда въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, чтобы сдѣлать всю систему болѣе ясною и точною. Вы, можетъ быть, поставите мнѣ въ вину увеличеніе масштаба, но *нужно* нѣчто *великое*. Какое значеніе имѣютъ самыя прекрасныя *филограммы*, сдѣланныя такъ, чтобы ихъ можно было разсматривать въ микроскопъ, если ихъ помѣстить на карнизѣ зданія, верхушка котораго теряется въ облакахъ. Если бы я имѣлъ безумное самолюбіе, въ которомъ меня обвиняютъ, я не желалъ бы ничего лучшаго, какъ если бы сказали, что *степени, которыя я изобрѣлъ, составляютъ срубъ, основной камень*. Но истина беретъ верхъ надъ всѣмъ въ моемъ сужденіи, и я долженъ сознаться, что степени не болѣе, какъ *бездѣлушки, дѣтскія игрушки* въ сравненіи съ вашимъ трудомъ, что степени должны сообразоваться съ вашимъ трудомъ, а не вашъ трудъ со степенями. Это значило бы осудить орла на то, чтобы онъ соразмѣрялъ свой полетъ съ полетомъ воробья. Ничего нѣтъ легче, какъ эти пустячки ритуала и *степеней*,—я вамъ приготовлю двадцать другихъ, если вы захотите; но я не скажу того же о трудѣ, надъ которымъ вы работаете; не именно потому, что онъ несоизмѣримо выше степеней по своему назначенію, я желалъ бы для него другой формы, и изложить его въ вопросахъ и отвѣтахъ, значило бы его съузить, низвести его до уровня *объявленія, программы*, наконецъ, *катехизиса*. Нужно напротивъ наполнить его *дилеммами, афоризмами*, сжимать, накоплять разсужденія, настаивать на необходимости конституціи, объявлять и доказывать, что она будетъ полезна и славна лишь тогда, если она изойдетъ изъ среды О. (ордена), что она произведетъ благопріятныя измѣненія лишь въ соотвѣтствіи съ тѣмъ вліяніемъ, какое будутъ имѣть рыцари, съ тѣмъ, какъ они будутъ гремѣть противъ тираніи, гремѣть противъ злоупотребленій, гремѣть противъ поляковъ, взывать къ потомству, къ тѣнямъ Шуйскихъ и Пожарскихъ объ уста-

[1]) Курсивъ вездѣ подлинника.

новленіи закона *спасенія націи*, поставить его подъ охрану всѣхъ храбрыхъ людей Россіи, всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества, смѣло выставить орденъ, какъ знамя объединенія, какъ предметъ, достойный удивленія, достойный того, чтобы онъ сосредоточивалъ всѣ желанія гражданъ и почтеніе всѣхъ сословій государства, чтобы онъ сказалъ: „взойди, заря свободы".

„То, что я прибавилъ къ „Наставленію"—бездѣлица. Но этой бездѣлицы не доставало книгѣ для того, чтобы она составила одно цѣлое. Я очень доволенъ, что она напечатана. Все же это маленькая побѣда свободы. Правда, что *кандалы Катона* и т. д. дьявольски не нравились гг. цензорамъ. Но чего не добьется надоѣдливость и настойчивость. Я рѣшился солгать. Я сказалъ, что рукопись—переводъ, сдѣланный 30 лѣтъ тому назадъ, словомъ, Всеволожскій [1]) вмѣшивается и приказываетъ его напечатать, *чтобы сдѣлать мнѣ одолженіе*.

„И вотъ, такимъ образомъ общество, существующее только въ идеѣ, возвѣщается уже путемъ печати.

„Это *materia prima* нашего великаго труда,—благословите ее и обрабатывайте ее по *образцу ученыхъ*, распространяйте мало по малу подъ рукой экземпляры.

„Что касается меня,—я готовъ завтра же, если нужно, умереть, если буду имѣть право сказать то же, что Симеонъ, когда онъ увидѣлъ принесеннаго въ храмъ того, кого вы знаете".

Изъ другого письма Дмитріева-Мамонова видно, что первоначально цензура отказала въ разрѣшеніи печатать книжку и что ее спасло только вмѣшательство Всеволожскаго. Далѣе Мамоновъ продолжаетъ:

„Посвященіе—только записка, которую я написалъ вамъ, но я чувствовалъ, что непримѣтно я гарцовалъ на пегасѣ, и чтобы не посылать вамъ вздутыхъ фразъ на дурномъ французскомъ языкѣ въ формѣ любовнаго письма, я храбро рѣшился напечатать французское. Всего 25 экземпляровъ, и дурной французскій языкъ избавляетъ меня отъ искушенія напечатать на хорошемъ русскомъ. Вотъ какъ я налагаю узду на мое самолюбіе...

„Наконецъ, развѣ эта книжка не исходитъ изъ среды О. (ордена), общества, которое само существуетъ только въ идеѣ?

„Но кто можетъ исчислить число дѣтей, которыя послѣдуютъ за этимъ первымъ новорожденнымъ? Кто можетъ оцѣнить послѣдствія ихъ могущества и предсказать ихъ красоту?.. По смѣломъ Богъ—порука!

„Самыя великія дѣла имѣютъ слабое начало,—чрезъ сто лѣтъ, а можетъ быть и ранѣе О. (орденъ) будетъ имѣть въ числѣ своихъ членовъ великихъ геніевъ, ихъ произведенія будутъ свѣтомъ мудреца и ихъ дѣйствія громовыми ударами власти.

„Можетъ быть ничего не будетъ. Но согласимся, однако, что это—маленькая побѣда (правда, очень маленькая) ясно выражен-

---

[1]) Это вѣроятно Н. С. Всеволожскій (1772—1857), бывшій въ то время вице-президентомъ московскаго отдѣленія медико-хирургической академіи, который на свои средства выписалъ изъ Парижа отъ Дидо образцовыя литеры и завелъ превосходную типографію. „Моск. Вѣд.", 1857 г. № 23; „Московскій Некрополь", состав. В. И. Саитовымъ и Б. Л. Модзалевскимъ, изд. в. к. Николая Михаиловича. Спб., 1907 г. ч. I, 241.

ныхъ либеральныхъ идей надъ предразсудкомъ, исходящая изъ московскаго печатнаго станка.

„Денегъ нѣтъ! Дергаемый со всѣхъ сторонъ, я могу похвалиться этимъ маленькимъ пожертвованіемъ и не могъ рѣшиться уѣхать, не увидѣвъ наставленія напечатанными!

„Это *Materia prima* нашего великаго дѣла, благословите его, работайте надъ нимъ и особенно любите меня. Mf (Мамоновъ).

„P. S. „Однако, я прошу васъ не распространять тотчасъ экземпляровъ.

„Видите ли! Понемногу! Не то, чтобы я боялся,—я далекъ отъ всякаго страха, но *самая сущность дѣла* требуетъ осторожности, осмотрительности въ выборѣ читателей. Я надѣюсь, да, я надѣюсь, настанетъ время, когда молодые, старые или даже на смертномъ одрѣ, мы будемъ имѣть возможность, какъ Симеонъ, сказать, когда онъ увидѣлъ принесеннаго во храмъ *того, кого вы знаете*. „Господи, нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ"...

Въ одномъ изъ приведенныхъ выше писемъ Дмитріевъ-Мамоновъ упоминаетъ о трудѣ, надъ которымъ работалъ его корреспондентъ,—очевидно, Орловъ. Въ письмѣ, написанномъ нѣсколько ранѣе, онъ говоритъ по этому поводу: «Я долженъ вамъ сказать, что я сдѣлалъ бы на вашемъ мѣстѣ. Я распредѣлилъ бы весь трудъ по главамъ—метода, чрезвычайно облегчающая ходъ идей и сообщающая слогу изящество, которымъ никогда не отличаются труды, не имѣющіе опредѣленныхъ подраздѣленій. Лучше всего свести все въ главы. Подраздѣленіе должно дѣлать въ крупныхъ чертахъ: сначала введеніе, которое должно исходить изъ какого-либо основного положенія, или о *патріархальномъ правленіи*, если вы хотите историческаго введенія, или о *крайней необходимости* законовъ основныхъ и либеральныхъ, основанныхъ на природѣ человѣка, или о *прирожденной свободѣ*, если вы хотите разсматривать предметъ, какъ философъ.

Это введеніе должно быть написано живо и полно идеями. Затѣмъ слѣдовали бы главы съ звучными и внушительными заглавіями, напр.: 1) о наслѣдственныхъ и избирательныхъ коронахъ; 2) о религіозной и политической терпимости, а по этому поводу и о свободѣ печати; 3) о генеральныхъ штатахъ, о большихъ съѣздахъ при дворѣ (des cours plénierès [1]), о ихъ происхожденіи, были ли они въ Россіи; 4) крупные лены (fiefs); 5) о вѣроятномъ будущемъ европейскихъ націй, о естественныхъ союзникахъ и прирожденныхъ врагахъ Россіи; 6) о конституціонныхъ законахъ, которые пригодны для великихъ націй и въ частности для Россіи; 7) о завоеваніяхъ; 8) о религіозныхъ расколахъ и т. д.

«Не нужно ограниченій и осторожности..., все это вызываетъ мысль о хитрости и слабости, и будьте увѣрены, что *смѣлый* трудъ вызываетъ большее уваженіе *пресмыкающейся* толпы, чѣмъ книга,

[1]) Во время этихъ торжественныхъ феодальныхъ съѣздовъ при королевскомъ дворѣ въ средніе вѣка происходили не только празднества, но и дѣлались постановленія относительно полиціи и администраціи королевства.

довольствующаяся *намеками*. Такъ Общественный Договоръ (Contrat Social) переведенъ и напечатанъ въ Россіи (?), а несравненно болѣе умѣренный трудъ о *злоупотребленіяхъ деспотизма* будетъ задержанъ, и авторъ преданъ въ руки полиціи.

«Истины смѣлыя, полезныя, простыя—пусть онѣ однѣ всплываютъ на поверхность. *На правду словъ немного*...

«Верхомъ искусства было бы сдѣлать изъ труда, который вы предпринимаете, книгу для публики и основныя правила для О. (Ордена). Посвященные нашли бы въ ней тайну О., профаны—книгу хорошо продуманную, ученую, хорошо написанную».

Нѣсколько выше, въ томъ же письмѣ, начало котораго, къ сожалѣнію, не сохранилось, Дмитріевъ-Мамоновъ рекомендовалъ для того же сочиненія «величайшую простоту, не исключающую изящности. Не нужно фразъ, отзывающихся остроуміемъ. Опредѣленія Давыдова, напр., «непривитое дерево» и т. д. превосходны, остроумны, очень хороши для *степеней катехизисовъ*, потому что они представляютъ аллегоріи. Но *книга жизни, ученіе* О. должны быть выше этого [1])...

«Нуженъ масштабъ изъ боязни или слишкомъ растянуть изложеніе, или сдѣлать его непонятнымъ».

Въ это время политическій радикализмъ Дмитріева-Мамонова, хотя и на аристократической, какъ увидимъ, подкладкѣ, внѣ всякаго сомнѣнія. Онъ много читалъ и, какъ видно изъ только что приведеннаго мѣста одного его письма, сильное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ нѣкоторыми своими чертами, произвелъ на него одинъ изъ знаменитѣйшихъ журналовъ первыхъ годовъ французской революціи «La Bouche de fer», который издавалъ Бонневиль (1760—1828) сначала съ аббатомъ Фоше, а потомъ одинъ (въ 1790—92 г.г.). Это былъ оффиціальный органъ революціонеровъ-мистиковъ «Соціальнаго Кружка», выходившій въ свѣтъ три раза въ недѣлю. Онъ служилъ выраженіемъ ново-христіанскаго мистицизма, смѣшаннаго съ революціонными идеями и съ масонскою философіею. Среди мистическихъ твореній, масонскихъ мечтаній и тяжеловѣсныхъ разсужденій въ немъ встрѣчались смѣлыя мысли, напр. относительно

---

[1]) Въ видѣ образца слога для обсуждаемаго труда Мамоновъ рекомендуетъ слѣдующія сочиненія: 1) Тацита, 2) „La défense des emigrés, par Lally Tollendal, 3) „Le tableau de la révolution française“ 3 vol. 4) рѣчи Цицерона противъ Катилины. „Для канвы плана, — говоритъ онъ, — „я не знаю болѣе подходящей для васъ книги, какъ „La Bouche de fer de Bonneville.—Маркизъ Lally Tollendal (1751—1830) публицистъ и политическій дѣятель, высказывавшійся въ національномъ собраніи за умѣренную монархію по англійскому образцу; рѣчь его за учрежденіе двухъ палатъ сдѣлала его непопулярнымъ. Покинувъ Францію, онъ издалъ въ 1795 г. книгу въ защиту памяти Людовика XVI и въ 1797 г. „Défense des émigrés français adressée au peuple“. При реставраціи въ 1816 г. сдѣланъ членомъ академіи и верхней палаты, гдѣ принадлежалъ къ партіи монархистовъ-конституціоналистовъ.

права собственности. Здѣсь печатались письма и статьи Томаса Пэна, Кондорсэ, Анахарсиса Клотса. Послѣ бѣгства Людовика XVI журналъ рѣшительно высказался за уничтоженіе королевской власти. Нужно замѣтить, впрочемъ, что соціальная сторона взглядовъ Фоше и Бонневиля не имѣла замѣтнаго вліянія на Дмитріева-Мамонова, хотя, быть можетъ, ихъ журналъ и заставилъ его отказаться отъ нѣкоторыхъ прежнихъ предположеній [1]).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, написанномъ, какъ и другія, сохранившіяся въ его бумагахъ, на французскомъ языкѣ, Дмитріевъ-Мамоновъ говоритъ: «Всякій монархъ только первый слуга государства, всякій монархъ, который измѣннически дѣйствуетъ вопреки желанію своего народа, который думаетъ, что народъ сотворенъ для него,—безуменъ! Но тотъ, кто призываетъ иностранцевъ на помощь себѣ и пользуется ими, чтобы угнетать свой народъ, открыто объявляетъ себя его врагомъ».

Далѣе, по поводу нашей иностранной политики онъ пишетъ: «Мы вмѣшиваемся въ дѣла, которыя могутъ вредить намъ развѣ только при противодѣйствіи этому вмѣшательству. Мы дѣйствуемъ, какъ Донъ-Кихотъ, исправляя вредъ, причиненный отъ океана до Вислы. Европа думаетъ, что мы желаемъ сдѣлать ее участницей избытка нашего счастія и нашей свободы, а мы, освободители другихъ, стонемъ подъ ненавистнымъ игомъ».

Въ другомъ письмѣ, начало котораго не сохранилось, Мамоновъ писалъ: «Вы будете умѣрены даже и тогда, если удовольствуетесь молчаніемъ, слыша озлобленныя нападенія молодыхъ адептовъ на правительство, но обуздывать ихъ,—думаете ли вы объ этомъ? Главное дѣло въ томъ, чтобы воспользоваться пылкостью своихъ послѣдователей. Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно, что человѣкъ является посредственностью, если у него есть настолько здраваго смысла, чтобы понять *превосходство извѣстнаго дѣла, и достаточно храбрости и благородства души, чтобы принять въ немъ участіе.* Я увѣренъ, что вы найдете людей, которые не заслужатъ отъ васъ названія *безразсудныхъ*, которымъ вы не сможете отказать въ достоинствахъ, и даже выдающихся достоинствахъ, но если эти люди *рабы*, то я предпочитаю вашихъ *безразсудныхъ.*

«Я очень далекъ отъ того, чтобы не одобрять *конституціон-*

---

[1]) Срав. Лихтенберже. Соціализмъ и французская революція. Переводъ Ю. Стеклова. Спб. 1907 г., стр. 56—61. Нѣкоторое вліяніе на міросозерцаніе Дмитріева-Мамонова могло оказать сочиненіе Н. Бонневиля „De l'esprit des religions" (P. nouv. edit., 1792), если оно было ему извѣстно. Еще болѣе можно было бы это предположить, судя по заглавію, о другомъ сочиненіи того же Бонневиля „Les jesuites chassés et la Maçonnerie Ecossaise, comparée avec les trois professions ou le secret des templiers du 4-me siecle". L. 1788, 2 parties, но его нѣтъ въ петербургскихъ библіотекахъ.

наго катехизиса, надъ которымъ вы работаете; напротивъ, я желаю чего-нибудь большаго, чѣмъ катехизисъ. Я хотѣлъ бы трактата, въ родѣ того, какой я вамъ намѣтилъ въ одномъ изъ моихъ писемъ,— катехизисъ всегда нѣчто такое, что пахнетъ учебникомъ, или церковью, или масонствомъ.

«Нужно оспаривать, доказывать, обращаться за примѣрами къ исторіи,—катехизисъ можетъ содержать въ себѣ лишь первыя начертанія этого великаго труда. Безъ лести я могу сказать вамъ, что ваша голова можетъ прекрасно преодолѣть эти затрудненія.

«Правда, это трудное дѣло, но все же это не то, что выпить море: самое существенное въ томъ, чтобы вложить въ наши сочиненія такую закваску, которая вызываетъ броженіе умовъ и которая побуждаетъ сказать: «вотъ мы, что вы намъ прикажете?»

Мамоновъ, очевидно былъ готовъ на весьма рѣшительныя дѣйствія: «На что вы жалуетесь? — пишетъ онъ въ одномъ письмѣ.— Вы жалуетесь на то, что видите распространеніе ненависти къ тираніи. Непреложные (какъ вы ихъ называете) принципы мы носимъ въ честномъ сердцѣ. Средства, для выполненія плана, будутъ намъ открываться по мѣрѣ хода событій,—я скажу болѣе: въ политикѣ мѣры, вынужденныя обстоятельствами, почти всегда единственно хорошія и единственно вѣрныя, такъ какъ (люди) не руководятъ событіями, а руководствуются ими. Прочтите исторію различныхъ заговоровъ, которые низвергли съ трона избираемыхъ цезарей древняго Рима,—вы почти всегда увидите, что нѣкоторые заговорщики колебались, были въ нерѣшительности и, наконецъ, рѣшились, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, по закону даннаго момента, который составляетъ все, принять дѣятельное участіе въ заговорѣ. Великое искусство руководителей революціи состоитъ въ томъ, чтобы поставить своихъ агентовъ въ невозможность отступить, и только волнуя умы, достигаютъ того пункта, который, такъ сказать, составляетъ Тарпейскую скалу тирановъ (потому что ко всему этому нужно примѣшивать что-нибудь римское).

«То же и относительно насъ, — что можемъ мы, что могли бы мы, если бы ни одно лицо, ни одно дѣло не вышло бы изъ своего обычнаго положенія? Если бы всѣ умы оставались спокойными? Деспотизмъ радовался бы этому покою, который равняется безчувственности смерти. Послѣ того, какъ доспотизмъ утвердился, какъ у насъ, всѣ его мѣры и выступленія дозволяютъ сбереженія своихъ силъ, спокойную увѣренность, ровное шествіе, которое совершенно не годится для тѣхъ, кто хочетъ съ нимъ сражаться.

«Нужны тайна, секретъ, но это не секретъ машины, состоящей изъ рычаговъ, стержней, веревокъ,—это секретъ мины, наполненной порохомъ,—нужно ее взорвать и, пользуясь сравненіями, заимствованными изъ военной жизни, такъ какъ я говорю съ военнымъ,—развѣ вы не разрушите зданія,—которое закрываетъ общій

видъ въ день сраженія или преграждаетъ вамъ путь,—если вы можете сдѣлать это выстрѣлами» [1]).

Мнѣ не удалось еще пока найти книжку на французскомъ языкѣ, напечатанную Дмитріевымъ-Мамоновымъ въ 25 экземплярахъ, которую онъ называетъ: «Краткія наставленія». Вѣроятно оригиналъ нѣкоторой части этой книжки сохранился среди рукописей Дмитріева-Мамонова въ Государственномъ Архивѣ: тутъ *есть обрядъ пріема и катехизисъ Крестовыхъ Рыцарей* и «Статуты черныхъ крестовыхъ рыцарей совершеннаго Союза Молчанія и Святого Гроба» — на русскомъ языкѣ и правила о рыцаряхъ, которыхъ нужно возстановить въ Россіи, на французскомъ языкѣ. Изъ этихъ рукописей видно, что Орденъ долженъ былъ имѣть три степени: первая степень или первый языкъ—израильскій, вторая степень—греческій, третья—римскій.

Такъ какъ насъ интересуютъ теперь лишь политическія и общественныя идеи Мамонова, то отмѣчу, что вступающіе въ третью степень должны были принимать обязательство относительно борьбы съ тиранами. Риторъ Ордена говоритъ кандидату: «По долгу сана моего обязанъ я предварить васъ, что отъ васъ требуется бодрственное пролитіе крови враговъ Ордена и отечества: вотъ условіе, на которомъ можете вы быть пріобщены высшимъ кругамъ сословія нашего».—Здѣсь берется съ кандидата реверсъ въ томъ, что онъ «обязывается преслѣдовать вездѣ враговъ Ордена и отечества и что онъ призываетъ проклятіе Божіе на себя, если присяга сія имъ не исполнится». Когда кандидатъ вводится въ ложу въ тампліерской одеждѣ, въ ней гасятъ освѣщеніе, братья обращаютъ на него мечи, блистаетъ молнія. Такъ продолжается съ полчаса, и затѣмъ кандитатъ приноситъ присягу, въ которой, между прочимъ, клянется «поражать Тарквиніевъ, Нероновъ, Домиціановъ, Калигуловъ, Коммодовъ и Геліогобаловъ», «чтить и лобызать кинжалъ, коимъ поразится похититель правъ, чести и свободы отечества», «умереть за свободу», «не страшиться оковъ, мечей, тем-

---

[1]) Госуд. Арх. I В. № 15. Письма Мамонова не только не вполнѣ сохранились, но и перепутаны въ дѣлѣ. Быть можетъ, это было сдѣлано умышленно во время захвата администраціею его бумагъ. Орловъ былъ арестованъ въ Москвѣ 21 дек. 1825 г.; на другой день онъ пишетъ имп. Николаю: „Думали, что моя связь съ гр. Мамоновымъ была основана на политическихъ замыслахъ. Гр. Мамоновъ сошелъ съ ума. Бумаги, книги, записки его въ рукахъ правительства, и я остался чуждъ отъ всякихъ нареканій". Изъ этихъ словъ видно, что хотя московскій воен. ген.-губ. кн. Голицынъ извѣстилъ имп. Николая объ отобраніи бумагъ Дмитріева-Мамонова у его опекуновъ лишь 4-го января 1826 г., но это было сдѣлано еще до 21 декабря, вѣроятно, немедленно по полученіи въ Москвѣ извѣстія о событіи 14 декабря. Орлову не только извѣстно объ опечатаніи этихъ бумагъ, но и о томъ, что въ нихъ нѣтъ ничего, прямо его компрометирующаго, т. е. что его имя въ нихъ не упоминается. О томъ, что именно взято, онъ могъ узнать отъ опекуновъ Мамонова,—сенатора Арсеньева и надворнаго сов. П. С. фонъ-Визина.

ницы, пытокъ, яда, пистолета и кинжала». Затѣмъ и присутствующіе члены Ордена обѣщаются пролить кровь всѣхъ враговъ свободы и не влагать меча въ ножны до истребленія и низложенія враговъ Ордена. Нужно замѣтить, что всѣ эти документы написаны рукою самого Мамонова [1]).

Н. И. Тургеневъ познакомился съ М. Ѳ. Орловымъ еще заграницей и особенно въ Нанси, гдѣ Орловъ былъ въ 1815 г. начальникомъ штаба 7-го пѣх. корпуса. Тургеневу приходилось постоянно возражать противъ «воинственныхъ и завоевательныхъ теорій» Орлова. Тургеневъ возвратился въ Россію въ концѣ 1816 г. и чрезъ нѣсколько времени, уже въ слѣдующемъ году, встрѣтился съ Орловымъ въ Петербургѣ. Въ это время всѣ мысли Орлова, по словамъ Тургенева, были поглощены масонствомъ: «Онъ составилъ проектъ возстановленія его въ такомъ видѣ, какъ оно существовало при Екатеринѣ II, и желалъ дать ему какую-нибудь политическую или скорѣе практическую цѣль. Товарищемъ ему въ этомъ предпріятіи былъ гр. Мамоновъ, который, кажется, имѣлъ особенную любовь къ древнему русскому масонству» (лично Тургеневъ не былъ знакомъ съ гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ). «Мамоновъ, продолжаетъ Тургеневъ, былъ, кажется, посвященъ въ одну изъ высшихъ степеней стараго франкъ-масонства; Орловъ, зная эту степень и формулу посвященія, внесъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія согласно съ современными идеями, но сохранивъ мистическую форму, которая господствовала въ старомъ обрядѣ». Орловъ же, признавая въ своемъ показаніи, что градусы принятія въ Орденъ Русскихъ Рыцарей были совершенно масонскіе, говоритъ, что «въ составъ занятій» Ордена «масоническіе предметы не входятъ» и что «масоны суть не что иное, какъ раскольники тампліерства, или Ордена Храмовниковъ» [2]).

Орловъ, по свидѣтельству Тургенева, показалъ ему свой проектъ, прося сообщить его нѣкоторымъ его знакомымъ франкъ-масонамъ,

---

[1]) Въ правилахъ о рыцаряхъ на французскомъ языкѣ упоминается о томъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ предполагалось поручать разоблаченіе злоупотребленій представителей власти, вызовъ на дуэль, или изданіе смѣлаго памфлета противъ правительства, битва съ представителемъ власти, который вредитъ ордену въ обществѣ, преслѣдуя его обвиненіями или язвительными насмѣшками.

[2]) Въ письмѣ къ имп. Николаю изъ Москвы отъ 22 декабря, на другой день послѣ ареста, Орловъ говоритъ: „Полагали, что посредствомъ масонскихъ обществъ я имѣю слишкомъ большое вліяніе надъ всѣми Вольными Каменьщиками,—но даже и имени моего въ спискахъ не нашли". Въ спискѣ членовъ тайнаго общества (отъ 30 марта 1824 г.) открытаго (!) въ Кіевѣ генераломъ Эртелемъ, т. е. бывшей ложи Соединенныхъ Славянъ, помѣщено имя Мих. Орлова, такъ же какъ и генерала Раевскаго (Архивъ Главнаго Штаба, бумаги по дѣлу о Выс. поруч., возлож. на ген.-ад. Демидова 1826 г. дѣло № 4), однако, въ печатныхъ спискахъ этой ложи ни тотъ, ни другой не значатся даже и въ числѣ почетныхъ членовъ.

чтобы они попробовали ввести его въ своихъ ложахъ. Тургеневъ передалъ этотъ регламентъ, или церемоніалъ пріема, предсѣдателю одной ложи, и тотъ былъ въ восторгѣ, что имѣетъ «нѣкоторый символъ стариннаго русскаго масонства, нѣкогда столь знаменитаго» [1]). Въ то же время Орловъ заявилъ Тургеневу, что «только что составилъ ядро общества, основаннаго на этихъ остаткахъ» стараго масонства и «назвалъ своихъ приверженцевъ: это были кн. М. (Меншиковъ) и г. Б. (Бенкендорфъ)», послѣдній—товарищъ Орлова по училищу аббата Николя [2]). По словамъ Тургенева, онъ иногда встрѣчалъ этихъ господъ, но только однажды говорилъ со вторымъ изъ нихъ объ ихъ обществѣ [3]).

Орловъ во французскомъ своемъ письмѣ къ имп. Николаю отъ 29 дек. 1825 г. говоритъ, что покинулъ «работу» по составленію задуманнаго имъ общества вслѣдствіе сдѣланнаго имъ открытія, что «составилось общество молодыхъ людей, цѣликомъ, или почти всецѣло, состоящее изъ гвардейскихъ офицеровъ, которое, также увлеченное успѣхомъ Союза Добродѣтели, работаетъ въ томъ же смыслѣ. Я сблизился съ ними, не присоединяясь къ нимъ. Одинъ Новиковъ [4]) входитъ въ сношеніе со мною». Въ примѣчаніи Орловъ дѣлаетъ оговорку, что вмѣсто Новикова должно стоять имя Александра Ник. Муравьева [5]). Далѣе во французскомъ письмѣ Орловъ дѣлаетъ весьма пренебрежительную характеристику устава Союза Благоденствія. Такимъ образомъ, здѣсь онъ умалчиваетъ о Союзѣ Спасенія, отличавшемся болѣе радикальнымъ характеромъ, и признаетъ свои сношенія съ Союзомъ Благоденствія, котораго въ 1817 г. еще не существовало, такъ какъ Союзъ Спасенія былъ преобразованъ въ Союзъ Благоденствія лишь въ 1818 году.

Напротивъ, въ своемъ обширномъ показаніи, написанномъ на русскомъ языкѣ въ первыхъ числахъ января 1826 г., Орловъ говоритъ иначе: «Стараясь преклонить къ намѣреніямъ моимъ молодыхъ людей, я говорилъ о семъ бывшему правителю канцеляріи малороссійскаго ген.-губернатора Новикову [6]) или Александру Муравьеву. Одинъ изъ нихъ, не помню кто [7]), открылъ мнѣ, что

---

[1]) Слѣдственная коммиссія по дѣлу декабристовъ потребовала этого масона въ Петербургъ, но онъ не былъ найденъ виновнымъ. N. Tourgueneff, La Russie, I, 162.

[2]) Прикосновенность къ этому дѣлу Бенкендорфа могла быть одною изъ причинъ того, что эпизодъ этотъ не подвергся подробному изслѣдованію слѣдственной коммиссіи.

[3]) N. Tourgueneff. La Russie et les Russes I, 159—161.

[4]) Племянникъ извѣстнаго масона, членъ Союза Спасенія и Союза Благоденствія.

[5]) Членъ тѣхъ же обществъ, что и Новиковъ.

[6]) Ко времени слѣдствія о Тайныхъ Обществахъ Новиковъ уже умеръ.

[7]) Н. М. Муравьевъ въ своемъ „Историческомъ обозрѣніи хода общества" говоритъ: „Пестель уѣхалъ въ Митаву, и Александръ Муравьевъ заступилъ мѣсто старѣйшины" (въ Союзѣ Спасенія). „Генералъ Михайло

тайное общество, составленное по большей части изъ молодыхъ офицеровъ гвардіи, уже составлено, и сіе открытіе заставило бросить всѣ мои прежнія сочиненія». Далѣе Орловъ говоритъ, что это лицо предложило ему войти въ общество, но на вопросъ, кто его члены, отказалось назвать ихъ имена, однако же, сообщило ихъ «общій планъ» — и далѣе Орловъ излагаетъ нѣсколько чертъ устройства Союза Спасенія, прибавляя, что, вскорѣ послѣ его отъѣзда изъ Петербурга, оно преобразовалось безъ его «вѣдома и содѣйствія» въ Союзъ Благоденствія. Это показаніе вполнѣ удостовѣряетъ, что у Орлова были сношенія съ членами Союза Спасенія. Членъ этого союза Пестель, уѣхавшій изъ Петербурга до преобразованія его въ Союзъ Благоденствія, въ одномъ изъ своихъ показаній говоритъ: «О тайномъ Обществѣ, подъ названіемъ Русскихъ Рыцарей, говорилъ мнѣ ген. Орловъ, сказывая, что къ оному принадлежалъ гр. Мамоновъ. У нихъ была печатная книжечка объ обществѣ, которую я, однако же, не читалъ».

Въ одномъ донесеніи (начальнику штаба, кн. Волконскому, отъ 4 марта 1822 г.), при собираніи негласно свѣдѣній о Союзѣ Благоденствія, было «открыто, что одинъ изъ членовъ существовавшаго еще до французской войны въ собранной на польской границѣ арміи общества подъ печатью» (нарисована книга, прислоненная къ елкѣ) «и полагавшагося давно исчезнувшимъ приглашалъ въ оное К. Г., назвалъ ему четырехъ членовъ, между прочимъ Алексѣя Пушкина [1]) и Дм.-Мамонова (не адъютанта вашего сіятельства) [2]), и далъ сочиненную послѣднимъ брошюрку: «Наставленіе русскому рыцарю». Въ оной выписками изъ Священнаго Писанія прикрыта цѣль общества; напечатана безъ цензуры». Брошюра эта, какъ мы уже знаемъ, была дѣйствительно составлена Матвѣемъ Александровичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Общество, существовавшее предъ французской войною въ арміи, вѣроятно, какая либо масонская ложа. Когда членомъ этого общества сдѣлался Дмитріевъ-Мамоновъ—неизвѣстно. Быть можетъ, въ то время, когда со своимъ казачьимъ полкомъ онъ находился въ 1813 году въ Западной Россіи; въ такомъ случаѣ слова «до французской войны»—надо понимать: «до похода во Францію».

Кн. С. П. Трубецкой, одинъ изъ основателей Союза Спасенія,

Орловъ находился тогда въ Петербургѣ. Они открылись другъ другу, потому что каждый изъ нихъ сталъ уговаривать другого вступать въ свое общество. Переговоры сіи кончились тѣмъ, что они обѣщались не препятствовать одинъ другому, идя къ одной цѣли, и оказывать себѣ взаимныя пособія. Нашему обществу сталъ извѣстенъ одинъ ген. Орловъ, его обществу—одинъ Александръ Муравьевъ".

[1]) Какой-то Пушкинъ былъ секретаремъ въ масонской ложѣ Ищущихъ Манны. Капитанъ лейб. гв. 2 артил. бриг. Пушкинъ былъ членомъ ложи Трехъ Добродѣтелей въ Петербургѣ, основанной въ ноябрѣ 1815 г.

[2]) У кн. П. М. Волконскаго былъ адъютантъ Дмитріевъ-Мамоновъ, не Матвѣй Александровичъ.

зналъ, что къ числу членовъ общества Русскихъ Рыцарей принадлежалъ кн. Меншиковъ [1]). С И. Муравьевъ - Апостолъ говоритъ о Союзѣ Спасенія (хотя и не называя его по имени), что онъ былъ «основанъ, кажется въ 1816 году», а онъ былъ принятъ въ него въ началѣ 1817 г., и прибавляетъ, что «въ то же самое время (или прежде, или послѣ, не знаю) возникало общество другое, коего основателемъ былъ М. Ѳ. Орловъ, называющееся, если не ошибаюсь, «Рыцарями Правды», слившееся впослѣдствіи съ нашимъ» [2]). Послѣднія слова, вѣроятно, означаютъ позднѣйшее вступленіе самого Орлова въ Союзъ Благоденствія, куда онъ, по выраженію извѣстной записки Грибовскаго, «брался вовлечь Мамонова», но послѣдній, очевидно, вслѣдствіе своей душевной болѣзни, не сдѣлался членомъ Общества, а два другіе приверженцы Орлова, кн. Меншиковъ и Бенкендорфъ, вступить въ него не пожелали. Однажды послѣдній, въ разговорѣ съ Н. И. Тургеневымъ [3]), по поводу предложенія соединить общество, подготовляемое Орловымъ, съ Союзомъ Благоденствія, сказалъ, что онъ не считаетъ необходимымъ соединить эти два общества въ одно, что нужно посмотрѣть, какъ будетъ дѣйствовать Союзъ Благоденствія, и поступать сообразно тому, будетъ ли онъ имѣть успѣхъ, или нѣтъ. Тургеневъ не былъ членомъ Союза Спасенія, и о сношеніяхъ Орлова съ его членами онъ не упоминаетъ. Но такъ какъ самъ Тургеневъ вступилъ въ Союзъ Благоденствія въ 1819 году, то слѣдовательно еще и въ это время Общество Русскихъ Рыцарей считалось (хотя и номинально) существующимъ. Это подтверждается и словами Орлова, что, когда его приглашали въ Союзъ Благоденствія, то онъ часто «изъ одной отговорки» утверждалъ, что принадлежитъ къ другому обществу—Русскихъ Рыцарей. Поэтому и въ одномъ доносѣ, поданномъ императору Александру во время существованія Союза Благоденствія, упоминается о Союзѣ Русскихъ Рыцарей и о принадлежности къ нему М. Орлова и гр. Мамонова.

Политическіе планы Ордена Русскихъ Рыцарей выразились въ схемѣ преобразованій, составленной гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ и сохранившейся въ его бумагахъ.

Мамоновъ предлагаетъ учредить народное вѣче, которое дѣлится на двѣ палаты—палату вельможъ и палату мѣщанъ. «Палата вельможъ состоитъ изъ 221 наслѣдственныхъ вельможъ государства, владѣющихъ удѣлами» неотчуждаемыми, «въ тѣхъ областяхъ», отъ которыхъ они являются «наслѣдственными представителями и де-

[1]) „Записки кн. Трубецкого", изд. его дочерей, М. 1906, стр, 34.

[2]) Кн. Трубецкой упоминаетъ въ своемъ показаніи, что, „кажется Нестель и кн. Лопухинъ" (оба члена Союза Спасенія) „хотѣли стараться завести сношенія по обществу съ М. Ѳ. Орловымъ".

[3]) Н. Муравьевъ называетъ Тургенева представителемъ въ Петербургѣ общества, устраиваемаго Орловымъ.

нутатами». Въ составъ «Палаты наслѣдственныхъ представителей входили еще 442 «простыхъ» дворянина, «не наслѣдственныхъ, но избранныхъ представителей», въ числѣ коихъ должны были быть «представители Польскаго Царства», подъ патронатомъ кіевскихъ и волынскихъ пэровъ, «депутаты лифляндскаго, курляндскаго и финляндскаго шляхетства, подъ патронатомъ Новгородскаго Царства, грузинскіе депутаты подъ протекторатомъ Астраханскаго царства. Сверхъ этого въ палатѣ вельможъ должны были засѣдать 10 депутатовъ русскаго рыцарства и шесть депутатовъ отъ вольныхъ городовъ [1]), а общее число членовъ равнялось 679. Въ проектѣ не объяснено, какъ образуются «неприкосновенные удѣлы» вельможъ,— будутъ ли это ихъ собственныя наслѣдственныя имѣнія, сдѣланныя неотчуждаемыми, или эти имѣнія будутъ пожалованы, какъ предполагалось въ «Пунктахъ».

Нижняя Палата по этому проекту носитъ названіе «Палаты мѣщанъ». «Такъ называемые мѣщане», сказано въ проектѣ, «должны составиться изъ депутатовъ городовъ», которые «могутъ быть избираемы» изъ дворянъ, духовныхъ лицъ, мѣщанъ, купцовъ, мастеровыхъ и «поселянъ». Каждый городъ долженъ избрать по три депутата: по одному дворянину, по одному купцу или духовному лицу и по одному ремесленнику или поселянину; а эти трое избираютъ четвертаго не изъ своей среды, все равно изъ какого сословія, который и является «народнымъ представителемъ». Авторъ проекта полагалъ, что такихъ представителей будетъ около 3000 человѣкъ. О цензѣ для участія въ выборѣ народныхъ представителей и для того, чтобы быть выбраннымъ въ палату мѣщанъ, не упоминается, но, какъ только что было указано, выборы предполагались не прямые, а двухстепенные.

Въ каждой палатѣ предсѣдательствуетъ избранный на одинъ годъ большинствомъ голосовъ посадникъ изъ числа вельможъ или «верховныхъ рыцарей» [2]). Одинъ изъ двухъ имперскихъ посадниковъ имѣетъ главное начальство надъ войсками, другой—судъ и расправу, подобно римскимъ консуламъ. Переизбраніе посадниковъ на слѣдующій годъ ни въ какомъ случаѣ не допускается

Россія раздѣляется по проекту Дмитріева-Мамонова на 8 царствъ и кромѣ того Царство Польское, Курляндію, Лифляндію, Финляндію и Грузію. Авторъ проекта предлагаетъ введеніе суда присяжныхъ. Войско, по его мнѣнію, должно быть трехъ родовъ: 1) «большая дѣйствующая армія», 2) «народная стража», или національ-

[1]) Кіева, Астрахани, Казани, Одессы, Новгорода и Ярославля. Эти депутаты должны были засѣдать въ палатѣ вельможъ, хотя бы они были и не дворяне („плебеяне").

[2]) Въ каждой палатѣ должно было быть по одному „вѣщателю", или оратору, и по одному „поручику", или наблюдателю за исполненіемъ декретовъ.

ная гвардія и 3) «вѣчевая стража», находящаяся въ распоряженіи парламента и зависящая непосредственно отъ него [1]).

О монархической власти въ этомъ проектѣ конституціи вовсе не упоминается, и что авторъ имѣлъ въ виду республиканское устройство, можно заключить изъ того, что въ замѣткѣ, помѣщенной послѣ описанія устройства народнаго вѣча, Мамоновъ, ссылаясь на разгонъ испанскихъ кортесовъ, утверждаетъ, что «щадить Г. (тирановъ) значитъ приготовлять, ковать на себя оковы болѣе тяжелыя, чѣмъ тѣ, которыя хотятъ скинуть». Кортесы были разогнаны Фердинандомъ VII въ 1814 году.

Отъискавъ недавно одинъ документъ съ нѣсколькими строками собственноручнаго письма гр. М. А. Дмитріева-Мамонова, за его подписью, я могъ вполнѣ несомнѣнно установить, что изложенная схема республиканской конституціи написана рукою гр. Дмитріева-Мамонова и, вѣроятно, составлена имъ по желанію М. Ѳ. Орлова [2]); что это работа самого Мамонова видно изъ многихъ поправокъ въ рукописи. Теперь становятся вполнѣ понятными нѣкоторыя черты сходства между этой схемою и извѣстными уже намъ «Пунктами, преподаваемаго во внутреннемъ Орденѣ ученія», а именно — установленіе наслѣдственныхъ вельможъ (въ Пунктахъ—200, въ проектѣ республиканской конституціи—221), при чемъ, однако, въ «Пунктахъ» эти вельможи составляютъ вмѣстѣ съ депутатами отъ дворянъ и мѣщанъ одинъ сенатъ, а въ проектѣ конституціи они входятъ въ составъ особой палаты вельможъ; въ «Пунктахъ» учреждается Орденъ Рыцарей Русскаго Креста, въ проектѣ конституціи упоминаются «Русскіе Рыцари» и депутаты отъ нихъ, при чемъ уже впрочемъ, нѣтъ рѣчи о надѣленіи ихъ помѣстьями, землями и крѣпостями, а имъ придается лишь значеніе «оберегателей конституціи», «вѣчевой стражи», находящейся въ распоряженіи парламента и зависящей отъ него. Въ «Пунктахъ» предлагается семи городамъ (Москвѣ, Владиміру на Клязьмѣ, Кіеву, Казани, Великому Новгороду, Нижнему Новгороду и Ярославлю) дарованіе правъ и привилегій, которыми пользовались въ Римской Имперіи вольные имперскіе ганзейскіе города, въ проектѣ конституціи упоминаются шесть вольныхъ городовъ. Замѣтка объ испанскихъ кортесахъ, написанная также рукою Мамонова, является какъ бы

---

[1]) Центральными административными учрежденіями, по проекту Мамонова являются „думы"; только министерство иностранныхъ дѣлъ названо посольскимъ приказомъ; кромѣ него предполагалось учредить шесть думъ: 1) ратныхъ дѣлъ, 2) морскихъ дѣлъ, 3) большой казны (министерство финансовъ), 4) внутренней управы (мин. внутреннихъ дѣлъ), 5) торговая дума и 6) ученая дума. Мамоновъ обращаетъ вниманіе на то, что онъ не считаетъ нужными министерства полиціи, юстиціи и исповѣданій.

[2]) Въ самомъ началѣ рукописи сказано: „губернское учрежденіе, надъ которымъ вы желаете заставить меня работать". Слова эти, вѣроятно, представляютъ обращеніе къ Орлову.

воображеніемъ республиканца монархисту-конституціоналисту и заставляетъ думать, что Дмитріевъ-Мамоновъ въ это время былъ проникнутъ болѣе радикальными воззрѣніями, чѣмъ Орловъ.

Повторяю, теперь несомнѣнно, что схема республиканской конституціи составлена Мамоновымъ, но на основаніи извѣстнаго показанія Пестеля можно думать, что онъ узналъ о ней (вѣроятно, безъ имени автора) отъ Новикова, и что республиканская конституція Новикова, о которой упоминаетъ Пестель, есть та самая, которая была взята, вмѣстѣ съ бумагами Дмитріева-Мамонова, т. е. составленная имъ схема конституціи.

Изложенныя въ настоящей главѣ предположенія о политическихъ преобразованіяхъ М. Ѳ. Орлова и М. А. Дмитріева-Мамонова, отличающіеся при всемъ политическомъ радикализмѣ Мамонова аристократическимъ характеромъ, примыкаютъ къ цѣлому ряду другихъ предположеній, въ которыхъ, въ той или иной формѣ, возлагаются надежды на аристократію, какъ на охранительницу политической свободы; таковы: записка Сперанскаго въ 1802 г. [1]), бесѣда гр. П. А. Строганова съ гр. С. Р. Воронцовымъ въ 1802 г., проекты графа Мордвинова. Даже Н. И. Тургеневъ предлагалъ учрежденіе пэровъ, сначала въ смыслѣ исключительно совѣщательнаго учрежденія, изъ богатыхъ помѣщиковъ, освободившихъ своихъ крестьянъ. Принявъ во вниманіе все это теченіе, станетъ понятнѣе и огромный избирательный цензъ, установленный въ проектахъ конституціи Н. М. Муравьева [2]), для всѣхъ избирателей, кромѣ крестьянъ, и аристократическая тенденція въ конституціонномъ проектѣ декабриста Батенькова [3]).

Въ общество проникли слухи, хотя и значительно позднѣе, о проектѣ конституціи Орлова и гр. Дмитріева-Мамонова. 16 апрѣля 1820 г. Н. Тургеневъ писалъ своему брату Сергѣю: «говорили, что Орловъ» (служившій въ то время въ Кіевѣ) «разсуждалъ вездѣ о конституціи... Наконецъ, сказали, что онъ ѣздилъ въ Москву, чтобы разсмотрѣть съ Мамоновымъ сдѣланную ими конституцію для Россіи. Этотъ послѣдній слухъ дошелъ и до государя. Послѣднее, что слухъ до государя дошелъ,—кажется, вѣрно». Н. Тургеневъ совѣтовалъ брату заѣхать въ Кіевъ и посѣтить Орлова: «съ такими людьми, — добавляетъ онъ, — рѣдко можно въ свѣтѣ встрѣтиться. Пусть выдумаютъ, что ты ѣздилъ для переговоровъ о конституціи».

Въ 1819 г. Денисъ Давыдовъ, называя М. Орлова «идеологомъ», писалъ о немъ Киселеву: «какъ онъ ни дюжъ, а ни ему, ни бѣшеному Мамонову не стряхнуть абсолютизма въ Россіи».

В. Семевскій.

---

[1]) См. мою статью о ней въ „Русскомъ Богатствѣ" 1907 г. № 1.

[2]) Н. Муравьевъ былъ хорошо знакомъ съ Орловымъ: оба они были членами Арзамаса.

[3]) См. мою статью въ журн. „Былое" 1907 г. № 2.

БЕЗПРІЮТНЫЙ.

Ола Гансона. Пер. Б. О.

На дняхъ ѣздилъ въ родную деревню. Подъ вечеръ я вышелъ погулять. Дороги размокли отъ осенняго дождя, съ красноватыхъ вѣтвей ивы падали капли, и земля и небо слились въ желтомъ туманѣ. Мнѣ казалось, что я никогда не былъ внѣ этого тумана, что я никогда не выйду изъ него, и мнѣ хотѣлось завернуться покрѣпче въ покрывало и уснуть крѣпко и спокойно, какъ спишь лишь въ дѣтствѣ. Все, чего я достигъ, все, чѣмъ я сталъ тамъ, въ томъ мірѣ, за этимъ желтымъ, сырымъ туманомъ,—узы, связующія меня съ другими людьми, интересы и запросы, давшіе уже результаты, горе и радости, сверкающія надежды и сѣренькія разочарованія—все казалось мнѣ хрупкимъ, точно карточный домикъ; а за пестрымъ узоромъ фантазіи просвѣчивалъ все тотъ-же желтый туманъ. Мнѣ думалось, что я пятнадцать лѣтъ тщетно пытался убѣжать отъ собственной тѣни, что я хотѣлъ промѣнять мое интимное *я* на какія то чуждыя мнѣ заплаты, и пятнадцать лѣтъ свалились съ дерева моей жизни, точно пятнадцать увядшихъ листьевъ. И мнѣ показалось, что это я тамъ шагаю въ туманѣ, бросая зерна въ распаханную землю, или пасу отцовское стадо.

Но надъ моей головой вдругъ пронесся рѣзкій крикъ дикихъ гусей; стая порывисто летѣла изъ тумана къ солнцу, къ югу—и увядшіе листья вновь позеленѣли, и вновь прошли передо мною пережитые годы, и новый человѣкъ, человѣкъ книгъ и людей, отдѣлился отъ стараго и всталъ передо мною. И точно повязка спала съ моихъ глазъ: страна вокругъ была уже не та, что прежде, и постройки стали другія, и лица смотрѣли иначе; кой-что прибавилось, кой-что исчезло. И я подумалъ, что здѣсь пятнадцать разъ зеленѣла новая жатва и падала подъ серпомъ, и что каждый день въ эти пятнадцать лѣтъ звучали здѣсь церковные колокола; думалъ я о новыхъ гробахъ на кладбищѣ, и приз-

ракъ бренности, измѣнчивости всталъ между мною и прошлымъ, и я остановился взглядомъ на двухъ темныхъ отверстіяхъ, что смотрѣли на меня, будто черныя глазныя впадины въ бѣломъ черепѣ. Это были лишь два темныхъ окна въ ярко выбѣленной стѣнѣ.

Я стоялъ предъ обыкновенной датской крестьянской усадьбой, съ четырьмя квадратными пристройками нѣсколько стариннаго типа и весьма печальнаго вида. Соломенная крыша растрепалась и поросла зеленымъ мхомъ; известковая штукатурка отвалилась отъ глиняныхъ стѣнъ и обнажила большія голыя пятна. Низкая крыша, маленькія окна изъ четырехъ стеколъ—все бѣдно и печально, за исключеніемъ одного флигеля, выходящаго на улицу, хотя и онъ теперь отданъ въ добычу вѣтру и непогодѣ; на немъ виднѣются еще, однако, слѣды старыхъ попытокъ пріукрасить его, и его каменныя стѣны, высокія окна и стеклянная дверь съ остатками веранды выглядятъ на общемъ фонѣ усадьбы, какъ новое платье на старомъ бродягѣ.

Я прислонился къ каменной стѣнѣ, бѣгущей вдоль дороги вокругъ сада, и межъ корявыхъ стволовъ старыхъ вязовъ смотрѣлъ на пустыя черныя окна фасада. И въ саду все тоже измѣнилось. Цвѣточные газоны обратились въ грядки картофеля и свеклы, исковерканная изгородь торчала, какъ противныя сѣдыя колючки небритой бороды, а длинные концы хвороста тянулись впередъ, какъ пальцы старческой худой руки. Во дворѣ передъ дверью—колодезь; беременная женщина вышла, вытянула два ведра воды, постояла и посмотрѣла на меня. Желтые и красные листья медленно падали съ вязовъ на меня и скатывались на землю, уже устланную листвой. Вверху что-то шуршало; это ворона копошилась у гнѣзда.

О, какъ все бренно, измѣнчиво, преходяще... Снова глаза мои, точно прикованные, вперяются въ темныя окна. Они глядятъ на меня, эти стекла, какъ мрачные глаза, испуганно, безпомощно, вопросительно, точно за ними сидитъ кто-то и терзается тяжелой загадкой о страданіяхъ человѣка. Я стоялъ въ ожиданіи, что вотъ-вотъ вырѣжется на темномъ стеклѣ чей-то бѣлый образъ, мнѣ казалось, что движется кто-то внутри, удерживая дыханіе, и что я его знаю. Но вдругъ налетѣлъ порывъ вѣтра, и въ верхушкѣ вязовъ зашумѣло и затрепетало,—зашумѣло точно покрывало на трупѣ, затрепетало, какъ воспоминаніе о предсмертной пѣснѣ. И я очнулся и все вспомнилъ.

Въ одной изъ бесѣдокъ этого самаго сада, лѣтъ пять тому назадъ, въ лунную лѣтнюю ночь, я сидѣлъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ, моихъ лѣтъ. Стройный блондинъ, онъ

былъ гибокъ и упругъ, какъ закаленный клинокъ; его лицо напоминало ледяное лезвіе, а его сѣрые глаза сверкали, какъ стальная шпага или какъ отблескъ солнца въ капляхъ дождя. Звали его Андерсъ Торсонъ, и онъ былъ хозяиномъ этой усадьбы. Сынъ мужика, онъ добился извѣстности ученаго, но вернулся къ дѣлу отца. Одинокій, какъ чужеземный цвѣтокъ, занесенный въ наши луга, онъ сидѣлъ предо мною въ ту ночь и разсказывалъ мнѣ свою исторію, темную и фантастичную, какъ длинныя тѣни, которыя тянулись въ лунномъ свѣтѣ по равнинѣ.

Эта лѣтняя ночь и этотъ разсказъ воскресли изъ мертвыхъ, когда я, опершись о стѣну, глядѣлъ на черныя окна, и верхушки вязовъ шумѣли надъ моей головою. Точно невидимыя руки вытягивали отдѣльныя нити изъ спутаннаго узла моихъ воспоминаній, когда я медленно шелъ домой и на землю спустились вечернія сумерки—осеннія, тихія, печальныя сумерки. Два сѣрыхъ глаза, сверкающихъ, какъ обнаженная шпага или какъ искорки солнца въ дождевыхъ капляхъ, стояли предо мной, и я слышалъ звуки знакомаго голоса—не знаю, во мнѣ или откуда-то издалека...

Онъ говорилъ:

.... Моя исторія начинается, собственно, въ маленькомъ Café du Lac въ Копенгагенѣ, гдѣ я сидѣлъ однажды за кофе и газетой подъ вечеръ яснаго апрѣльскаго дня. Кельнеръ бѣгалъ межъ столиковъ, кассирша передавала заказы по телефону, посѣтители смѣняли другъ друга, и дымъ стоялъ въ маленькомъ залѣ. Я сидѣлъ у полуоткрытаго окна. Легкая сизая дымка лежала надъ моремъ; воздухъ былъ полонъ весеннимъ трепетомъ и бѣлыя разсѣянныя облака, легкія, какъ пухъ, неслись по синему небу.

Все это—извнѣ и внутри—давало мнѣ неопредѣленное настроеніе утомленія и порыва; утомленія, чѣмъ?—порыва, къ чему? Не знаю; мягкіе оттѣнки чувства мелькали во мнѣ мимолетной тѣнью, точно отблески на шелку или вѣтерокъ надъ спокойной гладью моря.

Я расплатился и вышелъ; всеобщее оживленіе царило на улицѣ. Няньки катили повозочки, изъ которыхъ мнѣ улыбались маленькія дѣтскія лица; мужчины шли въ разстегнутыхъ пальто, и въ походкѣ и движеніяхъ ихъ ясно чувствовалась пріятная усталость, которая является ранней весной. Я шелъ мимо ботаническаго сада, окутаннаго синеватой дымкой, поднимавшейся изъ влажной, нагрѣтой земли. Этотъ видъ возбудилъ во мнѣ странное ощущеніе: какое-то воспоминаніе блеснуло въ моей душѣ, но не воплотилось въ опредѣленный образъ. Безпокойство, сомнѣніе, неопредѣленность овладѣли мной; я не зналъ, что дѣлать, куда

идти. Съ машинальной безсознательностью я шелъ по бульвару, и такъ добрелъ до парка Эрстеда, гдѣ лебеди плавали по голубой поверхности пруда, точно бѣлыя облака въ небѣ. Здѣсь было тихо и безлюдно, и мнѣ стало легче, какъ будто я нашелъ что-то изъ того, что искалъ. И когда я потомъ вернулся въ шумную улицу и вновь окунулся въ ея жизнь,— въ громыханіе омнибуса, и звонки конки, и суету людей,— во мнѣ снова отлило спокойствіе и тягота снова наваливалась на меня липкой массой; но вслѣдъ за ней подошла новая высокая волна и смыла съ побережья все старое, и вновь предо мной мелькнули бѣлые лебеди на синемъ прудѣ, бѣлые барашки въ синемъ небѣ, влажная дымка и сверкающій воздухъ, а за всѣмъ этимъ встало передо мной новое видѣніе, котораго я такъ хотѣлъ, такъ болѣзненно жаждалъ, къ которому такъ безумно рвался, точно къ памяти о первой любви: я хотѣлъ видѣть черную равнину у синяго моря и слышать рѣзкій свистъ коростеля на далекихъ поляхъ. И все окружающее стало мнѣ невыносимо гадко: смѣхъ мужчинъ, туалеты дамъ, уличная мостовая и блескъ оконныхъ выставокъ. Я поспѣшилъ домой.

Смерклось. Я затопилъ каминъ, легъ на кушетку и задумался о себѣ и о сегодняшнемъ днѣ. Но общее впечатлѣніе дня не давалось мнѣ; „сегодня“ тянуло къ „вчера“, и такъ все далѣе назадъ вплоть до того времени, которымъ, мнѣ казалось, замыкается этотъ „отчетный періодъ“. Ты знаешь, что бываетъ, когда нападешь на слѣдъ настоящей мысли: сперва мысль вырывается изъ неопредѣленной массы, точно искра изъ угасшей кучи пепла; она тлѣетъ, потомъ разгорается все ярче и ярче, и вдругъ пламя охватываетъ весь ворохъ накопленныхъ впечатлѣній и воспоминаній.

Передо мной сверкала несомнѣнная, непреоборимая истина. Она была ясна, какъ млечный путь въ прозрачномъ зимнемъ небѣ въ новогоднюю ночь: жизнь моя уклонилась отъ ея настоящаго, естественнаго пути; я вдругъ понялъ, что иду не по тому направленію, которое ведетъ къ моей цѣли. Понимаешь? Родъ за родомъ жили мои предки, поглощенные однимъ дѣломъ, въ той же мѣстности, въ томъ же домѣ. Характерныя особенности натуры, данныя имъ крестьянскимъ трудомъ и природой прибрежной датской равнины, могли лишь усилиться въ многовѣковомъ вліяніи наслѣдственности. Этотъ капиталъ росъ въ геометрической прогрессіи, какъ быстрота падающаго камня. А я пытался замедлить паденіе камня, измѣнить его путь, остановить его въ воздухѣ. Я пытался измѣнить содержаніе моей души, окруживъ ее книжными образами, измѣнить ея форму по идеалу другихъ общественныхъ классовъ. Часто, слишкомъ

часто я упускалъ эту истину; теперь я держалъ ее, точно молодую птичку въ рукѣ. Я началъ съ изслѣдованія, *что*, собственно, противно мнѣ въ городской жизни, и кончилъ яснымъ сознаніемъ пуповины, которая неразрывными узами связывала меня съ родной деревней.

Я вскочилъ, позвалъ прислугу, приказалъ уложить вещи и завтра утромъ разбудить меня, потомъ вышелъ, заказалъ носильщика и телеграфировалъ родственнику въ деревню, чтобы онъ ждалъ меня. Я рѣшилъ уѣхать изъ города, покинуть всѣ города на вѣки, и чувствовалъ, что это рѣшеніе, безповоротно; оно сковало мою душу.

Потомъ я нашелъ пріятеля, и потащилъ его съ собой въ Etablissement National. Я былъ въ восторженномъ настроеніи, граничившемъ съ лихорадочнымъ состояніемъ. Я думаю, никогда въ моей жизни, ни раньше, ни позже, я не чувствовалъ себя такъ хорошо. Каскады музыки неслись надо мной, воздухъ трепеталъ отъ радости, а я крѣпко хранилъ въ моей груди счастіе, подобное тайной радости первой любви. Мнѣ доставляли удовольствіе безцвѣтныя шансонетки и банальныя упражненія акробатовъ, какъ ничто до сихъ поръ; ибо все время меня не покидала мысль: я не вашъ; я не долженъ скучать здѣсь каждый вечеръ—я здѣсь гость, чужакъ, который позабавится сегодня этой ерундой, а завтра пойдетъ дальше, своей дорогой, и Богъ вѣсть, когда вернется.

Въ полночь мой пріятель захотѣлъ домой; но я не пустилъ его—я увлекъ его съ собой въ Казино. И мы танцовали, и пили въ ложѣ шампанское, съ женщинами.

На утреннемъ пароходѣ было пусто; лишь пара сонныхъ пассажировъ дремала, съежившись въ углу салона. Я перешелъ въ столовую позавтракать. Когда я вновь поднялся на палубу, и одной ногой стоялъ еще на лѣстницѣ, я увидѣлъ даму въ темномъ дорожномъ костюмѣ. Она стояла, опершись о перила. Ея фигура ясно вырѣзалась на широкой золотистой полосѣ, проходившей черезъ Зундъ между пароходомъ и берегомъ, который въ прозрачномъ воздухѣ казался совсѣмъ близко. Волосы ея на затылкѣ были зачесаны вверхъ, а подъ ними легкій пушокъ, точно свѣтлое облачко, оттѣнялъ ея шею. Въ тотъ моментъ, какъ я посмотрѣлъ на нее, она склонила голову—удивительно маленькую головку,—на бокъ, и по этому движенію я ее тотчасъ узналъ.

Я стоялъ одной лишь ногой на палубѣ, и хотѣлъ вернуться. Съ ней я хотѣлъ-бы встрѣтиться меньше, чѣмъ съ

кѣмъ нибудь. Она стояла предо мной, какъ воплощеніе всего, отъ чего я бѣжалъ, мнѣ казалось, что она преграждаетъ мнѣ путь. Нѣчто связывало меня съ этимъ чуткимъ изяществомъ мимозы, какъ шелковая лента, которую я не посмѣлъ бы порвать.

Я остановился въ нерѣшительности, подойти къ ней или вернуться. Ужели она такъ связываетъ со всѣмъ, отъ чего я ухожу? Ее звали Агнесса Линдбломъ; съ ея братомъ я былъ товарищемъ по университету, и часто бывалъ у нихъ. Отецъ ея—землевладѣлецъ въ Смоландѣ. Не знаю, сумѣю ли я выяснить тебѣ мои отношенія съ Агнессой. Влюблены другъ въ друга мы не были, а въ дружбу между мущиной и женщиной я не вѣрю. Когда сближаются два шарика, заряженные электричествомъ, они или притягиваютъ или отталкиваютъ другъ друга. Когда встрѣчаются молодой человѣкъ и молодая женщина, то—одно изъ двухъ—или они чувствуютъ физическую антипатію другъ къ другу, или они ея не чувствуютъ. Можно называть послѣдній случай какимъ угодно именемъ, но сущности оно не мѣняетъ: какіе бы оттѣнки ни являлись въ этихъ отношеніяхъ, разница всегда будетъ лишь въ степени. Будетъ ли любовь ихъ характерной чертой или кульминаціоннымъ пунктомъ—безъ нея дѣло не обходится. Но слова любовь мы не произносили: это одно изъ тѣхъ большихъ словъ, которое мы, новые люди, боимся употреблять. А салоннаго ухаживанія я всегда терпѣть не могъ: мы не цѣловались, не бросали украдкой взглядовъ другъ другу, не обмѣнивались тайными рукопожатіями. Наши отношенія открыто были очень близки, свѣтъ имѣлъ полную свободу толковать ихъ какъ угодно, и онъ пользовался этой свободой чрезвычайно широко. Именно потому, что все было доступно благосклонному вниманію публики, она упорно доискивалась чего то скрытаго, отъ чего мы будто бы отвлекали общее вниманіе. Никто изъ насъ не хотѣлъ ни связывать, ни быть связаннымъ; мы хотѣли быть свободны—и это сообщало особенную прелесть нашимъ отношеніямъ. Мы отдавали другъ другу наши впечатлѣнія, наши идеи, наши интересы—и получали все обратно съ приростомъ; мы отражались другъ въ другѣ, и дурное казалось намъ еще хуже, а хорошее пріобрѣтало особенную цѣнность; мы смотрѣли на жизнь съ одной точки зрѣнія и видѣли ее въ одной окраскѣ. Нашъ душевный міръ былъ сходенъ и работалъ въ одномъ темпѣ.

Она вынула морской бинокль и направила его на Мальмэ, гдѣ крыши домовъ искрились въ сіяніи солнца и дымъ изъ фабричныхъ трубъ подымался вертикально, въ видѣ опрокинутыхъ конусовъ. Цѣлый годъ я не видалъ Агнессу,

и ея высокая, стройная фигура возбудила во мнѣ многое— какъ первые звуки старой, родной мелодіи. Цѣлый годъ я ничего не слышалъ о ней отъ ея брата, но я зналъ, что она въ Швейцаріи, и я понялъ, что теперь она прямо оттуда ѣдетъ домой. Но зачѣмъ случайность привела ее именно сегодня на мою дорогу? — спрашивалъ я себя съ почти суевѣрнымъ страхомъ.

Сонные джентльмэны вышли съ большимъ шумомъ изъ каюты, и Агнесса повернула ко мнѣ свое маленькое, мягкое, свѣтлое личико. Она вдругъ просіяла при видѣ меня. Я подошелъ.

— Перелетныя птицы встрѣтились на весеннемъ пути,— сказала она, смѣясь.

На палубѣ становилось холоднѣе. Мы спустились въ салонъ и усѣлись вдвоемъ. Машина работала тяжело и однообразно, лампы равномѣрно покачивались; кругомъ было тихо, мы были одни, и мнѣ казалось, что я по старому сижу въ ея уютной комнаткѣ въ смоландской усадьбѣ, въ глубинѣ ея кушетки, съ ея любимой шелковой подушечкой подъ щекой, и слушаю ея мягкій голосъ, звучный, какъ мелодичный речитативъ.

Я выразилъ удивленіе, что она такъ рано уѣзжаетъ въ деревню, потому что она всегда оставалась до половины мая въ Стокгольмѣ или Копенгагенѣ.

— Ранняя весна такъ сильно на меня дѣйствуетъ,—говорила она:—особенно ея предтечи, когда чувствуешь весну не столько вокругъ себя, сколько внутри. Знаете, когда можно уже ходить по тропинкамъ, ходить много, большими шагами, до изнеможенія. Когда утомишься за зиму городской жизнью, то такъ пріятно ступать по влажной и еще чуточку подмерзшей землѣ, пробираться подъ упругими и цѣпкими вѣтвями, сквозь которыя порывисто рвется впередъ солнечный свѣтъ. И вотъ, укутавшись въ шаль, положивъ, по обыкновенію, голову на плечо, я иду, улыбаясь, шагъ за шагомъ... Представляете себѣ?

— Превосходно представляю.

— А когда придешь домой, настроеніе мѣняется. Страшная тяжесть и усталость овладѣваютъ тобой, будто ты цѣлую ночь проплясалъ. Знаете, иногда послѣ этихъ прогулокъ я дома плачу,—безъ шутокъ, горько плачу. Все это отъ весны... И потомъ еще вотъ что—все это интересно только въ началѣ: и по лѣсу побродить, и взглянуть на старыя милыя мѣста, которыя привыкъ любить съ дѣтства; помните въ глубинѣ лѣса эту зеленую поляну, гдѣ кто-то вырѣзалъ на стволѣ липы: „Fleurir—Mourir—Renaître?—Peut être!“—Помните? А потомъ помните „мою линію“—волнистый

силуэтъ поросшаго травой холма на фонѣ темносиняго датскаго неба?..

Да, да, все это ужасно хорошо — но, вѣдь, оно такъ скоро перестаетъ быть новымъ: его хватаетъ недѣли на двѣ, потомъ становится скучно. Я не создана для одиночества; мнѣ нужны люди. Право, я иногда рада, когда горничная заходитъ за чѣмъ-нибудь въ мою комнату—лишь бы слышать человѣческій голосъ!—Вы вернетесь въ Копенгагенъ?—прервала она себя внезапно.

— Нѣтъ.

— Куда же—вы не сочтете моихъ вопросовъ за обычное любопытство, не правда ли? Куда же вы ѣдете?

— Въ деревню.

— Надолго?

— Навсегда.

— Что?.. Вы шутите.

— Я говорю очень серьезно.

— Что жъ вы, землю хотите пахать? Мужикомъ стать?

— Что вы называете „мужикомъ"? Ту пресловутую фигуру, которую господствующій классъ выдумалъ для противоположенія своему типу, и которая никогда не существовала. Вы подразумѣваете подъ мужикомъ нѣчто вродѣ животнаго, которое работаетъ, пьетъ и ѣстъ, и не имѣетъ другихъ интересовъ. Смѣю васъ увѣрить: этотъ звѣрь давнимъ давно погребенъ и, надо надѣяться, не воскреснетъ.

— Но что васъ тянетъ къ этому одиночеству? Вѣдь это—яма, ваша деревня.

— Я вовсе не буду такъ одинокъ, какъ вамъ кажется. Я надѣюсь создать для себя, наконецъ, то „milieu", которое естественно для меня... Поймите меня, фрёкенъ Агнесса. Вы должны понять. Нѣтъ семьи, гдѣ я бывалъ чаще, гдѣ меня принимали радушнѣе, гдѣ я чувствовалъ себя лучше, чѣмъ въ вашей. И всетаки въ тысячѣ мелочей я никогда не переставалъ чувствовать себя у васъ, даже у васъ, чужимъ, обласканнымъ и обжившимся, но всетаки чужимъ, который рвется домой, потому что никогда органически не станетъ и не можетъ стать своимъ. Ваши привычки хорошаго тона. ваша манера относиться къ близкимъ людямъ, все ваше, вплоть до умѣнія сидѣть за столомъ, все, словомъ, что въ васъ было унаслѣдованнымъ, безсознательнымъ, врожденнымъ свойствомъ натуры, было и осталось для меня чѣмъ то выученнымъ, затверженнымъ, внѣшнимъ,—скорлупой, наклееннымъ ярлыкомъ, который говорилъ мнѣ и другимъ, что я принадлежу къ вашему кругу. Иногда чье нибудь плохо скрытое изумленіе или многозначительная улыбка надъ тѣмъ, что я сказалъ или сдѣлалъ, не пропадали для

меня—быть можетъ, я ошибался и приводилъ это въ случайную связь съ тѣмъ. что я сказалъ или сдѣлалъ; но я все вглядывался и спрашивалъ себя, нѣтъ ли во мнѣ чего нибудь противнаго общественному кодексу—и мнѣ было стыдно или больно.

Даже вы были, да и теперь остались для меня чѣмъ то страннымъ, чуждымъ, чего я не понимаю и чего боюсь коснуться. Я никогда не былъ съ вами такъ естественъ и свободенъ, какъ бывали, я думаю, молодые люди вашего круга. Добрая часть человѣка, котораго вы узнали подъ моимъ именемъ—только маска.

Наоборотъ, представьте себѣ меня въ обществѣ моихъ мужиковъ. Сколько бы они меня ни терзали, ни оскорбляли мои вкусы, какъ бы ни были мнѣ противны ихъ привычки, увѣряю васъ, лишь здѣсь, въ этой средѣ я могу двигаться — даже въ чисто физическомъ смыслѣ — совершенно непринужденно, свободно, безъ сомнѣнія, такъ надо это сдѣлать или иначе. Въ этомъ смыслѣ мнѣ нѣтъ нужды *стать* мужикомъ, какъ вы выражаетесь—я уже мужикъ. Summa summarum—я не ѣду въ чужое мѣсто: я возвращаюсь домой.

Агнесса вдумчиво молчала.

— Это, кажется, не такъ,—сказала она тихо.—Боюсь, что вы все это себѣ выдумали. У васъ такая необузданная фантазія, и вы такъ преувеличенно воспріимчивы, и потомъ—она робко улыбнулась—вы большое дитя.

Раздался свистокъ; мы были въ гавани Мальмэ. Здѣсь Агнессу должны были встрѣтить знакомые; я простился съ ней на пароходѣ.

— Не будьте же окаменѣлостью,—говорила она.—Я не потеряю васъ изъ виду и, когда вы меньше всего будете ждать этого, нападу на васъ врасплохъ.

— Въ добрый часъ!

— Вы не выдержите.

— Увидимъ.

— А что если васъ потянетъ къ другой жизни?

— Большая часть вины будетъ на васъ, фрёкенъ Агнесса.

Она бросила на меня грустный и вопросительный взглядъ. Потомъ она еще разъ кивнула мнѣ и порывисто удалилась.

Черезъ два часа я сидѣлъ въ поѣздѣ. Я видѣлъ уже на станціяхъ знакомыя лица, я узнавалъ деревни и усадьбы. Мнѣ казалось, что вагонъ мой летитъ изъ какой то кишащей тьмы, которая сгустилась за мной и теперь облачкомъ спустилась къ горизонту, и когда я вышелъ на моей станціи изъ вагона, я былъ бодръ, точно послѣ купанія. Безко-

нечный покой весенняго полудня молча и властно объялъ меня.

Точно во время выздоровленія послѣ тяжкой болѣзни или во время отдыха послѣ тяжелаго пути, такъ легко, свѣжо, покойно и счастливо чувствовалъ я себя во всю весну и лѣто.

Осенью я купилъ эту маленькую усадьбу. Хозяйство въ ней было ужъ много лѣтъ запущено: хозяева ея занимались совсѣмъ другимъ дѣломъ; это было настоящее воровское гнѣздо. Другого занятія не знала вся семья, составлявшая средоточіе всѣхъ преступныхъ элементовъ въ этой мѣстности. Домъ былъ полонъ всегда подозрительной сволочи, и за его запертыми дверями и окованными воротами замышлялись всѣ ночные планы. Случалось сосѣдямъ видѣть какъ иногда ночью со двора выѣзжали телѣги, биткомъ набитыя мужчинами и женщинами, и какъ онѣ потомъ возвращались, а потомъ разносился слухъ о какомъ нибудь грабежѣ по сосѣдству, или о конокрадствѣ, или о разбоѣ. Всѣ знали виновниковъ, но никто не смѣлъ указать на это воронье гнѣздо. Но чаша переполнилась; нагрянула въ одинъ прекрасный день полиція, перевернула весь домъ вверхъ дномъ, нашла массу краденаго добра, и забрала благочестивую семейку. Усадьбу продали, я ее купилъ.

Мнѣ было очень не по себѣ, когда я въ первый разъ переступилъ порогъ моего новаго жилья. Мнѣ казалось, что въ немъ осталось что-то отъ его прежнихъ обитателей—не знаю, что—но оно чувствовалось инстинктивно въ дырявой крышѣ, въ грязныхъ обояхъ, въ затхломъ воздухѣ. Маленькія мрачныя окна глядѣли на меня такъ подозрительно и злобно, точно хотѣли мстить мнѣ за мое появленіе, и въ низкихъ комнатахъ казалось, осталось, нѣчто отъ пьяныхъ рѣчей, непотребныхъ словъ и кровавыхъ плановъ. Все это надо было вывѣтрить. Я обновилъ весь домъ, перестроилъ флигель, гдѣ собирался самъ жить, устроилъ садъ.

Такъ прошла осень, потомъ зима. Я хозяйничалъ, занимался наукой, какъ и раньше, не упуская изъ виду духовной жизни моего времени. Въ мертвой тишинѣ, окружавшей меня, я слышалъ мощные размахи крыльевъ гигантской птицы, и не одно пророческое слово, заглушенное городской сутолокой, парило въ деревенской тиши ясно, какъ паутина бабьяго лѣта или отчетливый звукъ сурдинки.

Среди моихъ сосѣдей былъ одинъ мой родственникъ онъ жилъ съ женой и единственной дочерью неподалеку отъ меня. У нихъ я проводилъ длинные зимніе вечера, которые такъ невыразимо долго тянутся въ деревнѣ. Мы сидѣли всегда въ маленькой общей горницѣ, обставленной по

старозавѣтному. Стѣны были покрыты обоями лишь на двѣ трети отъ верха; затѣмъ шелъ деревянный карнизъ, а подъ нимъ раскрашенные квадраты. Широкая двуспальная кровать, шкафъ, въ верхней, стеклянной части котораго хранились немногія семейныя книги, софа изъ вяза, обитая клеенкой, дубовые часы съ мѣднымъ циферблатомъ, четыреугольный полированный столъ и пара старинныхъ креселъ составляли всю мебель. Надъ кроватью висѣла картина въ черной рамѣ, какія въ старыя времена заказывала семья школьному учителю на память объ усопшемъ: гробъ, окруженный свѣчами, и внизу тщательно разрисованный стихъ изъ молитвенника, имя и даты смерти и рожденія покойнаго. Надъ низкими и квадратными окнами—тонкія, бѣлыя занавѣски.

Въ этой комнатѣ я провелъ много вечернихъ часовъ, куря дурной табакъ, потягивая пуншъ изъ сквернаго рома, толкуя съ хозяиномъ о политикѣ и болтая о деревенскихъ новостяхъ съ женщинами, которыя занимались рукодѣліемъ. Я узнавалъ, что вчера сказалъ Петеръ, и что сдѣлаетъ завтра Павелъ, а когда разговоръ останавливался, то вмѣшивались стѣнные часы и своимъ равномѣрнымъ постояннымъ тиканьемъ дѣлили паузу на столько-то равныхъ частей однообразно и добросовѣстно. Иногда съ дороги доносились звуки гармоники и крики деревенскихъ парней, а собаки выли и лаяли. При этомъ можно было слышать множество мудрыхъ замѣчаній о добромъ старомъ времени, которое ушло своей дорогой, и о новомъ, которое пришло на его мѣсто. И какъ только я переступалъ порогъ этой комнаты, мои мысли о далекомъ свѣтѣ гасли, какъ искра; маленькій мірокъ, который изъ него вырѣзали для себя эти люди, былъ все, что оставалось. Въ этой старомодной комнатѣ мнѣ было уютно; предъ моими глазами вставали образы старой бабушки въ платочкѣ и дѣда въ курткѣ съ серебряными пуговицами, и чувство тѣсноты, узости этого міра не навѣщало меня.

А со временемъ и любовь пришла—идиллія въ старинномъ стилѣ. Потому что я ужъ самъ казался себѣ парнемъ въ короткихъ по колѣни брюкахъ и волосахъ, выстриженныхъ въ кружокъ, а хозяйской дочери было двадцать лѣтъ и ея темные глаза глядѣли вдумчиво и ласково. Правда, изрѣдка эти глаза пытливо и иодозрительно смотрѣли на меня, и слова падали тогда рѣзко и жестко съ ея устъ; но парень въ выстриженныхъ волосахъ зналъ, что это—обычай дѣвушекъ. И когда ея голосъ становился мягче, и глаза довѣрчивѣе и привѣтливѣе глядѣли на него, то онъ радовался, какъ ребенокъ.

И чуднымъ вечеромъ ранняго лѣта, когда молодежь плясала въ лѣсу вокругъ майскаго дерева, и все вокругъ было полно луннаго сіянія и поэзіи, онъ сдѣлалъ большую глупость. Какъ онъ ни былъ старъ и тронутъ уже жизнью, все въ немъ трепетало отъ счастья, болѣзненнаго, страннаго счастья, когда она молча жала ему руку. Лишь позже, когда парень вновь вернулся къ прежней прическѣ и городскому костюму, лишь тогда онъ замѣтилъ, что въ глубинѣ его счастья сидитъ заноза: онъ увидѣлъ въ самой глубинѣ ея ясныхъ глазъ недовѣрчивый вопросъ и это обвѣяло его холодомъ ледяного сомнѣнія.

Не для чего говорить тебѣ, что она носила единственное имя, какое можетъ носить героиня деревенской идилліи. Ее, конечно, звали Анна.

Почти черезъ годъ, стоя на вершинѣ вонъ того холма, я замѣтилъ на большой дорогѣ экипажъ, и въ немъ двухъ дамъ. Одна изъ нихъ, одѣтая въ красное, вдругъ начала махать мнѣ платкомъ. Въ изумленіи я отвѣчалъ на привѣтствіе, не догадываясь, кто бы это могъ быть; тогда она склонила голову на плечо, и я тотчасъ узналъ ее.

Черезъ два часа я получилъ отъ пастора сосѣдней общины записку; онъ звалъ меня къ себѣ, обѣщая показать старую знакомую. Въ его запискѣ лежала другая:

„Помните, что я говорила два года тому назадъ на пароходѣ? Насталъ великій день итога.

Если-бъ вы знали какъ мнѣ хочется васъ видѣть! Мнѣ ужасно много надо у васъ спросить. Не заставьте же меня долго ждать.

Агнесса Линдбломъ.

Я замѣтила, что вы меня не сразу узнали: вы такъ не рѣшительно снимали шляпу. Тогда я положила голову на плечо: я хотѣла, чтобъ вы знали, что я пріѣхала, но не знала, какъ это сдѣлать“.

Я сидѣлъ у открытаго окна моей рабочей комнаты. Пчелы жужжали въ саду и воздухъ, чуть не звуча, дрожалъ отъ жары. Куры копались въ нагрѣтой землѣ, изъ которой подымался паръ, и моя собака, высунувъ языкъ, лежала среди двора.

Я былъ недоволенъ Агнессой. Я недоумѣвалъ, чего ей надо на моемъ пути; она могла бы оставить меня въ покоѣ. Мнѣ казалось, что я для нея—комнатное растеніе, которому она изъ излишняго любопытства мѣшаетъ пустить корни, вѣчно копаясь и заботясь, крѣпко ли оно сидитъ. Ужели мои связи были настолько непрочны, что боялись прикосно-

венія? Подозрѣніе проскользнуло въ мою душу и впилось въ нее, какъ вампиръ. Но подозрѣніе, что есть что-то, чего бы не хотѣлъ, подозрѣніе о наличности чего-то, существующаго вопреки нашей волѣ, такое подозрѣніе похоже на миѳическую гидру: когда ей отрубаютъ голову, то выростаетъ сотня новыхъ—или на червяка, который продолжаетъ жизнь, разорванный на части,—или на паука, ибо оно также изъ себя плететъ цѣлую сѣть, которою оплетаетъ всю душу и въ которую ловитъ всѣ порхающія воспоминанія и упивается ихъ кровью.

Раза два за зиму я бывалъ по нѣсколько дней въ Копенгагенѣ, слушалъ хорошую музыку, вертѣлся въ кипящей жизни, пестрой, какъ карнавалъ, бывалъ въ обществѣ интеллигентныхъ мужчинъ и дамъ. Когда я возвращался домой, все казалось мнѣ ужасно безцвѣтно. Все было грубо, глупо, чуждо и противно мнѣ—мѣстность, и люди, и разговоры, и интересы. Лишь на нѣсколько жалкихъ дней я покинулъ свою обычную одежду и ужъ все казалось мнѣ настолько чуждо, что я не сразу и не легко входилъ опять въ колею.

Что это значило? И затѣмъ меня пугало еще нѣчто. Въ теченіе года, съ тѣхъ поръ, какъ я былъ помолвленъ, бывали минуты, въ которыя моя невѣста и я чувствовали себя чуждыми другъ другу. Это дѣлалось сразу и никто изъ насъ не могъ бы сказать, какъ это случилось. Мы сидѣли другъ подлѣ друга, но мнѣ казалоеь, что насъ раздѣляетъ какая-то матовая стеклянная стѣна, сквозь которую я смутно видѣлъ Анну, и не чувствовалъ, бьется ли еще ея пульсъ, тепла ли ея кожа. Случалось—и не разъ,—много разъ случалось, что я вдругъ ничего, ровно ничего къ ней не чувствовалъ, точно ничто насъ не связывало, точно она была однимъ изъ остальныхъ девятисотъ девяносто девяти существъ въ юбкахъ и косахъ, совершенно не выдѣляясь изъ нихъ. И въ ней тоже было не все ладно. Чаще всего мнѣ казалось, что я для нея чужой, которому она не можетъ довѣриться,—загадочное, невѣдомое существо, съ которымъ надо быть всегда насторожѣ,—неизвѣстно для какой цѣли существующій, сложный приборъ нѣжной конструкціи, къ которому она прикасалась лишь съ большой нерѣшительностью, точно боясь повредить его или причинить себѣ вредъ. И когда тѣнь недовѣрія падала на ея ясные глаза и взглядъ ея пытливо останавливался на мнѣ, точно безъ надежды воскресить измѣнившія намъ чувства,—совѣсть мучительно терзала меня, какъ будто я совершилъ недостойный, неискупимый поступокъ. Какой поступокъ? Откуда эта болѣзнь совѣсти?

Это было на другой день у пастора, послѣ обѣда. Одна изъ дочерей его сидѣла у рояля, другая занимала мою невѣсту; я и Агнесса сидѣли въ дальнемъ углу комнаты. На дворѣ завывала буря, вѣтви деревьевъ бились о стекла, вода шумно журчала въ желобѣ и въ комнатѣ; несмотря на раннее время было ужъ темновато. Непогода, напоминавшая осень, уютная низенькая комнатка съ ея идилличнымъ отпечаткомъ ветхозавѣтной жизни деревенскаго пастора, сумерки, музыка—все давало мягкое настроеніе; точь въ точь, какъ сидишь, бывало, ребенкомъ, и ждешь сказки. Агнесса съежилась въ уголку дивана, я сидѣлъ передъ ней на стулѣ. Громадная пальма осѣняла ее своими большими, блѣднорозовыми пахучими цвѣтами. Ея красное платье—это былъ модный цвѣтъ сезона—бросало горячіе тоны на ея матовое лицо. На спинкѣ дивана лежала ея рука, бѣлая, длинная, узкая.

— Итакъ?—говорила Агнесса.

— Что?

— Начинайте вашу исповѣдь.

— Съ удовольствіемъ.

Она наклонилась ко мнѣ и сказала серьезно:

— Вы счастливы?

— Да.

Мы замолчали. Она взглянула на меня; лицо ея потемнѣло; она отодвинулась и ея бѣлые длинные пальцы обвили ручку дивана.

— Почему вы не откровенны со мной, какъ нѣкогда?

— Почему вы такъ думаете?

— О, я знаю васъ достаточно, чтобы видѣть по васъ, что въ васъ дѣлается. У васъ всегда такъ сжимается лобъ, когда вамъ больно; и затѣмъ въ вашихъ глазахъ тоже мелькаетъ что-то нехорошее. Я здѣсь, конечно, не помогу; но, помните, когда-то вы говорили, что вамъ становится легче, когда я кладу руку на вашъ лобъ. Вы не спокойны. Или вы будете со мной менѣе искренни потому, что у васъ невѣста?

Не медля ни минуты, я разсказалъ ей все, о чемъ передумалъ вчера.

— И когда сегодня я увидѣлъ рядомъ васъ и мою невѣсту, меня поразила эта полная противоположность между вами—точно прямая линія и изогнутая. Моя невѣста—проста и несложна; она прямолинейна. Ея фигура знаетъ лишь нѣсколько положеній, и душа ея также. Все въ ней разграничено и замкнуто; одно душевное состояніе не соприкасается съ другимъ; въ ней нѣтъ переходовъ, нѣтъ оттѣнковъ, нѣтъ полутоновъ. Ея радости чисты отъ всякихъ тучъ

отъ всякихъ сомнѣній. Ея восхищеніе высказывается такъ, какъ есть, въ сырой формѣ, безъ оговорокъ, безъ заднихъ мыслей. Ничего безпричиннаго, внезапнаго, непредвидѣннаго; никакихъ скачковъ чувства и мысли. Она—обыденная крестьянская жизнь, и ея существованіе не полно, пока она не сидитъ у колыбели своего ребенка. За это я люблю ее.

А въ васъ я видѣлъ образъ моего прошлаго. Въ васъ воплотился иной міръ. Противоположеніе обострило вашу индивидуальность до классового типа. Вы—изогнутая линія. Ваша душа гибка, какъ ваше тѣло; ваши слова оживлены, какъ ваши тонкіе пальцы; настроенія вашей души мѣняются такъ же легко, какъ выраженіе на вашемъ воспріимчивомъ лицѣ. Въ васъ чрезвычайно развито именно то, недостатокъ чего бывалъ мнѣ такъ тяжелъ въ моей невѣстѣ: вашъ духовный міръ гибокъ, пластиченъ; онъ легко слѣдуетъ за самыми тонкими измѣненіями моихъ настроеній; онъ можетъ звучать, какъ побѣдная фанфара и мечтать, какъ adagio.

И эта женщина также близка моему сердцу. Но къ ней стремится лишь часть меня. Другое *я* во мнѣ любитъ прямую линію, любитъ эти вдумчивые честные глаза, любитъ мать и дитя, и колыбель. Во мнѣ два *я*...

Насъ прервали; дѣвушка встала изъ-за рояля и подошла къ намъ.

Когда мы вечеромъ собирались къ отъѣзду и прощались, я слышалъ, какъ Агнесса сказала моей невѣстѣ:

— Мы будемъ друзьями, не правда ли?

Не знаю, что отвѣтила Анна, но я чувствовалъ, что во взглядѣ ея мелькаетъ теперь та замкнутая, отталкивающая холодность, которая всегда являлась въ ней, когда она не довѣряла, подозрѣвала. Это всегда производило на меня тяжелое впечатлѣніе, какъ будто кто-нибудь вяло и нехотя пожимаетъ отъ всей души протянутую ему мною руку.

Чувства моей невѣсты къ Агнессѣ опредѣлялись прежде всего тѣмъ, что она видѣла въ старомъ другѣ соперницу, имѣющую власть надо мною. Къ этому присоединилось еще нѣчто, дававшее рѣзкость этому подозрѣнію, горечь этому недовѣрію, болѣзненность этой ранѣ. Это была врожденная, инстинктивная антипатія одного общественнаго класса къ другому, тяжелая рабская ненависть людей, стоящихъ ниже въ соціальномъ и духовномъ отношеніяхъ, ко всему, что выше ихъ. Она была убѣждена, что Агнесса считаетъ ее дурой; она терзала себя увѣренностью, что все, что она дѣлаетъ въ присутствіи Агнессы, глупо и смѣшно; въ привѣтливости

Агнессы она видѣла что-то унизительное, оскорбительное для своей гордости, а въ откровенности ея со мной не находила ничего кромѣ обиднаго для нея кокетства.

И Агнесса ничего не понимала въ дочери мужика; ей не помогъ ея гибкій умъ,—ея чутье притупилось, и она не напала на слѣдъ. Это раздражало ее. Она замѣтила, что между ними пропасть, и, такъ какъ за собой она не знала въ этомъ вины, то заключила, что отвѣтственность падаетъ на другую сторону. Она видѣла, что ее упорно отталкиваютъ, и ея привѣтливость застывала въ ледяной холодности, съ которой ее встрѣчала Анна.

А я стоялъ въ срединѣ. Со дня на день это положеніе становилось невыносимѣе. И самымъ роковымъ въ моей судьбѣ было то, что это внѣшнее раздвоеніе перешло во внутрь. Та же ожесточенная борьба несогласимыхъ противорѣчій, въ которую втянули меня эти женщины, бушевала и внутри меня, но еще страшнѣе, ожесточеннѣе, безжалостнѣе.

Я потерялъ внутреннее единство. Я былъ расщепленъ на два душевныхъ центра. Одно *я* во мнѣ любило прямую линію, другое любило изогнутую. Часто, когда порывъ нѣжности тянулъ меня къ моей невѣстѣ, я чувствовалъ въ себѣ противоположное теченіе—и останавливался. Доходило до того, что въ присутствіи обѣихъ женщинъ я чувствовалъ себя разорваннымъ на двѣ части, какъ тѣ несчастные, которыхъ въ варварское время привязывали межъ двухъ коней и гнали въ противоположныя стороны.—Двѣ женщины, какъ магниты, сконцентрировали въ себѣ всѣ силы двухъ различныхъ общественныхъ классовъ: во мнѣ были элементы, родственные обѣимъ, и меня съ непобѣдимой силой тянуло въ разные стороны. Гдѣ-же было мое настоящее *я*, моя истинная личность? Въ обѣихъ половинахъ? Или въ одной? Въ какой-же? И что такое другая, та, которая безъ меня?

Моей idée fixe стало раздвоеніе моей души; а въ одинъ прекрасный день психическая двойственность приняла физическую форму: я увидѣлъ самого себя съ двумя головами и четырьмя глазами. Это видѣніе явилось одинъ разъ и исчезло навсегда, но оно наполнило меня ужасомъ, я чувствовалъ это воспоминаніе всегда за моей спиной, какъ пылающіе Содомъ и Гоморру, и бѣжалъ отъ него въ сознаніи, что если я обернусь и взгляну на пламя и сѣру, летящую съ неба, то я такъ же, какъ жена Лотова, обращусь въ соляной столбъ.

Бремя мое стало непосильно; я чувствовалъ необходимость найти кого-нибудь, въ чью душу я могъ бы перелить мои страданія; ибо нѣтъ лучшаго успокоенія въ горѣ и за-

ботѣ, какъ найти собрата по несчастію. Эта потребность явилась, какъ властное велѣніе, и какъ жалобная мольба. Но когда я рѣшался, то вдругъ предо мной вставало сомнѣніе, а за нимъ я видѣлъ, что путь мой двоится, и я не зналъ, къ кому идти, въ чью дверь стучаться. Ибо одна—я имѣлъ эту мучительную увѣренность—приметъ меня, какъ непрошеннаго гостя, муки котораго внушатъ ей одно состраданіе, но не теплоту сочувствія, и приготовитъ этимъ мукамъ соломенное ложе на каменномъ полу. Другая же прижметъ ихъ къ сердцу, какъ родныхъ дѣтей, и уложитъ ихъ въ лебяжьемъ пуху, и поцѣлуетъ и навѣетъ тихій сонъ. И меня тянуло къ ней, хоть не она должна была быть мнѣ ближе...

Въ общинѣ, у пастора которой гостила Агнесса, праздновали крестьянскую свадьбу. Было близко къ разсвѣту, комната полна была пыли и дыма, гости шумѣли. Я вышелъ съ Агнессой въ садъ. Чувствовалась уже утренняя прохлада. Воробьи сонно чирикали подъ навѣсомъ. За садомъ, въ аллеѣ старыхъ вязовъ мы сѣли на скамью. Межъ старыхъ стволовъ видѣнъ былъ бѣлый туманъ, подымавшійся на лугахъ; на востокѣ алѣла заря.

Я исповѣдался. Она не сказала ни слова, лишь спрятала свое лицо въ руки съ нѣмымъ жестомъ, напомнившимъ мнѣ одну картину: въ сознаніи безмѣрнаго, но непреодолимаго горя стоитъ на колѣняхъ женщина и молится: „Отче нашъ...“

Вдругъ что то свѣтлое мелькнуло въ сумеркахъ. Кто то проскользнулъ мимо насъ, остановился и скрылся. Это была моя невѣста. Я окликнулъ ее, но она не отвѣтила. Я позвалъ еще разъ—она шла дальше. Я понялъ, что дало ей эту гордую силу; и вся любовь къ ней, что была во мнѣ, и все, что она для меня значила, потянуло меня къ ней съ неудержимой силой, но я остался,—а она удалялась все дальше и дальше. Я хотѣлъ бѣжать за ней, быть возлѣ нея; но не двинулся съ мѣста: было во мнѣ что-то сильнѣе этого порыва. И вдругъ я увидѣлъ, что рядомъ съ ней идетъ кто то,—какъ будто моя любовь, витавшая надъ нею, вплотилась въ живой образъ; и онъ не двигался, но становился все яснѣе. Онъ казался мнѣ не похожимъ на другихъ людей; но когда я спрашивалъ себя, въ чемъ несходство, я не могъ отвѣтить, пока внезапно точно повязка спала съ моихъ очей, и я увидѣлъ—самого себя.

Я схватилъ Агнессу за руку.

— Вотъ онъ, вотъ онъ...

Я чувствовалъ какъ дрожала ея рука въ моей, я слышалъ ея голосъ, подавленный и трепетный. Она вырвала свою руку и бросилась къ дому. Такого выраженія ужаса, какое въ

этотъ моментъ промелькнуло на ея лицѣ, я въ жизни не видалъ.

Черезъ два дня я стоялъ на желѣзнодорожной платформѣ. Свистнулъ паровозъ, поѣздъ двинулся; платокъ въ длинной тонкой рукѣ долго развѣвался—потомъ лицо исчезло, прошли послѣдніе вагоны...

Алая заря потемнѣла вдругъ предо мною и все во мнѣ сгустилось въ вѣчную ночь.

Ночь была вокругъ меня, и я сидѣлъ на развалинахъ былого... Но я собрался съ силами и пошелъ впередъ; ненависть, сверкавшая въ моихъ глазахъ, свѣтила мнѣ во тьмѣ ночной, и сердце мое было переполнено горечью. И я грозилъ своему двойнику кулаками, язвилъ его презрительными словами, затыкалъ ему пасть, чтобы онъ не кричалъ о своихъ страданіяхъ. А когда я увидалъ ту, которую онъ любилъ, я впалъ въ бѣшенство, и пѣна выступила у меня на губахъ.

Однажды во время жатвы, когда полный мѣсяцъ стоялъ надъ копнами, мы сидѣли вдвоемъ на лугу, гдѣ разостланы были полосы полотна для бѣленія.

— Лучше бы ты уѣхалъ съ нею, чѣмъ мучить здѣсь меня,—сказала она.—Ты подходишь къ ней, и къ такимъ какъ она, а не ко мнѣ.

И одинъ улыбнулся, а другой во мнѣ почувствовалъ безжалостные укоры совѣсти.

— Намъ лучше всего разойтись. Мы разные люди.

И опять одинъ во мнѣ злобно засмѣялся, а другой скорчился, какъ червякъ.

— Напрасно ты пришелъ къ намъ. Лучше бы я никогда тебя не знала.

Я былъ одинъ. Мѣсяцъ пожелтѣлъ и поднялся высоко въ небѣ. Я всталъ и пошелъ домой. Но кто то шелъ за мной я остановился и обернулся посмотрѣть, кто это. Но тотъ тоже остановился.

Я ускорилъ шаги, чтобы избавиться отъ него, но онъ тоже пошелъ быстрѣе; я пошелъ медленнѣе, чтобъ онъ перегналъ меня, но онъ также замедлилъ темпъ. Онъ упорно удерживалъ одно разстояніе между нами; онъ бѣжалъ, когда я бѣжалъ, и ползъ, когда я ползъ. Одинъ разъ я обернулся и посмотрѣлъ ему въ лицо: оно было грустно, и голова его была опущена; онъ выглядѣлъ, какъ бродяга, у котораго нѣтъ крова на ночь, который бредетъ безъ пристанища, безъ цѣли, безъ надежды, не зная, гдѣ пріютиться. Когда я подошелъ къ дому и остановился на порогѣ, мнѣ показалось,

что онъ смотритъ на меня съ горестной мольбой—и вдругъ онъ бросился ко мнѣ, но я захлопнулъ предъ нимъ дверь.

Два раза съ тѣхъ поръ я слышалъ, какъ онъ ночью стучался въ мою дверь; затаивъ дыханіе, я лежалъ и слушалъ, какъ онъ стоитъ снаружи и ждетъ, что его впустятъ; и такъ какъ никто ему не отворилъ, то онъ пошелъ назадъ, медленно и нерѣшительно, а я слышалъ его шаги, пока они замерли въ тиши ночной.

Но однажды ночью, когда я проснулся, я нашелъ его подлѣ себя. Было совсѣмъ темно, и я не видѣлъ его, но я чувствовалъ его присутствіе. Я поднялся и зажегъ свѣчу; онъ лежалъ съежившись на покрывалѣ точно узелокъ, и смотрѣлъ на меня такъ приниженно и жалобно, какъ больной или побитая собака. Что было послѣ, я не знаю; когда я пришелъ въ себя, въ окно пробивался сѣрый свѣтъ; я лежалъ поперекъ кровати, а подсвѣчникъ и сломанная свѣча лежали на полу.

Съ тѣхъ поръ, вотъ уже мѣсяцъ, я не видѣлъ его. Но каждую ночь онъ бродитъ вокругъ дома, и я знаю, что когда нибудь онъ проскользнетъ во внутрь, и я опять найду его въ моей постели. Я чувствую его во всемъ—въ жалобномъ шелестѣ вязовъ, и въ грустной музыкѣ, и въ вечернихъ сумеркахъ, и вотъ, теперь я вижу его въ длинныхъ тѣняхъ, которыя мѣсяцъ бросилъ на поля. Онъ—безпріютный, и совѣсть мучаетъ меня, что я не даю ему пристанища на ночь; но онъ—и врагъ мой, „онъ звѣрь, сосущій мою кровь и я убью его...“

Я вновь стоялъ предъ заброшеннымъ, раззореннымъ домомъ и думалъ о той лѣтней ночи въ бесѣдкѣ, и обо всемъ что было связано съ этимъ воспоминаніемъ. Сумерки сгустились, и въ домахъ повсюду заблестѣли огоньки. Вѣтеръ вновь зашумѣлъ и вновь надъ моей головой зашелестили вязы, въ шорохѣ которыхъ чудилось моему другу его мрачное видѣніе. И я думалъ, что, должно быть, въ такую-же ночь, когда такъ же завывалъ вѣтеръ и шумѣли старые вязы, онъ опять увидалъ *другого* подлѣ себя. Ибо однажды утромъ, вскорѣ послѣ того, какъ онъ разсказывалъ мнѣ свою исторію, его нашли мертвымъ въ постели, въ лужи крови съ ножомъ въ груди, рукоять котораго сжимала его рука.

Самоубійство было очевидно и объяснялось нездоровымъ душевнымъ состояніемъ. Но кто-же могъ бы понять то состояніе, въ которомъ онъ воткнулъ ножъ въ свое сердце, въ полной увѣренности, что вонзаетъ его въ грудь другого человѣка

ИЛЬЯ КАЛЕНЫЙ.

(Изъ недавняго прошлаго).

I.

Казалось, послѣ бури съ юго-запада должна была установиться теплая и ясная погода, а вышло наоборотъ: съ обѣда вѣтеръ отклонился къ сѣверу, и погода сдѣлалась отвратительной. Замелькали въ воздухѣ желтые листья и почти такія-же крупныя снѣжины. Обледенѣвшая заводская улица стала непроходимою. Въ довершеніе непріятности оказалось, что домишко Каленаго запертъ, а самъ онъ лежитъ въ заводской больницѣ...

Пришлось отправиться туда. Больничный сторожъ, человѣкъ весьма словоохотливый, но съ трудомъ ворочавшій языкомъ, заявилъ, что сейчасъ больныхъ тревожить неудобно: хмельны очень.

— Видишь—какая штука, милый человѣкъ. У одного старика сынъ тутъ лежалъ—Емелькой звали. Лежалъ-лежалъ да онамнясь и померъ... въ родѣ, какъ со скуки. Старика-то—Никифоромъ звать—съ кладбища прямо къ намъ. Купилъ, безъ сомнѣнія, водки, колбасы, студню: —„Помяните покойника“! Плачетъ самъ... Ну какъ тутъ? — Старикъ съ пьяной и счастливой улыбкой развелъ руками.—Всѣ и напоминались. Больные давеча на цѣлый кварталъ пѣсни пѣли. А теперь спятъ въ забудущую. И Каленый спитъ, должно быть. А другое дѣло—не знаю. Ежели тебѣ очень нужно,—пойдемъ, посмотримъ...

Къ счастью, Каленый, занимавшій отдѣльную угловую комнатку, уже выспался; полулежа на кровати, онъ съ сердитымъ видомъ просматривалъ газетный листокъ, очевидно прошедшій черезъ много рукъ. Съ перваго-же взгляда, еще сквозь стеклянную дверь, я узналъ его по описаніямъ. Въ наружности Каленаго была такая оригинальная черта: бороду онъ брилъ, оставляя темную полоску усовъ; двѣ та-

кихъ-же темныхъ полоски шли отъ курчавыхъ волосъ по щекамъ къ нижней челюсти, отчего онъ казался—особенно издали—какъ-бы въ глухо застегнутомъ черномъ шлемѣ,—обстоятельство, придававшее его толстому, добродушно-веселому лицу какой-то воинственный видъ. Но еще характернѣе для Каленаго были глаза: живые, исчерно-каріе, они временами буквально искрились изъ-подъ черныхъ бровей... Когда я назвалъ себя и пояснилъ, зачѣмъ пріѣхалъ, въ нихъ сверкнула радость.

— Какъ?—только ко мнѣ? выкрикнулъ онъ на всю комнату, видимо польщенный.—Значитъ, есть дѣло? О-о-о!

Онъ запахнулъ халатъ, вскочилъ, перекинулъ черезъ кровать табуретку и усадилъ меня къ столику, почти рядомъ съ собою.

— Ну-съ, какое-же порученіе?

— Да вѣдь вы больны? Скажите сначала—что съ вами?

Каленый всей своей фигурой выразилъ удивленіе.

— Я?—вѣкъ не хворалъ! Пустое... Такъ... операцію одну въ чайной сдѣлали...

— Операцію?

— Да, животъ, подлецы, сверху до-низу... ха-ха!.. распороли...—Такъ вѣдь ужъ зажило! Тю-тю!—Въ голосѣ Каленаго слышалось величайшее удовольствіе.—Рубецъ одинъ остался... Ну, къ этому мнѣ не привыкать стать. И безъ того весь пестрый. На что сторожа въ ванной смѣются:—Никакъ ты отъ пестрой коровы родился.

Онъ подвинулся ко мнѣ и зашепталъ, подмигивая:

— Сколько политическихъ однихъ! Тутъ что у насъ было: свободы... выборы... забастовки — все, какъ есть, на шкурѣ у меня записано. Вотъ какъ передъ Истиннымъ! Да не въ этомъ суть. Вы насчетъ... хе-хе!.. порученія поразскажите-ка! — вдругъ перебилъ онъ самъ себя и умолкъ въ ожиданіи.

Я въ краткихъ и по возможности точныхъ выраженіяхъ изложилъ суть дѣла. Указалъ, между прочимъ, что при удачѣ онъ спасетъ жизнь невинному человѣку, при неудачѣ рискуетъ, пожалуй, получить еще одинъ хорошій рубецъ... Дѣло идетъ о передачѣ записки, но при обстоятельствахъ довольно трудныхъ.

— Только передать записку?... Или что-нибудь еще сдѣлать? Ничего?.. — Отлично. А записка на всякій случай шифрована? Ахъ, эта самая?—Да, но какъ-же,—вдругъ спохватился онъ съ безпокойствомъ,—вѣдь меня еще не сейчасъ выпишутъ отсюда...

— А скоро-ли васъ выпишутъ?

— Дня четыре продержатъ. Ничего! Впрочемъ, я самъ

пожалуй раньше выйду. Этакое дѣльце!... Развѣ возможно опустить?

Онъ былъ весь въ движеніи: улыбался, ерошилъ волосы. потиралъ руками.

— Между прочимъ—сказалъ онъ, подвигаясь ко мнѣ и подмигивая:—Оно, конечно, подъ ружьями часовыхъ... того!.. немножко щекотко... Только это не бѣда.

Онъ успокоительно замахалъ руками.

— Это по мнѣ. Люблю-ю! протянулъ онъ, весь сморщившись отъ удовольствія, и передернулъ плечами.—Ну дай Богъ здоровья товарищамъ: вспомнили. Значитъ гожусь кое-куда. И вамъ толстое спасибо!

Онъ порывисто протянулъ руку.

— Мнѣ-то за что?

— А какъ-же?—за неоставленье... Ишь,—разыскали. Ну, слава Тебѣ, Господи! Хоть немножко встряхнуться... въ себя придти! А то совсѣмъ на душѣ заржавѣло.

Каленый нагнулся ко мнѣ и сообщилъ уже по пріятельски, по секрету:

— Вѣрите-ли: такая все на этомъ времени неудача да непріятности...

— Ну-у?

— Убиться надо! Да еще вдобавокъ на смѣхъ заводскіе, черти, подняли. Все болѣе изъ-за этого:—Каленый показалъ глазами на животъ.—„Зачѣмъ дался... Какой ты человѣкъ есть". Ну, а теперъ я имъ утру носъ. Утру... хе-хе!.. голубчикамъ! Въ кровь расчешутся со злости...

Онъ порывисто вскочилъ, сдѣлалъ конецъ-два по комнатѣ снова остановился передо мною.

— Вотъ праздникъ-то вы мнѣ устроили!—произнесъ онъ почти съ умиленіемъ.—Ну, что я жилъ до сихъ поръ? День да ночь—сутки прочь?

— А теперь?

— Ну да, будто не понимаете!—возразилъ онъ съ лукавымъ видомъ.—Ясная вещь,—точно на свѣтъ Божій вышелъ. Теперь я могу и съ человѣкомъ говорить... и въ глаза ему глядѣть... Не прежнему—чета.

— Значитъ, дѣло кончено? Беретесь?—спросилъ я рѣшительно.

— Берусь-то берусь... конечно! Что о томъ говорить! Только одно вотъ...

Къ нѣкоторому моему удивленію, Каленый такъ же быстро нахмурился, какъ недавно пришелъ въ восторгъ, сѣлъ на мѣсто и, поставивъ локти, началъ ерошить волосы, замѣтно отросшіе въ больницѣ.

— Видите, какая вещь,—началъ онъ черезъ минуту ка-

кимъ-то страннымъ—и смущеннымъ, и просительнымъ, и ласковымъ до счастливости тономъ:—Если-бы вамъ еще разокъ навѣдаться сегодня? а? Часиковъ этакъ въ восемь? Тогда-бы ужъ я... окончательно,—прибавилъ онъ, слегка вспыхнувъ.

— Ну! Никакъ и вамъ захотѣлось... подумать?—сказалъ я въ недоумѣніи.

Каленый, продолжая краснѣть, замахалъ руками.

— Какой чортъ! О чемъ тутъ думать? Все извѣстно наперечетъ. Домъ. въ случаѣ чего, зятю: пускай долги отдастъ. Дрова—Кажухину. Остальное прочее - такое могу хоть сейчасъ по пальцамъ разнести. Нѣтъ, тутъ другое обстоятельство...

— Секретъ?

— У насъ-то секреты? На міру живемъ.—Онъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и проговорилъ, понизивъ голосъ, съ задушевной искренностью:—Сорина на совѣсти... во-отъ! И ничѣмъ ее не заѣсть, не запить. А ужъ на такое дѣло идти... сами знаете,—что къ причастью. Должна быть совѣсть въ спокоѣ.

Протянулась долгая минута молчанія.

— Хорошо,—сказалъ я.—Въ восемь я зайду. Вы не раздумаете? Время дорого.

Каленый вскочилъ съ мѣста.

— Что вы, голубчикъ! Да развѣ можно... Неужели я... Н-ну!—Онъ съ удивленіемъ развелъ руками.—Ахъ, вы, можетъ, думаете у меня нивѣсть что тамъ... на совѣсти? Пустяки-и!.. Стыдъ и сказать-то...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько неловкихъ движеній взадъ и впередъ, затѣмъ быстро наклонился къ моему уху и пояснилъ почти шопотомъ:

— Просто-на-просто согрѣшилъ тутъ передъ дѣвченкой одной...

— Ай-яй-яй!—покачалъ я головой съ невольной улыбкой. Какъ же это вы такъ? Нехорошо!

— Ну вотъ, видите. Думается—на что и дѣвки? Анъ теперь... дѣйствительно...

— Что же теперь?

— Да что: мириться надо, отвѣтилъ онъ и развелъ руками. Мнѣ опять показалось, что онъ не столько пораженъ и сконфуженъ, сколько осчастливленъ этой необходимостью.

— Раньше отлынять не умѣлъ,—теперь ужъ поздно. Оно, по настоящему, наплевать: и теперь-бы ничего... да не люблю я! Это чего нѣтъ хуже, если человѣкъ на тебя будетъ плакаться! Ножъ вострый! Я такъ люблю, чтобы все было хорошо!—воскликнулъ онъ съ увлеченіемъ.—Во-отъ! Чтобы на

душѣ благодать была! Ни сучка, ни задоринки! Тогда...у-у! Куда угодно! И горюшка мало. А чуть немножко сорина... не то! Ухватка не та... Ко дну тянетъ... Вѣдь было снѣгу на моей головѣ! Знаю...

Каленый улыбнулся, схватилъ меня за руку и, ласково блестя глазами, прибавилъ:

— Такъ зайдете?

— Зайду, зайду, непремѣнно!

— Ну вотъ и спасибо. Значитъ, съ дѣлами покамѣстъ кончено.—Каленый весело взъерошилъ волосы.—А теперь... чайку со мной? Въ самомъ дѣлѣ: съ дорожки? Потолкуемъ... Тоже хорошъ гусь,—вдругъ засуетился онъ, подвигаясь зигзагами къ дверямъ,—сидитъ и гостя ничѣмъ не потчуетъ.

Всѣ его движенія были стремительны,—но всетаки мнѣ удалось удержать его.

— Позвольте, вѣдь вы хотѣли къ восьми уладить дѣло?

— Такъ что-жъ? — уладимъ. Теперь который: пятый? Успѣется. Только въ шесть гудокъ будетъ. Она вѣдь тоже на фабрикѣ работаетъ. Те-те-те!.. да вы, кажется, не чаю-ли моего боитесь? — вдругъ спохватился онъ, смѣясь и мудро проникая въ одну изъ причинъ моей нерѣшительности. Ну такъ... По глазамъ вижу. Только это... хи-хи!.. напрасно. Чай у меня отличный, съ воли,—зять давеча принесъ. И булка—материна...

Черезъ минуту я нѣсколько деспотически былъ водворенъ на старомъ мѣстѣ у столика, а смѣющійся побѣдоносный голосъ Каленаго звенѣлъ уже въ другомъ концѣ коридора.

— Сергунька! Гаврило, мохнатое рыло! „Стипятили" вашъ „типятокъ-отъ?" Такъ чего-жъ вы? Не видите, что къ сознательному рабочему гость пришелъ? Жив—во!

— Несео—омъ!.. послышался ему въ отвѣтъ чей-то тоненькій альтикъ, вѣроятно,—Сергунькинъ.

II.

За чаемъ, какъ и слѣдовало ожидать, онъ не утерпѣлъ и съ своимъ обычнымъ хохотомъ, жестами и возбужденіемъ, разсказалъ свою исторію.

— Какимъ способомъ все вышло?—Ну, голубчикъ, этого и самъ понять не могу. Другіе, скажемъ, обѣщаютъ жениться... тамъ клянутся, божатся, а у меня и въ поминѣ того не было. Глядѣлъ совсѣмъ просто... Голосокъ веселень-

кій... съ серебрецомъ, мордашка, талія... Не я, такъ другой Илья—все едино. Да ежели мнѣ на всѣхъ жениться, которыя со мной хороводились...—Каленый засвисталъ и развелъ руками—такъ это, братъ, нужно султаномъ турецкимъ быть. Иначе и состоянія моего... ха-ха!—не хватитъ. Особенно теперь: который мѣсяцъ и въ заводъ-то не хожу...

— Не ходите? По случаю болѣзни?

Черныя брови Каленаго на мгновеніе сдвинулись.

— Нѣтъ, я и раньше не ходилъ. Съ прошлой забастовки. Совсѣмъ, можно сказать, отъ товарищей отшатнулся. Ужъ по моему такъ: глупо прикончили, начинай другую. И они тоже:—„Другую!.. другую". Анъ мѣсяцъ проходитъ: работаютъ. Я и пальто новое съѣлъ: работаютъ... Стулъ, вѣшалку для платья: что за чортъ! Думалъ: съѣмъ еще самоваръ да чугуны съ кастрюльками?.. Ну мать стала поперекъ, забрала, что было поспособнѣе — и къ зятю. А сынъ хоть волкомъ вой. Вотъ до свадьбы ли тутъ, сами разсудите. Одному жевать нечего. А время? Не такъ дохнулъ и руки назадъ. Тамъ сиди потомъ да сохни—ай жена!.. чѣмъ жива?.. Ѣла-ль сегодня? Ну, кажется, ясно! Нѣтъ, поди-ка, сговори съ дѣвченками! Хоть бы съ моей Настасьей Роговной. У нихъ у всѣхъ одинъ сукъ въ головѣ: замужъ! Сталъ я тутъ передъ лѣтомъ сбираться въ Питеръ—этакія дѣла у васъ тамъ дѣлались: вся душа перегорѣла у меня.—глядь, и она со мной?

— „Ты?! зачѣмъ?

— „А какъ же?

— „Вона непремѣнный членъ какой! Да, можетъ, я одинъ хочу?

— „А я куда? Въ петлю?

— „Зачѣмъ въ петлю? Выйдешь за другого.

— „За кого я пойду... нечестная?

— „Ну, матушка, объ этомъ, говорю, нужно было раньше думать. Не ходила бы подъ кустики.

— „Ты же улестилъ да уласкалъ?

— „А ты бы не поддавалась! Не маленькая...

— „Я на твою совѣсть надѣялась..

— Ну подумайте! Вотъ чего хватились у нашего брата!— Въ такихъ-то дѣлахъ, говорю. Такъ это мнѣ смѣшно: извѣстно—мужчина, что волкъ, гдѣ урветъ, тамъ и ладно.—Ты, говорю, погляди кругомъ: есть у тебя глаза, чай? Оно вѣдь и дѣйствительно: что ихъ толчется здѣсь! Какъ комаровъ къ вечеру. А много ли, спросить, златъ вѣнецъ увидитъ?— Особливо такихъ, говорю, какъ ты, не здѣшнихъ, чужестранныхъ, безъ отца, безъ матери, безъ роду, безъ племени? Опутали—и ступай: другая за мѣсяцъ пятерыхъ хозяевъ пе-

ремѣнитъ. Ты-бы должна, говорю, еще благодарить: столько времени за однимъ жила. Ну что-о!

Каленый презрительно засмѣялся и махнулъ рукой.

— Вамъ не нужно много разсказывать: чай, ихъ не съ мое видѣли, знаете. Словами не взять, и-и, прилипать начнетъ, какъ слѣпой къ тѣсту, подлизываться... — „Такой-сякой .. сухой—немазанный... Ильюшка—душка,—ты это отъ Ѳедьки примѣры берешь; не вѣрю я, чтобы ты былъ такой безсовѣстный"... Вотъ и поди съ ней. Шерстка мягкая, на спинѣ: первоначально крѣпишься, а потомъ и сдавать начнешь... Ужь у меня-ли характерецъ—не вересина; нѣтъ, подался-таки! Иной разъ самъ вижу: Дуняшка - одно спасенье. Такая у насъ по сосѣдству аховая дѣвченка жила .. и тоже чего-то ради за мной увязывалась. Бывало, вспомнишь про нее, точно нечаянно:—посмотри, молъ, если ей не та-же честь будетъ! Батюшки свѣты! Что на каменку! Замѣтитъ, зафыркаетъ... въ мордаево чѣмъ попало съѣздитъ... ну и оглобли на недѣлю врозь... Такъ и отъ этого не легче. Вишь до страсти люблю бѣдовыхъ такихъ. Что въ сонной то? Сидитъ—свою лапу сосетъ. А эта—угаръ дѣвка. Думается,—схватить-бы ее поперекъ тѣла, еретичку:—На! ѣшь меня! Веди, куда хочешь. И спору конецъ. Во-отъ! Своя причина. Присмолило!

Каленый поднялъ вверхъ указательный палецъ.

— Какъ надошло однажды къ разрыву—вѣдь сама отказала мнѣ: чего значитъ лучше? Нѣтъ, на стѣну полѣзъ.—„Силой удержу!" Вонъ до чего припаялся... Да еще что я вамъ скажу: и удержать-то не сумѣлъ! — протянулъ онъ полушопотомъ, свирѣпо блеснувъ глазами.—Даромъ только *мѣшокъ* мой испортили.

— Какъ, и это изъ-за нея?

— А то изъ-за кого-же? Сами, чай, понимаете. Поддайся—въ омутъ втащатъ. Передайте стаканчикъ, я вамъ подсыплю свѣженькаго...

И Каленый завозился съ чайниками.

III.

— Скажите пожалуйста, какимъ же это образомъ могло случиться, что она сама отказала вамъ?—прерываю я чрезъ минуту молчаніе.

— Да какъ?—болѣе со стыда... со сраму, отвѣтилъ задумчиво Каленый.—Съ завода посбился, на прочія ваканцыи не попалъ, безъ сомнѣнія, одежей поотрепался... Ну еще, скажемъ, пиджакъ, да штаны мало-мало, а что сапоги—одно

названье... Разумѣется, и къ вину большое сочувствіе явилось. Вотъ это тоже... День-то ходишь, какъ оглашенный: мучища!.. тощища! Газету купишь: о, чертъ,—не глядѣлибы глаза!.. Въ чайную. Утромъ очнешься—башка трещитъ съ вечерошняго; дровъ нѣту, чаю съ сахаромъ нѣту: обратно! Въ разныхъ-то сапогахъ по грязи... Мнѣ-то ужъ ни почемъ,—притерпѣлся, а ей стыдно: люди смѣются.—„Сознательный рабочій! Въ опоркахъ, пьяный, ходитъ!“ Ну—да, и мало-ль чего? Можетъ, боялась? Неровенъ часъ: люлька! Куда?!

Каленый развелъ руками.

— Вотъ въ тотъ-то день, какъ быть мнѣ рѣзаному, у насъ схватка и вышла. Ломлю я прямикомъ по Тряпичному переулку, а Настюшка на встрѣчу. Я еще, помню, такъ обрадовался: чистенькая да бѣленькая, вихры расчесаны... козыремъ такимъ: ничего, жить еще можно. Глядь,—и она въ сторону. А съ руками и близко подойти не смѣй. „Какъ?.. Отчего?“—Да такъ вотъ... оттого... Сначала водку перестань лакать... да женись... Тогда посмотримъ. Дѣло!

— „Что, говорю, еще приказу будетъ?

— „Больше ничего.

— „Ахъ, только? Такъ смотри-же, тараканье марало, любуйся. Этакіе удары видѣла?—Сапогъ ей показываю.—А этакіе?—Другой показываю.

— „Не блажи! Въ заводъ ступай.

— „Руки по начальству лизать да обязательства въ благонадежности подписывать?

— „Не бѣда, подпишешь. Иначе у насъ и развязи не будетъ.

— Вотъ изъ-за этого все болѣе и вышло. Очень ужъ мнѣ насчетъ завода обидно показалось. Говорю ей—самъ чуть зубами не скриплю:—„Тогда ужъ для меня согласнѣе будетъ совсѣмъ закатиться въ Питеръ!“—А она съ насмѣшечкой съ такой:—Молчи-и! Холера! Не видались въ Питерѣ такимъ добромъ! А кто-же чайную-то будетъ караулить? Вѣдь, поди ребенка легче отъ груди стнять, чѣмъ тебя отъ чайной? Ну я и не стерпѣлъ: что называется по нашему, по заводскому на-отмашь!

— „Да тебѣ-то, говорю, какая печаль? Тебѣ-то какая забота? Въ Питеръ ли, въ чайную—все равно моя теща еще въ дѣвушкахъ гуляетъ!

„Вотъ. Грохонулъ— стою передъ ней, въ зубахъ—окурокъ. Вдругъ побѣлѣла вся, какъ береста. Да потомъ:

— „Вѣдь врешь ты все? Навѣрно женишься на комъ-нибудь?

— „Не знаю; зарока не кладу. Былобы изъ-за чего хо-

мутъ надѣвать! А что у тебя? Попу не заплатить? Глазищи одни? Такъ это, братъ, дешево стоитъ.

— „Ахъ, дешево?—И отлично. И пусть будетъ дешево! Тебѣ, говоритъ, деньги нужны.... Ну, у меня денегъ тѣхъ нѣту. Значитъ, и срамиться мнѣ съ тобой нечего. Всему—конецъ!“

— Вонъ куда пламя начало выкидывать. И чѣмъ дальше, тѣмъ пуще. - Ни ты—ко мнѣ, ни я—къ тебѣ: аминь—слово. Меня, говоритъ, хорошіе люди безъ всего, за любовь берутъ. Скорѣй выходить надо.

— И сейчасъ же опрометью—въ переулокъ: на фабрику съ обѣда бѣжала. Я говорю кабы на умнаго—такъ и пусть! Охотникъ нашелся?—обирай, сдѣлай милость. Руки развяжешь. А меня въ цыганскій потъ кинуло. Безъ нея, вишь—что травина въ полѣ. Сопьюсь окончательно. Кричу ей въ догонку: скажи, молъ, кто хотя сватаетъ? Можетъ, еще нарочно? Пугаетъ. Однако нѣтъ:

— „Карвоненъ. Сапожникъ.

— „Чухна?

— „И вовсе не чухна, а нѣмецъ.

— „Да еще зубатовецъ *) вдобавокъ?

— „Что ты ему за сапоги долженъ остался, такъ онъ и зубатовецъ сталъ?

— Съ тѣмъ и изъ виду пропала. Ахъ, волкъ тебя зарѣжь! Кручусь посередь улицы, точно меня конкой переѣхало. Все же до сей поры, ужъ не говоря о прочемъ, хоть барышня была. А теперь и барышни нѣту. Окончательно въ посадскіе приписался. Что-жъ вы думаете: вваливаюсь въ чайную, а эти подлецы какъ по духу чуютъ:

— „Каленому! Почетъ!

— „Всѣмъ по семь, а Илькѣ восемь съ косточкой!

— „Го-го-го!—съ колокольчикомъ!

— „Го-го-го!—съ бубенчиками!

— „Го-го-го!—съ красными ленточками!

„За своего признаютъ. Убиться надо! На что Огарковъ—ворище преестественный—и тотъ съ рукой ко мнѣ:

— „Какъ живется-можется?

— „До твоей руки дожилъ?!

— Да это-то пустяки. А вотъ вхожу въ большую комнату—безъ того муть на сердцѣ: готовъ первому встрѣчному голову сломать!— и вдругъ... какъ вы думаете,—кто сидѣлъ тамъ? Кто? Ни въ жисть не угадаете....

— Можетъ быть, сапожникъ?—сказалъ я наудачу.

---

*) „Зубатовецъ—на мѣстномъ языкѣ другъ и прислужникъ полиціи, почти шпіонъ.

— Вѣрно. Какъ разъ попали.—Каленый машинально привсталъ, и глубоко перевелъ духъ.—Самъ женихъ, значитъ. И такъ одѣтъ, скотина: штаны трековые на выпускъ, воротнички напялены, выбритъ. А взоръ ехидный:—„Ты, молъ, и не чуешь, что я съ твоей гулять вечеромъ пойду?“ Вотъ когда меня освѣтило.—Пойдешь?—о-о-о!—Ну-ка, поди, думаю. Присунься!

— Чѣмъ-же вы могли помѣшать ему?—спросилъ я не безъ любопытства.

— Чѣмъ? Да шею накостылять ему хорошенько!—вскрикнулъ Каленый, весь вспыхнувъ.—И законно! На чужой заборъ нечего зариться, свой городи! Что смотрите? Не по вашему? А какъ же по вашему? Ха-ха!... на дуэль его вызвать? У васъ, извѣстно, по благородному. А по нашему какъ отъ отцовъ, отъ прадѣдовъ ведется: въ холку накласть, сколько влѣзетъ, да въ грязи вывалять въ лучшемъ видѣ, фонарей въ препорцію поднаставить, а тамъ иди, куда хотѣлъ... Не бойсь, никуда онъ, трепаный, и не пойдетъ. Какъ Богъ святъ, одинъ прогуляетъ у моста. Вотъ гдѣ здорово посмѣемся!... Поздравимъ! Ничего, опять моя будетъ. Ха-ха!... шелковая!

Каленый, въ величайшемъ волненіи, потиралъ руками.

— Такъ опять бѣда: не выходитъ по нашему!—вскрикнулъ онъ снова, ударивъ рукой по рукѣ, съ досадливо-жалобнымъ смѣхомъ.—Ужъ сначала, кажется, какъ чудесно построилось дѣло. Народу набралось къ моему столу видимо невидимо, даже Огарковъ снова подошелъ!.. Съ рыла по гривеннику, денегъ — масса. Водку купили у „стрѣлковъ“ на улицѣ, хоровую завели закусочную... Слыхивали?

По улицѣ мостовой,
По широкой столбовой,
Шла горчица съ ветчиной.
Сзади уксусъ молодой
Кричитъ: барышня, постой!

— Знаете?—ну вотъ. Дальше тоже ловко сочинено. И вдругъ Ѳомичевъ, хозяинъ чайной, давай утишать пѣніе. Ко мнѣ между прочимъ:

— „Каленый, ты можешь закрыть пасть?

А я ужъ знаю—что отвѣтить.

— „Да полно, Андрей Гирычъ, такой-сякой, другъ неоцѣненный, дай поскандалить на послѣдній разъ. Ужо женюсь—воды не замучу.

Тутъ они всѣ:

— „Хи-хи-хи... Да тебя, чай, на уздѣ къ вѣнцу не приведешь!

— „Точно, говорю, братцы! Никто себѣ не врагъ. Да видно

ничего не подѣлаешь. Неохота зубатовцамъ дѣвчонку отдавать. Слышите? — Дѣвчонка-то, говорю, больно хороша. А тутъ завелся одинъ такой горячій, проходу не даетъ. Такъ что выходитъ ей отъ Іуды просто крышка..

— Понимаете: сапожника по имени не называю, а только что пальцемъ на него не показываю. Однако боюсь: струситъ, скотина да уйдетъ: ищи ихъ тамъ впотьмахъ! Нѣ-ѣтъ: Не таковскій! Еще мнѣ же навстрѣчу!

— „Дивлюсь говоритъ, на нынѣшнихъ людей: другой совсѣмъ голый, безъ мѣста шатается, а чуть маленько: жениться!.... жениться!...

— Онъ-то кругомъ да около, а я ужъ и напрямикъ; кулакомъ по столу:

— „Ка-акъ! Кто голый?—я? Ахъ, ты, полицейская присоска. А это какъ по твоему: не пиджакъ? А это, напримѣръ, не жилетка? А это не фуражка съ козырькомъ?..

И вдругъ онъ какъ вскрикнетъ:

— „А сапоги?—На всю чайную.—А сапоги—чужіе? Мои сапоги; за нихъ до сей поры не заплачено. Хочешь, сейчасъ разую, безстыжіе глаза? Иди безъ сапоговъ къ вѣнцу!

Самъ даже кровью отъ радости налился, какъ піявка. Н-ну-у!.. Народу кругъ насъ скопилось... ждутъ - что Каленый скажетъ. Вѣдь тоже грохало не изъ послѣднихъ,—знаютъ, что я не изъ однаго котелка кашу ѣлъ....

— „Видали, говорю, головушку съ ушами? И сапоги давно сношены, а онъ все еще денегъ ждетъ...

„Ну, какъ они долговъ сроду не плачивали—въ покаточку. Вотъ это удалось мнѣ (Каленый глубоко и успокоенно вздохнулъ) да потомъ, немного спустя, тоже не ударилъ лицомъ въ грязь. Присталъ онъ ко мнѣ: скажи да скажи, отчего за сапоги платить не хочешь?

— „Можетъ, я худо шью? Непрочно?

— „Нѣтъ, говорю, ничего-о, прочно. Покойники не нахвалятся...

— Ну подумайте!—Каленый подмигнувъ мнѣ, прыснулъ сосмѣху.—Въ лоскъ человѣка положилъ. Только охаетъ: о!.. о!.. о!.. а самъ и сказать ничего не можетъ: кислымъ залило. Потомъ очнулся: чайникомъ въ меня. А мнѣ чего и нужно; самъ въ руки дается. Онъ мнѣ чайникомъ въ башку, а я его по-свойски: съ ногъ долой. Ну вотъ только, кажется, мало-мальски пощекотить бы: гостинцы насовать куда слѣдуетъ, прическу попышнѣе устроить и достаточно; за глаза бы! Нѣтъ, не вылафило!—Каленый съ сердечнымъ сокрушеніемъ развелъ руками.—Вдругъ какая-то скотина меня сзади подъ мышки...

— „Ай-да сознательный рабочій! Ай-да соціалъ демо-

кратъ! Благо человѣкъ по силѣ попался, — радъ до смерти заклевать?“

— Кто вы думаете? Огарковъ. Зачѣмъ давеча руки ему не подалъ. Вотъ ихъ, какъ ни говори, ужъ и двое стало. Одинъ подъ силки держитъ, другой на ноги вскочилъ, въ рукахъ ни много ни мало—ножикъ. Оно, скажемъ, и ножикъ-то дрянь, смотрѣть не на что, а превострый, каналья; имъ сапожники чистятъ и ровняютъ подошву. Вотъ какое дѣло выходитъ. Я—въ одну сторону: не уйти! Въ другую сторону: не урваться!.. Теперь наши звонари какую штуку выдумали: „у него-де руки и ноги отнялись со-страху“. Ну, скажите на милость! Развѣ похоже?—Каленый съ негодованіемъ отплюнулся.—Ужъ тогда мнѣ вся стать была-бы крикнуть въ окно Ѳомичеву: онъ на дворѣ лошадей поилъ. Однако, я не закричалъ. „Одинъ управлюсь! Не въ первый разъ“. Табуретка близко стояла, за ту ухватился. Теперь, молъ, еще порезонюсь съ вами, пріятели. Такъ расчитывалъ: въ случаѣ чего вдребезги расшибу сапожника. Вотъ тутъ какимъ родомъ далъ я промашку—этого дѣйствительно до сей поры понять не могу... Не успѣлъ еще развернуться или не доглядѣлъ,—чортъ его знаетъ. Слышу только: что это у меня, какъ огнемъ по животу? Хвать, а ужъ дѣло кончено: распороли...

Каленый съ сердцемъ и недоумѣніемъ пожалъ плечами.

— Вотъ, думаю, ерунда-то? Никакъ въ поминанье записали подлецы? А чего ужъ тамъ: въ глазахъ темно. И табуретку изъ рукъ выпустилъ. Гдѣ стоялъ, тутъ и легъ. Огарковъ зудитъ подъ ухомъ:—Лупсуй его, лупсуй хорошенько! Одну пятницу молока не похлебать! А я и пальцемъ двинуть не могу въ защиту. Да ужъ Ѳомичевъ бѣжитъ:—Вы что, арестанты!.. Каторжники! Въ больницу его!.. на извозчикѣ! Да нутренности его, кричитъ подберите!—Это я точно во снѣ слышалъ:—Нутренности-то его! Нутренности! Каленый всталъ, выпилъ залпомъ чай изъ стакана и заходилъ по комнатѣ. Вѣтеръ стучалъ въ окна. Изъ дверей доносились разные больничные звуки: шарканье туфлей, охи, кашель, жалобныя восклицанія; кто-то пѣлъ вдали сиплымъ теноромъ скучную монотонную пѣсню. Протянулось двѣ-три минуты.

— Такъ вотъ какая незадача, сами видите, началъ Каленый съ новымъ приливомъ энергіи, садясь на свое мѣсто. Здѣсь очнулся—волосы дыбомъ. И изъ-за чего? Изъ-за слякоти, изъ-за дѣвченки? Думается: приди она въ то время, прогналъ-бы!—„Къ своему поножевщику!.. маршъ!“—и дѣлу конецъ. А потомъ—то да се, рана стала заживать, докторъ смѣется:—Ничего, прочнѣе прежняго будешь!.. Опять съ ейной стороны задуло. А ужъ какъ самоё увидѣлъ...

Каленый только махнулъ рукой.

— Навѣстила васъ?

— Навѣстить она! Послѣ такого скандалу? Довольно того, что по вечерамъ бѣгаетъ къ окошку, — пробормоталъ онъ съ внезапной широкой улыбкой. — Здѣсь штора-то до конца не спускается — и видно, какъ кто-то заглядываетъ. А начнешь вставать... фіу!.. И слѣдъ простылъ... Она! Больше некому. Вотъ съ тѣхъ поръ я и взбѣсился:—Пошлю за ней и шабашъ. Пошлю, пошлю, — а духу-то и не хватило...

— Почему-же?

Каленый усмѣхнулся.

— Да, а носъ-то какъ подниметъ! Спросить, много-ли будетъ радости? Ужъ взоръ одинъ...—„Что, молъ, утерся?" Вѣдь крапи-ива! Тутъ надо прямо подъ ейную державу присклоняться...

— Но вѣдь сегодня вы приклонитесь?—сказалъ я, вставая съ невольной усмѣшкой.

— Такъ еще-бы, сегодня? Сравняли!—отвѣтилъ онъ, тоже поднимаясь на ноги и весь краснѣя.—Сегодня другое дѣло. И то буду просить: обязательно пусти на часъ!

— Вы полагаете,—если будете просить, отпуститъ?

— Ну, какъ не отпуститъ? Вѣдь она изъ понимающихъ.

Какія-то ласковыя интонаціи зазвучали въ голосѣ Каленаго, но, очевидно, онъ самъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ, потому что спустя нѣсколько секундъ прибавилъ въ раздумьи:

— А ежели и заупрямится — наплевать! Обойду какъ-нибудь. Очень просто. Что? Опять смѣетесь?.. Не вѣрите? Вотъ увидите ужо. Въ лучшемъ видѣ облапошу! Господи!.. въ первый разъ, что-ли?

— А если она „прилипать" начнетъ?—напомнилъ я.

Онъ замахалъ руками и забожился.

IV.

Въ началѣ девятаго я снова входилъ въ маленькую угловую палату.

При моемъ появленіи высокая тоненькая дѣвушка въ теплой кофточкѣ и вязаномъ бѣломъ платочкѣ стремительно поднялась съ табуретки, на которой я давеча сидѣлъ за чаемъ и, дѣлая видъ, что оправляетъ подушки, крѣпко поцѣловала Каленаго. Я остановился на порогѣ въ недоумѣніи.

— Ничего, ничего, входите,—слегка смущеннымъ и въ

то же время торжествующимъ тономъ разрѣшилъ Каленый, приподнимаясь. Да, въ его голосѣ были торжествующія ноты; несомнѣнно онъ чувствовалъ себя хозяиномъ положенія. — Вотъ рекомендую: это моя половинка будущая, Настасья Васильевна. Пальца въ ротъ класть нельзя: откуситъ.

Настя усмѣхнулась, топнула на него ногой и нерѣшительно протянула въ моемъ направленіи горячую узенькую руку. Увы! Она не торжествовала... При свѣтѣ скупаго казеннаго огонька она показалась мнѣ прехорошенькой, но великолѣпные синіе глаза были красны, заплаканы. Черезъ минуту я замѣтилъ, что они украдкой поднялись на меня— не то съ любопытствомъ, не то съ ненавистью—и тотчасъ опустились, послѣ чего ея встревоженное личико стало еще печальнѣе. Едва-ли я не представлялся дѣвушкѣ олицетвореніемъ неумолимой судьбы, угрожавшей теперь ея милому.

— Неужели отпустила?—мелькало во мнѣ.

— Вы не подумайте, что я плету на нее,—продолжалъ между тѣмъ Каленый.—Сейчасъ со мной какую штуку сочинила! Хо-хо! — въ трезвость упекла! Вотъ какъ передъ Истиннымъ! Убиться надо! То все пьяница былъ, а теперь... какъ и ступить не знаю. Вамъ сѣсть некуда? Сейчасъ она уходитъ. Ну, что-же ты, уходи! — обратился онъ къ Настѣ, въ то-же время задерживая ея руку въ своихъ рукахъ — Посидѣла, пора и честь знать. Или и тебя выставлять нужно, какъ давеча поминальщика выставили?

Тихій звукъ его голоса, проникнутый грустной и виноватой нѣжностью, странно противорѣчилъ его насмѣшливымъ словамъ.

— Ахъ, надоѣла? Извини, пожалуйста, — произнесла она съ улыбкой, освобождая руку изъ его клещей. Голосъ у нея альтоваго звука, именно „съ серебрецомъ", по давишнему выраженію Каленаго.—Завтра не приду, если такъ,— будь покоенъ!

Она вдругъ вся вспыхнула радостно Каленый понялъ, что завтра она снова непремѣнно прибѣжитъ къ нему.

Улыбка является и въ лицѣ Каленаго, но, вѣроятно, изъ приличія онъ тотчасъ принимаетъ комически-строгій видъ.

— Не придешь?—о-о! А въ солдаты хочешь?

Наступаетъ минута молчанія. Она исподлобья взглядываетъ на меня—горькій упрекъ чудится мнѣ въ этомъ взглядѣ!—затѣмъ на него и вдругъ, какъ бы испугавшись возможности заплакать, скользитъ къ дверямъ. Съ порога она все-таки еще разъ оглядывается на Каленаго, дѣлаетъ

ему въ видѣ послѣдняго привѣтствія огромный носъ и исчезаетъ въ коррндорѣ.

— Ахъ, бестія полосатая! У-жо-о—кричитъ ей Каленый съ не совсѣмъ натуральной веселостью.

— Помирились?—спрашиваю я черезъ минутку, но Каленый не замѣчаетъ вопроса—онъ прислушивается къ ея шагамъ. И только когда хлопнула наружная дверь въ кухнѣ, онъ перевелъ духъ и, какъ бы выходя изъ забытья, произнесъ, усмѣхаясь:

— Да.. помирились кой-какъ.. Отпустила...

— Отпустила?—повторяю я съ невольной горечью. Мнѣ все почему-то казалось, что выйдетъ наоборотъ: что я пошучу, посмѣюсь надъ Каленымъ, и этимъ дѣло кончится.

Но Каленый и теперь не слышалъ моего восклицанія. Притиснувшись къ окну, онъ напряженно вглядывался сквозь запотѣвшія стекла въ тьму улицы. Минута тянулась за минутой. Вѣроятно Настя тоже замѣтила его въ окнѣ, потому что Каленый улыбался и долго что-то показывалъ руками. Наконецъ калитка скрипнула, дѣвушка ушла. Каленый оборачивается ко мнѣ все еще съ отблесками счастья въ лицѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ очевидными усиліями вспомнить, на чемъ мы кончили.

— Да, отпустила, отпустила,—начинаетъ онъ, быстро, впадая въ свой обычный тонъ.—Вотъ вы не вѣрили. Я говорю: она изъ понимающихъ. Но ужъ досталось мнѣ сегодня!.. Фу-у!.. На совѣсть!

Онъ передергиваетъ плечами; затѣмъ, бросивъ подозрительный взглядъ на окно, инстинктивно отходитъ въ уголъ и уже оттуда продолжаетъ вполголоса:

— Нѣтъ, вы знаете что: совсѣмъ не хотѣла мириться! Вотъ какъ передъ Истиннымъ! Такая пришла—ни въ дугу, ни въ оглоблю. Ужъ сама видитъ, кажется: человѣка хоть въ иголку вдѣнь, на все готовъ! Нѣтъ, какъ свое сердечко переломить! Зачѣмъ, вишь, раньше ломался! И тутъ, извольте радоваться, не по ейному сказалъ, и тамъ не туда пошелъ, и въ чайной неоднократно прославлялъ, и рѣзали-то меня—не зарѣзали: теперь ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ, ни живой, ни мертвый... Какихъ винъ не насчитала!—„Ты, говоритъ, помнишь, какъ пѣлъ:—Вкусны ли милая слезы соленыя? Нѣтъ, скажи: помнишь? Ты что-же думалъ? Что я каменная? А помнишь еще, какъ бахвалился: моя-де теща еще въ дѣвушкахъ гуляетъ! А это помнишь, какъ въ пьяномъ видѣ грозился:—Не дашь полтинника, къ Дуняшкѣ уйду!“ Я говорю:—мало-ль чего въ пьяномъ видѣ бываетъ... не каждое лыко въ строку...—„Ахъ, не каждое! Пока цѣлъ былъ, меня знать не хотѣлъ... „Дешево стоишь!“ А теперь,

какъ нутренность смотрѣна, такъ и я стала хороша..? „Не каждое лыко въ строку!..“ Видно ѣсть-то будешь, а работать подожди? На мои хлѣба сѣсть разсчитываешь“. Да-съ, вотъ даже до чего осмѣлилась... Такъ ужъ мнѣ, знаете... того... и обидно немножко, и смѣшно, а пуще всего удивительно: вотъ память! Ты говоришь съ ними, не думаешь, а онѣ каждое словечко къ сердцу кладутъ, а потомъ и найдутъ его при случаѣ. Ну ужъ держись тогда...

— Что-жъ вы?

— Да что... сначала-то козырился, а потомъ и голову подъ крылышко: ни словечка. Молчу—у! Пускай изъ нея выходитъ. Главное, время-то не ждетъ: на восьмой часъ перевалило; скоро вы должны придти. Наконецъ, гляжу, тише да тише. Слава тебѣ, Господи,—и совсѣмъ размякла... Точно святой воды дали.—Ну, да ладно, говоритъ, не скучай; обиженнаго не обижу. Можетъ, до сыта не накормлю, а и съ голоду не дамъ умереть окончательно. Буду, какъ-нибудь вытягиваться.

Молчу-у! За руку взялъ.

— „Слезы-то утрешь?

— „Утру... тебѣ-то что?

— „Можетъ, еще грысть меня будешь?

— „Да не буду... ну тебя!

— „Значитъ, дружно?

— „Да дружно ужъ... Лежи, бродяга!

— „И замужъ, за меня, чего добраго пойдешь?

— „Молчи, я сказала! У—у!.. такъ бы и треснула“! Сама и смѣется и хнычетъ... И я съ ней,—что грѣха таить! Всего было... за компанію!“

Мой герой, весь красный, махнулъ рукою.

V.

— Ну, а какъ-же вы про порученіе-то ей сказали?—спросилъ я черезъ минуту съ невольной нервностью въ голосѣ.

Каленый мгновенно нахмурился; очевидно, это воспоминаніе было ему непріятно.

— Ничего!.. Сказалъ... Приняла!—проговорилъ онъ отрывисто.

— Поди начать-то было трудно?—опять спрашиваю я послѣ паузы.

— Еще-бы! Этакъ размечтались некстати, такіе начала воздушные замки строить: я-де ужо коровку заведу да курочку... ну подумайте! Да что еще высказала:—шляпу без-

премѣнно надѣну. Это, говоритъ, ничего, если у тебя жена будетъ барыня? Ахъ, шлепъ тебя во-щи! Заикнусь, заикнусь:—„Ты, молъ, знаешь-ли за кого выходишь"?—„Знаю я тебя не первый день, забастовщика"!—И опять за свое. Ну не воротится языкъ, хоть плачь. Самъ вижу: только ей и жить-то. Когда скажу, ужь какое ей житье будетъ. Эхъ-вотъ забылъ я, что за разговоръ тутъ у насъ вышелъ. Стойте-ка: да не насчетъ ли водки? Ну-да, такъ и есть: начала пьяницу на умъ наставлять.—„Я-де не столько твоихъ забастовокъ боюсь, сколько получекъ; характеръ у тебя, пьянаго, худой; въ получки ты безпремѣнно будешь меня кокать". Вотъ. Брось да брось водку. А я къ этому слову и прицѣпился:—Ладно. А ты мою просьбу уважишь?

Каленый вдругъ точно споткнулся и умолкъ; его глаза неподвижно остановившись на моемъ лицѣ. смотрѣли на меня, не мигая.

— Ну что жъ она?—прервалъ я молчаніе.

— Да, по правдѣ сказать, не больно хорошо... Въ родѣ какъ языка лишилась...— Каленый развелъ руками.—Сидитъ бѣлая, что покойница. А ужъ это, сами знаете, какъ для нихъ тягостно ежели языкъ не дѣйствуетъ... Ну-ка я трясти ее! Потомъ—ничего, заговорила...

— И что-же сказала?

— Однако и вы тоже... „Что сказала?" Ясная вещь: чего можно требовать съ испугу?—Не пущу!—вотъ и весь сказъ.—„Лучше ты, говоритъ, на мнѣ не женись и водку пей, сколько влѣзетъ. и дуй меня всячески—слова не скажу. Ты другихъ жалѣешь, а меня нисколько"? А, да что тутъ! Говорю: было всего!

Каленый замолчалъ, вышелъ изъ своего угла и, доставъ въ столикѣ коробку спичекъ, закурилъ папиросу.

— Но въ концѣ концовъ, говорите, согласилась?—переспросилъ я послѣ нѣкотораго молчанія.

Каленый раздражительно повелъ плечами.

— Вотъ еще!. Ну, конечно! Какъ иначе? Чай сама видитъ: этакое довѣріе отъ товарищей! Ни къ кому не пришли, ко мнѣ пришли! Тутъ ужъ... хе-хе!.. не пьяницей пахнетъ, не посадскимъ! Выше поднимай! Что-жъ, я захочу подлецомъ передъ ними быть?—Каленый съ силой ударилъ себя въ грудь.—Ка-акъ же! Держи карманъ!

Онъ помолчалъ нѣсколько секундъ, улыбнулся и заговорилъ другимъ уже тономъ:

— Но только упряма до чего,—родители! Придумала глупость:—И я съ тобой! Съ тобой и съ тобой; одинъ и помышлять не смѣй!—такъ и шабашъ; никоимъ образомъ съ этой точки сбить не могъ. Ишь, по ейному: что жить, что

помирать—все вмѣстѣ. Вѣдь вотъ тараканье морило какое! И, замѣтьте, сама! Никто не училъ. Простая дѣвчонка!

Глаза Каленаго заблестѣли; онъ отвернулся къ окну, чтобы скрыть волненіе.

— Такъ на этомъ и покончили?—спросилъ я, спустя немного.

— Ну-да.—„Дѣло твое, говорю. Какъ хочешь". Ни слова поперекъ. Понимаете, мнѣ только теперь ее объѣхать, а ужъ тамъ то я выкручусь. Я что хочу,—прибавилъ онъ таинственно, наклоняясь ко мнѣ и блестя глазами:—Завтра она прибѣжитъ сюда, а я... съ узелкомъ навстрѣчу.—Ты куда?—А куда хочешь. Выписался.—Тутъ-то будетъ у нея радости! Оно вѣдь и дѣйствительно: чѣмъ здѣсь киснуть, лучше на волѣ погулять денекъ-другой, поотдышаться. О! за два дня всѣ горя забудемъ! Столкуемся.

Каленый засмѣялся, сѣлъ было въ задумчивости на кровать, но тотчасъ вскочилъ и, обращаясь ко мнѣ, произнесъ съ нѣкоторой торжественностью:

— Ну-съ, дѣло кончено. Можете передать: согласенъ. Въ лепешку расшибусь да обработаю дѣльце. За это ручаюсь!—закончилъ онъ, въ восторгѣ передернувъ плечами.

VI.

Подъ конецъ нашего свиданія я чуть не поссорился съ Каленымъ. Уже въ пальто и въ шапкѣ я сказалъ ему, что давно вертѣлось у меня на языкѣ:

— А знаете, Илья Григорьичъ, всетаки не поискать ли намъ кого другого?

Въ первую минуту Каленый только удивился и пробормоталъ:

— Развѣ я отказываюсь?

Но затѣмъ, когда я,—признаться, съ нѣкоторой неловкостью—упомянулъ объ его положеніи и о томъ, что я вполнѣ ему сочувствую, онъ вспыхнулъ, какъ порохъ.

— Какое положеніе? Никакого у меня нѣтъ положенія Ну, еще потомъ: жена, дѣтишки... А теперь, извините, я не уступлю. И лучше не начинайте!

Обида, раздраженіе, даже угроза послышались въ его голосѣ.

Мнѣ удалось все таки съ великимъ трудомъ настоять на прочтеніи коротенькаго списка изъ пяти-шести фамилій. Я надѣялся, что въ немъ окажется кто-либо, способный замѣнить Каленаго. Дѣйствительно, его хмурое лицо на минуту прояснилось.

— Да, одинъ есть!—сказалъ онъ почти съ умиленіемъ: — Федька Безпалый, съ котораго я еще „примѣръ беру“ — помните, Настюшка жаловалась? Да, этотъ хорошъ бы паренекъ—угоришь, моя радость! Съ этимъ можно бы и жеребья бросить. Такъ на бѣду разбитъ весь: на пожарѣ съ крыши свалился...

Объ остальныхъ отзывы Каленаго были неблагопріятны.

— Растяпа!

— Барабошка!

— Темная ночь!

— Голова не съ той стороны затесана!

— Вообще, лучше Каленаго вамъ не найти,—добавилъ онъ съ довольнымъ смѣхомъ.—Недаромъ Каленымъ и прозвали....

— Ну, а если?.. Вы понимаете: если?..—вырвалось у меня невольно.

Онъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, понялъ и вдругъ совершенно неожиданно засмѣялся.

— Вы точно Настасья,—проговорилъ не безъ сознанія собственнаго превосходства.—А я такъ о томъ и думать не хочу... Вотъ какъ передъ Истиннымъ!

— Не забудьте, что вы теперь не одинъ...Вы связаны,— довелъ я свою мысль до конца.

Лицо Каленаго приняло добродушно-насмѣшливое выраженіе.

— Ну, да если на слезы ихнія смотрѣть, до смерти подъ камнемъ проживешь. На улицу не выходи!—Каленый махнулъ рукой.—Конечно, въ случаѣ чего, жалковато немножко... Да пустяки-и! Общекотится! Въ лучшемъ видѣ! Вонъ—недалеко ходить!—отецъ у меня также своего вѣку не дожилъ; какъ мать убивалась! Анъ и по сейчасъ скрипитъ. Каждый день сюда съ починкой ходитъ. Иголка агромадная: — Днемъ, говоритъ, шью, а ночью калитку подпираю. Хохочетъ сама. Про покойничка, поди, и думать забыла. Такъ и эта. Ничего-о. Ужо шляпу себѣ купитъ. Все шляпой и пройдетъ!—прибавилъ онъ съ неудержимой и въ то же время странной для него болѣзненной улыбкой.—Нѣтъ, вы вотъ что мнѣ скажите: посылать записку тому поножевщику аль не послать? Вѣдь при полиціи сидитъ, чай, душенька вся измочалилась. И вдругъ ему записка: такъ, молъ, и такъ, не трусь, собачій сынъ, я самъ на ножъ напоролся. О-о! Поди до потолка привскочитъ! Пошлю-ю!.. Вѣдь кто же, какъ не я, всему дѣлу причиненъ?

Я выхожу на улицу. Она теперь какъ разъ подъ-стать моему настроенію: жутко, мрачно, холодно. На небѣ тучи —

не тучи,—сыпь какая-то... По прежнему злится вѣтеръ, скрипятъ тоскливо березы и, наклоняясь впередъ бѣлымъ станомъ, кому-то жалуются черезъ поле.

В. Фаворскій.

ИЗЪ ИБСЕНА.

На скалахъ, въ фіордѣ дикомъ, отливающемъ свинцомъ
Гага мѣсто выбираетъ, чтобъ себѣ построить домъ.
Не жалѣя, пухъ изъ груди вырываетъ и кругомъ
Устилаетъ домъ, чтобъ было и тепло, и мягко въ немъ.
Но рыбакъ суровъ, и нѣжность сердцу черствому чужда
Мягкій пухъ онъ выбираетъ на продажу изъ гнѣзда.
Все-жъ любовь сильнѣе страха, и хотя сочится кровь,
Гага пухъ еще ощиплетъ, чтобъ гнѣздо имъ выстлать вновь.
Коль опять ее ограбятъ—выше между дикихъ скалъ
Вновь гнѣздо она устроитъ, чтобъ никто не отыскалъ.
Если-жъ снова доберутся и до этого гнѣзда,—
Темной ночью покидаетъ край родной она тогда
И летитъ, съ окровавлённой грудью, сквозь ночной туманъ,
Подъ синѣющее небо благодатныхъ южныхъ странъ.

А. Языковъ.

АНАРХИСТЪ.

Жана Шантавуана.

(Переводъ **А. Н. Анненской**).

Это было во время анархистскаго террора. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ бомбы взрывались совершенно неожиданно и притомъ, несомнѣнно, по какому-то заранѣе составленному, дьявольскому плану.

Едва начиналось судебное слѣдствіе по поводу взрыва въ банкѣ, во Фландріи, какъ взрывчатый снарядъ производилъ разгромъ въ квартирѣ судьи на берегу Средиземнаго моря. Вниманіе полиціи сосредоточивалось на Бретани, гдѣ лопнула адская машина, а въ это время убійственная бомба распространяла ужасъ въ Савойѣ. Однимъ словомъ, вся Франція была объята трепетомъ, какъ при появленіи холеры. Но теперь бѣдствіе казалось не простою случайностью: къ случайности примѣшивалась страшная доля чьей-то злой воли. Это была какъ бы громадная лотерея смертей и погромовъ, въ которой каждый боялся получить выигрышный билетъ. Судебныя власти со страху до того растерялись, что виновные по большей части избѣгали преслѣдованія; слѣдователи очутились въ заколдованномъ кругу: служебное усердіе требовало, чтобы они выслѣживали, ловили, арестовывали, уничтожали всѣхъ анархистовъ; когда всѣ до единаго будутъ истреблены, тогда только можно будетъ спокойно вздохнуть. Но при этомъ они чувствовали, что ихъ самихъ преслѣдуетъ угроза страшной мести, угроза, которая много разъ была приведена въ исполненіе. Симметрія устанавливалась съ математическою точностью: послѣ всякаго ареста анархиста какой-нибудь членъ судебнаго вѣдомства погибалъ отъ динамита. Это значительно охлаждало пылъ судебнаго персонала въ исполненіи столь опаснаго долга. По нѣкоторымъ признакамъ, установленнымъ экспертами-химиками, многія

и наиболѣе сильныя изъ взрывчатыхъ веществъ, приготовители которыхъ остались не открытыми, были сфабрикованы одною и тою же рукою. Полицейскія власти вскорѣ опредѣлили, что преступникъ, ловко избѣгавшій наказанія, былъ нѣкто Шамаръ, Эженъ Шамаръ, кузнецъ, тридцати семи лѣтъ отъ роду, который, вслѣдствіе своей лѣности и чтенія вредныхъ книгъ, превратился въ анархиста и пропагандиста не словомъ, а дѣломъ. На пограничныя желѣзнодорожныя станціи и на нѣкоторыя другія разосланы были его примѣты; въ газетахъ появился его фотографическій портретъ, моментальный снимокъ, сдѣланный нѣсколько лѣтъ тому назадъ и изображавшій коренастаго, подбоченившагося дѣтину, съ густыми бровями и большими усами, не закрывавшими его смѣющихся губъ. Шамаръ вскорѣ явился воплощеніемъ общаго ужаса: онъ казался и близокъ, и мнѳиченъ, онъ мучилъ, какъ кошмаръ почтенныхъ буржуа, не надѣявшихся, чтобы онъ когда-нибудь попалъ въ руки правосудія. Полиція молчала, но не сомнѣвалась, что захватитъ свою добычу: дѣйствительно, каждое новое покушеніе, приписываемое Шамару, свидѣтельствовало о возраставшей дерзости, о какомъ-то безшабашномъ озорствѣ, которое въ концѣ концовъ должно было привести его къ гибели. Одинъ разъ онъ положилъ бомбу возлѣ будки, передъ домомъ корпуснаго командира; черезъ двѣ недѣли онъ взорвалъ полицейскій постъ на глазахъ у агентовъ. Очевидно, Шамаръ, опьяненный опасностью, увлекался игрой. Предсказанія полицейскихъ сбылись, и это его погубило. Однажды онъ, подложивъ среди бѣлаго дня бомбу въ управленіе префектуры въ Марнѣ,—главномъ городѣ деп. Сены и Іоны, спокойно удалялся, какъ вдругъ снарядъ взорвало преждевременно. Онъ не пострадалъ, но сторожъ схватилъ его. Видя, что партія проиграна, онъ, какъ хорошій игрокъ, покорился. Съ его сильными кулаками ему ничего не стоило убить сторожа, но это было безполезно. Шамаръ, не сопротивляясь, отправился въ тюрьму.

Франція вздохнула свободно, словно какой-либо новый Геркулесъ избавилъ ее отъ сказочнаго чудовища. Городъ Марнъ скоро забылъ опустошенія, произведенныя послѣднимъ взрывомъ, весьма, впрочемъ, не сильнымъ, и упивался гордымъ сознаніемъ, что онъ задержалъ и засадилъ за крѣпкія стѣны знаменитаго разрушителя. Процессъ Шамара былъ, можно сказать, готовъ раньше его ареста: его одного не хватало, только его и ждали для начала. Слѣдствіе было быстро закончено, и Шамаръ представленъ на судъ присяжныхъ Сены и Іоны. Послѣ пяти засѣданій въ душномъ залѣ,—отчетъ о нихъ занялъ цѣлый рядъ газетныхъ столб-

цовъ.—Шамаръ былъ приговоренъ къ смерти и въ ожиданіи дня казни снова помѣщенъ въ марнскую тюрьму.

Эта тюрьма—образцовое зданіе новаго типа, похожее скорѣй на больницу или на фаланстеръ, чѣмъ на тюрьму. Архитекторъ сумѣлъ устроить его такъ, что оно представляло для своихъ подневольныхъ жильцовъ минимумъ пріятнаго и максимумъ гигіеничнаго: воздухъ, пространство, свѣтъ распредѣлялись въ немъ по точной, раціональной системѣ и на основаніи послѣднихъ данныхъ новѣйшей физіологіи. Камеры заключали ровно такое кубическое количество воздуха, какое необходимо для нормальнаго вдыханія взрослаго человѣка, но это достигалось благодаря высотѣ потолковъ, которая позволяла сдѣлать камеры тѣсными, т. е. непріятными, хотя и здоровыми. Стѣны съ закругленными углами обмывались и на нихъ висѣло предупрежденіе общества борьбы съ туберкулезомъ не плевать на полъ, чтобы избѣжать распространенія болѣзни. Камеры были не темныя, свѣтъ проникалъ черезъ окна, довольно широкія, но расположенныя очень высоко, такъ, чтобы взглядъ заключеннаго не могъ усладиться видомъ ни голубого неба, ни солнца; впрочемъ, для предупрежденія этой опасности стекла въ окнахъ были матовыя. Дворы были достаточно велики, чтобы на прогулкѣ заключенные могли пользоваться полезнымъ моціономъ, но не на столько обширны, чтобы дать малѣйшую иллюзію свободы. Все это было размѣрено, высчитано, распредѣлено, пригнано съ самою строгою точностью: государство показывало, что, удовлетворивъ справедливость, оно не желало идти противъ гуманности.

Тотъ духъ, который руководилъ постройкой, проникалъ и въ управленіе тюрьмы, находившейся подъ начальствомъ г. Лелонгъ де-Рожерэ, бывшаго публициста, кавалера ордена Почетнаго Легіона. Г. Лелонгъ де-Рожерэ обладалъ въ высшей степени чувствомъ долга. При консервативномъ министерствѣ онъ подписывался: Л. де-Рожерэ, при смѣшанномъ Лелонгъ де-Рожерэ, при радикальномъ возвращался къ имени своихъ предковъ и писалъ просто: Лелонгъ. Взаимодѣйствіе двухъ противоположныхъ тенденцій помогало директору тюрьмы съ удивительнымъ равновѣсіемъ исполнять свои обязанности: одна изъ этихъ тенденцій заставляла его относиться съ презрительною суровостью къ жильцамъ, которыхъ ему поставляли судьи, другая склоняла его смягчать эту суровость разумною примѣсью благодушія. Благодаря этому, онъ съ одинаковою осторожностью избѣгалъ, какъ немилости начальства, такъ и

бунтовъ заключенныхъ. Стоя во главѣ образцовой тюрьмы. г. Лелонгъ де-Рожерэ былъ образцовымъ директоромъ.

Для его полнаго благополучія не хватало одного: въ марнской тюрьмѣ содержалось мало заключенныхъ, и все это были самые обыденные преступники. Въ департаментѣ Сены и Іоны люди убивали, крали, поджигали ни болѣе, ни менѣе и не иначе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Этого было достаточно, чтобы занять время жандармовъ, вторую страницу фельетоновъ мѣстныхъ газетъ и пугливое воображеніе рантьеровъ. Этого было слишкомъ мало для такой тюрьмы и для такого директора. По крайней мѣрѣ, таково было мнѣніе г. Лелонгъ де-Рожерэ: „У насъ только простая „хроника",—говорилъ онъ,—а намъ нужно бы „передовую" статью въ парижской газетѣ".

Эту передовую статью доставилъ ему арестъ и судъ надъ Эженомъ Шамаромъ. Г. Лелонгъ де-Рожерэ не сомнѣвался, что всегда можетъ быть на высотѣ данныхъ обстоятельствъ, но теперь обстоятельства поднялись до него. Знаменитый парижскій адвокатъ, въ свободное время занимавшій мѣсто соціалистическаго депутата, пріѣхалъ защищать обвиняемаго. Журналисты пожелали посѣтить его въ его камерѣ и такъ какъ на основаніи устава не были допущены, то обратились со своими разспросами къ директору. Г. Лелонгъ де-Рожерэ нѣсколько гордился тѣмъ, что ему приходится замѣнять собой такого важнаго преступника. Иллюстрированные журналы помѣстили виды тюрьмы и портреты: Шамара—бритаго, костляваго и г. де-Рожерэ — полнаго, съ красивою, сѣдоватою бородой, похожею на огромную вытиралку для перьевъ.

Въ приговорѣ Шамара опредѣлялось, что казнь будетъ совершена публично, на площади, въ Марнѣ. Въ первый разъ съ незапамятныхъ временъ, главному городу Сены и Іоны доводилось быть свидѣтелемъ смертной казни. На оффиціозный запросъ муниципалитетъ отвѣтилъ, что гильотина можетъ быть устроена на пустырѣ передъ самой тюрьмой. Такимъ образомъ, осужденный будетъ избавленъ отъ муки длиннаго пути къ смерти, и пять тысячъ человѣкъ будутъ имѣть возможность видѣть эту смерть. Въ ожиданіи этого событія принимались исключительныя мѣры: рѣшено было усилить составъ полиціи и разрѣшить кабатчикамъ устроить продажу питей на открытомъ воздухѣ, какъ въ день народнаго праздника. Но Шамаръ подалъ кассаціонную жалобу, которая была отвергнута лишь черезъ нѣсколько недѣль. Затѣмъ онъ подалъ прошеніе, о помилованіи, которое его адвокатъ долженъ былъ поддержать при личномъ свиданіи съ президентомъ республики. Потихоньку, а иногда

даже и громко, обыватели Марна высказывали пожеланія, чтобы эти хлопоты не увѣнчались успѣхомъ и не лишили ихъ единственнаго кроваваго зрѣлища, доступнаго странамъ, не знающимъ боя быковъ. Серьезные люди находили весьма важнымъ, чтобы восторжествовала справедливость, а винторговцы считали еще болѣе важнымъ, чтобы имъ предоставлено было хорошо поторговать въ теченіе одной ночи.

Волненіе возрастало и охватило весь городъ, за исключеніемъ наиболѣе заинтересованнаго лица. Запертый въ своей камерѣ, Шамаръ игралъ въ карты со сторожами, курилъ, выцарапывалъ кончикомъ ногтя на новыхъ стѣнахъ неприличныя надписи, ѣлъ, спалъ. Ужасная судьба, грозившая ему, не пугала его. Онъ зналъ, что жизнь штука тяжелая, а смерть легкая, когда она приходитъ быстро. Въ дѣтствѣ онъ былъ заброшеннымъ ребенкомъ, потомъ сталъ жалкимъ рабочимъ, потомъ безработнымъ, неувѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ; инстинктъ сохраненія жизни былъ ему извѣстенъ только во время мученій голода или неудовлетвореннаго полового чувства. Правильная и однообразная жизнь тюрьмы приводила его въ какое-то полусонное состояніе, въ которомъ замирали, какъ желанія, такъ и страсти. Въ сущности, для такого неудачника, какъ онъ, помѣщеніе было не особенно дурно; всѣ послѣдніе мѣсяцы у него не было постояннаго жилища; ему случалось занимать гораздо худшія и менѣе безопасныя комнаты. Пища была съѣдобная; ударъ ножа окончательно избавитъ его отъ нищеты и всякихъ несчастій. Такимъ образомъ, все хорошо устраивалось. День проходилъ за днемъ... Но вдругъ несмотря на свое видимое спокойствіе, Шамаръ измѣнился. Онъ не притрогивался къ горячимъ кушаньямъ, которыя ему передавали черезъ окошечко въ двери. Онъ жаловался на головную боль и на головокруженіе: осмотрѣли печь, отапливавшую его камеру, она оказалась въ полномъ порядкѣ. Въ одно прекрасное утро послѣ безпокойной ночи Шамаръ проснулся въ лихорадкѣ. Его знобило и трясло такъ, что зубы стучали, онъ былъ весь въ поту. Ему не хотѣлось вставать. Сторожъ пытался растолкать его, но онъ продолжалъ лежать. Такъ какъ до сихъ поръ онъ отличался образцовою покорностью, то сторожъ сразу понялъ, что онъ, дѣйствительно, боленъ и доложилъ объ этомъ директору. Г. Лелонгъ де-Рожерэ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и разбиралъ утреннюю почту. Онъ только что вскрылъ пакетъ съ казенною печатью и прочелъ, что просьба Шамара о помилованіи отвергнута, что въ Марнъ отправляютъ всѣ принадлежности казни, и что завтра палачъ пріѣдетъ, чтобы сговориться съ нимъ насчетъ необходимыхъ распоряженій. Мысль, что Шамаръ, наконецъ таки, умретъ, успо-

коила г. де-Рожерэ и онъ былъ непріятно удивленъ новѣстіемъ о его болѣзни. У него мелькнуло предчувствіе, которое онъ не рѣшился высказать.

— А, чортъ возьми, сейчасъ иду!

И, бросивъ всѣ дѣла, онъ побѣжалъ въ камеру анархиста. Тамъ онъ сталъ осматривать, разспрашивать его. Шамаръ отвѣчалъ мало и неясно. Онъ былъ слабъ, лицо его было красно и сухо, глаза блестѣли. Г. Лелонгъ де-Рожерэ взялъ его за руку и одной рукой щупалъ ему пульсъ, а другой досталъ изъ кармана золотые часы и ногтемъ открылъ ихъ крышку. Не говоря ни слова, онъ шестьдесятъ секундъ глядѣлъ на стрѣлку:

— 132... Проклятіе!

Онъ снова положилъ часы въ карманъ, и опустилъ на кровать эту большую мускулистую руку, теперь безсильную, но свершившую нѣсколько убійствъ.

Директоръ вернулся въ кабинетъ, сильно призадумавшимъ. Черезъ нѣсколько минутъ докторъ Шаржбефъ, тюремный врачъ, явился на свой обычный визитъ, который обыкновенно ограничивалъ полчасикомъ бесѣды съ г. Лелонгъ де-Рожерэ. Но въ это утро директоръ встрѣтилъ доктора съ большимъ волненіемъ, не предложилъ ему ни садиться, ни выкурить сигару. Онъ даже упрекнулъ его, что тотъ опоздалъ, и немедленно повелъ его къ Шамару. Больной все время дрожалъ въ лихорадочномъ жару. Докторъ, въ свою очередь, пощупалъ ему пульсъ, выслушалъ его; потомъ онъ послалъ за термометромъ и самъ поставилъ его больному. Десять минутъ прошли въ молчаніи. Затѣмъ докторъ вынулъ термометръ.

— Сорокъ и шесть десятыхъ,—проговорилъ онъ,—гмъ...

Онъ откинулъ одѣяло Шамара, поднялъ его рубашку до подбородка. Подъ волосами, покрывавшими его вздутый животъ, виднѣлись пятна, красноватые круги. Докторъ всюду щупалъ, трогалъ, выслушивалъ, мялъ, искалъ тѣ точки, при прикосновеніи къ которымъ больной глухо стоналъ.

— Ну, что—спросилъ г. де-Рожерэ сдавленнымъ голосомъ, когда они вышли въ корридоръ.

— Ну, что—повторилъ докторъ,—надо подождать. Перенесите его въ больницу, держите на діэтѣ, дайте ему граммъ хинны, раздѣленный на два пріема. Пускай ему три раза въ день измѣряютъ температуру. Я еще разъ заѣду вечеромъ.

Вечеромъ, когда Шаржбефъ, дѣйствительно, заѣхалъ, въ состояніи больного замѣтно было скорѣе ухудшеніе, чѣмъ улучшеніе. Докторъ отложилъ свой діагнозъ до слѣдующаго дня, а такъ какъ и на слѣдующій день продолжалось тоже неопредѣленное положеніе, то еще до слѣдующаго.

Всю ночь на Марнскомъ дебаркадерѣ было сильное движеніе, нескончаемый отливъ и приливъ любопытныхъ. Въ буфетѣ стояла постоянная толпа, и посѣтители выходили изъ него на набережную, собираясь главнымъ образомъ вокругъ рынка. Пріѣхалъ фургонъ съ гильотиной, и черезъ какой-нибудь часъ весь городъ, узнавъ объ этомъ, захотѣлъ видѣть орудіе казни.

Утренній поѣздъ привезъ парижскихъ журналистовъ, которыхъ легко было узнать по ихъ моноклямъ или черепаньимъ пенсне, по ихъ изящнымъ усамъ, ихъ кодакамъ, висѣвшимъ черезъ плечо, по ихъ свободнымъ манерамъ. Прежде чѣмъ давать описаніе завтрашней казни, они хотѣли изучить обстановку той мѣстности, гдѣ будетъ разъигрываться ихъ „хроника". Днемъ они ходили по церквамъ, а вечеромъ по разнымъ вертепамъ улицы Пюи-де-Домъ. Палачъ долженъ былъ пріѣхать лишь въ сумерки, словно какая-то ночная птица. Въ городѣ было весело, точно наканунѣ праздника.

Послѣ нѣсколькихъ посѣщеній, докторъ Шаржбефъ, еще разъ осмотрѣвъ Шамара, могъ наконецъ поставить свой діагнозъ.

— Ну, что же?—снова спросилъ директоръ.

— Ну,—отвѣчалъ онъ,—я такъ сразу и думалъ; мнѣ не хотѣлось тогда же высказать свое мнѣніе, но я не сомнѣвался съ самаго перваго дня.

— Что же такое?—прервалъ г. Лелонгъ де-Рожерэ.

— Тифъ,—проговорилъ докторъ,—и очень тяжелая форма.

Онъ взялъ директора за обѣ руки.

— Другъ мой, я не ручаюсь за его жизнь.

Г. Лелонгъ де-Рожерэ поблѣднѣлъ и пробормоталъ:

— Такъ значитъ... завтра?

— Что вы, какъ можно!—вскричалъ Шаржебефъ.—Устраивайте, какъ хотите, телеграфируйте, но этотъ человѣкъ не можетъ стоять на ногахъ. Онъ не умретъ живымъ.

Эти слова поразили директора. Какъ человѣкъ, которому необходимо въ уединеніи обдумать свое положеніе, онъ сдѣлалъ знакъ доктору, чтобы тотъ удалился.

— Хорошо,—проговорилъ онъ,—я подумаю, я приму необходимыя мѣры.

Онъ вернулся въ кабинетъ и бросился въ кресло, гдѣ просидѣлъ нѣсколько минутъ неподвижно.

Затѣмъ онъ вдругъ вскочилъ, подбѣжалъ къ своей библіотекѣ, схватилъ большую книгу, поспѣшно открылъ ее и принялся съ жадностью перелистывать: онъ слюнилъ палецъ, быстро перевертывалъ страницы, водилъ указательнымъ перстомъ по столбцамъ. Дойдя до конца, онъ закрылъ

книгу и бросилъ ее на столъ: уставъ не говорилъ ни слова.

Что дѣлать?

Онъ еще нѣсколько минутъ просидѣлъ неподвижно.

Потомъ, какъ будто его подтолкнула какая-то пружина, схватилъ листъ бумаги, перо, что-то быстро написалъ и позвонилъ мальчика.

— Какъ можно скорѣй эту телеграмму на телеграфъ!

Онъ ждалъ пять часовъ отвѣта. Наконецъ отвѣтъ пришелъ.

Ему сообщали, что казнь отложена, что палачу дано знать. Извѣстіе изъ министерства успокоило и обрадовало его: онъ заснулъ на своемъ зеленомъ триповомъ диванѣ.

Ночью г. Лелонгъ де-Рожерэ слышалъ изъ своей комнаты, какъ толпа собиралась на пустырь передъ тюрьмой, ожидая, когда начнутъ ставить гильотину. Люди приходили небольшими группами, и ихъ шаги отдавались глухимъ шумомъ по твердой почвѣ. Съ каждой минутой ропотъ голосовъ становился громче и прерывался взрывами криковъ, восклицаній и свистковъ. Вдругъ, среди толпы пронесся возгласъ разочарованія, и она разошлась съ пѣснями и смѣхомъ. Вѣроятно, какой-нибудь полицейскій объявилъ, что казнь отложена. Г. Лелонгъ де-Рожерэ снова заснулъ.

На слѣдующее утро „Эхо Сены и Іоны“ сообщило изъ „достовѣрнаго источника“, что церемонія произойдетъ на слѣдующій день. Но послѣ второй ночи напрасныхъ ожиданій журналисты пошли наводить справки. Привратникъ тюрьмы отвѣчалъ, какъ ему было приказано, точно повторялъ заученный урокъ,—что день казни еще не назначенъ. Его жена разсказала на базарѣ, что Шамаръ боленъ и, вѣроятно, умретъ непостыдно, какъ христіанинъ. На слѣдующее утро эта новость появилась съ надлежащими комментаріями и въ парижскихъ и въ мѣстныхъ газетахъ. „Эхо Сены и Іоны“ помѣстило обличительную статью, утверждая, что мнимая болѣзнь Шамара, ни болѣе ни менѣе, какъ заговоръ; преступникъ бѣжалъ; когда исчезла всякая надежда найти его, это бѣгство рѣшено скрыть, чтобы спасти, кого слѣдуетъ, отъ отвѣтственности.

Чтеніе этой статьи привело г. Лелонгъ де-Рожерэ въ отчаяніе. „Дѣло“, у него оказывается есть „дѣло“, у него, такого образцоваго чиновника! Онъ послалъ въ редакцію формальное опроверженіе. Оно было напечатано, но съ присоединеніемъ слѣдующихъ строкъ: „Несмотря на помѣщенное выше опроверженіе заинтересованнаго лица, мы считаемъ, что можемъ поддерживать во всей полнотѣ сообщенное нами

вчера извѣстіе до тѣхъ поръ, пока гильотина, принужденная молчать, не скажетъ своего послѣдняго слова". Страхъ г. Лелонга усилился; онъ послалъ за докторомъ Шаржбефомъ и, сунувъ ему газету вскричалъ:

— Спасите его, докторъ, спасите его!

Докторъ, человѣкъ добродушный, надѣлъ пенснэ, чтобы прочесть строки, которыя ему указывали, и проговорилъ:

— Я радъ его спасти, но что ему отъ этого за польза!

— Молчите, несчастный!—возразилъ г. Лелонгъ де-Рожерэ.—Подумайте, что вы говорите! Во имя гуманности... во имя науки... и потомъ, каково же мнѣ-то будетъ?

Докторъ успокоилъ его, улыбаясь, и пошелъ провѣдать Шамара, котораго онъ по прежнему нашелъ въ плохомъ положеніи.

Между тѣмъ упорная болѣзнь знаменитаго преступника заинтересовала Парижъ. „День", большая ежедневная газета напечатала на первой страницѣ крикливую статью въ три столбца, подъ заглавіемъ „Сухая гильотина" и съ цѣлымъ рядомъ подзаголовковъ: „Возобновленіе пытки", „Убійственныя тюрьмы", „Тифозная горячка въ мѣстахъ заключенія", „Ловкое уничтоженіе осужденныхъ". Статья была иллюстрирована двумя картинками: на одной изображались зданія Марнской тюрьмы, на другой—маленькія черныя пятнышки въ бѣломъ кружечкѣ—бациллы тифозной горячки. Статья выражала недовѣріе ко всѣмъ членамъ тюремной администраціи въ цѣломъ и въ частностяхъ, выхваляла употребленіе фильтра *** для предотвращенія тифозной горячки и съ особеннымъ жаромъ обличала тюремныхъ врачей, „пользующихся своими доходными мѣстами чтобы подвергать осужденныхъ опытамъ, которые можно безъ преувеличенія назвать вскрытіемъ трупа „безъ предупрежденія" какъ сказалъ бы нашъ незабвенный Альфонсъ Карръ".

На этотъ разъ докторъ Шаржбефъ вбѣжалъ въ кабинетъ директора, восклицая:

— Мы его спасемъ, чортъ подери! Мы его спасемъ.—Онъ не умретъ здѣсь!—прибавилъ докторъ, ударивъ кулакомъ по столу.

Статья „Дня" надѣлала шуму: журналисты пріѣзжали интервьюировать г. Лелонга де Рожерэ. Несмотря на свою тревогу, онъ чувствовалъ въ глубинѣ души удовольствіе; въ былое время онъ самъ многихъ интервьюировалъ, и ему было пріятно, что теперь къ нему являются интервьюверы.

Онъ вспоминалъ свои визиты къ Ренану, къ генералу Буланже, къ Патти, и старался держаться, какъ они; онъ дѣлалъ видъ, что относится къ дѣлу вполны объективно. Онъ водилъ репортеровъ по тюрьмѣ съ грустнымъ видомъ

но съ полною предупредительностью, точно какой-нибудь управляющій гостиницы, все имъ объяснялъ, толковалъ, хвалилъ гигіеничное устройство стѣнъ, чистоту половъ, превосходство вентиляторовъ, совершенство выгребныхъ ямъ: онъ самъ дергалъ цѣпочки висѣвшія по стѣнамъ, и черезъ фарфоровыя трубы лились цѣлые потоки. Когда у него въ концѣ концовъ спрашивали, какъ же онъ себѣ объясняетъ что болѣзнь все таки проникла сквозь эту броню профилактическихъ средствъ и предохранительныхъ мѣръ, онъ только разводилъ свои большія руки, и слегка склонялъ спину выражая своей позой безпомощность, и какъ будто говоря:— Совершенно непонятно! Такія вещи только со мною и случаются.

Длительная болѣзнь заключеннаго давала пищу полемикѣ. Марселинъ написала хронику преисполненную негодованія. „Общество покровительства человѣческой личности" взволновалось, и одинъ изъ его членовъ, депутатъ большинства, извѣстилъ президента совѣта министровъ и министра внутреннихъ дѣлъ, что будетъ имѣть честь представить ему запросъ о тѣхъ мѣрахъ, какія должны быть приняты для улучшенія санитарнаго состоянія мѣстъ заключенія.

Запросъ!—Это было послѣднимъ ударомъ для г. Лелонгъ де-Рожерэ. Онъ чувствовалъ себя такимъ же осужденнымъ и такимъ же больнымъ какъ Шамаръ. Министръ внутреннихъ дѣлъ командировалъ инспектора въ Марнскую тюрьму. Г. де-Рожерэ водилъ его по тюрьмѣ съ тревожной услужливостью, съ ощущеніемъ тонущаго пловца. Инспекторъ захотѣлъ лично осмотрѣть Шамара: это во всякомъ случаѣ дастъ ему тему для разговоровъ въ курильныхъ комнатахъ.

— Видите, г. инспекторъ, видите,—говорилъ г. Лелонгъ де-Рожерэ, у постели умирающаго,—это у насъ единственный тифозный, даже, можно сказать, единственный больной. Такимъ образомъ, тутъ нѣтъ и слѣда эпидеміи: ничто не указываетъ на какой либо недостатокъ, результатъ котораго— я позволяю себѣ обратить ваше вниманіе на этотъ пунктъ— былъ бы неизбѣжно распространеннымъ, до нѣкоторой степени общимъ...

Чиновникъ уѣхалъ, сохраняя видъ таинственный и властный, что показалось г. де Рожерэ весьма дурнымъ знакомъ. Изъ тюрьмы инспекторъ отправился въ префектуру, гдѣ лѣса и работающіе каменщики еще напоминали о покушеніи Шамара. Ему было поручено снабдить министра всѣми данными для отвѣта на предположенный запросъ, и потому онъ долженъ былъ узнать у префекта, какъ относится къ этому населеніе Марна. Здоровье Шамара продол-

жало занимать умы обывателей. Они такъ страстно желали выздоровленія анархиста, будто этотъ человѣкъ, недавно считавшійся позоромъ для общества, сталъ его фетишемъ. Та идея, что справедливость должна получить удовлетвореніе, набрасывала красивый покровъ на низкое желаніе увидѣть, какъ двѣ струи крови текутъ изъ перерѣзаннаго горла. Прекрасныя идеи, какъ и прекрасные цвѣты выростаютъ изъ навоза. Такимъ образомъ, заключалъ префектъ, естественная смерть Эжена Шамара приведетъ въ негодованіе обывателей Марна, и, вслѣдствіе этого, будущіе выборы будутъ во всемъ департаментѣ Сены и Іоны неблагопріятны правительству.

Послѣ этого министръ былъ готовъ отвѣтить на запросъ. Онъ приглашалъ г. Лелонга де-Рожерэ и доктора Шаржбефа удвоить заботы о больномъ; во что бы то ни стало, онъ долженъ выздоровѣть, министерство не отступитъ ни передъ какой жертвой. Онъ требовалъ, чтобы ему каждый день присылали бюллетени, какъ будто дѣло шло объ одномъ изъ товарищей по совѣту министровъ. Докторъ Шаржбефъ немедленно отвѣтилъ, что Шамаръ едва ли не выздоровѣетъ, но что въ самомъ благопріятномъ случаѣ, если не явится никакого осложненія, выздоровленіе будетъ очень продолжительное. Въ виду этого тюремное управленіе отослало обратно въ Парижъ гильотину, которая много дней оставалась въ Марнѣ, на товарной станціи, продолжая вызывать общее любопытство, но рискуя заржавѣть.

Отправка орудія казни оживила полемику; „Эхо Сены и Іоны“ торжествовало: бѣгство осужденнаго подтверждалось самымъ блестящимъ образомъ. Министръ захотѣлъ сгладить впечатлѣніе, вызванное этой мѣрой. Чтобы доказать обществу что Шамаръ еще живъ, и находится въ Марнской тюрьмѣ онъ послалъ къ нему на консиліумъ трехъ знаменитыхъ врачей, членовъ медицинской академіи. Эти господа не постановили рѣшительнаго приговора, но отнеслись съ безусловнымъ одобреніемъ, даже съ похвалой, къ системѣ лѣченія, примѣняемой докторомъ Шаржбефомъ. „Эхо Сены и Іоны“ подняло на смѣхъ то, что оно называло: „Комедію отправленія на тотъ свѣтъ“. Не зная что дѣлать, министерство черезъ посредство агентства Гаваса, объяснило, что гильотину пришлось увезти изъ Марна, такъ какъ ей предстояла работа въ другомъ мѣстѣ; и, чтобы оправдать этотъ предлогъ, на югѣ казнили какого-то обыкновеннаго уголовнаго преступника, помилованіе котораго было уже почти рѣшено. Послѣ этого всетаки пришлось отослать гильотину въ Марнъ, гдѣ ее встрѣтили съ такимъ восторгомъ, точно это былъ Троянскій конь.

Между тѣмъ, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, Шамару стало лучше.

Ванны, обливанья, обтиранья, вспрыскиванья, уколы, обжиганья, прижиганья, ледъ, холодъ, тепло, желѣзо и ядъ, однимъ словомъ, всѣ средства терапіи и всѣ лѣкарства фармакопеи были выдвинуты на борьбу съ болѣзнью. Изъ Парижа пріѣхалъ самъ профессоръ Вигье, чтобы сдѣлать опытъ со своей анти-тифозной сывороткой, вызывавшей оживленные споры въ академіяхъ и другихъ ученыхъ обществахъ. Онъ придавалъ громадное значеніе жизни и смерти Шамара: какая счастливая находка—имѣть возможность сдѣлать вскрытіе своего паціента сразу послѣ полнаго его выздоровленія! Никогда въ клиникѣ не представится такой счастливый случай при началѣ лѣченья новымъ средствомъ. Да, это была правда, Шамаръ выздоравливалъ. Жаръ его ослабѣвалъ, язвы кишекъ затягивались. Онъ начиналъ проглатывать нѣсколько капель молока, бульона, ложечку минеральной воды. Вокругъ него снова зарождалась радость. Г. Лелонгъ де-Рожерэ и докторъ Шоржбефъ, встрѣчаясь, обмѣнивались улыбками и крѣпкими рукопожатіями. Паденіе температуры больного успокаивало лихорадку цѣлой массы людей.

Самъ онъ ощущалъ необыкновенное благосостояніе. Онъ какъ бы просыпался послѣ безконечно долгаго сна и не помнилъ, что съ нимъ было, прежде чѣмъ онъ заснулъ. Онъ чувствовалъ, какъ послѣ долгаго оцѣпенѣнія въ его истощенномъ тѣлѣ просыпается жизнь. Вздохнуть полною грудью, выпить глотокъ молока, съ большимъ усиліемъ подвинуть руку или ногу, все это доставляло ему странное, глубокое удовольствіе, которое удивляло, забавляло его, но которымъ онъ вполнѣ наслаждался. Съ каждымъ днемъ эти удовольствія повторялись чаще, чувствовались живѣе; у него было какъ бы новое тѣло, которому не надоѣло животное наслажденіе жизнью; все было ему пріятно, все хорошо. Онъ очень полюбилъ молоко, свѣжее, густое молоко, бѣлизна котораго, такъ же какъ бѣлизна простынь, успокоительно дѣйствовала на зрѣніе; у него такой сладкій и пріятный запахъ, оно ласкаетъ ротъ, точно теплый бархатъ, и превращается въ хорошую, красную кровь, живую, питательную. Чуть замѣтное щекотанье бѣгало по всему его тѣлу, какъ будто источникъ жизни снова началъ течь послѣ долгой пріостановки. Часто, утомившись внутреннимъ наблюденіемъ собственнаго выздоровленія, Шамаръ открывалъ глаза и, лежа неподвижно, осматривался кругомъ. Тюремная больница, помѣщенная въ отдѣльномъ флигелѣ, какъ того требуетъ гигіена, представляла очень пріятный видъ. Окна, хотя съ рѣшетками, были высокія, широкія, съ прозрачными стеклами. Сквозь

нихъ видѣлся большой кусокъ голубого неба и вершина холма, то ясно обрисованная, то закутанная туманомъ, то зеленая, то сѣрая, смотря по погодѣ и по времени дня. Свѣтлая окраска стѣнъ увеличивала свѣтъ комнаты; кровать не походила на узенькія кровати камеръ, она была бѣлая, широкая, съ мягкою, упругою постелью. Около нея стоялъ ночной столикъ, стулъ, лежалъ коврикъ, точно у богатыхъ людей. Если бы Шамаръ былъ одинъ въ этомъ длинномъ дортуарѣ, огромномъ, какъ галлерея дворца, онъ, пожалуй, соскучился бы; теперь, напротивъ, именно потому, что онъ былъ единственный больной, его окружали постоянными заботами, которыя развлекали его. Служащіе въ больницѣ, монахиня и фельдшеръ, все время были при немъ; они наблюдали всѣ его движенія, угадывали его желанія, предупреждали ихъ. Когда фельдшеръ приподнималъ его, онъ съ какимъ-то сладострастіемъ чувствовалъ свое тяжелое тѣло въ этихъ сильныхъ и осторожныхъ рукахъ. Но онъ особенно любилъ, когда его укладывала сестрица, сестра милосердія въ свѣтлоголубомъ платьѣ, еще молодая, съ розовенькимъ личикомъ, обрамленнымъ бѣлымъ чепцомъ. Она наклоняла надъ нимъ свой стройный станъ, свою дѣвственную грудь и говорила сдавленнымъ голосомъ. Это было какое-то цѣломудренное видѣніе, съ одной стороны, внушавшее ему почтеніе, съ другой—своею прелестью возбуждавшее въ этомъ обновленномъ тѣлѣ безсознательное и сильное волненіе, подобное тому, какое является при наступленіи половой зрѣлости.

Мало по малу память возвращалась къ нему. Доктора долго боялись за разсудокъ Шамара. Во время критическаго періода болѣзни, долгое забытье очистило его душу. Подобно тому, какъ прорвавшійся нарывъ извергаетъ цѣлый потокъ гноя, такъ и онъ извергъ всю грязь своей распутной жизни, весь ядъ своей преступной злобы въ отвратительныхъ крикахъ, въ мерзкихъ словахъ, безстыдство которыхъ заставляло фельдшера прыскать со смѣха и наводило ужасъ на сестру. Потомъ онъ нѣсколько дней подъ рядъ не говорилъ ни слова. Лишь рѣдкіе стоны показывали, что сознаніе не вполнѣ оставило его. Но мало по малу туманъ, заволакивавшій его мозгъ, началъ какъ бы проясняться; онъ сталъ понимать, что ему говорятъ, и самъ началъ произносить отдѣльныя слова. Онъ какъ будто снова учился говорить, говорилъ не твердо, не правильно, наивно, какъ ребенокъ, но дѣлалъ болѣе быстрые успѣхи, чѣмъ обыкновенныя маленькія дѣти. Онъ составлялъ фразы короткія, ребяческія, подъискивалъ слова, повторялъ ихъ, узнавалъ ихъ, когда кто-нибудь произносилъ ихъ при немъ, спрашивалъ

тѣ названія предметовъ, которыя позабылъ. Съ каждымъ днемъ ему все больше и больше нравилось говорить, точно это была какая-то очень старая и въ то же время новая игра. Тогда монахиня по цѣлымъ часамъ сидѣла около его постели; она вязала, шила, вышивала и разсказывала Шамару разныя разности. Она говорила ему, какъ живутъ въ монастырѣ, какъ правильно распредѣлены молитвы и работы, какъ ведется хозяйство, какъ обрабатывается садъ, какъ монахини посѣщаютъ бѣдныхъ; въ этомъ искусственномъ существованіи, внѣ брака, вдали отъ свѣта и борьбы, не было мѣста ни для тревогъ, ни для зла. Лежа въ своихъ бѣлыхъ простыняхъ, пользуясь заботливымъ уходомъ, Шамаръ сравнивалъ свою судьбу съ судьбою добрыхъ сестеръ. Ему казалось, что онъ очень похожъ на нихъ, что онъ преисполненъ тѣмъ спокойнымъ блаженствомъ, которое называютъ святостью. Онъ едва помнилъ свою прежнюю жизнь, тяжелую, злую; она была отдѣлена отъ него большою пропастью безъ моста, и онъ не видѣлъ противоположнаго берега этой пропасти.

Въ немъ ничего не осталось отъ прежняго человѣка: послѣ того, какъ онъ испыталъ на себѣ заботы другихъ, какъ онъ видѣлъ вокругъ себя свѣтъ, разливаемый самоотверженіемъ, онъ самъ почувствовалъ себя кроткимъ, любящимъ, благодарнымъ; добрыя, великодушныя чувства очищали его сердце, подобно тому, какъ свѣжій воздухъ очищаетъ и расширяетъ легкія, по выходѣ изъ какой-нибудь клоаки. Болѣзнь переродила его; выздоровленіе являлось для него воскресеніемъ къ новой жизни, къ жизни незапятнанной.

Когда монахинѣ приходилось оставлять его, чтобы идти въ церковь или въ кухню, она давала ему для развлеченія читать книги. Это были небольшіе разсказы, одобренные святѣйшими отцами епископами, архіепископами и кардиналами, которые подписали на заглавномъ листѣ свое имя и поставили крестъ. Назывались они: „Истинная жизнь“, „Отъ земли до неба“, „Гаспаръ или блудный сынъ“, „Помни“ и проч.; въ нихъ не было ни поученій, ни прямо высказанныхъ нравственныхъ правилъ. Но въ нихъ постоянно изображалось, какъ совершенно просто, при стеченіи самыхъ обычныхъ и естественныхъ обстоятельствъ, порокъ былъ всегда наказанъ или исправленъ, добродѣтель награждена чистымъ и скромнымъ счастьемъ. Прочитавъ такую ханжескую брошюру, Шамаръ чувствовалъ себя спокойнымъ и просвѣтленнымъ: онъ рѣшался поступать хорошо, разъ это такъ легко и такъ выгодно. Во время болѣзни онъ забылъ, что былъ осужденъ. Онъ это вспомнилъ безъ

большого безпокойства и не тревожился этимъ. Въ книжкахъ доброй сестрицы онъ прочелъ исторіи многихъ осужденныхъ, которые вернулись къ религіи и устроили себѣ честную и въ сущности очень пріятную жизнь. Провидѣніе не оставитъ его. Каторга и галеры не существуютъ болѣе. Значитъ, онъ уйдетъ куда-нибудь далеко, въ Кайенну или въ Новую Каледонію, лучше въ Новую Каледонію, гдѣ климатъ здоровѣе. Тамъ онъ будетъ обрабатывать землю. Впрочемъ, онъ не будетъ простой ссыльный, какъ другіе: анархизмъ—вѣдь это политика, а политика—анархизмъ; ему будутъ оказывать особое уваженіе, съ нимъ будутъ обращаться лучше, чѣмъ съ прочими. Благодаря своему примѣрному поведенію, онъ скоро пріобрѣтетъ нѣкоторую независимость и собственное поле, которое станетъ обрабатывать. Работа подъ открытымъ небомъ даетъ миръ и покой. Онъ будетъ вести себя благоразумно. Чтобы не спать одному, что снова начинало мучить его, онъ женится на какой-нибудь ссыльной и положитъ начало цѣлому поколѣнію колонистовъ, людей свободныхъ: съ какой стати уничтожать настоящее общество, когда всякій человѣкъ носитъ въ себѣ сѣмя общества будущаго?

Эти мысли утѣшали Шамара еще больше, чѣмъ солнце, лучи котораго, проникая въ окно, рисовали на свѣтлой стѣнѣ черную тѣнь рѣшетки: охваченный пріятною лѣнью, онъ забывалъ весь свѣтъ. Но свѣтъ не забывалъ его. Г. Лелонгъ (де-Рожера) и докторъ Шаржбефъ съ любовью слѣдили за его выздоровленіемъ. Мало-по-малу директоръ смягчилъ въ отношеніи къ нему свою административную суровость. Онъ ласково разговаривалъ съ нимъ, распрашивалъ, хорошо ли онъ пообѣдалъ, есть ли у него аппетитъ, хорошо ли варитъ его желудокъ, спокойно ли онъ спитъ. Онъ называлъ его: „мой другъ". Это вниманіе трогало больного: положительно между нимъ и обществомъ возстановился миръ. Выходя изъ лазарета, директоръ и докторъ всякій разъ все болѣе и болѣе радовались тому, что опасность рецидива уменьшается. Между тѣмъ министерство, пресса, общественное мнѣніе волновались, находя, что дѣло слишкомъ затянулось: болѣзнь осужденнаго продолжалась непозволительно долго. Снова пошли слухи о бѣгствѣ, которому болѣе или менѣе покровительствовало начальство, изъ страха передъ местью анархистовъ, и имъ вѣрили. Въ палату поступила новая петиція о запросѣ. Прежде чѣмъ назначить срокъ преній по этому вопросу, министерство запросило доктора Шаржбефа, когда больному можно будетъ выйти изъ лазарета. Докторъ отвѣтилъ вполнѣ безпристрастнымъ отчетомъ и въ заключеніе заявилъ, что по

совѣсти запрещаетъ больному на неопредѣленный срокъ „выходъ, который можетъ быть для него гибельнымъ“.

Подкрѣпившись этимъ свидѣтельствомъ, министръ весьма краснорѣчиво объяснилъ палатѣ, что болѣзнь укрываетъ больного отъ дѣйствія правосудія; это,—сказалъ онъ,—есть патологическая привилегія. Въ свою рѣчь онъ вставилъ нѣсколько красивыхъ фразъ, сравнивая современныя больницы съ церквами, которыя въ былыя времена давали неприкосновенное убѣжище. Вся палата разразилась рукоплесканіями при этомъ сравненіи: правая привѣтствовала его, какъ знакъ почтенія правительства къ церкви; лѣвая, напротивъ, находила, что онъ кстати противопоставилъ свѣтское учрежденіе обычаю, запятнанному клерикализмомъ. Когда ораторъ вернулся на мѣсто, товарищи встрѣтили его поздравленіями. Рѣчь его рѣшено было напечатать и публично выставить.

Однако, черезъ нѣсколько дней Шамаръ былъ въ состояніи вставать. Онъ сначала прошелся немного по комнатѣ; сестра и фельдшеръ поддерживали его, ноги его ослабѣли и казались ему пустыми. Потомъ, мало-по-малу, какъ онъ выучился говорить, такъ онъ сталъ учиться и ходить одинъ. Онъ съ каждымъ днемъ проводилъ все больше и больше времени на ногахъ. Наконецъ, насталъ часъ, когда онъ, окончательно выздоровѣвъ, вышелъ изъ лазарета и вернулся въ свою камеру. Стѣны ея показались ему болѣе тѣсными, окна болѣе узкими, постель болѣе жесткою, полъ болѣе холоднымъ, чѣмъ прежде. День тянулся длинный и ничѣмъ не занятый. А между тѣмъ Шамаръ не очень скучалъ; въ сущности, самая скука занимала его. За неимѣніемъ достаточнаго пространства для ходьбы, онъ копался въ собственной, обновленной душѣ: въ здоровой, свѣтлой душѣ, открытой для добрыхъ, довѣрчивыхъ, радостныхъ чувствъ; онъ разсматривалъ ее со всѣхъ сторонъ, какъ осматриваютъ собственный, вновь пріобрѣтенный домъ, который собираются меблировать по собственному вкусу. Да, огонь горячки, лѣкарства, тишина выздоровленія—все это очистило, омыло, выполоскало, передѣлало Шамара заново. Его ненависть, его стремленіе къ насилію исчезли; въ прежнее время, когда жизнь не давала ему ничего кромѣ бѣдствій, онъ презиралъ жизнь и свою, и чужую. Теперь, когда онъ почувствовалъ въ жилахъ, въ костяхъ, во всемъ тѣлѣ сладкій и могучій призывъ къ жизни, онъ полюбилъ жизнь. Теперь, когда нѣжная заботливость окружающихъ показала ему, что такое благополучіе, ему стало казаться, что единственное желательное, единственное возможное существованіе для человѣка—это

существованіе честнаго труженика. Несомнѣнно, онъ переродился. Корабль увезетъ его далеко, далеко, въ другой свѣтъ, и тамъ начнется для него настоящая жизнь, жизнь хорошаго работника, жизнь честнаго человѣка. И Шамаръ не лгалъ самъ передъ собой; даже исповѣдникъ-гипнотизеръ не нашелъ бы въ немъ никакого дурного инстинкта. Онъ уснулъ счастливый, крѣпкимъ сномъ.

Шумъ ключей разбудилъ его. Въ ночной темнотѣ окно его камеры уже вырисовывалось бѣловатымъ пятномъ. Заключенный быстро вскочилъ и сѣлъ на постели: свѣтъ фонаря упалъ на полъ. Дверь открылась; вошли нѣсколько человѣкъ. Шамаръ узналъ сторожа, бороду директора, сутану священника, и увидѣлъ еще одного господина, который держалъ въ рукахъ высокую шляпу, блестѣвшую при свѣтѣ фонаря. Шамаръ выпрямился, опираясь на лѣвую руку, а правымъ кулакомъ теръ себѣ глаза, спрашивая:

— Что? что? что тамъ такое?

Тогда господинъ съ высокой шляпой отдѣлился отъ прочихъ, подошелъ и проговорилъ твердымъ голосомъ:

— Шамаръ, на вашу просьбу о помилованіи послѣдовалъ отказъ; часъ возмездія наступилъ, будьте мужественны!

Осужденный стащилъ простыню, соскочилъ съ кровати и сѣлъ на край матраца, спустивъ ноги; рубашка его разстегнулась, онъ смотрѣлъ расширенными и остановившимися глазами. Какъ человѣкъ еще не вполнѣ проснувшійся, онъ съ минуту молчалъ, машинально почесывая свои волосатыя ноги. Потомъ онъ произнесъ хриплымъ голосомъ только одно слово, не то крикъ, не то шопотъ:

— Подлецы!

Такъ какъ онъ продолжалъ сидѣть неподвижно, то директоръ попросилъ его одѣться, одѣться поскорѣй. Шамаръ всунулъ ноги въ панталоны:

— Подлецы! подлецы! —повторялъ онъ. — Такъ вотъ для чего вы меня лѣчили! Вы не могли дать мнѣ спокойно околѣть на постели, какъ какому-нибудь буржуа. Какъ можно! То для васъ. А меня надо убить. Вы меня откармливали на убой!

Онъ натянулъ куртку сильнымъ движеніемъ плечъ. Г. Лелонгъ де-Рожерэ прервалъ его и спросилъ рѣшительнымъ, но сострадательнымъ тономъ, нѣтъ ли у него какого-нибудь послѣдняго желанія, не хочетъ ли онъ получить утѣшеніе религіи и выпить стаканчикъ рома. Но Шамаръ, не отвѣчая ему, продолжалъ свой монологъ.

— Экая бѣда! И что я былъ за... какъ я могъ повѣрить ихъ добротѣ, ихъ состраданію! Эхъ, эхъ, эхъ!

Помощникъ палача отрѣзалъ воротникъ у его рубашки.

— Такъ, такъ,—сказалъ онъ,— открывайте мнѣ шею. Теперь мнѣ можно простудиться; на это никто не обращаетъ вниманіе, все равно я буду лежать въ ямѣ.

Ему завязали руки за спиной. Онъ обратился къ тюремному священнику, который показывалъ ему распятіе, и заговорилъ съ нимъ:

— Ну, вы, батька, спрячьте-ка это; вы опоздали съ вашими фигурами да съ красивыми фразами. Честное слово, вчера вы могли заставить меня повѣрить всему, чему хотѣли. Обо мнѣ заботились, меня вылѣчили, за мной ухаживали, какъ за маленькимъ ребенкомъ, за мной, бездѣльникомъ анархистомъ. Если бы со мной всегда хорошо обращались, у меня не было бы и охоты все взрывать... Я чувствовалъ, что сталъ добрымъ, что готовъ на всякія добродѣтели. У меня сдѣлалось совсѣмъ новое сердце, совсѣмъ бѣлая душа. Ваша сестрица начала переворачивать мнѣ все нутро; она давала мнѣ читать книги съ божественнымъ. Вотъ когда вамъ надо было придти съ вашимъ картоннымъ Богомъ. Я бы все принялъ. Сегодня я не такъ глупъ.

Разсуждая такимъ образомъ, Шамаръ позволялъ помощникамъ одѣвать и вести себя. Его толкали, онъ шелъ. Маленькая процессія дошла до воротъ тюрьмы; одна створка открылась. Послышались шумные крики толпы. Въ туманныхъ, предразсвѣтныхъ сумеркахъ площадь казалась черною отъ кишѣвшаго на ней народа. Посрединѣ ея, на мглистомъ небѣ вырисовывался силуэтъ эшафота, съ его столбами и съ висѣвшимъ наискось клинкомъ.

Шамаръ безстрашно шелъ впередъ и продолжалъ говорить:

— Передъ смертью никто не лжетъ. Да и къ чему? Ну, что же, это правда, я былъ преступникъ, какъ вы называете, злодѣй, но клянусь вамъ, можете мнѣ повѣрить, я сдѣлался добрымъ малымъ, совсѣмъ безвреднымъ. Во время болѣзни я забылъ всю свою жизнь; я родился во второй разъ, я все равно, что уже былъ мертвымъ. Бѣлыя простыни, хорошее вино, сестричка, бифштексы такъ за мной ухаживали, это меня совсѣмъ передѣлало. Я самъ себя не узнавалъ; я былъ точно другой человѣкъ въ той же кожѣ. Развѣ вы думаете, что васъ ненавидятъ, обкрадываютъ и убиваютъ ради собственнаго удовольствія? Неужели вы не знаете, что это дѣлается оттого, что у человѣка голодное брюхо и горе на сердцѣ? Вы заводите тюрьмы, каторжныя работы, гильотину, потому что вы боитесь. Справедливость! Какъ бы не такъ! Кабы вы были добры да справедливы, вы бы не убивали, а лѣчили людей. Ну, вотъ меня вылѣчили, говорю вамъ. И сегодня не я подлецъ, а вы! Не я звѣрь, а вы! Не я убійца,

а вы, вы, вы убійцы! и трусы! Хорошо, что вы меня убиваете, когда я попалъ къ вамъ въ руки, потому что теперь я васъ узналъ, и я бы убилъ васъ, всѣхъ бы убилъ...

Шамаръ вошелъ на ступеньки эшафота. Его крѣпко привязали къ доскѣ, которая качнулась. Когда голова его уже лежала въ отверстіи гильотины, онъ нашелъ силы крикнуть еще разъ:

— Вы убиваете честнаго человѣка!

И онъ былъ правъ.

Въ маленькомъ городкѣ.

Кнута Гамсуна.

(Переводъ **А. Н. Анненской**).

Когда не идетъ слишкомъ сильный дождь, тогда цѣлую недѣлю съ утра до ночи раздаются съ корабельной верфи громкіе, звучные удары молотковъ по заклепкамъ и гвоздямъ. Это единственный звукъ, который слышенъ во всемъ городѣ и въ каждомъ домѣ.

Нашъ городъ маленькое мирное мѣстечко, спокойно консервативное гнѣздышко съ семьями капитановъ, съ водочнымъ заводомъ и съ церковью. Ночнымъ сторожамъ здѣсь мало работы. О дракахъ или нарушеніяхъ ночной тишины здѣсь такъ рѣдко говорятъ, что всѣ пріѣзжіе даже удивляются. Если какой-нибудь матросъ или путешествующій подмастерье до того развеселится, что вечеромъ затянетъ пѣсенку или произнесетъ бранное слово, то такъ и кажется будто городская тишина сдавливаетъ его голосъ. И городскіе сторожа спокойно проходятъ мимо, даже не поворачивая головы, такъ какъ это вовсе не нужно.

Ночью весь городъ спитъ; никто не страдаетъ безсонницей, никто не кутитъ. Вечеромъ сторожа встрѣчаются на макрельномъ рынкѣ. Съ этого пункта они начинаютъ свой обходъ. Они здороваются, нѣсколько минутъ ходятъ вмѣстѣ взадъ и впередъ, садятся отдохнуть, засыпаютъ, немножко курятъ, опять ходятъ взадъ и впередъ и такъ проводятъ всю ночь. Они знаютъ каждаго человѣка, живущаго въ городѣ, и каждый человѣкъ знаетъ ихъ. Если кто-нибудь изъ почтенныхъ обывателей идетъ по улицѣ вечеромъ, позже обыкновеннаго, ночные сторожа знаютъ, что онъ возвращается домой съ какихъ-нибудь крестинъ, или съ мужской вечеринки. А если случится, что двухколесная городская почтовая карета проѣдетъ мимо нихъ темною ночью, и они замѣтятъ въ ней женскую фигуру въ капюшонѣ и мужчину сзади нея, ноч-

ные сторожа понимаютъ, въ чемъ дѣло. Они сходятся, перешептываются, киваютъ другъ другу, точно двѣ сплетницы за кофе, и отлично понимаютъ одинъ другого. Ровно въ шесть часовъ утра каждый сторожъ направляется своей дорогой домой и распространяетъ во всѣхъ домахъ, гдѣ люди уже встали, извѣстіе, что повивальная бабка проѣхала два часа тому назадъ по городу, и что супруга капитана Габріельсена родила ребенка. Въ городкѣ имѣются кромѣ того двое хромыхъ портныхъ, одинъ нищій, Армія Спасенія, пароходная набережная, таможня и сберегательная касса. Все какъ слѣдуетъ. Въ серединѣ города находится „собраніе", атенеумъ и клубъ, куда сходятся отцы города чтобы читать „Новѣйшія Извѣстія" или „Утренній Листокъ". У насъ въ городѣ люди не читаютъ до переутомленія и до безсилія; книгопродавецъ продаетъ всевозможныя вещи, начиная съ гребенокъ и плитокъ шоколада, до учебниковъ и сборниковъ проповѣдей. Говорятъ, одинъ изъ обывателей въ молодости прочелъ съ начала до конца „Педера Паарса", но съ этимъ человѣкомъ вышло плохо: онъ остался старымъ холостякомъ, сдѣлался воромъ и кромѣ того немножко сумасброднымъ. Его зовутъ Тённесъ Олай. Никто не знаетъ, чѣмъ живетъ Тённесъ Олай; но въ обѣденное время онъ никогда не бываетъ на улицѣ; навѣрно же онъ чѣмъ-нибудь питается въ своей старой, престарой комнатѣ, гдѣ онъ живетъ зиму и лѣто одинъ, неизвѣстно какъ. Онъ небольшого роста, съ рыжевато-бѣлокурыми волосами и бородой, наружность невзрачная, а въ послѣднее время сталъ нѣсколько толстѣть. Онъ держится всегда спокойно, все дѣлаетъ обдуманно и склоняетъ голову немножко на бокъ, что происходитъ отъ его начитанности и глубокомыслія. Такъ какъ онъ знаетъ весь городъ, то онъ считаетъ своею обязанностью всѣмъ кланяться; большинство обывателей отвѣчаетъ на его поклоны, но консулъ только прикладываетъ указательный палецъ къ шляпѣ. Этотъ Тённесъ Олай пользуется, впрочемъ, нѣкоторымъ уваженіемъ среди простонародья. Простые рыбаки и портовые рабочіе считаютъ за честь называть его своимъ „товарищемъ". Они думаютъ, что Тённесъ Олай зарабатываетъ себѣ пропитаніе таинственнымъ способомъ, для котораго требуется умная голова; они думаютъ, что онъ чортъ. Никто никогда не видалъ его за работой, а онъ живетъ и толстѣетъ; это не всякому удается.

Но Тённесъ Олай не былъ чортомъ въ этомъ смыслѣ. Единственное сверхъ-естественное, что онъ, пожалуй, допускалъ въ себѣ, было его свойство день и ночь бродить по городу одновременно въ разныхъ мѣстахъ.

Если просыпаясь утромъ, жители не слышатъ со сто-

роны верфи единственнаго звука, наполняющаго городъ и при томъ видятъ, что нѣтъ дождя, они знаютъ, что недѣля прошла, что настало воскресенье. Тогда они наряжаются и идутъ въ церковь.

Въ церковь ведетъ извилистая песчаная дорога, поднимающаяся на пригорокъ. Много ногъ шагало по этой дорогѣ, тяжелыя ступни моряковъ превратили мелкіе камешки въ песокъ. И песокъ поднимается при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка. Не смотря на это, жена капитана Андерсена, женщина состоятельная, сохранила моду своихъ юныхъ лѣтъ и все еще носитъ платье со шлейфомъ; можно себѣ представить, какія облака пыли она поднимаетъ, когда идетъ въ церковь! Многіе проклинаютъ ее за это.

Молодыя дѣвушки идутъ въ свѣтлыхъ платьяхъ, женщины въ темныхъ. Идетъ Іенсенъ, который служитъ у купца Берга, идетъ аптекарь и Ольсенъ изъ таможеннаго вѣдомства. Идетъ фотографъ Розенъ, у котораго всего одна нога и который во всю жизнь не могъ устроиться какъ слѣдуетъ. Выше всѣхъ былъ консулъ, который тоже идетъ въ церковь. У него темные волоса и онъ всегда носитъ цвѣтокъ въ петличкѣ, хотя у него уже трое взрослыхъ дѣтей—старый грѣховодникъ!

Капитаны обыкновенно сходятся вмѣстѣ и идутъ кучкой, какъ тѣ, которые только что вернулись изъ путешествія, такъ и тѣ, которые навсегда распрощались съ моремъ. У нихъ загорѣлыя морщинистыя лица, они всѣ мужчины плотные, и шагаютъ точно лошади, которымъ приходится тащить тяжести; но говорятъ они всегда весело и имѣютъ беззаботный видъ.

Потомъ настаетъ послѣобѣденное время. Какой-нибудь морякъ пригласитъ другого почтеннаго моряка погулять вмѣстѣ на набережной около таможенъ. Сюда въ концѣ концовъ всѣ собираются. Образуются группы, расходятся, опять составляются, люди переходятъ отъ одной къ другой и болтаютъ другъ съ другомъ. Разговоръ идетъ о макрели; о свѣжей макрели, о макрели соленой, о копченой и маринованной макрели. Пренія о макрели считаются вполнѣ удачными, если они кончаются къ шести часамъ; но если къ этому времени спорящіе не придутъ къ соглашенію, пренія все равно прерываются. Пароходный свистокъ въ фіордѣ служитъ сигналомъ; и съ этой минуты никто больше не произноситъ слова макрель.

Почтовый пароходъ, сильно качаясь, приближается къ городу. Всѣ спѣшатъ на пароходную набережную: шесть часовъ—важный моментъ для жителей городка. Люди на костыляхъ ковыляютъ къ пристани, туда же везутъ людей

въ креслахъ. Четыре человѣка стоятъ наготовѣ, чтобы подхватить канатъ; полдюжины молоденькихъ барышенъ собрались, чтобы бросить одно письмо въ почтовый ящикъ на пароходѣ. Жены моряковъ пришли толпой посмотрѣть, не пріѣхалъ ли въ городъ странствующій приказчикъ какого-нибудь торговаго дома или какой-нибудь путешествующій подмастерье. Армія Спасенія стоитъ тутъ же съ красными значками, съ воинственными возгласами, съ большими объявленіями; каждому суютъ въ руку листокъ, на которомъ крупными буквами напечатано: „Большое молитвенное и увеселительное собраніе въ ½ 7-го часа. Т. Ольсенъ, кадетъ, А. С. Торгесенъ, маіоръ. NB. Готовься явиться на судъ Божій". На пароходѣ раздался первый звонокъ и вскорѣ послѣ этого второй. Одна опоздавшая барыня, которой тоже хочется посмотрѣть, бѣжитъ по набережной, придерживая платье обѣими руками.

— Вы хотите ѣхать?—спрашиваетъ штурманъ съ бугшприта парохода.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ она задыхаясь.

Она хочетъ только присутствовать при торжествѣ, какъ и всѣ прочіе. Слава Богу, она всетаки пришла во время и видитъ, какъ съ парохода выгрузили два ящика пива для гостинницы.

Раздается третій звонокъ, сходни снимаютъ и машина начинаетъ работать.

Толпа расходится; она все видѣла своими глазами и теперь возвращается въ городъ отдѣльными кучками. Впрочемъ, тѣ, кого это особенно интересуетъ, слѣдуютъ за почтовой сумкой; молодыя дамы, которыя ожидаютъ писемъ, господа, которымъ нужна „Западная газета". Черезъ часъ всякій получаетъ ожидаемыя вѣсти, черезъ часъ нетерпѣнія и ожиданія, надеждъ и желаній. Затѣмъ всѣ заинтересованные расходятся по домамъ.

Послѣ ужина почтенные отцы города отправляются въ собраніе, чтобы не торопясь прочесть новыя газеты.

Такъ проходитъ въ городкѣ воскресенье. Столь же спокойно и мирно проходитъ понедѣльникъ, и также незамѣтно минуетъ одинъ мѣсяцъ за другимъ.

Но вдругъ настали ужасные годы, которые потрясли городокъ до самаго основанія. Незыблемой осталась только церковь, да еще какія-нибудь двѣ, три вещи.

Дѣло началось съ пустяка, и такъ естественно, какъ только возможно. Фотографъ Розенъ, человѣкъ объ одной ногѣ, который никакъ не могъ порядочно пристроиться, по-

вѣсился. Онъ постоянно переѣзжалъ съ одной квартиры на другую, нигдѣ не могъ надолго поселиться, потому что всюду должалъ; потомъ онъ заложилъ всѣ свои аппараты и прожилъ ихъ. А затѣмъ повѣсился. Но раньше этого онъ успѣлъ посвататься; его невѣста была дочерью лавочника, и потому носила шляпку и зонтикъ, и считала себя молодою барышнею, хотя ей было больше тридцати лѣтъ. Ходили слухи, что она не разъ помогала своему фотографу, при его денежныхъ затрудненіяхъ, такъ что въ концѣ концовъ, у нея самой почти ничего не осталось. Но другія незамужнія особы ея лѣтъ, утверждали, что ей подѣломъ! На что она въ сущности разсчитывала? Они дошли даже до того, что увѣряли, будто несчастный фотографъ повѣсился, чтобы избавиться отъ женитьбы. Вѣдь онъ былъ образованный неглупый человѣкъ, онъ понималъ, что его ожидало.

Происшествіе съ фотографомъ Розеномъ, отразилось и на таможенномъ Ольсенѣ. Ольсенъ, правда, не повѣсился, но съ нимъ случилось несчастіе, которое повліяло на всю его жизнь. Такъ всегда бываетъ, когда люди низкаго званія и происхожденія мѣтятъ слишкомъ высоко. Ольсенъ посягнулъ на таможенную кассу; было доказано, что онъ похитилъ около трехъ сотъ кронъ. Очень многіе предвидѣли, что онъ добромъ не кончитъ. Таможенный Ольсенъ принадлежалъ къ числу людей, которые, какъ только начнется весна, непремѣнно щеголяютъ въ бѣлой соломенной шляпѣ и въ свѣтломъ костюмѣ. Ни у кого въ городѣ не торчалъ такъ часто кончикъ шелковаго платка изъ кармана, никто не носилъ такой изящной тросточки какъ Ольсенъ. А между тѣмъ всѣ знали его мать, бѣдную вдову, которая жила въ своей хижинѣ стиркой бѣлья и чисткой платья, да въ праздничные дни помогала прислугѣ у разныхъ господъ. А между тѣмъ Ольсенъ не хотѣлъ ни въ чемъ отставать отъ другихъ чиновниковъ; онъ черезъ фотографа Розена старался войти въ компанію съ людьми, у которыхъ были наличныя деньги, и для игры въ кегли и для пива, и для желтыхъ лѣтнихъ ботинокъ. Да, конечно, это должно было плохо кончиться. Ольсену отказали отъ мѣста въ таможнѣ.

По всему городу пошли сплетни и пересуды. Берговскій приказчикъ Іенсенъ сочинилъ небольшое стихотвореніе объ этихъ двухъ происшествіяхъ. Но тутъ въ дѣло вмѣшался консулъ. Говорили, что консулъ весьма неодобрительно отозвался о стихахъ Іенсена, хотя Іенсенъ служилъ не у него, а у купца Берга. Консулъ прямо сказалъ, что фотографъ Розенъ, и таможенный Ольсенъ, были единственными соперниками Іенсена, а разъ это, говорилъ консулъ, то этимъ все было сказано. Вслѣдствіе этого, Берговскій Іенсенъ не сталъ

считаться послѣ своего стихотворенія великимъ писателемъ; нѣтъ, совершенно наоборотъ.

Затѣмъ пошли разговоры о молодой женѣ капитана Валлертсена, что ее въ послѣднее время какъ-то нигдѣ не видать.

Въ сущности, ей не было никакого особеннаго основанія показываться тутъ или тамъ; но каждому человѣку приходится дѣлать покупки въ магазинахъ, бывать въ булочной, въ кружкѣ своихъ друзей, нельзя же прервать всякое сношеніе съ городомъ! Олафа Воллертсенъ сидѣла дома. Что же она тамъ такое дѣлала?

Это была красивая, молодая женщина, вышедшая замужъ три года тому назадъ; мужъ ея два года не былъ дома; онъ управлялъ однимъ изъ пароходовъ консула, и отправился въ дальнее плаванье. У нихъ былъ ребенокъ. Довольство и опрятность царили въ маленькомъ домикѣ съ розами на окнѣ, и никому не могло придти въ голову, что тамъ не все въ порядкѣ. Дѣвочка-подростокъ, служившая въ домѣ, не замѣтила, что-бы Олафа „спасалась", или что бы она присоединилась къ Арміи Спасенія. Впрочемъ, она вообще мало говорила и сторонилась всѣхъ.

Такъ прошло нѣсколько недѣль. Погода стояла теплая и макрель отлично ловилась; но на морѣ бушевала сильная буря. Однажды утромъ двое лоцмановъ ввели въ бухту на буксирѣ трехмачтовое судно, которое они нашли далеко въ морѣ, около маяка. Оно было оставлено экипажемъ, носилось на волнахъ и скоро должно было погибнуть. Какое большое великолѣпное судно! Когда оно стояло, покачиваясь въ бухтѣ, на него нельзя было не любоваться.

Молоденькая Эльза пошла гулять съ нѣсколькими подругами, и первая замѣтила его.

— Смотрите-ка, смотрите!—вскричала она, и показала на судно. Она сразу замѣтила, что это иностранное судно, что оно не принадлежитъ никому изъ городскихъ.—Они нашли его сегодня ночью,—прибавила она.—Будетъ призъ за спасеніе корабля!

Подруги согласились, что она права. — Огонь дѣвушка! Все-то она понимаетъ, хотя еще очень молода.

— Пойдемъ, разскажемъ женамъ лоцмановъ, добродушно предложила Эльза.—Скажемъ имъ, что будетъ награда.

И онѣ пошли.

Эльза такъ гордилась, точно она сама пригнала судно. Она очень важничала передъ подругами и придумывала чѣмъ бы еще отличиться.

— Знаете,—начала она,—у Берговскаго Іенсена на новыхъ панталонахъ пятно отъ масляной краски.

Ахъ, теперь ужъ было совсѣмъ не интересно подсмѣиваться надъ Іенсеномъ, когда консулъ осудилъ его!

— Эго, можетъ быть, и неправда!

— Развѣ вы не знаете? По дѣломъ ему, зачѣмъ важничаетъ!

— Ха, ха, ха, потѣха!

— Вы, пожалуй, тоже не знаете, что Олафа Воллертсенъ такая?

— Какая, такая?

— Такая!—И Эльза выставила животъ впередъ.

Подруги въ ужасѣ всплеснули руками и воскликнули.

— Нѣтъ, Господи помилуй, это навѣрно неправда!

Но Эльза слышала это за вѣрное.

— Да вѣдь уже два года какъ Воллертсенъ уѣхалъ, этого не можетъ быть!

— Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, но не забудьте, что я вамъ это говорила!

Молодыя дѣвушки не вполнѣ понимали, въ чемъ дѣло; онѣ знали только, что если отецъ уѣхалъ два года тому назадъ, то у него не можетъ родиться ребенокъ. Эльза тоже не могла ничего объяснить имъ, хотя ей очень хотѣлось показать себя умной.

Отъ лоцмановъ молодыя дѣвушки пошли прямо на набережную; разбитый корабль былъ причаленъ къ берегу, разснащенъ, вода изъ него выкачена, и онъ держался на волнахъ.

Консулъ явился осмотрѣть его. Весь городъ собрался на набережную и глядѣлъ, что будетъ дѣлать консулъ. Нѣсколько глупыхъ зѣвакъ загородили ему дорогу, и онъ вѣжливо попросилъ, чтобы они дали ему пройти.

Онъ шелъ важно со своими черными волосами, въ свѣтломъ костюмѣ, съ цвѣткомъ въ петличкѣ. Подъ мышкой онъ несъ большую папку съ бумагами. Онъ осмотрѣлъ все судно сверху до низу, выслушалъ докладъ лоцмановъ, записалъ все, что видѣлъ, а также всѣ обстоятельства, переданныя ему лоцманами. Одного человѣка, стоявшаго на набережной въ толпѣ зрителей, позвали на судно, чтобы держать чернильницу для консула, который всюду ходилъ и записывалъ...

Удивительно было, что въ этомъ году не проходило почти ни одного мѣсяца безъ какого-нибудь хоть маленькаго происшествія. Пожаръ у учителя Эліассена, понятно, нельзя было не назвать происшествіемъ, вѣдь такія вещи, не всякій день случаются.

Добрый Эліассенъ! Провидѣніе, несомнѣнно, пришло ему

на помощь: не болѣе года тому назадъ онъ застраховалъ въ крупную сумму домъ, хозяйственныя постройки и домашнюю утварь, и вотъ все сгорѣло. Учитель Эліассенъ былъ въ то же время кассиръ „Собранія“ и въ пожарѣ сгорѣла вся касса „клуба“. Это былъ единственный убытокъ; нѣсколько сотъ кронъ погибли ни за что, ни про что. На общемъ собраніи членовъ клуба, предложено было не требовать съ кассира сгорѣвшія деньги, но Эліассенъ всталъ и заявилъ растроганнымъ голосомъ, что скорѣе онъ и жена его, и всѣ его маленькія дѣти будутъ ходить голыми, но онъ не задержитъ ни одной копѣйки клубныхъ денегъ. „Собраніе“ сдѣлало ему честь, избрало его на эту отвѣтственную должность, и онъ знаетъ свой долгъ.

Тогда порывъ одушевленія охватилъ членовъ клуба; они сдѣлали складчину и собрали 200 кронъ на покупку мебели для учителя Эліассена.

* * *

Настала осень, непогода, темныя ночи. Двое ночныхъ сторожей встрѣчаются на базарѣ. Они здороваются, нѣсколько минутъ разговариваютъ, нѣсколько минутъ расхаживаютъ по улицѣ. Стоитъ ночь, темная ночь, фонарь передъ гостиницей распространяетъ тусклый свѣтъ. Вдругъ одинъ изъ сторожей хватаетъ своего товарища за руку и крѣпко держитъ его. Они оба стоятъ и глядятъ...

Происходитъ нѣчто удивительное: Тённесъ Олай идетъ своимъ обычнымъ спокойнымъ шагомъ по улицѣ и вдругъ входитъ по лѣстницѣ въ контору консула. Но вѣдь теперь ночь! Взойдя на лѣстницу, онъ на минуту останавливается, склоняетъ голову слегка на бокъ, — ужъ слишкомъ много мыслей занимаютъ его,—и сторожа готовы подойти и спросить у него, что ему нужно, но тутъ они видятъ, что консулъ самъ открываетъ дверь Тённесу, Олайю. Уже пятнадцать лѣтъ стерегутъ они городъ и никогда не видали ничего подобнаго! Они остаются на мѣстѣ, какъ окаменѣлые.

Тённесъ Олай вошелъ тихонько и ждалъ, пока консулъ повернетъ ключъ въ замкѣ. Его провели въ заднюю комнату конторы. Здѣсь тоже дверь была плотно и крѣпко заперта.

— Не стоитъ зажигать свѣтъ,—сказалъ консулъ.—Фонарь гостиницы немножко освѣщаетъ насъ. Но садитесь, садитесь сюда!

Тённесъ Олай почтительно сѣлъ на крайчикъ стула.

— Такъ вотъ что я хотѣлъ сказать вамъ,—проговорилъ консулъ.—Вы, впрочемъ, и сами знаете. Вы всюду ходите по ночамъ. Вы меня видали разъ или два, неправда ли? Сколько разъ видали вы меня?

— Семь разъ, господинъ консулъ. Извините мое замѣчаніе.

Консулъ закурилъ сигару, но не предложилъ Тённесу Олайю закурить.

— Ну, можетъ быть, пусть будетъ семь,—отвѣчалъ онъ, пуская дымъ на воздухъ.—Но я надѣюсь, что относительно всего прочаго мы съ вами поладимъ, мой милый Янсенъ.

Собесѣдникъ не поддается на любезность и не гордится тѣмъ, что консулъ называетъ его „милый Янсенъ".

— Тённесъ Олай, просто, господинъ консулъ,—отвѣчалъ онъ.

Консулъ кивнулъ головой и выпустилъ дымъ сигары на воздухъ.

— Хорошо... Ты говорилъ, что видѣлъ, какъ я выходилъ изъ ея дома. Это, во-первыхъ, а во-вторыхъ, ты сказалъ ей, что я долженъ тебѣ за это заплатить. Сколько же ты требуешь?—Съ этими словами онъ предложилъ Тённесу Олайю сигару, отъ которой тотъ отказался. Онъ настаивалъ, но Тённесъ рѣшительно не соглашался курить.

— Сколько я требую?—проговорилъ онъ,—не знаю, какъ сказать. Мнѣ немного нужно при моей бѣдной жизни. Вы это понимаете, г. консулъ.

— А всетаки, сколько же.

— Сколько будетъ угодно вашей милости, г. консулъ, я въ вашей власти.

—Гмъ... Да, пожалуй, это вѣрно, что ты въ моей власти. Я могъ бы совсѣмъ ничего не давать тебѣ, Тённесъ Олай. Но я не люблю, когда обо мнѣ ходятъ сплетни, когда на меня клевещутъ, обо мнѣ говорятъ неправду: я человѣкъ семейный. Поэтому я хочу зажать тебѣ ротъ. Вотъ чего я хочу. Кажется, ясно.

Тогда Тённесъ Олай спросилъ почтительно.

— А кто будетъ отцомъ, г. консулъ?

— Отцомъ? Она ужъ это сама устроитъ.

— Не такъ-то легко для одинокой женщины устраивать подобныя вещи,—возразилъ Тённесъ Олай.—Примите это во вниманіе, г. консулъ.

— Хорошо, но что же ты собственно хочешь сказать?

Тённесъ вертѣлъ шляпу въ рукахъ и, повидимому, обдумывалъ.

— Г. консулъ могъ бы выдать меня за отца, — сказалъ онъ, наконецъ.—Конечно, если она сама согласится имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ, какъ я.

Консулъ пристально посмотрѣлъ на него среди окружавшей ихъ темноты, и почувствовалъ, что это предложеніе спасало его.

— Я всегда говорилъ, что у тебя замѣчательная голова, Янсенъ. Я много разъ желалъ, чтобы у меня была твоя голова, Янсенъ.

Но его собесѣдникъ оставался по прежнему холоднымъ.

— Меня обыкновенно не называютъ Янсеномъ, г. консулъ. Это лишнее. Мнѣ при крещеньи дано имя Тённесъ Олай.

— Да, да, Тённесъ Олай, очень хорошо, но все-таки я часто хотѣлъ имѣть твою голову. Твое предложеніе очень цѣнно. Я хочу сказать, оно чего-нибудь да стоитъ, за него можно заплатить, порядочно заплатить, чистыми деньгами. Сколько, какъ ты самъ думаешь?

Тённесъ Олай подумалъ:

— Тысячу кронъ.

Консулъ вздрогнулъ, точно отъ удара кинжала.

— Господи помилуй! Ты же вѣдь знаешь, что я человѣкъ семейный! Говори серьезно, любезный!

— Тысячу кронъ, г. консулъ! Извините, если я что нибудь неловко сказалъ.

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!—вскричалъ консулъ и поднялся съ мѣста. Онъ въ раздумьѣ смотрѣлъ въ окно. Затѣмъ снова обратился къ Тённесу и проговорилъ рѣшительно:—Нѣтъ, въ такомъ случаѣ у насъ дѣло не склеится. Извини, что я тебя такъ поздно позвалъ. Я подъищу себѣ кого-нибудь другого.

— Такъ-съ! А что же г. консулъ думаетъ сдѣлать со мной?—спросилъ Тённесъ Олай, вставая въ свою очередь.

— Съ тобой? Что я съ тобой сдѣлаю, чортъ?—вскричалъ консулъ, внезапно задрожавъ отъ гнѣва.—Тебя я завтра же велю арестовать! Пошелъ вонъ!

Консулъ отворилъ дверь и Тённесъ Олай сдѣлалъ видъ, что готовъ уйти.

— Позвольте мнѣ вамъ объяснить одну вещь,—проговорилъ онъ, смиренно протягивая руку.—Лучше меня г. консулу никого не найти!

Консулъ ясно понималъ, что Тённесъ Олай правъ; онъ разсердился и потому отвѣчалъ:

— Я возьму кого-нибудь другого, я уже сказалъ, и дѣлу конецъ!

Но Тённесъ Олай правъ, это слишкомъ очевидно. Поэтому, какъ только онъ доходитъ до дверей, консулъ втаскиваетъ его назадъ и снова запираетъ дверь на задвижку. Оба возвращаются въ контору.

— Ты хотѣлъ мнѣ что-то объяснить,—повелительно говоритъ консулъ.—Объясни теперь же!

— Что значитъ тысяча кронъ для богатаго человѣка, — говоритъ Тённесъ Олай.

— Ну, да, я, конечно, не нищій, но тебя это не касается. Понятно, я не совсѣмъ лишенъ земныхъ благъ, надѣюсь, и никто этого и не думаетъ.

— Нѣтъ, сохрани Богъ!

— Да, ты полагаешь? Но всетаки тысяча кронъ—нѣтъ, невозможно.

— Можно бы устроить дѣло очень удобнымъ способомъ.

—Какъ такъ? Платить по частямъ? Неужели ты это смѣлъ подумать?

— По частямъ!—вскричалъ Тённесъ Олай.—Что вы, господинъ консулъ! Да убей меня Богъ на этомъ мѣстѣ...

— А мнѣ, кажется, что ты именно это и думалъ.

— Нельзя ли бы раздѣлить эту сумму пополамъ? На двухъ? Если господинъ консулъ одинъ не можетъ ее уплатить, она можетъ что-нибудь прибавить, такъ сказать, сложиться съ господиномъ консуломъ. У нея много денегъ.

Консулъ снова вскочилъ.

— Ну, ужъ теперь уходи! Пошелъ вонъ! говорю... Постой, а ты съ нею уже говорилъ объ этомъ?

— Такъ, немножко намекнулъ ей.

Консулъ подумалъ съ минуту и снова сѣлъ.

— Дѣло не въ томъ, что я не могу,—сказалъ онъ. Помочь и хотѣть это не одно и то же. Если я тебѣ заплачу, то это все равно, что я отдалъ деньги своихъ родныхъ дѣтей... Какъ она говорила, сколько она можетъ дать?

— Она не говорила сколько. Но она во всѣхъ отношеніяхъ добрая барыня, имѣйте это въ виду, господинъ консулъ. Она навѣрно не станетъ скупиться.

— Половину,—рѣшительно сказалъ консулъ.—Не думай, что я стану торговаться. Больше половины она не должна платить.

На этомъ они сошлись.

— За моей половиной можешь придти хоть завтра, хоть въ другой день, когда кассиръ будетъ дома, у меня нѣтъ ключа.

Консулъ выпустилъ Тённеса Олая изъ дверей, самъ вернулся въ контору, зажегъ лампу и сѣлъ пораздумать, покурить и поразсчитать...

Ночные сторожа стояли все на томъ же мѣстѣ. Они все видѣли: и какъ Тённесъ Олай входилъ, и какъ его выпускали. Но они ничего не слыхали. И они не поняли ровно ничего. Поэтому они рѣшили попробовать догнать Тённеса Олая. Но это имъ не удалось. Тённесъ Олай замѣтилъ ихъ; онъ пошелъ прямо къ гостиницѣ, прошелъ мимо нея, зашелъ за

фонарь и повернулъ въ сторону, гдѣ никто не могъ его видѣть.

И вотъ снова встрѣчаются ночные сторожа поздно вечеромъ, и снова коротаютъ время, покуривая трубочку, разговаривая и прохаживаясь взадъ и впередъ.

— Я опять сталъ курить мохорку—замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Я тоже,—отвѣчалъ другой, закуривая трубку.

— Картузный табакъ, который я прежде постоянно курилъ, сталъ непомѣрно дорогъ.

— Онъ такъ дорогъ, что никакихъ средствъ не хватитъ его покупать.

— Всѣ нужныя вещи дорожаютъ, здѣсь скоро совсѣмъ нельзя будетъ жить. Что, развѣ я не правду говорю?

— Пожалуй, что грѣшно такъ разсуждать, Тобисенъ, а только это правда, и говорить нечего. Дороговизна страшная, всякій долженъ жаться, да о томъ только и думать, „какъ бы грошей хватило", какъ въ старину говорили. Весной моя младшая дочка конфирмовалась, думаешь, мы могли купить ей обновку? Это такое важное, серьезное дѣло, а она должна была идти въ церковь въ платьѣ своей сестры.

— Люди завидуютъ намъ, чиновникамъ. Говорятъ, мы на общественной службѣ, у насъ вѣрный кусокъ хлѣба. Но спрашивается, Маркусенъ, что за польза быть чиновникомъ, когда все необходимое до того дорого, что прямо жить невозможно. Только что получишь жалованье, смотришь, ужъ и нѣтъ ничего. Точно будто деньги дѣлаются невидимками.

— Ужъ кому это лучше знать, какъ не мнѣ, Тобисенъ? Когда деньги становятся невидимками вотъ тутъ, въ моихъ собственныхъ рукахъ, такъ чѣмъ же мнѣ жить прикажешь?

— А вѣдь въ нынѣшнемъ году макрель не дурно ловилась. И всѣ-то люди жалуются. Я слыхалъ, что банкъ хочетъ кой-кому отказать въ кредитѣ.

— Что ты! кому же бы это?

— Многихъ называютъ. Говорятъ, кромѣ консула нѣтъ ни одного надежнаго человѣка, вотъ что говорятъ.

— Да, консулъ не идетъ въ примѣръ другимъ. У него всего много. У консула такія дѣла: если на одномъ окажутся убытки, онъ покроетъ ихъ съ другого, покроетъ, да еще съ излишкомъ. Ну и пароходовъ у него много.

Сторожа тихонько брели по улицѣ. Вдругъ они услышали шумъ колесъ почтовой кареты.

— Опять къ кому-то ѣдетъ!

Они остановились, и акушерка проѣхала мимо нихъ.

— Посмотримъ-ка, куда она ѣдетъ! — предложилъ Маркусенъ.

— Я и самъ хотѣлъ тебѣ это сказать,—отвѣчалъ Тобисенъ.—Она, кажется поѣхала налѣво отъ фонаря? Она, должно быть, повернула къ болоту, значитъ, она ѣдетъ къ Олафѣ Воллертсенъ.

— Экая шлюха! Замужняя женщина и до чего дошла! Какъ ты думаешь, что скажетъ Воллертсенъ, когда вернется?

— Ужъ и не говори!

— И еще важничаетъ! За акушеркой посылаетъ!

— Не знаешь, что и подумать!. А Воллертсенъ два года, какъ уѣхалъ...

Акушерка ѣздила къ Олафѣ Воллертсенъ. Утромъ весь городъ это зналъ. Теперь ужъ нельзя было скрываться. Ну, и хитрячка же Олафа! Какъ она ловко держалась въ сторонѣ отъ людей, чтобы никто не замѣтилъ ея положенія!..

Но отецъ—кто же былъ отцомъ?

Да, Тённесъ Олай нисколько не скрывалъ, что онъ, съ съ позволенія сказать, отецъ! И рѣшительно всѣ въ городѣ удивлялись этому. Никто не могъ понять. Если бы это было хоть сердечное увлеченіе, куда ни шло: Олафа молода и красива. Но съ Тённесомъ Олаемъ! Это простая безнравственность, ничего больше.

Тённесъ Олай самъ говорилъ, что онъ не знаетъ, какъ это случилось. Но онъ оправдывалъ ее. У такихъ тонкихъ барынь, говорилъ онъ, бываютъ иногда странные вкусы. Имъ можетъ понравиться человѣкъ простого званія и некрасивый съ виду. Такъ и тутъ вышло, надо это принять во вниманіе.

А Тённесъ Олай и теперь, какъ прежде, ходилъ себѣ тихо и смиренно по всему городку. И „товарищи“ не стали уважать его меньше послѣ этой исторіи. „Экій дьявольскій парень, этотъ Тённесъ Олай,—думали они,—онъ показалъ себя совсѣмъ съ новой стороны. Онъ, пожалуй, въ состояніи въ одинъ прекрасный день заняться торговлей, сдѣлаться оптовымъ торговцемъ и называтся Янсенъ.

У него голова на все способна, онъ и теперь похожъ на купчика, такой становится толстенькій.

Въ концѣ зимы бомба взорвалась. Ахъ, всѣ прочія происшествія ничто въ сравненіи съ этой ужасной катастрофой: консулъ обанкротился. Многіе давно уже удивлялись, что на векселяхъ консула стоятъ какія-то неизвѣстныя, темныя имена, наконецъ, купецъ Бергъ предложилъ отказать въ учетѣ подобнаго векселя. Онъ хотѣлъ замѣнить бланконадписателя другимъ, болѣе солиднымъ. Это было слишкомъ

грубо относительно такого человѣка, какъ консулъ. Если онъ находилъ имя достаточно солиднымъ, значитъ, оно солидно. Однимъ словомъ предложеніе купца Берга не было принято.

Эта маленькая непріятность въ засѣданіи страшно поразила консула. Но онъ овладѣлъ собой и принялъ холодный, равнодушный видъ. Дѣло въ томъ, что у него еще была надежда, послѣдняя: онъ ожидалъ телеграммы отъ капитанъ Воллертсена, который везъ грузъ фруктовъ, маленькой телеграммы объ успѣшной сдѣлкѣ съ одной нью-іоркской фирмой.

— Господинъ Бергъ желаетъ болѣе солидное имя,—сказалъ консулъ.—По моему какое бы ни было имя, это пустая формальность. На слѣдующемъ засѣданіи я буду имѣть честь уплатитъ по этому векселю.

Да, вотъ видите, какъ онъ отчиталъ Берга,—и по дѣломъ!.. Но настало слѣдующее засѣданіе, а консулъ не уплатилъ по векселю. Ахъ, онъ вообще пересталъ платить по векселямъ. Телеграмма Воллертсена была далеко не пріятна, ее почти можно было назвать безумной: Воллертсенъ бросилъ свой пароходъ, его встревожили письма, полученныя съ родины, онъ ѣхалъ домой.

Консулу не оставалось другого исхода...

Онъ поднялся со стула, смахнулъ пыль со своего сюртука и заявилъ, что имѣетъ сдѣлать непріятное сообщеніе почтенному правленію банка: большія потери, несчастія съ судами, плохія времена,—вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстояттльствъ онъ не можетъ дольше удержаться въ своемъ положеніи. Его кредиторы узнали объ этомъ. Онъ отказывается отъ своего почетнаго мѣста въ банкѣ.

Засѣданіе было тотчасъ прервано.

Вѣсть обо всемъ происшедшемъ на немъ распространилась въ городѣ; все пришло въ волненіе, женщины плакали, бомба взорвалась въ городкѣ. Консулъ обанкротился, кто же послѣ этого устоитъ на ногахъ? Онъ былъ самымъ важнымъ человѣкомъ въ городѣ, его столпомъ; можетъ быть, онъ иногда бывалъ въ томъ или другомъ случаѣ упрямъ и высокомѣренъ, но никто, кромѣ Бога, не могъ идти противъ него. У вотъ, въ концѣ концовъ, Богъ пошелъ на него и поразилъ его. Вскорѣ выяснилось, что многіе, очень многіе должны раззориться вмѣстѣ съ нимъ.

Это была грандіозная катастрофа. Дошло до того, что единственный звукъ въ городкѣ умолкъ, умолкли удары молотка на верфи.

Правда, купецъ Бергъ немедленно устроилъ маленькую кораблестроительную верфь на акціяхъ, но молотки не сту-

чали на ней такъ усердно, какъ на прежней, звукъ былъ совсѣмъ другой.

Все застыло. Консулъ, его домъ, его дѣла—все это было жизнью и красою города, а теперь нельзя было безъ грусти видѣть, какъ этотъ самый консулъ останавливался на улицѣ, вытаскивалъ свой обанкротившійся кошелекъ и подавалъ нищему серебряную монету. Онъ это продѣлывалъ какъ искусный актеръ, съ ироніей, обращенной на самого себя. Однако, разъ все такимъ образомъ падало, развѣ могла устоять молоденькая Эльза, развѣ она была больше защищена отъ банкротства, чѣмъ всѣ остальные? Послѣ того, какъ условія жизни стали такими шаткими, она, за неимѣніемъ лучшаго, взяла себѣ въ мужья Берговскаго приказчика Іенсена, хотя по своему званію онъ стоялъ много ниже ея. Тяжело было видѣть, какъ она, гордымъ шагомъ, грустно и неохотно шла рядомъ съ нимъ къ алтарю.

Однимъ словомъ, во всемъ городѣ не осталось ничего на своемъ мѣстѣ за исключеніемъ только церкви. И жена капитана Андресена тоже продолжала подметать улицу шлейфомъ своего старомоднаго платья; ея средства позволяли ей это, такъ какъ она сохранила свое богатство. Тённесъ Олай принималъ все болѣе и болѣе округленныя формы, но въ общемъ держалъ себя такъ же смиренно, какъ раньше, и не начиналъ никакой торговли.

Купецъ Бергъ сдѣлался первымъ лицомъ въ городѣ. Онъ сталъ директоромъ банка и представителемъ города. Но купецъ Бергъ былъ не то, что консулъ. Онъ былъ простого рода и не получилъ образованія. Мучительно было видѣть и слышать его, когда онъ выступалъ защитникомъ городскихъ интересовъ. Онъ самъ себя называлъ „директёръ“ и ни за что въ свѣтѣ не могъ произнести хорошей, связной рѣчи. Онъ всячески упражнялся и учился кланяться, хорошо выражаться, но, какъ ни старался, ему и по разговору, и по манерамъ было далеко до консула. Что говоритъ консулъ, когда кто-нибудь приходитъ къ нему въ гости?—Мнѣ очень пріятно васъ видѣть!—вотъ какъ выражается консулъ. Но когда купецъ Бергъ принималъ кого-нибудь, онъ шаркалъ ногой, точно лошадь, и говорилъ напыщенно:—Добрый день, я радуюсь свиданью съ вами!—А когда у его жены была стирка, онъ разсказывалъ, что у него въ домѣ идетъ *очищеніе* одежды.

Жена его тоже не подходила для роли первой дамы города. Нахальства у нея, впрочемъ, было достаточно; такъ, она стала получать письма адресованныя: ея высокородію, госпожѣ Бергъ. Что это за „высокородіе“ для жены купца? Почтмейстеръ нѣсколько времени дѣлалъ видъ что не

знаетъ, кому адресованы такія письма. Но понемногу жители города примирились со всѣмъ этимъ. Купецъ Бергъ былъ безспорно богатый человѣкъ; съ годами онъ пріобрѣталъ все больше денегъ и расширялъ свои дѣла; въ концѣ концовъ, онъ былъ сдѣланъ консуломъ, и тогда жена его стала благородная дама. Подростающее поколѣніе видѣло, какъ городъ процвѣтаетъ подъ властью новаго правителя. А консулъ, бывшій консулъ, сдѣлался агентомъ по продажѣ макрели и по страхованію жизни, агентомъ въ своемъ собственномъ городѣ, гдѣ онъ когда-то былъ царемъ! Но когда онъ смирился и заглянулъ въ собственную душу, Господь Богъ снова послалъ ему великую милость: его дочь Корелія вышла за богатаго человѣка. И Корелія стала дорогимъ сокровищемъ для своего мужа.

УРОКЪ КОРОЛЯ.

Разсказъ Вилліама Морриса.

Переводъ съ англійскаго. **Н. С. Русанова.**

Про венгерскаго короля, Матвѣя Корвина, который былъ Альфредомъ Великимъ для своего времени и своего народа, сказываютъ, что однажды (*однажды* ли только?) услышалъ онъ, что нѣкоторые (да точно ли, братецъ мой, *нѣкоторые?*) изъ его крестьянъ черезчуръ много работали и черезчуръ плохо питались. Вотъ онъ и собери совѣтъ, и созови на него головъ отъ главныхъ городовъ и кой-кого изъ владѣтельныхъ князей и ихъ подручныхъ и давай разспрашивать у нихъ правду. На всѣ лады они разсказали одну сказку о томъ, какъ сильны крестьяне и какъ они способны къ работѣ, и какъ всего у нихъ довольно и есть изъ чего сберегать, лишь бы не проѣдали и не пропивали, тѣмъ болѣе, что они вѣдь только простое мужичье; и ежели бы они не работали, по крайней мѣрѣ, столь усердно, какъ работаютъ теперь, то это было бы плохо и для нихъ самихъ и плохо для ихъ господъ. Потому что чѣмъ у мужика больше есть, тѣмъ онъ больше и спрашиваетъ. И ежели онъ узнаетъ, что такое богатство, то узнаетъ, и что такое бѣдность, какъ случилось съ Адамомъ и Евой въ Божьемъ раю.

Король сидѣлъ и мало говорилъ, пока они разсказывали, но заподозрилъ ихъ въ томъ, что они—лжецы. Такъ и разошелся совѣтъ ни съ чѣмъ. Но король принялъ то дѣло близко къ своему сердцу, ибо былъ человѣкомъ справедливымъ и при томъ болѣе доблестнымъ, чѣмъ всѣ они, даже и въ тѣ старинныя времена. Черезъ два или три дня, сказываютъ, онъ созвалъ князей и совѣтниковъ, какихъ считалъ самыми способными, и приказалъ имъ приготовиться къ вы-

ѣзду. И, приготовившись, онъ и они пустились въ путь, блистая великолѣпными доспѣхами по обычаю тѣхъ дней. Ѣхали они, ѣхали, пока не пріѣхали въ крестьянскую деревню, а чрезъ нее добрались до виноградниковъ, гдѣ люди работали на солнечныхъ южныхъ склонахъ, сходившихъ къ рѣкѣ: моя сказка умалчиваетъ, была ли то Тисса, или Дунай, или еще какая рѣка.

Дѣло было поздней весной или раннимъ лѣтомъ, и на лозахъ только что стали показываться гроздья: сборъ винограду въ этихъ земляхъ поздній, и часто его не сбираютъ, прежде чѣмъ не ударитъ первый морозъ, отъ котораго вино бываетъ и крѣпче, и слаще. Тамъ и сямъ надрывались надъ работой крестьяне, мужчины и женщины, парни и молодыя дѣвушки. Одни разрыхляли киркой почву между рядами лозъ, другіе взносили корзины съ навозомъ на крутые холмы, но всѣ такъ или иначе трудились надъ виноградомъ, котораго никогда не будутъ ѣсть, и надъ виномъ, котораго никогда не будутъ пить. Туда-то направился король, слѣзъ съ коня и сталъ взбираться по каменистымъ скатамъ виноградника, а князья его слѣдовали также за нимъ, удивляясь про себя, что это надумалъ король. А король обратился къ одному изъ нихъ, который былъ поближе къ нему, и сказалъ съ усмѣшкой:

— Ну, господа князья, сегодня мы будемъ играть въ новую игру, и будетъ намъ отъ нея новая наука.

Улыбнулись князья, но кислой улыбкой.

А крестьянъ разобралъ великій страхъ при видѣ этихъ веселыхъ раззолоченныхъ господъ. Я думаю такъ, что они и не знали короля, потому что врядъ ли кто изъ нихъ и видѣлъ его когда-нибудь въ лицо. Знали только, что онъ ихъ отецъ, и что онъ храбрый воинъ, не дававшій туркамъ разорять ихъ деревни. А, по правдѣ сказать, имъ было все равно, кто былъ ихъ верховнымъ владыкой, турокъ или мадьяръ, потому что тому или другому господину, а имъ всетаки надо было отдавать много рабочихъ дней въ году, и скудно было пропитаніе, которое они добывали себѣ въ остальные дни, когда имъ можно было работать на себя, на своихъ женъ и дѣтей.

Ладно. Только знали они или не знали короля, за то между этими богатыми рыцарями они узнали своего господина и были ужасно перепуганы. Нечего было и думать, чтобы убѣжать отъ этихъ сильныхъ людей и сильныхъ коней: они уже истомились надъ работой, начавъ ее до восхода солнца, а теперь былъ почти часъ пополудни. Кромѣ того, съ королемъ и князьями пришла гвардія арбалетчиковъ

оставшаяся по другую сторону стѣны виноградника: то были зоркіе горцы изъ Италіи, посылавшіе безъ промаху стрѣлы. Такъ и не побѣжали бѣдные люди. Наоборотъ, они сдѣлали видъ, будто все это и не касалось ихъ, и продолжали работать. И каждый говорилъ про себя: „ежели меня не убьютъ, то у меня не будетъ завтра и куска хлѣба, разъ я не примусь теперь же изо всѣхъ силъ за работу; а, можетъ быть, меня еще назначутъ нàбольшимъ, ежели перебьютъ кой-кого изъ нашихъ, а я останусь живъ.“

Вотъ подходитъ король къ нимъ и говоритъ:

— А кто, добрые люди, у васъ нàбольшій?

На это одинъ изъ нихъ, здоровый мужикъ, уже въ годахъ, съ сильнымъ загаромъ на лицѣ и легкой сѣдиной въ волосахъ, отвѣчалъ:

— Я у нихъ нàбольшій, господинъ.

— Дай-ка мнѣ твою кирку,—сказалъ король,—я примусь за дѣло теперь самъ, потому что вотъ эти господа пожелали, чтобы я показалъ имъ новую игру, и очень рады поработать подъ моей командой на виноградникѣ. А ты стань возлѣ меня и поправляй меня, если я что не такъ прикажу. Вы же, всѣ остальные, ступайте позабавиться!..

Крестьянинъ не зналъ, что и подумать, и король такъ было и остался съ протянутой рукой. Но тутъ мужикъ взглянулъ искоса на своего господина, и тотъ свирѣпо качнулъ головой, словно говоря: „дѣлай, что приказано, собака!“

Тогда мужикъ передалъ кирку королю. Тотъ сейчасъ принимается за дѣло и приказываетъ стать всѣмъ князьямъ на работу, и всякому даетъ свое занятіе въ виноградникѣ. А мужикъ тутъ же стоитъ и послѣ каждой команды короля приговариваетъ: „такъ“, или „не такъ“. Посмотрѣли бы вы тогда, какъ полетѣли на пыльную землю бархатные плащи и фламандскія епанчи изъ тонкаго алаго сукна: дружно принялись за дѣло князья и рыцари...

Какъ слѣдуетъ поналегли они, и большинству изъ нихъ полюбилась эта игра въ винодѣліе. Но былъ тутъ между ними одинъ, который, скинувъ свой алый плащъ, остался въ великолѣпномъ камзолѣ изъ персидскаго шелку, затканнаго золотомъ, какого люди уже не дѣлаютъ больше и который стоилъ сотню флориновъ за бременскій локоть. Ему то король, безъ малѣйшей улыбки на лицѣ, приказалъ носить навозъ по крутымъ скатамъ виноградника въ самой большой и растрепанной корзинѣ. И на это господинъ въ шелку состроилъ такое лицо, что любо было смотрѣть, а князья и рыцари засмѣялись. Отправляясь въ дорогу, онъ сказалъ, но такъ, чтобы никто не слышалъ его: „Что-жъ, за тѣмъ что

ли я служу этому выб... у, чтобы онъ заставлялъ меня носить навозъ?“ Надо вамъ сказать, что отецъ короля, Янъ Гуніадъ, одинъ изъ величайшихъ воиновъ въ свѣтѣ, такъ называемый „Молотъ Турокъ“, былъ рожденъ внѣ брака, хотя и отъ короля.

Ладно. Пока же они работали во всю, и громко раздавался ихъ смѣхъ, когда кирки взрывали землю, разбивая со звономъ твердый кремень и поднимая облако пыли. Расшитый золотомъ, рыцарь ходилъ вверхъ и внизъ съ навозными корзинами неистово бранясь и призывая то Бога, то чорта. И одни говорили другимъ: „посмотрите-ка, какъ благородная кровь превосходитъ мужицкую, даже когда справляетъ мужицкое дѣло: эти лѣнивые негодяи и раза не успѣютъ поднять кирку, какъ мы уже ударимъ три.“ Но король, работавшій не хуже другихъ, совсѣмъ не смѣялся. А тѣмъ временемъ бѣдные люди стояли неподалеку и боялись перемолвиться словомъ. Они по прежнему были смертельно испуганы; но уже не того боялись они, что ихъ перебьютъ тутъ же на мѣстѣ: въ ихъ сердцѣ была иная дума. „Эти великіе и сильные князья и рыцари пришли сюда узнать, сколько человѣкъ можетъ работать, чтобы только совсѣмъ не умереть отъ усилій тутъ же на мѣстѣ. Ежели они еще набавятъ намъ барщинныхъ дней въ году, мы пропали безъ возврату“. И упало сердце у нихъ.

А работа шла; и солнце поднималось все выше и выше въ небѣ, и было уже далеко за полдень. Уже смѣхъ не раздавался больше въ рядахъ работавшихъ господъ, и удары кирокъ и мотыкъ становились все рѣже и рѣже, а рыцарь, носившій навозъ, присѣлъ у подножія холма и смотрѣлъ на рѣку. Но король упорно работалъ, такъ что, стыдясь его, и другіе князья еще не оставляли дѣло. Наконецъ, ближайшій къ королю сосѣдъ съ шумомъ бросилъ кирку и крѣпко выругался. То былъ сильный чернобородый мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ, доблестный вождь знаменитаго Чернаго отряда, который такъ часто прорывалъ турецкіе ряды. Король любилъ его за великое мужество и теперь обратился къ нему съ вопросомъ:

— Или что не такъ, капитанъ?

— Нѣтъ, ничего, мой король,—отвѣтилъ этотъ.—Но спроси лучше у наибольшаго, что съ нами.

— Наибольшій,—крикнулъ король,—что съ нашими храбрыми рыцарями? Или я что не такъ приказалъ?

— Нѣтъ, все какъ слѣдуетъ. Но съ ними то, что они отлыниваютъ, — отвѣчалъ мужикъ. — И не диво: вѣдь они ловко принялись за игру, а кровь-то у нихъ благородная.

— Правда это, господа рыцари?—спросилъ король.—Вы уже устали?

Всѣ повѣсили голову, и никто не промолвилъ слова, кромѣ храбраго капитана. Онъ былъ смѣлый человѣкъ и не лжецъ. И онъ сказалъ:

— Я знаю, мой король, куда ты мѣтишь. Ты привелъ насъ сюда, чтобы прочитать намъ проповѣдь устами вотъ этого твоего Платона. Ну, такъ сказать правду, я больше не могу работать и пойду обѣдать,—проповѣдуй, что знаешь! А, впрочемъ, если ты хочешь быть при этой оказіи священникомъ, то я буду твоимъ дьякономъ. Позволишь мнѣ спросить два слова у этого парня?

— Спрашивай,—отвѣтилъ король. И дума облакомъ прошла по лицу его.

Тогда капитанъ пріосанился, разставилъ ноги и важно спросилъ у мужика:

— Добрый человѣкъ, а сколько времени мы работаемъ?

— Да часа два, или около того, ежели судить по солнцу, что надъ нами,—отвѣтилъ тотъ.

— А сколько вашей работы мы сдѣлали за это время?—спрашиваетъ снова капитанъ, подмигнувъ ему глазомъ.

— Господинъ, — отвѣчаетъ мужикъ, улыбаясь противъ воли,—не прогнѣвайся на мои слова. Но въ первые полчаса вы сработали, сколько мы за сорокъ пять минутъ, во вторые, сколько мы за тридцать, въ третьи сколько мы за пятнадцать, ну а въ послѣдній получасъ вы и на двѣ минуты не сработали.

И улыбка совсѣмъ исчезла съ его лица, но его взоръ загорѣлся огнемъ, когда онъ заговорилъ такъ:

— А теперь, я думаю, вашъ дневной трудъ конченъ, и вы пойдете обѣдать, ѣсть сладкія блюда и пить крѣпкое вино. Мы же проглотимъ немного ржаного хлѣба и будемъ работать еще долго послѣ того, какъ сядетъ солнце и отъ мѣсяца лягутъ тѣни... Я не знаю, какъ вы будете спать, и гдѣ, и чье бѣлое тѣло будете сжимать въ своихъ объятіяхъ, пока будутъ тянуться часы ночи и сіять звѣзды. А мы снова будемъ на работѣ прежде, чѣмъ потухнутъ эти звѣзды, и подумай только изъ-за чего будемъ надрываться!.. Я не знаю, какую игру и потѣху вы еще придумаете для себя на завтра, когда вернетесь домой. Но когда вернемся домой мы, то для насъ словно бы и не было вчерашняго дня, словно бы мы ничего не работали, и весь трудъ сегодняшняго дня словно бы и не былъ исполненъ, и мы снова примемся безъ устали работать. И у завтрашняго дня будетъ свой завтрашній день и у этого еще свой, а у того новый, мы

же все будемъ трудиться, трудиться безъ конца, и такъ будетъ идти, пока для насъ уже совсѣмъ не настанетъ завтрашняго дня... Поэтому ежели вы рѣшили наложить на насъ какую-нибудь новую подать или повинность, то дважды подумайте прежде, чѣмъ сдѣлать это, такъ какъ нѣтъ у насъ силъ больше сносить. Все это я говорю безъ всякаго страха: я знаю, что вотъ этотъ человѣкъ, стоящій возлѣ меня въ черномъ, бархатномъ камзолѣ и съ золотой цѣпью на шеѣ, нашъ король; но онъ, я думаю, не убьетъ меня за мои слова, потому что для него и для его могучаго меча найдется еще много турокъ!

И сказалъ тогда капитанъ:

— О король! Долженъ ли я убить этого человѣка? Или же онъ сказалъ за тебя ту самую проповѣдь, что хотѣлъ сказать ты?

— Не убивай его: онъ сказалъ проповѣдь за меня,—молвилъ король.—Прислушайтесь же къ мужицкой проповѣди, мои князья и совѣтники! Но когда другой человѣкъ выразилъ наши мысли, то отъ его словъ у насъ рождаются еще новыя думы, и у меня есть уже наготовѣ другая проповѣдь къ вамъ. Но пока я промолчу... А теперь сойдемъ обѣдать!..

Они спустились, король и его свита, и сѣли у рѣки, подъ тѣнью шелестящихъ на вѣтрѣ тополей, и стали ѣсть и пить и были очень веселы. Король приказалъ отнести винодѣламъ начатыя блюда и добрую порцію солдатскаго вина; наибольшему же далъ крупную золотую монету, а всѣмъ остальнымъ крестьянамъ по три серебряныхъ. И когда бѣдные мужики получили все это, то имъ показалось, будто царство небесное сошло на землю.

Король и князья возвращались къ себѣ домой подъ свѣжѣющимъ небомъ вечера. Король былъ разсѣянъ и молчаливъ. Наконецъ, капитанъ, который ѣхалъ рядомъ съ нимъ, обратился къ нему со словами:

— О король! скажи же мнѣ твою новую проповѣдь!

— Я думаю, ты и безъ меня хорошо знаешь ее, отвѣтилъ король,—иначе ты не говорилъ бы такъ умно съ мужикомъ... Но скажи мнѣ теперь, какое твое ремесло и ремесло всѣхъ твоихъ товарищей, и чѣмъ вы живете, вотъ какъ живетъ хотя бы горшечникъ тѣмъ, что дѣлаетъ горшки?

И сказалъ капитанъ:

— Какъ горшечникъ живетъ обжиганьемъ посуды, такъ мы живемъ грабежомъ бѣдняковъ.

И снова спросилъ король:

— Ну а какое мое ремесло?

И отвѣтилъ рыцарь:

— А твое ремесло быть королемъ этихъ разбойниковъ, но не хуже другихъ.

Король засмѣялся.

— Запомни же это,—сказалъ онъ,—а я скажу тебѣ, что я думалъ, пока говорилъ мужикъ. „Мужикъ, думалъ я, будь я тобою или такимъ какъ ты, я взялъ бы въ руку мечъ или копье, или даже простой колъ отъ изгороди; и велѣлъ бы другимъ сдѣлать то же самое, и принялись бы мы за дѣло... А такъ какъ насъ было бы многое множество, и намъ нечего было бы терять, кромѣ жалкой жизни, то мы вступили бы въ отчаянный бой и побѣдили бы недруговъ, и положили бы конецъ и ремеслу королей, и князей, и ростовщиковъ; и осталось бы на свѣтѣ лишь одно ремесло: работать весело на самихъ себя и весело жить своимъ трудомъ.

И сказалъ капитанъ:

— Такъ вотъ какая твоя проповѣдь. Ну а кто будетъ слушать ее, если ты возьмешься проповѣдывать?

И сказалъ король:

— Тѣ, кто схватятъ сумасшедшаго короля и запрутъ его въ домъ умалишенныхъ королей. Потому-то я и воздержусь отъ этой проповѣди. Но она все же *должна* будетъ раздаться.

— Да, но никто не будетъ ей внимать, надѣюсь, — сказалъ рыцарь,—кромѣ тѣхъ, кто посылаетъ на плаху и вѣшаетъ людей, которые распространяютъ новыя вещи, полезныя для всего міра. Наше ремесло будетъ стоять прочно еще не одно поколѣніе.

И съ этими словами они пріѣхали ко дворцу короля, и стали ѣсть, и пить, и спать.

А міръ шелъ своимъ чередомъ.

Записки паріи *).

„Moi, morbleu! perdu dans la foule obscure, il m'a fallu deployer plus de science et de calculs pour subsister seulement, qu'on n'en a mis depuis cent ans à gouverner toutes les Espagnes".
(*Le Mariage de Figaro*).

I.

Въ одной изъ своихъ наиболѣе извѣстныхъ книгъ Геккель доказываетъ право человѣческаго общества отдѣлываться отъ всѣхъ калѣкъ и неизлѣчимо больныхъ. «Многія изъ этихъ жалкихъ существъ съ нетерпѣніемъ ждутъ, покуда смерть положитъ конецъ ихъ мученіямъ. Возникаетъ важный вопросъ, не имѣемъ ли мы право изъ состраданія пойти навстрѣчу желаніямъ этихъ несчастныхъ и положить конецъ ихъ страданіямъ при помощи безболѣзненной смерти?» Мы поступаемъ вѣдь такимъ образомъ съ домашними животными. «Мы справедливо предаемъ смерти состарившихся и больныхъ вѣрныхъ собакъ и благородныхъ коней, долго жившихъ съ нами,—продолжаетъ Геккель.—Такимъ же образомъ мы имѣемъ право или даже обязанность положить конецъ страданіямъ нашихъ собратьевъ-людей. Нѣкоторыя мучительныя и неизлѣчимыя болѣзни дѣлаютъ жизнь невыносимой для больныхъ и они молятъ объ избавленіи... Теперь въ цивилизованныхъ странахъ душевно-больныхъ 5—6 на тысячу населенія. Если считать населеніе Европы въ 390—400 милліоновъ, то душевно-больныхъ будетъ не меньше 2 милліоновъ, среди которыхъ по крайней мѣрѣ двѣсти тысячъ неизлѣчимыхъ. О какой массѣ страданій для самихъ больныхъ говорятъ эти цифры!

---

*) The Story of My Struggles. The Memoirs of Arminius Vambéry v. v. I—II.

Какая масса заботъ и горя для родныхъ! Какой громадный расходъ для общества. Какъ сильно уменьшилось бы страданіе, если бы общество рѣшилось избавиться отъ неизлѣчимыхъ больныхъ при помощи дозы морфія... Мужество, сила и красота древнихъ спартанцевъ обусловливались обычаемъ отдѣлываться отъ всѣхъ слабыхъ дѣтей и калѣкъ... Какую пользу извлекаетъ человѣчество отъ того, что оно искусственно поддерживаетъ тысячи глухо-нѣмыхъ, идіотовъ и пр., носящихъ наслѣдственное бремя неизлѣчимой болѣзни? Не лучше ли сразу покончить съ ихъ жалкой жизнью, которая будетъ цѣпью страданій для нихъ самихъ и для ихъ родныхъ»? «Сентименгализмъ никогда не долженъ узурпировать мѣсто, принадлежащее въ такихъ важныхъ вопросахъ разуму,— заканчиваетъ Геккель» *).

Въ Англіи слова Геккеля находятъ, вѣроятно, большое сочувствіе, хотя о такихъ темахъ не принято говорить открыто. «Калѣкъ и идіотовъ», пожалуй, жалѣютъ, потому что они сидятъ въ безопасномъ мѣстѣ, въ рабочихъ домахъ, но крайне не любятъ слабыхъ людей безъ индивидуальности, безъ воли, безъ способности работать, бороться и преодолѣвать. Когда на англійскій языкъ была переведена «Гроза», критики отказывались видѣть *драму*, проистекающую отъ слабости воли. Они видѣли только комическіе типы. Зато нигдѣ, какъ въ Англіи, такъ не умѣютъ цѣнить сильныхъ, даровитыхъ людей съ ярко окрашенной индивидуальностью. На континентѣ человѣкъ безъ университетскаго диплома, вышедшій изъ рабочей среды, затерялся бы, будь онъ хоть семи пядей во лбу. Въ «аристократической» Англіи Джонъ Бернсъ, работавшій до 25 лѣтъ на заводахъ,—становится министромъ и членомъ кабинета. Сынъ сапожника Ллойдъ-Джорджъ тоже членъ кабинета и оказываетъ своимъ умомъ и талантомъ такія важныя услуги родинѣ, что даже консервативныя газеты, ненавидящія министра за радикализмъ, восторженно восхваляютъ его. Англія зорко выискиваетъ сильныхъ и талантливыхъ людей и беретъ ихъ, когда находитъ, не считаясь съ ихъ происхожденіемъ. Она не любитъ только безцвѣтныхъ и сѣрыхъ людей. Этимъ она даетъ широкую возможность спокойно жить и наслаждаться своимъ сѣрымъ бытіемъ. Кормчихъ же и экипажъ для своего общественнаго корабля Англія набираетъ изъ сильныхъ людей, вербуя ихъ, гдѣ найдетъ. Франція изгнала гугенотовъ, герцогъ Альба заставилъ эмигрировать фламандцевъ, революціонныя бури бросили на англійскій берегъ тысячи бѣглецовъ. Англія принимала ихъ всѣхъ и выбирала сильныхъ и талантливыхъ людей для себя. Мы видимъ,

---

*) Цитирую по имѣющемуся у меня въ рукахъ англійскому переводу „The Wonders of Life“, Chap. V, p. 120—121.

что дала Англіи подобная политика: передъ нами самая богатая, самая великая и самая *спокойная* имперія въ мірѣ. Англія охотно протягиваетъ руку сильнымъ и талантливымъ людямъ чужой страны, не считаясь съ тѣмъ, какъ относятся къ нимъ на родинѣ. Нагляднымъ примѣромъ служитъ, между прочимъ, двухтомная автобіографія «The Story of My Struggles». Въ ней знаменитый оріенталистъ и смѣлый путешественникъ Арминій Вамбери разсказываетъ, какъ боролся съ голодомъ, нищетой, а еще больше съ общественными предразсудками, покуда не былъ оцѣненъ въ Англіи. Еврей по происхожденію, Вамбери у себя на родинѣ, которую потомъ прославилъ, не могъ добиться даже правильнаго образованія. Въ Венгріи (до революціи, давшей всѣмъ гражданамъ равноправіе) молодой Вамбери, не смотря на свои выдающіяся способности, былъ только «жидъ», парія, котораго преслѣдовали за національность. Когда весь міръ говорилъ о поразительно смѣломъ путешествіи Вамбери въ Среднюю Азію, почти тогда неизвѣстную,—только на родинѣ, въ интересахъ которой было предпринято дѣло, къ путешественнику отнеслись враждебно, съ обиднымъ скептицизмомъ. И тогда, когда газеты всего міра восхищались безумно смѣлымъ подвигомъ, уличныя венгерскія газеты глупо глумились надъ «жидомъ» Вамбери. Англія устроила путешественнику восторженный пріемъ. Королевское географическое общество выяснило значеніе трудовъ Вамбери и дало имъ соотвѣтственное значеніе. Знаменитый оріенталистъ, который у себя на родинѣ, какъ парія, умиралъ отъ голода и зналъ только преслѣдованія,—былъ оцѣненъ въ Венгріи только послѣ успѣха въ Лондонѣ. Только тогда Вамбери предложили каѳедру восточныхъ языковъ въ Пештѣ.

«Записки паріи» крайне любопытны во многихъ отношеніяхъ. вотъ почему я рѣшился посвятить имъ это письмо.

Передъ нами длинная лѣтопись голоданія, безконечныхъ оскорбленій и униженій всякаго рода. Нужна была большая энергія, унаслѣдованная отъ предковъ, только для того, чтобы не впасть въ отчаяніе и не покончить съ собою. При чтеніи «The Story of My Strugles» предъ нами вырисовывается крупный, очень талантливый, богато одаренный человѣкъ, если не съ темпераментомъ, то съ нѣкоторыми воззрѣніями Фигаро. Какъ подобаетъ въ автобіографіи, Вамбери начинаетъ отъ рожденія; но тутъ же наталкивается на первый камень. «Я не могу съ точностью опредѣлить дату моего рожденія,—говоритъ знаменитый оріенталистъ.—Я имѣлъ проблематическое счастье родиться отъ еврейскихъ родителей въ то время, какъ венгерскіе евреи не были еще принуждены закономъ записывать рождающихся у нихъ дѣтей. Вотъ почему никакой оффиціальной отмѣтки о днѣ моего рожденія не существуетъ. Мать моя говорила, что я родился не за долго до смерти отца, которая произошла въ день Св. Іосифа.

Отецъ былъ одной изъ послѣднихъ жертвъ холеры, опустошавшей Венгрію въ 1830 г. Вотъ почему я полагаю, что родился приблизительно въ 1831 г. Такъ какъ я не особенный поклонникъ генеалогіи, то не стану обременять читателей подробностями моей родословной. Насколько мнѣ извѣстно, мой прадѣдъ былъ родомъ изъ городка Бамберга. Когда Іосифъ II приказалъ, чтобы всѣ его подданные-евреи имѣли фамиліи, то дѣдъ переселился въ Венгрію и сталъ называться Бамбергеръ, откуда были его предки. Съ теченіемъ времени буква Б перешла въ В и мой отецъ писался уже Вамбергеръ, хотя ему, какъ правовѣрному еврею, рѣдко приходилось пользоваться фамиліей. Это было только при сношеніяхъ съ начальствомъ. Въ общежитіи правовѣрные евреи пользуются, вмѣсто фамиліи, именемъ отца. Мой отецъ былъ не только набожный еврей, но и замѣчательный талмудистъ. Онъ просиживалъ ночи напролетъ надъ громадными фоліантами, мало заботясь о бренномъ существованіи и о земныхъ дѣлахъ». Мать Вамбери, какъ болѣе практичный человѣкъ, убѣдила мужа переселиться въ городокъ С.-Георгенъ, разсчитывая, что его назначатъ тамъ помощникомъ равина. Но и здѣсь отецъ путешественника забывалъ надъ запутанными вопросами «мишны» и «гемары» про земныя дѣла. Жена заставляла мужа то торговать фруктами, то завѣдывать маленькой харчевней. Наконецъ, она убѣдила его заняться скупкой деревенскихъ продуктовъ у крестьянъ, пріѣзжавшихъ на рынокъ. Ученый талмудистъ, погруженный въ разрѣшеніе философскихъ вопросовъ, долженъ былъ выкликать на рынкѣ какой-нибудь мѣшокъ съ овсомъ или овечью шкуру. Разъ осенью отецъ Вамбери купилъ на рынкѣ только что ободранную, еще влажную коровью шкуру и взвалилъ ее себѣ на плечи. Онъ приплелся домой поздно ночью, мокрый отъ дождя, измученный, запачканный въ грязи, свалилъ шкуру на полъ и, не притрогиваясь къ скудному ужину, усѣлся за свои книги. Это было въ послѣдній разъ: отецъ Вамбери заболѣлъ и умеръ. Вся тяжесть содержанія семьи, оставшейся рѣшительно безъ всякихъ средствъ, пала на мать Вамбери. Она забрала дѣтей и переселилась съ ними изъ городка С.-Георгенъ въ Дуна-Чердагели. Будущему знаменитому путешественнику было въ то время три года. Мать должна была каждый день оставлять дѣтей на произволъ судьбы, чтобы заработать на рынкѣ нѣсколько грошей. Результатомъ отсутствія призора явилось то, что маленькій Вамбери началъ хромать на лѣвую ногу. Хромота осталась на всю жизнь. Уже въ раннемъ дѣтствѣ будущій оріенталистъ узналъ хроническій голодъ. «Другія дѣти въ раннемъ возрастѣ знаютъ только розы и ясное голубое небо,—говоритъ Вамбери,—я же имѣлъ лишь тернія, лишенія и нищету». Такъ какъ мать не всегда могла выработать нѣсколько грошей на хлѣбъ, то семья Вамбери обратилась къ новому промыслу: къ торговлѣ піявками. «То было

семейное занятіе родственниковъ моей матери,—продолжаетъ Вамбери.—Братья ея покупали у крестьянъ піявокъ, водившихся въ изобиліи въ сосѣднихъ болотахъ, сортировали ихъ и перепродавали потомъ аптекарямъ въ Сѣверную Венгрію. Меня съ малыхъ лѣтъ посвятили во всѣ подробности торговли. Піявокъ нужно было сортировать по величинѣ и класть ихъ въ холщевые мѣшки около 40 сант. въ длину. Животныхъ купали дважды въ день; при этой операціи присутствовали всѣ дѣти. Я никакъ не могъ преодолѣть отвращенія, когда приходилось отмывать піявокъ отъ окружающей ихъ слизи. Случалось, что піявки выбирались ночью изъ мѣшка и ползли по полу, служившему намъ постелью. Очень часто кто-нибудь изъ дѣтей просыпался въ ужасѣ отъ того, что голодное животное присосалось къ пальцу ноги. Просыпались всѣ и начиналась суматоха. Бѣглянку искали со свѣчей и опять водворяли въ мѣшокъ. Эти ночныя тревоги сильно развлекали остальныхъ дѣтей». Количество ломтей хлѣба, съѣдаемыхъ дѣтьми, зависѣло всецѣло отъ спроса въ данный моментъ на піявокъ.

Въ Венгріи тогда населеніе любило еще «бросать себѣ кровь»; но такъ какъ врачи уже возставали противъ піявокъ, то спросъ на нихъ уменьшался, падала цѣна, а вмѣстѣ съ этимъ все сильнѣе заползалъ голодъ въ домъ Вамбери. «Розовые дни дѣтства были для меня годами страданій, лишеній и голода, — говоритъ знаменитый оріенталистъ. — Порой нищета достигала до такихъ ужасныхъ размѣровъ, что ее трудно было выносить. Очень часто у насъ не было даже хлѣба». Поставщиками его были для Вамбери — нищіе. По пятницамъ, если торговля піявками давала нѣсколько грошей, маленькій Вамбери съ братьями отправлялись покупать у нищихъ собранные ими куски хлѣба. «Въ раннемъ дѣтствѣ я уже хорошо познакомился съ ужаснымъ призракомъ, съ голодомъ, который долго потомъ былъ моимъ постояннымъ спутникомъ. Я много велъ битвъ въ жизни, но въ числѣ ихъ борьба съ голодомъ принадлежитъ къ числу самыхъ упорныхъ.» Несмотря на все это, Вамбери росъ здоровымъ, сильнымъ мальчикомъ и ни разу не болѣлъ, если не считать хромоту. Отъ ранней весны до поздней осени мальчикъ ходилъ босикомъ, въ лохмотьяхъ. Женщины на рынкѣ любовались розовыми и пухлыми щеками мальчика, его кудрявыми волосами и блестящими глазами. Крестьянки жалѣли только, что «жиденокъ хромаетъ». Эти сожалѣнія заставили чадолюбивую мать Вамбери обратиться къ знахарямъ: докторъ былъ недоступенъ. «Средства и лѣкарства, которыя были испытаны на мнѣ, чтобы излѣчить мою хромоту, — не поддаются описанію,—говоритъ Вамбери.—Пущены были въ ходъ самыя изумительныя снадобья и самые невѣроятные пріемы. Меня не только купали въ различныхъ травахъ и натирали разными мазями, но пользовали также талисманами и нашептываніями. Когда все это не дало никакихъ результатовъ, меня положили въ полночь на

перекресткѣ двухъ дорогъ, гдѣ надо мною шептали старыя цыганки. Это еще можно было терпѣть; но хуже были опыты чудотворцевъ и шарлатановъ. Такъ, напр., до моей матери дошла вѣсть про чудесныя излѣченія, которыя дѣлаетъ католическій священникъ изъ деревни Рудно въ Сѣверной Венгріи. Мать моя немедленно отправилась къ чудотворцу вмѣстѣ со мною. Такъ какъ тогда желѣзныхъ дорогъ не было, то пошли мы пѣшкомъ. Иногда добродушный крестьянинъ позволялъ намъ присѣсть на его нагруженный возъ. Послѣ многихъ утомительныхъ дней мы добрались, наконецъ, до деревни. Мать моя должна была дать взятку хозяйкѣ дома, гдѣ жилъ священникъ, чтобы насъ допустили къ нему. Чудотворецъ мелькомъ взглянулъ на мою ногу, написалъ рецептъ (аптекарь былъ въ союзѣ со священникомъ) и отпустилъ насъ, посуливъ быстрое исцѣленіе. Но рецептъ не помогъ, и мать рѣшила обратиться къ другому знахарю, кузнецу изъ деревни Грубъ. Этотъ признавалъ рѣшительныя операціи. Пять дней подъ рядъ больную ногу парили, «чтобы размягчить жилы», какъ объяснилъ знахарь. На шестой день приступили къ операціи. Мать выслали изъ дома, а меня уложили на полъ. Два здоровенныхъ цыгана, подручные кузнеца, крѣпко держали меня за плечи и за ноги. Затѣмъ кузнецъ всей тяжестью своею упалъ на мое больное колѣно, которое образовывало почти прямой уголъ. Послышался страшный трескъ, и я потерялъ сознаніе. Когда я опять пришелъ въ себя, мать моя плакала надо мною. Поврежденную ногу вправили въ грубые лубки и туго забинтовали. Подобныя операціи до сихъ поръ практикуются еще въ Венгріи. Конечно, она не дала никакихъ результатовъ. Какъ только лубки сняли, колѣно снова согнулось, и мнѣ опять пришлось пользоваться костылями».

Въ молодости Вамбери такъ сильно страдалъ отъ голода и холода, что впослѣдствіи, во время своего знаменитаго и единственнаго въ своемъ родѣ путешествія по Центральной Азіи въ видѣ дервиша-нищаго,—онъ сравнительно легко переносилъ физическія лишенія.

Первоначальное свое образованіе Вамбери получилъ въ очень плохой еврейской школѣ, гдѣ проявились замѣчательныя способности мальчика. Въ восемь лѣтъ онъ отлично зналъ библію и, кромѣ того, хорошо читалъ и писалъ по-венгерски и по-нѣмецки (Вамбери считаетъ своими родными языками венгерскій и словацкій). О блестящихъ способностяхъ мальчика говорили такъ много, что мать Вамбери рѣшила во чтобы то ни стало дать ему образованіе и сдѣлать его «докторомъ», что, какъ извѣстно, для бѣдныхъ евреевъ не только Венгріи, но и Россіи, представляется кульминаціоннымъ пунктомъ счастья. Въ то время Вамбери, ставшій впослѣдствіи раціоналистомъ, былъ очень религіозенъ. «Я скорѣе тогда умеръ бы отъ голода, чѣмъ взялъ бы въ ротъ пищу, приготовленную не согласно обряду,—говоритъ знаменитый оріенталистъ.—

Я пошелъ бы охотнѣе на пытку, чѣмъ дотронулся бы до свинины. Изъ страха обнажить голову, я крѣпко надвигалъ на уши шапку. И когда разъ мальчишки содрали ее мнѣ, я дрожалъ, какъ осиновый листъ, убѣжденный, что теперь я неминуемо попаду въ геену огненную».

Несмотря на глубокую религіозность, мать Вамбери взяла его изъ еврейской школы и отдала въ христіанскую. Здѣсь учили начаткамъ географіи и естественныхъ наукъ. Школа была лучше еврейской, но все же очень плоха. Кромѣ перечисленныхъ предметовъ преподавался, конечно, еще латинскій языкъ, стоявшій тогда въ вершинѣ угла знанія. Свѣдѣнія, сообщенныя школой, были скудны, но все же они говорили о современной жизни, а не «о вещахъ, происходившихъ тысячи лѣтъ тому назадъ», какъ это дѣлала еврейская наука. Маленькій Вамбери (ему минуло десять лѣтъ) рѣшилъ твердо овладѣть наукой, которую ему давала школа; но выполнить рѣшеніе было не совсѣмъ легко. Бѣдность семьи достигла тогда предѣла. Старшая сестра Вамбери, несмотря на то, что ей было только 12 лѣтъ, должна уже была поступить въ служанки. Нищета семьи была такъ велика, что мать, скрѣпя сердце отдала будущаго оріенталиста на службу къ дамскому портному. Приходилось оставить мечту о «докторствѣ». «Я обучалъ еврейскому языку сына портного, за что послѣдній посвящалъ меня въ таинства сметыванія подкладки». Наука эта плохо давалась мальчику. Подмастерья смѣялись надъ его неловкостью и били его. Черезъ мѣсяцъ мать поняла, что сдѣлала ошибку, отдавъ Вамбери къ портному, но убѣждала мальчика потерпѣть до весны, потому что зимой ей особенно трудно было прокормить дѣтей.

Наступило, наконецъ, теплое время, и у мальчика созрѣлъ въ головѣ грандіозный планъ. «Я рѣшилъ не только оставить родной домъ, но и покинуть городокъ, въ которомъ жило единственное близкое мнѣ существо — мать. Для одиннадцати-лѣтняго мальчика, нищаго, единственная поддержка котораго костыли—то было, конечно, героическое рѣшеніе. Оно пугало меня, давило, заставляло плакать. Но что другое можно было сдѣлать? Я не видѣлъ иного пути для достиженія знанія». Мать поддерживала мальчика въ его рѣшеніи: «Учись и стань докторомъ!» — говорила она. Учиться можно было въ томъ же С.-Георгенѣ, откуда Вамбери переселились когда-то; но для осуществленія плана необходимо было заработать хоть нѣсколько флориновъ. И одиннадцати-лѣтній мальчикъ поступаетъ домашнимъ учителемъ къ кабатчику въ деревнѣ Ныскъ, въ двухъ часахъ пути отъ Дула-Чердагели.

Прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ Вамбери привыкъ къ своимъ новымъ обязанностямъ, которыя было довольно сложны. Будущему изслѣдователю Востока приходилось быть не только учителемъ (ученикъ былъ лѣтъ на шесть старше и двумя головами выше одиннадцати-лѣтняго хромоногаго мальчика), но также и

слугой и подносчикомъ въ шинкѣ. Въ продолженіе четырехъ часовъ ежедневно Вамбери обучалъ своего ученика ариѳметикѣ и библіи; по утрамъ же и вечерамъ приходилось подавать вино и водку крестьянамъ, идущимъ на работу или возвращающимся съ нея. По пятницамъ учитель, кромѣ того, чистилъ праздничное платье и ваксилъ сапоги всей семьи. На придачу ученикъ попался на рѣдкость лѣнивый и глупый. Когда разъ учитель, приведенный въ отчаяніе лѣнью ученика, обозвалъ его скотиной, Морицъ (такъ звали «скотину») набросился на Вамбери, повалилъ на полъ и принялся колотить. На отчаянный крикъ учителя прибѣжала мать Морица, но она заступилась «за дорогого мальчика». Вотъ почему стычка съ учителемъ повторилась потомъ нѣсколько разъ. Послѣ полугодичной педагогической дѣятельности маленькій Вамбери возвратился домой счастливымъ обладателемъ восьми флориновъ (около 7 руб. 50 коп.).

Это былъ весь гонораръ за шесть мѣсяцевъ работы.

II.

Вамбери пробылъ дома до двѣнадцати лѣтъ, затѣмъ онъ снова забралъ свою маленькую котомку съ двумя рубахами и нѣсколькими книжками и, опираясь на костыль, въ сопровожденіи матери оставилъ Дуна-Чердагели. До Пресбурга маленькаго хромоножку, отправившагося за знаніемъ, подвезъ сердобольный крестьянинъ. Мальчикъ и мать его провели въ городѣ нѣсколько дней, при чемъ маленькій Вамбери не переставалъ удивляться великолѣпію домовъ, въ сущности одноэтажныхъ и довольно жалкихъ. Изъ Пресбурга путники отправились на волахъ въ С.-Георгенъ. Здѣсь нѣкій Гиршъ Тирнау, школьный товарищъ отца Вамбери, далъ мальчику «даровую квартиру»; заключалась она въ томъ, что будущему оріенталисту разрѣшали каждую ночь примоститься со своею подстилкой гдѣ-нибудь въ углу въ кухнѣ.

Когда квартира была обезпечена, мать Вамбери повела его къ директору монастырской коллегіи, который принялъ мальчика въ младшій классъ (Parva). Половина гонорара, полученнаго отъ кабатчика, пошла на плату за ученіе, на вторую половину Вамбери купилъ учебники. Такимъ образомъ, мальчикъ остался безъ гроша, хотя вопросъ объ ѣдѣ не былъ еще разрѣшенъ. Но тутъ на помощь явилась удивительная система благотворительности у евреевъ. Добрые люди, большею частью крайніе бѣдняки, предложили мальчику обѣдать у нихъ разъ въ недѣлю. Бѣдные люди хоть такимъ образомъ желали помочь соплеменнику добиться знанія. «Несчастные, забитые, загнанные и безправные люди, какими были тогда въ Венгріи евреи,—говоритъ Вамбери,—всегда съ радостью дѣлились послѣднимъ кускомъ съ юношами, жаждавшими знанія; то

было проявленіе высшей гуманности и благороднаго стремленія пособить юношѣ въ стремленіи къ свѣту».

Педагогическая система въ коллегіи основана была на зубрячкѣ; но для маленькаго Вамбери, привыкшаго къ заучиванію цѣлыхъ страницъ талмудическихъ схоластическихъ тонкостей, не могло быть и рѣчи объ умственномъ переутомленіи. Послѣ еврейской науки латинскій языкъ, исторія, географія и математика давались мальчику шутя. Въ монастырской коллегіи преподаватели налегали, главнымъ образомъ, на латинскій языкъ, который былъ разговорнымъ языкомъ въ школѣ. Мальчики, уличенные въ тяжкомъ преступленіи разговора на родныхъ языкахъ (вмѣстѣ учились венгерцы, нѣмцы и словаки), должны были въ наказаніе написать по двадцати разъ «sum, es, est» и т. д. Съ цѣлью раскрытія преступленія школьное начальство ввело правильную систему шпіонства. Одинъ изъ школьниковъ постоянно носилъ съ собою, такъ называемую, «ослиную книгу» (Liber asini). Какъ агентъ-провокаторъ, онъ заговаривалъ съ мальчикомъ на его родномъ языкѣ. Если мальчикъ отвѣчалъ по-венгерски или по-словацки, а не по-латыни,—agent provocateur немедленно всовывалъ изловленному преступнику «ослиную книгу», со словами: «Inscribas amice!» (Впиши свое имя, друже!) И преступникъ обязанъ былъ записать свое имя, что влекло за собою порку въ ближайшую субботу. Съ такимъ же усердіемъ насаждалась въ коллегіи католическая дисциплина. Мальчики лютеране, кальвинисты и евреи обязаны были твердить: «Veni Sancte Spiritus, reple tuorum corda fidelium», «Pater noster» и «Ave Maria». Всѣ иновѣрцы обязаны были присутствовать на урокахъ Закона Божія (католическаго). Имъ всѣмъ воспрещалось приносить съ собою въ классъ мясо по пятницамъ. Однимъ словомъ, преподаватели всячески старались обратить всѣхъ мальчиковъ въ католицизмъ. Результатъ получался совершенно иной: послѣдствіемъ полицейскаго отношенія къ религіи былъ полный индифферентизмъ къ ней.

Вамбери быстро сталъ вторымъ ученикомъ въ классѣ; первымъ онъ не могъ сдѣлаться, потому что не училъ катехизиса. Съ вопросомъ о столѣ и квартирѣ дѣло обстояло не такъ хорошо, какъ съ ученіемъ. Мальчикъ имѣлъ теперь въ недѣлю уже не семь обѣдовъ, а только четыре. «Я постоянно чувствовалъ муки голода,—говоритъ Вамбери. Строгая діэта, на которой я вынужденъ былъ сидѣть, только возбуждала мой и безъ того здоровый аппетитъ. Не могу передать мое настроеніе, когда я, голодный, сидѣлъ въ углу въ школѣ и училъ уроки, въ то время какъ мои товарищи завтракали». Когда мальчикъ перешелъ въ старшій классъ, въ Secunda, къ голоду прибавилась новая забота о томъ, гдѣ достать необходимые учебники. На придачу, преподаватель въ *Секундѣ* не отличался такою толерантностью къ евреямъ, какъ молодой монахъ въ первомъ классѣ. Новый учитель былъ юдофобъ, даставлявшій себѣ

удовольствіе въ шуткахъ надъ мальчикомъ, который не смѣлъ отвѣтить изъ страха предъ изгнаніемъ.

— Ну, Мошеле (коллективная кличка евреевъ въ томъ мѣстѣ), зачѣмъ тебѣ учиться? Лучше сдѣлайся рѣзникомъ и продавай «коширное» мясо,—острилъ преподаватель. Не смотря на то, что мальчикъ учился еще лучше, чѣмъ въ младшей «формѣ», преподаватель «изъ принципа» ставилъ ему дурныя отмѣтки, чтобы «не выдвигать жида впередъ». «Въ то время,—замѣчаетъ Вамбери,—еврейскій мальчикъ съ малыхъ лѣтъ получалъ представленіе о томъ, что ему предстоитъ испытать въ жизни. На улицахъ иногда за мною гнались христіанскіе мальчики; меня травили собаками, забрасывали камнями, кричали всѣдъ: «Shide Makhele! Hep! Hep! Hep!»

Черезъ много лѣтъ, когда имя Вамбери прогремѣло всюду, и когда онъ вазвратился на родину послѣ восторженнаго пріема въ Англіи и во Франціи,—въ Пештѣ, на парадномъ банкетѣ, устроенномъ академіей наукъ въ честь знаменитаго оріенталисита, къ нему подошелъ старикъ. «Вы—воспитывались одно время въ коллегіи въ С. Георгенѣ,—началъ старикъ. Я долженъ выразить вамъ ту гордость, которую испытываетъ коллегія отъ сознанія, что имѣла въ своихъ стѣнахъ такого доблестнаго человѣка». Вамбери узналъ въ старикѣ того преподавателя, любителя еврейскихъ анекдотовъ, который когда-то совѣтовалъ ему бросить ученіе и стать рѣзникомъ. Но когда мальчикъ находился въ *Секундѣ*, до почестей было еще далеко. «Только разъ въ недѣлю я имѣлъ настоящій обѣдъ,—пишетъ Вамбери,—зимою я дрожалъ всю ночь отъ холода на полу въ кухнѣ. Когда моя нищета достигла крайнихъ предѣловъ, надо мною сжалился монахъ—учитель перваго класса. Черезъ его посредство мнѣ дали работу: ваксить сапоги профессорамъ въ монастырѣ, для чего я являлся рано утромъ. Выполнялъ я работу въ корридорѣ при яркомъ огнѣ въ печкѣ, который не только согрѣвалъ меня, но и давалъ возможность приготовить уроки». Это право грѣться у печки да еще время отъ времени нѣсколько картофелинъ составляли всю заработную плату за трудъ. «Въ С. Георгенѣ я испыталъ голодъ, холодъ, насмѣшки и оскорбленія». Въ раннемъ возрастѣ уже Вамбери пристрастился къ чтенію, въ особенности, путешествій по Востоку. Интересная книга заставляла мальчика забыть про голодъ.

Въ монастырѣ маленькій Вамбери пережилъ религіозный кризисъ. Все то, что мальчикъ видѣлъ, заставляло его относиться равнодушно къ обрядовой религіи. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ энциклопедистовъ, индифферентизмъ переродился въ раціонализмъ. «Я не могъ не замѣтить контраста между тѣмъ, чему монахи учили и что дѣлали,—говоритъ Вамбери». Между тѣмъ обстоятельства складывались такъ плохо для мальчика, что онъ рѣшилъ перейти изъ школы въ С. Георгенѣ въ Пресбургъ въ надеждѣ, что въ

большомъ городѣ найдетъ и больше знанія и лучшую возможность прокормиться. По совѣту матери, мальчикъ рѣшилъ отправиться предварительно на «отдыхъ» недѣли на двѣ къ родственникамъ, жившимъ въ Лунденбургѣ (въ Моравіи). Такъ какъ средствъ не было, то путь предстояло совершить пѣшкомъ. Въ Пресбургъ мальчикъ прибылъ безъ гроша. Добрый фургонщикъ согласился подвести его даромъ до Вѣны, если мальчикъ «ухитрится помѣстится въ плетушкѣ для сѣна позади воза». Въ Вѣнѣ Вамбери разыскалъ дальняго родственника, который далъ на билетъ до Лунденбурга: въ 1845 г. желѣзная дорога здѣсь была уже построена. Имѣя въ карманѣ цѣлый капиталъ, Вамбери не устоялъ передъ искушеніемъ и накупилъ себѣ нѣсколько пышекъ съ масломъ. И вотъ на станціи, пересчитавъ деньги, мальчикъ съ ужасомъ убѣдился, что у него не хватаетъ на билетъ. Такъ какъ до отхода поѣзда оставалось уже не много времени, то приходилось дѣйствовать энергично. И вотъ, набравшись мужества, мальчикъ подошелъ къ группѣ пассажировъ и обратился по латыни:

— Domini spectabiles, rogo humillime, dignemini mihi dare aliquantos cruciferos qui iter ferrarium solvendi mihi carent (т. е. «Достопочтенные господа! Не дадите ли вы мнѣ нѣсколько крейцеровъ, такъ какъ мнѣ не хватаетъ на покупку желѣзнодорожнаго билета). Латинская рѣчь, произнесенная маленькимъ, хромоногимъ, оборваннымъ мальчикомъ произвела впечатлѣніе. Пассажиры собрали между собою недостававшій флоринъ. Вамбери купилъ билетъ и добрался до Лунденбурга, гдѣ разыскалъ родственниковъ. Они хорошо приняли мальчика, «подкормили» его, дали новое платье и нѣсколько флориновъ, чтобы добраться назадъ до Пресбурга. Здѣсь мальчикъ очень быстро убѣдился, что ему «предстоитъ жизнь мученика». Началась длинная лѣтопись голоданій и униженій еще горшихъ, чѣмъ въ С. Георгенѣ. Когда Вамбери явился въ каллегію бенедиктинцевъ, чтобы записаться въ третью «форму», ректоръ, отецъ Алоизій, сказалъ мальчику:

— И такъ, Гершель, ты задумалъ стать докторомъ, ни больше ни меньше!

«Тотъ фактъ, что меня прежде называли «Мошеле», а теперь «Гершель»,—нисколько не смущалъ меня, говоритъ Вамбери.—Но по насмѣшливому тону я могъ заключить, что меня ждетъ впереди. И дѣйствительно, я никогда не забуду тѣ три года, которые провелъ въ пресбургской коллегіи. Я не могу забыть глупыхъ шутокъ надо мною со стороны монаховъ и ихъ ничѣмъ не мотивированную злобу.—Меня до сихъ поръ поражаетъ отсутствіе толерантности, отъ котораго я такъ страдалъ въ монастырѣ». Вамбери, не смотря на хроническій голодъ и на преслѣдованія, учился великолѣпно. Онъ уже тогда проявилъ поразительныя лингвистическія способности. Кромѣ латинскаго языка, которымъ мальчикъ овладѣлъ вполнѣ,—онъ въ тринадцать лѣтъ зналъ хорошо еще венгерскій, нѣмецкій,

словацкій и древне-еврейскій языки. Вамбери самоучкой принялся за французскій языкъ и быстро овладѣлъ имъ. «Для практики» мальчикъ обращался съ рѣчами на французскомъ языкѣ рѣшительно ко всѣмъ, включительно до венгерскихъ крестьянъ, пріѣзжавшихъ на рынокъ. «Это было единственное мое развлеченіе, такъ какъ дѣла шли изъ рукъ вонъ плохо. Нѣтъ, кажется, ни одного камня въ маленькомъ дунайскомъ городкѣ, который не могъ бы разсказать горестную исторію про то, какъ я голодалъ и страдалъ отъ холода въ то время». Разъ въ осеннюю ночь Вамебри остался совсѣмъ безъ ночлега. Онъ бродилъ по улицамъ со всѣмъ своимъ имуществомъ, — съ нѣсколькими книжками подъ мышкой. «Было около девяти часовъ, когда я, совершенно обезсиленный отъ голода и усталости, опустился на скамью, на бульварѣ. Противъ меня стоялъ одноэтажный домикъ. Въ освѣщенныя окна я видѣлъ дитей, ужинавшихъ за столомъ, слышалъ звуки піанино. Отчаяніе и чувство полнаго одиночества овладѣли мною, я горько заплакалъ». Но, не смотря на отчаянныя лишенія, Вамбери учился хорошо и прошелъ третью, а потомъ четвертую «формы». Мальчикъ, не довольствуясь школьной наукой, читалъ очень много. Какъ всѣ самоучки, онъ склоненъ былъ переоцѣнивать свои знанія. Какъ у всѣхъ самоучекъ, они приняли односторонній характеръ:— въ данномъ случаѣ то было изученіе языковъ. Знаніе ихъ имѣло то послѣдствіе, что по всему городку, въ особенности среди еврейскаго населенія, распространилась слава про ученость Вамбери. У него явились грошевые уроки. Вамбери училъ чтенію и письму за право ночевать въ кухнѣ, писалъ кухаркамъ и горничнымъ billets doux въ обмѣнъ за обѣдъ и пр. Эти кліентки пропагандировали славу молодого ученаго среди своихъ хозяекъ. Разъ вечеромъ, по предложенію сентиментальной кухарки, влюбленной по уши въ сапожника, Вамбери спѣлъ ей подъ аккомпаниментъ гитары народную пѣсенку:

„Schöne Minka, ich muss scheiden,
Ach, du fühlest nicht die Leiden".

(т. е. «Прекрасная Минка, я долженъ разстаться съ тобою. Увы! Ты не знаешь моихъ страданій»). Сильный и звонкій голосъ мальчика проникъ въ гостиную и, повидимому, произвелъ хорошее впечатлѣніе на хозяйку и ея дочерей. Вамбери позвали въ другую комнату, гдѣ ему предложили еще пѣть. Кромѣ того, хозяйка рекомендовала мальчика своимъ знакомымъ (евреямъ, потому что въ то время, до революціи 1848 года, міры христіанскій и еврейскій въ Пресбургѣ никогда не смѣшивались), какъ хорошаго учителя венгерскаго, французскаго и латинскаго языковъ. Вознагражденіе было больше чѣмъ скромное: два флорина въ мѣсяцъ, т. е. по четыре копейки за урокъ. Такъ какъ Вамбери имѣлъ ежедневно три урока, то на 12 коп. «могъ жить съ комфортомъ»,

какъ онъ пишетъ. Благополучіе его достигло такихъ размѣровъ, что онъ могъ даже, къ великой своей гордости, облачиться въ поношенные штаны и въ сюртукъ, пріобрѣтенные на *собственныя* заработанныя деньги. Но судьба поспѣшила напомнить мальчику, что благополучіе не постоянно. Въ 1848 г. началась въ Венгріи война за освобожденіе. Какъ вездѣ въ подобныхъ случаяхъ съ незапамятныхъ временъ, враги освобожденія выставили виновниками его евреевъ и натравили на нихъ толпу. Въ венгерскихъ городахъ всюду начались антиеврейскіе погромы. Это не помѣшало еврейской молодежи присоединиться къ возстанію; она дралась въ рядахъ венгерскихъ войскъ за освобожденіе общей родины. Вмѣстѣ съ венгерскими патріотами, когда движеніе было раздавлено, евреи гнили въ австрійскихъ казематахъ или шли на эшафотъ. И когда, наконецъ, для Венгріи наступили лучшіе дни, евреи были тамъ сравнены въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ.

Но всему этому, прежде всего, предшествовали погромы. Толпа разгромила, между прочимъ, Пресбургъ. Еврейскія лавки были ограблены, а дома сожжены. Дѣятельная, зажиточная община была совершенно разорена. Вамбери не могъ принять участія въ борьбѣ за освобожденіе Венгріи, потому что былъ еще малъ и къ тому же калѣка; но онъ сохранилъ воспоминаніе о жестокомъ усмиреніи возстанія. «Я до сихъ поръ не могу забыть казней венгерскихъ патріотовъ, которыхъ австріяки называли «бунтовщиками» и «разбойниками». На нѣкоторыхъ казняхъ я присутствовалъ, привлеченный дѣтскимъ любопытствомъ. Двѣ сцены въ особенности памятны мнѣ. Прежде всего, казнь барона Медніянши, командира маленькой крѣпости Леопольдштадта, взятой австрійцами, и его товарища Грубера. Оба были молоды и смѣялись, когда рука въ руку шли на казнь. Когда я видѣлъ, какъ слуги камарили и издѣвались надъ тѣлами этихъ патріотовъ, качавшимися на висѣлицѣ, какъ дергали повѣшенныхъ за ноги, въ моей груди закипала жажда мщенія. Не менѣе сильное впечатлѣніе произвела на меня казнь лютеранскаго священника Рашга, присужденнаго къ висѣлицѣ за патріотическую проповѣдь».

Нѣмцы-побѣдители держали себя крайне вызывающе по отношенію ко всѣмъ заподозрѣннымъ въ сочувствіи повстанцамъ. Вотъ почему положеніе евреевъ въ Пресбургѣ ухудшилось послѣ разгрома Венгріи. Вамбери, поэтому, рѣшилъ оставить городъ. Къ тому же еврейское населеніе было совершенно разорено, и уроки исчезли. Мальчикъ принялъ приглашеніе небогатаго еврея изъ Маріенталя быть у него домашнимъ учителемъ. Черезъ семь мѣсяцевъ Вамбери возвратился въ Пресбургъ съ нѣсколькими флоринами въ карманѣ и рѣшеніемъ оставить бенедиктинскую коллегію (мальчикъ перешелъ уже въ шестой, послѣдній классъ) и поступить въ протестантскій лицей, преподаватели котораго относились болѣе тер-

пимо къ евреямъ, чѣмъ монахи. «Безпрерывныя преслѣдованія со стороны фанатиковъ-монаховъ совершенно измучили меня,—говоритъ Вамбери.—Мнѣ было уже восемнадцать лѣтъ. Восьмилѣтняя борьба съ голодомъ утомила меня. Состояніе моего духа было до такой степени подавлено, что я рѣшилъ прекратить ученіе на годъ и взять мѣсто домашняго учителя гдѣ-нибудь въ деревнѣ, чтобы укрѣпить силы и накопить кое-какія средства для продолженія ученія».

III.

Вамбери осуществилъ свою мечту: онъ попалъ учителемъ къ небогатому помѣщику Петриковичу, человѣку безъ предразсудковъ. Для Вамбери условія были блестящи: 150 флориновъ въ годъ на полномъ содержаніи. Преподаватель долженъ былъ обучать двухъ мальчиковъ иностраннымъ языкамъ, а себя самого посвящать въ таинства обращенія съ вилкой, ножемъ и салфеткой. Для бѣднаго еврейскаго мальчика, привыкшаго ночевать на улицѣ, домъ мелкопомѣстнаго землевладѣльца казался дворцомъ изъ волшебной страны. Но блаженство кончилось въ 1851 г., когда ученики Вамбери поступили въ школу. Будущій оріенталистъ опять очутился лицомъ къ лицу съ нуждою. Пришлось взять мѣсто домашнаго учителя за квартиру и столъ. «Слово *квартира* звучитъ очень громко. Въ дѣйствительности, я имѣлъ право спать въ комнатѣ для прислуги, гдѣ, кромѣ меня, спали еще кухарка, горничная и ребенокъ. Что же касается «стола», то онъ былъ настолько скроменъ, что воспоминаніе о немъ сохранялось скорѣе у меня въ памяти, чѣмъ въ желудкѣ». Такъ какъ Вамбери не могъ заплатить вступныхъ шестнадцати флориновъ, то пришлось оставить мысль о продолженіи образованія въ школѣ. Онъ никогда не былъ въ университетѣ и всѣми знаніями обязанъ только самому себѣ. Вамбери оставилъ мысль объ опредѣленной профессіи, и такъ какъ приходилось жить чѣмъ-нибудь, то онъ сталъ искать уроковъ иностранныхъ языковъ. Въ то время Вамбери зналъ уже хорошо нѣмецкій, французскій, итальянскій, латинскій, древне-еврейскій, венгерскій и словацкій языки. Учениками его были, преимущественно, евреи. «Меня всегда поражало стремленіе даже наиболѣе грубыхъ и наименѣе грамотныхъ евреевъ дать порядочное образованіе своимъ дѣтямъ,—говоритъ Вамбери.—Эти люди не жалѣли послѣднихъ средствъ, чтобы доставить дѣтямъ возможность учиться».

Условія опять сложились благопріятно для Вамбери, и онъ получилъ мѣсто домашняго учителя у зажиточнаго еврея, нѣкоего Розенберга, жившаго въ Кутіево, деревнѣ въ Славоніи. Такъ какъ Вамбери отдавалъ своимъ ученикамъ только шесть часовъ въ день,—то у него оставалось время для любимыхъ занятій филологіей. Въ деревнѣ онъ впервые началъ заниматься

турецкимъ языкомъ, что натолкнуло Вамбери на мысль объ изученіи Востока. Рабочей комнатой служила всегда какая-нибудь уединенная долина. Вамбери съ дѣтства страстно любилъ природу. Яркое утро приводило его въ хорошее настроеніе на весь день. Кромѣ природы, Вамбери любилъ еще поэзію. На каждомъ новомъ языкѣ, который изучалъ, будущій изслѣдователь Востока, прежде всего, прочитывалъ поэтовъ.

Въ деревнѣ къ семи языкамъ, которые Вамбери зналъ уже, онъ прибавилъ еще испанскій, датскій и шведскій. Изученіе турецкаго языка тоже быстро подвигалось впередъ; но идиллическому пребыванію въ славонской деревнѣ пришелъ неожиданный конецъ. Розенбергъ былъ очень доволенъ Вамбери, какъ учителемъ; но очень недоволенъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвели на молодого человѣка прекрасные глаза сестры его учениковъ. Въ результатѣ Вамбери получилъ отставку. Онъ отправился въ Вѣну въ надеждѣ, что тамъ найдется спросъ на его лингвистическія знанія; но ожиданія не оправдались, и Вамбери пришлось отправиться обратно въ Венгрію, въ Пештъ. Здѣсь, въ жалкой комнаткѣ надъ кабакомъ, не смотря на отчаянную нищету и на вѣчную погоню за грошовымъ заработкомъ, Вамбери продолжалъ свои занятія. Латинская пословица Plenus venter non studet libenter была сложена, какъ будто, нарочно для него: ощущенія «полнаго брюха» Вамбери въ то время совершенно не зналъ. Ежедневно онъ тратилъ отъ 10—12 часовъ на занятія филологіей. Къ романскимъ и германскимъ языкамъ Вамбери прибавилъ теперь славянскіе діалекты. Словацкій языкъ онъ зналъ съ дѣтства, иллирійскій діалектъ изучилъ въ Кутіево. Въ своей комнатѣ надъ кабакомъ Вамбери занялся русскимъ языкомъ. «Вскорѣ,—говоритъ оріенталистъ,—я наслаждался произведеніями Батюшкова, Пушкина и Лермонтова». Вмѣсто завтрака, Вамбери приходилось довольствоваться нѣсколькими пѣснями изъ *Orlando Furioso*, вмѣсто обѣда—«Бахчисарайскимъ фонтаномъ», «Евгеніемъ Онѣгинымъ», «Fritiof Sága» или «Гуслями» Вука Караджича. Бывало такъ, что и на ужинъ не было ничего, кромѣ чтенія драмъ Кальдерона или турецкихъ лѣтописей. Опять явилось спасеніе въ видѣ мѣста домашняго учителя. Нанимателю Вамбери отдавалъ по восьми часовъ въ день, а на свои занятія—шесть часовъ.

Чѣмъ больше знакомился Вамбери съ литературой Востока (онъ изучилъ хорошо къ тому времени турецкій и персидскій языки), тѣмъ сильнѣе расло въ немъ желаніе побывать тамъ. И вотъ созрѣло смѣлое рѣшеніе отправиться въ Турцію. «Я зналъ массу иностранныхъ языковъ,—говоритъ Вамбери,—и могъ цитировать на память громадные отрывки изъ произведеній итальянскихъ поэтовъ, Байрона, Пушкина, Тегнера и Саади. На многихъ языкахъ я могъ бѣгло объясняться и порядочно писать. Но мои знанія были безсистемны. Только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ

опыта, у меня выработался опредѣленный методъ». Задумать планъ путешествія на Востокъ было гораздо легче, чѣмъ осуществить намѣреніе. Весь капиталъ Вамбери состоялъ изъ 120 флориновъ, накопленныхъ на послѣдней «кондиціи». Денегъ этихъ едва хватало на поѣздку до Константинополя, гдѣ у Вамбери не было ни души. «Но все это нисколько не смутило меня, — пишетъ Вамбери. Великолѣпный Босфоръ, Золотой Рогъ, стройные минареты, величественные куполы мечетей, турки въ тюрбанахъ, закутанныя турчанки и многія другія чудеса, о которыхъ я мечталъ, совершенно завладѣли моимъ воображеніемъ. Я не могъ даже думать о такихъ прозаическихъ подробностяхъ, какъ то, чѣмъ буду жить на Востокѣ. «Какъ-нибудь вывернусь»,—рѣшилъ я». Единственной заботой было, какъ бы достать паспортъ у австрійскихъ властей, которыя какъ разъ въ то время относились крайне подозрительно ко всѣмъ ѣдущимъ въ Турцію, гдѣ жили венгерскіе эмигранты. Въ Вѣнѣ подозрѣвали, что въ Венгріи подготовляется революціонное движеніе и что, поэтому, агенты его безпрерывно сносятся съ бѣглецами за границей. Вамбери помогло случайное знакомство съ оріенталистомъ барономъ Этвешемъ, по рекомендаціи котораго путешественнику выдали паспортъ. Внѣшній видъ изслѣдователя не говорилъ о его благосостояніи. Башмаки, напр., находились въ такомъ плохомъ состояніи, что подошвы, чтобы онѣ не отвалились, пришлось привязать веревочками; но каждый грошъ необходимо было беречь на билетъ. Въ маѣ 1857 г. Вамбери сѣлъ на пароходъ, отправлявшійся въ Галацъ. Вопросъ о ѣдѣ былъ разрѣшенъ на пароходѣ дружбой съ корабельнымъ поваромъ, итальянцемъ, страстнымъ любителемъ поэзіи. Вамбери декламировалъ ему Аріосто и сонеты Петрарки. Поваръ вознаграждалъ путешественника восклицаніями: «ben fatto» и кусками хлѣба съ масломъ и сыромъ. Въ Галацѣ у Вамбери осталось ровно столько денегъ, чтобы купить билетъ на палубѣ до Константинополя. Полное отсутствіе денегъ не смущало изслѣдователя. Напротивъ даже. «Я былъ въ высшей степени счастливъ,—говоритъ онъ. — Наконецъ то я видѣлъ море, извѣстное мнѣ до тѣхъ поръ только по описаніямъ Байрона, Тегнера и др. поэтовъ. И при созерцаніи широкаго простора, я былъ въ восхищеніи. Чтобы лучше созерцать бѣгъ волнъ, я, съ разрѣшенія матросовъ, усѣлся у бугшприта. Мнѣ представлялось, когда соленыя волны обливали меня, что я плыву верхомъ на дельфинѣ. Я буквально купался въ морѣ наслажденія. Я пѣлъ, декламировалъ стихи, и до поздней ночи мой голосъ смѣшивался съ пронзительнымъ крикомъ чаекъ. Наконецъ, когда морская вода совершенно пропитала мое платье, я всталъ съ моего «дельфина», улегся на палубѣ, гдѣ лежали турки и крѣпко заснулъ». Даже когда началась ночью сильная качка, и палубные пассажиры, въ особенности турчанки, стали сильно страдать отъ морской болѣзни,—Вамбери былъ тоже доволенъ. Пожалуй, даже

больше, чѣмъ тогда, когда сидѣлъ на своемъ «дельфинѣ». «Вой вѣтра, трескъ досокъ, размахи корабля; вздохи и стоны пассажировъ говорили мнѣ, что вскорѣ я увижу величественный Эвксинъ въ красотѣ настоящей бури. Я тотчасъ же поднялся и, не смотря на темень, направился къ мачтѣ. Здѣсь я былъ въ восторгѣ, когда случайная молнія освѣщала великолѣнную картину взрытаго моря. Осуществлялись мои самыя завѣтныя желанія!» Вамбери, крѣпко держась за перегородку, отдѣлявшую третій классъ отъ перваго, сталъ декламировать стихи изъ *Henriade*. На рубкѣ перваго класса стоялъ только одинъ пассажиръ, тоже любитель бури. Его такъ поразилъ бѣдно одѣтый молодой палубный пассажиръ, декламирующій на турецкомъ пароходѣ стихи Вольтера, что онъ заговорилъ съ Вамбери. То былъ секретарь бельгійскаго посольства въ Константинополѣ, который впослѣдствіи оказалъ молодому путешественнику кое-какія услуги.

Корабль, наконецъ, бросилъ якорь въ Золотомъ Рогѣ и ошвартовался противъ Галаты. Пассажиры толпились, чтобы скорѣе выбраться на берегъ. Для Вамбери впервые выяснились прозаичныя стороны путешествія. Въ карманѣ у него было ровно столько денегъ, чтобы заплатить лодочнику за переправу на берегъ. Въ городѣ путешественникъ не имѣлъ ни одной знакомой души. Но какъ только Вамбери попалъ на улицы Константинополя, онъ опять забылъ про свою нищету. Пестрая, причудливая жизнь, хаосъ языковъ, любопытныя и выразительныя лица, смѣшеніе красокъ,—все это поглотило вниманіе Вамбери. Вопросъ о квартирѣ разрѣшился случайной встрѣчей съ венгерскими эмигрантами, которые пригласили земляка ночевать на продавленномъ диванѣ. Ни подушекъ, ни простынь, ни одѣяла не было, но Вамбери привыкъ спать на подстилкѣ, въ углу въ кухнѣ, на полу. Вопросъ о кускѣ хлѣба тоже разрѣшился довольно своеобразно. Всюду на Востокѣ: въ Константинополѣ, Каирѣ, Тунисѣ и Алжирѣ—есть своеобразные «ученые нищіе», добывающіе скудный обѣдъ декламаціей наизусть или по книгѣ поэмъ и сказокъ. Вамбери, обладавшій способностью не только быстро усваивать чужой языкъ, но и овладѣвать въ совершенствѣ акцентомъ, сталъ такимъ декламаторомъ. Онъ читалъ въ кофейняхъ туркамъ отрывки изъ «Ашикъ Гарибъ» (т. е. «Влюбленный Чужестранецъ») или другія популярныя поэмы и въ видѣ гонорара получалъ хлѣбъ, сыръ, кофе, а иногда «кебабъ» (жареное мясо), пилафъ или «пастирма» (вяленое мясо). «Первыя шесть недѣль въ Константинополѣ прошли незамѣтно,—говоритъ Вамбери. — Я никогда не зналъ утромъ, буду ли я ѣсть вечеромъ и если да, то гдѣ именно. Будущее меня нисколько не смущало. Такъ какъ я замѣнилъ шляпу феской и былъ въ достаточной степени оборванъ, то меня, дѣйствительно, всѣ принимали за турка профессіональнаго бродячаго декламатора. Я наслаждался моею жизнью бродяги». Плохо было только, когда наступили холодныя

ночи. Вамбери дрожалъ тогда на своемъ продавленномъ диванѣ; но и тутъ нашлось средство. Оріенталистъ спросилъ эмигрантовъ, нѣтъ ли у нихъ, чѣмъ прикрыться. Они дали ему старое венгерское знамя, которое удалось спасти съ поля битвы. То было ихъ единственное имущество. «Знамя это зажигало огонь энтузіазма въ сердцахъ борцовъ за свободу,—сказалъ старый эмигрантъ:—оно, поэтому, будетъ грѣть и васъ». Эмигрантовъ скоро вытѣснили за неплатежъ денегъ, и Вамбери остался безъ ночлега; но одинъ венгерецъ, у котораго какъ разъ тогда околѣла сторожевая собака, предложилъ оріенталисту караулить домъ, покуда не будетъ пріобрѣтенъ другой песъ. «И я занялъ вакантный постъ сторожевой собаки»,—спокойно пишетъ Вамбери. По утрамъ онъ изучалъ турецкую и персидскую литературы, затѣмъ чистилъ дворъ, ходилъ по-воду, а вечеромъ отправлялся въ кофейни, чтобы заработать піастръ или два декламаціей популярныхъ сентиментальныхъ и эротическихъ поэмъ. Какъ только Вамбери, взмостившись на высокую скамью, начиналъ декламировать нараспѣвъ, въ носъ, по восточному обычаю, свои поэмы,—его тотчасъ же окружали турки и армяне. Затаивъ дыханіе, они слушали любовныя жалобы Вамика, Эзры, Хоссру или Ширина.

Такъ шло дѣло до глубокой осени. Съ наступленіемъ холодныхъ дней, бродяжеская жизнь стала тягостна. Необходимо было подумать о такихъ прозаическихъ, но крайне полезныхъ вещахъ, какъ крѣпкіе башмаки, цѣлые штаны и пр. И вотъ Вамбери рѣшилъ, что слѣдуетъ искать какого-нибудь постояннаго занятія, напр., уроковъ. Вслѣдствіе удивительнаго знанія языковъ, спроса на нихъ въ Константинополѣ, легкости, съ которой Вамбери знакомился съ людьми, и неприхотливости его,—уроки скоро нашлись. Оріенталистъ сталъ учителемъ въ конакѣ у Гуссэйна Даимъ паши. «Я переселился въ турецкій кварталъ,—разсказываетъ Вамбери, — и превратился въ настоящаго турка. Недоставало только имени. Мой принципалъ сталъ называть меня Решидъ, т. е. «Честный». За мои знанія мнѣ прибавили титулъ «эффенди». Такимъ образомъ я сталъ Решидъ Эффенди; подъ этимъ именемъ я съ тѣхъ поръ извѣстенъ на Востокѣ». Принципалъ былъ увѣренъ, что принятіе ислама со стороны Решида Эффенди явится само собою впослѣдствіи. Такимъ образомъ, для Вамбери открылась бы дорога къ почестямъ. Но оріенталистъ совершенно не думалъ послѣдовать примѣру десятка другихъ европейцевъ. Хотя исламъ, по словамъ Вамбери (то же самое говоритъ и другой великій знатокъ Востока—сэръ Ричардъ Бертонъ, о которомъ я писалъ уже раньше), даетъ широкій просторъ свободной мысли, такъ какъ основанъ на раціоналистическихъ догматахъ; но всетаки это опредѣленная вѣра, тогда какъ путешественникъ къ этому времени былъ уже свободнымъ мыслителемъ. Турки, по свидѣтельству Вамбери, отличаются большою толерантностью, и поэтому вопросъ о ренегатствѣ былъ со-

вершенно оставленъ, когда Гуссэйнъ-паша убѣдился, что оріенталистъ противъ перехода въ исламъ. У Вамбери явилась возможность изучить въ совершенствѣ не только турецкіе нравы, но и турецкую манеру мыслить. Вотъ почему онъ до сихъ поръ считается самымъ лучшимъ авторитетомъ, когда заходитъ рѣчь о безконечномъ турецкомъ вопросѣ. Вамбери отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ многія симпатичныя черты турокъ: ихъ честность, демократизмъ (въ Турціи нѣтъ аристократіи по рожденію; человѣкъ самаго темнаго происхожденія можетъ стать великимъ визиремъ), патріархальность. Слуги являются членами семьи и имѣютъ иногда сильное вліяніе на эффенди, пашу, и, въ особенности, на дѣтей. Нѣкоторые европейскіе народы, не смотря на свой кодексъ морали, который исповѣдуютъ, отличаются слѣпой ненавистью къ инородцамъ. Турки же строго слѣдуютъ и въ повседневной жизни предписанію Корана: «Ekremu ed dhaifum ve lau kana kafirun», «Чти гостя даже тогда, когда онъ невѣрный».

Дѣла Вамбери, какъ преподавателя, шли хорошо. Вмѣстѣ съ этимъ расширялась возможность изучать различныя стороны турецкой жизни. Изъ конака Гуссэйнъ-паши Вамбери перешелъ въ домъ канцлера имперскаго совѣта, гдѣ познакомился съ Мидхадъ-пашей, будущимъ отцомъ турецкой конституціи, жившей такъ мало. Черезъ посредство Мидхадъ-паши Вамбери поступилъ въ «медрессе», т. е. высшую школу для изученія корана. «Скрючившись у ногъ «Khodjas» (профессоровъ), я основательно изучилъ исламъ,— говоритъ оріенталистъ:—Знанія, которыя мои товарищи-студенты воспринимали съ религіознымъ восторгомъ, были цѣнны для меня не только потому, что поднимали меня въ глазахъ окружающихъ, но еще потому, что давали возможность осуществить когда-нибудь зарождавшіеся смѣлые планы. Среди европейцевъ, изучавшихъ Востокъ и перешедшихъ потомъ въ исламъ, я былъ первый, который получилъ спеціальное религіозное образованіе въ «медрессе» и не обратился въ магометанство. Ученіе въ «медрессе» давалось мнѣ легко, потому что очень напомнило преподаваніе въ еврейской школѣ. И тутъ, и тамъ съ одинаковымъ жаромъ ведутся абстрактные религіозные диспуты, тщательно обсуждаются мельчайшія ритуальныя детали и лучшимъ ученымъ признается тотъ, кто можетъ дольше всѣхъ спорить». Турки цѣнятъ въ человѣкѣ его самого, а не происхожденіе. На родинѣ отъ Вамбери отворачивались только потому, что онъ еврей. Въ Турціи его національность никого не интересовала.

Населеніе и правительство составляютъ два различныхъ міра, какъ это наблюдается не въ одной только Турціи. Самые просвѣщенные администраторы, блиставшіе передъ Вамбери своимъ европейскимъ образованіемъ, имѣли о государственныхъ финансахъ, напр., довольно своеобразное представленіе. О султанѣ и говорить нечего. Когда Фуадъ-паша рѣшился замѣтить повелителю право-

вѣрныхъ, что съ государственной казной слѣдуетъ обращаться нѣсколько осторожнѣе, султанъ воскликнулъ: «Развѣ я не повелитель правовѣрныхъ? Развѣ вся имперія не принадлежитъ мнѣ?»

Доходы Вамбери значительно увеличились. Послѣ долголѣтней борьбы съ голодомъ у оріенталиста былъ теперь свой уголъ и большая слава въ Константинополѣ. Благодаря ей, онъ получилъ доступъ въ библіотеки, гдѣ нашелъ много турецкихъ рукописей, касающихся ранней исторіи Венгріи. И вотъ Вамбери рѣшилъ выступить на литературное поприще ознакомленіемъ Венгріи съ этими источниками. Одновременно съ этимъ Вамбери составилъ нѣмецко-турецкій словарь, изданный въ 1858 г. Въ Константинополѣ также началась журнальная дѣятельность Вамбери рядомъ писемъ, появившихся въ Augsburger Allgemeine Zeitung и въ Pesti Naplo. Письма эти обратили вниманіе спеціалистовъ, которыхъ поразило глубокое знаніе Востока. Между тѣмъ изученіе лѣтописей въ библіотекѣ все сильнѣе захватывало Вамбери. Его живо заинтересовало таинственное происхожденіе мадьярскаго народа и языка. Въ школѣ Вамбери слышалъ много легендъ объ этомъ, которыя желалъ теперь провѣрить И такъ какъ легенды указывали на Центральную Азію, тогда совершенно неизвѣстную, какъ на колыбель венгерскаго народа, то у Вамбери зародилась безумно-смѣлая для того времени мысль изслѣдовать этотъ край. Любопытно не то, что одно изъ самыхъ поразительныхъ путешествій въ исторіи географической науки было осуществлено изъ націоналистическихъ побужденій, а то, что путешественникъ принадлежалъ къ племени, отъ котораго на родинѣ отвернулись мадьяры. Въ то время языкъ Центральной Азіи, т. е. чагатайскій или восточно-турецкій былъ извѣстенъ на Западѣ только по работамъ французскаго оріенталиста Катрмэра (Quatremère). На основаніи этихъ скудныхъ данныхъ, а также разницы между разговорнымъ и литературнымъ языкомъ, Вамбери надѣялся найти на берегахъ Оксуса (Аму-Дарьи) ключъ къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи венгерскаго народа. Въ то время свѣдѣнія объ Авганистанѣ, Бухарѣ и Хивѣ могли дать только паломники, возвращавшіеся изъ Мекки. Всѣ эти свѣдѣнія говорили о дикости, грубости, жестокости и фанатизмѣ населенія Центральной Азіи. И когда, наконецъ, Вамбери сообщилъ своимъ турецкимъ друзьямъ, что рѣшилъ предпринять путешествіе въ неизвѣстные края, его сочли маніакомъ. Еще настойчивѣе заговорили о душевной болѣзни Вамбери, когда его стали видѣть постоянно въ обществѣ оборванныхъ, полунагихъ паломниковъ-нищихъ, возвратившихся изъ Центральной Азіи. И вотъ Вамбери рѣшительно приступилъ къ выполненію плана, осуществленіе котораго прославило безумно-смѣлаго путешественника на весь міръ. Венгерская академія наукъ, избравшая къ тому времени Вамбери за переводъ турецкихъ лѣтописей своимъ корреспондентомъ, дала ему на путешествіе скромную сумму въ ты-

сячу флориновъ. Даже президентъ академіи наукъ мало надѣялся на то, что Вамбери возвратится изъ путешествія. И когда одинъ изъ академиковъ, краніологъ по спеціальности, предложилъ Вамбери привезти нѣсколько тюркскихъ череповъ для сравненія съ венгерскими, президентъ академіи наукъ замѣтилъ: «пожелаемъ лучше нашему сотоварищу привести въ цѣлости собственный черепъ». Чтобъ обезпечить Вамбери радушный пріемъ у туркменовъ, академія наукъ снабдила его пропускомъ на *латинскомъ* языкѣ. Полудикое населеніе Авганистана, Бухары и Хивы извѣщалось, что «Socius noster Vir ingenuus honestissimusque Arminius Vambéry Hungarus eo fine per nos ad oras Asiae Tartaricas mittitur» etc. «Мои милые соотечественники полагали, что документъ этотъ будетъ въ высшей степени полезенъ мнѣ при сношеніяхъ съ ханами Туркестана и съ туркестантскими вождями. Покажи я эту грамоту въ степяхъ или на берегахъ Оксуса, меня немедленно отдали бы палачу»—говоритъ Вамбери.

Денегъ, отпущенныхъ венгерской академіей наукъ на экспедицію, было такъ мало, что ихъ могло хватить только до Тегерана. Для осуществленія плана, Вамбери рѣшилъ, что лучше всего ему путешествовать, какъ турку, подъ именемъ Решидъ Эффенди и пользоваться рекомендаціями, полученными отъ турецкихъ друзей. «Чѣмъ ближе былъ день отъѣзда, — говоритъ Вамбери, — тѣмъ больше возрастало мое нервное возбужденіе. Я едва сознавалъ, что дѣлаю. Близились къ осуществленію мечты моей юности, тотъ миражъ, который манилъ меня постоянно при изученіи восточныхъ литературъ. Скоро я увижу воочію мою мечту! Приподнятое настроеніе заглушало голосъ здраваго смысла. Что, въ самомъ дѣлѣ, могло страшить меня? Въ концѣ концовъ, опасности, грозившія мнѣ, были всѣ матеріальнаго свойства: лишенія, борьба съ враждебной природой, болѣзни. Я совершенно не думалъ о томъ, что мое предпріятіе можетъ кончиться неудачей и смертью. Что для меня значили физическія лишенія; сколько ихъ я испыталъ въ дѣтствѣ и юности! Въ Европѣ я хронически голодалъ до восемнадцати лѣтъ. Не только въ дѣтствѣ, но и очень долго потомъ я не зналъ, что такое теплое и цѣлое платье. Во время путешествія мнѣ предстояло вынести насмѣшки; но мнѣ ли, котораго, «какъ жида», травили съ дѣтства, было привыкать къ нимъ! Фанатики шіиты будутъ глумиться надо мною въ пути; но чѣмъ это хуже ужасныхъ криковъ: «гепъ! гепъ!» и швырянія камнями» *)?

Вамбери долженъ былъ оставить «хорошую» жизнь, которую велъ въ Константинополѣ. При описаніи ея мы видимъ, какъ нетребователенъ знаменитый оріенталистъ: «я имѣлъ удобную комнату, ежедневно сытный обѣдъ и могъ даже пользоваться экипажемъ, когда мнѣ предстояла въ немъ надобность».

---

*) The Story of My Struggles, v. I, p. 158.

V.

Исторія путешествія Вамбери въ Персію, Авганистанъ, Бухару и Хиву разсказана много разъ *), какъ имъ самимъ, такъ и другими; но безумно-смѣлое предпріятіе отъ этого нисколько не утратило своего интереса. До сихъ поръ оно остается почти единственнымъ въ своемъ родѣ. Сэръ Ричардъ Бертонъ посѣтилъ Мекку подъ видомъ богатаго арабскаго купца. Онъ рисковалъ попасть на колъ, какъ и Вамбери, но шансовъ на спасеніе у англійскаго путешественника было больше. Кромѣ того, его странствованіе было обставлено извѣстнымъ комфортомъ (съ точки зрѣнія путешественника по Востоку, конечно); тогда какъ пребываніе Вамбери въ Средней Азіи представляетъ собою безконечную цѣпь невѣроятныхъ лишеній, голода, гоненій. Бертонъ имѣлъ возможность свершить путь верхомъ на верблюдѣ, тогда какъ Вамбери шелъ пѣшкомъ съ толпою нищихъ паломниковъ. Хотя Вамбери разстался съ костылемъ еще въ 20 лѣтъ, но нога его была такъ сведена, что онъ сильно хромалъ. И, не смотря на крайне неблагопріятныя условія, при которыхъ было совершено путешествіе; не смотря на то, что малѣйшая замѣтка, сдѣланная въ пути, если бы ее нашли, вела бы за собой для Вамбери мучительную казнь,—слѣдуетъ удивляться точности и добросовѣстности его наблюденій. Когда Вамбери впервые разсказалъ о своемъ путешествіи, ему повѣрили только въ Англіи. На родинѣ юдофобскія газеты писали, что «жидъ навралъ и все выдумалъ». Только впослѣдствіи, когда Бухара и Хива стали доступны, выяснилось, какъ добросовѣстно Вамбери передаетъ факты.

Въ мартѣ 1862 г. Вамбери прибылъ въ Трапезондъ, откуда отправился въ Персію съ небольшимъ караваномъ. «Когда я взбирался на тянущійся вдоль побережья Чернаго моря горный хребетъ и видѣлъ, какъ постепенно скрывается въ туманѣ море, — тоскливое чувство овладѣло мною. Впервые къ страстному желанію увидѣть невѣдомыя европейцамъ мѣста примѣшалось предчувствіе предстоящихъ опасностей. Была весна. Великолѣпная погода и величественныя картины горъ почти разсѣяли эти смутныя предчувствія; но они явились опять вечеромъ, когда мы прибыли въ грязный каравансарай. Послѣ утомительнаго переѣзда, я долженъ былъ самъ приготовить мой скудный ужинъ, а затѣмъ улечься на полу. Ночью предстоящее путешествіе рисовалось мнѣ далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Путь отъ Трапезонда до Эрзерума показался

*) „Travels in Central Asia". На русскій языкъ эта книга переведена почти одновременно: „Путешествіе по Средней Азіи въ 1863 г. А. Вамбери, съ картой", Спб., 1865 г.

мнѣ особенно утомительнымъ. Предстояло войти въ милость къ моимъ попутчикамъ, грубымъ и фанатичнымъ погонщикамъ муловъ; но, что еще хуже, необходимо было привыкнуть къ насѣкомымъ, которыми ночлеги кишѣли». Отъ Эрзерума на пути встрѣчались только жалкія сакли армянъ, похожія скорѣе на кротовыя кучи, чѣмъ на человѣческое жилье. Въ этихъ сакляхъ люди жили вмѣстѣ съ буйволами. На Дагарѣ караванъ впервые встрѣтился съ разбойниками-курдами, и Вамбери принялъ первое «крещеніе огнемъ». Знаменитый путешественникъ приходитъ къ заключенію, что такія добродѣтели, какъ храбрость, находчивость въ опасности и презрѣніе къ смерти не наслѣдуются, а пріобрѣтаются опытомъ. «Я научился съ теченіемъ времени спокойно смотрѣть опасности въ лицо и не бояться смерти,—говоритъ Вамбери.—И я остаюсь при моемъ мнѣніи, что герои (въ смыслѣ смѣлости) не рождаются, а дѣлаются. Наиболѣе робкій домосѣдъ можетъ, подъ вліяніемъ постоянной необходимости самозащиты, стать настоящимъ львомъ. Только эта необходимость создаетъ добродѣтель личнаго мужества, которую такъ восхваляютъ всѣ. Источникомъ героизма является настоятельная необходимость самосохраненія». Наконецъ, караванъ перевалилъ черезъ персидскую границу. Въ воображеніи путешественника Персія представлялась страной розъ и ширасскаго вина. Дикія горы и поразительная бѣдность сильно смутили, поэтому, туриста. Къ трудностямъ пути прибавлялись мученія другого рода. Для шіитовъ персовъ Вамбери, или Решидъ Эффенди, былъ раскольникъ сунитъ, чудовище своего рода, объектъ безконечныхъ насмѣшекъ и оскорбленій.—«У себя на родинѣ персы смѣлые фанатики,—говоритъ Вамбери.—Какъ будто я не достаточно терпѣлъ уже отъ фанатизма въ дѣтствѣ! Гидра религіозной ярости мучила меня теперь снова. Мнѣ кричали: «Segi Sunni!» (т. е. сунитская собака!). То былъ, своего рода, варіантъ крика: «Гепъ! гепъ! жидъ», которымъ меня преслѣдовали въ дѣтствѣ. Злоба и ненависть персидскихъ купцовъ и муллъ причиняли мнѣ не меньшую боль, чѣмъ камни, которыми швыряли въ меня когда-то на родинѣ или чѣмъ глумленія моихъ учителей въ коллегіи, Но я такъ же привыкъ къ ругательствамъ шіитовъ; помогли мнѣ терпѣніе и выносливость моего племени. Я принимался читать на распѣвъ какую-нибудь «суру» изъ Корана или эпизодъ изъ *Mesnevi*, изъ книгъ, одинаково священныхъ, какъ для сунитовъ, такъ и для шіитовъ.—Это дѣйствовало успокаивающимъ образомъ на моихъ преслѣдователей, они говорили: «Онъ еще не совсѣмъ погибъ; онъ такъ знаетъ Коранъ, что изъ него можетъ еще выйти добрый мусульманинъ» (т. е. шіитъ). Всюду все, что есть наиболѣе низкаго въ человѣкѣ, проявлялось предо мною подъ вліяніемъ религіи, которая считается продуктомъ божественнаго вдохновенія и, по предположенію, должна дѣйствовать на человѣчество облагораживающимъ образомъ. Отъ моей колыбели до самой старости, какъ въ Азіи такъ въ Европѣ,

среди грубыхъ варваровъ и людей высокой культуры, я всюду встрѣчалъ нетерпимость, узость взглядовъ, злобу и несправедливость только со стороны религіозныхъ людей и на почвѣ религіи». Чѣмъ дальше въ глубь Персіи уходилъ караванъ, тѣмъ большій фанатизмъ проявляло населеніе. Для него «Решидъ Эффенди», по предположенію суннтъ, былъ такая же «nedjis» (нечисть), какъ и христіанинъ. Женщины проявляли еще большую нетерпимость, чѣмъ мужчины; онѣ плевали на «сунита» и осыпали его ругательствами. То обстоятельство что женщины энергичнѣе демонстрируютъ свой фанатизмъ, чѣмъ мужчины, испыталъ, впрочемъ, еще Кандидъ *).

Въ Таврисѣ, чтобы не выдаваться своимъ видомъ въ пестрой толпѣ купцовъ, ремесленниковъ, нищихъ, дервишей, шутовъ, уличныхъ пѣвцовъ и фокусниковъ, Вамбери замѣнилъ свое полу-европейское платье, превратившееся въ лохмотья, персидскимъ. Такъ какъ оріенталистъ обладаетъ удивительной способностью быстро и въ совершенствѣ улавливать акцентъ, то Вамбери, не смотря на его европейское лицо, стали принимать въ Персіи за туземца. Сильную помощь оказало также великолѣпное знаніе Корана. Послѣ продолжительнаго пребыванія въ Таврисѣ, Вамбери отправился въ Тегеранъ. Будущее представлялось теперь путешественнику въ болѣе розовомъ свѣтѣ, — созрѣла надежда, что смѣлое предпріятіе доведено будетъ до конца. Вамбери присоединился къ компаніи курдовъ и арабовъ; хотя эти были и изъ суннтскихъ странъ, но ѣхали они, какъ шіиты, «промышляя вѣрой». Путешественники эти были странствующіе сказители священныхъ элегій (Rouzekhan) и ежедневно проливали цѣлыя ведра слезъ, воспѣвая въ деревняхъ трагическую судьбу мучениковъ Гасана и Гусейна; набравъ денегъ, переодѣтые суниты смѣялись надъ «невѣрными». Торговцы вѣрой имѣли и другую спеціальность: они отправляли живыхъ и мертвыхъ персовъ къ святымъ мѣстамъ въ Кербела. Живымъ персамъ «торговцы» служили проводниками. Они выговаривали себѣ возможно болѣе высокій гонораръ, который получали авансомъ, и тайкомъ вступали потомъ въ сношеніе съ разбойниками-бедуинами, обиравшими путешественниковъ. Мертвыхъ персовъ доставляли къ святымъ мѣстамъ вьючнымъ порядкомъ, въ примитивныхъ гробахъ, состоявшихъ изъ четырехъ досокъ. Въ этой почтенной компаніи Вамбери благополучно прибылъ въ Тегеранъ **). Къ путешествію въ Среднюю Азію оріенталистъ готовился поѣздкой по Южной Персіи въ Испагань, Ширасъ и Персеполь. Въ Тегеранѣ

*) „La femme..., avisant un homme qui doutait que le pape fût antechrist, lui répandit sur le chef un plein... O ciel! à quel excès se porte le zèle de la religion dans les dames!“ (Candide. Chapitre III).

**) Эта компанія подробно описана во второй книгѣ Вамбери, посвященной путешествію въ Среднюю Азію: „Wanderings and Experiences in Persia“. Книга переведена на многіе языки, но, кажется, не на русскій.

путешественнику сказали, что поѣздка въ Бухару почти невозможна. Вслѣдствіе войны, происходившей тогда на сѣверо-востокѣ Персіи, дорога черезъ Мешедъ и Мервъ была совершенно недоступна. Чтобы не тратить напрасно времени, приходилось намѣтить, поэтому, какой-нибудь иной планъ. «Въ мою программу не входило изученіе арійскихъ языковъ, — говоритъ Вамбери, — поэтому, собственно, мнѣ нечего было дѣлать въ Южной Персіи; но я долженъ былъ продолжать систему закаливанія себя. Кромѣ того, кочевая жизнь до того полюбилась мнѣ, что твердое сѣдло, твердые сухари и твердая постель на землѣ нравились теперь мнѣ больше, чѣмъ роскошь, которую предлагали мнѣ въ гостепріимномъ турецкомъ посольствѣ въ Тегеранѣ». Черезъ посредство турецкихъ друзей, Вамбери пріобрѣлъ много знакомыхъ въ Тегеранѣ, былъ представленъ шаху и, когда отправился въ Южную Персію, получилъ отъ персидскаго правительства охранный листъ на имя «Отоманскаго подданнаго Решида Эффенди». Въ Испагани знаменитый мулла того времени пытался обратить «сунита» Вамбери на путь истинный, т. е. въ шіита. Съ этой цѣлью устроенъ былъ даже большой религіозный диспутъ. Муллу поддержалъ рядъ другихъ ученыхъ богослововъ, старавшихся доказать, что только догматы шіитовъ единственно вѣрные. Богословы привели великое множество аргументовъ для доказательства, что первые калифы Абукиръ, Османъ и Омаръ были, въ сущности, только узурпаторы и что только одинъ Али имѣетъ неотъемлемое право на титулъ наслѣдника пророка. Такъ какъ Вамбери присутствовалъ уже на такихъ диспутахъ въ Турціи, то онъ привелъ аргументы, выставляемые обыкновенно сунитами, затѣмъ замолчалъ. Богословы были въ восторгѣ, что разбили на голову схизматика. «Бѣдные глупцы!— говоритъ Вамбери,—что бы они сказали, узнавъ, что отъ прикосновенія къ «френги» (европейцу) стали «nedji» (нечисть). Бѣдняги аргументировали все время съ заклятымъ врагомъ какого бы то ни было канонизированнаго догмата!» Ученые богословы нашлись и въ караванѣ, съ которымъ Вамбери предпринялъ путешествіе по Южной Персіи. Они готовы были начать пренія въ любой моментъ: въ пути, на ночлегѣ, на привалахъ. Часто къ вечеру, когда становилось прохладнѣе и Вамбери дремалъ въ сѣдлѣ, какой-нибудь рьяный спорщикъ внезапно будилъ путешественника восклицаніемъ: «Итакъ, ты отрицаешь, что Омаръ, эта паршивая собака, гнусное исчадіе ада, эта вонючая гадина, былъ захватчикъ власти и самозванецъ? Отвѣчай немедленно эффенди. У меня сильное желаніе отправить тебя въ адъ къ твоему скверному патрону!» И миролюбивый путешественникъ, поклонникъ Вольтера и Штрауса, пробужденный внезапно отъ сна, долженъ былъ немедленно приводить и выслушивать нелѣпые аргументы.

Когда Вамбери возвратился въ Тегеранъ изъ поѣздки по Южной Персіи, онъ окончательно рѣшилъ предпринять путешествіе

въ Бухару, если необходимо, черезъ Гератъ и прямо черезъ туркменскія степи. Изъ «эффенди» Вамбери превратился въ бродягу дервиша, т. е. въ мусульманскаго «странника». Ходить въ лохмотьяхъ и выпрашивать хлѣбъ пѣніемъ священныхъ гимновъ было трудно; но это давало извѣстный шансъ на осуществленіе задуманнаго плана. Въ то время, т. е. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, у всѣхъ въ памяти была смерть англійскихъ офицеровъ Конолли и Стоддэрта, замученныхъ пытками въ Бухарѣ. Тогда же де Блоквиль, только что бѣжавшій изъ плѣна у туркменовъ, привелъ всѣхъ въ ужасъ разсказами про страданія европейцевъ, находящихся въ плѣну у средне-азіатскихъ хановъ. Говорили, что англійскій офицеръ капитанъ Уойборнъ, пропавшій въ туркменскихъ степяхъ, погибъ тоже отъ пытокъ. Всѣ эти факты и много другихъ еще приводили тегеранскіе друзья Вамбери, чтобы отговорить его отъ путешествія, такъ сказать, въ центръ мусульманскаго фанатизма. Когда въ турецкомъ посольствѣ узнали, что Вамбери собирается свершить путь въ компаніи оборванныхъ, полудикихъ татаръ, возвращавшихся въ степи изъ паломничества къ гробу пророка,—путешественника сочли осужденнымъ на гибель.

Пріятель Вамбери, турецкій посланникъ Хайдаръ Эффенди, призвалъ къ себѣ старостъ каравана нищихъ, далъ имъ подарки и убѣждалъ ихъ заботиться о путешественникѣ. Посланникъ сдѣлалъ еще больше: онъ выдалъ охранительную грамоту, въ которой Вамбери значился, какъ *хаджи* Магометъ Решидъ Эффенди. Званіе «хаджи», очень чтимое на Востокѣ, какъ извѣстно, дается только правовѣрнымъ, побывавшимъ въ Меккѣ. Турецкій посланникъ зналъ, что Решидъ Эффенди не только не былъ у гроба пророка, но что онъ даже не мусульманинъ. Выдача грамоты свидѣтельствуетъ, какъ о добротѣ турецкаго посла, такъ и о религіозной терпимости его. Грамота и титулъ «хаджи» нѣсколько разъ спасли жизнь Вамбери. Оффиціальный документъ, скрѣпленный подписью султана (тугра), всегда внушалъ туркменамъ глубокое уваженіе. Они признаютъ османлисовъ братьями по вѣрѣ. Въ степяхъ туркмены прикладывались къ подписи султана, какъ къ святынѣ. Въ Хивѣ и Бухарѣ, гдѣ подпись падишаха была еще болѣе извѣстна, грамота вызывала еще большее уваженіе. По мнѣнію Вамбери, оффиціальный представитель какого-нибудь государства гуманной Европы врядъ ли сдѣлалъ бы такой же великодушный поступокъ по отношенію къ магометанину.

Пытался также отговаривать Вамбери отъ путешествія врачъ при австрійскомъ посольствѣ. Убѣдившись, что аргументы не дѣйствуютъ, врачъ далъ Вамбери нѣсколько пилюль. «Вотъ вамъ стрихнинъ,—сказалъ онъ,—ядъ васъ избавитъ отъ медленной смерти подъ пыткой. Когда васъ отдадутъ палачу, проглотите эти пилюли. Онѣ сократятъ ваши мученія». Вамбери обнялъ врача и спряталъ ядъ за подкладку. «Пилюли были моей надеждой въ

пути,—говоритъ Вамбери.—Много разъ во время крайней опасности я нащупывалъ пилюли. Убѣдившись, что онѣ на мѣстѣ, я чувствовалъ облегченіе». Все состояніе Вамбери заключалось въ «Kiblenuma», т. е. въ компасѣ для опредѣленія положенія Мекки и Медины во время молитвы, да въ нѣсколькихъ дукатахъ, запрятанныхъ въ башмакахъ, между подошвами и подстилкой. «Cantabit vacuus coram latrone viator,» —говоритъ Ювеналъ, т. е. «странникъ, ничего не имѣющій при себѣ, будетъ пѣть, завидѣвъ грабителей». Вотъ почему Вамбери не боялся встрѣчи съ разбойничьими шайками. Лохмотья его были такъ жалки, что не могли соблазнить даже самаго жаднаго разбойника. И вотъ Вамбери тронулся въ путь по направленію къ Каспійскому морю, оставивъ за собою Тегеранъ и послѣднія связи съ Европой. Къ трудностямъ пути (хромому Вамбери приходилось много идти пѣшкомъ), къ мукамъ голода и жажды, къ тяжелому для самаго неприхотливаго европейца состоянію нищаго-дервиша, питающагося подаяніемъ,—прибавлялось еще безпрерывное страшное напряженіе нервовъ. Смѣлый путешественникъ постоянно долженъ былъ думать о томъ, какъ бы не выдать какою нибудь ничтожною мелочью своего incognito. Вамбери въ совершенствѣ владѣлъ языкомъ; онъ отлично зналъ Коранъ; но подозрѣніе возбуждали черты его лица. «Днемъ и ночью, во снѣ или на яву, въ толпѣ или наединѣ, я постоянно долженъ былъ помнить мою роль, быть всегда настороже, чтобы никогда ни малѣйшимъ промахомъ не выдать себя,—говоритъ Вамбери.—По ночамъ, когда всѣ спали, я пріучалъ лицо къ нѣкоторымъ гримасамъ, къ благочестивому и характерному для нищихъ-дервишей закатыванію глазъ. Я подражалъ жестикуляціямъ, подмѣченнымъ у моихъ попутчиковъ. Человѣкъ до такой степени быстро приспособляется къ окружающей его средѣ, что черезъ два мѣсяца я представлялъ въ жестахъ и манерѣ говорить точную копію моихъ попутчиковъ паломниковъ. Обыкновенному туркмену я казался дервишемъ изъ Кокана или Кашгара... Не могу скрыть того, что первые дни физическія лишенія, неразрывно связанныя съ моею ролью нищаго,—доставляли мнѣ мученія. Такъ, напр., нельзя сказать, чтобы особенно пріятно было ѣсть пальцами изъ горшка рисъ, сдобренный за недостаткомъ жира—сальной свѣчей, рисъ, въ который нищіе только что всунули свои грязныя, покрытыя болячками руки. Не особенно пріятно также спать рядомъ съ храпящими нищими, лохмотья которыхъ кишатъ насѣкомыми. Но я утѣшался воспоминаніями о страданіяхъ и лишеніяхъ, которыя перенесъ въ дѣтствѣ и юности». Сильнѣе всего Вамбери страдалъ отъ насѣкомыхъ. Только въ степахъ Средней Азіи онъ понялъ, почему въ Библіи насѣкомыя упоминаются, какъ одна изъ язвъ, которыми былъ наказанъ Египетъ. Потомъ смѣлаго путешественника донимала жара, которая въ степяхъ, по наблюденіямъ полковника Маркусова, достигаетъ до 50 и даже до 52° по Реомюру. «Человѣкъ, такъ ска-

зать, вдыхаетъ не воздухъ, а пламя. Кожа морщится. Колебаніе нагрѣтаго, струящагося воздуха почти ослѣпляетъ. Отъ восьми часовъ утра до 3—4 часовъ дня путникъ чувствуетъ себя какъ бы въ жарко вытопленной печи. Мученія увеличиваются, когда приходится, скрючившись, сидѣть въ «kedjeve» (корзинѣ) на спинѣ воняющаго потомъ и язвами верблюда. Иногда, когда бѣдное животное не въ силахъ было уже ступать по глубокому песку, я долженъ былъ спуститься и идти значительное разстояніе пѣшкомъ. Такъ какъ я хромалъ на ногу, то приходилось сильно опираться на палку. Отъ этого правая рука распухла и долго сильно болѣла». За исключеніемъ этого, здоровье Вамбери все время было въ отличномъ состояніи.

Вамбери до такой степени хорошо игралъ свою роль, что туркмены прониклись глубокимъ уваженіемъ къ его набожности. Они считали его святымъ изъ далекаго «Rum» (Запада). Молодые и старики старались протолкаться къ нему, чтобы получить отъ него благословеніе, или хоть почувствовать дыханіе святого, которое, согласно представленію, предохраняетъ отъ болѣзни. Разъ къ Вамбери пришелъ сѣдобородый старикъ, степной волкъ, много лѣтъ грабившій караваны. «Шейхимъ,—т. е. мой шейхъ,—началъ старикъ.—Почему ты не станешь во главѣ отряда храбрецовъ и не сдѣлаешь набѣга. Твоя святость легко собрала бы армію въ пять тысячъ наѣздниковъ, съ которыми ты бы могъ вторгнуться въ страну схизматиковъ-шіитовъ (Персію). Я легко могу это сдѣлать для тебя. При помощи Аллаха и твоей fatiha (молитвы) мы вернемся съ большой добычей».

Крайне трудно было скрыть свое incognito въ такихъ населенныхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчались люди, побывавшіе въ Индіи и Турціи и видавшіе европейцевъ. Эти бывалые люди крайне подозрительно относились къ «хаджи и святому», подвергали его перекрестному допросу и допытывались, какой онъ національности. Наиболѣе точные и ясные отвѣты не могли разсѣять подозрѣній. Такимъ образомъ, напр., во время пути въ Хиву, одинъ обыватель Кандагара, бѣжавшій изъ англійскаго плѣна въ 1840 г., категорически заявилъ Вамбери, что онъ европеецъ, хотя и говоритъ такъ отлично на языкахъ правовѣрныхъ народовъ. Вамбери пробовалъ превратить все въ шутку; но это не помогло. Разъ вечеромъ Вамбери подслушалъ, какъ его обличитель сказалъ керванбаши (т. е. начальнику каравана): «Бьюсь объ закладъ, что это переодѣтый «френги» или русскій шпіонъ, отмѣчающій у себя всѣ горы, долины и колодцы для того, чтобы русскіе могли вступить потомъ сюда безъ проводника и отнять у васъ дѣтей и стада. Въ Хивѣ ханъ живо доберется до правды. Дыба и каленое желѣзо развяжутъ этому переодѣтому «френги» языкъ». Требовалось удивительное самообладаніе, чтобы не выдать себя ни однимъ жестомъ Вамбери пріучился цѣлыми часами сидѣть неподвижно, какъ каменное

изваяніе и только беззвучно шевелить губами. Шпіоны, высланные изъ Бухары, куда достигъ смутный слухъ про переодѣтаго «френги»: иногда громко обсуждали въ его присутствіи проектъ лучшаго изловленія. Если бы Вамбери измѣнился въ лицѣ, то онъ погибъ бы. «Подъ Бухарой, у могилы мѣстнаго святого Багаэддина,— разсказываетъ Вамбери,—мы свершили обычныя моленія, продолжавшіяся весь день, отъ восьми часовъ утра до поздней ночи. Я молился, пѣлъ, вопилъ, стоналъ и безумствовалъ въ священномъ экстазѣ не отставая отъ наиболѣе благочестивыхъ паломниковъ. Удивляюсь до сихъ поръ, откуда у меня тогда взялся такой неизсякаемый потокъ слезъ и какъ я могъ такъ долго въ тотъ день играть роль восторженнаго паломника, не выдавъ себя. Долженъ сознаться, что природа надѣлила меня мимическимъ талантомъ. Уже въ ранней молодости я умѣлъ подражать выраженію лица различныхъ людей. Я думаю, впрочемъ, что въ Средней Азіи мнѣ помогъ не столько мимическій талантъ, сколько инстинктъ самосохраненія и сознаніе безпрерывной опасности. Страхъ смерти всегда является отвратительнымъ животнымъ, скалящимъ на насъ свои зубы. Хотя съ теченіемъ времени можно привыкнуть къ мысли о постоянномъ присутствіи этого звѣря, но онъ, т. е. страхъ смерти, никогда не теряетъ своей власти надъ нами. И если мы надѣлены крѣпкой нервной системой, то можемъ даже, не смотря на присутствіе чудовища, свершать удивительныя дѣла». *).

Въ Хивѣ былъ такой моментъ, когда призвали уже палача; но удивительное самообладаніе спасло Вамбери. Впослѣдствіи нѣкоторые критики, исходя изъ положенія, что европеецъ не можетъ вынести такихъ лишеній, какъ нищій-дервишъ,—скептически относились къ подвигу Вамбери. «Знакомые съ тѣмъ, что я выстрадалъ въ дѣтствѣ и въ юности,—говоритъ путешественникъ въ своей автобіографіи,—читатели, знающіе, что до восемнадцати лѣтъ я не зналъ ощущенія полной сытости и вынесъ рядъ страданій всякого рода,—не удивятся тому, что мнѣ удалось осуществить мой планъ. Съ дѣтства меня постоянно заставляли поступать противъ моихъ убѣжденій: чтобы попасть въ школу, напр., мнѣ, еврею, приходилось слушать католическія молитвы и катехизисъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ Средней Азіи, гдѣ отъ удачнаго притворства, помимо всего, зависѣло мое спасеніе, я вышелъ побѣдителемъ. До меня никто изъ европейскихъ путешественниковъ не скрылъ своего incognito подъ лохмотьями нищаго-дервиша, потому что Буркгартъ, Бёртонъ и Херстонджъ посѣтили Мекку, Вольфъ и Бернсъ Бухару и Конелли—туркменскія степи, какъ богатые мусульмане, или какъ оффиціальные представители извѣстнаго государства. Немногимъ изъ моихъ предшественниковъ пришлось испытать въ пути такія лишенія, какъ мнѣ; но немногіе за то про-

*) The Story of My Struggles, v. I, p. 198.

шли въ дѣтствѣ такую подготовительную школу, какъ я. Безъ всякаго жеманства и совершенно искренно скажу, что мои приключенія въ Средней Азіи покажутся неинтересными, если разсматривать ихъ, какъ продолженіе моихъ испытаній въ Турціи и въ Персіи, а эти послѣднія, какъ дальнѣйшее развитіе всего того, что перетерпѣлъ я въ дѣтствѣ и въ школѣ, гдѣ всѣ, съ такимъ усердіемъ, мучили «жиденка». Меня часто спрашивали, какъ я могъ вынести безпрерывное ожиданіе мучительной смертной казни? Но люди могутъ привыкнуть рѣшительно ко всему: къ голоду, къ безпрерывнымъ униженіямъ, къ вѣчнымъ преслѣдованіямъ, къ положенію паріи. Привыкаютъ они также къ мысли о томъ, что смерть ждетъ ихъ ежеминутно. Я терялъ самообладаніе, и то только на мгновеніе, лишь тогда, когда событія захватывали меня совершенно неожиданно. Помню, я воскликнулъ разъ на родномъ языкѣ въ Халатаской степи, когда почти умиралъ отъ жажды. Я горѣлъ тогда въ лихорадкѣ и былъ въ безсознательномъ состояніи. Второй разъ я смутился на мгновеніе въ Самаркандѣ во время аудіенціи у эмира. Одинъ изъ придворныхъ коснулся моей шеи и сказалъ, «жаль, забылъ ножъ дома». По всей вѣроятности, то было случайное замѣчаніе. Въ общемъ же, въ самые критическіе моменты, я не только сохранялъ спокойствіе, но былъ даже веселъ. Здоровая молодость не легко поддается отчаянію. У меня былъ громадный запасъ жизнерадостности, который поддался лишь вліянію старости и болѣзни» *).

V.

Въ своемъ описаніи знаменитаго путешествія, переведенномъ на русскій языкъ, Вамбери разсказываетъ, какъ едва не былъ отданъ палачу. Избавившись отъ неминуемой, повидимому, смерти, Вамбери отправился изъ Самарканда на юго-западъ Азіи. «Мнѣ пришлось выпить даже осадокъ въ кубкѣ страданій,—говоритъ знаменитый оріенталистъ въ своей автобіографіи. То, что я выстрадалъ отъ голода, холода и усталости между Самаркандомъ и Мешедомъ превосходитъ всякое описаніе. Европейцы врядъ ли повѣрили мнѣ». На югъ отъ Оксуса (Аму-Дарьи) Вамбери больше страдалъ отъ голода, чѣмъ даже въ Пресбургѣ. За то опасность быть узнаннымъ уменьшилась. У Вамбери теперь былъ еще одинъ охранный листъ, выданный ему однимъ изъ степныхъ хановъ. «Да будетъ вѣдомо всѣмъ,—гласила грамота, — что благородный хаджи Абдурешидъ, выходецъ изъ Турціи, пришелъ сюда съ намѣреніемъ поклониться могиламъ святыхъ въ благородной Бухарѣ и райскомъ Самаркандѣ. Совершивъ свое паломничество къ могиламъ святыхъ

*) Ib., p. 201.

и бивши челомъ его величеству эмиру,—хаджи Абдурешидъ возвращается домой. Онъ имѣетъ грамоту отъ его величества повелителя правовѣрныхъ и имама всѣхъ мусульманъ. Совѣтуется, поэтому, не только не чинить никакой обиды вышеназванному хаджи, но, напротивъ, чтить и уважать его. Писано въ мѣсяцѣ Саусарѣ, лѣта 1280».

Нищій-дервишъ благополучно добрался до Авганистана. Въ Гератѣ онъ пробылъ нѣсколько недѣль. Была уже холодная осень; но путешественникъ все время, вмѣстѣ съ другими нищими, долженъ былъ стоять на открытомъ воздухѣ, на голой землѣ. Питался онъ подаяніемъ, вымаливая его у фанатиковъ шіитовъ, которыя часто, вмѣсто хлѣба, проклинали «сунита», били его или грозили смертью. «До сихъ поръ я содрогаюсь при мысли о той гадости, которой приходилось въ то время питаться, и о тѣхъ злобныхъ взглядахъ, — говоритъ Вамбери. — Въ силу охранной грамоты молодого эмира, меня не смѣли убить, но за то ненавидѣли и оскорбляли». Ненависть въ особенности проявилась по пути изъ Герата въ Мешедъ. Авганцамъ, закутаннымъ въ мѣховыя бурки, доставляло особое удовольствіе видѣть, какъ нищій - дервишъ дрожитъ отъ холода въ своихъ лохмотьяхъ и стучитъ зубами. Мысль, что смѣлое путешествіе близится къ концу, возбуждала Вамбери и давала ему силы переносить лишенія. Подъемъ духа былъ такъ великъ, что отъ Мешеда до Хорасана путешественникъ находился какъ въ лихорадкѣ. Чѣмъ ближе подходилъ караванъ къ Тегерану, гдѣ находилась первая европейская колонія,—тѣмъ болѣе приподнятое настроеніе расло. Вамбери рисовалъ себѣ будущее въ самыхъ розовыхъ краскахъ. Теперь, конечно, родина признаетъ его заслуги. Онъ былъ первый европеецъ, который отъ южнаго берега Каспійскаго моря черезъ Гирканскую пустыню достигъ Хивы, оттуда черезъ песчаныя степи Халата до Бухары, а потомъ до Герата. Одно это давало уже право на извѣстность; но, помимо выполненія упомянутаго маршрута, Вамбери собралъ еще драгоцѣнныя рукописи и образцы восточно-турецкихъ языковъ. Все это было совершенно ново для ученаго міра. Близкое общеніе Вамбери съ племенами, среди которыхъ онъ жилъ, дало ему богатый запасъ этнографическихъ свѣдѣній.—«Когда я рисовалъ себѣ, какъ весь міръ признаетъ мои заслуги,—говоритъ Вамбери,—то забывалъ многое. Подумай я тогда, что, вслѣдствіе недостаточнаго образованія, я не обратилъ вниманія на многія явленія, происходившія предо мною; что я не могу дать никакихъ геологическихъ свѣдѣній о странахъ, въ которыхъ былъ; что географическія указанія, принесенныя мною, недостаточны, такъ какъ я могъ дѣлать замѣтки только украдкой, на клочкѣ бумаги, спрятанной за подкладку халата; если бы я вспомнилъ обо всемъ этомъ, то розовыя краски, которыхъ мое воображеніе не щадило, — значительно потускнѣли бы». Въ Персіи Вамбери былъ въ безопасности, и спутникъ его

Узбекъ, сопровождавшій путешественника отъ Хивы, изумился метаморфозѣ, произошедшей въ молчаливомъ дервишѣ. Онъ распѣваетъ теперь аріи изъ итальянскихъ оперъ. Благочестивый Узбекъ думалъ, что это священные гимны, распѣваемые муллами на далекомъ Западѣ и, въ свою очередь, пытался подтягивать. Получался единственный въ своемъ родѣ дуэтъ. Физически Вамбери былъ измученъ дорогой до неузнаваемости, но духомъ былъ бодръ. И вотъ путешественникъ прибылъ въ столицу Персіи, гдѣ европейская колонія приняла его необыкновенно радушно. Всѣ желали видѣть смѣлаго изслѣдователя, который такъ счастливо перенесъ великія опасности. О нихъ говорилъ видъ Вамбери: въ короткое время изъ жизнерадостнаго молодого человѣка путешественникъ превратился почти въ старика. Такъ какъ отъ Вамбери долго не было никакихъ вѣстей, то въ Тегеранѣ сложились уже легенды про мученическую смерть его. Паломники принесли слухъ про казнь какого-то европейца въ Бухарѣ (дѣло шло объ итальянскомъ купцѣ), и всѣ были убѣждены, что это пострадалъ смѣлый оріенталистъ. Легенда давала нѣсколько варіантовъ о родѣ казни: по одной версіи Вамбери повѣсили за ноги, головой внизъ надъ костромъ; по другой—его сбросили съ раската башни. Третья версія описывала, какъ Вамбери четвертовали и отдали собакамъ куски тѣла. Всѣмъ этимъ разсказамъ вѣрили, потому что въ то время въ Бухарѣ возможны были всякіе ужасы. Впалыя щеки Вамбери и слѣды перенесенныхъ страданій возбуждали всеобщее сочувствіе.

Путешественникъ пробылъ въ Тегеранѣ три мѣсяца. Онъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы отдохнуть, составить на основаніи замѣтокъ, сдѣланныхъ въ пути *), подробный докладъ и начертить карту. Изъ Тегерана Вамбери черезъ Трапезондъ возвратился въ Константинополь, гдѣ убѣдился, что слава опередила его. Вамбери приняли здѣсь, какъ смѣлаго ученаго, оказавшаго великія услуги наукѣ. Въ маѣ 1864 г. путешественникъ, наконецъ, возвратился въ родную Венгрію. Здѣсь его ждало горькое разочарованіе. Въ Тегеранѣ, Константинополѣ, а впослѣдствіи въ Лондонѣ въ Вамбери видѣли замѣчательнаго оріенталиста, выполнившаго единственный въ своемъ родѣ трудный подвигъ. На родинѣ своей путешественникъ прежде всего, былъ «Гершель», «жидокъ» родомъ изъ Дуда Чердагели, сынъ нищаго. Въ каждой странѣ возвращеніе смѣлаго путешественника, открывшаго неизвѣстный міръ,—національный праздникъ. Таково было возвращеніе Ливингстона, Спика, Гранта, Бертона или Стэнли въ Англію, Норденшильда—въ Швецію, Пейера и Вейпрехта въ Вѣну, Нансена—въ Христіанію. Пріѣздъ Вамбери на родину былъ совершенно незамѣченъ. На до-

*) Для безопасности Вамбери дѣлалъ эти замѣтки на венгерскомъ языкѣ, но арабскими буквами.

кладѣ въ венгерской академіи наукъ почти никого не было. Немногіе слушатели отнеслись съ грубымъ недовѣріемъ къ разсказу Вамбери и такъ какъ докладчикъ былъ «жидъ», то не считалось нужнымъ даже соблюсти внѣшнюю вѣжливость. Слѣдуетъ помнить также, что время тогда было очень тяжелое для Венгріи. Все талантливое, сильное, смѣлое и оригинальное погибло на эшафотѣ, томилось въ австрійскихъ тюрьмахъ или въ изгнаніи. Уцѣлѣли люди съ темпераментомъ и наклонностями рабовъ. Что имъ было до того, что Вамбери оказалъ, между прочимъ, Венгріи спеціальныя услуги! Въ уличныхъ венгерскихъ газетахъ смѣялись надъ «жидкомъ», отрицали фактъ путешествія и даже подвергали сомнѣнію знаніе Вамбери турецкаго языка. Вопросъ о кускѣ хлѣба вырисовался передъ путешественникомъ съ такимъ же трагизмомъ, какъ и въ ранней молодости. Опять приходилось голодать и приняться за грошевые уроки, потому что національность мѣшала Вамбери занять каѳедру. И вотъ онъ рѣшилъ отправиться въ Англію, чтобы прочесть докладъ въ лондонскомъ географическомъ обществѣ. Денегъ на дорогу не было. Вамбери обратился за пособіемъ къ венгерской академіи наукъ, и здѣсь ему пришлось испытать болѣе горькое оскорбленіе, чѣмъ въ средне-азіатскихъ степяхъ. Дѣло шло о ничтожной суммѣ въ 200 руб.; но академія наукъ согласилась отпустить эти деньги только *подъ залогъ рукописей*, вывезенныхъ изъ Средней Азіи. Съ «Гершелемъ» считали излишнимъ деликатничать.

Велико было изумленіе пештскихъ юдофобскихъ газетъ, когда вся Англія восторженно приняла Вамбери; когда вся пресса заявила, что Венгрія впервые выдвинула знаменитаго человѣка, которымъ она можетъ гордиться. Въ Англіи цѣнятъ сильныхъ и талантливыхъ людей, откуда бы они ни явились. Въ особенности, здѣсь цѣнятъ смѣлыхъ путешественниковъ, потому что каждый изъ нихъ открываетъ новые рынки для британской промышленности и новые горизонты для англійской политики. Пребываніе въ Англіи было однимъ сплошнымъ тріумфомъ для Вамбери. Лондонское Географическое Общество своимъ высокимъ авторитетомъ признало великое научное и практическое значеніе смѣлаго путешествія. Съ тѣхъ поръ слава Вамбери установилась прочно. Въ Лондонѣ въ то лѣто путешественникъ былъ «львомъ сезона». Вамбери былъ гостемъ королевы Викторіи, принца Уэльскаго и всего лондонскаго «high life». Для Англіи изслѣдованія Вамбери имѣли чисто практическое значеніе, принимая во вниманіе интересы ея въ Средней Азіи и Индіи. Вѣроятно, въ значительной степени признательностью путешественника объясняется его англофильство, которымъ проникнуты всѣ многочисленныя публицистическія статьи Вамбери, посвященныя восточному вопросу. Путешественникъ охотнѣе всего пишетъ по англійски. На этомъ языкѣ написана его автобіографія (The Story of My Struggles). Вамбери возвратился изъ Лондона въ

Пештъ обладателемъ мірового имени. Теперь никого не удивило уже, когда ему предложили каѳедру восточныхъ языковъ въ Пештскомъ университетѣ, которую онъ занимаетъ до сихъ поръ.

Діонео.

Уроки исторіи.

(Историческіе аналогіи и контрасты).

I.

«Освободительное движеніе окончательно ликвидировано»; «нигдѣ и никогда не было такой ужасной реакціи»; «въ самомъ лучшемъ случаѣ мы снова отброшены на четверть вѣка назадъ», — такія скорбныя мысли, приправленныя всевозможными междометіями, вы зачастую услышите изъ устъ людей, которые еще недавно были проникнуты самымъ розовымъ оптимизмомъ и даже исповѣдывали своего рода идейный патріотизмъ въ примѣненіи къ Россіи, полагая, что у насъ великая борьба между старымъ и новымъ строемъ завершится скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, окончательной побѣдой живыхъ историческихъ силъ надъ отмирающими. И, однако, когда вы оторветесь на минуту отъ кошмарной русской дѣйствительности, попробуете усиліемъ мысли подняться надъ кровавыми туманами, застилающими современный политическій горизонтъ, то вамъ не трудно будетъ припомнить, что въ другія времена и у другихъ народовъ были положенія, если не тожественныя, то аналогичныя съ тѣмъ, что дѣлается теперь вокругъ насъ. Говорю «аналогичныя, а не тожественныя», потому что, какъ не бываетъ двухъ человѣкъ, развивающихся въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ вполнѣ одинаково, такъ нѣтъ и не было крупныхъ человѣческихъ союзовъ,—государствъ, націй и т. п.,—которыя бы пробѣгали въ своемъ развитіи совершенно тѣ же самыя фазы. Съ другой стороны, отрицать общее сходство въ эволюціи разныхъ странъ такъ же не годится, какъ не годится отрицать дѣйствіе нѣкоторыхъ общихъ біологическихъ законовъ въ приложеніи къ данному, конкретному Петру, Павлу или Ивану. Не простирая этой аналогіи между живыми личностями и общественными организмами дальше, чѣмъ то слѣдуетъ, не думая, напр., утверждать, что каждое человѣческое общество непремѣнно ждетъ такая же старость и такая же смерть, какая обрываетъ жизнь личности, мы можемъ, во всякомъ случаѣ, утверждать, что аналогичныя причины производятъ и аналогичныя слѣдствія. И политическое тѣло,

успѣвшее достигнуть извѣстной точки развитія, не умеревъ и не распавшись, должно испытывать и въ будущемъ приблизительно такія же видоизмѣненія, какія выпали на долю обогнавшихъ его въ эволюціи общественныхъ организмовъ.

Пишущему эти строки пришла въ голову мысль поискать въ исторіи Запада подходящихъ къ современному русскому положеній,—постараться доказать, что ничего нигдѣ невиданнаго и неслыханнаго съ нами не происходитъ, и что даже во взглядахъ нашихъ философовъ, соціологовъ и политиковъ изъ Бѣловѣжской пущи нѣтъ въ общемъ ничего такого, что болѣе членораздѣльно и болѣе краснорѣчиво не формулировалось бы уже ихъ собратами изъ Бретани и Вандеи 20-хъ годовъ прошлаго вѣка, изъ Бранденбурга и Помераніи 50-хъ годовъ. Толки о томъ, что русское освободительное движеніе—ликвидировано, заставляютъ меня, дѣйствительно, присмотрѣться вмѣстѣ съ читателемъ къ политическимъ событіямъ, слагавшимся въ общую картину «реставраціи» во Франціи и отчасти «контръ-революціи» въ Германіи. Я долженъ, впрочемъ, заранѣе оговориться, что именно это параллельное изученіе аналогичныхъ съ современнымъ русскимъ положеній, приводитъ меня къ убѣжденію о существованіи той основной разницы между Франціей 20-хъ годовъ, Германіей 50-хъ и Россіей начала XX вѣка, что у насъ, въ противоположность двумъ другимъ эпохамъ, революція не только не кончилась, но, по-настоящему-то, лишь началась. Сдѣлаю, наконецъ, и то послѣднее замѣчаніе, что, собственно говоря, и французская реставрація, и германская контръ-революція, тоже привели въ послѣднемъ счетѣ къ новому освободительному движенію, болѣе широкому и вмѣстѣ болѣе глубокому, чѣмъ то, какое было временно подавлено напоромъ реакціонныхъ силъ по лѣвую и по правую сторону Рейна. По отношенію къ Россіи я могу лишь, какъ мнѣ кажется, высказать увѣренность, что темпъ этой смѣны временной реакціонной полосы новымъ подъемомъ будетъ гораздо быстрѣе и энергичнѣе. А теперь перейдемъ непосредственно къ установленію аналогій между избранными мною для урока «сравнительной анатоміи» историческими моментами.

Прислушиваясь къ словамъ и приглядываясь къ жестамъ нашихъ современныхъ «назадняковъ», какъ назвалъ бы ихъ покойный Соловьевъ,—нельзя не поражаться тѣмъ, какія шутки шутитъ надъ нашими истинно-русскими Байярдами историческая Судьба, та старая и неумолимая Ананке, Мойра или Немезида, называйте ее какъ угодно, что управляла, согласно вѣрованію древнихъ грековъ, даже и богами, «повисшими,—какъ иронизируетъ безсмертный Лукіанъ,—на нитяхъ Паркъ» *). Дергая за эти нити вели-

*) Luc. Jupiter confutatus: ἀνάγκη ὑμῖν ἠρτῆσθαι ἀπο τοῦ ἑνοῦ αὐτῶν.

кихъ и малыхъ боговъ нашего Олимпа, превращающихся такимъ образомъ въ простыхъ маріонетокъ, наши историческія Парки заставляютъ ихъ продѣлывать тѣ самыя движенія, говорить тѣ самыя слова, какія продѣлывали и говорили рыцари реставраціи.

Возьмемъ, напр., въ высокой степени странный споръ, ведущійся у насъ съ самаго акта 17-го октября между сторонниками бюрократическаго абсолютизма и сторонниками представительнаго правленія: есть у насъ «конституція», или нѣтъ? Несомнѣнно, что вся эта логомахія расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ исключительно на почвѣ колоссальнаго недоразумѣнія, созданнаго самими представителями нашего чиновнаго самовластія, которые заинтересованы въ томъ, чтобы по прежнему управлять по своему произволу, безъ какой бы то ни было отвѣтственности и всякаго контроля, великой страной. Сама политическая исторія передовыхъ народовъ связала съ терминомъ «конституція» совершенно опредѣленную ассоціацію идей, совокупность понятій, характеризующихъ государственный строй, основанный на договорѣ гражданъ съ властью, на гарантіи личныхъ и политическихъ правъ, на свободѣ, на законѣ, на отсутствіи произвола. Этого, конечно, наша неограниченная бюрократія допустить не могла и потому, формулируя въ актахъ 20-го февраля 1906 года какъ будто начала совершенно новаго правоваго порядка («законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Совѣта и Думы» *), она постаралась въ другихъ мѣстахъ тѣхъ же актовъ представить старый строй еще существующимъ и, мало того, даже регулирующимъ новый порядокъ вещей («Государственная Дума учреждается для обсужденія законодательныхъ предположеній, восходящихъ къ верховной самодержавной власти по силѣ основныхъ законовъ» **).

Это сочиненное бюрократіей, qui pro quo, и явилось отправнымъ пунктомъ безконечной словесной и печатной при, въ результатѣ которой этимологическая двусмысленность выросла въ великій трагическій вопросъ: что же, наконецъ, у насъ, царство закона, или произволъ чиновниковъ? А бюрократія и поборники цусимскаго и портъ-артурскаго режима потираютъ только руки. Такъ, въ началѣ спора «самодержавіе» было для нихъ, по ихъ же словамъ, лишь почетнымъ, чисто-историческимъ титуломъ верховной власти, не имѣющимъ никакого реальнаго значенія. Г. Меньшиковъ, напр., менѣе года тому назадъ прямо распинался въ этомъ смыслѣ, увѣряя всѣхъ и каждаго, что ни одинъ добросовѣстный человѣкъ не можетъ упрекать сторонниковъ «само-

---

*) См. сборникъ: Законодательные акты переходнаго времени (1904—1906 г.г.); Спб., 1906, стр. 356.

**) Ibid, стр. 376.

державной» власти, будто они разумѣютъ подъ этимъ эпитетомъ власть «неограниченную»; но что они — не хулиганы и потому съ почтеніемъ относятся къ этому безвредному историческому титулу и прибѣгаютъ къ нему точно такъ же, какъ культурный человѣкъ прибѣгаетъ къ формуламъ вѣжливости: «милостивый государь», «вашъ покорный слуга», и т. д., отнюдь не понимая ихъ въ буквальномъ смыслѣ. Мы знаемъ, во что выросъ теперь въ толкованіи того же г. Меньшикова этотъ безвредный титулъ и какія практическія, крайне серьезныя, «кудетатистыя» заключенія были выведены изъ него нашимъ реакціоннымъ правительствомъ и ста тридцатью тысячами привилегированныхъ «носителей культуры»...

И, однако, новы ли эти попытки людей стараго режима умышленно ставить сначала чисто-формальныя западни новому, еще только формирующемуся строю, чтобы затѣмъ изъ отжившаго «слова» выводить и отжившее «дѣло» и во имя призраковъ прошлаго душить и терзать молодую, могучую жизнь? Перенесемся во Францію временъ реставраціи. Проникнемъ вмѣстѣ съ крайне умѣреннымъ историкомъ, барономъ Луи де-Сальвіакъ-Вьель-Кастелемъ, служившимъ въ дипломатіи Бурбонамъ и Орлеанамъ, проникнемъ, говорю я, въ коммиссію, изготовлявшую хартію, на основаніи которой графъ Прованскій долженъ былъ занять тронъ Франціи подъ именемъ Людовика XVIII. Мы знаемъ, что призванный бонапартистскимъ сенатомъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ и союзниковъ, царствовать въ уставшей отъ безконечныхъ войнъ и императорскаго деспотизма странѣ, братъ казненнаго Людовика XVI успѣлъ путемъ оттягиванія и разныхъ хитростей отказаться отъ принятія конституціи, выработанной сенатомъ, а одобряя въ общихъ чертахъ ея проектъ, объявилъ о своемъ намѣреніи октроировать странѣ хартію. Надъ составленіемъ этой хартіи и работала коммиссія, состоявшая изъ трехъ уполномоченныхъ короля и имъ же назначенныхъ въ нее девяти сенаторовъ и девяти депутатовъ. Послѣ дебатовъ, въ теченіе которыхъ были выработаны различные пункты основного государственнаго акта, коммиссія стала передъ вопросомъ, который она не могла рѣшить своей иниціативой, а должна была предоставить королю: то былъ вопросъ о томъ, какъ же назвать составленную хартію. Зная, что король усиленно противится всему, что могло бы имѣть характеръ договора между властью и народомъ, коммиссія уже и до того избѣгала подчеркивать въ своей работѣ пункты, которые бы позволяли думать, что дѣло идетъ о настоящей конституціи. Или, какъ выражается цитированный нами обстоятельный и отнюдь не враждебный королевской власти историкъ, говоря объ изготовлявшейся хартіи:

«То не была собственно конституція, въ томъ смыслѣ, какой за послѣднія двадцать пять лѣтъ соединялся съ этимъ словомъ во Франціи. Авторы ея, исходя изъ того принципа, что королевская

власть (royauté) предшествовала всѣмъ другимъ учрежденіямъ, что она господствовала надъ ними, и что все проистекало изъ нея, не сочли даже нужнымъ упоминать объ этомъ основномъ фактѣ. Они боялись внесеніемъ основныхъ правъ монархіи въ хартію сдѣлать видъ, что выводятъ ихъ изъ этого основного закона и подчинить ихъ такимъ образомъ существованію хартіи. Поэтому они ограничились тѣмъ, что просто перечислили тѣ измѣненія, которыя воля короля вносила на будущее время въ пользованіе этими своими правами» *).

Тщательно вытравивъ изъ хартіи все, что могло бы навести подданныхъ короля на мысль о томъ, что они вмѣстѣ съ тѣмъ и граждане, свободно договаривающіеся съ верховной властью, комиссія, какъ мы уже сказали, уперлась въ затруднительную задачу, какое же имя дать этому бюрократическому дѣтищу. Вопросъ этотъ обсуждался отдѣльно комиссіей, и повергался на благоусмотрѣніе монарха, вызвавъ крайне любопытный обмѣнъ мыслей, позволявшій читать на самомъ днѣ чиновничьей души, искренно или лицемѣрно преданной старому режиму. Министръ юстиціи, или, какъ угодно было выражаться на старый ладъ людямъ реставраціи, «великій канцлеръ» Дамбрэ все еще воображалъ, что онъ живетъ въ до-революціонныя времена и потому, съ ужасомъ отвергая всякое названіе, которое могло бы вызвать представленіе о конституціи, настаивалъ на необходимости окрестить такой крупный актъ незначительнымъ и при томъ наполовину архаическимъ именемъ «Указъ о реформированіи» (Ordonnance de réformation), при чемъ предлагалъ его подвергнуть регистраціи высшихъ судебныхъ и административныхъ органовъ. Такимъ образомъ хартія получала характеръ простого королевскаго указа, который могъ быть преспокойно отмѣненъ по волѣ издавшаго же его монарха.

Однако, точка зрѣнія почтеннаго канцлера показалась въ то время черезчуръ откровенной даже его собратамъ. И Ферранъ, назначенный «директоромъ почтъ», предложилъ назвать работу комиссіи «конституціоннымъ актомъ» и разослать его по кантональнымъ собраніямъ *).

Но графъ Беньо, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, горячо возсталъ противъ такого предложенія, находя, что оно можетъ быть

---

*) Louis de Viel-Castel, Histoire de la Restauration; Парижъ, 1860, т. I, стр. 416.

**) Такъ назывались, согласно учреждавшему ихъ «органическому» сенатусъ-консульту 16-го термидора года X (4 го августа 1802 г.), собранія гражданъ, живущихъ въ кантонѣ и намѣчающихъ мировыхъ судей, равно какъ избирающихъ членовъ въ окружную выборную коллегію. См. Léon Duguit et Henry Monnier, Les constitutions et les principales lois politiques de la France: Парижъ, 1898, стр. 132.

истолковано все же какъ родъ нѣкоего договора между націей и королемъ, и, конечно, будетъ отвергнуто монархомъ, горячо стоявшимъ за «божію милость». Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ преній рѣшено было дать акту названіе «конституціонной хартіи», при чемъ авторы придавали особую важность существительному «хартія» и скользили по прилагательному «конституціонный»: главное, молъ, дѣло въ томъ, что король, и никто другой даетъ начало новому государственному устройству, а съ тѣмъ, что оно выходитъ на словахъ конституціоннымъ, помириться еще можно.

Этотъ взглядъ всецѣло торжествовалъ на открытіи палатъ (депутатовъ и пэровъ), которое имѣло мѣсто 4-го іюня 1814 г. Послѣ довольно ловкой рѣчи короля, старавшагося пройти мимо опасныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ бурной исторіей Франціи и Европы за послѣднюю четверть вѣка и не возбуждать лишнихъ политическихъ страстей, старый режимъ гордо поднялъ свою голову въ лицѣ канцлера Дамбрэ, этого добродушнаго, но заскорузлаго въ преданіяхъ старины нормандскаго «зубра». Онъ, ничтоже сумняся, произнесъ рѣчь, уничтожавшую впечатлѣніе отъ небезъискусной фразеологіи Людовика XVIII-го и откровенно характеризовавшую новый порядокъ вещей, какъ прямое продолженіе прежняго режима. Доблестный нормандецъ не могъ удержаться, чтобы не выбросить передъ избранной аудиторіей и словъ «указъ о реформированіи», остававшихся у него на душѣ.

«Что за великолѣпное и трогательное зрѣлище,—говорилъ онъ—зрѣлище короля, который для того, чтобы обезпечить себѣ наше глубочайшее почтеніе, не нуждается ни въ чемъ иномъ, кромѣ своихъ великихъ добродѣтелей, который развертываетъ импозантный аппаратъ королевской власти, чтобы принести своему народу, истощенному четвертью вѣка несчастій, столь желанный и благодѣтельный даръ *указа о реформированіи*, коимъ онъ угашаетъ всѣ партіи, равно какъ подтверждаетъ всѣ права. Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Провидѣніе призвало нашего монарха на тронъ прародителей... Но, при его восшествіи на престолъ, Франція, сбитая съ истиннаго пути ложными ученіями, раздираемая духомъ интриги, ослѣпленная пустыми призраками свободы, сдѣлалась добычей всѣхъ мятежныхъ партій и театромъ всевозможныхъ неистовствъ и содроганій анархіи. Она испробовала послѣдовательно всякія формы правленія, пока наконецъ бремя отягчавшихъ ее бѣдствій не привело ее къ отеческой власти, которая въ теченіе цѣлыхъ четырнадцати вѣковъ составляла ея славу и ея счастіе. Дыханіе Бога опрокинуло могущественнаго колосса силы, давившаго всю Европу... Франція, наконецъ, снова нашла незыблемыя основы старинной монархіи. На этой священной основѣ надлежитъ воздвигнуть нынѣ прочное зданіе... Его краеугольнымъ камнемъ дѣлается король... Обладая полными наслѣдственными правами на это прекрасное королевство, онъ желаетъ пользоваться властью,

полученною имъ отъ Бога и отъ своихъ предковъ, поставляя самъ же границы своему могуществу... Онъ самъ хочетъ дать французамъ хартію, соотвѣтствующую ихъ желаніямъ и ихъ потребностямъ» *).

Если читатель недоумѣваетъ, какимъ образомъ Дамбрэ могъ говорить о «многихъ годахъ», которые прошли со времени восшествія Людовика XVIII-го на «тронъ прародителей», между тѣмъ, какъ онъ только что садился на этотъ тронъ подъ охраною русскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ штыковъ, то пусть недоумѣвающій читатель не забудетъ, что легитимисты во все продолженіе республики и имперіи тѣшили себя ребяческой фикціей, будто графъ Прованскій сдѣлался королемъ Франціи съ самой смерти малолѣтняго Людовика XVII-го и не переставалъ править съ тѣхъ поръ «прекраснымъ королевствомъ» къ вящшему благу своихъ вѣрноподданныхъ. Эта фикція нашла себѣ, между прочимъ, блистательное выраженіе въ «Исторіи Франціи» ставшаго знаменитымъ по этому поводу іезуита, о. Жана-Николая Лорикэ, который въ первомъ—тщательно истребленномъ впослѣдствіи его же друзьями,—изданіи книги просто на просто вычеркивалъ изъ исторіи своей страны всю эпоху первой имперіи и снисходительно говорилъ о нѣкоемъ «маркизѣ де-Бонапартѣ», каковой въ качествѣ главнокомандующаго войсками Людовика XVIII-го вошелъ въ 1809 г. въ Вѣну...

Но возвратимся отъ курьезовъ къ серьезнымъ сторонамъ реставраціи... Какъ ни ребячески нелѣпа была точка зрѣнія Дамбрэ этого свѣтскаго Лорикэ, старавшагося «заговорить» своими архаическими рѣчами дѣйствительныя событія послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, но она была снова съ большими подробностями развита во «введеніи» къ хартіи, которое было прочитано все на томъ же открытіи палатъ. Въ этомъ историческомъ «взглядѣ и нѣчто», бросавшемся на политическую эволюцію Франціи «любителями государства» легитимистскаго пошиба, дѣлалась гораздо болѣе смѣлая, чѣмъ удачная попытка связать нитью непрерывности прошлое королевской средневѣковой власти и настоящее конституціонной монархіи и отыскать въ далекомъ быломъ прецеденты современнаго строя, созданные якобы волею опять-таки монарха. И все это съ цѣлью показать незначительность государственнаго переворота и отказаться отъ претившаго легитимистамъ откровеннаго признанія того факта, что все же во Франціи отнынѣ дѣйствуетъ конституція.

Вотъ главнѣйшіе пункты этого введенія, какъ оно занесено въ сборники конституцій, пользующіеся авторитетомъ офиціальныхъ документовъ:

«Провидѣніе Божіе, призвавъ насъ въ наше государство послѣ продолжительнаго отсутствія, возложило на насъ и великія обязанности... Современное состояніе королевства требовало конституціон-

*) Viel-Castel, l. c., т. I, стр. 450—452, passim.

ной хартіи; мы ее обѣщали, и теперь обнародуемъ. Мы разсудили, что хотя власть пребывала во Франціи цѣликомъ въ особѣ короля, наши предшественники не колебались измѣнять пользованіе ею, сообразно съ различіемъ временъ; что такимъ образомъ коммуны обязаны были своимъ освобожденіемъ Людовику Толстому, подтвержденіемъ и расширеніемъ своихъ правъ Людовику Святому и Филиппу Прекрасному; что судебный порядокъ былъ установлено и развитъ законами Людовика XI, Генриха II и Карла IX; что, наконецъ, Людовикъ XVI урегулировалъ почти всѣ части государственнаго управленія различными указами, мудрость коихъ до сихъ поръ еще ничто не превзошло.

«По примѣру королей нашихъ предшественниковъ, мы должны были обратить вниманіе на результаты постоянно ростущихъ успѣховъ просвѣщенія; новыя отношенія, внесенныя этими успѣхами въ общество, направленіе, приданное ими въ послѣдніе полвѣка умамъ, и серьезныя измѣненія, каковыя изъ онаго проистекли: мы признали, что стремленіе нашихъ подданныхъ къ конституціонной хартіи есть выраженіе дѣйствительной потребности... Мы должны были вспомнить также, что первымъ нашимъ долгомъ по отношенію къ нашему народу является, въ его собственныхъ интересахъ, сохранить права и прерогативы нашей короны. Мы надѣялись, что, наученный опытомъ, онъ убѣдится, что только одна верховная власть можетъ придать основываемымъ ею учрежденіямъ силу, постоянство и величіе, которыми она сама обладаетъ... но что когда насиліе вырываетъ уступки у слабости правительства, то общественная свобода находится въ неменьшей опасности, чѣмъ и самый тронъ. Мы, наконецъ, искали основъ конституціонной хартіи во французскомъ характерѣ и въ почтенныхъ памятникахъ минувшихъ вѣковъ. Такъ мы признали въ возобновленіи пэріи истинное національное учрежденіе, которое должно связать въ одно всѣ воспоминанія и всѣ надежды, соединяя времена прошлыя и время настоящее.

«Мы замѣнили палатою депутатовъ тѣ старинныя мартовскія и майскія собранія (les assemblées des Champs de Mars et de Mai) и тѣ палаты третьяго сословія, которыя такъ часто давали доказательства и рвенія къ интересамъ народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрности и уваженія королевской власти. Стремясь, такимъ образомъ, снова связать цѣпь временъ, которую разорвали гибельныя отклоненія въ сторону... мы, добровольно и свободно, пользуясь нашей королевской властью, дали и даемъ, уступаемъ и октроируемъ нашимъ подданнымъ, за себя и за своихъ преемниковъ, навсегда нижеслѣдующую конституціонную хартію» *).

Надо было по-истинѣ принадлежать къ категоріи ничему не научившихся и ничего не забывшихъ легитимистовъ, чтобы въ этомъ

*) Duguit et Monnier, l. c. стр. 183—184, passim.

удивительномъ «введеніи» (кстати сказать, написанномъ въ одну ночь графомъ Беньо, который былъ «бойкимъ перомъ» реставраціи въ родѣ нашего г. Крыжановскаго) нанизать на одну,—увы, перерванную грозой революціи! — «цѣпь» и собранія первобытныхъ гордыхъ франковъ, которые отвѣтили бы грубымъ смѣхомъ на притязанія «королевской власти»; и «палаты третьяго сословія», которое въ половинѣ XIV-го столѣтія было на ножахъ съ королями, въ началѣ XVIII столѣтія напоминало Людовику XIV въ письмахъ къ герцогу де-Ларошфуко, что во Франціи есть еще смѣлые люди въ родѣ Равальяка, а въ концѣ посылало короля на эшафотъ; и чудовищную администрацію только что упомянутаго Людовика XIV, указы котораго, дѣйствительно, не были ничѣмъ «превзойдены», но лишь въ смыслѣ безумія деспотизма. А между тѣмъ, все это съ превеликой помпой возвѣщалось для того, чтобы затушевать дѣйствительный, великій разрывъ между дореволюціонной Франціей и Франціей, по которой прошелъ огненный плугъ революціи, и придать королевской власти характеръ непрерывнаго и серьезнаго политическаго принципа, лишь обставляющаго себя новыми аксессуарами, но по существу остающагося неизмѣннымъ солнцемъ всей, тяготѣющей вокругъ него, современной государственной системы.

Прислушайтесь же теперь къ тому, что говоритъ въ парламентѣ чуть не сто лѣтъ спустя, на другомъ концѣ Европы, представитель бюрократическаго правительства, старающагося доказать, что по существу у насъ со времени 17-го октября ничего особаго не случилось и что продолжающій по прежнему существовать старый строй внесъ только извѣстныя видоизмѣненія, но остался въ своемъ основномъ принципѣ тѣмъ, чѣмъ и былъ:

«Всѣ тѣ реформы, все то, что только что правительство предложило вашему вниманію, вѣдь это не сочинено, мы ничего насильно, механически не хотимъ внѣдрять въ народное сознаніе, — все это глубоко національно. Какъ въ Россіи до Петра Великаго, такъ и въ послѣ-петровской Россіи, мѣстныя силы всегда несли служебныя государственныя повинности... Наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу въ этихъ русскихъ національныхъ началахъ. Каковы онѣ? Въ развитіи земщины, въ развитіи, конечно, самоуправленія, передачѣ ему части государственныхъ обязанностей, государственнаго тягла и въ созданіи на низахъ крѣпкихъ людей земли, которые были бы связаны съ государственною властью. Вотъ нашъ идеалъ мѣстнаго самоуправленія, такъ же, какъ нашъ идеалъ наверху—это развитіе дарованнаго государемъ странѣ законодательнаго, новаго представительнаго строя, который долженъ придать новую силу и новый блескъ царской верховной власти (*апплодисменты справа и въ центрѣ*)... Самодержавіе московскихъ царей не походитъ на самодержавіе Петра, не походитъ на самодержавіе Екатерины II и Царя-Освободителя. Вѣдь русское

государство расло, развивалось изъ своихъ собственныхъ русскихъ корней и, вмѣстѣ съ ними, конечно, видоизмѣнялась и верховная царская власть. Нельзя къ нашимъ русскимъ корнямъ, къ нашему русскому стволу прикрѣплять какой-то чужестранный цвѣтокъ (*апплодисменты справа и въ центрѣ*). Пусть расцвѣтетъ нашъ родной русскій цвѣтъ, пусть онъ расцвѣтетъ и развернется подъ вліяніемъ взаимодѣйствія верховной власти и дарованнаго ею новаго представительнаго строя... Есть слова, выражающія чувства, отъ которыхъ въ теченіе столѣтій усиленно бились сердца русскихъ людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлѣны въ мысляхъ и отражаться въ дѣлахъ правителей. Слова эти: неуклонная приверженность къ русскимъ историческимъ началамъ (*бурные апплодисменты справа и въ центрѣ*), въ противовѣсъ безпочвенному соціализму *).

Въ своей состоящей сплошь изъ обычныхъ оффиціальныхъ шаблоновъ рѣчи представитель русскаго стараго режима повторяетъ лишь то, что 93 года тому назадъ французскій старый режимъ считалъ нужнымъ въ болѣе элегантной и культурной формѣ сказать на порогѣ представительнаго правленія. Французъ искалъ основъ конституціи во «французскомъ характерѣ и почтенныхъ памятникахъ минувшихъ вѣковъ». Онъ пытался «связать цѣпь временъ, которую разорвали гибельныя отклоненія въ сторону», найти въ тѣхъ или другихъ, создаваемыхъ имъ подъ давленіемъ необходимости, политическихъ формахъ «національное учрежденіе». Онъ превращалъ королевскую верховную власть въ неподвижный центръ историческій эволюціи Франціи, въ ось міра, вокругъ которой вращались первобытныя собранія, и дѣятельность третьяго сословія и, наконецъ, совершенно новыя формы государственной жизни, въ сущности-то не «добровольно и свободно» по волѣ короля, а фатально смѣнявшія старую бюрократически-неограниченную монархію. И нашъ глашатай «реставраціи» тоже приглашаетъ свою аудиторію окунуться въ глубины «національнаго» духа, «русскихъ національныхъ началъ». Онъ тоже пытается нанизать на одну нить и до-петровскую, и послѣпетровскую Россію, и старыя «мѣстныя силы», и «земщину» послѣднихъ десятилѣтій, и новый «представительный строй». «Мѣстныя силы, всегда несли служебныя государственныя обязанности». Такова, конечно, и современная ихъ роль. Такъ что, напр., для чего служитъ даже самъ «новый представительный строй, дарованный верховною властью?» Да все для того же: онъ «долженъ придать новую силу и новый блескъ этой власти». Презри-

*) Государственная Дума 3-го созыва. Приложеніе къ газетѣ „Рѣчь". Сессія I. Засѣданіе восьмое. 16-го ноября 1907 года, стр. 67—68 (объясненія предсѣдателя совѣта министровъ).

тельно отбрасывая «чужестранный цвѣтокъ» конституціи, нашъ «реставраторъ» приглашаетъ насъ преклониться передъ «русскимъ стволомъ». И, наконецъ, срываетъ бурные апплодисменты «высокаго собранія»,—какъ теперь принято выражаться между людьми, разогнавшими двѣ Думы,—паки и паки исповѣдуясь «въ неуклонной приверженности русскимъ историческимъ началамъ».

Перейдемъ теперь отъ сравненія «словъ» французской и русской реставрацій къ сравненію ихъ «дѣлъ».

II.

«Черносотенное» движеніе, прокатившее свои мутныя волны по всей Россіи еще въ моментъ наивысшаго подъема освободительнаго порыва, въ тотъ моментъ, когда старый строй принужденъ былъ капитулировать передъ пробудившимся народомъ, поразило многихъ участниковъ въ историческомъ процессѣ раскрѣпощенія націи, какъ ударъ грома, какъ нѣчто совершенно неожиданное и даже совсѣмъ невиданное нигдѣ раньше. Съ одной стороны, малочисленность и низкопробность элементовъ, игравшихъ роль въ черносотенныхъ вакханаліяхъ, ихъ крайняя непопулярность, даже мало того совершенная, повидимому, отрѣшенность отъ широкихъ народныхъ массъ. Съ другой, попустительство или же прямое пособничество мѣстныхъ властей, а временами и крупныхъ представителей, по крайней мѣрѣ, закулисныхъ вдохновителей центральнаго правительства,—что только и позволяло трусливымъ героямъ черносотенства совершать акты невѣроятной жестокости надъ гораздо болѣе многочисленными и храбрыми противниками и устраивать погромы въ крайне широкихъ размѣрахъ. Все это ошеломляло дѣятелей освободительнаго движенія и до сихъ поръ заставляетъ еще думать иныхъ изъ нихъ, что ничего, подобнаго подвигамъ нашей «черной сотни», нигдѣ и никогда не бывало. Между тѣмъ, именно нѣкоторые моменты французской реставраціи чрезвычайно напоминаютъ, лучше сказать, предвосхищаютъ эти неистовства, характеристичной чертой которыхъ является то, что они принадлежатъ къ категоріи оффиціозныхъ, чуть-чуть не оффиціальныхъ безпорядковъ и возникаютъ въ атмосферѣ, насыщенной тяжелымъ электричествомъ уже вполнѣ опредѣленнаго правительственнаго террора.

Такъ именно обстояли дѣла при началѣ второй французской реставраціи, когда роялизмъ, временно напуганный стодневнымъ торжествомъ Наполеона, мстилъ за свое униженіе настоящимъ пароксизмомъ бѣшенства, выражаясь въ юридическихъ убійствахъ противниковъ спеціальными трибуналами и вообще королевскимъ судомъ и администраціей, въ многомѣстныхъ массовыхъ избіеніяхъ мирныхъ жителей со стороны подонковъ легитимизма при потвор-

ствѣ и зачастую содѣйствіи властей, въ ужасающемъ произволѣ военныхъ и штатскихъ начальниковъ, въ безумно реакціонной политикѣ выбранной во время господства бѣлаго террора «*несравненной* палаты» (Chambre *introuvable*) *), и т. д.

Я не буду останавливаться на указѣ снова возвратившагося подъ охраной 1.200.000 союзныхъ солдатъ Людовика XVIII, указѣ, который являлся свирѣпымъ и вѣроломнымъ декретомъ о проскрипціяхъ и былъ обнародованъ лишь 24-го іюля 1815 г. т. е., какъ разъ послѣ того, какъ маршалу Даву удалось распустить безъ пролитія крови наполеоновскую армію, отведенную имъ въ Луарѣ и получившую за то отъ кроткихъ и благородныхъ (какъ мы вскорѣ увидимъ) роялистовъ названіе «луарскихъ разбойниковъ». Равно, какъ не буду подробно говорить о юридическихъ убійствахъ половника Лабэдойера, маршала Нея и другихъ крупныхъ бонапартистовъ, о возмутительности процессовъ которыхъ толковалось уже не мало въ исторіяхъ эпохи. Я лишь упомяну объ убійствѣ легитимистской толпой маршала Брюна и о легитимистскихъ же погромахъ на югѣ: мнѣ поскорѣе хочется познакомить этимъ способомъ читателей съ подвигами французскихъ черносотенцевъ второй реставраціи, чтобы показать, въ какой степени, своимъ характеромъ обстановки и причинами эти злодѣйства напоминаютъ дѣянія нашихъ «истинно-русскихъ» шаекъ.

Отмѣчу, прежде всего, то обстоятельство, что во Франціи аренои реставраціоннаго черносотенства являлись тѣ южные департаменты, которые входили въ составъ Прованса и смежныхъ съ нимъ частей Нижняго-Лангедока и населеніе которыхъ отличается отнюдь не воинственностью (они пользуются, наоборотъ, среди французовъ репутаціей малодушія), но импульсивностью, подвижностью, фанатизмомъ, подогрѣваемымъ католическими священниками и монахами, и давнимъ присутстствіемъ въ этихъ мѣстахъ иновѣрческихъ (протестантскихъ и т. п.) элементовъ. Какъ видите, тутъ есть много схожаго съ условіями излюбленнаго театра нашихъ особенно широкихъ погромовъ,—южныхъ и юго-западныхъ областей,—гдѣ подонки «истинно-русскаго» населенія отличаются тоже трусостью, но и свирѣпостью, невѣжествомъ, импульсивностью, гдѣ они тоже обрабатываются злобною пропагандою нашихъ свѣтскихъ «монархистовъ» à la Крушеванъ и нашихъ духовныхъ черносотенцевъ à la Иліодоръ, гдѣ, наконецъ, тоже существуютъ иновѣрческіе элементы (евреи), на которыхъ реакція не перестаетъ науськивать

*) Этотъ эпитетъ, который въ сущности не переводимъ по-русски, былъ употребленъ самимъ Людовикомъ XVIII, умилявшимся лоялизму депутатовъ: „казалось бы, что подобной палаты никогда не найдешь" (une pareille chambre semblait introuvable),—сказалъ король парламентской делегаціи, повергшей къ его стопамъ одинъ изъ безчисленныхъ отчаянно реакціонныхъ проектовъ палаты. См. Théophile Lavallée, Histoire des Français; Парижъ, 1884, т. V (написанный Frédéric Lock'омъ), стр. 132.

банды пропонцъ, золоторотцевъ и профессіональныхъ грабителей.

А теперь полюбуйтесь на «патріотическія» дѣянія французской черной сотни, какъ нельзя лучше подтверждающія ту истину, что реакціонеры повсюду одни и тѣ же, такъ же трусливы и столь же кровожадны. Вѣсть о пораженіи Наполеона при Ватерлоо достигла Марселя въ воскресенье, 25-го іюня 1815 г., когда зажиточные люди разъѣхались по окрестнымъ дачамъ. Мелкіе торговцы и ремесленники легитимистскаго образа мыслей, тотчасъ же по выходѣ изъ церквей, устремились по улицамъ города съ криками: «да здравствуетъ король», стараясь увлечь за собой низшіе слои населенія, а особенно мѣстныхъ босяковъ, въ чемъ имъ усердно помогали роялистскіе провокаторы. Но пока генералъ Вердье оставался съ полкомъ пѣхоты и артиллерійской батареей въ Марсели, горланы тратили свою энергію почти исключительно на крики и угрозы. За то лишь только командовавшій войсками, очевидно боявшійся за свою карьеру въ случаѣ торжества Бурбоновъ, далъ солдатамъ приказъ о выступленіи изъ города, какъ улицы очутились во власти бушевавшей толпы, предводимой и науськиваемой на «враговъ монарха» свирѣпыми шайками королевскихъ волонтеровъ, которые, въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ, вербовались здѣсь герцогомъ Ангулэмскимъ, племянникомъ Людовика XVIII. Изъ окрестностей сбѣгаются нафанатизированные крестьяне, и скоро въ городѣ и кругомъ города запылалъ чудовищный погромъ, такъ изображенный живымъ перомъ одного изъ историковъ реставраціи, умѣреннаго республиканца де-Волабелля:

«Когда наступила ночь, въ Марсели не было больше гарнизона; мятежъ торжествовалъ. Этотъ легкій тріумфъ опьянилъ побѣдителей; имъ надо было во что бы то ни стало побѣжденныхъ. Нѣсколько шаекъ тотчасъ же врываются въ жилища гражданъ, на которыхъ имъ указываютъ, какъ на бонапартистовъ, выламываютъ двери, разбиваютъ перегородки и бросаютъ изъ оконъ тяжелыя вещи, которыхъ не могутъ унести съ собой. Разграбивши дома, принимаются убивать хозяевъ. Въ это время другія шайки наводнили жалкій, отдаленный кварталъ, гдѣ жили остатки колоніи мамелюковъ и вообще жителей Востока, прибывшихъ изъ Египта вслѣдъ за Наполеономъ и французской арміей. Нечего было пограбить у этихъ бѣдныхъ людей, избравшихъ Францію своимъ отечествомъ,—и вотъ пускаются ихъ рѣзать. Тѣхъ, кто пытались скрыться, преслѣдуютъ по улицамъ, на площадяхъ и даже въ домахъ другихъ жителей. Ни возрастъ, ни полъ не находили пощады у бѣшеныхъ палачей; женщины, дѣти убивались въ самомъ порту, даже море не могло спасти ихъ: выстрѣлы изъ карабиновъ настигали ихъ въ волнахъ. Какая-то египтянка, смертельно раненая въ тотъ моментъ, когда пыталась спастись вплавь, исчезаетъ съ крикомъ... Еще въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній можно было

видѣть, какъ ея руки шевелились надъ водой... Эта яростная жажда убійствъ скоро обращается на всякаго проходящаго; на кого бы ни показали, какъ на бонапартиста, того сейчасъ же окружаютъ и предаютъ смерти. Утромъ 26-го уличные ручьи были красны отъ пролитой крови... Лишь грабежи, а не преступленія и не убійства, испугали, наконецъ, буржуазію: трепеща за свои дома, магазины и лавки, большинство владѣльцевъ, негоціантовъ и торговцевъ вооружилось утромъ второго дня и двинулось противъ грабителей... Марсель подала сигналъ къ убійствамъ: на него скоро должны были отозваться главнѣйшіе города юга Франціи» *).

Знакомыя картины! Грабежъ; бросанье въ окна того, чего нельзя унести; безпощадное избіеніе женщинъ, дѣтей, стариковъ; охота за людьми по улицамъ и въ домахъ; звѣрскія истязанія бѣдняковъ, которыхъ убиваютъ только потому, что провокаторы указываютъ на нихъ, какъ на инородцевъ. Словомъ, погромъ, русскій погромъ, который сдѣлалъ бы честь изобрѣтательному генію томскихъ, кишиневскихъ или бѣлостокскихъ «союзниковъ»!..

Характеристичны также для психологіи роялистскихъ погромщиковъ сцены, разыгравшіяся во время путешествія по югу маршала Брюна, который, передавъ безъ пролитія крови свои войска легитимистскому преемнику и помѣшавъ, пока стоялъ у власти, разбоямъ роялистовъ, рѣшился отправиться безъ всякаго эскорта въ Парижъ. Онъ такъ и не доѣхалъ до столицы, ибо, ускользнувъ отъ ярости монархистовъ въ Эксѣ, былъ умышленно задержанъ на заставѣ города Авиньона однимъ чиновникомъ, ревностнымъ служителемъ короля, якобы за несоблюденіе паспортныхъ формальностей, а на самомъ дѣлѣ, съ цѣлью дать погромщикамъ время собраться и захватить маршала. И черносотенцы, наконецъ, появились. Экипажу Брюна приходится возвращаться въ городъ подъ градомъ камней, при бѣшеныхъ крикахъ толпы, которая, пользуясь тѣмъ, что въ Авиньонѣ осталось мало военныхъ силъ, осаждаетъ гостинницу, гдѣ остановился маршалъ и, вступая въ рукопашную съ нѣкоторыми представителями мѣстной власти, хотѣвшими отстоять Брюна, успокаивается не раньше, чѣмъ узнаетъ отъ группы бандитовъ, прокравшихся къ маршалу черезъ крышу, что «измѣнникъ» убитъ ими... О, тогда восторгамъ погромщиковъ нѣтъ конца. Осаждающіе неистово рукоплещутъ. И властямъ приходится ограничиться лишь составленіемъ лживаго протокола, приписывающаго смерть маршала самоубійству, но откровенно отмѣчающаго ту любопытную подробность, что во время «патріотической» осады гостиница была разграблена и всѣ мало-мальски цѣнныя вещи унесены пылкими роялистами: любовь къ королю, повидимому, неразлучна у нихъ съ любовью къ чужой «священной

*) Ach. de Vaulabelle, Histoire des deux Restaurations; Парижъ, 1857, 3-е изд., т. IV, стр. 3—4.

собственности». Подвиги рыцарей легитимизма и на этомъ, впрочемъ, не кончились: когда на улицѣ показался гробъ съ тѣломъ Брюна, котораго власти рѣшили поскорѣе похоронить, то толпа бросилась на печальный кортежъ, разломала въ щепки гробъ, разорвала саванъ, вытащила трупъ и, волоча его по мостовымъ города, бросила въ Рону...

Въ это же приблизительно время черносотенное движеніе широко разлилось въ департаментѣ Гаръ, проявившись съ особою силою въ Нимѣ и Юзесѣ, гдѣ поводомъ и предлогомъ избіеній служила не столько политическая ненависть къ бонапартистамъ и республиканцамъ, сколько религіозная вражда невѣжественныхъ католиковъ къ протестантамъ. Ближайшая же причина, конечно, лежала въ установленіи сторонниками Бурбоновъ системы офиціознаго, а временами и прямо офиціальнаго террора, который поддерживался королевскими чиновниками, роялистскими комитетами и очень часто принималъ форму мнимо-народнаго движенія благодаря прямому подстрекательству властей. Во всякомъ случаѣ, самые гуманные представители легитимизма въ рядахъ мѣстныхъ властей не шли въ своихъ докладахъ центральному правительству дальше банальнаго соболѣзнованіи по поводу «излишняго усердія» погромщиковъ и притомъ неизмѣнно сваливали грабежи и убійства на оскорбленныя врагами короля чувства роялистовъ. Временами, когда читаешь описаніе ужасовъ бѣлаго террора, у историковъ эпохи начинаетъ положительно казаться, что дѣло происходитъ въ современной Россіи. Вдумайтесь въ слѣдующія слова де-Волабелля, которыя я привожу въ возможно сокращенномъ видѣ:

«Бандиты, въ теченіе пяти мѣсяцевъ державшіе въ страхѣ весь Гарскій департаментъ, были, въ сущности, довольно малочисленны ... Ихъ имена были извѣстны всѣмъ, и ихъ собранія происходили открыто въ домѣ, обращавшемъ вниманіе толпы гигантскою надписью надъ дверью: «Бурбоны или смерть»... Они, правда, вознаграждали свою малочисленность дерзостью и увѣренностью, которыя имъ давало соучастіе богатой части католической партіи, но особенно покровительство администраціи и суда.... Ни одинъ трибуналъ не прервалъ своихъ засѣданій въ эти дни печали и траура; наоборотъ, преслѣдованія были многочисленнѣе, чѣмъ когда-либо, и каждый день на скамьѣ подсудимыхъ появлялись не грабители-католики, но ограбленные протестанты, не палачи, но жертвы. Эти послѣднія должны были отдавать отчетъ суду въ оскорбленіяхъ, которыя вырывались изъ ихъ устъ по адресу грабителей и убійцъ; въ ударахъ, которые они могли нанести, защищая свое имущество или жизнь, въ жалобахъ на правительство, которое приносило имъ лишь раззореніе и гоненія. Это сопротивленіе и эти жалобы, на которыя доносилось Трестальономъ и его соучастниками, игравшими въ такихъ случаяхъ роль обвинителей и свидѣтелей, неизмѣнно превращались трибуналомъ въ

акты насилія, возмутительные крики, планы возстанія, каравшіеся неумолимыми судьями: въ нашемъ уложеніи не находилось достаточно строгихъ наказаній для несчастныхъ обвиняемыхъ. За то, когда Трестальонъ, или кто-нибудь изъ его шайки появлялся предъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго въ грабежѣ или убійствѣ, онъ оправдывался при рукоплесканіяхъ толпы, и его съ торжествомъ носили по главнымъ улицамъ города» *).

Я позволю себѣ привести еще нѣсколько деталей изъ исторіи этого бѣлаго террора, чтобы читатель могъ въ достаточной степени судить о характерѣ тогдашняго черносотенства и его главнѣйшихъ дѣятелей. Въ Нимѣ дѣло началось съ того, что предъ стѣнами города, 15-го іюля все того же злополучнаго 1815 г., явился «королевскій коммиссаръ», графъ де-Берни и предложилъ бонапартистскому генералу Жилли, въ виду паденія Наполеона, капитулировать. Было условлено, что солдаты, сложивъ оружіе, спокойно удалятся. Но лишь только небольшой отрядъ остался безоружнымъ, на него было произведено вѣроломное нападеніе королевскими волонтерами, что подало сигналъ къ ужасному погрому въ городѣ и окрестностяхъ. Въ теченіе двухъ дней кровь льется рѣкой, и избіеніе и грабежъ сливаются въ неописанную картину хаоса. За тѣмъ убійство и воровство организуются методически. Заранѣе отмѣчаютъ дома, подлежащіе разграбленію, и составляютъ списки липъ, которыхъ рѣшено убивать. Съ города политика террора переносится на окрестности: у кроваваго круга радіусъ достигаетъ верстъ двадцати. Сегодня разграбляютъ одну деревню, на завтра заставляютъ откупаться другую, послѣзавтра въ окружающихъ фермахъ вырываются виноградныя лозы, вырываются оливковыя деревья, забирается весь хлѣбъ; еще дальше устраивается всеобщая облава, и люди преслѣдуются, какъ звѣри. У бандитовъ возникаетъ свое начальство. Между предводителями выдается уже упомянутый цитированнымъ нами историкомъ Трестальонъ, что на провансальскомъ діалектѣ означаетъ приблизительно «Рѣжь-на-трое»: его настоящее имя было Жакъ Дюпонъ, но онъ вполнѣ оправдалъ свое свирѣпое прозвище, что не мѣшало ему сдѣлать изъ убійствъ крупную статью дохода. Онъ заставлялъ однихъ откупаться отъ смерти, другихъ убивалъ, чтобы конфисковать ихъ имущество. Такъ онъ сдѣлалъ съ однимъ отставнымъ капитаномъ, глухимъ, страдавшимъ отъ ранъ инвалидомъ: одинъ изъ помощниковъ бандита убилъ несчастнаго старика, и домъ его былъ отданъ сестрѣ Трестальона, которая давно зарилась на него.

Въ Юзесѣ нашелся достойный соперникъ Трестальона: то былъ нѣкто Граффанъ, скоро получившій, очевидно въ пику уже прославившемуся разбойнику, прозвище Катръ-Тальона (Quatre-Taillons),

*) Vaulabelle, l. c., стр. 26—27, passim.

что значитъ, «рѣжь на четыре части». Однимъ изъ самыхъ доблестныхъ его подвиговъ было убійство шести заключенныхъ въ мѣстной тюрьмѣ протестантовъ, которыхъ ему выдалъ комендантъ города. И фактъ еще болѣе знаменательный для исторіи бѣлаго террора: когда жители окрестныхъ деревень получили отъ одного подъ-префекта разрѣшеніе вооружиться, чтобы сопротивляться бандитамъ, то другой подъ-префектъ далъ порученіе какъ разъ знаменитому Катръ-Тальону наказать ихъ за этотъ «бунтъ противъ короля»; начальникъ бандитовъ захватываетъ шесть мирныхъ гражданъ, приводитъ ихъ въ Юзесъ и здѣсь разстрѣливаетъ подъ окнами префектуры.

Новыя избіенія залили кровью Нимъ какъ разъ наканунѣ выборовъ, которые были назначены на 22 августа. Протестанты были такъ запуганы, что никто изъ нихъ не явился для подачи голоса,—совсѣмъ какъ у насъ евреи въ мѣстахъ, прославленныхъ дѣяніями союза русскаго народа. Не мудрено, что выборы, производившіеся повсемѣстно во Франціи при господствѣ самаго ужаснаго террора, и дали уже упомянутую нами «Несравненную палату», къ подвигамъ которой мы сейчасъ и переходимъ, но предварительно прибавивъ еще послѣдній, заключительный штрихъ къ нарисованной нами картинѣ черносотеннаго движенія. Французскіе южные роялисты были очень набожными людьми: въ этомъ отношеніи они не уступали нашимъ «истинно-русскимъ». И вотъ все въ томъ же злополучномъ Нимѣ, на Успенье, которое очень почитается во всѣхъ католическихъ странахъ, жены черносотенцевъ рѣшили замѣнить убійства актомъ христіанскаго милосердія. Въ этотъ день они устроили настоящую охоту за протестантскими женщинами и дѣвушками: онѣ останавливаютъ ихъ на улицахъ, безстыдно поднимаютъ ихъ платья и при хохотѣ и грязныхъ ругательствахъ мужчинъ бьютъ ихъ и клеймятъ особо придуманнымъ орудіемъ пытки, такъ называемыми «королевскими вальками» (battoirs royaux), которые по формѣ напоминали обыкновенные вальки, употребляемые прачками, но были утыканы гвоздями, образовавшими фигуры, похожія на лиліи, этотъ дѣвственно-чистый гербъ легитимистской монархіи *). Не напоминаетъ ли подвиги нашихъ черносотенцевъ, которые во время нѣкоторыхъ еврейскихъ погромовъ наносили крестообразные раны своимъ жертвамъ, похваляясь тѣмъ, что «хоть ножомъ, да крестили пархатыхъ»?

*) См. Giel-Castel, т. III, стр. 544; Vaulabelle, т. IV, стр. 20; Lavaelée (Fr. Lock), т. V, стр. 102.

III.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ демагогическими формами реставраціи, которыя можно уподобить нашему черносотенному движенію и по отношенію къ которымъ люди стараго режима Франціи, какъ и люди «русскихъ историческихъ основъ», могутъ утверждать, что они, собственно, тутъ не при чемъ, что они, тоже оплакиваютъ эти эксцессы, но не могутъ не замѣтить, что вина лежитъ въ самихъ врагахъ благодѣтельной традиціонной власти, бередящихъ лоялизмъ народныхъ массъ. Мы уже видѣли, что это историческая ложь, что и тамъ, и здѣсь черносотенцы не были многочисленны, что иниціатива звѣрствъ несомнѣнно шла отъ нихъ, а не отъ ихъ противниковъ, и что силу и широту этому движенію придавало попустительство, а то и прямое пособничество властей. Но теперь мы переходимъ къ «бѣлому террору», какъ правительственной системѣ, хладнокровно и методически проводимой нормальными органами центральной власти и подчиненными ей мѣстными учрежденіями и лицами судебнаго и административнаго персонала. Главную роль въ упомянутомъ террорѣ играетъ «Несравненная палата», дѣятельность которой мы и постараемся отмѣтить здѣсь нѣкоторыми характеристичными чертами, но не забывая, что и самой королевской власти, а въ особенности ея закулиснымъ вдохновителямъ принадлежитъ нерѣдко иниціатива жестокихъ мѣръ, развращающихъ общество гораздо болѣе, чѣмъ такъ называемые «революціонные эксцессы».

Извѣстно, что вторая реставрація въ парламентарномъ смыслѣ началась съ распущенія прежней палаты депутатовъ и выборовъ новой на основаніи увеличеннаго числа представителей, пониженія возраста избирателей и избираемыхъ и т. п., равно какъ съ основательной перетасовки центральной властью состава пэріи, становившейся наслѣдственной. Любопытна характеристика свѣже-испеченныхъ королемъ пэровъ и избранныхъ терроризированнымъ населеніемъ депутатовъ. Лучше всего она выходитъ въ изображеніи Дюлора, бывшаго члена конвента, который въ своей исторіи реставраціи сконцентрировалъ массу документовъ эпохи. Сначала пэры: «Людовикъ XVIII набросилъ мантію пэра на носителей именъ, прославившихся нѣкогда воинскими подвигами или ставшихъ знаменитыми своими низостями при дворѣ; онъ реабилитировалъ позорную жизнь этихъ людей, чья молодость была истрачена въ блестящихъ оргіяхъ и чья старость, не помоги ей король, закончилась бы мерзостью и нищетой... Иные изъ этихъ господъ по горло увязли въ долгахъ, были между ними и такіе, которыхъ приходилось одѣвать съ головы до ногъ, чтобы имъ можно было являться въ обществѣ въ приличномъ видѣ: они дошли до этого

состоянія благодаря разврату, лѣности и твердому желанію «жить по-дворянски». Въ королевскомъ дворцѣ были разставлены столы для этихъ нищихъ новаго рода... Самъ Людовикъ XVIII становился ихъ трактирщикомъ, въ ожиданіи того момента, когда они обзаведутся своимъ хозяйствомъ: такъ ихъ питали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока они не стали засѣдать въ палатѣ перовъ» *).

А вотъ портретъ палаты депутатовъ: «Въ палатѣ депутатовъ всѣ симпатіи были на сторонѣ мѣръ, способныхъ снова погрузить народъ во мракъ средневѣковья при помощи господствующей церкви и возстановленія старинныхъ обычаевъ и барщинныхъ повинностей. Среди этой длинной вереницы ретроградовъ выдавалось нѣсколько талантливыхъ людей, которые выказывали большую горячность, чтобы идти по тому пути, куда какъ разъ не лежали ихъ дѣйствительныя убѣжденія: то были интриганы и люди безъ малѣйшаго нравственнаго чувства, люди, продававшіе свою ловкость любому правительству, отъ котораго они могли ожидать чиновъ и денегъ... Между ними... взяточникъ... человѣкъ выгнанный за измѣну изъ министерства иностранныхъ дѣлъ... человѣкъ, скомпрометированный позже какими-то темными переговорами и участвовавшій въ какихъ-то заговорахъ по приготовленію убійства... Они стояли во главѣ партіи, которая хотѣла даже болѣе того, что давалъ старый режимъ, и они подрядились сочинять фразы для этой партіи, дѣльцами и повѣренными коей они и являлись. Можно было бы, конечно, удивляться, слушая, какъ они защищали въ своихъ рѣчахъ религію, прославляли благотворное вліяніе духовенства, превозносили пользу большихъ и малыхъ семинарій; но въ ту эпоху приходилось удивляться не однимъ этимъ метаморфозамъ...

«Громадное же большинство палаты, почти цѣликомъ состоявшее изъ провинціальныхъ дворянъ, съ крайне узкими идеями, принеслось въ столицу съ разрушительными планами своей децентрализаціи: каждый изъ нихъ хотѣлъ лишь того, что могло придать ему важность въ собственномъ околоткѣ; исполненные религіозныхъ предразсудковъ, они требовали подчиненія политики авторитету католической вѣры. Въ этой безпорядочной толпѣ царила крайняя экзальтація и кипѣло чрезвычайное раздраженіе противъ Парижа, потому что онъ былъ очагомъ революціи и не переставалъ быть центромъ идейнаго лучеиспусканія, откуда распространялось просвѣщеніе, которое они столь ненавидѣли и называли «развращеніемъ». Фанатическіе приверженцы королевской власти, готовые мстить за нее кровью, они не боялись, однако, ослаблять ее и смѣло нападать на нее, какъ только дѣло захо-

*) J.-A. Dulaure, Histoire de 1814 à 1830; Парижъ, 1849 т. IV, стр. 218.

дило объ ихъ кастовыхъ интересахъ, которыхъ, впрочемъ, они и сами не понимали. У нихъ не было никакого опредѣленнаго плана...

«Всѣ эти провинціальныя ничтожества, задыхавшіяся отъ нетерпѣнія увидѣть реализацію того, что они называли своими «видами», группировались вокругъ этихъ знаменъ: каждый изъ нихъ дѣлалъ свое предложеніе... Люди, которые въ теченіе всей своей жизни никогда не занимались ни малѣйшимъ дѣломъ, у которыхъ не было даже самаго необходимаго умѣнья управлять своимъ имѣньемъ, которые не знали ни общества, ни жизни... вдругъ захотѣли быть реформаторами государства. Они являлись съ тысячью нелѣпыхъ плановъ, путемъ которыхъ они старались насытить свою ненависть къ разуму, къ современной эпохѣ и философскому пониманію. Всѣ эти отшельники феодальныхъ замковъ стремились теперь къ тому, чтобы дать торжество плодамъ своихъ дикихъ мечтаній... Но и между этими реакціонерами дѣло не обходилось однако безъ намѣреній интриговать и пружинъ чисто личнаго интереса» *).

Я боюсь ослабить комментаріями впечатлѣніе великой исторической иллюзіи, которую долженъ испытывать, я увѣренъ въ этомъ, любой русскій читатель, вдумываясь въ только что цитированныя строки: да, вѣдь это она, она, современная Россія, въ которой временно торжествуетъ не знающая ничего, кромѣ своихъ «кастовыхъ интересовъ» привилегированная реакція! А если бы мнѣ позволяло мѣсто, то характеристикой отдѣльныхъ героевъ французской реставраціи по Дюлору, я могъ бы еще болѣе усилить эту иллюзію, отыскавъ для вожаковъ русскаго зубряного стада двойниковъ изъ французской монархической партіи.

Перехожу, не останавливаясь на этихъ поучительныхъ деталяхъ, къ дѣятельности «Несравненной палаты», которой помогала почти всегда палата пэровъ и которая не встрѣчала сначала сопротивленія въ королѣ, зачастую даже радовавшемся въ глубинѣ души усердію роялистовъ. Въ самомъ началѣ сессіи, осенью 1815 г., проходятъ одинъ за другимъ три драконовскіе закона, предложенные правительствомъ: о «пріостановкѣ неприкосновенности личности или индивидуальной свободы», какъ выражается французскій текстъ; о «подавленіи мятежныхъ криковъ и призыва къ бунту»; о «превотальныхъ судахъ». Первый законъ въ сущности отдавалъ на произволъ администраціи всякаго, кто былъ заподозрѣнъ властями въ «преступленіяхъ или проступкахъ противъ особы и авторитета короля, противъ особъ королевской фамиліи или цѣлости государства». Имѣвшій несчастіе навлечь на себя такое подозрѣніе «можетъ содержаться въ заключеніи вплоть

*) Ibid., стр. 228-231, passim.

до прекращенія дѣйствія даннаго закона, если раньше этого времени онъ не будетъ позванъ на судъ». При чемъ законъ оговаривается, что его дѣйствіе прекращается само собою въ томъ случаѣ, когда палата не вотируетъ его продолженія въ ближайшей сессіи. Отсюда выводъ ясенъ: если властямъ угодно не привлекать заподозрѣннаго къ судебной отвѣтственности, а парламентъ будетъ изъ сессіи въ сессію голосовать сохраненіе закона, то злополучный *предполагаемый* преступникъ можетъ сидѣть въ тюрьмѣ до скончанія вѣковъ. Впрочемъ, одинъ изъ параграфовъ закона милостиво замѣняетъ заключеніе высшимъ полицейскимъ надзоромъ, разъ предполагаемый преступникъ не такъ важенъ...

Знакомые мотивы! восклицаетъ уже, по всей вѣроятности, современный русскій читатель. Да, настолько знакомые, что такъ и и хочется спросить вмѣстѣ съ Гейне:

Sonderbar! wie wohlbekannt
Dünkt mir diese Bärensprache!
Hab'ich nicht in teurer Heimat
Früh vernommen diese Laute?

Странно, странно! какъ знакомъ мнѣ
Весь языкъ медвѣжій этотъ!..
Не на родинѣ ли милой
Я ужъ слышалъ эти звуки?..

Это сродство языковъ реакціи выступаетъ еще болѣе если прислушаться къ тому, что говорилось въ объясненіе исключительныхъ мѣръ представителями стараго режима. Во время преній по поводу только что анализированнаго закона, министръ полиціи, Деказъ, характеризовалъ смыслъ его такъ: «Этотъ законъ имѣетъ цѣлью придать дѣйствіямъ власти, которой поручено блюсти самые святые интересы общества, безопасность государства и трона, силу, въ которой она нуждается, чтобы обуздать великихъ преступниковъ, потому что благодѣтельныя, но медленныя формы правильной юстиціи обрекаютъ ее на безсиліе... Требуются ли особыя усилія, чтобы доказать необходимость этого новаго закона столь же спасительнаго, сколь великаго?.. Наши дѣйствія несомнѣнно велики; велико должно быть и лѣкарство противъ нихъ... Власть обѣщала то, чего хочетъ интересъ народа. Но народъ желаетъ, прежде всего, чтобы его спасли... Король, милостивые государи, рѣшилъ восполнить недостатокъ существующихъ законовъ тѣми, проектъ которыхъ онъ поручилъ мнѣ представить вамъ... Но онъ желаетъ, чтобы эти мѣры давали гражданамъ всѣ гарантіи, какія только можно имъ обезпечить, только не компрометируя спасенія трона и отечества» *).

*) Dulaure, l. c. стр. 246—249, passim.

Или, какъ развивалъ далѣе мысль правительства герцогъ де-Дудевилль, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ реакціи въ палатѣ пэровъ: «Уваженіе къ хартіи, несомнѣнно, нашъ долгъ. Но тотъ, кто изъ уваженія къ ея статьямъ, подвергъ бы опасности самое существованіе ея, не походилъ ли бы на человѣка, который убоялся бы, для спасенія жителей горящаго дома, ломать двери, страшась нарушить неприкосновенность чужого жилища? Въ моментъ нашихъ послѣднихъ несчастій, слишкомъ чувствовалась недостаточность нашихъ законовъ... Научимся самимъ опытомъ, что образъ жизни здороваго человѣка не можетъ годиться для діэты больного, и что во время бури надо иначе маневрировать кораблемъ, чѣмъ въ хорошую погоду» *).

А вотъ, что мы слышимъ 93 года спустя: «Государство можетъ, государство обязано, когда оно находится въ опасности, принимать самые строгіе, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя отъ распада... Когда домъ горитъ, господа, вы вламываетесь въ чужія квартиры, вы ломаете двери, ломаете окна. Когда человѣкъ боленъ, его организмъ лѣчатъ, отравляя его ядомъ... Бываютъ, господа, минуты въ жизни государства, когда государственная необходимость стоитъ выше права и когда надлежитъ выбирать между цѣлостью теорій и цѣлостью отечества... Правительство приметъ мѣры для того, чтобы ограничить суровый законъ только самыми исключительными случаями... Россія, конечно, сумѣетъ отличить кровь на рукахъ палачей отъ крови на рукахъ добросовѣстныхъ врачей, которые примѣняли самыя чрезвычайныя, можетъ быть, мѣры, но съ однимъ только упованіемъ,— исцѣлить трудно-больного» **).

Какъ видите, les beaux esprits se rencontrent не только въ общемъ направленіи трансцендентально-административной аргументаціи, но и въ деталяхъ. И тамъ, и здѣсь говорится о необходимости разрушить право для спасенія государства, выламывать двери неприкосновеннаго жилища для спасенія захваченныхъ пожаромъ обитателей, примѣнять къ лѣченію больного средства, совершенно не идущія здоровому человѣку. Правда, въ рѣчи представителя нашей реставраціи не упоминается о маневрахъ корабля на бурномъ морѣ. Но на то вѣдь Россія, особенно по теперешнимъ временамъ, преимущественно сухопутное государство...

Изъ обстоятельствъ, при которыхъ прошелъ второй законъ, наказывавшій «мятежные крики и призывъ къ бунту», слѣдуетъ въ особенности упомянуть о кровожадномъ настроеніи палаты, сначала желавшей, чтобы все,—и возгласы, и рѣчи, и каррика-

*) Ibid., стр. 258.

**) См. оффиціальный Стенографическій отчетъ. Государственная Дума. Сессія II. Засѣданіе девятое, вторникъ, 13 марта 1907 г., стр 514—517, passim (слова предсѣдателя совѣта министровъ).

туры (противъ королевской фамиліи), и развертываніе какихъ-либо знаменъ, кромѣ королевскихъ, и ношеніе какихъ-либо кокардъ, кромѣ легитимистскихъ бѣлыхъ,—наказывалось смертью, даже если бы «эти попытки не имѣли никакого результата и не были бы въ связи ни съ какимъ заговоромъ». Во всякомъ случаѣ, правительство съ удовольствіемъ приняло поправки коммиссій, радикально измѣнявшія министерскій законопроектъ, и, въ концѣ концовъ, получился законъ, который наказывалъ безсрочною ссылкою за предѣлы Франціи (déportation), даже безрезультатные «крики, рѣчи и писанія, выражающія угрозу покушенія противъ жизни и особы короля и членовъ королевской фамиліи, или прямой или косвенный призывъ къ ниспроверженію правительства» и т. д., а за крики и писанія, заключавшіе въ себѣ признаки непочтенія къ королю и его дому или подстрекательство къ неповиновенію верховной власти и хартіи, грозилъ заключеніемъ въ тюрьмѣ до пяти лѣтъ и штрафомъ до 20.000 фр.

Но роялисты поистинѣ превзошли себя, когда дебатировался третій законъ, о «превотальныхъ судахъ», кстати сказать внесенный правительствомъ согласно желаніямъ и указаніямъ депутатовъ и пэровъ, которые пылали нетерпѣніемъ создать особый трибуналъ, приспособленный для «неуклоннаго» проведенія двухъ только что вотированныхъ реакціонныхъ законовъ. Правительственный законопроектъ возстановлялъ и даже расширялъ превотальную юрисдикцію дореволюціонной эпохи, когда такъ называемые prévôts des maréchaux, или особаго рода военные судьи, судили безапелляціонно бродягъ, разбойниковъ на большихъ дорогахъ, совершавшихъ преступленія солдатъ, фальшивыхъ монетчиковъ, вооруженныхъ людей, собиравшихся скопомъ, и т. п. *).

Законъ, вотированный «Несравненной палатой» въ теченіе двухъ засѣданій, а палатой пэровъ и совсѣмъ безъ преній, учреждалъ въ каждомъ департаментѣ превотальный трибуналъ, состоявшій изъ «прево» или военнаго судьи, имѣющаго чинъ не ниже полковника, изъ президента и изъ четырехъ судей, избранныхъ между судейскимъ персоналомъ первой инстанціи. Эти трибуналы судили всѣхъ, кто обвинялся въ бунтѣ, устройствѣ мятежныхъ собраній, участіи въ вооруженныхъ шайкахъ, составленіи мятежныхъ прокламацій, въ угрозахъ покушеніемъ королю или членамъ королевской фамиліи, въ призывѣ гражданъ къ ниспроверженію верховной власти и т. д. Прево имѣлъ право возбуждать судебное преслѣдованіе противъ всякаго, даже на основаніи простого частнаго доноса. Приговоры превотальнаго суда не подлежали ни апелляціи, ни кассаціи и должны были приводиться въ исполненіе въ теченіе сутокъ.

---

*) См. статью „Prévôts des maréchaux" въ A. Chéruel, „Dictionnaire historique des institutions, moeurs et contumes de la France"; Парижъ, 1865, 2-е изд., часть II, стр. 1019—1020.

Словомъ, это былъ почти прообразъ нашихъ военно-полевыхъ судовъ.

Но еще любопытнѣе самого закона были разсужденія любителей «сильной власти» во время дебатовъ. Приведу отрывокъ изъ рѣчи нѣкоего г. Дюплесси, который, кромѣ ужасно нравящагося всѣмъ реакціонерамъ сравненія насильниковъ съ «добросовѣстными врачами», остановился на любовной апологіи петли: «Тяжело, милостивые государи, обращать свои взоры на общественныя язвы, на жестокія средства, которыя мы обязаны употреблять противъ нихъ. Но, подобно врачу, котораго не останавливаетъ ни видъ самыхъ ужасныхъ ранъ, каковыя онъ старается излѣчить, ни отвратительный вкусъ лѣкарствъ, каковыя онъ приготовляетъ, чтобы вырвать больного изъ объятій смерти, вы не убоитесь занимать вашъ умъ этими печальными предметами... Должно перемѣнить, милостивые государи, орудіе казни. То, которое было завѣщано намъ подъ предлогомъ гуманности революціей (гильотина. Н. К.), было окрашено слишкомъ чистою и слишкомъ славною кровью, чтобы его можно было отнынѣ употреблять для наказанія за преступленіе. Наступило время, когда, проникнутые этою мыслью, вы предложите законъ, чтобы въ будущемъ никто, осужденный на на смерть, не подвергался обезглавливанію. А пока возстановите при исполненіи приговоровъ превотальнаго суда, казнь, которая употреблялась нѣкогда во Франціи... Позоръ, сопровождающій повѣшеніе, произведетъ еще болѣе благотворное дѣйствіе, чѣмъ сама казнь» *)...

И этотъ дифирамбъ въ честь петли былъ немного позже повторенъ еще подробнѣе въ рѣчи прокурора Тринкэлага, который, на засѣданіи парламентарной коммиссіи, «съ улыбкой на устахъ» и «самымъ сладкимъ голосомъ» заговорилъ передъ своими товарищами по бюро такъ: «Въ такія времена, какія мы нынѣ переживаемъ, надо разить сильно, быстро и въ возможно большемъ числѣ сразу; но подобная репрессія трудна съ гильотиной, этимъ очень сложнымъ, страшно тяжелымъ инструментомъ, котораго почти нельзя перевозить. Старый способъ казни не представляетъ ни одного такого неудобства: ну, гдѣ нельзя найти куска веревки, или даже простой бичевки? Всякій, кромѣ того, можетъ носить ее въ карманѣ, и повсюду найдется также гвоздь, балка или древесный сукъ, чтобы повѣсить ее. Такимъ образомъ, я держусь того мнѣнія, что надо оставить гильотину и возвратиться къ старому методу» *).

Если администрація и судъ «реставрированной» монархіи и не злоупотребляли громогласными заявленіями во вкусѣ кровожаднаго юмориста Тринкэлага, то и безъ петли, при помощи трехъ

---

*) Dulaure, IV, стр. 294—295.
**) Vaulabelle, IV, стр. 208, прим.

вотированныхъ законовъ, съ успѣхомъ возвращали ко всѣмъ «старымъ методамъ» стараго режима. Хорошо гармонировалъ съ этимъ общимъ положеніемъ вещей и такъ называемый «законъ объ амнистіи», который если и не удовлетворилъ самыхъ крайнихъ роялистовъ, оставшихся въ данномъ случаѣ недовольными «мягкостью короля» и «слабостью правительства», то, въ сущности, былъ не мѣрой забвенія, а самой подлинной проскрипціонной мѣрой. Ибо, если первый параграфъ этого закона провозглашалъ амнистію тѣхъ, кто «прямо или косвенно принималъ участіе въ возстаніи или узурпаціи Наполеона», то слѣдующіе параграфы вводили существенное ограниченіе въ эту общую формулу, оставляя въ силѣ судебное преслѣдованіе и изгнаніе всѣхъ лицъ, обозначенныхъ въ указѣ короля отъ 24-го іюля 1815 г. Достаточно сказать, что если на основаніи указа были совершены политическія убійства полковника Лабэдойера и маршала Нея, то на основаніи закона объ амнистіи были судимы и по большей части приговорены къ смерти: адмиралъ Линуа, полковникъ де-Пэрело, генералы Дебелль, Траво, Друо, Камброннъ, Шутранъ, Мьельтонъ, Мутонъ-Дюверне, Грюйеръ, героическіе братья Фошэ и т. д., и т. д.; тридцать восемь членовъ конвента и «цареубійцъ» отправлялись въ изгнаніе, и т. п. А тѣмъ временемъ всевозможнаго рода трибуналы, и, прежде всего, превотальные, обрушивали жесточайшіе приговоры на голову людей, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ общества: медиковъ, фабрикантовъ, адвокатовъ, нотаріусовъ, рабочихъ, отставныхъ солдатъ. Тюрьмы быстро переполнились, особенно благодаря циркуляру министра полиціи отъ 26-го марта 1816 г., циркуляру, въ которомъ Деказъ давалъ префектамъ самыя обширныя полномочія для «охраненія безопасности», такъ какъ предоставлялъ ихъ такту и проницательности сужденіе о томъ, кого, собственно, слѣдуетъ разумѣть подъ чреватымъ грозными недоразумѣніями именемъ «враговъ государства».

Переполненіе тюремъ заставляло представителей мѣстной власти прибѣгать къ замѣнѣ заключенія высылками и ссылками, водвореніемъ осужденныхъ или просто подозрѣваемыхъ на другомъ концѣ Франціи отъ ихъ обычнаго мѣстожительства. Мужья разлучались съ женами, родители съ дѣтьми. Бретонца высылали изъ Ренна въ Марсель, жителя Гренобля отправляли подъ надзоръ полиціи въ Бордо.

Повсюду образовался, «какъ въ самыя худшія времена Римской имперіи»,—по словамъ умѣреннаго историка реставраціи (который теперь бы сдѣлалъ другое сравненіе),—«классъ профессіональныхъ шпіоновъ»: «эти негодяи, поощряемые легковѣріемъ нѣкоторыхъ администраторовъ и особенно офиціозныхъ полицій, составленныхъ вокругъ принцевъ королевскаго дома куртизанами, которые подозрѣвали вѣрность даже самихъ министровъ, питали смѣлую надежду составить себѣ карьеру, злоупотребляя этимъ довѣріемъ съ цѣлью

губить невинныхъ» *). Иные изъ нихъ писали провокаціонныя письма къ разнымъ, зачастую имъ неизвѣстнымъ людямъ, и потомъ сами же перехватывали эти письма и представляли ихъ по начальству. Другіе устраивали открыто бюро шпіонства и завели спеціальныя книги для доносовъ, которые они концентрировали и отправляли властямъ. И все это, замѣтьте, терпѣлось и даже поощрялось мѣстными представителями власти, которые безконтрольно управляли ввѣренными имъ округами; получалась знакомая намъ картина автономныхъ сатрапій.

Особенно отличился въ этомъ смыслѣ гренобльскій генералъ Доннадье, къ которому такъ и хочется прицѣпить имя одного изъ самыхъ нашихъ энергичныхъ генераловъ-«усмирителей». Онъ умышленно раздулъ пустую мѣстную конспирацію бонапартистовъ, насчитывавшихъ врядъ ли болѣе двухъ-трехъ сотенъ, и послалъ слѣдующую депешу министерству. «Да здравствуетъ король! Трупы его враговъ усѣиваютъ всѣ дороги въ окрестностяхъ Гренобля. У меня нѣтъ времени писать: могу только сказать вашему высокопревосходительству, что войска Его Величества покрыли себя славой. Въ полночь горы освѣтились огнями инсуррекціи во всей провинціи... Я снова сажусь на лошадь... Считаютъ, что число разбойниковъ, атаковавшихъ городъ, простиралось до четырехъ тысячъ» **). Еще страшнѣе было письмо, посланное генераломъ Доннадье военнымъ комендантамъ Ліона и Валанса: въ немъ говорилось о кровопролитной битвѣ, которая продолжалась три часа, причемъ кругомъ, въ четырехверстномъ радіусѣ, гремѣлъ непрерывный ружейный огонь. На самомъ же дѣлѣ плохо вооруженный отрядъ мятежниковъ разсыпался при первомъ залпѣ, оставивъ на мѣстѣ шесть труповъ а между солдатами никто не былъ раненъ.

Но генералъ посылаетъ депеши и письма правительству и съ радостью видитъ, что изъ столицы слѣдуетъ приказъ о введеніи осаднаго положенія во всемъ Изерскомъ департаментѣ и о принятіи экстренныхъ мѣръ во всѣхъ окружающихъ департаментахъ. Превотальный и военный суды приговариваютъ къ смерти 21 человѣка: 14 разстрѣляны немедленно, а остальные, въ томъ числѣ шестнадцати-лѣтній мальчикъ, на слѣдующій день по приказанію центральной власти. Тѣмъ временемъ бравый генералъ издаетъ указы, превышавшіе его полномочія даже въ это кроваво-безумное время. Онъ организуетъ настоящія облавы на окрестныхъ мужиковъ. Всякій, въ чьемъ домѣ будетъ найденъ инсургентъ, разстрѣливается, жилище сравнивается съ землей. Всякій, у кого найдутъ охотничье ружье, предается смерти, а домъ тоже разрушается до основанія...

Скоро, благодаря разоблаченіямъ соперничавшаго съ генераломъ

*) Viel-Castel, V, стр. 183.
**) Viel-Castel, ibid., стр. 98.

префекта, и свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ, правительство узнаетъ, что было жертвой ужасающей мистификаціи. Но нельзя же колебать авторитета доблестнаго воителя? И вотъ Доннадье былъ награжденъ титуломъ виконта, сдѣланъ коммандоромъ ордена св. Людовика, получилъ 100.000 фр. наградныхъ. (Его соперникъ, префектъ, получилъ званіе государственнаго совѣтника). И долго еще роялисты прославляли сокрушителя «гидры революціи», ставшаго ихъ идоломъ...

Читатель, можетъ быть, удивляется, что, говоря о всевозможныхъ преслѣдованіяхъ въ эпоху пароксизма реакціи, прокинувшейся въ началѣ второй реставраціи, я не упоминаю ничего о преслѣдованіяхъ повременной печати и о карахъ журналистовъ. Но съ одной стороны, собственно, періодическая пресса имѣла въ то время мало значенія. Въ 1814 г., когда вырабатывался законъ о «свободѣ» печати и цензура снималась съ произведеній, имѣвшихъ болѣе 20 листовъ, никому изъ Ликурговъ реставраціи и въ голову не приходило обезопасить себя цензурой противъ газетъ: такъ рѣдки и мало распространены онѣ были въ эту эпоху. И потому дреколья были направлены тогда противъ дешевыхъ и шибко расходившихся брошюръ, въ листъ или около того, составлявшихъ излюбленную форму общенія писателей съ публикой. Съ другой стороны законъ о «мятежныхъ крикахъ» парализовалъ своими жестокими наказаніями всякое желаніе и возможность для мало-мальски либеральныхъ публицистовъ выражать свои взгляды по вопросамъ дня. Лишь ультра-монархическія брошюры расходились свободно, на подобіе нашихъ черносотенныхъ листковъ и, несмотря на невѣроятно рѣзкія нападенія на «измѣнниковъ»-министровъ и даже на самого короля за нежеланіе выслушать голосъ «истиннаго народа» и «сокрушить всѣхъ злодѣевъ» (это опять-таки какъ у насъ) почти никогда не преслѣдовались. Изъ преслѣдованій республиканской періодической прессы выдается только процессъ противъ «Желтаго карлика», переименовавшаго себя затѣмъ въ «Трехцвѣтнаго карлика».

За то безпрестанныя преслѣдованія выпали на долю военныхъ и свѣтскихъ должностныхъ лицъ и чиновниковъ, вплоть до самыхъ мелкихъ служащихъ, подозрѣваемыхъ въ недостаточномъ легитимизмѣ. «Истинно-французскій» англичанинъ Гидъ (по настоящему Хайдъ) де-Невилль предлагалъ отмѣнить на годъ несмѣняемость судей, и палата съ восторгомъ приняла эту резолюцію. Вообще въ теченіе первой половины 1816 г. было отставлено чрезвычайно много генераловъ, префектовъ, податныхъ чиновниковъ, мэровъ, народныхъ учителей, сельскихъ сторожей, почтальоновъ, курьеровъ и т. д. То было знаменитое «очищеніе» административнаго персонала отъ либеральныхъ плевелъ. И одной изъ главныхъ пружинъ этой операціи было давленіе «правительства антресоля», «тайнаго правительства»,—мы бы сказали теперь: «камарильи», «звѣздной палаты»,—которое группи-

ровалось вокругъ брата короля, графа д'Артуа, будущаго Карла X, и слагалось изъ сторонниковъ самыхъ ретроградныхъ мѣръ и защитниковъ возвращенія къ старому режиму въ его цѣломъ.

IV.

Заканчивая изображеніе этого перваго, въ извѣстномъ отношеніи наиболѣе реакціоннаго, періода второй реставраціи, представляющаго столько аналогій съ современной Россіей, мнѣ хотѣлось бы въ самыхъ общихъ чертахъ указать и на его разницу съ нашимъ положеніемъ вещей. А для того я долженъ буду продвинуться въ исторіи реставраціи нѣсколько дальше разсмотрѣнной мною болѣе или менѣе подробно эпохи и по возможности вкратцѣ обрисовать смыслъ дальнѣйшихъ событій. Мы видѣли, что «Несравненная палата» любила старый режимъ «во что бы то ни стало» и старалась возстановить королевскую власть во всей ея неограниченной полнотѣ. Но имѣя въ виду этотъ, такъ сказать, абстрактный идеалъ, она употребляла на пути къ нему такіе практическіе пріемы, которые именно подрывали эту полноту и, наоборотъ, верховной власти короля противополагали всемогущество народнаго представительства. «Несравненная палата» впервые серьезно разошлась въ лицѣ своихъ крайнихъ легитимистовъ съ министерствомъ по вопросу объ «амнистіи», которая ей показалась уступкой революціи. Еще болѣе рѣзко она стала на почву оппозиціи въ послѣдующіе мѣсяцы своего существованія. Такъ, когда въ концѣ 1815 г. министерство внесло въ палату законопроектъ о выборахъ, имѣвшій цѣлью дать преобладаніе въ избирательномъ корпусѣ правительству, которое претендовало ввести, рядомъ съ небольшимъ числомъ избирателей цензовиковъ, почти всѣхъ чиновниковъ въ выборныя коллегіи, то «Несравненная» выдвинула противъ этого проекта свой контръ-проектъ, дававшій, наоборотъ, рѣшительное преобладаніе крупной собственности. И эта процедура по тому же вопросу повторилась еще разъ: правительство такъ и не могло провести своего плана и при этомъ услышало со скамей ультрароялистовъ ироническій совѣтъ—прямо назначать угодныхъ его сердцу депутатовъ, а не прибѣгать къ комедіи выборовъ, чтобы наполнять парламентъ своими креатурами.

Точно также, когда министерство, желая упрочить разстроенные въ конецъ войнами финансы, предложило увеличить налоги на поземельную собственность и подвергнуть отчужденію государственные лѣса, то та же ультра-роялистская палата противоставила этому предложенію свое, клонившееся къ перенесенію новыхъ налоговъ на патенты, т. е. на промышленные и торговые капиталы. Отъ продажи же государственныхъ лѣсовъ она рѣшительно отказалась, считая, что такъ какъ большая часть ихъ относилась до революціи

къ церковнымъ имуществамъ, то ихъ и надо возвратить духовенству. Ставъ рѣшительно на путь оппозиціи, «Несравненная» приняла одну за другой такія резолюціи, какъ увеличеніе жалованья духовенству, возсозданіе церковныхъ имуществъ и имуществъ «мертвой руки», или различныхъ религіозныхъ учрежденій, передача народнаго просвѣщенія въ руки опять-таки духовенства, получавшаго право высшаго руководительства въ школахъ, и т. д. И если противъ нѣкоторыхъ мѣръ (напримѣръ, отмѣны закона о разводѣ), правительство, тоже не отличавшееся либерализмомъ, ничего не возражало, то оно было, наоборотъ, крайне перепугано самостоятельными аллюрами палаты въ сферѣ бюджета и вообще финансовъ, которые служили ближайшею мишенью экспериментамъ ультра-роялистовъ, не боявшихся перетасовывать по своему экономическіе планы правительства, лишь бы сложить съ себя побольше налоговъ, перебросить значительную часть ихъ на промышленность и обезпечить духовенство.

Еще страннѣе эта оппозиціонная роль ультра-роялистовъ стала послѣ указа 5 сентября 1816 года, указа, который распускалъ не въ мѣру усердную и крайне непокорную палату и назначалъ новые выборы, закончившіеся, какъ извѣстно, торжествомъ правительственной, умѣренно-консервативной или даже,—какъ казалось тогда противникамъ реакціи, — либеральной политики. Очутившись въ новой палатѣ въ меньшинствѣ (ихъ было приблизительно 100 противъ 160), крайніе легитимисты повели противъ правительства и его умѣренно-либерально-консервативнаго большинства не менѣе ожесточенную кампанію, чѣмъ и раньше, но уже на сей разъ въ роли защитниковъ свободы. Личная неприкосновенность, свобода печати, независимость избирателей, правильное судопроизводство,— всѣ эти дѣйствительно прекрасныя и дѣйствительно необходимыя для культурнаго государства вещи находили въ нихъ горячихъ сторонниковъ, тогда какъ, въ силу любопытнаго историческаго chassé-croisé и перемѣны позицій, тогдашніе «либералы» въ палатѣ стояли лишь за полумѣры и поддерживали министерство, когда оно смягчало вотированные же «Несравненной палатой» законы, крайне ограничивавшіе личную неприкосновенность, или ослабляло гнетъ цензуры надъ газетами.

Такъ или иначе, создавалось положеніе, которое дало поводъ Луи-Блану сдѣлать тонкое и въ общемъ вѣрное замѣчаніе, бросавшее свѣтъ на внутренній смыслъ политической борьбы, наполнявшей своимъ шумомъ и зачастую своимъ драматическимъ блескомъ весь періодъ реставраціи, вплоть до іюльской революціи: «Въ глазахъ феодальной партіи, какъ и въ глазахъ партіи буржуазной, королевская власть была скорѣе орудіемъ, чѣмъ принципомъ. Поэтому, когда эта власть стала оказывать поддержку буржуазіи, то феодальная партія должна была укрыться за парламентарную власть и заговорить языкомъ политическихъ свободъ. А когда королевская власть

подчинилась, наоборотъ, взглядамъ и страстямъ феодальной партіи, то наступила очередь за буржуазіей атаковать тронъ во имя свободы. Такъ объясняются противорѣчія и аномаліи, изъ которыхъ слагается политическое движеніе реставраціи» *).

Въ сущности, какъ говоритъ во многихъ мѣстахъ своего труда только что цитированный нами авторъ, основная борьба шла между королевской властью и принципомъ народнаго суверенитета. Буржуазія же, которая являлась исторической революціонной силой этой эпохи, «хотѣла поработить себѣ королевскую власть, но не разрушая». Не то же ли, какъ мы видѣли, преслѣдовала и дворянская партія, хотя и растекаясь въ своей любви къ «королю во что бы то ни стало»? Очевидно, въ самомъ принципѣ народнаго представительства лежитъ внутренняя сила развитія, которая заставляетъ сторонниковъ неограниченной власти исповѣдовать, въ концѣ концовъ, всемогущество парламентарнаго правленія, какъ хотя бы приблизительнаго выраженія истинной народной воли.

Но при помощи какихъ реальныхъ силъ, внѣшнихъ силъ внутренняя сила политической эволюціи низвергла строй реставраціи? Въ концѣ концовъ, при помощи народныхъ массъ, потому что, какими драматическими эффектами ни отличались столкновенія борющихся партій въ періодъ отъ паденія Наполеона до паденія старшей линіи Бурбоновъ, реакція не была побѣждена, пока одна изъ враждующихъ сторонъ, хотя вначалѣ съ опаскою, съ колебаніемъ, не обратилась за помощью къ рабочему классу: въ 1830 году парижскій пролетаріатъ, подъ предводительствомъ буржуазіи, разбилъ «старый порядокъ» на баррикадахъ, которыя не воздвигались въ столицѣ съ самаго начала Фронды въ 1648 году. Однако, въ томъ фактѣ, что третье сословіе призвало къ борьбѣ четвертое лишь по истеченіи шестнадцати лѣтъ со времени возвращенія Бурбоновъ, сказывалась не только робость вожаковъ крупной и средней буржуазіи, но самое состояніе умовъ въ трудящихся массахъ. Революціонныя бури и войны Консулата и Имперіи въ такой степени утомили народъ, который, главнымъ образомъ, и поставлялъ инсуррекціонное, пушечное и податное мясо, что надо было пройти сравнительно значительному промежутку времени, прежде чѣмъ трудящееся большинство націи могло возстановить гигантскія издержки мускульной и нервной энергіи, растраченной имъ въ исполненный великими треволненіями періодъ 1815—1830 гг.

Кромѣ того, громадная часть трудящихся массъ Франціи была представлена въ то время сельскимъ населеніемъ, составлявшимъ почти три четверти общаго числа жителей (на рубежѣ реставраціи и іюльской монархіи въ деревняхъ жило круглымъ числомъ 24 милліона изъ 32). При этомъ тогдашній мелкій крестьянинъ, добрав-

*) Louis Blanc, Histoire de dix ans (1830—1840); Парижъ, полное иллюстрированное изданіе 1882 г. въ двухъ томахъ, т. I, стр. XVIII „введенія“.

шійся до владѣнія свободною собственностью при революціи и Наполеонѣ, жилъ довольно спокойно при реставраціи, когда онъ собственно только и началъ дѣйствительно воздѣлывать свою землю, хотя отъ времени до времени и отрываясь отъ своей борозды и прислушиваясь къ тому, что говорилось въ городахъ о возможности возврата къ до-революціонному порядку и феодальнымъ повинностямъ. Бѣшеные ультра-роялисты какъ разъ старались не задѣвать ту категорію деревенскаго населенія, которую мы называемъ теперь «трудовымъ крестьянствомъ». Наоборотъ, стараясь пріобрѣсть снова утерянное въ деревняхъ соціальное вліяніе, они пробовали даже пускать въ ходъ демагогію по отношенію къ этимъ мелкимъ мужикамъ. И не мало роялистовъ носились съ проектами не цензовой, а всеобщей подачи голосовъ, но въ такой своеобразной формѣ, которая давала бы возможность мѣстнымъ дворянамъ предписывать сосѣднимъ крестьянамъ вотировать за привилегированныхъ владѣльцевъ.

Замѣчу, кромѣ того, что милліардомъ вознагражденія эмигрантамъ за конфискованныя во время революціи земли молодая Франція, хотя съ отвращеніемъ и злобою, но откупалась отъ страховъ обратной экспропріаціи пріобрѣтенной ею собственности со стороны возвратившихся феодаловъ. Напомню также, что провалившійся при рукоплесканіяхъ страны законопроектъ о введеніи въ завѣщаніе право первородства опять-таки мало касался рядового крестьянина, такъ какъ имѣлъ въ виду лицъ, располагающихъ собственностью, которая несла не менѣе 300 франковъ поземельнаго налога. «Дикіе помѣщики», возвратившіеся во Францію въ фургонахъ союзниковъ, нападали не столько на трудовое крестьянство, сколько на сельскую буржуазію, которая, сорганизовавшись еще при революціи въ «черныя банды», покупала за безцѣнокъ имѣнія банкротившихся дворянъ, пускала на сломъ замки, рубила марки и продавала земли мелкими участками жаждавшимъ собственности трудовымъ крестьянамъ. Заключу, наконецъ, это изображеніе отношеній реставраціи къ рядовому деревенскому люду упоминаніемъ, что Бурбоны и ихъ агенты, въ самомъ началѣ своего хозяйничанья надъ великой страной, бросили въ народъ популярный кличъ: долой конскрипцію! долой косвенные налоги (такъ называемые droits réunis)! Конечно, вскорѣ конскрипція была введена снова лишь въ нѣсколько иной формѣ. Конечно, и косвенные налоги не только не уменьшились, но продолжали расти, сдѣлавъ скачокъ съ 342 милліоновъ франковъ при возвращеніи Бурбоновъ до 567 милліоновъ при восшествіи на престолъ Карла X. Но во всякомъ случаѣ изъ этого видно, что реставрація старалась не возбуждать по-пусту противъ себя громадной массы крестьянства, которое, какъ мы видѣли, дѣйствительно не принимало дѣятельнаго участія въ борьбѣ противъ феодальной реакціи.

Но этими же криками: долой конскрипцію! долой косвенные

налоги! реставрація старалась пріобрѣсти себѣ сочувствіе и городскихъ трудящихся массъ, которыя не меньше, если не больше жителей деревни страдали отъ безпрерывныхъ рекрутскихъ наборовъ, а косвенные налоги несли въ пропорціи, значительно превышавшей ту, въ какой участвовало въ несеніи этой тяготы сельское населеніе. Городской рабочій классъ вообще игралъ лишь незначительную роль въ политическихъ конфликтахъ реставраціи. Прежде всего онъ отдыхалъ отъ четверти вѣка революціонныхъ выступленій и кроваваго дренажа войнъ Имперіи. Затѣмъ у него были свои великія повседневныя заботы о поддержаніи своего жалкаго существованія, которое особенно ухудшилось въ первые годы распространенія крупнаго капитализма, быстро шедшаго въ гору при Наполеонѣ и Бурбонахъ. Параллельно съ тѣмъ, какъ росла концентрація капиталовъ, выражавшаяся въ успѣхахъ каменноугольной промышленности (1 милліонъ тоннъ угля въ 1820 г. и 2 милліона въ 1830 г.), металлургіи (110.000 тоннъ чугуна въ 1820 г. и 267.000 въ 1830 г.), внѣшней торговли (600 милліоновъ франковъ при воцареніи Бурбоновъ и 1 милліардъ наканунѣ ихъ низверженія), банковаго и биржевого дѣла, росли нужда и лишенія рабочихъ, которые въ эту эпоху покидали мелкія заведенія, забиваемыя конкурренціею крупныхъ, и шли на все болѣе и болѣе увеличивавшіяся въ размѣрахъ фабрики. Вмѣстѣ съ тѣмъ все труднѣе и труднѣе становилось жить мелкимъ хозяевамъ-ремесленникамъ. Можно сказать, что городская рабочая масса въ цѣломъ наталкивалась скорѣе въ это время своимъ инстинктомъ на путь соціальной вражды къ промышленной и торговой буржуазіи, чѣмъ на путь революціоннаго сопротивленія феодаламъ. Съ другой стороны, рѣшительные противники реставраціи вербовались тогда среди интеллигентной молодежи и лишь отчасти между наиболѣе выдающимися ремесленниками, мелкими служащими, коммерсантами и т. п., при чемъ въ своихъ планахъ они надѣялись почти исключительно на проникнутую еще демократическимъ духомъ армію, и очень мало на рабочій классъ. Лишь изрѣдка, напр., во время іюньскихъ безпорядковъ 1820 г., возникшихъ во имя протеста противъ реакціоннаго избирательнаго закона, учащаяся молодежь Парижа включала въ свои ряды рабочихъ манифестантовъ. И лишь начиная съ іюльской революціи, радикальная буржуазія выучится правильно призывать на помощь къ себѣ трудящіяся массы. Но тогда наступитъ чуть не двадцати лѣтній періодъ времени, въ теченіе котораго рабочіе будутъ идти за вожаками третьяго сословія, чтобы пріобрѣсти первые проблески классового сознанія и пониманія противоположности своихъ экономическихъ интересовъ, лишь въ концѣ этой эпохи. Какъ видитъ читатель, трудящееся большинство въ продолженіе всей реставраціи не оказывало активнаго сопротивленія «старому режиму».

Такъ ли стоитъ дѣло въ современной Россіи? Вамъ, несомнѣнно,

бросится, прежде всего, въ глаза, что именно широкія массы здѣсь отнюдь не могутъ оказать такого долгаго кредита поднявшей голову реакціи, какъ то случилось во Франціи во второй половинѣ 10-хъ годовъ и въ 20 хъ годахъ прошлаго вѣка. Наше крестьянство отнюдь не находится въ положеніи человѣка, добившагося удовлетворенія первыхъ существенныхъ потребностей и желающаго дальнѣйшаго улучшенія своего быта, но не угрожаемаго непосредственно голодною смертью. Громадная часть нашего деревенскаго населенія алчетъ и жаждетъ земли и, пока не удовлетворитъ этого великаго чисто историческаго стремленія къ средствамъ производства, вырваннымъ у него привилегированнымъ владѣніемъ, до тѣхъ поръ не «успокоится» и не пойдетъ въ добровольное рабство къ восточнымъ феодаламъ. Оно затѣмъ глубоко тронуто идейною пропагандою передовой части нашей интеллигенціи. Недаромъ наше освободительное движеніе, борющееся съ русской реставраціей, или, лучше сказать, попыткой реставраціи, развернулось чуть не столѣтіе спустя, когда великое міровоззрѣніе труда вскрыло основныя противорѣчія между интересами работающаго большинства и празднаго меньшинства. Никакими палліативами, никакими маккіавелическими планами создать привилегированное владѣніе среди крестьянства не удастся отвратить великой вѣковой тяги русскаго деревенскаго люда къ землѣ, этому коллективному средству производства, созданному природой.

Обратите вниманіе и на то, что русскій мужикъ за послѣднюю четверть вѣка голодалъ, нищалъ, терпѣлъ всевозможный гнетъ и до сихъ поръ является злополучнымъ объектомъ «усмиренія» на всемъ широкомъ пространствѣ имперіи, но не подвергался такому систематическому кровопусканію и такому разряженію нервной энергіи, какія выпали на долю французскаго крестьянства въ революціонный періодъ, а главное—въ эпоху кровавой эпопеи наполеоновскихъ войнъ. Злополучная война съ Японіей пустила по бѣлу свѣту не мало калѣкъ, разорила не мало семей, залила слезами не мало глазъ. Но она не только не отуманила дурманомъ побѣдъ и шовинистскаго тріумфа сердце и умъ русскаго мужика: она обнаружила ничтожество и пагубность приказного строя, раскрыла глаза крестьянству на безпомощность и внутреннее разложеніе тѣхъ, кто считаетъ себя безконтрольными господами великаго народа, раздражила его и на десятки лѣтъ двинула его сознаніе впередъ, прививъ ему невольный интересъ къ общегосударственнымъ вопросамъ. Короче сказать, настроеніе русскаго мужика въ началѣ XX-го столѣтія далеко не то, какое замѣчалось среди французскаго крестьянства въ началѣ прошлаго. А между тѣмъ люди нашей привилегированной реакціи отнюдь не обнаруживаютъ той сравнительной сдержанности, какую французскіе феодалы проявляли при Бурбонахъ въ деревнѣ, и какъ бы нарочно испытываютъ судьбу, стараясь всѣми способами дать понять крестьянству, что они счита-

ютъ себя его побѣдителями и завоевателями, имѣющими право на добычу, на spolia opima побѣжденныхъ...

Переходя къ сравненію настроенія городского рабочаго класса при реставраціи и у насъ, мы какъ будто натыкаемся у самого порога этого сравнительнаго изученія на печальную аналогію: нашъ пролетаріатъ повидимому такъ же усталъ и такъ же отдыхаетъ теперь, какъ французскій рабочій классъ при Бурбонахъ. И однако, это только повидимому. Послѣ неимовѣрнаго напряженія трехъ послѣднихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ трудящіяся массы городовъ наравнѣ съ передовой интеллигенціей вынуждены были выносить, и выносить въ первыхъ рядахъ, самые тяжелые удары реакціи, онѣ дѣйствительно, временно остановились и не идутъ дальше по пути того энергичнаго завоеванія экономическихъ льготъ и политическихъ свободъ, которое возбудило интересъ и энтузіазмъ у рабочаго класса всего міра. Но это лишь временная и въ извѣстномъ смыслѣ необходимая пріостановка, которая показываетъ только, что русскій пролетаріатъ нащупываетъ почву, чтобы отыскать на ней уклонъ въ сторону линіи наименьшаго сопротивленія. Ослабѣло ли его пониманіе насущныхъ задачъ момента? Конечно, нѣтъ. Найдется ли теперь между русскими рабочими много такихъ наивныхъ людей, которые стояли бы на примитивной точкѣ зрѣнія, какую высказывалъ, всего за нѣсколько часовъ до іюльской революціи, одинъ цитируемый Луи-Бланомъ труженикъ, въ отвѣтъ на сенсаціонную вѣсть, принесенную ему товарищемъ, насчетъ того, что «въ Парижѣ нѣтъ больше ни палаты, ни газетъ, ни свободы печати»: «Правда? Ну такъ тѣмъ лучше! Пусть только хлѣбъ стоитъ два су, да вино четыре, а на остальное мнѣ наплевать»...

Такого оригинальнаго «экономиста» вы, конечно, съ трудомъ найдете между русскими рабочими нашихъ дней. Ибо всѣ они болѣе или менѣе понимаютъ связь между экономической и политической реакціей, и никто изъ нихъ не скажетъ, что ему даже для достиженія чисто фабричныхъ требованій безразлично, въ какомъ духѣ реагируютъ на эти «дебаты» между трудомъ и капиталомъ стоящіе теперь у политическаго руля кормчіе. Дѣйствительно, не надо забывать, что стремленіе, которое обнаруживается теперь среди рабочихъ къ рѣшенію профессіональныхъ задачъ, къ просвѣщенію, къ культурной дѣятельности, къ организаціи товариществъ, ничуть не обозначаетъ политики «малыхъ дѣлъ», которой занимались въ иной области уставшіе восьмидесятники. Тѣмъ болѣе, что малыя дѣла, освѣщаемыя маякомъ великаго дѣла, не только не отвлекаютъ трудящихся отъ основного идеала, но, наоборотъ, позволяютъ ему связывать повседневныя, насущныя требованія и общую проблему міровоззрѣнія труда. Именно это послѣднее, которое столько лѣтъ пропагандировалось русской передовой интеллигенціей среди возраставшаго и все крѣпнувшаго рабочаго класса городовъ, и даетъ ему возможность сознательно относиться къ общей полити-

ческой дѣятельности и не плыть на букспрѣ у представителей капитала и владѣнія, какими бы звучными фразами ни облекались на ихъ устахъ интересы привилегированнаго меньшинства. Въ этомъ опять-таки великое преимущество современныхъ трудящихся массъ городской Россіи по сравненію съ французскимъ пролетаріатомъ временъ реставраціи. И можно быть увѣреннымъ, что какъ только представится первая возможность широкой общественной дѣятельности, нашему рабочему классу не понадобится, какъ французскому при Бурбонахъ, шестнадцати лѣтъ, чтобы отразить феодальную реакцію, и новыхъ восемнадцати, какъ то было съ послѣднимъ при Людовикѣ-Филиппѣ, чтобы сознать противоположность своихъ интересовъ съ интересами класса имущихъ и правящихъ...

Пессимистическую черту въ картинѣ современнаго положенія Россіи сравнительно съ «реставрированной» Франціей составляетъ, правда, поведеніе нашей буржуазіи, а главнымъ образомъ ея дѣловой, промышленной и торговой части. Мы знаемъ, конечно, и изъ исторіи Франціи, что эта часть третьяго сословія не любила широкихъ народныхъ движеній; и что затяжной характеръ легитимистская реакція приняла, сверхъ уже указанныхъ нами причинъ, еще и потому, что буржуазія крайне боялась бросить снова въ борьбу партій ту «улицу», которая играла такую роль въ историческіе «дни» Великой революціи. Но, по крайней мѣрѣ, политическіе вожди буржуазіи въ рѣшительные моменты умѣли побѣждать робость своего класса и натравляли въ этотъ мигъ «народнаго льва» на своихъ архаическихъ противниковъ, хотя и не выпуская совсѣмъ направляющей цѣпи изъ своихъ рукъ. Повидимому, русское третье сословіе настолько же сравнительно отстало отъ своего французскаго прототипа, насколько русскія трудящіяся массы зашли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ впередъ рабочаго и крестьянскаго люда реставраціи. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ бы статистическимъ выкладкамъ ни предаваться, стараясь доказать себѣ, что, молъ, изъ 6 милліардовъ общаго національнаго дохода (въ Европейской Россіи) на долю сельскаго хозяйства съ лѣсоводствомъ приходится болѣе половины, а добывающая и обрабатывающая промышленность не представляетъ и четверти его, торговля же всего одну одиннадцатую и что поэтому русскому привилегированному землевладѣнію, которое играетъ до сихъ поръ такую роль въ нашей сельской жизни, и по штату полагается наклонять въ свою сторону равнодѣйствующую «соотношенія реальныхъ общественныхъ силъ»,—все же мизерность политическаго вліянія нашей индустріальной и коммерческой буржуазіи является почти необъяснимымъ фактомъ. Вѣдь, какъ ни какъ, а нашъ капитализмъ представлялъ собою очень вліятельную фигуру при нашемъ «старомъ режимѣ». Вѣдь онъ успѣвалъ добиваться отъ него такихъ существенныхъ выгодъ и воспособленій, что оказывался едва ли даже не болѣе любимымъ дѣтищемъ самодержавной бюрократіи, чѣмъ само дворянство. И что же? Куда

дѣвалось вліяніе всѣхъ этихъ биржевыхъ комитетовъ, съѣздовъ представителей промышленности и торговли, каменноугольныхъ, металлургическихъ, сахарныхъ и иныхъ синдикатовъ? Или наша буржуазія только и была сильна тогда, когда выпрашивала у «сферъ» разнообразныя субсидіи въ ущербъ народу, сама эластично сгибаясь

Подъ тяжкимъ игомъ самовластья,
Покорна рабскому ярму?...

Нынѣ наступила пора «народнаго представительства». Какъ же и гдѣ же представители буржуазіи выражаютъ свои классовые интересы? Да и кто вообще представляетъ ее въ нашемъ какомъ ни на есть, а все же парламентѣ? Франко-русскій «старообрядецъ», г. Гучковъ? Или Цицеронъ съ Тверской или Арбата, г. Плевако? Или какой иной притаившійся до поры до времени въ сонмѣ октябристовъ геній «толстосумія»? А между тѣмъ посмотрите, дурно или хорошо, но вся рать «дикихъ помѣщиковъ» на лицо, вся дружно столпилась на защиту своихъ классовыхъ интересовъ и своихъ заложенныхъ-перезаложенныхъ, но все же дающихъ ей возможность «жить по-дворянски» имѣній.

Это зрѣлище преждевременной дряблости нашей буржуазіи и бодрой старости нашей «аристократіи» заставляетъ насъ обратиться за краткой исторической справкой, за аналогіей уже не къ эпохѣ французской реставраціи, а къ сравнительно позднѣйшимъ временамъ германской «контръ-революціи». Здѣсь, на рубежѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ прошлаго вѣка, послѣ краткой бури 48-го, «сумасшедшаго года» мы найдемъ сходство съ психологіей и взаимнымъ отношеніемъ нашихъ высшихъ классовъ: землевладѣльцевъ и капиталистовъ.

Сначала, какъ извѣстно, упорная борьба 18-го марта на улицахъ Берлина, завязанная народомъ съ прусскими войсками и кончившаяся капитуляціей сословно-неограниченной монархіи, возбудила всеобщія надежды на окончательное освобожденіе страны отъ старыхъ порядковъ и привѣтствовалась даже буржуазіей. За политическимъ переворотомъ надвигался соціальный и прежде всего, повидимому, въ деревнѣ. Или, какъ выражается историкъ, стоящій на соціалъ-демократической точкѣ зрѣнія и потому не склонный преувеличивать активности сельскаго населенія: «На берлинскихъ баррикадахъ нѣмецкая революція пріобрѣла себѣ твердую почву подъ ногами. Она бурно шла по всей странѣ и истребляла корни феодальнаго общества. Поднялся крестьянскій классъ, чтобы отомстить за свои несказанныя страданія. Въ южной Германіи, въ Оденвальдѣ, въ Шварцвальдѣ новое пламя возгорѣлось на старой почвѣ крестьянской войны; сборщики господъ и ленныхъ владѣльцевъ прогонялись; земельныя и десятинныя книги уничтожались, владѣтельные замки разрушались. Всего сильнѣе крестьянское движеніе шло въ прусскихъ областяхъ, расположенныхъ на востокъ отъ

Эльбы, а особенно въ Силезіи. Крестьяне двинулись на помѣстья и здѣсь вынудили своихъ мучителей дать имъ грамоты, въ которыхъ они отказывались отъ всѣхъ своихъ феодальныхъ сборовъ и барщинныхъ повинностей. Феодальная партія, единственная, которая была организованной въ Пруссіи, была разбита этими безчисленными крестьянскими возстаніями, а съ нею падала и послѣдняя опора до-мартовскаго государства». *).

Но тутъ же буржуазія перепугалась и стала употреблять всевозможныя усилія, чтобы «заключить эру революціи». Борцы изъ народа, которые, въ разгарѣ инсуррекціи, прославлялись вожаками третьяго сословія, какъ героическіе исполнители гражданскаго долга, скоро были разжалованы въ «бунтовщиковъ». И для защиты отъ нихъ порядка и священной собственности была сформирована въ Берлинѣ бюргерская милиція, которой и были розданы 25,000 ружей изъ цейхгауза. Черезъ три недѣли никто другой, какъ королевскій прокуроръ, принужденъ былъ въ отвѣтъ на безчисленные доносы, сыпавшіеся изъ рядовъ буржуазіи на «эксцессы прессы», объяснять этимъ черезчуръ чувствительнымъ гражданамъ, что «кто хочетъ свободы печати, тотъ долженъ умѣть сносить и злоупотребленія ею». И еще не успѣлъ истечь мартъ мѣсяцъ, какъ почтенные представители берлинскаго бюргерства чуть было не линчевали одного злополучнаго редактора демократической газеты, увѣщавшаго людей своего же буржуазнаго класса не углублять пропасти, которая и безъ того существуетъ между ними и рабочими, а, наоборотъ, стараться сближаться съ послѣдними, идя все дальше и дальше по пути прогресса. А когда были выбраны парламенты,—общегерманскій во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, прусское національное собраніе въ Берлинѣ, и т. д., — то не было такого народнаго движенія, направленнаго противъ скоро поднявшей свою голову реакціи и даже спеціально для защиты народнаго представительства, чтобы оно строжайше не осуждалось, а въ самомъ лучшемъ случаѣ не отсовѣтывалось блюстителями законности. Между тѣмъ, привыкшіе къ военной и гражданской бюрократической организаціи, феодалы и опиравшійся на нихъ временно ошеломленный, но отнюдь не убитый абсолютизмъ умножали предлоги къ столкновеніямъ и умѣло ставили неопытную по части политики буржуазію въ затруднительныя положенія, не отказываясь прибѣгать къ ловкой демагогіи.

Такъ, когда прусское національное собраніе вотировало внесенное лѣвымъ центромъ предложеніе отмѣнить безъ вознагражденія всѣ феодальныя повинности, обременявшія крестьянъ, кромѣ тѣхъ, которыя вытекали изъ обязательствъ, основанныхъ на современномъ гражданскомъ правѣ, то два члена правой, только что вoти-

*) Franz Mehring, Geschichte der Deutschen Sozialdemokratie; Штуттгартъ, 1903, 2-е изд., т. II, стр. 12—13.

ровавшіе противъ, внесли тотчасъ же въ принятую резолюцію свою поправку. Эта поправка опредѣляла необычно низкій процентъ вознагражденія за отмѣнявшееся обязательство не-феодальнаго происхожденія. А когда лѣвая вотивировала и это предложеніе, то вся остальная правая торжественно протестовала противъ нарушенія права уже не феодальной, а современной собственности, которой, молъ, наносилъ существенный ущербъ произвольно назначенный размѣръ вознагражденія. И прогрессивная часть собранія, благодаря этой уловкѣ реакціонеровъ, оказалась разрушающей лѣвой рукой то, что только же она выдвинула правой, какъ основное начало современныхъ гражданскихъ отношеній. Короче сказать, феодалы и бюрократы лавировали такъ ловко и ставили буржуазіи такія искусныя западни при обсужденіи аграрнаго вопроса, а сама буржуазія обнаружила столь мало искренняго желанія высвободить крестьянство безвозмездно изъ историческихъ путъ барщины, что деревенское населеніе совершенно разочаровалось въ дѣятеляхъ мартовской революціи и не поддержало ихъ въ моментъ окончательной ликвидаціи демократическаго движенія старымъ строемъ.

Съ другой стороны, рознь между имущими и неимущими въ городахъ, обнаружившаяся съ самаго же начала германской революціи, создавала все новыя и новыя недоразумѣнія, облегчала возможность демагогической тактики для правыхъ и ослабляла напоръ молодой Германіи на старую. Присоедините къ этому склонность къ фразамъ, политическому педантизму и отсутствіе боевого темперамента у германской буржуазіи; неудачу республиканскихъ возстаній въ Баденѣ, Саксоніи, Баваріи и снова Баденѣ, неудачу, объяснявшуюся опять-таки малою иниціативностью солидныхъ бюргерскихъ элементовъ и ихъ страхомъ передъ широкимъ народнымъ движеніемъ, которое они оставляли безъ поддержки; предательскую, но цѣлесообразную и энергичную тактику пришедшихъ въ себя правительствъ въ борьбѣ съ ревслюціей,—и вы поймете, почему повсюду въ Германіи вырванныя народомъ у властей конституціи были замѣнены октроированными. Равно какъ вы оцѣните по достоинству роль германской буржуазіи, которая позже, въ самыя свободолюбивыя минуты, напр., во время борьбы съ Бисмаркомъ въ началѣ 60-хъ годовъ, не шла, по словамъ своего же врага, дальше «оппозиціи въ шлафрокѣ и туфляхъ», еще позже чуть не цѣликомъ пала ницъ передъ своимъ противникомъ въ лицѣ національ-либераловъ и въ данный моментъ являетъ міру удивительное зрѣлище одного изъ правомѣрныхъ элементовъ прогрессивно-консервативнаго, либерально-юнкерскаго «блока».

Вотъ, повидимому, гдѣ можетъ найти свой прототипъ современная русская буржуазія, если еще не превзойдетъ его въ своей безпомощности и политической недальновидности. Но предыдущій анализъ настроенія современныхъ трудящихся массъ Россіи пока-

зываетъ намъ, что намъ не понадобится 60 лѣтъ для того, чтобы пройти ту столь еще малую часть пути, ведущаго къ демократическому строю, которая пройдена до сихъ поръ Германіей, изнемогающей подъ бременемъ феодальныхъ традицій, буржуазной косности и подталкиваемой лишь нѣмецкимъ рабочимъ классомъ. Наши трудящіяся массы въ городѣ и деревнѣ восполнятъ недостатокъ демократическихъ тенденцій въ нашей буржуазіи.

Н. Е. Кудринъ.

Успокоеніе.

— «Россія успокоилась» или, по крайней мѣрѣ, «начала успокаиваться». «Революціонный угаръ проходитъ». Совершился переломъ въ сторону «законности и порядка». «Революція выродилась въ разбои и грабежи». «Революція прекратилась». Жизнь входитъ въ нормальное русло..

Такъ говорятъ въ Думѣ. Такъ говоритъ почти вся ежедневная печать. Правда, нынѣшнюю ежедневную печать трудно считать полной выразительницей общественнаго мнѣнія. При данныхъ условіяхъ въ ней не могутъ проявить себя если не наиболѣе мощныя, то, во всякомъ случаѣ, достаточно мощныя теченія русской общественной мысли. Въ нынѣшней ежедневной печати, быть можетъ, наиболѣе слышенъ голосъ тѣхъ слоевъ общества, которымъ хочется хоть какого-нибудь выхода изъ «смуты», хоть какого-нибудь «успокоенія». Нынѣшняя ежедневная печать лишена возможности не только освѣтить, но даже просто представить съ достаточною полнотою фактическое положеніе дѣлъ. Она слишкомъ въ одну сторону подстрижена. И тѣмъ не менѣе не на столько же, въ самомъ дѣлѣ, однотонна, чтобы безъ всякаго основанія сходиться на признаніи столь крупнаго, столь основного обстоятельства, какъ окончаніе революціи или начало успокоенія. И разъ «Новое Время», съ одной стороны, а «Рѣчь» напр., съ другой, на этомъ хоть въ какой-нибудь мѣрѣ сходятся, значитъ... «нѣтъ дыма безъ огня»...

Конечно, «Новое Время» говоритъ объ успокоеніи Россіи иными словами, чѣмъ, напр., «Товарищъ» и «Рѣчь». Органы реакціонные дѣлаютъ совсѣмъ не тотъ выводъ, какой свойственнъ органамъ оппозиціоннымъ. Но самый фактъ признается болѣе или менѣе единодушно:

— Революція кончилась или кончается, успокоеніе наступило или наступаетъ...

Однако, по словамъ предсѣдателя совѣта министровъ, «для всѣхъ должно быть ясно, что при теперешнемъ кризисѣ, который переживаетъ Россія, приходится прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя не входятъ въ обиходъ жизни нормальной» *). «Россія успокоилась», но «смута» существуетъ, необходимость въ «чрезвычайныхъ мѣрахъ» остается необходимостью; и, судя по правительственной декларацiи 16 ноября, предвидится, сверхъ того, возможность мѣръ еще болѣе чрезвычайныхъ.

Въ оцѣнкѣ указанія, что «смута» существуетъ и «кризисъ» продолжается, неизбѣжно, конечно, разномысліе. Огрубляя и схематизируя различные оттѣнки мнѣній, можно сказать, напр., что «Новое Время», на основаніи кризиса, требуетъ усугубленія скорпіоновъ, «Рѣчь» и «Товарищъ» находятъ, что самое существованіе кризиса властно указываетъ на необходимость немедленнаго установленія правового строя жизни. Но это опять-таки лишь различные выводы изъ факта. Самый же фактъ признается одинаково всѣми:

— «Кризисъ» продолжается. Итогъ русской жизни складывается изъ аграрныхъ пожаровъ, политическихъ убійствъ, небывалаго озлобленія снизу и небывало-безпощаднаго террора сверху.

«Канибальскій итогъ», какъ выразился недавно В. Г. Танъ въ одной изъ своихъ газетныхъ статей.

И передъ нами, такимъ образомъ, получается психологическая, да, пожалуй, и политическая загадка. Одни и тѣ же люди, а часто, какъ г. Столыпинъ при чтеніи декларацiи, въ одно и то же время исходятъ изъ двухъ взаимно-противорѣчащихъ «фактовъ»:

— Съ одной стороны, «опасное броженіе» существуетъ и обнаруживаетъ даже тенденцію усугубиться. А съ другой стороны, — «страна успокоена», успокаивается и обнаруживаетъ тенденцію къ полному успокоенію.

Относительно самого г. Столыпина возможно, разумѣется, предполагать, что онъ склоненъ слишкомъ оптимистично говорить объ «успокоеніи», по свойственной многимъ слабости переоцѣнивать результаты своихъ трудовъ. Но даже люди, которые весьма критически относятся къ нынѣшней правительственной политикѣ вообще и къ г. Столыпину въ частности, нерѣдко безпомощно мирятся съ противорѣчіемъ...

— Окончилась ли революція?

— Да какая теперь, батюшка, революція! Что ужъ тутъ! Былъ вонь, да изъѣздился...

— Значитъ, наступило успокоеніе?

— Какое тутъ успокоеніе! Жить страшно стало...

---

*) Изъ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ въ Государ. Думѣ 16 ноября 1907 г.

Съ одной стороны, «мы» какъ будто и вправду «можемъ сказать», по выраженію г. Маклакова въ Думѣ, «что пароксизмъ революціи кончился, время реформъ наступило». И читая эти слова, напечатанныя, между прочимъ, въ «Рѣчи» 17 ноября, обыватель невольно соглашается:

— Кончился... Пора бы и въ самомъ дѣлѣ за реформы.

Затѣмъ, въ той же «Рѣчи» въ томъ же № отъ 17 ноября тотъ же обыватель читаетъ, какъ дѣло освѣщается съ другой стороны:

Полученъ рядъ сообщеній о крупныхъ поджогахъ. Въ Кромскомъ уѣздѣ отъ поджога сгорѣла со всѣми дѣлами камера земскаго начальника третьяго участка. Въ имѣніи земскаго начальника Орловскаго уѣзда Пущина въ теченіе мѣсяца было двадцать пожаровъ. Въ Грайворонскомъ уѣздѣ произошли громадные пожары въ экономіяхъ Шатохина и княгини Юсуповой. Сгорѣла масса хлѣба въ скирдахъ. Наличность поджоговъ установлена. Въ имѣніи княгини Урусовой, вблизи Треповки, Елисаветградскаго уѣзда., сгорѣлъ отъ поджога почти весь скотный дворъ. Въ Малоарханг. у., Орловской г., пожары въ помѣщичьихъ экономіяхъ не прекращаются. За послѣднее время произошло болѣе двадцати пожаровъ Изъ Екатеринослава «Русск. Сл.» пишутъ, что, согласно ходатайству земскаго собранія, приняты чрезвычайныя мѣры охраны экономій. Введены разъѣзды конной стражи по всему Екатеринославскому уѣзду. Разъѣзды обязаны по опредѣленному маршруту объѣзжать деревни, хутора и помѣщичьи усадьбы, и т. д. и т. п.

И обыватель, только что согласившійся съ выводомъ г. Маклакова, не прекословитъ и противъ властной логики фактовъ:

— Вотъ-те и кончилась революція! Вотъ-те и наступило успокоеніе...

Черезъ недѣлю, 24 ноября, въ той же «Рѣчи» вниманію читателя снова предлагаются руководящія редакціонныя статьи, въ основѣ которыхъ лежитъ посылка: страна успокоилась и «октябристы», если бы они рѣшились поступить такъ-то и такъ-то, могли бы приступить къ проведенію реформъ. И обыватель, смирный рядовой обыватель, кому невыносима нынѣшняя кутерьма, готовъ, пожалуй, согласиться:

— Что жъ, молъ, дай Богъ. Надо же на чемъ-нибудь кончить.

Но вслѣдъ за руководящими статьями его вниманію совершенно неожиданно предлагается фактическое сообщеніе:

— «Въ Калужской губерніи три волости съ населеніемъ въ двадцать тысячъ человѣкъ не доступны правительственнымъ агентамъ. *)

Не къ тому, разумѣется, говорю, что вотъ, молъ, к.-д. «Рѣчь» впадаетъ въ противорѣчія. Не меньше «Рѣчи» хромаетъ въ этомъ смыслѣ на оба колѣна и октябристскій «Голосъ Москвы», и умѣренно-конституціонное «Слово», и боевое «Новое Время», и министерская «Россія». Въ рѣдкомъ номерѣ нынѣшней большой газе-

*) „Рѣчь", 24 ноября 1907 г.

ты вы не найдете этого «съ одной стороны, нельзя не признаться, а съ другой—нельзя не сознаться»...

И это противорѣчіе есть не только въ газетахъ. Оно существуетъ и въ широкихъ обывательскихъ кругахъ, гдѣ съ одинаковымъ скептицизмомъ относятся и къ вѣрѣ въ успокоеніе, и къ надеждамъ на революцію. И поскольку дѣло касается широкихъ обывательскихъ круговъ, многое, пожалуй, можно бы объяснить простымъ недостаткомъ освѣдомленности.

Ни для кого не секретъ, что относительно «гласности» 1907 г.ознаменованъ поворотомъ ко временамъ Сипягина и Плеве, когда газеты должны были молчаливо изображать, что въ Россіи нѣтъ ни общественныхъ бѣдствій, ни общественныхъ движеній,—ни голодовокъ, ни забастовокъ, ни тифа, ни холеры, ни с.-р., ни с.-д., а есть сплошное благополучіе. И Россія, въ газетномъ, по крайней мѣрѣ, отраженіи, дѣйствительно казалась безмятежнымъ царствомъ, гдѣ политическія страсти имѣютъ резонъ сталкиваться лишь на совершенно невинныхъ вопросахъ, — напр., о преимуществѣ церковныхъ школъ надъ земскими...

Въ ту пору каждый намекъ на происшедшую гдѣ-либо забастовку или на аграрное недоразумѣніе горячо комментировался и давалъ пищу для выводовъ:

— Ага, люди всетаки живутъ, еще ворошатся...

И если многимъ до сихъ поръ кажется, что въ 1905 г. люди проснулись какъ-то сразу, вдругъ, то до извѣстной степени здѣсь сыгралъ роль и законъ контраста,—переходъ отъ сказочной тишины къ необыкновенному обилію звуковъ. Въ настоящее время печать снова лишилась способности отражать не только нѣкоторые отдѣльные звуки, но и цѣлыя мелодіи. И это, несомнѣнно, создаетъ впечатлѣніе, сообразное тому же закону контраста:

— Были солдатскія письма, теперь нѣтъ солдатскихъ писемъ, стало быть—невольно умозаключаетъ обыватель—армія успокоилась. Были телеграфныя сообщенія петербургскаго агентства о крестьянскомъ движеніи, теперь, если судить по агентскимъ телеграммамъ крестьяне совершенно перестали «двигаться», значитъ...

Было шумно и кипуче. И вдругъ опять тишина, хотя и очень относительная, но послѣ недавняго шума, она невольно кажется глубокой. Этотъ крутой переходъ несомнѣнно долженъ опредѣленнымъ образомъ дѣйствовать на обывательскую психологію. Поневолѣ понизишь голосъ, когда кажется, что кругомъ тебя «всѣ» говорятъ шепотомъ. Словомъ, мѣры къ тому, чтобы создать нѣкоторую иллюзію успокоенія, дѣйствуютъ въ обывательской средѣ, какъ масло вылитое на волны. А притихнувшее, благодаря этому, настроеніе широкихъ обывательскихъ круговъ соотвѣтственно отражается и учитывается газетами. Получается, такъ сказать, обоюдный гипнозъ, при которомъ для обѣихъ сторонъ одинаково возможно добросовѣстно заблуждаться. И было бы неумно отрицать, что прави-

тельственныя мѣры противъ гласности играютъ въ этомъ смыслѣ нѣкоторую роль. Но было бы, пожалуй еще неумнѣе все объяснять именно этими чисто-внѣшними обстоятельствами.

Нынѣшнее состояніе Россіи С. Я. Елпатьевскій образно сравнилъ съ подземнымъ пожаромъ. Малоопытному и не вдумчивому наблюдателю можетъ казаться, что все спокойно, земля холодна, цвѣты цвѣтутъ, ручьи журчатъ... И малоопытный наблюдатель страшно поражается, почему такъ сильно пахнетъ гарью, съ какой стати вдругъ тамъ загорѣлось дерево, тамъ вспыхнулъ стогъ сѣна, поодаль безъ всякой видимой причины задымилась трава... Я лично вполнѣ присоединяюсь къ мысли, какая вложена въ это сравненіе. Однако, мнѣ понятно, что можетъ возразить «малоопытный наблюдатель»:

— Да, гарью пахнетъ, кое-гдѣ деревья вспыхиваютъ, кое-гдѣ стога горятъ, кое-гдѣ трава дымится... Но, почему вы думаете, что это подземный пожаръ? А по моему, это «послѣднія тучи разсѣянной бури», слѣды былыхъ грозъ—зарницы. Пожаръ былъ—и надземный, и подземный. А теперь осталось лишь пепелище, на которомъ слабо курятся уцѣлѣвшія головни...

Дѣло вовсе не въ метафорахъ: «надземный пожаръ» или «послѣднія тучи». Надо учитывать кое-какіе объективные и субъективные признаки. Мы видѣли необыкновенный общественный подъемъ, вѣру въ святые идеалы свободы, горячую надежду на побѣду. Теперь упадокъ, безсильный скептицизмъ и безнадежность, граничащая съ отчаяніемъ. Это различіе мы не только видимъ, но и чувствуемъ. Въ 1905 г., да отчасти и въ 1906 г. была жажда большой, массовой борьбы. Тогда звучали бы дикимъ анахронизмомъ разговоры о «малыхъ дѣлахъ», создающихъ иллюзію «культурной работы». Нынѣ они «звучатъ» и даже не очень робко, хотя вѣетъ отъ нихъ не столько анахронизмомъ, сколько отчаяніемъ:

— Что же другое можно найти? Что?

Былъ Sturm und Drang. Все словно срывалось съ своихъ привычныхъ устоевъ, готовое устремиться куда-то «впередъ и вверхъ». Теперь чаще видишь желаніе опуститься съ высотъ общественной борьбы на землю, перейти къ привычному образу жизни, засѣсть за прерванную событіями работу. «Да кабы купить шматокъ земельки, да построить на немъ собственный домишко»... Кстати,— за послѣднее время что-то ужъ очень часто встрѣчаешь людей, мечтающихъ вслухъ о «шматкѣ земельки» и «собственномъ домишкѣ»... Что же это,—пожаръ или охлажденіе? Разгорается россійская земля или остываетъ?

Разумѣется, Россія пестра и многосоставна. И немудрено, если разгорячеціе одной ея части наблюдается одновременно съ охлажденіемъ другой. Можно вѣдь и такъ судить. Интеллигентными, положимъ, слоями понесены страшныя потери. Интеллигенція «не-

реутомилась»—какъ выразился одинъ изъ думскихъ ораторовъ. У нея явилась потребность отдыха, накопленія новыхъ силъ. Между тѣмъ, броженіе въ массахъ народа не можетъ улечься, пока не осуществлены жизненно-необходимыя для страны соціально-политическія реформы. Но и народныя массы не есть нѣчто однородное. Въ одномъ мѣстѣ кое что достигнуто, и народъ, такъ сказать, отдыхаетъ. Въ другомъ не только ничего не достигнуто, но стало хуже. Тамъ движеніе по тѣмъ или инымъ причинамъ обезсилѣло, здѣсь запасъ пороха въ пороховницахъ далеко еще не израсходованъ...

И, несомнѣнно, разнообразіе и пестрота много значатъ. Но всетаки гдѣ же массовые эффекты? Гдѣ массовый подъемъ? Есть ежедневныя вспышки тамъ и здѣсь. Ихъ много. Разрозненныя и какъ будто случайныя, онѣ въ итогѣ создаютъ нѣчто внушительное, большое. Но вѣдь и отъ пепелища, на которомъ дотлѣваютъ головни, идетъ большой дымъ. Если этотъ дымъ—революція, то гдѣ же массовое воодушевленіе? Если этотъ дымъ - конецъ пожара, начало «спокойствія», то гдѣ же признаки массового довольства, массового примиренія съ властью, съ «существующимъ строемъ»? Вѣдь недаромъ же самъ г. Столыпинъ заговорилъ въ Думѣ объ успокоеніи страны такимъ тономъ и въ такихъ выраженіяхъ, словно это успокоеніе чрезвычайно похоже на «неслыханную смуту», требующую неслыханныхъ мѣръ противодѣйствія.

И насколько я понимаю, онъ, дѣйствительно, не зря заговорилъ такимъ тономъ и въ такихъ выраженіяхъ. Нынѣшнее «успокоеніе» и въ самомъ дѣлѣ очень похоже на «смуту», а «смута» стала, пожалуй, походить на «успокоеніе». Дѣло въ томъ, что оба эти слова: «смута» и «успокоеніе», касаются лишь различныхъ сторонъ одного и того же чрезвычайно сложнаго процесса. А самъ по себѣ этотъ процессъ таковъ, что г. Столыпинъ не могъ говорить о немъ иначе, какъ тономъ остраго раздраженія и языкомъ угрозъ.

II.

«Россія должна быть единой и недѣлимой»,—такъ значится въ правительственной программѣ. И этотъ лозунгъ третья Дума—я говорю, конечно, объ ея большинствѣ—сочла долгомъ повторить въ самомъ началѣ своей работы. Оставимъ въ сторонѣ тотъ коварный и специфическій смыслъ, благодаря которому формула: «единая и недѣлимая Россія», пользуется заслуженною непопулярностью. По существу, если употреблять слова въ ихъ прямомъ, а не условномъ значеніи, передъ нами просто одно изъ многихъ общихъ мѣстъ.

«Россія должна быть единой»... Съ честнымъ противникомъ можно спорить о средствахъ, обезпечивающихъ единство. Я ду-

маю, что единство и прочность государственнаго организма вѣрнѣе обезпечивается развитіемъ федеративныхъ началъ. Другому кажется необходимой централистическая система. Конечно, «федеративныя начала» для меня цѣнны не только съ точки зрѣнія государственнаго единства. Но все таки, если между мною и моимъ противникомъ идетъ горячій споръ, то это вовсе не значитъ, что единство только ему дорого.

«Россія должна быть недѣлимой»... Разумѣется, не все тутъ зависитъ отъ нашей доброй воли. Это хорошо понималъ варшавскій генералъ-губернаторъ Скалонъ, угрожая германскимъ нашествіемъ гр. Тышкевичу, Либицкому и Янсону, а черезъ ихъ головы и всему населенію «ввѣреннаго ему края». Хорошо понималъ это и оффиціозъ совѣта министровъ, угрожая всему населенію Россіи, что русская власть найдетъ поддержку въ германскомъ императорѣ. Но поскольку дѣло зависитъ отъ нашей воли, ни одна изъ общероссійскихъ политическихъ партій не собирается дѣлить Россію и отдавать ея области сосѣдямъ.

«Россія должна быть единой и недѣлимой»... Но, вѣдь, это значитъ также, что долженъ быть цементъ, который способенъ сплачивать 140-милліонную людскую пыль въ болѣе или менѣе стройное и организованное цѣлое. И казалось бы, должны быть основанія предполагать наличность этого цемента. Худо или хорошо, но Россія до сихъ поръ жила, какъ самостоятельное государство. Прочно или слабо, но ея крайне пестрое населеніе было чѣмъ-то спаяно. Пусть спайка была очень несовершенна. Пусть спаяны были лишь нѣкоторыя части государства, а другія держались чисто механически силою оружія. Но всетаки нѣкоторый цементъ, несомнѣнно, былъ. А вотъ на счетъ того, сохранился ли онъ,—мнѣнія могутъ быть разныя.

Конечно, исторія пока не знаетъ государствъ, гдѣ все приведено къ единству и гармоніи, гдѣ нѣтъ противорѣчій, угрожающихъ распадомъ. Въ каждомъ соціальномъ организмѣ есть силы и стремленія центробѣжныя,—есть вражда, есть столкновеніе и борьба противоположныхъ интересовъ. Но есть также и нѣчто центростремительное, которое помогаетъ организму не распадаться на составныя части. Каждое соціальное тѣло можетъ быть отчасти сравнено съ маховымъ колесомъ. Хорошо скрѣплены части колеса,—оно работаетъ. Нарушилось скрѣпленіе, — и колесо разлетается на куски.

Самъ по себѣ цементъ, который связываетъ и организуетъ человѣческую пыль,—вещь сложная и многосоставная. Въ него входятъ между прочимъ такіе общіе элементы, какъ инстинктъ самосохраненія или борьба за существованіе, — которые лежатъ въ основѣ всякой соціальной жизни. Большую роль въ смыслѣ объединенія человѣческихъ особей въ тотъ или другой государственный организмъ играютъ историческія образованія устойчиваго, дли-

тельнаго характера, въ родѣ общаго языка или общей религіи. Играютъ роль также историческія образованія не столь устойчивыя, напр., общее уваженіе къ тѣмъ или инымъ государственнымъ установленіемъ. Большое значеніе имѣетъ общность экономическихъ интересовъ. Много значатъ порою даже скоропреходящія явленія. Культъ Наполеона или репутація Гамбетты во Франціи, популярность покойной Викторіи въ Великобританіи или Франца-Іосифа въ Австро-Венгріи, — несомнѣнно, содѣйствовали цементированію общества. Даже память о такихъ покойникахъ, какъ Шиллеръ или Гете, Шекспиръ или Мильтонъ, Вольтеръ или Жоржъ-Зандъ, Костюшко или Мицкевичъ, есть сила центростремительная, и какъ таковая, входитъ однимъ изъ составныхъ элементовъ въ тотъ цементъ, который спаиваетъ людей въ опредѣленное общественное или государственное цѣлое.

Здѣсь не мѣсто говорить, какіе именно элементы необходимы, и какой именно силы они должны быть, чтобы могло существовать современное намъ государство. Здѣсь не мѣсто также опредѣлять, какого именно состава былъ цементъ, который до сихъ поръ спаивалъ Россію. Для насъ пока достаточно общаго указанія, что составъ этотъ крайне сложенъ, и что далеко не всѣ элементы, входящіе въ него, одинаково прочны и одинаково безусловны. Соціальный цементъ, если позволено такъ выразиться, не есть нѣчто вѣчное. Онъ можетъ и обновляться и вывѣтриваться и укрѣпляться и разрушаться. Но если разсмотрѣть тотъ цементъ, которымъ была крѣпка Россія до-революціоннаго періода, и который необходимъ, чтобъ осуществить нынѣшнюю правительственную программу, то...

Я вотъ упомянулъ о религіи. Не будемъ рѣшать, плохо или хорошо православіе. Но, оно, во всякомъ случаѣ, спаивало, если вѣрить цифрамъ переписи 1897 г., свыше 87 милліоновъ человѣкъ,—почти 70% всего населенія Россіи. Это былъ одинъ изъ гранитныхъ устоевъ, на которыхъ держалась традиціонная, патріархальная россійская общественность. Нынѣ даже «Новое Время», вовсе не склонное «констатировать», что «устои» разрушены, пишетъ:

«Что-жъ скрывать упадокъ вѣры? Еще встрѣчаешь кое-гдѣ вѣрующихъ людей, но до чего ихъ мало даже среди простонародья!.. Вольномысліе, которое при нашихъ дѣдахъ охватывало аристократію, а при отцахъ—средній интеллигентный классъ,—вольномысліе спустилось до простонародья и производитъ тамъ невѣроятныя опустошенія. Молодежь деревенская уже почти отстала отъ церкви. Даже въ большіе праздники не видишь въ сельскихъ храмахъ молящихся,—развѣ старики прибредутъ да бабы... Народъ ушелъ отъ церкви или стремительно уходитъ» *).

Терминологія въ этой тирадѣ «Новаго Времени» крайне при-

*) «Нов. Вр.», 25. XI. 1907.

котлива и способна подать поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ. Въ частности, относительно «упадка вѣры» ниже намъ необходимо будетъ сдѣлать весьма существенныя оговорки и поправки. Но основное указаніе, что начался стремительный «исходъ» народа изъ православной церкви, едва ли можно оспаривать. Этого факта, дѣйствительно, не зачѣмъ скрывать, ибо все равно не скроешь.

Несомнѣнно, на нашихъ глазахъ совершается «исходъ народа изъ церковнаго плѣненія», какъ выразился бы врагъ церкви. Дѣло, однако, нѣсколько сложнѣе, чѣмъ простой «исходъ народа». Само духовенство, сами кормчіе церковнаго корабля, судя по всему, не чувствуютъ подъ собою твердой почвы, не чувствуютъ той увѣренности въ себѣ, которая позволяетъ порою сказать:

— Мы теряемъ все. Но мы правы. Истина на нашей сторонѣ...

Несомнѣнно, сейчасъ у православной церкви есть охотники заступить ее. И даже предприняты весьма рѣшительныя мѣры въ цѣляхъ защиты. Работаетъ въ этомъ направленіи прокуратура, привлекшая изрядное количество литераторовъ по 73 и 74 ст. уголовнаго уложенія. Трудится святѣйшій синодъ, низложивший за послѣднее время множество священниковъ. Трудится полицейская власть. Трудится союзъ русскаго народа, открывшій между прочимъ, походъ противъ пьесы г-на Протопопова «Черные вороны», усматривая въ ней непріятный намекъ на своего сочлена о. Іоанна Кронштадтскаго. Защитники, несомнѣнно, есть. Но знаютъ ли они, какую собственно территорію имъ нужно защищать, — это неизвѣстно.

Въ концѣ ноября петербургскому духовенству, и высшему и низшему, между прочимъ пришлось по неволѣ вникнуть въ одинъ изъ основныхъ вопросовъ православія. Поводомъ послужилъ рефератъ г-на Розанова въ религіозно-философскомъ обществѣ на тему «О сладчайшемъ Іисусѣ и горькихъ плодахъ міра». Г. Розановъ сталъ на ту точку зрѣнія, что христіанство есть религія «не совершенствованія или улучшенія міра, а отреченія отъ него». «Евангеліе не признаетъ ни жизнерадостности, ни удовольствія, ни влюбленности». Мы, напримѣръ, не можемъ представить себѣ, чтобы Христосъ или апостолы смѣялись. «Были женатые апостолы. Но и женитьба ихъ была какая-то особенная, словно не земная» *).

Такова теза. Въ оцѣнкѣ ея можно, конечно, стать на историко-литературную точку зрѣнія. И стоя на ней, докладъ г. Розанова, придется признать сплошнымъ недоразумѣніемъ. Изъ всѣхъ основныхъ религіозныхъ книгъ, Евангеліе тѣмъ именно отличается, что

*) Цитаты, обозначенныя кавычками взяты изъ отчета о рефератѣ г. Розанова въ № 278 «Рѣчи».

описаніе пророческаго служенія Христа начато брачнымъ пиршествомъ въ галилейской Канѣ, затѣмъ не однократно прерывается упоминаніями о многихъ другихъ пиршествахъ и заканчивается пиршественнымъ весельемъ въ домѣ воскрешеннаго Лазаря. Такого обильнаго упоминанія о пиршественныхъ радостяхъ нѣтъ ни въ Коранѣ, ни въ пятикнижіи Моисеевомъ. Ни въ какой другой основной религіозной книгѣ вы не найдете настойчиваго, подчеркнутаго, почти какъ вызовъ внѣшнему благочестію и аскетизму, напоминанія, что «Учитель возлежалъ на пиршествѣ съ мытарями и грѣшниками». Это, быть можетъ, наиболѣе трогательная и наиболѣе увлекательная сторона исторической части Евангелія. Ее-то именно г. Розановъ и считаетъ возможнымъ совершенно игнорировать.

Можно подойти къ тезѣ г. Розанова съ научно-богословской точки зрѣнія. И тогда прежде всего придется спросить:

— О какомъ «христіанствѣ» идетъ рѣчь? Христіанство, вѣдь, каждою церковью и каждою сектою понимается и толкуется по-своему.

Наконецъ, для православнаго пастыря вполнѣ естественно стоять на почвѣ православной догмы, православнаго пониманія христіанства. И съ этой послѣдней точки зрѣнія, взглядъ г. Розанова безупречно церковенъ и каѳоличенъ. Г. Розановъ взялъ центральный пунктъ православія и, въ сущности, лишь повторилъ многократно возвѣщенную православную истину:

— Идеалъ благочестія—полное отреченіе отъ міра и дѣлъ его.

Но какъ разъ именно среди православныхъ пастырей на сей разъ этотъ, казалось бы, твердо установленный и общеизвѣстный взглядъ православной церкви, вызвалъ колебанія. Одни пастыри возражали г. Розанову *), при чемъ пытались даже стать на весьма скользкую для нихъ историко-литературную точку зрѣнія. Другіе, какъ будто и соглашались съ нимъ, и какъ будто не рѣшались согласиться вполнѣ...

Повторяю, это очень мелкій эпизодъ. Вдумайтесь, однако, въ него. Страна охвачена стремленіемъ облагообразить свое государственное бытіе. «Русскіе православные люди» увлечены желаніемъ улучшить свою «мірскую», «земную жизнь». Въ очевидной связи съ этой тягой къ мірскимъ дѣламъ г-номъ Розановымъ напоминается церковная точка зрѣнія. Дѣлается попытка выдвинуть на первый планъ далеко не маловажные вопросы. Вотъ, напр., духовенство учавствуетъ въ работахъ Государственной Думы. Спрашивается,—согласно это съ православнымъ пониманіемъ христіанства или несогласно? Вопросъ, несомнѣнно, острый. Но «міряне» равнодушны,—они вѣдь, «стремительно уходятъ». А пастыри не знаютъ,—такъ оно или не такъ, сюда или туда, на югъ держать курсъ или

*) См. «Рѣчь», 24. XI. 1907.

на сѣверъ... Воля ваша,—это симптомъ не только умаленія церкви, какъ одного изъ устоевъ былой общественности.

Долгое время несокрушимымъ казался и другой устой—уваженіе къ исторической власти. Оно было. Оно спаивало людей. Но что съ нимъ стало,—объ этомъ можно судить не только по необыкновенному обилію судебныхъ дѣлъ, возбуждаемыхъ на основаніи 128, 103 и тому подобныхъ статей уголовнаго уложенія, хотя и само по себѣ это «обиліе»—симптомъ тревожный. Мнѣ не разъ приходилось отмѣчать глубокія перемѣны въ «умонаклоненіи» народныхъ массъ. Приходилось указывать на факты, свидѣтельствующіе, какой смыслъ приняли въ народномъ сознаніи былые авторитеты. Чрезвычайно разительная перемѣна въ отношеніяхъ народа къ авторитету исторической власти вообще отмѣчалась не разъ многими органами печати. Такъ что это обстоятельство можно считать достаточно выясненнымъ. Возвращаться къ нему особой нужды нѣтъ. Между тѣмъ нынѣшнія внѣшнія условія весьма неблагопріятствуютъ углубленію въ эту тему. Поэтому ограничусь простымъ указаніемъ на слѣдующее хотя бы явленіе.

Сейчасъ въ Россіи нѣтъ губерніи, въ которой не введено исключительное положеніе. И не знаю, можно ли найти хоть одно селе, въ которомъ не было бы привлеченнаго за ниспроверженіе существующаго строя, за дерзостное неуваженіе къ верховной власти или въ другомъ тяжкомъ государственномъ преступленіи. Кажется, сама власть давно уже потеряла счетъ «привлеченнымъ» ею, приговореннымъ, высланнымъ, сосланнымъ, обысканнымъ, арестованнымъ... «Преступниковъ» появилось прямо таки безчисленное множество. И уже одно это чрезмѣрное обиліе «проступниковъ», повторяю, наглядно свидѣтельствуетъ, что съ авторитетомъ власти дѣла обстоятъ не важно.

Никакое правительство не рѣшится столь далеко идти въ разоблаченіи собственнаго моральнаго безсилія, если оно хоть сколько-нибудь осторожно и дальнозорко, и если оно не столкнуто обстоятельствами на роковой для него путь. Но суть, говорю, не въ одномъ чрезмѣрномъ обиліи «политическихъ преступниковъ». Быть можетъ, еще важнѣе обывательскій взглядъ по этому поводу. Едва начались работы третьей Думы, какъ власть сочла для себя необходимымъ «судить вторую Думу». Почти вся соціалъ-демократическая фракція второй Думы оказалась преступной; всѣ, кого удалось схватить, посажены на скамью подсудимыхъ; и почти всѣ посаженные особымъ присутствіемъ сената приговорены къ тяжкимъ наказаніямъ. Однако, власть не рѣшилась «судить вторую Думу» гласно, при открытыхъ дверяхъ. И однодневная забастовка по случаю этого суда,—забастовка, въ которой, по приблизительнымъ подсчетамъ участвовало до 700 тысячъ рабочихъ,—лишь подчеркнула, что у власти были основательныя причины бояться открытыхъ дверей. Какъ было иначе поступить, если очевидно, что власть и обыватель смотрятъ на

вторую Думу съ весьма противоположныхъ точекъ зрѣнія? За приговоромъ соціалъ-демократовъ второй Думы къ каторжнымъ работамъ слѣдуетъ «судъ надъ первой Думой». Но ни для кого не секретъ, что и относительно первой Думы между правительствомъ и управляемыми существуетъ непримиримое разногласіе.

Это съ одной стороны. А съ другой, припомните, напр., горькія жалобы «Новаго Времени» на положеніе уволенныхъ въ запасъ нижнихъ чиновъ гвардейскаго семеновскаго полка, участвовавшихъ въ «усмиреніи Москвы». Власть поблагодарила и наградила вѣрныхъ ей семеновцевъ. А обыватель, по словамъ «Новаго Врем.», подвергъ ихъ своеобразному бойкоту.

Много бы можно напомнить такихъ фактовъ. И когда вдумываешься въ ихъ краснорѣчивый смыслъ, то право, порою невольно спрашиваешь себя:

— Полно, стоялъ ли когда-нибудь въ Россіи высоко авторитетъ власти, авторитетъ начальства?

Однако, едва ли можно сомнѣваться, что онъ былъ, дѣйствительно высокъ. Считалъ же русскій мужикъ долгомъ снимать шапку при встрѣчѣ съ «господиномъ въ кокардѣ». И это уваженіе къ простой кокардѣ, къ копеечному символу власти, играло важную роль въ русской жизни. Оно было порою комично, порою опасно, такъ какъ служило благопріятной почвою для авантюры всякаго рода. Но уваженіе даже къ копеечному символу власти всетаки объединяло людей. Нынѣ мужикъ впалъ въ озорство. Не знаю, удастся ли его принудить страхомъ наказанія къ тому, чтобы онъ по прежнему снималъ шапку передъ кокардою. Но если бы и удалось, то мы имѣли бы массовой страхъ наказанія, изъ котораго часто родится ненависть, но едва ли хоть когда-нибудь родилось уваженіе.

Долгое время почти въ патріархальной чистотѣ сохранялся родительскій авторитетъ. Русская семейная власть, безапелляціонная, суровая, была какъ бы миніатюрой автократической государственной власти. Русская семья представляла именно ту ячейку, изъ совокупности которыхъ создается полицейское государство. Теперь иные стали нравы.

Было многое другое, не всегда столь же важное, какъ авторитетъ церкви, авторитетъ власти, авторитетъ семьи, и, однако, имѣвшее, въ большей или меньшей степени общенаціональное значеніе. Была, напр., вѣра въ непобѣдимость русской арміи. Пусть это— своего рода иллюзія, психозъ. Но онъ спаивалъ людей, объединялъ ихъ на нѣкоемъ общемъ для нихъ чувствѣ національной гордости. Гдѣ теперь вѣра, что мы непобѣдимы? Мнѣ вспоминается сейчасъ почти смѣшная мелочь. Въ дѣтствѣ я не разъ слышалъ въ избахъ Орловской губерніи долгіе разговоры о донскомъ казачествѣ. Обыватель короталъ свои вечерніе досуги, время-отъ-времени разсказывая или слушая легенды объ «удаломъ атаманѣ Платовѣ», о

«лихихъ молодцахъ донцахъ». Позже мнѣ приходилось слышать такіе же обывательскіе разговоры въ Курской и Калужской губерніяхъ. Это были патріотическіе разговоры, не лишенные гордости,— что вотъ, молъ, въ нашей матушкѣ-Россіи есть какіе молодцы, вотъ, молъ, есть какіе у насъ защитники... Пусть смѣшно это было. Но это было. Это объединяло хотя бы только нѣкоторую часть населенія. Нынѣ казачья слава на одной линіи со славою ингушей. И казакамъ, какъ анекдотической козѣ, завязнувшей въ терновникѣ, приходится пенять лишь на свои рога.

Не буду говорить о той метаморфозѣ, какую претерпѣлъ престижъ суда. Не буду говорить и о томъ представленіи, какое сложилось въ рядовой обывательской головѣ относительно россійской законности. Не буду касаться и многаго другого, что такъ или иначе содѣйствовало сплоченію людской пыли и что нынѣ растаяло...

«Яко таетъ воскъ отъ лица огня»...

Не все, конечно, растаяло только теперь. Одно, въ родѣ казачьей славы или вѣры въ непобѣдимость русской арміи, разсыпалось какъ-то сразу, вдругъ, за 2-3 послѣдніе года. Другое, какъ авторитетъ церкви, разрушалось медленно, въ теченіе многихъ десятилѣтій. И не все разрушенное или разрушающееся имѣетъ одинаковую цѣну. Есть мелочи, въ родѣ «казачьей» славы. Въ общей суммѣ онѣ составляютъ нѣчто. Но въ отдѣльности взятая казачья слава могла быть, могла исчезнуть, но это едва ли способно потрясти государственный организмъ. Есть вещи болѣе серьезныя. Одно исчезновеніе, напр., вѣры въ армію само по себѣ можетъ произвести пертурбацію. Есть, наконецъ, вещи прямо таки рѣшающаго значенія. Легко сказать: «народъ стремительно уходитъ изъ церкви». Но вѣдь если бы сейчасъ въ Россіи былъ только этотъ «стремительный уходъ» и ничего больше, то и въ такомъ случаѣ мы имѣли вполнѣ достаточную причину для революціи. Легко сказать также: «авторитетъ исторической власти палъ». Но вѣдь если бы онъ палъ только отчасти, если бы потерпѣла крушеніе только, напр., несомнѣнно бывшая народная вѣра, что историческая власть дастъ земли, или, по крайней мѣрѣ, хочетъ дать, то, право, намъ незачѣмъ было бы искать другихъ поводовъ для «неслыханной смуты».

Многихъ пугаетъ слово: «революція». Но революція, въ ея обычномъ пониманіи, всетаки порывъ народныхъ массъ, скованныхъ общею идеею, общею вѣрою, общею надеждою. Порывъ, страшный своею разрушительной силой, но благодѣтельный, какъ сила творческая. Въ революціи есть объединяющій моментъ. Сейчасъ въ Россіи происходитъ нѣчто другое, и, быть можетъ, болѣе страшное, чѣмъ революція. Передъ нами не объединенная въ единодушномъ порывѣ страна, а какъ бы разсыпавшаяся храмина. Стояла она, пока цементъ, скрѣплявшій ее, былъ проченъ. Но

вотъ онъ вывѣтрился, разрушился, и разсыпалась людская пыль, и раскалилась отъ взаимныхъ толчковъ и треній. Страна пришла въ расплавленное хаотическое состояніе. Передъ нами именно какъ бы расплавленная и бурно-клокочущая масса. И когда вглядываешься, какъ она клокочетъ, то невольно ставишь себѣ жуткій вопросъ:

— Что носится надъ нею? Живительный ли Духъ Божій? Или смерть, и только смерть?

III.

Казалось бы, нельзя, безъ живительнаго Духа Божія. Пусть старый цементъ разрушился. Но это не значитъ, что нѣтъ новаго цемента. Казалось бы, долженъ быть новый. Не можетъ не быть.

Вотъ «Новое Время» пишетъ: «народъ потерялъ вѣру», «мало осталось вѣрующихъ людей». Но вѣдь это до нѣкоторой степени лишь замѣна точныхъ понятій неточными. Что народъ «стремительно уходитъ изъ православной церкви»,—это вѣрно. Но «стремительный уходъ изъ православія» вовсе не означаетъ утрату вѣры. Ни для кого не секретъ, что «уходъ» отъ православія часто не только совпадаетъ съ жаждой найти удовлетвореніе религіозному чувству, но и обусловливается этой жаждой. Исторія русскаго сектантства наглядно свидѣтельствуетъ. что отпаденіе отъ государственной церкви чаще всего совершается не отъ упадка, а отъ повышенія религіозныхъ исканій.

Скажу больше,—если человѣкъ отпадаетъ отъ православной церкви, это еще не значитъ, что онъ не хочетъ больше молиться по православному. Осенью нынѣшняго года въ какой-то воронежской избѣ при обыскѣ «обнаруженъ (на мѣстѣ, гдѣ полагается быть иконамъ) портретъ Маріи Спиридоновой, висѣвшій въ кіотѣ съ горѣвшей передъ нимъ лампадкой; портретъ конфискованъ» *). Не къ тому, конечно, говорю, что вотъ, дескать, хотя объединявшая православную Россію вѣра въ старыя святыни исчезла, за то появились новыя имена, слава которыхъ воспомоществуетъ сплоченію людей. Неизвѣстный намъ воронежскій обыватель, у котораго на божницѣ оказалась не икона Тихона Задонскаго или Сергія Радонежскаго, а портретъ Маріи Спиридоновой, всего меньше можетъ служить поводомъ для столь смѣлыхъ выводовъ, какъ предположеніе о замѣнѣ старыхъ святынь. Передъ нами просто человѣкъ, впавшій, съ церковной точки зрѣнія, въ дерзкое кощунство. Отъ православія онъ, несомнѣнно, ушелъ. Но зажигаемая имъ лампадка знаменуетъ, что онъ остается во власти православныхъ формъ удовлетворенія религіознаго чувства.

---

*) „Бирж. Вѣд.", 14. X. 1907.

Народъ ушелъ отъ церкви исподволь. Нынѣ «уходитъ стремительно». Это явленіе обусловлено многими и сложными причинами. Но едва ли можно сомнѣваться, что нѣкоторую роль сыграло грубое политиканство церковной власти. Ужъ слишкомъ пренебрегло православное духовенство деликатными сторонами церковной жизни. Оно не пощадило репутаціи даже такихъ народныхъ святынь, какъ Троицкая и Кіево-печерская лавра, выпуская отъ ихъ имени черносотенные листки (въ типографіи, напр., Кіевъ-печерской лавры одно время печатались погромныя прокламаціи). Оно не пощадило церковныхъ хоругвей, водружая рядомъ съ ними въ храмахъ «знамена» союза русскаго народа. Святыни церкви, и безъ того переживавшей критическія времена, оказались брошенными въ самое пекло политической борьбы, и ихъ топчетъ въ грязь—увы!—само духовенство. Эта самоубійственная политика «синодальной команды» не могла не отшатнуть отъ церкви массы народа. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что отшатнувшіеся утратили религіозное чувство, или достигли такого культурнаго уровня, при которомъ не можетъ удержаться, напр., иконопочитаніе, вѣра въ таинства, въ личнаго Бога, въ рай и адъ.

Авторитетъ церкви палъ. Но религіозное чувство есть. Богъ вѣсть, въ какія формы оно можетъ воплотиться. Но оно ищетъ формы воплощенія. Не можетъ не искать. И поскольку оно стремится найти формы, чтобы воплотить себя,—мы, несомнѣнно, имѣемъ дѣло съ силою творческою, которая такъ или иначе помогла бы сплотить людскую пыль,—если бы въ Россіи не было генералъ-губернаторовъ.

Можно бы представить себѣ, что вотъ явится религіозный проповѣдникъ, притянетъ къ себѣ сердца людей, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзныя опилки, изъ обломковъ созиждитъ нѣкую новую храмину. Но неужели можно сомнѣваться, что если бы и явился такой человѣкъ, онъ будетъ изъятъ изъ обращенія, прежде чѣмъ масса народная узнаетъ о его существованіи? Можно бы представить себѣ, что снизу, самоопредѣленіемъ распыленныхъ массъ начнетъ складываться нѣчто въ родѣ свободныхъ религіозныхъ обществъ. Но неужели можно сомнѣваться, что всякая сколько-нибудь замѣтная попытка въ этомъ направленіи будетъ пресѣчена стражниками-ингушами по первому генералъ-губернаторскому мановенію? Я хорошо понимаю, сколь безнадежна игра ингушей и генералъ-губернаторовъ. Конечно, они не поднимутъ упавшій авторитетъ церкви. Не они, конечно, могутъ создать что-либо взамѣнъ объединявшей людей силы православія. Но если бы гдѣ-либо появился зиждущій, они его свяжутъ и примутъ мѣры, чтобы стереть съ лица земли. Это они могутъ. На это ихъ хватитъ.

Церковная власть разъ ступивъ на почву самоубійственной политики, едва ли сможетъ остановиться. По всей вѣроятности, дѣло разрушенія будетъ доведено до конца. Въ этомъ смыслѣ, надъ

тѣмъ мѣстомъ, гдѣ высилась оффиціальная церковь, нынѣ явно летаетъ ангелъ смерти. А если снизу и готовы подняться силы творческія, то ихъ, пока что, ждетъ также смерть...

Беру другое—паденіе авторитета власти. Это—фактъ, тоже признанный, между прочимъ, «Новымъ Временемъ». Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что населеніе Россіи превратилось въ анархистовъ, отрицаетъ всякую государственность, всякую власть. Можно, пожалуй, указать кое-какіе грозные признаки въ этомъ смыслѣ. Первая Дума, напр., была всетаки центромъ всенароднаго вниманія, всенародныхъ надеждъ, хотя бы и не безусловныхъ, хотя бы и охлаждавшихся значительною примѣсью скептицизма. Существованіе второй Думы протекало не столько среди народныхъ надеждъ, сколько среди народнаго скептицизма. О третьей Думѣ, по словамъ газетъ, «кіевскіе мужики» говорятъ:

— Чего отъ нея ждать! Она панская...

Но значитъ ли это, что настроеніе народныхъ массъ передвинулось въ сторону анархизма? На мой взглядъ, дѣло обстоитъ и проще, и глубже. Въ 1906 г. Россія имѣла хоть одно государственное учрежденіе, на которое «мужикъ» надѣялся: «вотъ кто дастъ земли», и которое имѣло всѣ данныя, чтобы стать авторитетнымъ и властнымъ, а въ концѣ 1907 г. мы не имѣемъ ни одного учрежденія, которое возбуждало бы надежды въ народной толщѣ и могло бы стать авторитетнымъ. Нѣтъ спора, перемѣна значительная. Глубже палъ авторитетъ власти. Безнадежнѣе стали взгляды на возможность разрѣшенія государственнымъ путемъ такихъ коренныхъ народныхъ нуждъ, какъ нужды земельной. Страна, по сравненію даже съ недавнимъ прошлымъ, приведена въ еще болѣе расплавленное и хаотическое состояніе. И не оттого только еще больше расплавилась она, что потерпѣла крушеніе надежды на Думу,—или вѣрнѣе на то, что историческая власть благожелательно пойдетъ по пути, указанному Думою. Собственно, потерпѣла крушеніе мечтательная мысль о единеніи исторической власти съ народомъ. Но, повторяю, не только въ этомъ суть.

За послѣдніе 2-3 года русская жизнь не бѣдна попытками организоваться снизу, тѣмъ или инымъ способомъ выйти изъ хаотическаго состоянія. Былъ, напр., крестьянскій союзъ. Но иниціаторы этой не плохо задуманной попытки создать массовую организацію разбиты ингушами и генералъ-губернаторами, прежде чѣмъ настоящо подошли къ массамъ. А что уцѣлѣло отъ ингушей, то замуровалось въ подпольѣ и хирѣетъ отъ недостатка свѣжаго воздуха.

Возникло профессіональное движеніе, въ основѣ котораго лежало гораздо больше чистаго сердца, стихійной жажды жить организованно, нежели холоднаго разсудка. Требовалось въ годину острой политической борьбы изъ разнородныхъ, въ смыслѣ политическихъ взглядовъ, элементовъ создать профессіональныя организаціи, правильная жизнь которыхъ не мыслима безъ общественнаго контроля,

и при томъ создать въ странѣ, гдѣ при наличныхъ условіяхъ немыслимъ правильный общественный контроль. Должна была родиться массовая, свободно самоопредѣляющаяся организація, но опять-таки въ странѣ, гдѣ при данныхъ условіяхъ пути самоопредѣленія указуются ингушемъ, а слово «свобода» есть достаточный поводъ для высылки изъ предѣловъ генералъ-губернаторства. Профессіональные союзы возникли. Одни изъ нихъ ингушъ упразднилъ. Другіе пресѣкъ. Третьи скрылись отъ ингушевыхъ очей и существуютъ въ замурованномъ состояніи.

Возникла тяга въ сторону организаціи силъ для «малыхъ дѣлъ», для культурной, просвѣтительной работы,—тяга вполнѣ понятная и даже трогательная, какъ порывъ выйти изъ дезорганизованнаго и расплавленнаго состоянія. Но и въ эту попытку внесено больше чистаго сердца, чѣмъ холоднаго разсудка. Мнѣ припоминается, между прочимъ, постановленіе кавказскаго Дашнакцакана, напечатанное нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ «Рѣчи». Эта партія постановила въ каждомъ селеніи, гдѣ есть 50 домовъ, открывать школу. Мысль, конечно, прекрасная. Но боюсь, что осуществленіе ея слишкомъ зависитъ отъ учебнаго начальства, т. е. въ конечномъ счетѣ, опять-таки, отъ стражника-ингуша. Кажись, недавно,—не далѣе, какъ въ 1905 г., всѣ блестяще умѣли доказывать, что никакая культурная и просвѣтительная работа не мыслима, пока нѣтъ для нея правовыхъ формъ, обусловленныхъ конституціонными гарантіями. Къ сожалѣнію, это «пока нѣтъ» остается въ силѣ по сей день.

Изъ не враждебныхъ народу общественныхъ организацій уцѣлѣли политическія партіи. Но едва ли нужно говорить, когда онѣ меньше были замурованы, въ началѣ 1907 г. или въ концѣ, когда меньше чувствовали недостатокъ свѣжаго воздуха, когда меньше тратили силъ на то, чтобъ подойти къ массамъ, или даже хотя бы лишь на то, чтобъ путемъ совмѣстнаго обмѣна мнѣній опредѣлить свой партійный образъ дѣйствій. Мы опять подходимъ все къ той же картинѣ: старое рухнуло и надъ его обломками летаетъ ангелъ смерти; молодое не растетъ, ибо не успѣваетъ оно вырости, ибо едва покажется оно надъ обломками, какъ тотчасъ же гибнетъ отъ руки ингушей. И чѣмъ старательнѣе работаетъ ингушъ, тѣмъ сильнѣе вражда къ пославшимъ его, тѣмъ стремительнѣе разрушаются послѣдніе остатки былыхъ авторитетовъ, тѣмъ расплавленнѣе становится страна. А чѣмъ расплавленнѣе становится страна, тѣмъ сильнѣе въ каждомъ изъ насъ жажда устроиться по-человѣчески, тѣмъ стремительнѣе рвутся наружу молодые ростки, и тѣмъ старательнѣе работаетъ ингушъ.

И когда намъ говорятъ: «Россія успокоилась», мы раскрываемъ подразумѣваемый смыслъ этихъ словъ: «г. Столыпинъ одержалъ побѣду и реставрируетъ старину въ томъ видѣ, какой обусловливался незыблемостью прежнихъ авторитетовъ». А такъ какъ

именно этотъ смыслъ подразумѣвается, то нашъ отвѣтъ звучитъ твердо и увѣренно:

— Нѣтъ. Исчезло основное условіе, благодаря которому существовала старина. А стало быть, и нельзя ее реставрировать. Она не больной, котораго еще можетъ вылѣчить искусство врача, а покойникъ, трупъ, для котораго нужны услуги похороннаго бюро.

А когда говорятъ: «революція продолжается», какъ бы самъ собою назрѣваетъ скептическій отвѣтъ:

— Революція? Порывъ массъ, сплоченныхъ единою вѣрою и единою надеждою? Нуженъ всетаки хоть какой-нибудь центръ, чтобъ онѣ сплотились. Но гдѣ же этотъ центръ? Откуда и какъ онъ можетъ возникнуть, разъ на каждомъ мѣстѣ сидитъ ингушъ и бьетъ, бьетъ, бьетъ?.. Человѣкъ онъ нанятой и расторопный,— не прозѣваетъ. Гдѣ вѣра въ побѣду? Гдѣ надежда, что тотъ или иной изъ доселѣ извѣстныхъ путей ведетъ къ цѣли?

Нѣтъ успокоенія. Не видно и революціи. Нѣтъ побѣды. Нѣтъ и пораженія. «Шестая часть свѣта», какъ гордо до сихъ поръ русскіе называли свое отечество, превратилась въ страну соціальнаго распада, въ страну буйнаго разгула страстей. Массы людей дошли до такого состоянія, что въ ихъ глазахъ потеряла цѣну и чужая, и собственная жизнь. Появились, напр., кружки молодежи, занятые изслѣдованіемъ вопроса: кому легче умирать,—повѣшенному или «задушенному черезъ сжатіе сонныхъ артерій». И чтобъ точно изслѣдовать это, юноши и дѣвушки по очереди вѣшаютъ и душатъ другъ друга. Въ газетахъ недавно разсказывалось о такомъ кружкѣ, существующемъ въ Екатеринбургѣ. Одинъ или одна вѣшается, а другіе внимательно смотрятъ, какъ постепенно стихаютъ конвульсіи, какъ вытягивается тѣло, какъ оно становится, наконецъ, неподвижнымъ. Это считается знакомъ, что «трупъ» пора снять съ петли и привести въ чувство... Читая объ этомъ, я невольно вспомнилъ признаніе одного стараго и опытнаго мясника:

— Ударить,—говорилъ онъ,—корову межъ роговъ обухомъ или ножомъ полоснуть—пустяки. А вотъ на ейныя судороги смотрѣть— свѣжему человѣку не переносно. А у насъ привычка такая—будто не замѣчаешь. Однако, иная скотина шибко мучится, какъ изъ нея паръ выходитъ... Иную, вѣрите ли, по году помнишь. А бываетъ и по ночамъ снится.

Кто видѣлъ, какъ рѣжутъ скотъ, или хотя бы только читалъ, напр., у Л. Н. Толстого описаніе бойни, тотъ легко пойметъ, что даже коровьи предсмертныя судороги «свѣжему человѣку» вовсе не переносны, а иногда и профессіоналу-рѣзнику могутъ «по ночамъ сниться»... А тутъ все-жъ таки не коровьи судороги. И даже не судороги чужихъ, незнакомыхъ людей. Въ екатеринбургскомъ кружкѣ все свои люди, близкіе, связанные дружбой: 4 молодыхъ

человѣка да 3 барышни, одинъ вѣшается, шестеро смотрятъ... И это отнюдь не выродки, не звѣри. Просто—жизнь такая стала. Люди до того дошли, что имъ ужъ слишкомъ легко въ видѣ опыта повѣситься, слишкомъ легко смотрѣть на предсмертныя судороги любимаго человѣка, любимой дѣвушки. Пусть екатеринбургскій кружокъ есть нѣчто патологическое. Но не все въ нынѣшнемъ отношеніи къ своей и близкой жизни—патологія. Не патологія, когда молодые люди, цвѣтущіе полные силъ, готовы превратить себя въ бомбу,—начиниться динамитомъ или гремучимъ студнемъ, пойти въ охранное отдѣленіе и тамъ взорваться.

Не такъ давно судили нѣсколько человѣкъ именно за покушеніе превратить себя въ бомбу, начиненную динамитомъ и взорваться въ охранномъ отдѣленіи. Представители государственной власти самымъ серьезнымъ образомъ обсуждали, что дѣлать съ преступниками, злоумышлившими взорвать самихъ себя въ неуказанномъ мѣстѣ. Повѣсить? Разстрѣлять? Сослать на каторгу? И право, я затрудняюсь сказать, кто больше симптоматиченъ, кто болѣе характеренъ для даннаго времени: «преступникъ» ли, готовый самого себя превратить во взрывчатый снарядъ, или «судья», придумывающій, какими мѣрами устрашить людей, чтобы они не совершали такихъ поступковъ? Что можно сказать о власти, которая должна бы видѣть, до какого состоянія она довела людей своими «мѣрами» и всетаки продолжаетъ дѣйствовать, какъ и доселѣ дѣйствовала?

Для тѣхъ, кому хочется хоть какого-нибудь «порядка», хоть какого-нибудь благоустройства, было бы утѣшительнѣе думать, что власть просто заблуждается и можетъ выйти на правильную дорогу, а подвластные просто «развращены». Но зачѣмъ же скрывать отъ себя, что разъ страна въ расплавленномъ, дезорганизованномъ состояніи, значитъ—надъ нею какъ бы сбылись пророческія слова:

— Настанутъ дни, когда живые будутъ завидовать мертвымъ.

И въ такіе дни неизбѣжно должны быть люди, для которыхъ, дѣйствительно, все равно—жить или умереть, и какъ умереть,—повѣсившись на крюку, чтобы пріятели имѣли случай наблюдать предсмертныя судороги удавленника, или начинившись динамитомъ. Послѣднее всетаки мгновеннѣе, безболѣзненнѣе. Тамъ на крюку надо мучиться, пока потеряешь сознаніе. А здѣсь,—лишь нажать кнопку карманной батареи—и...

Что же касается власти,—для нея, судя по всему, не секретъ, какую моральную опору она можетъ найти нынѣ въ настроеніи народныхъ массъ. Взглядъ власти по этому поводу вполнѣ опредѣленно выраженъ въ избирательномъ законѣ 3 іюня. У нея есть мощная физическая опора,—главнымъ образомъ, слой помѣстныхъ землевладѣльцевъ. Но вотъ уже больше трехъ лѣтъ идутъ «аграрныя иллюминаціи». А это значитъ, что уже болѣе трехъ

лѣтъ едва ли не самый мощный физическій устой разбирается по кирпичу, взбаломученное народное море вымываетъ изъ него камень за камнемъ, песчинку за песчинкою. И не можетъ власть не защищать своихъ устоевъ. Но не можетъ и море не разрушать того, что стоитъ на пути его волнъ.

Если хотите—это революція, ибо разрушеніе старыхъ устоевъ идетъ своимъ чередомъ и остановиться не можетъ. Если хотите, тутъ есть и нѣчто въ родѣ «успокоенія»,—есть жажда сплотиться хотя и неутолимая, есть стремленіе выйти изъ хаотическаго состоянія, перейти отъ анархіи къ государственному бытію, исключена на ближайшее, по крайней мѣрѣ, время возможность массовыхъ дѣйствій. Но это «успокоеніе» страшнѣе революціи. А эта революція идетъ къ своей разрушительной цѣли вѣрнѣе смерти. И некуда отъ нея уйти ни власти, ни подвластнымъ.

А. Петрищевъ.

Наброски современности.

IX.

Успокоеніе или упрощеніе?

За послѣднее время въ самыхъ разнообразныхъ органахъ нашей періодической печати неоднократно дѣлались попытки опредѣлить сущность переживаемаго нами момента. Въ большинствѣ случаевъ эти попытки сводятся къ повторенію одной и той же формулы согласно которой текущій моментъ является моментомъ ликвидаціи революціи. Одни говорятъ объ этомъ съ горечью и сожалѣніемъ, другіе съ радостью и восторгомъ, но, въ концѣ концовъ, не мало публицистовъ, исходящихъ изъ разныхъ точекъ зрѣнія, сходится на одномъ и томъ же выводѣ, что въ настоящую минуту передъ нашими глазами происходитъ ничто иное, какъ именно ликвидація революціи. Въ такой оцѣнкѣ переживаемаго момента, несомнѣнно, есть доля истины. Другой вопросъ, вся-ли истина заключается въ подобной оцѣнкѣ. На этотъ вопросъ едва-ли возможно дать безусловно утвердительный отвѣтъ. Больше того,—если поближе вглядѣться въ наиболѣе характерныя явленія современности, то придется, пожалуй, поискать для нихъ нѣсколько болѣе точнаго и вмѣстѣ болѣе сложнаго опредѣленія, не укладывающагося въ рамки сравнительно простой формулы, говорящей о ликвидаціи революціи.

Поскольку рѣчь идетъ о дѣйствіяхъ правительственной власти, лик-

видація революціи, внѣ всякаго сомнѣнія, играетъ въ нихъ весьма видную роль. Именно въ эту сторону въ весьма значительной мѣрѣ направлены и законодательное, и административное, и судебное творчество власти и усилія, предпринимаемыя ею во всѣхъ этихъ областяхъ въ цѣляхъ окончательной ликвидаціи революціи, отличаются крайнею энергіей. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ припомнить хотя бы нѣкоторыя черты изъ дѣятельности одной только судебной власти за послѣднее время. За два года существованія «россійской конституціи», съ 17 октября 1905 г. по 17 октября 1907 г., военными судами, по газетнымъ свѣдѣніямъ, было приговорено къ смертной казни 2717 человѣкъ, а казнено было по приговорамъ этихъ судовъ 1780 человѣкъ. За то же время къ каторгѣ было приговорено по политическимъ дѣламъ 3873 человѣка; изъ нихъ 605 были присуждены къ безсрочной каторгѣ, а 3268—къ срочной, въ общей сложности на 29.523 года. Къ пожизненной ссылкѣ на поселеніе за тотъ же періодъ времени были приговорены 502 человѣка, къ заключенію въ тюрьмѣ и къ аресту—5751 человѣкъ, къ заключенію въ арестантскія отдѣленія—2586 человѣкъ, въ дисциплинарные батальоны – 1538 человѣкъ и въ крѣпость—1307 человѣкъ *). И нельзя сказать, чтобы этотъ ливень судебныхъ репрессій сколько-нибудь ослабѣлъ хотя бы въ послѣдніе мѣсяцы. За іюнь текущаго года къ смертной казни было приговорено 110 человѣкъ и казнено 30, за іюль приговорено 151 и казнено 108, за августъ приговорено 107 и казнено 62 **). Да и въ самые послѣдніе дни нельзя раскрыть газеты безъ того, чтобы не наткнуться на большее или меньшее количество смертныхъ приговоровъ и смертныхъ казней. Безъ извѣстій о такихъ приговорахъ и казняхъ не проходитъ, кажется, ни одинъ день.

Въ виду такихъ фактовъ, невозможно, конечно, сомнѣваться въ томъ, что судебное вѣдомство со всею доступною ему энергіей идетъ по пути «ликвидаціи революціи» и «успокоенія» страны. Но на ряду съ этимъ въ современной дѣятельности судебнаго вѣдомства можно подмѣтить и нѣкоторыя другія характерныя черты, не вполнѣ умѣщающіяся въ рамкахъ простой ликвидаціи революціи. Ливень судебныхъ репрессій, долженствующій создать «успокоеніе» страны, по меньшей мѣрѣ осложняется однимъ явленіемъ, развивающимся параллельно съ нимъ и постепенно занимающимъ все болѣе видное мѣсто въ современной судебной практикѣ. Въ борьбѣ съ революціей, правительство, по словамъ декларацiи, оглашенной г. Столыпинымъ въ Думѣ, окончательно утвердилось въ той мысли, что «противопоставить этому явленію можно только силу». «Какія-либо послабленія въ этой области—заявила правительственная декларація—правительство сочло бы за преступленіе,

*) «Товарищъ», 18 ноября 1907 г.
**) «Товарищъ», 11 іюля, 9 августа и 8 сентября 1907 г.

такъ какъ дерзости враговъ общества возможно положить конецъ лишь послѣдовательнымъ примѣненіемъ всѣхъ законныхъ средствъ защиты». Преслѣдуя эту цѣль, правительство, по словамъ все той же декларацiи, «рѣшило всѣми мѣрами укрѣпить возможность быстраго и правильнаго судебнаго возмездія». Но въ сферѣ судебныхъ дѣлъ власть все-таки въ настоящее время не только караетъ и чинитъ возмездіе, она еще и милуетъ. И если кары, налагаемыя ею при помощи суда, направляются въ опредѣленную сторону, то и милость власти имѣетъ вполнѣ опредѣленное назначеніе. Въ этомъ какъ нельзя болѣе легко убѣдиться, присмотрѣвшись къ нѣкоторымъ конкретнымъ фактамъ жизни.

Одинъ изъ такихъ фактовъ былъ опубликованъ «Русскимъ Знаменемъ» еще въ самомъ началѣ текущаго года. «Предсѣдатель вольскаго отдѣла союза русскаго народа, купецъ А. Соловьевъ,— разсказывала названная газета—телеграммой отъ 5-го минувшаго февраля обратился на имя предсѣдателя совѣта министровъ съ ходатайствомъ о представленіи на всемилостивѣйшее его императорскаго величества благовоззрѣніе участи жертвъ революціоннаго движенія мѣщанъ Долгова, Глазова, Миронова и Еремѣева, осужденныхъ въ каторжныя работы съ замѣной арестантскими ротами за проявленный въ Вольскѣ 20-го октября 1905 года самосудъ надъ революціонерами». Ходатайство это было удовлетворено. «О помилованіи предсѣдатель совѣта министровъ поставилъ въ извѣстность министра юстиціи письмомъ, а саратовскаго губернатора телеграммой *). Около того же времени въ газетахъ появилась телеграмма изъ Тулы, сообщавшая о помилованіи черносотенцевъ Честнова, Бельдова и Карташева, приговоренныхъ было окружнымъ судомъ за организацію погрома въ Тулѣ въ октябрѣ 1905 года къ заключенію на разные сроки въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ **). Въ Казани купецъ Швалевъ былъ приговоренъ окружнымъ судомъ къ 8 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за убійство въ октябрьскіе дни 1905 года присяжнаго повѣреннаго Двинскаго, но по ходатайству «царсконароднаго общества», виднымъ членомъ котораго состоитъ Швалевъ, этотъ приговоръ суда, былъ замѣненъ двумя мѣсяцами заключенія въ крѣпости, а за неимѣніемъ ея въ Казани, Швалевъ отбылъ свое наказаніе на военной гауптвахтѣ ***). Сообщенія о такихъ случаяхъ встрѣчались въ газетахъ и позже. Я не стану перечислять здѣсь всѣ случаи подобныхъ помилованій, но нѣкоторые болѣе типичные ихъ примѣры позволю себѣ воспроизвести въ памяти читателя. Въ іюлѣ столичнымъ газетамъ сообщили изъ Одессы о состоявшемся по ходатайству союза русскаго народа по-

*) Цитирую по «Р. Вѣдомостямъ», 15 марта 1907 г.
**) «Русь», 29 марта 1907 г.
***) «Товарищъ», 20 апрѣля 1907 г.

милованіи 8 человѣкъ, осужденныхъ по дѣлу объ овидіопольскомъ погромѣ *). Въ «Хрьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ сентябрѣ появилась замѣтка: о томъ, что согласно ходатайства о томъ харьковскаго союза русскаго народа, объявлены помилованными и освобождены изъ-подъ стражи осужденные харьковскимъ окружнымъ судомъ за убійство еврея Шера, бунтовщика-революціонера, Степанъ Лаптевъ, Николай Головковъ и Владиміръ Лукинъ **). Около того же времени было опубликовано сообщеніе о полномъ помилованіи Михалина, убившаго въ Москвѣ 18 октября 1905 г. с.-д. Баумана, дважды признаннаго присяжными засѣдателями виновнымъ и приговореннаго къ лишенію особыхъ правъ и заключенію на полтора года въ арестантское отдѣленіе *). Въ ноябрѣ по распоряженію изъ Петербурга были освобождены изъ екатеринославской тюрьмы всѣ осужденные по дѣлу объ екатеринославскомъ и луганскомъ городскихъ погромахъ **). Въ ноябрѣ же въ Полтавской губерніи получили помилованіе четверо крестьянъ, осужденныхъ окружнымъ судомъ за устройство еврейскаго погрома въ Золотоношскомъ уѣздѣ ***).

Такимъ образомъ въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Россіи наблюдается одинъ и тотъ же порядокъ, благодаря которому участники погромовъ, въ особенности принадлежащіе къ «союзу русскаго народа», даже въ томъ случаѣ, если они осуждены судомъ, легко снискиваютъ себѣ покровительство власти и въ силу ея защиты освобождаются отъ кары, налагаемой на нихъ закономъ. Фактически въ жизни установилось нѣчто въ родѣ амнистіи за преступленія, связанныя съ погромами евреевъ и интеллигенціи, и этотъ порядокъ такъ именно и учитывается членами тѣхъ патріотическихъ организацій, прообразомъ которыхъ является пресловутый «союзъ русскаго народа». Не такъ давно въ Умани слушалось дѣло объ еврейскомъ погромѣ, разыгравшемся въ этомъ городѣ нѣсколько времени тому назадъ. «Наиболѣе характерной чертой въ этомъ процессѣ—говорилось въ одной изъ посвященныхъ ему газетныхъ корреспонденцій—было необычно прекрасное самочувствіе подсудимыхъ. Казалось, что они увѣрены, если не въ полномъ оправданіи, то, во всякомъ случаѣ, въ освобожденіи отъ всякой кары. На чемъ основывался такой взглядъ, видно изъ слѣдующаго. Въ окружный судъ явился одинъ изъ приговоренныхъ по этому дѣлу за копіей приговора. Когда его стали разспрашивать, то онъ съ большимъ апломбомъ заявилъ, что онъ ничего не боится, такъ какъ судъ стоитъ за нихъ, да и союзъ русскаго народа за нихъ

*) «Рѣчь», 19 іюля 1907 г.
**) Цитирую по «Кіев. Курьеру», 18 сентября 1907 г.
***) «Кіевскій Курьеръ», 25 сент. 1907 г.
****) «Товарищъ», 13 ноября 1907 г.
****) «Рѣчь», 8 ноября 1907 г.

работаетъ» *). И такое настроеніе среди преданныхъ суду погромщиковъ проявляется за послѣднее время не въ одной только Умани. Не далѣе, какъ на-дняхъ, въ петербургскихъ газетахъ была опубликована чрезвычайно характерная телеграмма изъ Орши. «Передъ объявленіемъ резолюціи по дѣлу о погромѣ — сообщалось въ этой телеграммѣ — подсудимые стали готовиться къ демонстраціи. Они предполагали во время чтенія резолюціи пропѣть гимнъ и огласить залъ суда криками ура. Когда же имъ категорически было объявлено, что въ судѣ демонстрація не будетъ допущена, вдохновитель подсудимыхъ, Синицкій, произнесъ передъ выходомъ суда рѣчь, въ которой просилъ своихъ товарищей по несчастью воздержаться отъ криковъ и протестовъ, не падать духомъ, и закончилъ увѣреніемъ, что, если и осудятъ, то наказанія отбывать не придется **).

Не удивительно, что при такомъ настроеніи въ рядахъ союзниковъ порой возникаетъ мысль о томъ, чтобы сразу освободиться отъ всякой отвѣтственности за прошлое и замѣнить единичныя помилованія законодательнымъ актомъ общаго характера. Мѣстами «истинно-русскія» организаціи предпринимаютъ уже и нѣкоторые практическіе шаги въ этомъ направленіи. Такъ, въ Херсонѣ по поводу приговора, состоявшагося по дѣлу объ октябрьскомъ погромѣ 1905 г., мѣстные отдѣлы «русскаго собранія» и «союза русскаго народа» обратились, каждый въ отдѣльности, съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о монаршемъ милосердіи, прося повелѣть освободить обвиненныхъ отъ отвѣтственности и лишеннымъ правъ — возвратить права. Но при этомъ отдѣлъ «союза русскаго народа», не довольствуясь ходатайствомъ о помилованіи обвиненныхъ по настоящему дѣлу, прибавилъ еще просьбу,—«дабы въ будущемъ, въ аналогичныхъ процессахъ, не было надобности безпокоить особу его величества ходатайствами о помилованіи, повелѣть сенату разсмотрѣть вопросъ, примѣнима ли вообще къ октябрьскимъ событіямъ, именуемымъ еврейскими погромами, 269 статья уложенія, возможно ли признать въ этомъ движеніи племенную вражду» ***).

Будетъ ли исполнена просьба херсонскихъ «союзниковъ» о формальномъ измѣненіи русскихъ законовъ или нѣтъ, — сказать пока трудно. Но по существу эта просьба во всякомъ случаѣ находитъ себѣ удовлетвореніе въ жизни въ рядѣ частныхъ мѣръ и такимъ путемъ въ практикѣ современнаго суда устанавливается вполнѣ опредѣленный порядокъ. Судъ какъ нельзя болѣе усердно старается ликвидировать революцію, энергично воздавая, если не всегда правильное, то всегда быстрое «возмездіе» всѣмъ дѣйствительнымъ и

*) „Кіевскія Вѣсти", 24 окт. 1907 г.
**) „Рѣчь", 27 ноября 1907 г.
***) „Кіевскія Вѣсти", 4 октября 1907 г.

предполагаемымъ участникамъ освободительнаго движенія, но на ряду съ такой «ликвидаціей» въ сферѣ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію суда, происходитъ и другое явленіе, если не вполнѣ новое, то во всякомъ случаѣ разросшееся до небывалыхъ ранѣе размѣровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получившее необыкновенно упрощенный характеръ. Законъ и судъ оказываются какъ бы безсильными по отношенію къ ряду дѣйствій, которыя даже съ точки зрѣнія дѣйствующаго законодательства являются самыми подлинными преступленіями. И, если, съ одной стороны, власть въ цѣляхъ «успокоенія» страны всѣмъ, въ комъ только она заподозриваетъ своихъ противниковъ, «противопоставляетъ силу», выраженную въ формѣ административныхъ каръ или «быстраго судебнаго возмездія», то, съ другой стороны, та же власть и въ тѣхъ же цѣляхъ «успокоенія» считаетъ нужнымъ останавливать карающую руку закона надъ убійцами и погромщиками, разъ послѣдніе заявляютъ себя ревностными слугами контръ-революціи. Передъ нами въ этомъ случаѣ, очевидно, не одна только ликвидація революціи, не простое возстановленіе стараго порядка, а новый и серьезный шагъ по пути дальнѣйшаго упрощенія отношеній между властью и населеніемъ страны.

Аналогичныя явленія можно прослѣдить и въ другихъ сферахъ жизни. Но, быть можетъ, съ наибольшею рельефностью они выступаютъ въ настоящій моментъ въ деревнѣ, гдѣ лицомъ къ лицу сталкиваются крестьянская масса и представители тѣхъ 130 тысячъ «культурныхъ» помѣщичьихъ очаговъ, на стражѣ которыхъ обѣщало стоять правительство г. Столыпина. Здѣсь дѣйствія власти пріобрѣтаютъ, пожалуй, наиболѣе законченную форму и руководящія ими тенденціи вскрываются въ наиболѣе отчетливомъ видѣ. Но для того, чтобы нагляднѣе представить себѣ эти тенденціи, нелишнимъ будетъ опять-таки припомнить кой-какіе конкретные факты изъ современной деревенской жизни.

Минувшимъ лѣтомъ и осенью въ деревняхъ сильно распространились пожары помѣщичьихъ усадебъ. Мѣстныя административныя власти рѣшили бороться съ этимъ явленіемъ и повели такую борьбу съ чрезвычайною энергіей. Такъ, харьковскій губернаторъ обратился къ исправникамъ своей губерніи съ особымъ циркуляромъ, поручая имъ оповѣстить населеніе уѣздовъ о томъ, что «дѣла по обвиненію въ умышленномъ поджогѣ будутъ направляться, въ порядкѣ ст. 17-й положенія объ усиленной охранѣ, для сужденія по законамъ военнаго времени» *). Въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ администрація оказалась, пожалуй, еще болѣе изобрѣтательной. Рязанскій губернаторъ, напримѣръ, минувшимъ лѣтомъ издалъ особое постановленіе, которымъ обязалъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ крестьянъ являться съ ведрами, ломами, топорами, баграми и т. п.

*) „Рѣчь", 23 іюня 1907 г.

на пожары, возникающіе на 4 версты въ окружности, и при этомъ безпрекословно подчиняться распоряженіямъ и требованіямъ своего сельскаго начальства и чиновъ полиціи. Тѣмъ же распоряженіемъ губернаторъ обязывалъ каждое сельское общество держать днемъ и ночью караульныхъ, которые слѣдили бы за возникновеніемъ пожаровъ и немедленно оповѣщали о нихъ жителей. Отъ поголовной явки на мѣсто пожара губернаторское распоряженіе избавляло лишь тѣ сельскія общества, которыя заведутъ у себя пожарныя дружины съ надлежащими пожарными инструментами и будутъ посылать на пожары эти дружины. Виновнымъ же въ неисполненіи всѣхъ этихъ распоряженій губернаторъ грозилъ административной карой въ видѣ штрафа до 500 руб. или ареста до трехъ мѣсяцевъ **). Подобный порядокъ былъ установленъ и въ Тульской губерніи. «Во время посѣщенія губернаторомъ Богородицкаго уѣзда—разсказывала одна изъ телеграммъ, помѣщенныхъ лѣтомъ въ столичныхъ газетахъ,—крестьяне, отказавшіеся принять участіе въ тушеніи пожаровъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ, оштрафованы по 5 руб. на каждый дворъ, старшина за бездѣйствіе на 150 руб., староста на 15 руб.: крестьяне села Клешни, Ефремовскаго уѣзда, за отказъ тушить пожаръ въ имѣніи землевладѣльца Дымкова оштрафованы по 3 руб. на каждый дворъ» ***). Такимъ образомъ усиліями губернской администраціи въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Россіи на сельскія общества возложены новые расходы и для крестьянъ создана новая повинность въ цѣляхъ охраны помѣщичьяго имущества. Тѣмъ самымъ крестьяне ставятся въ положеніе лицъ, не только неравноправныхъ съ помѣщиками, но даже какъ бы подчиненныхъ послѣднимъ и во всякомъ случаѣ обязанныхъ нести въ ихъ пользу имущественныя жертвы и отправлять въ ихъ пользу извѣстныя повинности.

Съ неменьшею яркостью то же положеніе обрисовывается и въ другомъ остромъ вопросѣ современной деревенской жизни — въ отношеніяхъ, складывающихся на почвѣ чисто экономической борьбы между помѣщиками и работающими у нихъ крестьянами. Власть никогда, правда, не оставалась равнодушной къ такой борьбѣ и всегда держала въ ней сторону помѣщиковъ. Но теперь губернская администрація, одаренная особыми полномочіями, вмѣшивается въ эту борьбу дѣятельнѣе, чѣмъ когда-либо раньше, и пускаетъ въ ходъ гораздо болѣе рѣшительныя средства, нежели тѣ, какія употреблялись ею раньше. Минувшимъ лѣтомъ въ ожиданіи сельскохозяйственныхъ забастовокъ мѣстная администрація во многихъ губерніяхъ и областяхъ Россіи воспользовалась своимъ правомъ изданія обязательныхъ постановленій для того, чтобы придти на помощь помѣщикамъ и всею силою государственной власти под-

*) „Рѣчь", 7 іюля 1907 г.
**) „Рѣчь", 29 іюля 1907 г.

держать ихъ противъ крестьянства. Такъ, напримѣръ, въ Ростовѣ-на-Дону атаманомъ было издано обязательное постановленіе, согласно которому сельскимъ рабочимъ за участіе въ стачкѣ грозитъ трехмѣсячный арестъ *). Точно такъ же херсонскій губернаторъ особымъ постановленіемъ воспретилъ подъ угрозой штрафа въ 500 р. или трехмѣсячнаго ареста сельско-хозяйственныя стачки и забастовки, подстрекательство къ нимъ и посягательство на удаленіе пришлыхъ рабочихъ, хотя бы такое посягательство выражалось въ однихъ лишь увѣщаніяхъ **). Подобныя же постановленія были опубликованы и во многихъ другихъ мѣстностяхъ. Но мѣстами администрація пошла и нѣсколько дальше. Полтавскій губернаторъ, издавъ въ свою очередь обязательное постановленіе, воспрещающее подъ страхомъ штрафа въ 500 руб. или ареста на три мѣсяца сельско-хозяйственныя забастовки, потравы, вторженія въ загороженныя мѣста и похищенія сѣна и соломы, не удовольствовался этимъ, а обратился еще съ особымъ циркуляромъ къ земскимъ начальникамъ. Въ этомъ циркулярѣ онъ предлагалъ земскимъ начальникамъ «въ случаѣ поступленія заявленія о самовольномъ уходѣ рабочаго, если наниматель предъявитъ искъ о взысканіи трехмѣсячнаго жалованія», «немедленно, отложивъ всѣ дѣла по участку, не далѣе, какъ на другой день, на мѣстѣ разобрать искъ и, при удовлетвореніи иска, выдать исполнительный листъ съ назначеніемъ исполнителя рѣшенія». На тотъ же случай, если бы рабочій былъ нанятъ по договорному листу и наниматель, отказываясь отъ гражданскаго иска, обратился къ полиціи съ просьбой о понужденіи рабочаго явиться на работу, губернаторскій циркуляръ предписывалъ земскимъ начальникамъ «наблюсти въ этомъ отношеніи за дѣйствіями полиціи и не позже, какъ на другой день или, въ крайнемъ случаѣ, на третій день по полученіи отъ полиціи сообщенія о неисполненіи рабочимъ требованія полиціи, разсмотрѣть дѣло въ уголовномъ порядкѣ». «Быстрота производства означенныхъ дѣлъ обязательна»,—прибавлялъ губернаторъ и въ заключеніе своего циркуляра обязывалъ земскихъ начальниковъ въ томъ случаѣ, если какія-либо обстоятельства поставятъ ихъ въ невозможность «исполнить что-либо въ срокъ, указанный по циркуляру, о каждомъ такомъ неисполненіи доводить до свѣдѣнія губернскаго присутствія, которое обсудитъ причины замедленія, а въ случаѣ надобности и приметъ мѣры къ устраненію препятствій, замедляющихъ производство» *).

Такимъ образомъ, въ Полтавской губерніи, согласно точному смыслу предписанія высшей губернской администраціи, всѣ дѣла, находящіяся въ вѣдѣніи земскихъ начальниковъ, должны были

*) „Товарищъ", 11 іюля 1907 г.
**) „Товарищъ", 26 іюня 1907 г.
***) „Рѣчь", 4 и 11 іюля 1907 г.

отодвинуться на задній планъ передъ интересами землевладѣльцевъ, которымъ грозила потеря рабочихъ рукъ. Полтавскіе помѣщики не замедлили оцѣнить всю выгоду создавшагося для нихъ положенія и поспѣшили пойти навстрѣчу заботамъ администраціи. Какъ сообщали въ свое время газеты, въ Переяславскомъ уѣздѣ предводитель дворянства, кн. Горчаковъ секретно разослалъ помѣщикамъ циркуляръ слѣдующаго содержанія: «въ виду могущихъ возникнуть забастовокъ на полевыхъ работахъ, для облегченія скорѣйшаго ихъ подавленія, желательно, чтобы власти были освѣдомлены о лицахъ, руководящихъ въ селахъ агитаціей; поэтому прошу сообщить имена наиболѣе вліятельныхъ и вредныхъ въ этомъ отношеніи крестьянъ» *). Разсылались ли подобные циркуляры и въ другихъ уѣздахъ, неизвѣстно, но, если даже въ послѣднихъ и не было такихъ оказательствъ тѣсной дружбы помѣщиковъ и администраціи, ихъ отсутствіе не мѣшало существованію самой дружбы. Такъ, когда въ концѣ іюня въ деревнѣ Часниковкѣ, Лохвицкаго уѣзда, работавшіе на плантаціяхъ кн. Орбеліани крестьяне отказались отъ продолженія работъ, потребовавъ улучшенія пищи, то уже черезъ часъ послѣ объявленія забастовки въ имѣніе явилась полиція съ казаками. Вслѣдъ за тѣмъ четверо указанныхъ княземъ Орбеліани «зачинщиковъ» изъ числа крестьянъ были арестованы и отправлены въ лохвицкій арестный домъ **). «Быстрота производства», которой требовалъ полтавскій губернаторъ, оказалась такимъ образомъ соблюденной въ полной мѣрѣ и, надо полагать, не съ меньшимъ рвеніемъ соблюдалась она и въ другихъ случаяхъ.

Фактовъ, подобныхъ только что приведеннымъ, въ хроникѣ нынѣшней деревенской жизни можно указать не мало. И опять-таки подвести всѣ такіе факты подъ простую формулу «ликвидаціи революціи», очевидно, нѣтъ никакой возможности. Въ дѣйствительности та картина, которую они обрисовываютъ, содержитъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ одна только ликвидація революціи, ея мечтаній и ея пріобрѣтеній. Уже одни приведенные выше примѣры съ достаточною убѣдительностью свидѣтельствуютъ о томъ, что дѣйствіями власти въ деревнѣ въ настоящее время руководитъ стремленіе не только возстановить старый порядокъ, не только возсоздать прежнія отношенія между помѣщиками и крестьянствомъ, но и продвинуть эти отношенія еще дальше, придать имъ еще болѣе законченный видъ. Разбушевавшіяся волны реакціи не знаютъ удержу и, стремясь пройти возможно дальше и уничтожить всѣ стоящія на ихъ пути препятствія, попутно смываютъ всѣ практиковавшіяся раньше благонамѣренныя прикрасы и обнажаютъ истинную сущность вещей. И прежде крестьянство облагалось повинностями,

*) „Рѣчь", 10 іюля 1907 г.
**) „Рѣчь", 3 іюля 1907 г.

обращавшимися въ пользу помѣщиковъ, и прежде власть въ деревнѣ неослабно и неусыпно стояла на стражѣ соціальнаго порядка, обезпечивавшаго силу помѣщичьяго класса и безправіе крестьянства, и встрѣчала жестокими репрессіями всякое покушеніе нарушить этотъ порядокъ. Но теперь тѣ же пріемы пускаются въ ходъ въ цѣляхъ «успокоенія» дошедшаго до крайней нужды и взволнованнаго революціонной бурей населенія, и вдобавокъ примѣняются они съ несравненно большей откровенностью и съ удесятеренной энергіей. Горятъ помѣщичьи усадьбы, — и власть налагаетъ на окрестное крестьянство поголовную повинность тушенія пожаровъ, проявляя вмѣстѣ съ тѣмъ готовность прибѣгнуть къ самымъ суровымъ репрессіямъ, вплоть до военныхъ судовъ. Вспыхиваютъ сельско-хозяйственныя забастовки,—и къ услугамъ помѣщиковъ оказываются всѣ средства власти, начиная съ благосклоннаго и быстраго суда, продолжая административной расправой и кончая воинскими командами. При этомъ всякая попытка сопротивленія усиливаетъ энергію власти до крайнихъ предѣловъ, вызывая съ ея стороны самые экстраординарные способы воздѣйствія на населеніе, вплоть до возстановленія средневѣковыхъ правовыхъ институтовъ. Если раньше крестьянство было связано круговой порукой въ податной сферѣ, то теперь ему приходится все чаще знакомиться съ методомъ круговой поруки въ области политики. Если раньше въ деревнѣ бывали случаи массовыхъ штрафовъ, налагавшихся порой на цѣлое общество, то теперь въ ней стали далеко не рѣдки случаи массовыхъ арестовъ и массовыхъ же высылокъ. Минувшимъ лѣтомъ провинціальныя и столичныя газеты обошелъ разсказъ о двухъ характерныхъ случаяхъ такого рода, разыгравшихся въ Гуріи. Въ Микель-Габріельскомъ обществѣ былъ арестованъ въ полномъ составѣ (368 человѣкъ) сельскій сходъ за отказъ въ выдачѣ мѣстнаго соціалъ-демократическаго комитета. Арестованные крестьяне были препровождены въ Озургеты, гдѣ ихъ, за неимѣніемъ достаточнаго количества свободныхъ мѣстъ въ тюрьмѣ, помѣстили подъ отражей въ частномъ домѣ. Другой случай былъ не менѣе характернымъ. Въ лангхутскомъ участкѣ Кутаисской губерніи приставъ Микіевъ вытребовалъ къ себѣ отъ каждаго села ланчхутскаго общества по уполномоченному для переговоровъ о выдачѣ лицъ, покушавшихся на его жизнь. Но уполномоченные не смогли дать приставу нужныхъ ему свѣдѣній и въ связи съ этимъ, по словамъ газетнаго сообщенія, 52 человѣка изъ ланчхутскаго общества были намѣчены къ высылкѣ въ сѣверныя губерніи *). Случаи такого рода разыгрываются въ настоящее время не только въ Гуріи, они не такъ ужь рѣдки и въ центральныхъ губерніяхъ. Достаточно вспомнить хотя бы Черниговскую губернію, на территоріи которой губернаторъ Родіоновъ минувшимъ лѣтомъ въ цѣляхъ успокоенія на-

*) „Рѣчь", 4 іюля 1907 г.

селенія совершалъ форменные воинскіе походы, обыскивая селенія, хутора, лѣса и болота, десятками забирая въ плѣнъ подозрительныхъ лицъ и грозно требуя отъ населенія выдачи всѣхъ крамольныхъ элементовъ.

Походы черниговскаго губернатора, по словамъ агентскихъ телеграммъ, произвели «успокаивающее и отрезвляющее впечатлѣніе» на крестьянское населеніе. Можно думать однако, что эти походы, какъ и всѣ вообще дѣйствія власти въ деревнѣ за послѣднее время, имѣли и нѣкоторыя другія послѣдствія. И первымъ изъ такихъ послѣдствій должно было явиться необыкновенное упрощеніе отношеній между властью и населеніемъ. Я оставляю пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ могло послѣднее реагировать на такое упрощеніе. Но самый фактъ упрощенія отношеній во всякомъ случаѣ не подлежитъ спору и не можетъ вызывать никакихъ сомнѣній. На глазахъ крестьянскаго населенія власть связываетъ себя самымъ тѣснымъ, самымъ недвусмысленнымъ и откровеннымъ союзомъ съ помѣщичьимъ классомъ, отдавая на служеніе послѣднему всю свою силу и прибѣгая въ его интересахъ къ всевозможнымъ средствамъ воздѣйствія на жизнь народныхъ массъ. И одновременно съ этимъ самыя дѣйствія власти получаютъ вполнѣ опредѣленный характеръ, утрачивая всякую связь съ правовой почвой. Власть является передъ населеніемъ въ роли не носительницы того или иного права, а обладательницы силы, и одну эту силу она и противопоставляетъ всѣмъ запросамъ, всѣмъ стремленіямъ народныхъ массъ, не думая стѣснять себя какими-либо правовыми нормами, какими-либо соображеніями о законности или незаконности своихъ дѣйствій. Когда складывается такое положеніе вещей, при которомъ правительственная власть откровенно беретъ на себя защиту интересовъ одного класса противъ громадныхъ массъ населенія и въ этой защитѣ рѣшительно сходитъ съ правовой почвы, не останавливаясь ни передъ какимъ насиліемъ, взаимныя отношенія власти и населенія неизбѣжно упрощаются до послѣдней степени. И это упрощеніе пріобрѣтаетъ тѣмъ больше значенія, чѣмъ опредѣленнѣе самыя дѣйствія власти, чѣмъ яснѣе та цѣль, которую они преслѣдуютъ, и чѣмъ въ большемъ противорѣчіи находится эта цѣль со стремленіями широкихъ массъ. А между тѣмъ въ сферѣ вопросовъ деревенской жизни политика, проводимая властью, именно такова, что успѣхъ ея знаменовалъ бы собою для деревни въ ея цѣломъ не только возстановленіе всѣхъ старыхъ порядковъ, но и дальнѣйшее ихъ упроченіе и развитіе.

Но то же самое въ сущности происходитъ и во всѣхъ другихъ областяхъ современной жизни. Одно время нѣкоторые органы нашей прессы въ связи съ разговорами о совершающейся ликвидаціи революціи довольно настойчиво проводили и отстаивали ту мысль, что въ настоящій моментъ значительная часть общественныхъ силъ можетъ и должна быть отвлечена отъ политической

борьбы въ русло культурной работы. Дѣйствительность не замедлила вскрыть всю наивность такого рода плановъ и предположеній. Сколько-нибудь интенсивная культурная работа въ условіяхъ переживаемаго момента оказалась поставленной въ не болѣе, если только не менѣе, благопріятное положеніе, чѣмъ то, какое она занимала въ прежнее время. Новыя культурныя начинанія, въ той или иной мѣрѣ идущія вразрѣзъ со старыми порядками жизни, немедленно подвергаются упорному преслѣдованію со стороны торжествующей реакціи. Профессіональные союзы, едва возникнувъ къ жизни, попали подъ такой же почти сильный и непрерывный градъ репрессій, какой осыпаетъ у насъ политическія партіи, и подъ давленіемъ этихъ репрессій жизнь союзовъ, одно время какъ будто обѣщавшая широко развернуться, вновь замерла. Въ свою очередь и несравненно болѣе скромныя культурныя предпріятія находятъ для себя не особенно много простора въ обстановкѣ текущаго момента. Даже устройство публичныхъ лекцій оказывается въ этой обстановкѣ до-нельзя затрудненнымъ. И даже тогда, когда такія лекціи устраиваются, онѣ порою влекутъ за собою совершенно неожиданныя послѣдствія. Не далѣе, какъ въ концѣ минувшаго лѣта, въ Москвѣ произошелъ такого рода случай. На лѣтнихъ курсахъ, организованныхъ обществомъ воспитательницъ и учительницъ, въ числѣ другихъ лекторовъ читали лекціи приватъ-доценты Боровой и Сакулинъ. Однако московскому генералъ-губернатору не понравились чтенія этихъ лицъ и онъ, не долго думая, наложилъ на нихъ «за нарушеніе обязательнаго постановленія» штрафъ, на г. Сакулина въ размѣрѣ 500 р. и на г. Борового въ размѣрѣ 1.000 р., съ замѣною при неуплатѣ мѣсячнымъ арестомъ. Когда г. Боровой отказался уплатить потребованныя съ него деньги, онъ и былъ дѣйствительно заключенъ въ сущевскій полицейскій домъ *). Такимъ образомъ къ числу условій, опредѣляющихъ возможность просвѣтительной работы путемъ публичныхъ лекцій, современная дйствительность прибавила еще одно: въ результатѣ прочитанной лекціи лекторъ можетъ поплатиться денежнымъ штрафомъ, либо сѣсть въ тюрьму. И такое условіе, нужно прибавить, распространяетъ свою силу не только на лекціи, но и на другія стороны дѣятельности обществъ, ставящихъ себѣ культурныя задачи. Изъ массы случаевъ, обрисовывающихъ эту сторону дѣла, я возьму для примѣра только одинъ. Въ Богородицкомъ уѣздѣ Тульской губерніи существовало общество народнаго образованія. Прошлымъ лѣтомъ общее собраніе этого общества постановило оказать помощь высылавшемуся изъ губерніи учителю. Послѣ того самое общество было закрыто, членъ его правленія, г-жа Знаменская, состоявшая вмѣстѣ съ тѣмъ начальницей мѣстной общины сестеръ милосердія, была арестована, а предсѣдатель общаго собранія, членъ земской управы, былъ оштрафованъ

*) „Рѣчь", 31 іюля и 3 августа.

губернаторомъ на 500 р. **). Это, конечно, не болѣе, какъ мелкій эпизодъ въ современной дѣйствительности, но вѣдь такими эпизодами переполнена жизнь россійскаго обывателя не въ одной только Тульской губерніи, и въ виду этого довольно трудно серьезно говорить о возможности отлива живыхъ общественныхъ силъ въ культурную работу. Въ этой сферѣ жизни повторяется то же самое, что и во всѣхъ остальныхъ. Благодаря дѣйствіямъ власти, ревниво старающейся не только вернуть себѣ всѣ свои старыя позиціи, но и захватить новыя, даже самая скромная культурная работа является до-нельзя затрудненной и населеніе оказывается загнаннымъ въ тупикъ.

Немногимъ лучше обстоитъ дѣло и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нѣкоторыя изъ такихъ заведеній, въ свое время возникшихъ по частной или общественной иниціативѣ, теперь уже закрыты администраціей. Такая судьба постигла, напримѣръ, въ Петербургѣ Высшую Вольную Школу, созданную проф. Лесгафтомъ и привлекавшую въ свои аудиторіи значительное количество учащейся молодежи. Такова же была за послѣднее время судьба и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Вообще же высшая школа вновь оказалась поставленной подъ сильнѣйшее давленіе со стороны администраціи. Университетская автономія наполовину уже исчезла и въ жизнь высшей школы опять входитъ старый полицейскій режимъ, временно изгнанный было изъ ея стѣнъ. А вмѣстѣ съ этимъ старымъ режимомъ въ жизнь высшей школы вошло и его неизбѣжное послѣдствіе. Академическій годъ начался совершенно спокойно и первоначально вниманіе студенчества было обращено почти исключительно къ учебнымъ занятіямъ. Но по мѣрѣ того, какъ жизнь учащейся молодежи подвергалась все большимъ и большимъ стѣсненіямъ, въ ея средѣ наростало протестующее настроеніе, вырвавшееся, наконецъ, наружу въ цѣломъ рядѣ студенческихъ волненій. Въ Юрьевѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, въ Москвѣ вспыхивали эти волненія, и по отношенію къ нимъ было пущено въ ходъ опять-таки старое средство—массовое увольненіе, въ Кіевѣ, напримѣръ, примѣненное съ такой энергіей, что болѣе 700 студентовъ были выброшены изъ университета.

Только что отмѣченное явленіе вплотную подводитъ насъ къ другой сторонѣ того вопроса, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Но раньше, чѣмъ обратиться къ этой другой сторонѣ, попытаемся свести къ одному общему итогу все сказанное выше. Стараясь выяснить тенденцію, руководящую въ настоящее время дѣйствіями власти, я не безъ умысла останавливался изъ этихъ дѣйствій лишь на тѣхъ, которыя носятъ, такъ сказать, наиболѣе обыденный характеръ, которыя не выходятъ за предѣлы ежедневной сѣрой дѣйствительности. И мы видѣли, что, даже оставаясь въ этихъ предѣлахъ,

*) „Рѣчь", 1 августа 1907 г.

дѣйствія власти нельзя покрыть одною лишь формулой ликвидаціи революціи или же къ этой формулѣ, если ужь употреблять ее, приходится дѣлать рядъ существенныхъ оговорокъ и дополненій. Сама по себѣ она слишкомъ еще скромна и благодаря этому слишкомъ неточно передаетъ существо текущаго момента. Въ дѣйствительности мы переживаемъ разгулъ торжествущей реакціи, которая считаетъ себя побѣдительницей и именно поэтому ни на минуту не отказывается отъ продолженія борьбы, стремясь не только отобрать и уничтожить всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя было населеніемъ за послѣдніе два года, но и упрочить господство старыхъ порядковъ жизни въ еще болѣе обостренномъ и законченномъ видѣ. И сообразно такому положенію вещей власть, олицетворяющая въ себѣ эту реакцію, не хочетъ и не можетъ остановиться на проходимомъ ею пути. Роковымъ образомъ вынуждена она опускаться со ступеньки на ступеньку, все откровеннѣе раскрывая свое истинное содержаніе, все тѣснѣе смыкая около себя кругъ своихъ слугъ и союзниковъ, все больше упрощая свои отношенія къ населенію.

Руководясь исключительно слѣпымъ инстинктомъ самосохраненія и ставя передъ собою единственной задачей поддержаніе какой бы то ни было цѣной стараго политическаго и соціальнаго уклада, власть оказывается въ необходимости производить все болѣе тщательный подборъ даже среди своихъ собственныхъ слугъ, отметая тѣхъ изъ нихъ, кто не обнаруживаетъ достаточной ретивости въ преслѣдованіи намѣченной цѣли и отступаетъ передъ употребленіемъ крайнихъ средствъ. За два послѣдніе года процессъ такого подбора сдѣлалъ громадные успѣхи, но онъ продолжается и до сихъ поръ, находя себѣ выраженіе въ рядѣ краснорѣчивыхъ фактовъ. На-дняхъ еще газеты разсказали одинъ изъ подобныхъ фактовъ. Не такъ давно въ Ригѣ были казнены два брата Іосельзоны, обвиненные въ убійствѣ, не смотря на то, что лицо, возведшее на нихъ оговоръ въ убійствѣ, на судѣ взяло этотъ оговоръ назадъ, заявивъ, что онъ былъ вынужденнымъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ газетахъ появилась такая телеграмма изъ Риги: «прокуроръ военно-окружнаго суда полковникъ Хабаровъ, подавшій протестъ на обвинительный приговоръ по дѣлу братьевъ Іосельзоновъ, отстраненъ отъ должности» *). Военный прокуроръ, рѣшающійся протестовать противъ смертнаго приговора, хотя бы завѣдомо, по его мнѣнію, неправильнаго, очевидно, не можетъ быть терпимъ на службѣ. И такого рода подборъ своихъ слугъ власть съ одинаковымъ усердіемъ практикуетъ и въ рядахъ войска, и среди гражданскихъ чиновниковъ, и въ средѣ духовенства. Опять-таки на дняхъ въ «Русскомъ Знамени» появилось такое сообщеніе отъ имени «главнаго совѣта союза русскаго народа»: «такъ какъ изъ разныхъ мѣстъ петербургской епархіи поступили въ главный совѣтъ заявленія о томъ, что мѣстное ду-

*) „Рѣчь", 30 ноября 1907 г.

ховенство, не зная отношеній къ союзу русскаго народа епархіальной власти, воздерживается отъ участія въ немъ, предсѣдатель главнаго совѣта ходатайствовалъ передъ высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ, о выясненіи сказаннаго вопроса. Высокопреосвященнѣйшій владыка Антоній, призвавъ благословеніе Божіе на предсѣдателя союза А. И. Дубровина, соблаговолилъ разрѣшить ему довести до свѣдѣнія священнослужителей, что со стороны мѣстныхъ епархіальныхъ властей имъ не можетъ быть чинимо никакихъ препятствій въ дѣлѣ, благословенномъ его высокопреосвященствомъ» *). «Епархіальная власть», оповѣщающая подчиненное ей духовенство о томъ, что «союзъ русскаго народа» получилъ отъ нея «благословеніе» и не можетъ встрѣтить съ ея стороны «никакихъ препятствій», конечно, ожидаетъ отъ такого оповѣщенія практическихъ результатовъ. И не трудно представить себѣ, каковы могутъ быть эти результаты.

Оказывая такимъ образомъ опредѣленное давленіе на всѣхъ своихъ агентовъ и вступая въ самую тѣсную связь съ организаціями типа «союза русскаго народа», государственная власть вмѣстѣ съ тѣмъ до послѣдней степени упростила свои отношенія къ населенію, сбросивъ съ нихъ всѣ прикрывавшіе ихъ раньше покровы и отказавшись отъ всякихъ условностей. Откровенно взявъ на себя задачу охраны соціальныхъ интересовъ ничтожнаго численно привилегированнаго меньшинства противъ широкихъ массъ населенія, она разсматриваетъ эти послѣднія, какъ своего рода непріятельскій станъ, по отношенію къ которому возможны и необходимы всякія мѣры, лишь бы онѣ обезпечили побѣду. Въ соотвѣтствіи съ этимъ она рѣшительно покинула правовую почву и, загородивъ всѣ дороги къ удовлетворенію наиболѣе насущныхъ потребностей народныхъ массъ, осыпаетъ эти послѣднія суровыми репрессіями, замѣняя бичи скорпіонами и переходя отъ одной крайней мѣры насилія къ другой, еще болѣе крайней, въ разсчетѣ, что такимъ путемъ ей удастся, наконецъ, водворить въ странѣ «успокоеніе».

Еслибы этимъ путемъ могло дѣйствительно водвориться болѣе или менѣе прочное успокоеніе, оно было бы, конечно, успокоеніемъ могилы. Но водворяется ли оно въ жизни на самомъ дѣлѣ? Тѣ публицисты, которые особенно охотно говорятъ о совершающейся вокругъ насъ ликвидаціи революціи, повидимому, склонны отвѣчать на этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, полагая, что такая ликвидація имѣетъ мѣсто не только въ дѣйствіяхъ власти, но и въ жизни населенія. Однако въ примѣненіи къ этой послѣдней формула, сводящая содержаніе текущаго момента къ ликвидаціи революціи, нуждается въ еще бо́льшихъ оговоркахъ и дополненіяхъ. И необходимость такихъ дополненій сама собою выступитъ передъ

*) Цитирую по „Товарищу", 1 декабря 1907 г.

всякимъ, кто захочетъ внимательнѣе вглядѣться въ жизнь населенія, не довольствуясь одною внѣшнею ея стороною.

Бурное массовое движеніе, которое съ такой силой проявлялось въ жизни нѣсколько времени тому назадъ, въ настоящее время отсутствуетъ и въ этомъ смыслѣ страна, дѣйствительно, переживаетъ моментъ какъ бы нѣкотораго затишья. Другой вопросъ однако,—является ли это затишье именно успокоеніемъ. На этотъ вопросъ легко отвѣтить, если припомнить, что всѣ глубокія причины, лежавшія въ основѣ народнаго движенія послѣднихъ лѣтъ и вызвавшія его на историческую сцену, остались не устраненными и, стало быть, вліяніе ихъ продолжаетъ существовать въ народной жизни. Поскольку массовое движеніе дѣйствительно замерло, это случилось не потому, что наиболѣе неотложные запросы и наиболѣе насущныя нужды широкихъ массъ населенія были удовлетворены, а потому, что массы встрѣтили на своемъ пути силу, о которую разбились ихъ стремленія. Но дѣйствіе силы, примѣняемой къ народнымъ массамъ, имѣетъ свой естественный предѣлъ и во всякомъ случаѣ не порождаетъ въ нихъ успокоенія. Создать послѣднее могли бы лишь какія-нибудь особыя условія жизни, способныя оказать серьезное вліяніе на народную психику.

Тѣ условія, которыя созданы въ настоящее время заботами власти для русской жизни, несомнѣнно, оказываютъ самое серьезное вліяніе на психику народныхъ массъ, но только это вліяніе неизбѣжно направляется въ сторону, прямо противоположную успокоенію. И въ этомъ отношеніи жизнь во всякомъ случаѣ движется впередъ. Люди, которые въ свое время ждали, что великій историческій конфликтъ разрѣшится совершенно мирно и безболѣзненно, путемъ однихъ только переговоровъ и соглашеній, люди, которые наивно вѣрили, что іерихонскія стѣны рухнутъ при первомъ громкомъ трубномъ звукѣ, вполнѣ послѣдовательно впадаютъ теперь въ глубокое разочарованіе и не видятъ въ окружающей ихъ жизни ничего, кромѣ ликвидаціи освободительнаго движенія. Но для тѣхъ, кто смотрѣлъ на жизнь иными глазами, кто умѣлъ не закрывать отъ себя ея суровой правды розовыми иллюзіями, переживаемый моментъ долженъ имѣть совсѣмъ другое значеніе. Безумно жестоки и свирѣпы были уроки, данные намъ жизнью въ послѣдніе годы, но въ силу самой своей жестокости эти уроки не могли пройти безслѣдно въ народномъ сознаніи. Два года тому назадъ народныя массы, уже втянувшіяся въ ожесточенную борьбу за свои права, были однако еще очень богаты разнаго рода иллюзіями на счетъ той обстановки, въ которой должна была происходить эта борьба. Съ той поры жизнь неустанно разсѣиваетъ такія иллюзіи и продолжаетъ разсѣивать ихъ и въ настоящее время. Она наглядно показала массамъ, что значитъ безправное народное представительство. Она не менѣе наглядно показываетъ теперь, что такое являетъ изъ себя классовое представительство. Вмѣстѣ съ тѣмъ опытъ жизни вскрываетъ передъ

массами истинную цѣну и другихъ, существовавшихъ и прочно державшихся въ ихъ средѣ иллюзій, связанныхъ съ государственной властью, и, быть можетъ, никогда еще эта разрушительная работа жизни не совершалась съ такою силою, какъ въ настоящій моментъ, именуемый моментомъ успокоенія. Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ власть упрощаетъ свои отношенія къ населенію, въ сознаніи послѣдняго неизбѣжно возникаетъ аналогичный процессъ, въ результатѣ котораго для многихъ изъ прежнихъ иллюзій не должно уже остаться мѣста. Когда власть оказывается открыто связанной въ сферѣ политическихъ вопросовъ съ «союзомъ русскаго народа», а въ области соціальныхъ отношеній—съ помѣщиками, многія изъ традиціонныхъ представленій по необходимости должны исчезнуть. Въ виду этого приходится, пожалуй, признать, что въ народномъ сознаніи переживаемый моментъ ознаменованъ ликвидаціей не освободительнаго движенія, а тѣхъ иллюзій, какія были соединены въ умахъ массъ со старымъ режимомъ. Но кто теряетъ иллюзію, тотъ выигрываетъ истину, пріобрѣтая правильное пониманіе вещей. А правильное пониманіе—великая сила въ общественной борьбѣ, когда оно является достояніемъ массъ.

Съ этой точки зрѣнія самая законченность реакціи въ настоящую минуту имѣетъ свое значеніе. Если оглянуться на весь путь, пройденный нами за послѣдніе два года и приведшій насъ къ тому, что теперь любятъ называть «разбитымъ корытомъ», невольно вспоминаются слова, написанныя нѣкогда Герценомъ въ другой обстановкѣ и по поводу иныхъ событій, но удивительно подходящія къ нашему времени и къ переживаемымъ нами событіямъ. «Рухнулъ, наконецъ,—писалъ Герценъ въ 1851 г.—этотъ міръ, призрачный, дряхлый, пережившій самого себя, міръ распадающійся, двуначальный, неоткровенный, дошедшій до лжи и смѣшенія всѣхъ понятій, какъ все, выживающее изъ ума, остановившійся на невозможныхъ сочетаніяхъ, на несовмѣстныхъ перемиріяхъ, на слабодушныхъ уступкахъ. Все, что онъ лѣпилъ, придумывалъ, выстроилъ изъ прошедшаго и выбѣлилъ новой краской, всѣ произведенія его старческаго ребячества,—все разсыпалось, какъ карточный домъ. Противныя сумерки пропали. Нѣтъ больше двусмысленныхъ недоговорокъ, поддерживавшихъ пустыя надежды съ обѣихъ сторонъ. Темная ночь, которую ждали, настала,—мы шагомъ ближе къ утру». И для насъ, пережившихъ «противныя сумерки», наступила «темная ночь». Но во мракѣ ночи можно ждать утра,—только надо помнить, что въ человѣческой жизни утро и день создаются человѣческими усиліями.

В. Мякотинъ.

Хроника внутренней жизни.

Въ обновленномъ строѣ. I. Новые виды.—II. Новые звуки.—III. Новые планы.—IV. Новыя основы.—V. Новыя перспективы.—Революція кончилась...

Какъ извѣстно, мы живемъ въ «обновленномъ государственномъ строѣ». Остается лишь «укрѣпить» его. Это одна изъ главныхъ задачъ, предначертанныхъ для третьей Думы. Выполненіе возложенной на нее миссіи послѣдняя начнетъ, повидимому, съ того, что утвердитъ государственную роспись.

Государственную роспись «обновленной» Россіи... Бюджетъ—по образному выраженію одного изъ французскихъ статистиковъ—это ключъ, которымъ можно отпереть всѣ двери дома и заглянуть даже въ святая святыхъ живущей въ немъ семьи. Воспользуемся же этимъ ключомъ, чтобы войти и осмотрѣть «обновленный» домъ русской государственности. Не задаваясь цѣлью заглянуть во всѣ его тайники, познакомимся на этотъ разъ хотя бы съ общей его планировкой...

I.

«Порядка... нѣтъ, какъ нѣтъ»...

При входѣ мы встрѣчаемъ дѣйствительно нѣчто новое. Роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1907 годъ, по случаю роспуска двухъ Государственныхъ Думъ, осталась, какъ извѣстно, неутвержденною. Цѣлый годъ правительство жило временными кредитами, какіе оно отпускало себѣ «въ порядкѣ 116 ст. основныхъ законовъ». Съ 1862 года, когда впервые было установлено обнародованіе государственныхъ росписей, такого случая еще не было. Не было его, нужно думать, и раньше, когда бюджетъ россійскаго государства составлялъ государственную тайну, когда... «къ финансовымъ дѣламъ допускались только дѣйствительные тайные совѣтники».

«Въ новизнахъ—писали когда-то старообрядцы—намъ старина слышится». Слышится она, пожалуй, и въ этой новизнѣ. Въ прошломъ, несомнѣнно, были времена, когда никакихъ смѣтъ своимъ доходамъ и расходамъ русскіе правители заранѣе не только не утверждали, но и не составляли. Сошлюсь хотя бы на финансовую систему князя Игоря. Судя по лѣтописи, въ ней не было никакого порядка, а была лишь одна ненасытная жадность...

Для тѣхъ давнихъ временъ въ этомъ не было, конечно, ничего удивительнаго. Слишкомъ незадолго передъ тѣмъ

Смекнули наши предки:
Порядку-де, вишь, нѣтъ...

Русская государственность, можно сказать, только что начиналась...

И вотъ пришли три брата,
Варяги среднихъ лѣтъ,
Глядятъ: земля богата,
Порядка—вовсе нѣтъ...
. . . . . .
Потомъ княжилъ князь Игорь...

Слишкомъ мало было времени, чтобы во всемъ водворить порядокъ... Не то теперь. Тысяча лѣтъ, судя по россійскому своду, прожита не напрасно: порядокъ водворенъ,—«имперія россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ законовъ...» Если мы даже допустимъ, что бюджетная новизна, съ которой мы встрѣтились, дѣйствительно напоминаетъ финансовую старину, о которой мы вспомнили, то и за всѣмъ тѣмъ между ними, несомнѣнно, должна быть разница. Игорь княжилъ не только безъ смѣтъ, но и безъ смѣтныхъ законовъ; нынѣшнее же правительство, конечно, правитъ, хотя и безъ узаконенной смѣты, но по закону...

Мимоходомъ мы это уже видѣли. Временные кредиты, какъ я отмѣтилъ, оно разрѣшало себѣ «въ порядкѣ 116 ст. основныхъ законовъ». «Если государственная роспись — говорится въ этой статьѣ—не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода, то остается въ силѣ послѣдняя, установленнымъ порядкомъ утвержденная, роспись, съ тѣми лишь измѣненіями, какія обусловливаются исполненіемъ послѣдовавшихъ послѣ ея утвержденія узаконеній. Впредь до обнародованія новой росписи, по постановленіямъ совѣта министровъ, въ распоряженіе министерствъ и главныхъ управленій, открываются постепенно кредиты въ размѣрахъ дѣйствительной потребности, не превышающіе, однако, въ мѣсяцъ, во всей ихъ совокупности, одной двѣнадцатой части общаго по росписи итога расходовъ». Такъ именно правительство и поступало... По крайней мѣрѣ, оно заранѣе—уже 1 января—объявило, что, оставшись на 1907 годъ безъ утвержденной росписи, оно будетъ дѣйствовать «на точномъ основаніи означенной статьи». Теперь, когда годъ близится къ концу, мы можемъ подвести итоги и, такимъ образомъ, наглядно убѣдиться, что финансовыя дѣла государства велись все время въ законномъ порядкѣ.

Сначала, однако, нужно сказать нѣсколько словъ о самомъ законѣ. Когда пришлось примѣнять его, то въ немъ оказалась маленькая неясность. Временные кредиты на каждый мѣсяцъ должны отпускаться, какъ мы только что видѣли, въ размѣрахъ, не превышающихъ одной двѣнадцатой части «общаго по росписи итога расходовъ». Спрашивается однако: какихъ расходовъ?—обыкновенныхъ ли только или вмѣстѣ съ чрезвычайными? Если имѣть въ виду «истинный разумъ» закона, то толковать послѣдній слѣдуетъ, конечно, въ томъ смыслѣ, что основаніемъ при исчисленіи времен-

выхъ кредитовъ должны служить обыкновенные расходы, такъ какъ только эти расходы можно относить къ числу... обыкновенныхъ, изъ года въ годъ повторяющихся. Что касается чрезвычайныхъ расходовъ, то, по самому характеру ихъ, одинъ годъ не можетъ въ этомъ случаѣ служить примѣромъ для другого: у каждаго изъ нихъ могутъ быть свои особыя чрезвычайныя потребности.

Такія потребности могутъ, конечно, встрѣтиться и въ томъ году, который остался безъ утвержденной спеціально для него росписи. Но это не значитъ, что правительство, которое при разрѣшеніи временныхъ кредитовъ стало бы руководиться итогомъ обыкновенныхъ только расходовъ, оказалось бы въ безвыходномъ положеніи. О непредусмотрѣнныхъ росписью неотложныхъ расходахъ наши бюджетныя правила говорятъ особо и даютъ на этотъ случай совѣту министровъ болѣе, чѣмъ достаточныя, полномочія. Такимъ образомъ покрывать чрезвычайные расходы временными кредитами, отпускаемыми въ порядкѣ 116 ст. основныхъ законовъ, нѣтъ даже надобности.

Но если имѣть въ виду не «разумъ», а «букву» закона, то толкованіе будетъ, конечно, иное: разъ въ 116 ст. говорится объ «общемъ итогѣ», то, стало быть, и нужно взять общую сумму расходовъ—обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ,—какіе только значатся въ утвержденной росписи.

«Послѣднею, установленнымъ порядкомъ утвержденною, росписью» явилась въ данномъ случаѣ роспись 1906 года. По ней предположено было расходовъ:

обыкновенныхъ	2.018.076.550 руб.
чрезвычайныхъ	492.896.225 „
Итого .	2.510.972.775 руб.

Громадная цифра чрезвычайныхъ расходовъ въ этомъ году объясняется тѣмъ, что русско-японская война только что окончилась и на расходы, связанные съ этой войной и ея послѣдствіями, въ смѣту было внесено болѣе 400 мил. руб. Благодаря этому, «маленькая», какъ я ее назвалъ, неясность въ законѣ оказалась равной въ данномъ случаѣ почти полумилліарду. Въ зависимости отъ того или иного толкованія закона, а, стало быть, и отъ той цифры, которая была бы принята за основаніе для разсчетовъ, временные кредиты могли быть исчислены такимъ образомъ больше или меньше. По разсчету на одинъ мѣсяцъ это должно было дать разницу въ 41 мил. руб. Едва ли нужно даже говорить, что правительство предпочло взять то основаніе, которое шире,—не разумъ закона, а его букву.

Въ упомянутомъ уже правительственномъ сообщеніи, появившемся 1 января, было объявлено, что «на точномъ основаніи» 116 ст. основныхъ законовъ совѣтъ министровъ въ качествѣ «об-

щаго итога» взялъ цифру 2.510.972.775 руб. «Согласно точному указанію» той же статьи онъ затѣмъ эту цифру измѣнилъ, а именно, на основаніи «послѣдовавшихъ послѣ утвержденія росписи узаконеній» исключилъ изъ ея «общаго итога» 3.538.447 руб. и прибавилъ къ нему 64.467.992 руб. *). Въ результатѣ «общій итогъ» или, какъ онъ называется въ правительственномъ сообщеніи, «размѣръ основной годовой суммы для исчисленія временныхъ кредитовъ» опредѣлился въ 2.571.902.320 руб., а «мѣсячная норма» ихъ оказалась равной 214.325.193 руб. Опредѣливъ эту норму, совѣтъ министровъ тогда же утвердилъ временные кредиты сразу на три мѣсяца въ суммѣ 642.975.579 руб. **), т. е. въ максимальномъ ихъ размѣрѣ.

Вообще въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ 1907 года, т. е. до роспуска второй Государственной Думы временные кредиты разрѣшались совѣтомъ министровъ въ высшихъ ихъ размѣрахъ; затѣмъ, начиная съ іюня, временные кредиты начинаютъ разрѣшаться въ замѣтно меньшихъ суммахъ; меньше всего было отпущено денегъ на ноябрь и декабрь (195.480.770 и 191.373.204 руб.). Вѣроятно, таковы были «дѣйствительныя потребности», которыми, согласно закону, долженъ былъ руководиться совѣтъ министровъ при отпускѣ временныхъ кредитовъ. Возможно и то, что, пока судьба второй Думы окончательно не опредѣлилась, правительство на вся-

*) Въ томъ числѣ: на уплату процентовъ по новымъ займамъ—44,393.811 руб., на градоначальниковъ, полицію и корпусъ жандармовъ—6.621.112 руб., въ пособіе Кр. Банку и на землеустройство—5.700.000 руб. на войско и пограничную стражу—5.180.552 руб., на Гос. Совѣтъ и Гос. Думу—1.024.126 руб. и на другіе расходы—1.548.391 руб. Крайне характерно, что при исправленіи „общаго итога" тѣ узаконенія и указы, которыми разрѣшены были чрезвычайные расходы, въ томъ числѣ и единственный законъ, получившій силу съ одобренія первой Государственной Думы, а именно законъ объ отпускѣ 15 мил. руб. на голодающихъ, совѣтомъ министровъ, повидимому, вовсе не были приняты въ разсчетъ. Надо сказать, что чрезвычайныхъ расходовъ, послѣ утвержденія росписи на 1906 г., было разрѣшено въ этомъ году 600,6 мил. руб. (какъ было „разрѣшено".—я говорить не буду; для меня важно въ данномъ случаѣ отмѣтить, что всего за счетъ росписи этого года было отпущено на чрезвычайные расходы—1.088,3 мил. руб.). Въ результатѣ получилась явная несообразица: при исчисленіи временныхъ кредитовъ на 1907 годъ одна половина чрезвычайныхъ расходовъ 1906 года принималась въ разсчетъ, другая—нѣтъ. Слѣдованіе „буквѣ" закона привело такимъ образомъ къ отрицанію всякаго „разума" въ немъ.

**) Беру эту цифру изъ сообщенія министра финансовъ, появившагося 1 января. Въ объяснительной запискѣ того же министра, приложенной къ проекту государственной росписи на 1908 годъ, сумма временныхъ кредитовъ, разрѣшенныхъ совѣтомъ министровъ на первые три мѣсяца 1907 года, указана иная, а именно на 422.791 руб. меньше. При тѣхъ крупныхъ цифрахъ, которыми приходится оперировать русскому министру финансовъ, эта разница представляется, конечно, пустяшной. Къ тому же г. Коковцевъ, какъ мы будемъ имѣть случай увидѣть, вообще не гонится за точностью въ своихъ сообщеніяхъ.

кій случай считало за лучшее использовать свои права полностью. Можно допустить, наконецъ, и еще одно объясненіе: по истеченіи пяти мѣсяцевъ совѣтъ министровъ могъ убѣдиться, что если и дальше расходовать деньги по вычисленной имъ «нормѣ», то ихъ въ концѣ года просто-на-просто не хватитъ,—тѣмъ болѣе, что возможность сколько-нибудь значительнаго займа безъ Думы представлялась проблематичной.

Какъ бы то ни было, надо сказать, что максимализмъ, проявленный правительствомъ, какъ при опредѣленіи «мѣсячной нормы», такъ и при разрѣшеніи временныхъ кредитовъ въ началѣ года, самъ по себѣ не представлялъ чего-либо угрожающаго для народныхъ рессурсовъ. Правда, онъ нѣсколько напоминалъ основное свойство древне-русской финансовой системы, но въ наше время даже жадность—если бы это была она—имѣетъ свои узаконенные предѣлы. Какъ я уже упомянулъ, законъ требуетъ, чтобы деньги расходовались «въ размѣрахъ дѣйствительной потребности». Главное же, въ томъ же самомъ законѣ имѣется и другая, еще болѣе серьезная, гарантія. Напомню 116 ст., какъ она читается въ началѣ: «если государственная роспись не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода, то остается въ силѣ послѣдняя, установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись»... Такимъ образомъ, какіе бы себѣ временные кредиты на каждый мѣсяцъ правительство ни отпускало, расходовать деньги оно могло только на тѣ потребности и въ тѣхъ предѣлахъ, какіе предусмотрѣны росписью 1906 года,—«съ тѣми лишь измѣненіями, какія обусловливаются исполненіемъ послѣдовавшихъ послѣ ея утвержденія узаконеній». Тому же, что правительство не станетъ вторично расходовать деньги на ликвидацію, напримѣръ, русско-японской войны, по скольку таковая ликвидація была совершена уже въ 1906 году, можно, конечно, было и безъ особыхъ гарантій вѣрить. Въ этомъ случаѣ вполнѣ достаточно даже неопредѣленной ссылки, содержащейся въ законѣ, на «дѣйствительныя потребности»...

Общая сумма кредитовъ, какіе разрѣшило себѣ въ 1907 году правительство, теперь уже извѣстна—соотвѣтствующія цифры приведены на 11 стр. объяснительной записки къ проекту росписи на 1908 годъ. Эти цифры, какъ я уже отмѣтилъ въ одномъ изъ подстрочныхъ примѣчаній, нѣсколько расходятся съ другими публикаціями министерства финансовъ. Кромѣ того, по газетнымъ свѣдѣніямъ, послѣ внесенія упомянутой записки въ Государственную Думу, совѣтомъ министровъ были разрѣшены къ отпуску еще нѣкоторыя суммы. Но для насъ въ данномъ случаѣ это не важно. Насъ интересуетъ не общая сумма, какую взяло себѣ на расходы правительство, — эта сумма, повидимому, опредѣлялась, главнымъ образомъ, кассовою наличностью,—а тотъ «порядокъ», въ какомъ имъ отпускались и расходовались деньги. Съ этой только точки

зрѣнія мы и посмотримъ на итоги его финансовыхъ операцій въ 1907 году.

По свѣдѣніямъ, содержащимся въ «объяснительной запискѣ», правительствомъ разрѣшено къ отпуску на нынѣшній годъ:

На обыкновенные расходы	2.173.400.894 руб.
„ чрезвычайные „	324.585.915 „
Итого. . . .	2 497.986.809 руб.

Сопоставивъ этотъ итогъ съ тѣмъ «общимъ итогомъ» (2.571.902.320 руб.), какой былъ опредѣленъ совѣтомъ министровъ для исчисленія временныхъ кредитовъ, министръ финансовъ констатируетъ въ своей запискѣ разницу между ними въ 73.915.511 руб. Ясно, что правительство отпустило себѣ на расходы меньшую сумму, чѣмъ какую оно считало себя вправѣ. Сколько тутъ было «экономіи» и сколько кассовой «нехватки», какъ я уже сказалъ, мы не знаемъ, да это для насъ и не важно. Скажу только, что если это была «экономія», то на одной ликвидаціи русско-японской войны, казалось бы, можно было съэкономить больше. Впрочемъ, и на томъ спасибо...

Насъ во всякомъ случаѣ интересуетъ сейчасъ другое. Если мы сравнимъ только что приведенныя цифры съ итогами «послѣдней утвержденной росписи», т. е. росписи 1906 г., каковые итоги были приведены выше, то окажется, что правительство отпустило въ 1907 г.

На обыкновенные расходы больше на . . .	155.324.344 руб.
„ чрезвычайные „ меньше „ . . .	168.310.310 „

чѣмъ значилось по росписи 1906 года. Если мы въ итогъ обыкновенныхъ расходовъ по этой «послѣдней» росписи внесемъ тѣ измѣненія, какія внесъ въ свое время совѣтъ министровъ, т. е. исключимъ изъ него 3.548.447 руб. и прибавимъ 64.467.992 руб., то и послѣ того окажется, что на обыкновенные расходы въ 1907 году правительствомъ отпущено (2.173.400.894 руб.) больше, чѣмъ было утверждено по росписи 1906 г. со всѣми послѣдовавшими послѣ ея утвержденія узаконеніями (2.018.076.550—3.538.447+64.467.992 =2.079.006.097 руб.) на 94.394.797 руб. Вмѣсто болѣе, чѣмъ сомнительной экономіи вообще по бюджету, мы имѣемъ такимъ образомъ, несомнѣнный перерасходъ по отдѣлу обыкновенныхъ расходовъ.

Надо сказать, что законъ не даетъ права министерству «въ теченіе дѣйствія государственной росписи» переносить кредиты не только изъ отдѣла чрезвычайныхъ расходовъ въ отдѣлъ обыкновенныхъ, но даже изъ одного «номера« росписи въ другой *). Нельзя,

*) Суть въ томъ, что росписи „составляются“ законодательными учрежденіями „относительно доходовъ—по параграфамъ, а относительно расходовъ по номерамъ“ (такихъ номеровъ въ нынѣшней росписи—432). Въ этихъ „главныхъ подраздѣленіяхъ“, какъ ихъ называетъ еще законъ, за-

напримѣръ, деньги, ассигнованныя на городовыхъ (№№ 29 и 30), обратить на содержаніе градоначальниковъ (№ 28),—даже въ томъ случаѣ, если бы на городовыхъ оказалось возможнымъ съэкономить. Изъ этого слѣдуетъ, что констатированный нами перерасходъ допущенъ съ явнымъ нарушеніемъ закона.

Я опредѣлилъ этотъ перерасходъ (94.394.797 руб.), сравнивъ итогъ обыкновенныхъ доходовъ по исправленной на основаніи 116 ст. росписи съ итогомъ ихъ по вѣдомости временныхъ кредитовъ. Если бы сравнить тѣ и другіе не въ итогахъ, а по «номерамъ», то перерасходъ оказался бы значительно больше, такъ какъ въ итогѣ остатки по однимъ номерамъ покрыли часть перерасхода по другимъ. Но утомлять читателей дальнѣйшимъ сопоставленіемъ цифръ я не буду. Я уже сказалъ и вновь повторяю, что насъ интересуетъ сейчасъ не сумма допущеннаго министерствомъ перерасхода, а порядокъ расходованія имъ государственныхъ рессурсовъ. Порядокъ же этотъ вкратцѣ таковъ.

Въ ст. 116 основныхъ законовъ сказано: «если государственная роспись не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода, то остается въ силѣ послѣдняя, установленнымъ порядкомъ утвержденная, роспись». Въ дѣйствительности, однако, эта роспись въ силѣ не осталась: временные кредиты разрѣшались и деньги расходовались не «на точномъ основаніи» 116 ст., а съ явнымъ нарушеніемъ ея въ важнѣйшей ея части.

Изъ этого слѣдуетъ, что не 3-го только іюня и не историческою только властью были нарушены основные законы, — они нарушались цѣлый годъ, нарушались совѣтомъ министровъ.

Читатели, быть можетъ, поражены моею дерзостью, а нѣкоторые, быть можетъ, уже безпокоятся за мою участь. Не ошибся ли я? И если это даже вѣрно, то можно ли въ наши дни писать такія вещи? Но не тревожьтесь, друзья-читатели! Я не настолько самонадѣянъ, чтобы на основаніи собственныхъ изысканій предъявлять

ключается, можно сказать, главный смыслъ росписи, какъ таковой. Для иллюстраціи того значенія, какое придается „номерамъ", сошлюсь на инцидентъ, имѣвшій мѣсто недавно въ Государственной Думѣ. 7 декабря продовольственная коммиссія внесла предложеніе объ отпускѣ внесенныхъ въ проектъ росписи 7,7 милл. руб. на выдачу пособій голодающимъ, но для Думы оказалось невозможнымъ принять это предложеніе въ бюджетномъ порядкѣ между прочимъ потому, что означенный расходъ въ росписи значится подъ однимъ номеромъ съ другимъ, еще не внесеннымъ на утвержденіе Думы. Вопросъ объ отпускѣ денегъ на голодающихъ пришлось отложить до разсмотрѣнія соотвѣтствующаго „номера" росписи или же до внесенія особаго законопроекта по этому предмету. Такимъ образомъ даже законодательныя учрежденія вынуждены считаться съ „номерами". Допустить же перенесеніе кредитовъ изъ одного подраздѣленія въ другое простымъ распоряженіемъ исполнительной власти, это значило бы въ сущности аннулировать роспись. Тогда проще было бы отпускать деньги совѣту министровъ, такъ сказать, „чохомъ"; „вотъ вамъ два или три милліарда,—расходуйте, г-да министры!"

правительству обвиненіе въ нарушеніи основныхъ законовъ. Я основываюсь въ данномъ случаѣ на собственномъ признаніи... министра финансовъ,—и притомъ на признаніи, которое сдѣлано не въ частной какой-либо бесѣдѣ, а въ документѣ, какъ принято выражаться, «высокой оффиціальной важности».

Въ объяснительной запискѣ къ проекту росписи на 1908 годъ г. Коковцевъ, со свойственною ему словоохотливостью, разсказываетъ о тѣхъ манипуляціяхъ, какимъ подвергся бюджетъ 1907 года въ совѣтѣ министровъ. Правда, о всѣхъ измѣненіяхъ, какія сдѣланы въ немъ сравнительно съ «послѣднею утвержденною росписью», онъ не разсказалъ, — этого, повидимому, не разскажешь... Но суть этихъ измѣненій онъ всетаки объяснилъ. Приведу его объясненія in extenso:

За послѣдовавшимъ 3 іюня роспускомъ второй Государственной Думы и за назначеніемъ срока открытія новой сессіи законодательныхъ учрежденій на 1 ноября текущаго года — читаемъ мы въ „объяснительной запискѣ"—не могло быть болѣе сомнѣнія въ томъ, что роспись на 1907 г останется неутвержденною и что вѣдомствамъ придется до конца года пользоваться мѣсячными кредитами, открываемыми постепенно въ порядкѣ ст. 116 основныхъ законовъ. Но для такого примѣненія ст. 116 въ теченіе цѣлаго года необходимо было опредѣлить окончательные годовые итоги расходовъ не только по каждой смѣтѣ, но и по отдѣльнымъ смѣтнымъ подраздѣленіямъ.

«Опредѣлять окончательные годовые итоги расходовъ по отдѣльнымъ смѣтнымъ подраздѣленіямъ», даже тогда, и именно тогда, когда «не могло быть болѣе сомнѣнія въ томъ, что роспись на 1907 годъ останется неутвержденною», казалось бы, не зачѣмъ,— не за чѣмъ уже потому, что «эти окончательные итоги» опредѣлены «въ послѣдней утвержденной росписи», — въ данномъ случаѣ, въ росписи 1906 г. Что же иное можетъ значить выраженіе 116 ст., что «остается въ силѣ послѣдняя, установленнымъ порядкомъ утвержденная, роспись», какъ не то, что остаются въ силѣ окончательные итоги ея по отдѣльнымъ смѣтнымъ подраздѣленіямъ? Самое большее, что предстояло сдѣлать совѣту министровъ,—это внести въ итоги тѣ измѣненія, какія вытекали изъ узаконеній, послѣдовавшихъ послѣ утвержденія росписи. Работа предстояла чисто бухгалтерская. Съ точки зрѣнія 116 статьи никакого вопроса объ «окончательныхъ итогахъ» даже быть не могло. Тѣмъ не менѣе, какъ оказывается, этотъ вопросъ былъ поставленъ.

По обсужденіи этого вопроса — читаемъ мы далѣе въ «запискѣ» — Совѣтъ министровъ пришелъ къ заключенію о невозможности руководствоваться въ теченіе всего 1907 года годовыми цифрами 1906 г. по отдѣльнымъ параграфамъ и статьямъ смѣтъ.

Другими словами: совѣтъ министровъ нашелъ невозможнымъ руководиться «послѣднею утвержденною росписью», къ чему его обязывалъ законъ... Приведу и соображенія, которыми въ «запискѣ» мотивирована эта «невозможность».

Статья 116 основныхъ законовъ указываетъ совершенно опредѣленно, что мѣсячные кредиты должны быть отпускаемы *въ размѣрѣ дѣйствительной потребности*. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что есть потребности, развитіе которыхъ идетъ безостановочно и потому не можетъ быть ограничиваемо ассигнованіями предыдущаго года. Въ другихъ случаяхъ увеличеніе расходовъ вызывается возложеніемъ на государственное казначейство новыхъ обязательствъ, расширеніемъ задачъ государства въ соотвѣтствіи съ современными требованіями жизни и т. д. Въ то же время въ росписи прошедшаго года имѣются ассигнованія на такія потребности надобность въ которыхъ въ настоящее время миновала...

Однимъ слововъ, мотивовъ, чтобы предпочесть закону собственное усмотрѣніе, какъ всегда, нашлось много. Не только «требованія жизни», но даже самъ законъ какъ будто требовалъ беззаконія. Обратите, въ самомъ дѣлѣ, вниманіе хотя бы на то, что получилось послѣ бюрократической обработки изъ «дѣйствительной потребности», о которой упоминается въ 116 ст. и въ которой мы склонны были выше видѣть одну изъ гарантій... Но каковы бы ни были мотивы, фактъ таковъ: по собственному признанію правительства, «послѣднею утвержденною росписью», какъ это требуетъ 116 ст. основныхъ законовъ, оно не руководилось. И произошло это—могу я теперь прибавить—не случайно; основные законы нарушались систематически и преднамѣренно. Единственно, въ чемъ я, пожалуй, допустилъ преувеличеніе, это въ томъ, что сказалъ, будто такое нарушеніе продолжалось цѣлый годъ. По словамъ г. Коковцева, оно началось со времени роспуска второй Думы, когда «не могло быть болѣе сомнѣнія въ томъ, что роспись на 1907 годъ останется неутвержденною». Чтобы высказать свое предположеніе, у меня были основанія, но настаивать на немъ я не буду. Не такъ важно, въ самомъ дѣлѣ, нарушалась ли «конституція» цѣлый годъ или семь мѣсяцевъ...

Интереснѣе отмѣтить другое. Признаніе, что «послѣдняя утвержденная роспись» не выполнялась, а выполнялась какая-то другая, ни однимъ изъ законодательныхъ учрежденій не разсмотрѣнная и не утвержденная, мы нашли въ объяснительной запискѣ министра финансовъ къ проекту государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1908 годъ. Такимъ образомъ, фактъ этотъ членамъ Государственной Думы извѣстенъ. Никто, однако, изъ нихъ на немъ не остановился, хотя общія пренія по бюджету давали, казалось. для этого прекрасный случай. Объ этомъ нарушеніи бюджетныхъ законовъ не было упомянуто даже въ самой обширной изъ рѣчей, сказанныхъ во время этихъ преній,—въ рѣчи П. Н. Милюкова. Послѣдній много говорилъ о недостаточности бюджетныхъ правъ Государственной Думы и необходимости ихъ расширить; указывалъ на тѣ стѣсненія, какія приходится испытывать народнымъ представителямъ въ ихъ надзорѣ за исполненіемъ государственной росписи, при чемъ въ качествѣ наиболѣе яркаго примѣра напомнилъ, какъ государственный контролеръ отказался познакомить

вторую Думу съ имѣющимися у него по этому вопросу матеріалами; высказалъ онъ, между прочимъ, и сожалѣніе, что Государственная Дума лишена возможности обстоятельно и своевременно разсмотрѣть бюджетъ; но о томъ, что основные законы въ сферѣ финансовъ систематически не выполняются, представитель к.-д. партіи не обмолвился ни словомъ...

Спрашивается, однако: какой смыслъ можетъ имѣть расширеніе бюджетныхъ правъ Думы, если выполненіе имѣющихся законовъ совѣтъ министровъ можетъ признать, когда ему это заблагоразсудится, «невозможнымъ»? И далѣе: зачѣмъ вамъ матеріалы, имѣющіеся у государственнаго контролера, когда самъ министръ финансовъ говоритъ вамъ, что утвержденною росписью онъ не руководился, а вы ничего противъ этого сдѣлать не можете и даже вопреки этому что-нибудь сказать не смѣете? И, наконецъ: стоитъ ли вообще разсматривать и утверждать бюджетъ, если у васъ нѣтъ гарантій, что его судьба будетъ иная, чѣмъ судьба «послѣдней утвержденной росписи»?

Нельзя, конечно, допустить, чтобы эта судьба въ к.-д. кругахъ осталась незамѣченной. Если П. Н. Милюковъ счелъ за лучшее умолчать о ней, то, вѣроятно, у него были на это свои соображенія. Быть можетъ, глубокія соображенія... хотя бы въ родѣ слѣдующихъ: конституціи нѣтъ, но будемъ говорить такъ, какъ будто она существуетъ, и тогда конституція у насъ будетъ...

Но каковы бы ни были въ данномъ случаѣ соображенія оппозиціи, углубляться въ эту тему сейчасъ не время. Намъ предстоитъ еще подвести итоги тѣмъ наблюденіямъ, какія мы сдѣлали. Мы остановились передъ бюджетною новизною, какую при входѣ въ обновленный строй встрѣтили. Я пригласилъ читателей въ нее вглядѣться, утверждая, что между нею и стариною, несомнѣнно, должна быть разница. Мы всмотрѣлись... и мнѣ приходится признаться, что я ошибся. Это только въ россійскомъ сводѣ сказано, что «имперія россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ законовъ»... Въ дѣйствительности же, такого порядка въ русской землѣ еще не заведено. Во всякомъ случаѣ, въ финансовыхъ дѣлахъ его не оказалось...

Но, можетъ быть, въ нихъ есть другой порядокъ? Желая оправдать себя передъ читателями, я готовъ ухватиться и за эту соломинку.

Допустимъ, что правительство дѣйствовало не по закону... Но, можетъ быть, оно дѣйствовало по смѣтѣ?.. Пусть это была даже не утвержденная смѣта, пусть это былъ только проектъ смѣты, но заблаговременно составленный, всесторонные и тщательно, хотя бы и не въ законодательныхъ учрежденіяхъ, со всѣми обстоятельствами государственной жизни соображенный... Всетаки это былъ бы порядокъ...

Долженъ признаться, что, когда въ газетахъ появились свѣдѣ-

нія объ общей суммѣ отпущенныхъ на 1907 г. временныхъ кредитовъ, то именно эта мысль пришла мнѣ въ голову. Я сравнилъ сумму временныхъ кредитовъ на обыкновенные и чрезвычайные расходы съ соотвѣтствующими итогами по проекту росписи на 1907 г., который былъ внесенъ во вторую Думу. Совпаденіе оказалось удивительное:

	Обыкновенные расходы.	Чрезвычайные расходы.
По проекту росписи на 1907 г., внесенному во вторую Думу.	2.178.130.171 руб.	298.554.701 руб.
По вѣдомости временныхъ кредитовъ, отпущенныхъ совѣтомъ министровъ	2.178.400.894 »	324.585.915 »

По отдѣлу обыкновенныхъ расходовъ получилось почти полное тождество. Въ чрезвычайныхъ расходахъ оказалась разница въ 26,2 мил. руб. Но, вѣдь, второю Думою особыми законами были разрѣшены чрезвычайные кредиты, сверхъ проектировавшихся по росписи, а именно ею было отпущено 28,5 милл. руб. на выдачу пособій населенію, пострадавшему отъ неурожая. Очевидно, что правительство выполняетъ проектъ росписи, хотя и оставшійся неутвержденнымъ, но заблаговременно составленный. Оно внесло въ него лишь тѣ измѣненія, какія обусловливаются послѣдовавшими послѣ его составленія узаконеніями. При этомъ оно сумѣло еще хоть немного съэкономить...

Когда я читалъ объяснительную записку министра финансовъ, то это предположеніе обратилось было у меня въ полную увѣренность. Сообщивъ, что совѣтъ министровъ призналъ невозможнымъ руководиться росписью 1906 года, г. Коковцевъ непосредственно вслѣдъ затѣмъ пишетъ:

Такимъ образомъ очевидно, что при опредѣленіи годовыхъ итоговъ отдѣльныхъ кредитовъ, слѣдующихъ къ отпуску по временнымъ росписаніямъ, наиболѣе вѣрнымъ мѣриломъ той дѣйствительной потребности, о которой говоритъ ст. 116 основныхъ законовъ, являются цифры ассигнованій, внесенныхъ въ смѣты на 1907 годъ...

Можно было вздохнуть съ облегченіемъ: порядокъ въ финансовыхъ дѣлахъ, очевидно, есть,—правда не предусмотрѣнный закономъ и даже идущій въ разрѣзъ съ нимъ, но всетаки порядокъ... Для большей увѣренности я всетаки сравнилъ временные кредиты, отпущенные совѣтомъ министровъ, съ проектомъ росписи на 1907 годъ, внесеннымъ имъ во вторую Думу, не только въ итогахъ, но и по номерамъ. Въ результатѣ—полная неожиданность: оказалось, что только по обыкновенному бюджету, не говоря о чрезвычайномъ, отпущенные кредиты расходятся съ проектированными, т. е. увеличены или уменьшены сравнительно съ послѣдними въ 80 случаяхъ! Совпаденіе въ итогахъ, стало быть, было случайнымъ... Обращаюсь вновь къ объяснительной запискѣ и

вижу, что дѣйствительно проектъ росписи, послѣ роспуска второй Думы, вновь подвергся передѣлкамъ. Передавать, какія это были передѣлки и чѣмъ онѣ были обусловлены, было бы слишкомъ утомительно. Ограничусь нѣкоторыми результатами.

Изъ вѣдомствъ наибольшій уронъ отъ этихъ передѣлокъ потерпѣло министерство народнаго просвѣщенія. Изъ 12 «номеровъ», какіе числятся за этимъ министерствомъ по росписи, отпущенные кредиты оказались меньше проектированныхъ въ 10 случаяхъ. Предполагалось ассигновать по этому министерству 50.906,218, а совѣтомъ министровъ разрѣшены временные кредиты лишь въ суммѣ 45.907,159 руб. Самая крупная прибавка сдѣлана по одному изъ «номеровъ» министерства финансовъ, который въ росписи озаглавленъ такъ: «приплаты, пособія и другія выдачи частнымъ обществамъ желѣзныхъ дорогъ по эксплуатаціи ими линій». По проекту росписи предполагалось ассигновать на этотъ предметъ 29.940,750 руб., а совѣтомъ министровъ отпущено 38.140.750 руб. Изъ этихъ двухъ примѣровъ, я думаю, достаточно ясно видно, въ какую сторону уклонились «дѣйствительныя потребности», какъ только правительство осталось наединѣ съ самимъ собою и стало эти потребности опредѣлять «въ соотвѣтствіи съ современными требованіями жизни»...

Нѣтъ! Соломинка, за которую я было ухватился, не выдержала Приходится признать, что нынѣшнее правительство такъ же управляетъ финансовыми дѣлами, какъ ими управлялъ князь Игорь безъ смѣтъ и безъ законовъ... «Исторія отъ Гостомысла», очевидно продолжается,—продолжается въ томъ же истино-русскомъ духѣ:

Порядка... нѣтъ, какъ нѣтъ...

II.

«При звонѣ веселомъ стакана»...

Я опасаюсь, что читатели недовольны моею медлительностью Вмѣсто того, чтобы сразу же войти въ «обновленный» домъ, я надолго задержался при входѣ. Стоило ли, въ самомъ дѣлѣ, посвящать столько мѣста временнымъ кредитамъ?!. Правда, явленіе—новое... Но вѣдь оно свойственно только нынѣшнему переходному времени. Укрѣпится «обновленный строй», утвердитъ Дума бюджетъ—и система временныхъ кредитовъ окажется позади насъ, останется только въ нашихъ воспоминаніяхъ...

Я не рѣшаюсь, однако, успокоиться на этой надеждѣ. Возможно, что явленіе, съ которымъ намъ пришлось имѣть дѣло, не только новое, но и длящееся. Уже цѣлый годъ мы прожили при временныхъ кредитахъ и новый — начнемъ съ ними же. И еще неизвѣстно, чѣмъ этотъ новый годъ кончится. Если мы даже допустимъ, что третья Дума, хотя бы и съ опозданіемъ, утвердитъ бюджетъ, то и за всѣмъ тѣмъ неизвѣстно, какова будетъ его даль-

нѣйшая участь. Какъ я уже сказалъ, можетъ быть, она будетъ та же, что и «послѣдней утвержденной росписи». Уже въ силу этого только, временными кредитами приходится интересоваться.

Можетъ быть, они даже исчезнутъ, но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что опять скоро появятся. Вообще въ переходномъ состояніи— въ притворѣ, такъ сказать, конституціоннаго храма — намъ придется пробыть, можетъ быть, долго. Возможно, что и на улицу еще выйти придется. Кто, въ самомъ дѣлѣ, поручится, что не появится какой-нибудь протодіаконъ, съ болѣе зычнымъ голосомъ, чѣмъ у г. Столыпина, и не рявкнетъ:

— Оглашенніи изыдите!

И выйти на улицу тогда, несомнѣнно, придется... Пойдемъ однако дальше. Войдемъ въ «обновленный домъ»... Войдемъ вмѣстѣ съ министромъ финансовъ. Прислушаемся, что онъ скажетъ засѣдающимъ тамъ «истиннымъ народнымъ представителямъ», какъ онъ ихъ назвалъ. Посмотримъ, какъ они его встрѣтятъ...

Начало министерской декларацiи, пока отношеніе къ ней Думы не опредѣлилось, я опущу. Начну съ того момента, когда Дума въ нее вслушалась.

Ни одно государство—заявилъ между прочимъ въ своей декларацiи г. Коковцевъ—не можетъ позволить себѣ въ настоящую минуту такой роскоши, какъ отказъ отъ того или другого вида своихъ доходовъ безъ преобразованія и замѣны его другимъ, не менѣе обезпеченнымъ, поступленіемъ,—настолько потребности современныхъ государствъ велики и необъятны и настолько область финансоваго творчества и даже изобрѣтательности ограничена. Насъ учитъ этому опытъ каждаго дня и примѣръ другихъ странъ, исторія которыхъ сложилась среди условій, менѣе тягостныхъ, нежели тѣ, которыя создали наше отечество; тѣхъ странъ, которыя не закончили только что, какъ мы, раззорительную и обидную для нашего самолюбія войну, которыя не пережили позорныхъ „иллюминацій" и другихъ проявленій вандализма, нанесшихъ и все еще наносящихъ такіе страшные удары нашей русской культурѣ и нашему народному богатству...

(*Апплодисменты справа и въ центрѣ*).

Это были первые апплодисменты, какіе удалось вызвать своею рѣчью министру финансовъ. Спрашивается: что въ приведенномъ отрывкѣ понравилось слушателямъ? Тезисъ оратора или его аргументація? То ли имъ понравилось, что «государство не можетъ позволить себѣ въ настоящую минуту такой роскоши, какъ отказъ отъ того или другого вида своихъ доходовъ»,—другими словами, что оно не можетъ уменьшить налогового бремени, лежащаго на населеніи? Или же имъ доставило удовольствіе напоминаніе о «раззорительной и обидной для нашего самолюбія войнѣ», о «позорныхъ иллюминаціяхъ и другихъ проявленіяхъ вандализма, нанесшихъ и все еще наносящихъ такіе страшные удары нашей русской культурѣ и нашему народному богатству»?

Повторяю: это были «первые» апплодисменты, которые обыкновенно наиболѣе трудно бываетъ вызвать оратору. Разъ они вызваны,—струна сочувствія между нимъ и аудиторіей найдена. Каждое новое прикосновеніе къ этой струнѣ обѣщаетъ новые апплодисменты. И ораторы, обыкновенно, этою возможностью пользуются. Поэтому, если мы не уловили, въ чемъ заключается «сердечное созвучіе», какое сказалось въ данномъ случаѣ между думскимъ большинствомъ и представителемъ правительства, то можемъ еще прислушаться.

Не можетъ—говорилъ г. Коковцевъ дальше — не быть труднымъ, стѣсненнымъ и даже обреченнымъ на величайшую сдержанность въ своихъ расходахъ финансовое положеніе той страны, которая должна была въ теченіе трехъ лѣтъ истратить 2,5 милліарда на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ и которая въ теченіе новыхъ двухъ лѣтъ не перестаетъ бороться съ худшимъ врагомъ — своимъ внутреннимъ нестроеніемъ...

(*Апплодисменты*).

Струна затронута, несомнѣнно, та же самая, — но намъ опять приходится спрашивать: чему Дума апплодировала? Тому ли, что финансовое положеніе страны «не можетъ не быть труднымъ и стѣсненнымъ»? или тому, что въ теченіе трехъ лѣтъ этой странѣ пришлось истратить $2^1/_2$ милліарда на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ и въ теченіе новыхъ двухъ лѣтъ бороться съ еще худшимъ врагомъ—своимъ внутреннимъ нестроеніемъ?

Будемъ, однако, слушать дальше...

... Составленіе бюджета на 1906 годъ — сказалъ между прочимъ г. Коковцевъ во второй своей рѣчи—принадлежитъ не мнѣ. Одно только могу сказать, что смѣта на 1906 годъ, какъ, вѣроятно, припомнитъ Государственная Дума, была составлена въ совершенно исключительныхъ условіяхъ. Она составлялась во время всеобщей почтово-телеграфной и желѣзнодорожной забастовки, это былъ октябрь 1905 года, а разсматривалась смѣта Государственнымъ Совѣтомъ въ періодъ московскаго вооруженнаго возстанія...

(*Апплодисменты*).

Уловить, какая звучитъ струна, на этотъ разъ легче. «Одно только» могъ сказать въ данномъ случаѣ министръ финансовъ и, очевидно, это «одно только» и могло доставить удовольствіе его слушателямъ: смѣта составлялась во время забастовки, разсматривалась во время вооруженнаго возстанія. Неужели, однако, это напоминаніе такъ пріятно третьей Думѣ?

Чтобы яснѣе было, въ чемъ тутъ дѣло, приведу еще одно воспоминаніе министра финансовъ, доставившее, судя по стенограммѣ, не малое удовольствіе «истиннымъ народнымъ представителямъ»...

Дѣйствительно—сказалъ г. Коковцевъ, отвѣчая П. Н. Милюкову,—за нѣсколько времени, всего за мѣсяцъ до Государственной Думы перваго созыва, правительство заключило крупный заемъ, правда не въ милліардъ, а въ 843 милліона, и я открыто докладываю Государственной Думѣ, что этотъ заемъ, по повелѣнію его Императорскаго Величества, былъ совер-

шенъ мною. Что же? Это было дурно, что правительство исполнило его?.. Угодно было бы, чтобы правительство ждало, когда Государственная Дума перваго созыва дала бы ему полномочія на совершеніе этого займа? Нѣтъ. Правительство ждать этого не могло. Оно было уполномочено на совершеніе займа и оно должно было искать эти средства для того, чтобы удовлетворить тѣ долговыя обязательства, которыя были заключены, и оно исполнило это и нашло необходимые рессурсы... нашло ихъ, не взирая на то, что нашлись въ ту пору русскіе люди, которые прибыли въ Парижъ, гдѣ я въ то время находился, и обивали пороги французскихъ властей, стараясь препятствовать совершенію займа...

(Бурные апплодисменты справа и въ центрѣ).

Теперь, я думаю, читатели догадались, почему въ отмѣченныхъ мною мѣстахъ Дума апплодировала. «Движеніе», выражаясь парламентскимъ языкомъ, замѣчалось и «знаки одобренія» слышались всякій разъ, когда министръ упоминалъ о врагахъ, когда онъ говорилъ о битвахъ. Въ послѣднемъ изъ приведенныхъ мною отрывковъ, онъ вспомнилъ не только о борьбѣ съ крамольниками, но и о побѣдѣ надъ ними,—о побѣдѣ, которая, быть можетъ, рѣшила судьбу кампаніи. Какъ своевремененъ и удаченъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ этотъ обходъ народнаго предстявительства! Какъ блестяще выполнилъ его г. Коковцевъ! И какъ ничтожны вмѣстѣ съ тѣмъ оказались враги, которые не придумали ничего лучшаго, въ эту рѣшительную минуту, какъ «обивать пороги»! Понятно, что апплодисменты при этомъ воспоминаніи оказались «бурными»...

Я не былъ въ думскомъ засѣданіи 27 ноября.. Но когда я читалъ стенографическій отчетъ о немъ, передо мною все яснѣе и яснѣе вставала картина изъ древне-русской жизни, воспроизведенная когда то для насъ поэтомъ:

Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они...

Пусть эти битвы не всѣ были удачны; пусть послѣ нихъ остались рубцы и, быть можетъ, не вполнѣ еще зажившія раны... Вспомнить о нихъ все-таки пріятно,—особенно теперь, когда опасность миновала, когда война оказалась побѣдоносной... И прихвастнуть при этомъ не зазорно *)...

Возможно, что на этихъ пирушкахъ князя съ дружиною, «при звонѣ

*) Изъ многихъ неточностей, какія газеты нашли въ рѣчахъ министра финансовъ, считаю не лишнимъ отмѣтить здѣсь одну „обмолвку", какъ назвало ее „Слово",—тѣмъ болѣе, что эту обмолвку я воспроизвелъ выше безъ всякой оговорки. Какъ утверждаетъ г. Федоровъ, а онъ въ качествѣ бывшаго министра это, конечно, знаетъ, заемъ передъ первой Думой заключилъ въ дѣйствительности гр. Витте, г. Коковцевъ же игралъ въ этомъ случаѣ роль коми-вояжера, въ качествѣ каковаго онъ и ѣздилъ въ Парижъ. Но я думаю, что странная со стороны министра обмолвка, въ устахъ истинно-русскаго богатыря представляется вполнѣ невинною похвальбою. Во всякомъ случаѣ этотъ штрихъ картины не портитъ..

веселомъ стакана», не только вспоминались прежніе походы, но и замышлялись новые. Здѣсь, вѣроятнѣе всего, строились планы, какъ «отмстить неразумнымъ хазарамъ»; здѣсь «ихъ села и нивы за буйный набѣгъ обрекались мечамъ и пожарамъ»... Но, если это такъ, то сходство между третьей Думой и великокняжеской дружиной окажется, пожалуй, еще больше.

Чтобы иллюстрировать его, я могъ бы привести новый рядъ выдержекъ изъ рѣчей г. Коковцева. Но мнѣ кажется, что сердечное согласіе между Думой и правительствомъ, поскольку дѣло касается будущаго, интереснѣе отмѣтить въ болѣе общей его формѣ. Поэтому я сошлюсь лучше на декларацію предсѣдателя совѣта министровъ. Напомню, чѣмъ онъ вызвалъ «первые» апплодисменты.

Для всѣхъ теперь стало очевиднымъ,—сказалъ г. Столыпинъ, — что разрушительное движеніе, созданное крайними лѣвыми партіями, превратилось въ открытое разбойничество и выдвинуло впередъ всѣ противообщественные преступные элементы, раззоряя честныхъ тружениковъ и развращая молодое поколѣніе...

(*Бурные апплодисменты справа и въ центрѣ*).

Послѣ того, какъ мы вслушались нѣсколько въ думскую музыку, этотъ аккордъ уже не покажется намъ страннымъ. Мы не заподозримъ уже, что Дума апплодировала въ данномъ случаѣ «разрушительному движенію», которое «превратилось въ открытое разбойничество»... Даже вопроса о томъ, что именно въ приведенномъ отрывкѣ вызвало съ ея стороны знаки живѣйшаго одобренія, мы не поставимъ. Для насъ совершенно ясно, что предсѣдатель совѣта министровъ затронулъ ту же струну, на которой наигрывалъ потомъ министръ финансовъ. Разница въ томъ лишь, что г. Столыпинъ сдѣлалъ это энергичнѣе, затронулъ струну сильнѣе. Апплодисменты, благодаря этому, сразу послышались «бурные»,—и они гремѣли уже потомъ, почти не умолкая...

Не затѣмъ однако г. Столыпинъ напомнилъ о «крайнихъ лѣвыхъ партіяхъ», чтобы предаться потомъ вмѣстѣ со своими слушателями пріятнымъ воспоминаніямъ. Не о битвахъ, «гдѣ вмѣстѣ рубились они», сталъ онъ говорить... Нѣтъ, онъ поздравилъ Думу съ новымъ походомъ. И надо сказать, что онъ встрѣтилъ съ ея стороны такой горячій откликъ, на какой не всегда была способна даже княжеская дружина. Напомню: когда Игорь замыслилъ повторный походъ въ древлянскую землю, то, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, онъ успѣлъ склонить къ этому рискованному предпріятію лишь незначительную часть своей дружины. Г. Столыпинъ же увлекъ почти всю Думу....

Итакъ, мы заглянули въ самый храмъ конституціи... И сразу же увидѣли, что тамъ находятся «вѣрные»... дружинники. Съ

«князьями міра сего»,—какъ удостовѣрила «Россія»—они «говорятъ на одномъ языкѣ, воодушевлены одними чувствами, исповѣдуютъ одну вѣру». О! Эта Дума утвердитъ бюджетъ и обновленный строй, если это только отъ нея будетъ зависѣть, упрочитъ. Во всякомъ случаѣ «неразумнымъ хазарамъ» она отмститъ и древлянскую землю данью свыше силъ обложитъ...

III.

«И не жди—не будетъ!..»

Подъ ударами извнѣ и извнутри «обновлялась» русская государственность. Обстоятельства при этомъ сложились такъ, что революція началась раньше, чѣмъ война окончилась. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что дѣятели «обновленнаго строя» объ этихъ «битвахъ, гдѣ вмѣстѣ рубились они», вспоминаютъ — какъ мы только что видѣли—большею частью вмѣстѣ. Въ ихъ памяти «желтые» и «красные» враги сливаются, повидимому, такъ же, какъ эти два цвѣта сливаются для нашихъ глазъ въ радужномъ спектрѣ: несомнѣнно, что цвѣта разные, но гдѣ кончается одинъ и начинается другой, различить мы не въ состояніи. Психологія ховяевъ, несомнѣнно, сказывается и въ распорядкахъ «дома». Не всегда можно отличить, какія передѣлки произведены въ немъ, чтобы отразить удары внѣшнихъ враговъ, и какія, чтобы сломить натискъ внутреннихъ крамольниковъ. Еще труднѣе отдѣлить войну отъ революціи въ бюджетѣ.

Съ одной стороны, приготовленія къ революціи начались раньше, чѣмъ началась война съ Японіей. Напомню нѣкоторыя изъ относящихся сюда мѣропріятій. 20 января 1903 года, т. е. почти за два года до рабочаго шествія, къ каковому многіе пріурочиваютъ начало русской революціи, было утверждено мнѣніе государственнаго совѣта объ усиленіи за общегосударственный счетъ полиціи въ С.-Петербургѣ. 21 апрѣля того же года былъ утвержденъ законъ о фабрично-заводской полиціи вообще въ Имперіи. 5 мая получилъ санкцію законъ о полицейскихъ стражникахъ, каковые являются теперь главной опорой для борьбы съ революціей въ деревнѣ. 4 декабря того же года особымъ повелѣніемъ отпущено 1.182.478 руб. на расходы по полиціи, не подлежащіе оглашенію... Я напоминаю лишь наиболѣе значительныя ассигнованія, предусмотрительно разрѣшенныя въ 1903 году и впервые внесенныя въ роспись 1904 года,—въ ту самую роспись, которую спѣшно пришлось потомъ передѣлывать въ виду неожиданно разразившейся войны съ Японіей.

Съ другой стороны, расходы на войну продолжались и послѣ того, какъ миръ съ Японіей былъ подписанъ. Продолжаются они теперь, когда «революція окончилась». Я уже упомянулъ, что въ роспись 1906 года «на расходы, связанные съ русско-японской

войной и ея послѣдствіями» по отдѣлу чрезвычайныхъ только расходовъ было внесено больше 400 милліоновъ (405.375.775 руб.). Но этихъ денегъ оказалось недостаточно и въ теченіе дѣйствія росписи 1906 года потребовалось, какъ объяснено въ сообщеніи министра финансовъ отъ 1 января 1907 г., дополнительное ассигнованіе въ 62 милл. руб. Въ 1907 году на такіе же «расходы, связанные съ русско-японской войной и ея послѣдствіями», отпущено въ формѣ временныхъ кредитовъ 123.824.777 руб. Наконецъ, теперь, по проекту росписи на 1908 годъ, испрашивается на тотъ же предметъ 66.687.811 руб.

Я отмѣтилъ нѣкоторыя ассигнованія, которыя, такъ сказать, непосредственно связаны, съ одной стороны, съ революціей, съ другой — съ войною. Ихъ всетаки можно было бы разграничить, хотя они и совпали во времени. Но вѣдь былъ произведенъ еще цѣлый рядъ финансовыхъ операцій подъ нераздѣльнымъ, такъ сказать, вліяніемъ войны и революціи. Напомню хотя бы тотъ самый заемъ, которымъ похвалялся г. Коковцевъ, — «заемъ, правда, не въ милліардъ, а въ 843 милліона»... Съ какою цѣлью онъ былъ заключенъ? Для того ли, чтобы оплакать пораженіе, нанесенное Японіей, или для того, чтобы отпраздновать побѣду надъ революціей? Сколько изъ тѣхъ 44 милл. руб., которые значатся теперь въ росписи на уплату процентовъ по этому займу, мы должны поставить на счетъ японцамъ и сколько — на счетъ крамольникамъ?

Отвѣтить на этотъ вопросъ, я думаю, затруднился бы даже министръ финансовъ. Для него желтый и красный цвѣта, какъ я уже сказалъ, сливаются и разграничивать ихъ онъ не видитъ даже надобности. П. Н. Милюковъ въ своей рѣчи отмѣтилъ, что подъ общимъ наименованіемъ «расходовъ, связанныхъ съ русско-японской войною и ея послѣдствіями» въ проектъ росписи внесены 8 милл. рублей на «содержаніе второочередныхъ мобилизованныхъ казачьихъ частей, несущихъ службу по охранѣ внутренняго порядка, и на дополнительное довольствіе войсковыхъ частей, командированныхъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ». Ну, что-жъ такое! — отвѣтилъ министръ финансовъ... Впрочемъ, его взволнованную и потому, быть можетъ, нѣсколько безсвязную реплику лучше будетъ передать подлинными его словами:

Указано, что эти 8 милл. руб.,—сказалъ онъ, — идутъ на содержаніе второочередныхъ казачьихъ полковъ, которые были призваны на службу для содѣйствія полиціи, и указано было, что, кажется, этотъ расходъ не находится ни въ какомъ соотношеніи съ послѣдствіями русско японской войны. Да, съ послѣдствіями русско-японской войны онъ не находится ни въ какомъ соотношеніи, онъ указанъ въ рубрикѣ чрезвычайныхъ расходовъ военнаго вѣдомства, но эти расходы по существу своему чрезвычайны, и въ смѣтѣ объяснено *), что 8 милл. руб. тратятся на содер-

*) Не лишне будетъ напомнить, что „объясненіе въ смѣтѣ" имѣетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ наименованіе и, главное, „номеръ", подъ

жаніе второочередныхъ казачьихъ полковъ, привлеченныхъ на службу для содѣйствія полиціи.

Что это такое, расходъ обыкновенный или чрезвычайный? Какого рода расходы чрезвычайные были мною сегодня перечислены? Второй пунктъ этихъ расходовъ—расходы на войну, военныя экспедиціи, народныя бѣдствія, эпидеміи и др.; что это, не народныя бѣдствія, внутренніе бунты? Не для этого казачьи полки взяты со льготой, не для того они взяты на дѣйствительную службу помогать полиціи, потому что казалось необходимымъ оберегать нашъ внутренній покой, чтобы опять не повторились знаменитыя иллюминаціи? Гдѣ тутъ мѣсто для какихъ-то „манипуляцій", о которыхъ была сегодня рѣчь?

(*Апплодисменты справа; голоса: «Вѣрно!"*).

Конечно, вѣрно! Никакихъ «манипуляцій» тутъ нѣтъ... Тамъ казаки дрались и тутъ дерутся, а съ кѣмъ дерутся—съ иноплеменниками или соотечественниками—это совершенно безразлично...

Разъ для нихъ это безразлично, то для насъ становится тѣмъ болѣе труднымъ разграничить, что сдѣлано въ государственной росписи подъ вліяніемъ войны и что подъ вліяніемъ революціи. Помимо самыхъ свойствъ бюджета, этому препятствуютъ и счетоводныя его особенности. Мы вынуждены поэтому взять фактъ, какъ онъ есть, — не дѣлая различій между тѣмъ, что сдѣлано въ «старомъ домѣ» въ интересахъ исконной государственной задачи—внѣшней обороны страны, и что передѣлано въ немъ ради большихъ удобствъ «обновленной» жизни, наиболѣе характернымъ проявленіемъ которой считается внутреннее «успокоеніе». Для этого достаточно будетъ, какъ я уже сказалъ въ началѣ, познакомиться съ общей планировкой «обновленнаго» дома. Въ этихъ видахъ, какъ мнѣ кажется, лучше всего сравнить нынѣшній бюджетъ съ прежнимъ.

Для сравненія я возьму росписи 1903 и 1908 гг. *). Оста-

которымъ расходы внесены въ роспись. Объединивъ въ послѣдней общимъ „номеромъ" чрезвычайные расходы на войну и на внутреннюю службу, правительство тѣмъ самымъ открыло для себя возможность „сбереженія" по одному параграфу смѣты, относящейся къ этому номеру, обращать на „экстренныя въ теченіе года надобности" по другому параграфу. Такимъ образомъ, если роспись будетъ утверждена, какъ она проектирована, то правительство имѣетъ право обратить деньги, ассигнованныя на полицейскую службу войскъ, на ликвидацію войны съ Японіей и, наоборотъ, сбереженія по ликвидаціи—обратить на усмиреніе крамольниковъ. Кромѣ этого преимущества „номера", и наименованіе его имѣетъ свою психологическую цѣну: никакихъ чрезвычайныхъ расходовъ на революцію по росписи не видно.

*) Роспись 1908 г. имѣется пока лишь въ проектѣ, но при томъ единодушіи, какое наблюдается между думскимъ большинствомъ и правительствомъ, можно быть увѣреннымъ, что этотъ проектъ будетъ утвержденъ безъ существенныхъ измѣненій. Ради краткости, и въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду называть его прямо росписью. Вмѣсто росписи 1908 года можно было бы, конечно, взять отчетъ государственнаго контроля за тотъ же годъ. Но я считаю не совсѣмъ правильнымъ сравнивать между собою „предположенія" по отношенію къ бюджету одного года

навливая свой выборъ на нихъ, я вовсе не хочу этимъ сказать, что до 1903 г. никакихъ приготовленій къ революціи не дѣлалось и что послѣ 1908 г. никакихъ расходовъ на японскую войну не будетъ. Нѣтъ! Ассигновка въ два слишкомъ милліона на полицейскую стражу въ Закавказьѣ вносится въ роспись на основаніи закона, изданнаго еще въ 1899 году; первая изъ серіи крупныхъ прибавокъ, какія дѣлаются за послѣднее время ежегодно на корпусъ жандармовъ, состоялась еще въ 1901 г. и т. д. Точно такъ же и «расходы, связанные съ русско-японскою войною и ея послѣдствіями», въ особенности если подъ ними и впредь будутъ разумѣться расходы «на дополнительное довольствіе войсковыхъ частей, командированныхъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ несомнѣнно, въ 1908 году еще не окончатся, а будутъ производиться и дальше... Что касается общихъ расходовъ на войну и революцію,—въ видѣ, напримѣръ, процентовъ по займамъ,—то избавимся мы отъ нихъ, несомнѣнно, не скоро... Я беру для сравненія 1903 годъ, въ которомъ не было еще военныхъ дѣйствій, и 1908 годъ, въ которомъ, въ виду достигнутаго «успокоенія», не предусматривается уже революціонныхъ потрясеній. Въ промежуткѣ между этими, именно, годами «обновилась» русская государственность...

Если мы сравнимъ бюджетные итоги за 1903 и 1908 годы, то получимъ такія цифры:

	Въ милліонахъ рублей.	
	1903 г.	1908 г.
Обыкновенные расходы . . .	1.880,4	2.317,5
Чрезвычайные » . . .	191,3	198,0
Итого . . .	2.071,7	2.515,5

За пять лѣтъ бюджетъ увеличился почти на полъ-милліарда. Это увеличеніе падаетъ всецѣло на обыкновенные расходы; изъ этого слѣдуетъ, что въ немъ нѣтъ чего-либо экстраординарнаго, свойственнаго только 1908 г.,—оно уже вошло въ норму.

За предъидущее пятилѣтіе (1898—1903 годы) обыкновенные расходы возрасли на ту же приблизительно сумму (на 530.3 милл. руб.). Такимъ образомъ, «обновленіе» Россіи не остановило ихъ наростанія,—даже темпъ этого наростанія остался прежнимъ.

Громадные размѣры русскаго государственнаго бюджета при крайне низкомъ состояніи производительныхъ силъ страны и экономическаго положенія населенія уже давно обращали на себя

съ „выполненіемъ" его въ другомъ году. При выполненіи роспись 1903 г потерпѣла довольно существенныя измѣненія, но возможно, что и роспись 1908 г., послѣ своего утвержденія, окажется выполнённой съ не менѣе значительными отступленіями. Сравнить ихъ съ этой точки зрѣнія пора наступитъ позже. Пока же сравнимъ „предположенія", какія имѣлись тогда и какія имѣются теперь.

вниманіе, а необычайно быстрый ростъ государственныхъ расходовъ, обнаружившійся въ особенности съ начала 90-хъ годовъ,—можно сказать, съ той самой поры, какъ начались голодные годы,—для всѣхъ, кто смотрѣлъ прямо въ глаза дѣйствительности, представлялся прямо угрожающимъ. «Народные прибытки»—какъ ни старался г. Витте завѣрить въ противномъ, но это для всѣхъ было ясно—падаютъ, а государственные расходы такъ быстро растутъ... Что же, въ концѣ концовъ, получится?—съ тревогою спрашивали себя наблюдатели. Получилась революція...

Теперь мы живемъ въ «обновленномъ» строѣ. Мы пережили тяжелую внѣшнюю войну и великую внутреннюю смуту. Въ народномъ достояніи, несомнѣнно, произошелъ громадный ущербъ.. Но за то государственный механизмъ измѣнился... Оказывается однако, что и въ обновленномъ видѣ онъ продолжаетъ работать по прежнему: все въ большихъ и большихъ размѣрахъ разбрасываетъ народныя деньги.

Даже г. Коковцевъ почувствовалъ, повидимому, неловкость выйти съ такимъ аппаратомъ на публику и продемонстрировать его въ качествѣ новинки. Онъ признался, что аппаратъ старый, но только потому... что обновить его невозможно. По контексту рѣчи министра финансовъ совершенно нельзя понять, въ качествѣ чего онъ преподнесъ слушателямъ послѣднее утвержденіе: не то въ качествѣ одной изъ «непреложныхъ научныхъ истинъ», число которыхъ, по его мнѣнію, «въ сферѣ финансовъ весьма ограничено», не то въ качествѣ одного изъ «субъективныхъ взглядовъ и спорныхъ положеній». Но что бы это ни было—рѣдкостная ли въ финансовой сферѣ «непреложная истина» или же выросшее на «широкомъ полѣ» бюрократическаго усмотрѣнія «спорное положеніе»,—сущность его (или ея) такова:

Финансовая система каждаго государства есть плодъ вѣковой работы цѣлыхъ поколѣній; она развивается вмѣстѣ съ исторіей и самою жизнью государства и сильнѣе большинства отраслей государственнаго управленія, сопротивляется всякимъ попыткамъ внести рѣзкія и быстрыя измѣненія въ ея окрѣпшій укладъ, по какимъ бы основаніямъ ни стремились внести эти рѣзкія измѣненія отдѣльныя лица,—будь то государственные люди или общественные мечтатели...

Первые въ угоду послѣднимъ даже эпитетъ «неограниченный» въ примѣненіи къ верховной власти согласились изъ основныхъ законовъ вычеркнуть, но чтобы перемѣнить финансовую систему... нѣтъ! это невозможно...

По справедливости можно сказать, что не нашлось еще такого рычага, будь то Архимедовъ рычагъ, который могъ бы круто перевернуть всю финансовую систему государства, потому что для такого поворота не найдется достаточно твердой точки опоры...

О! если бы такой рычагъ и такая твердая точка опоры нашлись бы! Тогда, конечно, нынѣшній министръ финансовъ согласился бы

сыграть роль Архимеда... Но ихъ нѣтъ. «Сокращать расходы легко только въ рѣчахъ и на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ нѣтъ труда болѣе неблагодарнаго, какъ трудъ по сокращенію государственныхъ расходовъ, совокупность коихъ, по связи ихъ съ жизнью всей страны, напоминаетъ искусную, а иногда и искусственную цѣпь»... И не станетъ же министръ финансовъ разрушать эту цѣпь даже въ искусственной ея части.

Страна можетъ, впрочемъ, утѣшиться... Г. Коковцевъ не рѣшился, повидимому, воспользоваться тѣмъ утѣшеніемъ, къ какому прибѣгалъ въ такихъ случаяхъ въ свое время г. Витте. По крайней мѣрѣ, въ своей декларацiи налегать на то, что «народные прибытки возрастаютъ», онъ не сталъ. Но у него нашлось другое утѣшеніе: государственные расходы съ «тѣмъ же постоянствомъ» и съ «тою же быстротою» растутъ во всѣхъ странахъ: во Франціи, Англіи, Германіи, Бельгіи, Швейцаріи, Италіи... Представитель правительства, которое имѣетъ во всѣхъ этихъ странахъ консуловъ и чуть ли даже не особыхъ финансовыхъ агентовъ, а у себя дома цѣлый рядъ «ученыхъ комитетовъ» съ особыми «учеными секретарями» при нихъ, могъ бы, конечно, дать по этому вопросу самую точную и научно обоснованную справку. Но г. Коковцевъ—ради вящшей убѣдительности, можетъ быть,—предпочелъ занять въ данномъ случаѣ эффектно-небрежную позу: онъ сравнилъ французскіе расходы за 1875 и 1905 годы, швейцарскіе за 1850 и 1900, итальянскіе за 1890 и 1905—6, германскіе за 1874 и 1907. Стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, подыскивать страны и періоды, которые наиболѣе подходили бы по своимъ условіямъ къ тѣмъ, въ какихъ находится сейчасъ Россія? Стоитъ ли рыться въ цифрахъ, чтобы взять для сравненія хотя бы одни и тѣ же годы?.. Цифры—вѣдь это такая скучная матерія. И всетаки, какъ мнѣ кажется, министръ финансовъ проявилъ нѣкоторый избытокъ небрежности. Даже, съ его точки зрѣнія, покопаться въ цифрахъ стоило бы и, напримѣръ, тѣ же германскіе бюджеты слѣдовало бы пересмотрѣть за болѣе долгій срокъ. Если бы для сравненія съ 1907 годомъ взять не 1874, а, напримѣръ, 1870 годъ, то оказалось бы, что въ 1870 году (когда германская имперія еще не существовала) расходы сосѣдняго съ нами государства равнялись нулю, а теперь—2397 милл. марокъ... Какой эффектный—прямо поразительный—выводъ можно было бы сдѣлать: за 37 лѣтъ государственные расходы возрасли въ безконечное число разъ. Если же этотъ выводъ показался бы чрезмѣрно для насъ утѣшительнымъ, то можно было бы взять 1871 или 1872 годъ. Впрочемъ, министръ финансовъ потому, быть можетъ, и взялъ 1874 годъ, что выводъ при этомъ какъ разъ получился въ мѣру. Говорятъ, вѣдь, что небрежныя позы потому только бываютъ иногда эффектны, что онѣ напередъ тщательно разсчитаны.

Какъ бы то ни было, утѣшеніе мы имѣемъ. Въ самомъ дѣлѣ:

если даже въ «тѣхъ странахъ, исторія которыхъ сложилась среди условій менѣе тягостныхъ, нежели тѣ, которыя создали наше отечество», въ «тѣхъ странахъ, которыя не закончили только что, какъ мы, раззорительную и обидную для нашего самолюбія войну, которыя не пережили позорныхъ иллюминацій и другихъ проявленій вандализма», государственные расходы быстро растутъ, то мы-то и подавно разбрасывать народныя деньги можемъ...

Но финансовый аппаратъ, кромѣ разбрасыванія народныхъ рессурсовъ, долженъ еще и выкачивать ихъ. Посмотримъ на него и съ этой стороны. Сравнимъ, какъ онъ работалъ пять лѣтъ тому назадъ и какъ будетъ работать теперь. Обыкновенныхъ доходовъ предположено:

по росписи 1903 г.	1.897,0	милл. руб.
» » 1908 г.	2.318,9	» »

Разница тоже почти въ полъ-милліарда. Выкачивающая часть механизма, судя по этому, нисколько не отстаетъ въ своей работѣ отъ разбрасывающей. Правда, всѣ кругомъ говорятъ—и П. Н. Милюковъ въ своей рѣчи особенно налегалъ на это,—что теперь система исчисленія доходовъ употреблена иная, чѣмъ практиковалась прежде. Раньше—по заведенному при С. Ю. Витте порядку—аппаратъ пускался въ дѣло съ такимъ разсчетомъ, чтобы выкачать больше, чѣмъ сколько предполагалось по росписи. Въ томъ же, напримѣръ, 1903 году обыкновенныхъ доходовъ въ дѣйствительности поступило 2,031,8 милл. руб. вмѣсто предположенныхъ по росписи 1.897,0 милл. руб., т. е. на 134,8 милл. руб. больше. Въ другіе годы эта разница достигала и еще болѣе крупныхъ цифръ. Такая система исчисленія доходовъ практиковалась изъ «осторожности»,—попутно же, какъ бы невзначай, въ распоряженіи правительства ежегодно оказывалась «свободная наличность», значительною частью которой оно, дѣйствительно, распоряжалось совершенно свободно, не стѣсняя себя какими-то тамъ росписями. Кромѣ того, и финансовое благополучіе демонстрировалось съ полною для всѣхъ очевидностью: деньги, можно было говорить, текутъ въ такомъ количествѣ въ казну, въ какомъ ихъ даже не ожидаютъ.

По росписи 1908 г. обыкновенные доходы исчислены, какъ утверждаютъ, въ максимальномъ и, быть можетъ, даже преувеличенномъ размѣрѣ. Возможно, что выкачать столько, сколько предположено, податной механизмъ окажется даже не въ состояніи. Нужно сказать, что министръ финансовъ, отвѣчая П. Н. Милюкову, не отрицалъ того, что доходы исчислены правильно. Таковъ ужъ мой обычай,—пояснилъ г. Коковцевъ и въ доказательство этого сослался на роспись, какъ оказалось, составленную не имъ, а другимъ министромъ. Долженъ сказать, что я лично этимъ вопросомъ не занимался и утверждать, что въ 1908 году податной ме-

ханизмъ свободной наличности не дастъ,—не рѣшился бы. Могу лишь удостовѣрить, что при составленіи росписи «свободной наличности» не было, и въ этомъ отношеніи 1908 годъ, несомнѣнно, отличается отъ 1903 года. Чрезвычайные расходы предположено покрыть:

	Милліоны рублей.	
	1903 г.	1908 г.
Остаткомъ отъ обыкнов. бюджета.	16,7	1,4
Вкладами въ Гос. банкъ на вѣчное время .	2,5	1,9
Изъ свободной наличности	172,1	—
Отъ возврата ссудъ, выданныхъ изъ продов. капитала.	—	5,0
Отъ продажи крупной гос. собственности .	—	0,1
Отъ предстоящихъ кредитн. операцій . . .	—	189,6
Итого	191,3	198,0

Вмѣсто «свободной наличности» главныя надежды пришлось теперь возложить на кредитныя операціи, а кое-какія—даже на ранѣе голодавшихъ, очевидно, при предположеніи, что теперь-то они уже навѣрное пребываютъ въ довольствѣ. Но это еще не доказательство, конечно, что къ концу года «свободной наличности» не будетъ...

Если доходная часть финансоваго аппарата дѣйствительно не только не опережаетъ, какъ это было прежде, но даже начала отставать отъ расходной, то ее, вѣдь, можно усилить. И правительство, несомнѣнно, это сдѣлаетъ. Въ газетахъ уже появилось извѣстіе, что въ совѣтѣ министровъ разсматривается и чуть ли не одобренъ проектъ значительнаго увеличенія ставокъ пассажирскаго тарифа. Судя по тому, что правительство начинаетъ съ этого конца, можно думать, что чувствуется потребность дать заработокъ не только казнѣ, но и частнымъ предпринимателямъ въ лицѣ желѣзнодорожниковъ. У правительства найдутся, конечно, и другіе способы усилить дѣйствіе налогового насоса. И кто знаетъ,—усиленный шумъ, какой поднятъ въ третьей Думѣ около народнаго пьянства, не приведетъ ли въ концѣ концовъ, какъ это и раньше въ такихъ случаяхъ бывало, къ усиленію налогового обложенія. Во всякомъ случаѣ облегченія народу въ этой сферѣ «обновленный строй» не принесъ. И принести не могъ,—утверждаетъ г. Коковцевъ.

Я уже приводилъ это мѣсто изъ декларацiи министра финансовъ, прерванное апплодисментами справа и изъ центра. Читатели, припомнятъ, что мы еще недоумѣвали, неужели Дума апплодировала тому, что «государство не можетъ позволить себѣ въ настоящую минуту такой роскоши, какъ отказъ отъ того или другого вида своихъ доходовъ». Въ качествѣ утѣшенія министръ финансовъ и поэтому случаю преподнесъ странѣ «непреложную истину»: «ни въ одной странѣ міра не наступила еще пора налогового

отдыха». Разъ это такъ, то, понятно, и у насъ его нѣту. «Нѣту... и не жди—не будетъ»—вотъ въ сущности что сказалъ 27 ноября министръ финансовъ Россіи; — почти буквально то же самое, что когда-то бурмистръ Власъ повѣдалъ бабушкѣ Ненилѣ.

Уже много разъ податная Россія слышала этотъ отвѣтъ и, какъ «забытая деревня», долго ждала: «вотъ пріѣдетъ баринъ—баринъ насъ разсудитъ». Дважды уже какъ будто облачко поднималось на дорогѣ и дважды «забытая деревня» — одинъ разъ съ радостной надеждой, другой разъ съ затаенной тревогой — всматривалась въ него, не баринъ ли ѣдетъ. Ребятишки уже хлопали въ ладоши: ѣдетъ! ѣдетъ!.. Но то была ложная тревога.

Теперь баринъ пріѣхалъ... Настоящій баринъ — «господская» Дума. Встрѣчу ея съ министромъ финансовъ мы уже видѣли и, что она скажетъ Россіи, предугадать намъ не трудно. Она, очевидно повторитъ то, что уже сказалъ бурмистръ Коковцевъ: «и не жди—не будетъ»!..

IV.

Разъ ужъ я вспомнилъ бабушку Ненилу, то напомню и то дѣло, по которому ей пришлось обратиться въ помѣщичью усадьбу.

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лѣсу попросила.
Отвѣчалъ: нѣтъ лѣсу, и не жди—не будетъ!..

Дѣло касалось, какъ видятъ читатели, не доходной, а расходной части господскаго бюджета. Бабушка Ненила разсчитывала получить частичку того, что ея баринъ въ свою пользу уже аппропріировалъ. Даже тягаться съ бурмистромъ старуха думала: «баринъ насъ разсудитъ»... Что ей могъ отвѣтить бурмистръ, своего барина, конечно, хорошо знавшій? «И не жди—не будетъ!»

Наивность старой Ненилы столь очевидна, а отвѣтъ барскаго бурмистра такъ естествененъ и, я бы сказалъ, для даннаго строя логиченъ, что теперь, когда отъ общихъ итоговъ я долженъ перейти къ болѣе детальному разсмотрѣнію государственнаго бюджета, останавливаться на его расходныхъ статьяхъ мнѣ представляется какъ будто неловкимъ. Мы видѣли, что расходный бюджетъ, и безъ того громадный, за послѣднія пять лѣтъ, пока «обновлялась» Россія, возросъ еще на полмилліарда. Мы знаемъ, что народныя нужды, и безъ того безмѣрныя, за это время умножились и обострились до чрезвычайности... Но, вѣдь, было бы наивностью думать, что «старый баринъ»—хорошо извѣстный намъ баринъ—для того собиралъ сокровища, чтобы раздать ихъ въ концѣ концовъ нищимъ. Не меньшею наивностью было бы надѣяться, что «новый баринъ» начнетъ именно съ этого.

Новый баринъ... Но мы его уже видѣли. Мы знаемъ уже, какъ

обновился въ лицѣ господъ государственной строй — точь-въ-точь, какъ въ «забытой деревнѣ»:

Наконецъ, однажды середи дороги
Шестернею цугомъ показались дроги:
На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу-то баринъ; а за гробомъ—новый.
Стараго отпѣли, новый слезы вытеръ,
Сѣлъ въ свою карету—и уѣхалъ въ Питеръ...

Въ этомъ и заключалась вся смѣна, къ этому и свелось все «обновленіе»: старый баринъ служилъ весь вѣкъ въ гвардіи и новый отправился туда же...

На ратное дѣло деньги нужны, и необходимыя на этотъ счетъ распоряженія новый баринъ, конечно, сдѣлаетъ. Но до того ли ему теперь—когда предстоитъ новый походъ, когда нужно «отмстить неразумнымъ хазарамъ»—думать о Ненилѣ, о ея развалившейся избушкѣ... Словъ нѣтъ,—

легко доказывать—говорилъ министръ финансовъ — недостаточность расходовъ и необходимость болѣе широкаго удовлетворенія жизненныхъ потребностей страны. Эта область особенно заманчива; въ ней всего легче находятъ себѣ примѣненіе широта замысловъ, горячее желаніе блага народу, столь естественная жажда видѣть повсюду улучшенія и усовершенствованія, быстро смѣняющія собой недостатки и неприглядныя стороны настоящаго.

Говоря коротко, бурмистръ не сомнѣвается, что осчастливить Ненилу его баринъ очень и очень желалъ бы...

Но ни въ одной области нѣтъ большаго различія между желаніемъ и осуществимостью и нигдѣ, какъ именно въ этой области, отъ представителей народа не требуется такого систематическаго сдерживанія полета ихъ мыслей и стремленій, какъ въ области заявленія о новыхъ потребностяхъ, хотя бы самыхъ насущныхъ...

Денегъ и на старыя потребности еле хватаетъ... Объ этихъ старыхъ потребностяхъ, какъ и вообще объ «экономической политикѣ самодержавія» мнѣ уже приходилось въ свое время писать *),—и общія тенденціи, какія ей свойственны, мы тогда себѣ уяснили. Поэтому я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ потребностяхъ, наиболѣе замѣтно уклонившихся въ своемъ развитіи — съ точки зрѣнія направленія или въ отношеніи темпа, — отъ общаго движенія государственныхъ расходовъ. Поищемъ, не найдется ли какихъ новыхъ тенденцій, свойственныхъ обновленному строю.

Сначала съ точки зрѣнія направленія... При общемъ и очень быстромъ наростаніи расходнаго бюджета, по нѣкоторымъ статьямъ мы встрѣчаемъ значительныя сокращенія. Нашлось даже цѣлое вѣдомство, которое обнаружило склонность дать, съ своей стороны, на-

*) См. „Экономическая политика самодержавія". Спб. 1906 г.

селенію «налоговой отдыхъ». Это—морское министерство. На его расходы назначено:

по росписи 1903 г.	116,2 мил. руб.
„ „ 1908 г.	87,1 „ „
Въ 1908 г. меньше на . . .	29,1 мил. руб.

или на 25%. Не можетъ быть, конечно, никакого сомнѣнія, что это результатъ «обновленія», какое претерпѣлъ нашъ флотъ въ битвахъ съ японцами, а отчасти и съ крамольниками. «Нѣтъ труда болѣе неблагодарнаго,—между прочимъ сказалъ министръ финансовъ въ своей декларацiи,—какъ трудъ по сокращенію государственныхъ расходовъ... Сокращеніе старыхъ расходовъ даетъ величину... совершенно ничтожную, и сокращенія эти въ лучшемъ случаѣ требуютъ большого искусства, настойчивости и времени». Но, очевидно, могутъ быть и худшіе случаи, когда сокращеніе старыхъ расходовъ даетъ довольно замѣтную величину, причемъ не требуетъ ни особаго искусства, ни особо много времени. Само собой понятно, однако, что въ подобныхъ случаяхъ вообще и, въ частности, въ только что указанномъ нельзя усмотрѣть какого-либо новаго направленія въ развитіи государственнаго хозяйства. Сокращеніе расходовъ, является для нынѣшнихъ хозяевъ въ данномъ случаѣ вынужденнымъ и, несомнѣнно, временнымъ. Флотъ они, конечно, возстановятъ, и расходы по морскому вѣдомству, не считая чрезвычайныхъ затратъ, быстро догонятъ и, быть можетъ, еще опередятъ многіе другіе. «Мы не можемъ—заявилъ министръ финансовъ—отказаться отъ возстановленія, хотя бы и постепеннаго, медленнаго, распредѣленнаго на рядъ годовъ,—разстроенной войною матеріальной части нашей арміи и оставить наши вооруженныя силы безъ снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ, для исполненія ими святой задачи, которая есть оборона государства и огражденіе его чести и достоинства». Дума встрѣтила это заявленіе апплодисментами. Больше того. Представитель центра, отвѣчая на декларацію, счелъ долгомъ, съ своей стороны, сдѣлать заявленіе—«самое главное и самое важное», какъ выразился онъ.

Союзъ 17 октября полагаетъ,—заявилъ г. Еропкинъ,—что существуетъ одна часть въ государственномъ хозяйствѣ, гдѣ скупость въ расходованіи народныхъ средствъ не только не цѣлесообразна, но и прямо непозволительна. Эта часть—расходы по государственной оборонѣ. Съ этими расходами связано могущество Россіи, ея престижъ среди другихъ державъ, ея развитіе, ея кредитъ. Въ этой области расходы должны быть широки, средства должны быть найдены, и они найдутся...

Такимъ образомъ, въ томъ, что флотъ будетъ возстановленъ, нельзя сомнѣваться. Онъ, быть можетъ, будетъ возстановленъ даже быстрѣе, чѣмъ предполагаетъ министръ финансовъ. Во всякомъ случаѣ, «дружинники» на этотъ счетъ скупиться не станутъ.

Не лишне будетъ при этомъ отмѣтить, что на выполненіе «свя-

той задачи» по росписи 1908 года назначена не меньшая даже относительно (я уже не говорю абсолютно) часть, чѣмъ по росписи 1903 года. На военное и морское министерство, вмѣстѣ съ военными расходами по чрезвычайному бюджету, ассигновано:

	По росписи. 1903 г.	1908 г.
Въ милліонахъ рублей	446,1	578,9
» %% къ общему итогу росписи	21,5	23,0

Такимъ образомъ, если въ этой части финансоваго хозяйства и можно подмѣтить какую-либо тенденцію, то, во всякомъ случаѣ, не впередъ, къ какой-то неизвѣстной еще намъ новизнѣ, а назадъ, къ давно знакомой старинѣ,—ко временамъ Павла, напримѣръ, когда расходы на армію и флотъ поглощали половину всего бюджета, если не ко временамъ Петра, когда они отнимали почти $^4/_5$ всѣхъ государственныхъ рессурсовъ.

Болѣе медленное, чѣмъ въ общемъ итогѣ, возрастаніе и даже почти полную пріостановку необходимо отмѣтить по такому крупному и крайне характерному для нашего государственнаго бюджета отдѣлу, какъ расходы на желѣзныя дороги. Сравнивъ въ этомъ отношеніи росписи 1903 и 1908 гг., мы получимъ такія цифры:

Расходы:	Милл. рублей 1903 г.	1908 г.
На казенныя желѣзн. дороги . . .	419,1	517,1
Пособія частн. общ. по гарантіи .	16,2	33,4
Чрезвычайн. расходы	181,3	66,9
Итого	616,6	617,4

Но и въ этой пріостановкѣ роста желѣзнодорожныхъ расходовъ едва ли можно усмотрѣть какую-либо новую тенденцію. Все заставляетъ думать, что она знаменуетъ собою не поворотъ въ «экономической политикѣ» нынѣшняго правительства, а просто на просто недостатокъ въ его распоряженіи свободныхъ рессурсовъ и невозможность получить ихъ при данныхъ условіяхъ путемъ займовъ.

Мы не можемъ—заявилъ между прочимъ, министръ финансовъ, говоря о неизбѣжности предстоящихъ чрезвычайныхъ расходовъ,—не исправить нашъ желѣзнодорожный инвентарь, приведенный въ разстройство во время исключительной по напряженности службы его въ пору военной невзгоды... Мы не можемъ вовсе отказаться отъ продолженія начатыхъ работъ по сооруженію желѣзныхъ дорогъ или не приступать вновь къ сооруженію тѣхъ изъ нихъ, которыя во всю глубину затрогиваютъ жизненные интересы родины на одной изъ отдаленныхъ нашихъ окраинъ...

Имѣется, какъ извѣстно, вполнѣ уже разработанный планъ усиленія и улучшенія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, выработанный министерствомъ путей сообщенія и, какъ сообщали газеты, уже одобренный междувѣдомственнымъ совѣщаніемъ. Осуществленіе этого плана диктуется не только необходимостью исправить приведенный въ разстройство желѣзнодорожный инвентарь, но и тѣмъ, что «су-

ществующія въ Россіи желѣзныя дороги, какъ казенныя, такъ и частныя,—говорится въ министерскомъ проектѣ,—по причинѣ слабости своего оборудованія, не удовлетворяютъ потребностямъ быстро возрастающихъ перевозокъ грузовъ и пассажировъ и потому служатъ препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію отечественной промышленности и торговли» *). Главное же,—что, можетъ быть, и не говорится въ проектѣ, но что всѣмъ и безъ того извѣстно,—давно уже обнаружившаяся и все возрастающая убыточность желѣзнодорожнаго хозяйства вынуждаетъ правительство во что бы то ни стало изыскать тѣ или иныя мѣры для ея предотвращенія. Само собой понятно, что «приведеннымъ въ разстройство инвентаремъ» доходности не поднимешь... На осуществленіе выработаннаго министерствомъ плана по улучшенію и усиленію казенныхъ желѣзныхъ дорогъ потребуется, по его разсчетамъ, 916 мил. руб., каковые оно и надѣется получить изъ государственнаго казначейства въ теченіе пяти-лѣтняго срока. Какъ только этотъ планъ начнетъ ссуществляться, желѣзнодорожные расходы сразу достигнутъ такой высоты, какъ будто никакой пріостановки въ ихъ ростѣ не наблюдалось. Между тѣмъ, кромѣ улучшенія и усиленія существующихъ уже дорогъ, необходимо докончить начатыя работы по сооруженію новыхъ и приступить къ сооруженію тѣхъ, «которыя во всю глубину затрогиваютъ жизненные интересы родины на одной изъ отдаленныхъ нашихъ окраинъ»... Говоря коротко, горизонты по части желѣзнодорожныхъ расходовъ открываются широкіе.

Вопросъ въ томъ только, найдутся ли деньги... И въ этомъ-то правительство за послѣднее время, повидимому, усумнились. Когда П. Н. Милюковъ 27 ноября упомянулъ о проектѣ въ 916 милл. руб., то министръ финансовъ даже разсердился.

Эти 916 милл. руб. — заявилъ онъ — не только неизвѣстны членамъ Государственной Думы, но они неизвѣстны даже правительству. Они составляютъ предположенія только одного вѣдомства, а одно вѣдомство не можетъ еще точно указать, какъ велики эти потребности и насколько эти потребности посильны государственному казначейству воообще...

Этого не знаетъ и министръ финансовъ: «нельзя спрашивать,—закончилъ онъ свой отвѣтъ по данному вопросу, — какъ пойдемъ мы дальше и какими средствами мы будемъ эти потребности покрывать». Потребности же велики, прямо, можно сказать, «неисчислимы». Взять хотя бы тѣ же желѣзныя дороги: «если нужно 916 милліоновъ для того, чтобы казенную рельсовую сѣть привести въ порядокъ, то нужно одновременно привести частную рельсовую сѣть въ порядокъ и на это придется истратить еще 400 милліоновъ». Понятно, разсердишься: голова и такъ, какъ подумаешь объ этомъ, идетъ кругомъ, а тутъ еще «красные» лѣзутъ, дразнятся: «а деньги гдѣ возьмете»?!..

---

*) „Рѣчь", 1 ноября.

Усумнившись въ одномъ изъ своихъ плановъ, правительство занято теперь, повидимому, тѣмъ, что строитъ на его мѣсто новые. Доходность желѣзныхъ дорогъ, какъ я уже упомянулъ, оно разсчитываетъ поднять повышеніемъ пассажирскаго тарифа. Обдумываетъ оно въ этомъ направленіи и еще кой-какія мѣры, въ родѣ отмѣны льготнаго тарифа на перевозку хлѣба для голодающихъ, лишенія желѣзнодорожныхъ служащихъ права на безплатный проѣздъ и т. п. Но въ голову приходятъ все мелочи. Вотъ по части «приведеннаго въ разстройство инвентаря» дѣйствительно пришла блестящая идея: сдать подвижной составъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ на откупъ. Начались совѣщанія; и откупщики изъ-за границы уже пріѣхали... Но послѣдніе предложили такія условія, что представители частныхъ дорогъ прямо ахнули: нѣтъ, говорятъ, на такую кабалу мы не согласны. Да и газетчики зашумѣли. Такъ дѣло и разстроилось...

Приходится придумывать что-нибудь другое, и придумать надо. Мнѣ кажется, что министръ финансовъ не представляетъ всей громадности стоящей передъ нимъ задачи и всей остроты желѣзнодорожнаго вопроса. Иначе онъ не сказалъ бы: «нужно идти исподволь, медленно...» Желѣзнодорожное дѣло не тѣмъ, вѣдь, только важно, что приходы и расходы по нему составляютъ почти четверть государственнаго бюджета, и не тѣмъ только, что для своего поддержанія оно настойчиво требуетъ — какъ мы только что видѣли — новой прибавки, примѣрно въ 200 милл. руб. ежегодно, изъ государственнаго казначейства. Желѣзныя дороги — вѣдь, это основа экономической политики стараго строя въ послѣднее десятилѣтіе его существованія,—и вамъ, гг. министры, придется опять на нее встать, если вы желаете сохранить этотъ строй подъ именемъ «обновленнаго». Такъ или иначе, но вы должны пустить въ ходъ мѣновое колесо, вы должны создать въ той или иной отрасли народнаго производства «оживленіе»,—иначе вы не достигнете «успокоенія». Правда, мѣновой маховикъ не легко теперь двинуть и двинуть при томъ такъ, чтобы онъ пошелъ ровнымъ ходомъ,—слишкомъ уже большіе онъ имѣетъ размѣры: С. Ю. Витте поработалъ надъ нимъ не напрасно. Но, если вы достанете 1,000—2,000 милліоновъ на желѣзныя дороги, то, быть можетъ, вамъ и удастся эту нелегкую задачу выполнить: маховикъ сдѣлаетъ еще 1—2 оборота, прежде чѣмъ наступитъ время «потопа». Что послѣдній будетъ, — вы, конечно, знаете... Если же я говорю, что колесо сдѣлаетъ до этого всего лишь 1—2 оборота, то имѣю въ виду, съ одной стороны, громадные размѣры приводимаго имъ въ дѣйствіе насоса, а съ другой— что народнаго богатства осталось не такъ ужъ много. Но, можетъ быть, у васъ, чтобы отдалить потопъ, имѣются другія средства? Посмотримъ...

Перейдемъ къ расходамъ, которые за время перехода отъ одного строя къ другому расли быстрѣе общаго итога по бюджету. При

этомъ, въ виду только что сказаннаго, мы должны будемъ остановиться прежде всего на расходахъ «обновленнаго» вѣдомства — «главнаго управленія землеустройства и земледѣлія». Несомнѣнно, что именно въ аграрной сферѣ правительство ищетъ новой опоры для своей экономической политики. Затрогивать громадный аграрный вопросъ во всемъ его объемѣ, я не имѣю, конечно, возможности и потому ограничусь сейчасъ лишь бѣглыми замѣчаніями объ аграрныхъ мѣропріятіяхъ правительства, главнымъ образомъ, съ бюджетной точки зрѣнія.

Отъ сотенъ милліоновъ и даже милліардовъ, съ которыми мы должны были имѣть дѣло, говоря о желѣзныхъ дорогахъ, намъ приходится теперь перейти къ немногимъ милліонамъ и — максимумъ—къ двумъ—тремъ десяткамъ ихъ. Наиболѣе крупныя цифры мы встрѣчаемъ по переселенческому управленію. Начиная съ 1906 года *), его расходы расли такъ:

1906 г.	4,9	милл. руб.
1907 »	12,2	» »
1908 »	19,0	» »

Судя по этой быстротѣ, съ какою расли ассигновки на переселенческое дѣло, можно было бы, пожалуй, думать, что въ этомъ направленіи открываются широкіе горизонты и что въ «новыхъ земляхъ» правительство успѣетъ и при томъ достаточно скоро найти, если не ключъ для разрѣшенія аграрнаго вопроса въ его цѣломъ, то, по крайней мѣрѣ, достаточно солидную опору для своей экономической политики. Повидимому, правительство, дѣйствительно, питало такія иллюзіи. Можно думать, что министръ финансовъ и до сихъ поръ отъ нихъ не отрѣшился. Въ объяснительной запискѣ къ росписи онъ пишетъ: «широкое развитіе въ текущемъ году ходаческаго и переселенческаго движенія, превзошедшее первоначальныя ожиданія и даже потребовавшее дополнительныхъ ассигнованій, заставляетъ ожидать дальнѣйшаго развитія переселенія въ будущемъ году». Иначе, однако, смотритъ теперь на это начальникъ главнаго управленія землеустройства кн. Васильчиковъ,—лучше, конечно, чѣмъ г. Коковцевъ, знакомый съ даннымъ дѣломъ. Въ думской переселенческой коммиссіи онъ заявилъ, что

по мнѣнію правительства, переселеніе не разрѣшаетъ земельнаго кризиса и не можетъ служить панацеей для разрѣшенія аграрнаго вопроса. Даже въ 1907 г. переселилось всего 20% общаго годового прироста населенія, между тѣмъ, въ этомъ году въ Сибирь было направлено максимумъ того, что можетъ быть при данныхъ условіяхъ переселено **)...

*) Главное управленіе землеустройства учреждено въ 1905 году. Нѣкоторые расходы, о которыхъ мы будемъ говорить, производились и раньше—по министерству земледѣлія. Намъ приходится, однако, ограничиться обзоромъ цифръ за болѣе краткій срокъ, такъ какъ номенклатура росписи для „главнаго управленія“ установлена совершенно иная, чѣмъ была прежде для „министерства“

**) „Товарищъ“, 6 декабря.

Разъ максимумъ уже достигнутъ—и при томъ въ 1907 году,— то изъ этого ясно, думается мнѣ, что полагаться на «новыя земли» въ качествѣ опоры для устроенія экономической жизни всей страны не мыслимо. Мечтать о томъ, что они послужатъ въ ближайшемъ будущемъ подспорьемъ для бюджета тоже не приходится...

Съ точки зрѣнія тѣхъ пертурбацій, какія могутъ быть внесены въ экономическую жизнь страны, гораздо важнѣе другое изъ аграрныхъ мѣропріятій правительства, а именно «землеустройство» Расходы на этотъ предметъ за послѣдніе три года были таковы (землеустроительныя коммиссіи, землеустроительные отряды и пособія на землеустройство):

въ 1906 г.	0,9	милл. руб.
» 1907 »	5,0	» »
» 1908 »	9,0	» »

При всей быстротѣ наростанія, сами по себѣ эти расходы такъ не велики,—пока, по крайней мѣрѣ, — что сколько-нибудь значительнаго бюджетнаго значенія не имѣютъ. Что касается экономическихъ послѣдствій, какими они грозятъ русскому народу, то для сужденія объ этомъ пришлось бы обращаться къ даннымъ о мобилизаціи земель, какъ помѣщичьихъ, такъ и надѣльныхъ. Что касается дѣятельности въ этомъ направленіи крестьянскаго банка, то она уже достаточно опредѣлилась: онъ выполняетъ въ сущности ту самую функцію русской государственности, которую передъ тѣмъ выполнялъ дворянскій банкъ, а именно достаетъ деньги и снабжаетъ ими помѣщиковъ. Экономическія послѣдствія его дѣятельности могутъ быть только таковы: неоплатный долгъ, которымъ окажется, быть можетъ, «обвязанной» крестьянская масса, да нѣкоторое «оживленіе» въ дѣятельности ресторановъ и заграничныхъ курортовъ. Болѣе загадочными представляются послѣдствія мобилизаціи надѣльныхъ земель, если таковая разовьется въ достаточно широкихъ размѣрахъ. «Оживленіе», — особенно при той энергіи, какую вноситъ въ это дѣло правительство, можетъ получиться, пожалуй, широкое. Болѣе, чѣмъ сомнительно однако, чтобы это было то самое «оживленіе», которое необходимо для того, чтобы привести экономическую жизнь всей страны въ дѣятельное состояніе. Достаточно напомнить, что это оживленіе будетъ происходить не въ сферѣ производства, а въ совершенно другой области,— я бы сказалъ, въ области грабежа и ростовщичества. Но, вѣдь, если нищій у нищаго суму стащитъ, то отъ этого сыты они не будутъ. Допустимъ даже, что одни изъ нихъ на такой операціи наживутся, (хотя это въ данномъ случаѣ сомнительно, такъ какъ въ мобилизацію надѣльныхъ земель «баринъ», хотя бы въ видѣ крестьянскаго банка, несомнѣнно, вмѣшается), но за то другіе — въ еще большемъ числѣ—окончательно раззорятся: даже сумы у нихъ не останется. Для того, чтобы воспользоваться этой диффе-

ренціаціей, какъ основой для экономической политики, правительству необходимо будетъ послѣднихъ устроить. Уложить ихъ всѣхъ въ могилу несомнѣнно, вѣдь, не удастся. Къ какому же дѣлу оно ихъ приставитъ? Повидимому, желѣзныя дороги строить всетаки придется... «Землеустройство»—это несомнѣнная новизна въ бюджетѣ, но когда я начинаю въ нее всматриваться, мнѣ мерещится старая картина:

Прямо дороженька: насыпи узкія,
Столбики, рельсы, мосты,
А по бокамъ-то все косточки русскія...

Въ ряду другихъ расходовъ, выдѣляющихся своимъ быстрымъ наростаніемъ, новизны мы уже не встрѣтимъ. Какая же новизна, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы въ платежахъ по государственному займамъ, каковыхъ предположено:

по росписи 1903 г.	291	милл. руб.
„ „ 1908 г.	439	„ „

считая въ послѣдней цифрѣ и 53 милл. рублей, какіе придется уплатить въ 1908 году по краткосрочнымъ обязательствамъ. Но, если бы даже эту цифру исключить, то оказалось бы, что на платежи по заемамъ мы тратили въ 1903 году 15,5% обыкновеннаго бюджета, а теперь 16,2%, т. е. приблизительно столько же, сколько въ 1901 году (до «обновленія» этотъ процентъ изъ года въ годъ обнаруживалъ тендецію къ пониженію).

Въ быстромъ наростаніи расходовъ на корпусъ жандармовъ тоже нѣтъ ничего новаго. За послѣднія пять лѣтъ расходъ на этотъ предметъ увеличивается съ 5.191 тыс. руб. до 8.259 тыс. р., т. е. почти на 60%; но, вѣдь, раньше бывали случаи, когда за одинъ годъ, напримѣръ за 1901-й, онъ поднимался на 26%...

Нѣтъ ничего новаго и въ быстромъ увеличеніи другихъ расходовъ на полицейскія надобности: выше я уже отмѣтилъ, что оно началось раньше, чѣмъ государственный строй «обновился».

Единственно, что можно отмѣтить, пожалуй, какъ нѣкоторое исключеніе,—это увеличеніе расходовъ на министерство народнаго просвѣщенія. Ему назначено:

по росписи 1903 г.	39,2	милл. руб.
„ „ 1908 г.	53,1	„ „

Такимъ образомъ изъ полумилліарда прибытковъ, какіе оказались въ барскихъ доходахъ, около 14 милл. руб. пришлось всетаки на долю «забытой деревни». Въ этомъ числѣ значатся и тѣ 5,5 милл. руб., которые предполагалось уже въ 1907 году отпустит на «всеобщее обученіе», но которые были придержаны совѣтомъ министровъ, въ виду строгаго выполненія имъ 116 ст. основныхъ законовъ, и которые теперь вновь внесены въ роспись 1908 года. Я не сомнѣваюсь, что третья Дума утвердитъ этотъ расходъ... Но

при этомъ мнѣ опять приходитъ въ голову «новый баринъ», котораго мы уже видѣли въ деревнѣ. Какъ ни торопился онъ, но выходя послѣ похоронъ изъ церкви, можетъ быть, и сунулъ какую-нибудь мелочь обступившимъ его со всѣхъ сторонъ нищимъ: «вотъ вамъ, всѣмъ вообще»... Даже, навѣрное, сунулъ, — въ столицахъ это, вѣдь, принято дѣлать.

Если бы Ненила была жива, то и ей, вѣроятно, при дѣлежѣ кое-что досталось бы...

V.

«Енъ достанетъ»...

«Налогового отдыха» странѣ «обновленный строй» не далъ и дать не намѣренъ. Но, можетъ быть, «новый баринъ» предполагаетъ всетаки «отказаться отъ того или другого вида своихъ доходовъ, замѣнивъ его другимъ, не менѣе обезпеченнымъ поступленіемъ»? Возможности сдѣлать это министръ финансовъ, какъ мы видѣли, не отрицаетъ, но особой надобности въ этомъ онъ, несомнѣнно, не видитъ. Въ своей декларацiи онъ счелъ даже долгомъ вступить по этому вопросу въ полемику съ «однимъ изъ авторитетовъ *нашей* финансовой науки», который въ одной изъ газетъ написалъ «буквально слѣдующее»:

Нашъ доходный бюджетъ отпечатлѣваетъ въ себѣ по соціальной структурѣ: 1) политическое рабство, 2) пренебреженіе интересами массы и 3) господство группъ владѣющихъ... Въ самомъ дѣлѣ, бюджеты, покоящіеся на налогахъ на потребленіе, свойственны странамъ, политически несвободнымъ.

Для «успокоенія или, вѣрнѣе, убѣжденія» своихъ слушателей, г. Коковцевъ привелъ статистическую справку, что въ свободныхъ странахъ процентъ косвенныхъ налоговъ нисколько не ниже, а въ самыхъ свободныхъ чуть ли не выше, чѣмъ въ Россіи. Надо сказать, что эта справка оказалась еще болѣе «небрежной», чѣмъ справка о расходахъ иностранныхъ государствъ. Но за то она дала возможность министру финансовъ не только «успокоить» своихъ слушателей, но и поставить Россію въ ряду свободныхъ странъ. Для поддержанія престижа и кредита, которыми такъ озабочены октябристы, это что-нибудь да значитъ.

Да позволено мнѣ будетъ сказать,—заявилъ г. Коковцевъ—что нѣтъ намъ особеннаго повода жаловаться на то, что историческая судьба надѣлила насъ слишкомъ рабскою налоговою системою, если мы можемъ поставить себя въ одномъ ряду съ Великобританіей, Германіей и Франціей гдѣ мнѣ неизвѣстно, чтобы управленіе страною было построено на господствѣ группъ владѣющихъ...

(*Апплодисменты. Браво!*)

Если мы уже раньше имѣли налоговую систему, какая приличествуетъ свободной странѣ, то само собой понятно, что мѣнять

ее, по случаю «обновленія» государственнаго строя, не зачѣмъ. Стало быть, и въ росписи искать какихъ-либо на этотъ счетъ нововведеній—нововведеній, сдѣланныхъ по почину министра финансовъ—намъ нечего. И отъ Думы,—отъ «господской» Думы, которую министръ «успокоилъ», что имѣть такую налоговую систему, какъ русская, нисколько не стыдно,—ждать нововведеній не приходится. Если въ доходномъ бюджетѣ мы можемъ встрѣтить что-либо новое, то только то, что принудительно въ него введено,—японцами или крамольниками... Такія новинки есть. Ихъ я только и отмѣчу.

Прежде всего выкупные платежи. По росписи 1903 года ихъ ожидалось 89,2 милл. руб., по росписи 1908 года предположено 0,5 милл. руб. Платежи сошли, можно сказать, на нѣтъ. Едва ли нужно напоминать, кто сложилъ ихъ съ крестьянскаго населенія. Во всякомъ случаѣ, не министръ финансовъ...

Если что слѣдуетъ въ данномъ случаѣ напомнить, такъ это то, что выкупные платежи въ «обновленномъ строѣ» не только на крестьянъ, несомнѣнно, опять налягутъ, но и придавятъ ихъ, быть можетъ, потяжелѣе, чѣмъ то было прежде. Правда, теперь эти платежи появились внѣ государственной росписи и, если будутъ перенесены въ послѣднюю, то, вѣроятно, позднѣе. Но для плательщиковъ, вѣдь, безразлично, какая канцелярія ихъ платежи и недоимки будетъ регистрировать. Такъ или иначе, но крестьяне не только помѣщичью и казенную землю, какая причтется на ихъ долю, хорошо оплатятъ, но и свою надѣльную, быть можетъ, второй разъ окупятъ.

Другая новизна въ доходной части бюджета, которую я долженъ отмѣтить,—это значительное увеличеніе цѣлаго ряда налоговъ, произведенное въ 1904 году въ виду войны съ Японіей. Война кончилась, но налоги, какъ это и раньше многократно бывало, остались.

Что въ жизни взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ,—

могъ бы сказать по этому поводу министръ финансовъ. Впрочемъ, онъ это и сказалъ, заявивъ, что ни отъ одного изъ своихъ доходовъ государство отказаться не можетъ...

Въ остальномъ налоговая система осталась и останется прежней. Правда, правительство внесло нѣсколько законопроектовъ о новыхъ налогахъ, но эти налоги—какъ дважды заявилъ министръ финансовъ—«въ общей совокупности дадутъ намъ немного». «Но что изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого только слѣдуетъ одно—заявилъ г. Коковцевъ,—что, по мнѣнію финансоваго управленія, другихъ налоговъ мы выдумать не можемъ или находимъ невозможнымъ обременить народъ еще новымъ налоговымъ бременемъ». Но увеличивать старые налоги—легко, выгодно и для народа не обреме-

нительно. «Это тоже пунктъ программы»—какъ пояснилъ министръ финансовъ.

Мы увеличили—развилъ онъ свою мысль—ставку табачнаго акциза, мы взяли небольшой доходъ въ видѣ налога съ должностныхъ лицъ, увеличили немного нефтяной доходъ и затѣмъ увеличили въ предѣлахъ административныхъ полномочій цѣну на вино. Мы вынесли всю войну и всю революцію, не вводя новыхъ налоговъ. Это не пунктъ программы? Это не есть указаніе того пути, по которому мы идемъ? Правда, мы не писали большихъ теорій по этому поводу, но, казалось бы, важна не теорія, а важно ясное указаніе того пути, по которому мы идемъ...

Неоцѣнимыя достоинства русской налоговой системы недавно были засвидѣтельствованы во всеуслышаніе лицомъ, которое хорошо эту систему знаетъ. Засвидѣтельствованы они были графомъ Витте въ его рѣчи, сказанной имъ 8 декабря въ государственномъ совѣтѣ. На очереди стоялъ вопросъ о попечительствахъ народной трезвости,—отпускать на нихъ деньги или нѣтъ. Графъ горячо отстаивалъ свое дѣтище и доказывалъ, что деньги давать на нихъ слѣдуетъ. Даже прибавить нужно...

То же, въ чемъ здѣсь упрекали попечительства—говорилъ онъ—мелочи. Вѣдь, балерина, которая танцовала въ народномъ домѣ императора Николая II, танцуетъ также и на казенной сценѣ. Правда, пока попечительства принесли мало пользы. Но это легко поправимо. Теперь существуетъ 6.000 чайныхъ. Если бы попечительствамъ дать 12 милл. руб. на устройство чайныхъ, они открыли бы ихъ 60 тысячъ на 30 тысячъ казенныхъ винныхъ лавокъ. А 12 милліоновъ дать не такъ не возможно. тѣмъ болѣе, что наша финансовая система такова, что часть акциза съ чаю и сахару вернулась бы опять въ ту же казну *)..

«Я преклоняюсь передъ нашей финансовой системой»—прибавилъ, по передачѣ «Новаго Времени», графъ Витте. И дѣйствительно преклониться стоитъ: «нельзя выпить глотка чая или съѣсть куска сахара, чтобы не заплатить казнѣ акцизъ»... Да что чай—сахаръ... Огня безъ этого не засвѣтить, съ голоду и холоду умрешь, даже въ гробъ, не заплативъ въ томъ или иномъ видѣ налога, не ляжешь. Живетъ народъ или мыкается—у казны деньги есть; умирать будетъ—и то казна не оскудѣетъ... При такой финансовой системѣ и балеринъ содержать можно, и на попечительства жертвовать не безвыгодно. Даже милостыню раздавать—и то не накладно...

Правда въ этой финансовой системѣ вскрылась уже одна непріятная черточка: милостыня сдѣлалась, можно сказать, обязательной. Объ этомъ напомнилъ въ своей рѣчи П. Н. Милюковъ, сославшись на свидѣтельство «одного изъ финансовыхъ авторитетовъ».

„Въ результатѣ излишняго отягощенія налогами за послѣднія 10 лѣтъ казна получила изъ 9 центральныхъ губерній Россіи только 407 милліо-

*) „Рѣчь", 9 декабря.

новъ вмѣсто 450 милл. руб., полагавшихся по окладу. Недоимщики составляли 15 проц. Очевидно, населеніе было не въ состояніи платить сверхъ силы. Въ дѣйствительности населеніе не уплатило и этой суммы, потому что въ то же самое время правительство истратило на кормленіе того же самаго населенія 208 милл. руб. Такимъ образомъ казна могла удержать только около половины того, что получила; она потеряла собственно 44 проц. оклада. Очевидно, дальнѣйшее усиленіе бюджета безцѣльно, и лучше было бы просто оставить деньги въ рукахъ населенія". Это мнѣніе было высказано г. Шванебахомъ въ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ нынѣшняго министра финансовъ...

Оно было высказано въ октябрѣ 1903 года, т. е. какъ разъ передъ тѣмъ, какъ государственный строй началъ обновляться. Но и теперь положеніе не измѣнилось.

Цифры говорятъ — продолжалъ П. Н. Милюковъ — слѣдующее: въ 1905—1907 гг. прямые налоги, вмѣстѣ съ выкупными платежами, составляли 550 милл. руб., а на населеніе, пострадавшее отъ неурожая, и его нужды отпущено было 240 милл. руб., т. е. опять-таки почти половина того, что было получено путемъ прямыхъ налоговъ и выкупныхъ платежей, была возвращена ему въ видѣ пособія на бѣдность. Слѣдовательно, положеніе остается прежнее и ясно, что иначе и быть не можетъ послѣ войны, послѣ волненій, послѣ неурожая...

Но жить пока все-таки можно, разъ казна одними прямыми налогами собираетъ въ два раза больше, чѣмъ отпускаетъ «на бѣдность»... Но въ дальнѣйшемъ это соотношеніе можетъ вѣдь измѣниться. Если «пособія» сравняются съ «поступленіями», то, пожалуй, въ концѣ концовъ, ни въ государственной казнѣ, ни въ народной мошнѣ денегъ вовсе не окажется... Но нынѣшній министръ финансовъ этого вовсе не боится. Повидимому, онъ, подобно учителю географіи, о которомъ напомнилъ въ прошлый разъ А. Б. Петрищевъ, полагаетъ, что тѣ, у кого нѣтъ денегъ, могутъ жить, занимая другъ у друга. Во всякомъ случаѣ, когда нынѣшнимъ лѣтомъ одинъ изъ собесѣдниковъ г. Коковцева напомнилъ ему о «послѣдней копѣйкѣ», то онъ даже разсмѣялся:

— Послѣдняя копѣйка!.. Много уже разъ мы ее изъ народнаго кармана доставали, а она все еще какъ будто тамъ имѣется. Ничего! и еще разъ за нею слазаемъ...

Сомнѣнія въ томъ, что они слазаютъ, у насъ быть, конечно, не можетъ. Возможно, что не одинъ даже разъ слазаютъ... И въ концѣ концовъ достанутъ...

О! «ёнъ достанетъ»... и «ребромъ поставитъ»...

Революція кончилась... Это слышится въ послѣднее время все чаще и чаще и притомъ съ разныхъ сторонъ. Революція кончилась—говорятъ одни, торжествуя побѣду. Революція кончилась — говорятъ другіе, оплакивая пораженіе. Революція кончилась—говорятъ третьи и спѣшатъ перейти на мирное положеніе.

Революція кончилась... Когда я слышу это, мнѣ хочется спросить: что это значитъ? Значитъ ли это, что она совершилась?

Читатели понимаютъ, конечно, что меня интересуетъ въ данномъ случаѣ революція не въ вульгарномъ пониманіи этого слова,— не въ смыслѣ вооруженнаго возстанія и другимъ однородныхъ внѣшнихъ проявленій, какими она сказывалась иногда въ исторіи. Меня интересуетъ: совершился ли въ народной жизни поворотъ, который давно уже сдѣлался неизбѣжнымъ? Нашелся ли, наконецъ выходъ въ новое русло, по которому эта жизнь могла бы течь дальше плавно и спокойно?

Въ настоящій разъ мы заглянули въ одну изъ областей народно-хозяйственной жизни. Мы воочію увидали, что старая стѣна стоитъ передъ нею, какъ и прежде. Революція—говорятъ—кончилась... Пусть такъ. Стало быть, начнется новая...

«Умерла Ненила»... Но вѣдь великій народъ не умретъ. Историческій потокъ остановиться не можетъ, — плотина должна быть разрушена.

И если можетъ быть сейчасъ вопросъ, то только о томъ, гдѣ живыя силы начнутъ вновь собираться.

А. Пѣшехоновъ.

Письмо изъ Италіи.

I.

Врядъ ли еще какое-нибудь событіе такъ волновало Италію за послѣднее время, какъ процессъ Нази. Четыре года съ нетерпѣніемъ, весьма понятнымъ, страна ждала дня, когда пресловутый сициліецъ предстанетъ, наконецъ, передъ судомъ, когда можно будетъ знать съ увѣренностью, что злоупотребленія, о которыхъ такъ много говорили и говорятъ, не—«система управленія», а «несчастный случай», котораго-де трудно избѣжать: бываютъ вѣдь несчастья, никто не застрахованъ отъ нихъ!

Въ своеобразныхъ условіяхъ итальянской жизни дѣло Нази получило значеніе крупнаго политическаго факта, расколовшаго страну на два враждебныхъ лагеря: сѣверъ и югъ. И то недовольство, которое еле сдерживается вооруженной силой, которое велетъ Сицилію къ постояннымъ мятежамъ, получило теперь новый источникъ питанія въ этомъ злополучномъ процессѣ.

Нази родомъ сициліецъ. Несомнѣнно, онъ человѣкъ талантливый и блестящій, какъ большинство южанъ, пріѣзжающихъ въ Римъ

завоевывать славу. Римъ не любитъ сицилійцевъ, боится ихъ темперамента, ловкости, политической безпринципности, видитъ въ нихъ счастливыхъ соперниковъ и съ презрѣніемъ называетъ ихъ «африканцами». Нази — типичный сициліецъ: блестящій ораторъ съ демагогическими наклонностями, софистъ и психологъ, знающій толпу. Его рѣчь — образецъ итальянскаго краснорѣчія, бурнаго, красиваго и... безсодержательнаго. Посланный въ палату депутатовъ небольшимъ городомъ на западномъ берегу Сициліи, будущій министръ быстро завоевалъ симпатіи и здѣсь, лавируя то вправо, то влѣво. Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи не только потому, что трудно было бы подъискать партію, которой соотвѣтствовалъ бы этотъ человѣкъ съ однимъ лишь принципомъ: во чтобы то ни стало сдѣлать карьеру. Была другая, болѣе важная причина: онъ былъ депутатомъ отъ Сициліи. Посылая въ палату своихъ избранниковъ, страна даетъ имъ одинъ мандатъ—защищать интересы острова. И потому большинство сицилійскихъ депутатовъ, если они только не правые, сидятъ на лѣвой, въ качествѣ «дикихъ», немного правѣй соціалистическихъ скамей. Не лишне будетъ, хотя бы вкратцѣ, сказать объ особыхъ условіяхъ дѣятельности сицилійскихъ депутатовъ и о причинахъ, вызывающихъ этотъ порядокъ вещей.

Сицилія со временъ глубокой древности—житница Италіи. Доставляя на всю Италію пшеницу, фрукты и вино, островъ положительно хронически голодаетъ. Вся земля находится въ рукахъ нѣсколькихъ десятковъ богатыхъ синьоровъ. Проживая въ Палермо, Неаполѣ, Римѣ, Флоренціи, либо Парижѣ, синьоры хозяйствомъ не занимаются, предпочитая вести разгульную жизнь. Землю же они сдаютъ въ аренду либо полностью, либо участками; въ первомъ случаѣ арендаторъ, въ свою очередь, дѣлитъ землю на участки и раздаетъ ее въ аренду мелкимъ арендаторамъ - крестьянамъ, при чемъ системъ аренды Сицилія знаетъ много, начиная съ системы за отработки и изъ части урожая. Переходя въ руки крестьянъ черезъ посредниковъ-арендаторовъ, земля и арендная плата повышаются изъ года въ годъ, доходя до суммы, которую съ трудомъ выплачиваетъ мелкій арендаторъ. Не мудрено, что мелкія хозяйства гибнутъ, и съ каждымъ годомъ увеличивается число батраковъ. Положеніе же послѣднихъ весьма похоже на положеніе русскихъ земледѣльческихъ рабочихъ. Сицилійскій батракъ питается гнилыми овощами, хлѣбомъ съ мякиной и за работу отъ восхода до захода солнца получаетъ плату, не превышающую $7^1/_2$—8 сольдо—14—15 копѣекъ! Если таково положеніе крестьянства, то не лучше и положеніе промышленныхъ рабочихъ. Сицилія имѣетъ богатѣйшія копи сѣры, это главнѣйшій источникъ заработка рабочихъ острова. Не говоря уже о томъ, что добываніе сѣры въ нѣсколько лѣтъ молодого, сильнаго человѣка превращаетъ въ инвалида, съ трясущимися руками и гноящимися глазами,—плата за трудъ равна 2—2,25 лиры (фран-

ка), включая сюда и оплату труда т. н. «маленькихъ», т.-е. помощниковъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому въ томъ фактѣ, что стачки, демонстраціи и открытые мятежи вспыхиваютъ ежегодно то въ одномъ, то въ другомъ концѣ Сициліи, переходя иногда въ страшные бунты, подавляемые съ безпощадной жестокостью. Темный народъ (въ Сициліи до 70% неграмотныхъ), опутанный духовенствомъ, натравливающимъ его на «тирановъ», плѣнившихъ папу, ненавидитъ Римъ, видя въ немъ чуть ли не единственнаго врага. И когда Сициліи указываютъ, что причиной бѣдственнаго ея положенія являются латифундіаріи, островитяне не безъ основанія говорятъ, что они и правительство—одно и то же. Таковы вкратцѣ причины, по которымъ сицилійскимъ депутатамъ прежде всего приходится быть въ палатѣ сицилійцами. Былъ таковымъ и Нази, но скоро роль пламеннаго трибуна, громящаго правительство, онъ промѣнялъ на кресло министра почтъ и телеграфовъ въ кабинетѣ генерала Пэллу. А когда кабинетъ палъ, Нази усѣлся на старое свое мѣсто на лѣвой и принялся громить враговъ Сициліи и «народа». Не очень долго пришлось ему быть въ оппозиціи. Когда въ февралѣ 1901 г. къ власти былъ призванъ личный другъ Нази — Цанарделли, сициліецъ вошелъ въ кабинетъ, какъ министръ народнаго просвѣщенія.

Отдать справедливость, — Нази работалъ и работалъ много, его кипучая натура и огромное честолюбіе не давали ему сидѣть сложа руки. Италія обязана ему введеніемъ всеобщаго начальнаго обученія, реформой дѣлъ мѣстной учебной администраціи, увеличеніемъ бюджета министерства, поднятіемъ матеріальнаго состоянія учителей и другими реформами. Урвавъ свободный день, министръ уѣзжалъ изъ Рима въ Неаполь, во Флоренцію и тамъ предъ многочисленной аудиторіей излагалъ свои политическія мнѣнія, и нервная толпа бѣшено рукоплескала своему любимцу. Въ это время друзья и продажные журналисты прославляли блестящаго южанина, устраивали ему тріумфы и подготовляли почву для Нази премьеръ-министра.

За этой внѣшней стороной жизни скрывалась «интимная» работа въ кабинетѣ, какъ охарактеризовалъ ее на судѣ одинъ свидѣтель. О ней-то въ концѣ 1903 года повѣдалъ въ палатѣ одинъ изъ лидеровъ соціалистической партіи, Биссолати, заявившій, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія идутъ хищенія и подлоги. Послѣ непродолжительныхъ дебатовъ палата образовала «коммиссію пяти» для разслѣдованія сообщенныхъ Биссолати фактовъ. Работа была спѣшная и тяжелая, такъ какъ надо было разсмотрѣть груду документовъ; впрочемъ, коммиссіи помогалъ самъ Нази. Онъ давалъ вначалѣ показанія, сбившія коммиссію съ истиннаго пути, но когда счеты, представленные Нази, стали контролироваться, когда чиновники министерства, желая замолить собственные грѣхи, стали то-

пить министра, предъ коммиссіей открылся длинный рядъ дѣяній начиная съ простыхъ кражъ. Въ представленномъ палатѣ докладѣ коммиссія перечисляла преступленія министра и требовала преданія его суду. Основныхъ пунктовъ обвиненія было четыре:

1) поддѣлка счетовъ и растраты подъ видомъ расходовъ «на разныя путешествія»;

2) поддѣлка счетовъ и растрата государственныхъ суммъ въ сообществѣ съ секретаремъ министерства Игнатіемъ Ломбардо «по разнымъ статьямъ»;

3) поддѣлки и растраты, относящіяся къ платежамъ фирмъ: Сартеръ, Буэми, Болла; хищеніе денегъ за переплетъ книгъ и предназначенныхъ на постройку гравировальни;

4) хищеніе суммъ изъ фонда «субсидій».

Палата подавляющимъ большинствомъ постановила предать министра суду.

Нази запротестовалъ противъ рѣшенія судить его обычнымъ судомъ первой инстанціи, и послѣ ряда мытарствъ кассаціонный департаментъ постановилъ предать его суду сената.

Не только формальныя причины заставили кассаціонный департаментъ вынести такое рѣшеніе; главной причиной были тѣ демонстраціи, которыя начались въ Сициліи, особенно въ родномъ городѣ Нази—Трáпани. Возбуждаемые друзьями Нази и «назіанской печатью», сицилійцы заявляли, что они не позволятъ оскорбить своего депутата, не позволятъ Риму издѣваться надъ Сициліей и напоминали, что «ножи Сициліи всегда остро отточены». И далѣе: Сицилія-де не допуститъ, чтобы ея депутатъ былъ низведенъ на степень карманника, котораго судитъ уголовный судъ; страна не вѣритъ судамъ и требуетъ сформированія «Alta Corte di Giustizia», т.-е. чтобы сенатъ взялъ на себя судебныя функціи, какъ то предусмотрѣно конституціей королевства.

А когда требованіе сицилійцевъ было исполнено, — Нази не оказалось въ Италіи; на автомобилѣ онъ переѣхахъ границу и оттуда обратился къ своимъ избирателямъ съ пламеннымъ призывомъ твердо стоять за честь родины и его—Нази, ибо не дремлютъ враги Сициліи. И въ отвѣтъ островъ заволновался, и десятки демонстрацій противъ «Рима» прокатились бурнымъ потокомъ. Такъ обстояло дѣло три съ половиной года назадъ. Добавимъ только, что каждый годъ въ Трапани назначались выборы депутата на мѣсто Нази, и каждый разъ избраннымъ оказывался эксъ-министръ.

Весной настоящаго года Трапани избрало опять Нази. Послѣднему надоѣла, вѣроятно, волокита и, чувствуя за своей спиной силу, онъ явился. Въ іюнѣ Нази пріѣхалъ въ Римъ, принялъ присягу и усѣлся на депутатское кресло.

Дерзость сицилійца смутила палату, она растерялась и не знала, что предпринять. Но, очнувшись, палата повторила приказъ объ арестѣ, и эксъ-министръ сталъ охраняться шестью жандарма-

ми, стоящими у подъѣзда его шикарной квартиры. Бѣжавшій Ломбардо (родственникъ Нази) тоже пріѣхалъ въ Римъ и тоже подвергся домашнему аресту. Наконецъ, 5 ноября въ сенатѣ начался долго-жданный процессъ.

II.

Среди руинъ древняго Рима, упираясь въ термы Нерона, сжатый развалинами Circo Agonale, высится дворецъ сената, выстроенный изъ глыбъ Коллизея, покрытый мраморомъ языческой эпохи, работы великихъ мастеровъ великаго Рима. Дворецъ выстроенъ въ XV столѣтіи въ центрѣ средне-вѣковаго Рима, тамъ, гдѣ узкими лентами вьются улицы, гдѣ не видно солнца, гдѣ и до сихъ поръ въ глухую ночь изъ за угла того и жди удара ножомъ. На этой площади, по преданію, жила Екатерина Медичи, и потому площадь назвали: «Piazza Madama». Другіе утверждаютъ, что здѣсь жила дочь Карла V—Маргарита Австрійская, салоны которой видѣли въ своихъ стѣнахъ великихъ мастеровъ кисти и слова, меча и дипломатіи.

5 ноября на исторической площади замѣчалось необыкновенное оживленіе. Группы мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и малолѣтокъ ждали прибытія Нази. И даже маленькіе продавцы каштановъ явились сюда изъ за той стороны Тибра, предлагая благороднымъ синьорамъ «лучшіе въ Италіи» каштаны. А когда появилась окруженная карабинерами карета эксъ-министра, благородные синьоры бросились къ каретѣ, и крики: «Долой Нази» и «Да здравствуетъ Нази» смѣшались съ плачемъ маленькихъ торговцевъ, которымъ въ суматохѣ опрокинули жаровни и высыпали на землю каштаны. Но скоро толпа разсѣялась, а въ сенатѣ «законодательные старцы» приступили къ дѣлу.

Все пошло, какъ и должно идти. Очевидно, произошло недоразумѣніе, очевидно, надъ Нази кто-то посмѣялся, посадивъ его на скамью подсудимыхъ. Такъ по крайней мѣрѣ говорилъ эксъ-министръ. Его рѣчь длилась три часа, она была зла, остроумна, на рѣдкость красива и ничего не было въ ней по существу. Онъ работалъ на пользу дорогого отечества, работалъ, не жалѣя силъ, онъ хотѣлъ принести странѣ пользу, но враги его оклеветали, ему предъявили обвиненіе, требуя оправданія быстраго; но развѣ можно быстро оправдаться? нужно было представить въ защиту много документовъ, а его такъ торопили... И онъ уѣхалъ. Его лишили имени, семьи, отечества; онъ скитался вдали отъ родины. Что онъ сдѣлалъ, спрашиваетъ предсѣдатель? Ничего... Онъ дѣлалъ все по закону, а если и были «маленькіе недостатки механизма»,—великій Боже! они имѣются во всѣхъ министерствахъ. Нази дѣлалъ то, что прочіе министры.

Таково содержаніе этой рѣчи, предназначенной для Сициліи, гдѣ такъ много и сильно любятъ родину, гдѣ Нази считаютъ мученикомъ, пострадавшимъ за родной островъ.

Но начался допросъ свидѣтелей. Прежде всего предстояло выяснить вопросъ, дѣйствительно-ли такъ велики были расходы на путешествія, какъ показывалъ въ счетахъ министръ. И далѣе, сколько стоятъ тѣ путешествія, на которыя деньги брались, а оправдательные документы не представлялись. «Система расходованія денегъ была при мнѣ—говоритъ Нази — прежняя. Всѣ министры берутъ авансы, кромѣ развѣ очень богатыхъ. А потомъ они представляютъ счеты и послѣдніе считаются *законными* (курсивъ мой—П. Р.). Всегда» *). Куда же идутъ эти деньги? Свидѣтели показываютъ, что Нази ѣздилъ по личнымъ дѣламъ, дѣлалъ визиты друзьямъ въ Vicosoprano, Napoli и т. д., и эти расходы министра и его семьи, иногда сопутствовавшей ему, относились на государственный счетъ. Далѣе, Нази не отрицаетъ, что иногда, напримѣръ, во Флоренцію онъ ѣздилъ «разсѣяться», тѣмъ не менѣе и эти поѣздки записывались, какъ расходъ министра. Расходы были колоссальны; счеты въ гостиницахъ, по словамъ Нази, достигали нѣсколькихъ сотъ франковъ въ день, на кареты издерживалось по 150 лиръ въ сутки. Предсѣдатель сената Canonico задаетъ вопросъ, возможно-ли истратить на карету полтораста лиръ въ день. И Нази отвѣчаетъ, что, какъ министръ, онъ долженъ былъ поддерживать престижъ власти (предъ извозчиками?), онъ не могъ стѣсняться, а впрочемъ... «можно сослаться на прецеденты». Въ честь министра давались рауты, оплачиваемые устроителями ихъ, но Нази представлялъ счеты, что издержалъ «на угощеніе». Въ Неаполѣ, какъ показалъ Ломбардо, министръ устроилъ банкетъ для сицилійцевъ, «для соотечественниковъ», какъ говоритъ Нази, и онъ былъ поставленъ въ счетъ, какъ «государственный расходъ». Чиновники молчали, ибо, какъ показываетъ министерскій казначей, «мы не могли вмѣшиваться въ дѣла министра, не могли измѣнять представляемыхъ имъ счетовъ». Посему понятно, что однодневная поѣздка въ Венецію записывалась въ 4000 лиръ (счетъ Нази), въ то время какъ стоила она, по показаніямъ всѣхъ свидѣтелей, всего 500.

Одинъ за другимъ проходили предъ сенатомъ депутаты, чиновники, профессора, городскіе головы, лакеи, содержатели гостиницъ. Дрязги, личные счеты выносились на общественный судъ,— а Нази былъ спокоенъ и почти все время молчалъ. Италія ждетъ разоблаченій, она знаетъ, что эксъ-министръ можетъ заговорить, что его портфель набитъ документами, которые погубятъ не одного политика. Но пока Нази молчитъ.

---

*) Ходъ процесса со всѣми свидѣт. показаніями, рѣчами защитниковъ, комиссаровъ палаты и обвиняемыхъ цитирую по «Avanti» и «Jl Giornale d'Italia».

А затѣмъ началось нѣчто еще болѣе постыдное. Дефилировали свидѣтели, которымъ мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ и, при ироническомъ смѣхѣ комиссаровъ палаты *), при изумленіи публики удостовѣряли, что эксъ-министръ покупалъ для себя на государственный счетъ вазы, лампы, графины, кувшины, картины, принадлежности туалета, фотографировался и фотографировалъ дѣтей. И трясущійся отъ гнѣва Нази заявлялъ, что его удивляетъ наглая мелочность, что счетъ фотографа попалъ случайно къ эконому... А что касается портъ-сигара и блюда, то «они куплены у фирмы Bianchelli не для него, а для его замѣстителя—министра Орландо»!

Таковъ, очевидно, «порядокъ».

Да, Нази дѣлалъ расходы большіе, но онъ ихъ долженъ былъ дѣлать, ибо, какъ представитель правительства, онъ повсюду жертвовалъ на благотворительныя цѣли.

Министръ переносилъ расходы изъ одной рубрики въ другую. Дѣло въ томъ, что Нази тратилъ такія большія суммы, на которыя нельзя было счетъ представить, надо было—все-же куда-нибудь ихъ отнести; и вотъ остроумный министръ заноситъ ихъ въ рубрику «Agraria». Какъ-же это возможно? Нази отвѣчаетъ предсѣдателю: «По предложенію главы кабинета Цанарделли». Но объ этомъ ниже.

Зналъ-ли Нази о томъ, что онъ совершаетъ преступленія, или онъ дѣлалъ все это, какъ прочіе министры, какъ «принято дѣлать»? Отвѣтъ даетъ чиновникъ мин. нар. просв. Rostagno. Однажды его призвалъ министръ и спросилъ, имѣется-ли фондъ, изъ котораго онъ вправѣ дѣлать расходы, не отдавая отчета. Свидѣтель сказалъ, что только министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ секретный фондъ, изъ котораго безконтрольно расходуетъ, сколько желаетъ. Счастливый министръ! Тогда Нази и сталъ заносить свои расходы въ рубрику «Agraria».

Въ то время, какъ Нази заявилъ, что Цанарделли принималъ участіе въ его дѣяніяхъ, давая соотвѣтствующіе на сей счетъ совѣты, стало выясняться, что и самъ глава кабинета былъ не лучше министра народнаго просвѣщенія. Въ № отъ 13 ноября неаполитанская газета «Scintilla» напечатала письмо Цанарделли къ Нази, въ которомъ первый *совѣтуетъ* эксъ-министру войти въ соглашеніе съ различными торговцами относительно поставки матеріаловъ. Такъ, мраморъ Цанарделли рекомендуетъ покупать въ Bateno у X. и т. д. Что-же удивительнаго въ томъ, что Нази слѣдовалъ примѣру главы кабинета и входилъ въ сношенія съ фирмами, получая отъ нихъ за это опредѣленный «гонораръ?» «Коммиссія 5», а затѣмъ и свидѣтели подтверждаютъ, что рядъ

*) Министровъ, обвиняемыхъ палатой и судящихся сенатомъ, обвиняютъ въ Италіи назначаемые палатой 3 комиссара—всѣ изъ состава палаты депутатовъ.

счетовъ—фальшивыхъ, что счета представлялись по два раза, и нѣкоторые торговцы, какъ Ditmar. Bianchelli и др., представляли завѣдомо подложные счета на разныя суммы, начиная съ 240, 250 лиръ. Деньги получались по ассигновкѣ министра, а что было дальше—предоставляется судить читателю.

III.

Основнымъ пунктомъ обвиненія, предъявленнаго къ Нази, является вопросъ о субсидіяхъ. Настоящій процессъ не касался этого пункта, такъ какъ «субсидіямъ», розданнымъ на милліонную сумму, предстоитъ быть освѣщеннымъ въ спеціальномъ процессѣ, имѣющемъ разбираться послѣ настоящаго. Но сенату не удалось миновать «субсидій», какъ ни лавировалъ предсѣдатель. Свидѣтели, защита, обвиненіе какъ-то невольно переходили къ этому пункту, который освѣщаетъ такъ ярко всю дѣятельность продажнаго и подкупающаго чиновничества Италіи.

Прежде всего о самихъ субсидіяхъ. Итальянскій учительскій персоналъ, начиная съ народныхъ учителей, содержимыхъ коммуннами или государствомъ, кончая преподавателями среднихъ школъ и профессорами университетовъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній высшаго типа—всѣ поставлены въ плохія матеріальныя условія. Вслѣдствіе этого, сплошь да рядомъ правительству приходится выдавать субсидіи учителямъ то въ видѣ простыхъ пособій, то въ видѣ премій, наградъ и т. д. Для этой цѣли министерство нар. просв. имѣетъ особый фондъ «субсидій». Первоначально фондъ этотъ распредѣлялся между попечителями учебныхъ округовъ, которые и выдавали субсидіи учителямъ своего округа. Занявъ министерскій постъ, Нази не безъ основанія рѣшилъ реформировать дѣло выдачи субсидій. Созваннымъ по его предложенію попечителямъ и чиновникамъ министерства онъ заявилъ, что попечители часто выдаютъ субсидіи своимъ приближеннымъ учителямъ, оставляя безъ помощи нуждающихся провинціальныхъ учителей. Посему, отобравъ отъ попечителей право раздачи субсидій, Нази предоставилъ это право себѣ и своему кабинету. Съ этого момента и началась раздача «правильныхъ субсидій». Однако, послушаемъ свидѣтелей.

Capelli—главный свидѣтель обвиненія, уважаемый всѣми старикъ, одинъ изъ немногочисленныхъ чистыхъ людей политической Италіи, бывшій предсѣдатель «коммиссіи 5». Онъ заявляетъ, что Нази просилъ разсмотрѣть *всѣ* дѣла министерства за послѣднія десять лѣтъ, чтобы знать, какъ поступали его предшественники. Нази просилъ разсмотрѣть дѣла и другихъ министерствъ. Министръ не отрицалъ фактовъ, онъ только указывалъ, что все, имъ совершенное, не было преступленіемъ, а являлось обычнымъ порядкомъ

веденія дѣлъ, который практикуется всѣми министрами съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Итальянское короловство, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ конституціонно-монархическая Италія.

Cappelli даетъ яркую картину управленія, особенно проявившуюся въ выдачѣ субсидій. За послѣдніе только четыре мѣсяца управленія Нази роздалъ 800 субсидій, изъ нихъ 8 были выданы законно, остальныя 792—беззаконно! Далѣе, изъ 700 тысячъ лиръ розданныхъ въ Римѣ субсидій въ дѣйствительности уплочено только 266 т.; около 450 т. «ушли невѣдомо куда». Настоящимъ учителямъ изъ этихъ денегъ дано только 13 т.; такимъ образомъ, 687 т. (изъ 700) расхищены. И, качая головой, Cappelli прибавляетъ: «La ruota aveva girata bene!» (колесо хорошо вертѣлось). Министръ, припертый къ стѣнѣ, заявилъ коммиссіи, что «согрѣшилъ», уплативъ изъ фонда субсидій по счетамъ,—это оказалось ложью, ибо счета оплачены еще не были, и т. д., и т. д.

Субсидіи раздавались не учителямъ, но ихъ надо было занести куда-нибудь. Мы знаемъ, что онѣ заносились въ другія рубрики, но переполнять эти послѣднія нельзя было, и Нази съ Ломбардо принялись за отвратительные подлоги, изобрѣтая фамиліи, которымъ-де даны субсидіи. Viamin, секретарь парламентской бюджетной комиссіи, показываетъ что фальшивыхъ именъ (Fantasticci, Scopino, Maile и пр. и пр.) была масса. Принимая во вниманіе, что размѣръ субсидіи равнялся 50—100 лирамъ, надо поражаться громадной работѣ, которую несли министръ и секретарь по части изобрѣтенія фамилій.

И когда непрерывной струей проходилъ потокъ показаній профессоровъ, депутатовъ и чиновниковъ, знавшихъ о томъ, что творится въ нѣдрахъ министерства, невольно приходила въ голову мысль, чего молчали такъ долго они, эти разоблачители нынѣ, соучастники преступленія всего четыре года назадъ?

Широкой струей лились деньги изъ министерства народнаго просвѣщенія. Прежде всего Нази поддерживалъ родину, Сицилію. Помимо патріотизма и прочихъ высокихъ матерій, тутъ говорилъ обычный разсчетъ: завоеваніе репутаціи «дома» и будущіе выборы—обычная система взятокъ, практикуемая столь многими итальянскими партаментаріями. Коммиссаръ обвиненія, депутатъ Pozzi хотѣлъ освѣтить этотъ пунктъ, но его прервалъ предсѣдатель. Сенатъ трепещетъ «выйти за рамки обвиненія», ибо тогда Нази заговоритъ, и объемистый портфель министра начнетъ изрыгать документы, которые поведутъ къ скандаламъ. Это—та трудная задача, которая лежитъ на сенатѣ: доказать странѣ, что Alta Corte—безпристрастна, что, съ другой стороны, она не мирволитъ Нази, и въ то же время замять какъ-нибудь неизбѣжный скандалъ на весь міръ. И все-же, кой-что удалось узнать. Стало извѣстно, что фондъ субсидій прежде всего былъ, такъ сказать,

фондомъ Сициліи. Напр., дѣла Трапани шли плохо, городское самоуправленіе еле сводило концы съ концами. Нази выдалъ родному городу 32 т. лиръ, записавъ ихъ подъ рубрики «Lavoro educativo» и «Agraria». «Нази хотѣлъ помочь родному городу», свидѣтельствуетъ тотъ-же Viamin. А посему, помимо этихъ 32 т., министръ давалъ Трапани еще нѣсколько разъ незначительныя суммы по 500, 1000 лиръ. Какъ патріотъ, Нази покровительствовалъ разнымъ сицилійскимъ обществамъ,—это были субсидіи, названныя на судѣ субсидіями «сицилійскимъ патріотамъ». Мы увидимъ ниже, какую роль играютъ онѣ теперь въ процессѣ.

Затѣмъ, оказывается, субсидіи раздавались хорошимъ знакомымъ и пріятелямъ, что видно изъ приведенныхъ выше цифръ, согласно которымъ 8 получившихъ субсидію были учителями, а прочія сотни—«Богъ знаетъ кто».

И, наконецъ, фондомъ субсидій министерство Цанарделли-Нази широко пользовалось для подкупа печати. Цѣлая свора продажныхъ журналистовъ кормилась министерствомъ. Тутъ былъ «миланскій журналистъ», «неаполитанскій писатель», какой-то «Tripra»... Въ бумагахъ, разсмотрѣнныхъ «коммиссіей 5», значилась субсидія Tripra». Коммиссія полагала, что лицо это—вымышленное. Но въ то время, какъ начался процессъ, въ «Tribunali» появилось неизвѣстно какимъ образомъ полученное редакціей письмо Цанарделли къ Нази; письмо безъ даты и гласитъ слѣдующее: «X. (южный журналистъ) настаиваетъ на 6000 лирахъ. Я не вижу надобности дать ихъ ему. Также и по причинѣ того, что онъ не подходящъ. Въ концѣ концовъ, справься съ нимъ самъ» *). Друзья Цанарделли настаиваютъ, что деньги предназначались на открытіе газеты. Нази приходилось рѣшить роковую задачу. Либо сознаться, что «Tripra»—лицо вымышленное, либо указать, кто это. И вотъ защита заявляетъ, что «Tripra»—журналистъ, жившій въ Болоньѣ, получившій субсидію въ 200 лиръ на поѣздку въ Римъ, «чтобы держать экзаменъ». Нѣкій доброволецъ изъ Вероны подтвердилъ, что дѣйствительно въ Болоньѣ жилъ и субсидировался Нази журналистъ «Trippa», который нынѣ «гдѣ-то» въ Америкѣ. Это и есть X.—южный журналистъ. Какъ бы то ни было, даже тутъ двѣсти лиръ превратились въ 6000.

Какъ видитъ читатель, интересъ процесса не въ самомъ Нази, а въ системѣ управленія, при которой всѣ министры смотрятъ на государственное казначейство, какъ на собственный кошелекъ,—въ системѣ состоящей изъ подкуповъ, взятокъ, подлоговъ, простого воровства...

И въ этой системѣ центръ тяжести процесса. Хотя свидѣтели обвиненія, задрапировавшись въ тогу благородныхъ чувствъ, клеймятъ нынѣ Нази, но многіе изъ нихъ крайне подозрительны.

---

*) Цитирую по «Il Messaggero», № отъ 19 ноября.

Чтобы не утомлять читателя мелочами, я остановлюсь на двухъ эпизодахъ различнаго характера, которые типичны для итальянской жизни.

Давалъ показанія бывшій депутатъ, профессоръ Ciccotti. Онъ выступалъ въ палатѣ противъ Нази, теперь онъ одинъ изъ главныхъ свидѣтелей обвиненія, его показаній ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ. Онъ начинаетъ политическую рѣчь: «Нази былъ врагомъ Италіи, онъ былъ депутатомъ юга, Сициліи». Онъ все дѣлалъ для Юга. Предсѣдатель прерываетъ свидѣтеля, понимая, что этими необдуманными словами Ciccotti подтверждаетъ мнѣніе островитянъ, что Римъ борется съ Сициліей и желаетъ ее оскорбить, затѣявъ процессъ Нази. Профессоръ дѣлаетъ сенсаціонное заявленіе: министры, даже враги Нази, не хотѣли процесса. Нынѣшній глава кабинета, Джіолитти уговаривалъ свидѣтеля не дѣлать въ палатѣ запроса о Нази. Предсѣдатель останавливаетъ свидѣтеля, ибо тотъ переноситъ дѣло «изъ области юридической въ плоскость политическихъ распрей».. Свидѣтель распространяется о преступленіяхъ Нази и, чувствуется, въ этомъ человѣкѣ говоритъ личная вражда къ экс-министру. А когда Ciccotti кончаетъ показаніе, Нази разворачиваетъ портфель, долго шаритъ въ немъ и невозмутимо спрашиваетъ:

— Признаетъ ли это письмо своимъ уважаемый профессоръ? — Блѣдный Чиккотти разсматриваетъ письмо, еще болѣе блѣднѣетъ, лепечетъ «признаю» и безсильно опускается на стулъ. Письмо передается предсѣдателю и прочитывается при онѣмѣвшемъ залѣ. Скандальное письмо! Ciccotti проситъ Нази назначить конкурсъ въ Мессинскомъ университетѣ, гдѣ желалъ бы занять мѣсто ректора, предпочитая, однако, чтобы Нази *назначилъ* его, устранивъ конкурсъ. Нази добавляетъ: «Я отказалъ профессору, ибо лично ввелъ систему конкурса, чтобы устранить фаворитизмъ. Съ тѣхъ поръ Ciccotti—мой врагъ». Если таковъ этотъ свидѣтель съ громкимъ именемъ, что же говорить о прочихъ, большинство которыхъ не сегодня-завтра сами очутятся на скамьѣ подсудимыхъ?

А вотъ депутатъ Saporito. Его блестящей, горячей рѣчи, какъ докладчика «комиссіи 5», Нази обязанъ преданіемъ суду. Saporito—человѣкъ безукоризненной, по-итальянски, репутаціи, и къ его словамъ прислушиваются. Онъ показываетъ, что и въ другихъ министерствахъ много ошибокъ и подлоговъ, ибо «всѣ политики, достигшіе власти, сами портились и портили другихъ», но Нази превзошелъ всѣхъ. Процессъ, по мнѣнію Saporito, усугубляется тѣмъ, что Сицилія, по увѣренію многихъ, готовится строить баррикады... Пока она спокойна (ироническій голосъ Нази: «Мнѣ это нравится!»). Сицилія прозвала свидѣтеля Каиномъ, «онъ убиваетъ брата». Да, свидѣтель—сициліецъ, но онъ прежде всего итальянецъ, истина дороже ему всего. Свидѣтель кончилъ...

— Правда ли,—спрашиваетъ Нази:—депутатъ Saporito уѣж-

день, что я оказалъ давленіе на судей, разсматривавшихъ дѣло убійцъ брата Saporito?

Это—старая исторія. Молва говоритъ, что братъ Saporito, занимавшійся политикой и личный недругъ Нази, былъ заколотъ наемными убійцами, подосланными экс-министромъ. Его трупъ нашли въ лужѣ крови гдѣ-то въ кривомъ переулкѣ. А когда убійцъ нашли и начался судъ, Нази употребилъ свое огромное вліяніе, чтобы смягчить приговоръ. И тогда началась вражда двухъ семей: Нази и Сапорито. Нынѣ Saporito мститъ предполагаемому убійцѣ своего брата... Вскакиваютъ адвокаты и, указывая на Saporito, кричатъ: «Въ немъ говоритъ родовая месть»...

А зрители, сенаторы, коммиссары совершенно невозмутимы: они присутствуютъ при обычной сценѣ изъ итальянской жизни, наполненной и до сихъ поръ кровью, взятками и шантажемъ.

IV.

Итальянцы падки до всевозможнаго рода развлеченій, особливо характера экстравагантнаго. Толпа разсматриваетъ явленія съ точки зрѣнія ихъ «интересности»; такимъ образомъ разсматривалось и разбирательство дѣла Нази. И нечего говорить, что, когда начались разоблаченія, онѣ именно трактовались и толпой и большинствомъ печати, какъ явленія «скандальныя», а потому—интересныя.

А между тѣмъ, разоблаченія увеличивались. Послѣ указаній на роль въ дѣлѣ Нази министровъ Цанарделли и Джіолитти, соціалистическій органъ «Propaganda», издающійся въ Неаполѣ, опубликовалъ заявленіе, что располагаетъ документами, имѣющими подтвердить, что многіе высокопоставленныя лица получали взятки отъ банкира Россо, между прочими и обвиняемый Ломбардо. Въ тотъ же день въ утренней римской газетѣ «Lavita» извѣстный композиторъ Масканьи помѣстилъ письмо въ редакцію весьма любопытнаго содержанія. Нѣкій «желающій быть маркизомъ», въ погонѣ за титуломъ и по установившимся обычаямъ покупать таковые, пожертвовалъ 400 т. лиръ на нужды министерства нар. пр. Деньги были получены Нази, но съ тѣхъ поръ (пятый годъ уже) о нихъ, а также о титулѣ для жертвователя ничего не слышно. А тамъ пошли другія разоблаченія, такая грязь, въ которую нѣтъ охоты втаскивать читателя. Положеніе Нази дѣлалось тяжелѣй съ каждымъ днемъ; съ другой стороны, сенату дѣлалось трудно, почти невозможно лавировать среди подводныхъ мелей, которыми изобиловалъ процессъ. И... предсѣдатель сената заболѣлъ. Разсчетъ былъ понятный: палата депутатовъ должна была приступить къ занятіямъ черезъ недѣлю, несомнѣнно вопросъ о Нази будетъ тамъ возбужденъ, надо было подождать, сенату незачѣмъ было принимать на себя иниціативу въ осужденіи Нази.

«Заболѣвшаго» Canonico замѣнилъ товарищъ предсѣдателя, извѣстный физикъ Blaserna, и, хотя процессъ продолжался, было ясно, что онъ будетъ сорванъ. Нази все болѣе ожесточался, наступалъ моментъ «раскрыть портфель», но обошлось безъ этого, ибо дѣло «сорвали» на законномъ основаніи.

Вкратцѣ исторія «срыва» такова. Когда Ломбардо и обвиненіе потребовали вызова новыхъ свидѣтелей (въ началѣ процесса), Нази отказался отъ своего права вызова, не желая тормазить дѣла, ибо «выясненіе истины», какъ онъ неоднократно заявлялъ, «желательно возможно скорѣе».

Но нашелся другой поводъ. Въ засѣданіи 20 ноября экс-министръ потребовалъ, чтобы сенатъ отдалъ приказъ объ удаленіи изъ дома стражи, которая входитъ въ квартиру и «оскорбляетъ честь семьи» Нази. Предсѣдатель обѣщалъ снестись по этому вопросу съ подлежащими властями. Защита приступила къ «формальнымъ поводамъ», чтобы сорвать дѣло. Адвокатъ Martini возбудилъ вдругъ ходатайство о разсмотрѣніи документовъ бюджетной комиссіи, упрекая послѣднюю въ плохомъ веденіи отчетности и доказывая невиновность Нази. Остановленный Блазерной, адвокатъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ говорить, сенаторы вскакиваютъ съ мѣстъ, и начинается крикъ, среди котораго слышны отдѣльныя фразы: «Комиссары—враги Нази!» «Долой нахальнаго адвоката!» «Узнаете Сицилію»! Сенаторы требуютъ лишенія Martini слова, но тотъ кричитъ: «Мы требуемъ представленія отчетности другихъ министерствъ, чтобы знали, что творится тамъ, мы требуемъ вызова нашихъ свидѣтелей по вопросу о субсидіяхъ»... Сенатъ долго совѣщался и постановилъ, наконецъ: въ вызовѣ свидѣтелей и въ требованіи представленія отчетностей другихъ министерствъ защитѣ отказать. Доигрывается послѣдній актъ: адвокаты заявляютъ, что, лишенные возможности защищать кліента, они считаютъ свое присутствіе излишнимъ. Защита ушла, сенатъ рѣшилъ отложить процессъ до прінсканія Нази казенной защиты, и процессъ былъ отложенъ до 3 декабря. А черезъ недѣлю открылась сессія палаты; Сицилія стала слать сотни телеграммъ президенту парламента, требуя освобожденія Нази; экс-министръ на основаніи § 45 конституціи требуетъ освобожденія отъ ареста и допущенія въ парламентъ; уже образована «коммиссія 9» для разсмотрѣнія ходатайства Нази и представленія палатѣ доклада... А пока идетъ вся эта неразбериха, президентъ сената разослалъ сенаторамъ повѣстки, что «назначенное на 3 декабря возобновленіе процесса Нази откладывается на неопредѣленное время»...

V.

Въ то время, какъ на площади Мадама судили Нази, въ Сициліи дѣлалось все неспокойнѣе. И газетчики, выкрикивавшіе «Il processo Nasi!», неизмѣнно добавляли «Disordini in Sicilia!» Самыя незначительныя газеты отправили въ Сицилію корреспондентовъ, ибо было извѣстно, что на островѣ будетъ неспокойно.

Въ день открытія суда римскія газеты были переполнены сообщеніями о Сициліи. Изъ Палермо телеграфировали, что «огромная толпа ждетъ выхода газетъ. Когда онѣ появились, ихъ рвали изъ рукъ». Такія же телеграммы были изъ Трапани, Мессины и др. городовъ. «Il Giornale d'Italia», солидный органъ солиднаго Сонино, сообщалъ, что «отправка газетъ въ разныя мѣста острова увеличилась во сто разъ»; такъ интересуется Сицилія процессомъ Нази. Чѣмъ дальше шелъ процессъ, тѣмъ все большее волненіе охватывало страну. Послѣ того, какъ Нази заявилъ въ сенатѣ, что его семью оскорбляютъ жандармы, послѣ ухода защиты и перерыва въ процессѣ, островъ охватило какое-то бѣшенство. Уже въ тотъ же день телеграмма изъ Caltanissetta гласила, что «вечеромъ учащіеся устроили демонстрацію протеста противъ послѣдняго засѣданія Alta Corte. Со знаменами толпа прошла по улицамъ, крича: «Да здравствуетъ Нази!» Изъ Трапани телеграфировали, что «на биржѣ, на улицахъ царитъ огромное оживленіе, толпа увеличивается съ каждой минутой. Говорятъ многочисленные ораторы. Образовался агитаціонный комитетъ, ежедневно засѣдающій».

На другой день (22 н.) изъ Сициліи пришли тревожныя телеграммы.

Въ Трапани «учащіеся покинули школы, которые прекратили занятія. Послѣ бурнаго собранія, на которомъ произносились зажигательныя рѣчи, учащіеся со знаменами въ рукахъ прошли по улицамъ, крича: «Долой Джіолитти, да здравствуетъ Нази!» У городского дома стояли уже другія толпы, когда подошли учащіеся. Полиція и карабинеры хотѣли арестовать нѣкоторыхъ демонстрантовъ, толпа противилась. Войска обнажили шашки, имѣются раненые. Тогда барабаннымъ боемъ и сигналами трубъ предупредили демонстрантовъ объ атакѣ. Толпа разсѣялась, но на короткое время. Вторично карабинеры бросились на толпу, вырвали знамя (національное) и изорвали его въ клочки. Усиливается волненіе». Вторая депеша изъ Трапани сообщала, «что ораторы призываютъ народъ къ спокойствію, но имъ не даютъ говорить, прерывая проклятіями. Еле удалось сдержать толпу обѣщаніемъ, что на завтра (23-е) назначенъ большой митингъ. Префектъ принялъ всѣ мѣры на случай возможныхъ безпорядковъ. До поздней ночи войска оставались наготовѣ».

Тутъ и «раненые саблями», и «надлежащія мѣры» властей, все, что хорошо извѣстно русскимъ гражданамъ. Принимая во вниманіе легкую возбудимость итальянцевъ и ихъ темпераментъ, не трудно представить, что было въ Трапани. Но не только нервничалъ родной городъ Нази. Изъ Палермо въ этотъ день телеграфировали: «Въ 7 ч. вечера началась демонстрація. Къ безпорядкамъ власти приготовились со всѣми силами. Вчера и сегодня въ городъ стянуто большое число агентовъ и войска. Собираются тысячи подписей подъ петиціей въ палату депутатовъ, въ которой будетъ изложена просьба проконтролировать дѣятельность администраціи министерства за послѣднія десять лѣтъ». Изъ Girgenti телеграфировали объ «импозантной демонстраціи народа», на которой кричали обычные «долой» и «да здравствуетъ».

А затѣмъ въ событія вмѣшались городскія самоуправленія. 24 ноября городской совѣтъ Трапани послалъ телеграмму президенту палаты, требуя возвращенія Нази въ парламентъ, чтобы онъ могъ исполнить порученіе, данное ему единодушно населеніемъ Трапани». Въ то же время палермскій комитетъ «Pro-Nasi» пригласилъ на собраніе всѣхъ гор. головъ Сициліи, дабы «всѣ города Сициліи дали своимъ депутатамъ мандатъ быть въ палатѣ въ первый день, чтобы возбудить ходатайство объ освобожденіи Нази отъ ареста».

Событія шли crescendo. 24 ноября «префектъ Трапани воспретилъ собранія. Толпа до 10 т. человѣкъ собралась въ церкви и на улицахъ, къ ней прилегающихъ. Город. гол. прочелъ резолюцію, принятую гор. совѣтомъ» и уѣхалъ въ Римъ передать ее лично президенту палаты. Расходясь, толпа устроила демонстрацію, «разсѣянную силой»... А въ вечернія газеты телеграфировали изъ Трапани: «Въ городъ продолжаютъ прибывать подкрѣпленія войсками и карабинерами» (жандармами). Того же числа сообщалось, что изъ Калабріи въ Сицилію «на усиленіе гарнизоновъ» отправлены войска.

25-го ноября въ Трапани шли уже стычки съ войсками, народъ пѣлъ «Карманьолу», вновь вступали войска. Въ Палермо цѣлый день шли демонстраціи, въ Мессинѣ студенты били стекла въ учебныхъ заведеніяхъ, не прекратившихъ занятій, а когда подошли войска, на помощь студентамъ бросилась толпа, и началось побоище. Нѣсколько человѣкъ было арестовано. Финалъ: «У правительственныхъ зданій разставлены войска, по улицамъ дефилируютъ патрули»...

И далѣе краткая телеграмма изъ Катаніи: «Идутъ стычки съ карабинерами. Началась забастовка учащихся».

26-го ноября Трапани было заполнено войсками. Мы не будемъ перечислять всего, что произошло въ городѣ за этотъ день, но вечеромъ, послѣ небольшихъ стычекъ, у префектуры «толпа вступила въ драку съ войсками, раздавался барабанный бой»... «Положеніе

угрожающее», заканчивалась телеграмма. Вторая лаконически извѣщала: «Подошли новыя подкрѣпленія». 26-го учащіеся Трапани объявили забастовку.

Въ Палермо въ этотъ день происходило собраніе сицилійскихъ депутатовъ. Толпа двинулась къ муниципалитету, но была разсѣяна. Въ школахъ прекратились занятія, а по улицамъ цѣлый день шествовали демонстранты, распѣвая «Марсельезу».

Въ тотъ же день забастовали студенты въ Мессинѣ, происходили стычки и аресты. Въ Modica забастовка охватила всѣ школы... А съ континента шли войска «усмирять африканцевъ».

27-го положеніе дѣлъ стало столь серьезнымъ, что кабинетъ экстренно собрался на совѣщаніе: Трапани объявило всеобщую забастовку, а Caltanissetta, Modica, Palermo и др. города обсуждали тотъ же вопросъ. Въ Мессинѣ шли крупныя демонстраціи, весь островъ пылалъ и вотъ-вотъ готовъ былъ поднять открытое возстаніе. Правительство переправило экстренно изъ Калабріи конницу и артиллерію и отдало приказъ эскадрѣ спѣшно плыть въ Мессину. Телеграммы изъ этого послѣдняго гласили, что «управленіе портомъ назначило пункты, къ которымъ должны причалить коммерческія суда, чтобы очистить мѣсто для эскадры».

Взрывъ негодованія охватилъ островъ. Толпы народа изъ деревень хлынули въ города, сицилійцы вооружались, чѣмъ попало, печать будировала массы. Одинъ за другимъ Messina, Palermo и т. д. давали депутатамъ своимъ мандатъ «стоять за честь родины и Нази». Депутаты отвѣтили, что исполнятъ мандатъ, и просили успокоиться. Чтобы имѣть представленіе о томъ, что творилось 27-го ноября въ Сициліи, приведемъ телеграмму изъ Трапани: «Городъ имѣетъ видъ опустошеннаго лагеря: идетъ генеральная забастовка. Парализована торговая жизнь, заперты промышленныя предпріятія, кафе, школы, прекращены занятія въ судѣ и преторахъ (миров. суды). Городъ занятъ войсками. Признаки жизни замѣтны только по небольшимъ группамъ и патрулямъ войскъ и полиціи. Войска стоятъ бивуаками у трибунала и у другихъ помѣщеній въ полномъ боевомъ вооруженіи. Подкрѣпленія безпрерывно подходятъ. Утверждаютъ, что недалеко отъ острова Egadi (на западъ отъ Сициліи) стоятъ военные корабли. Всѣ экстренныя военныя приготовленія закончены. Энтузіазмъ жителей растетъ. На биржѣ происходило собраніе, разошедшееся потомъ. Демонстрація была крупная, толпа была безконечна (immensa). На каждомъ шагу при видѣ полицейскихъ и жандармовъ, стоящихъ патрулями на углахъ, толпа кричала: «Abasso i ladri della Banca Romana!» *).

Въ Палермо, Катаніи, Мессинѣ и Ликатѣ также шли стычки

---

*) (Долой воровъ римскаго банка!) Усиленно говорятъ, что теперешній глава кабинета Джіолитти, будучи заправилой Banca Romana, похитилъ оттуда колоссальную сумму денегъ.

съ войсками. Депутаты Сициліи и городскія управленія съ большимъ трудомъ удержали народъ отъ столкновеній. Комитеты «Pro Nasi», видя, что дѣло зашло слишкомъ далеко, употребили все свое вліяніе на то, чтобы успокоить населеніе. И островитяне временно отложили палки, ножи, кинжалы и револьверы.

VI.

На дняхъ палата приступила къ дебатамъ по поводу доклада «коммиссіи 9» о законности ареста Нази. Въ зависимости отъ рѣшенія парламента, сенатъ возобновитъ процессъ или прекратитъ его. Но если процессъ возобновится, трудно предугадать, чѣмъ онъ кончится. Съ одной стороны, слишкомъ много важныхъ персонъ замѣшано уже и еще будетъ замѣшано въ дѣло ограбленія Италіи, и всѣ тайныя пружины будутъ, конечно, пущены въ ходъ, чтобы не дать разыграться страшному скандалу, чтобы не губить окончательно и безъ того подмоченную репутацію сановниковъ королевства.

Съ другой стороны, голодная и темная страна нуждается въ поводѣ. Она ищетъ враговъ своихъ и не находитъ: вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на скопленіе земель въ рукахъ нѣсколькихъ десятковъ синьоровъ и энергично бороться за земельную реформу,—темный народъ ищетъ другого выхода. Опекаемый монахами, онъ ненавидитъ «Римъ» вдвойнѣ, ибо проповѣдь духовенства направлена по линіи доставленія возможно большихъ непріятностей «тиранамъ», а Нази, готовые ежеминутно занять министерское кресло и «управлять», ведутъ, какъ и монашество, агитацію противъ Рима, но на почвѣ національной, племенной. Въ молодомъ королевствѣ, такъ недавно еще объединенномъ, между отдѣльными провинціями еще много треній, и нерѣдко споръ ведется въ плоскости національной, ибо тосканцы — одинъ народъ, пьемонтцы — другой, сицилійцы—третій и т. д.; такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ итальянцы. И ничего нѣтъ легче, какъ возбудить вражду національную въ темныхъ и голодныхъ массахъ; вотъ почему для смиренныхъ учениковъ Лойолы и честолюбцевъ à la Nasi Сицилія—благодарная страна, гдѣ можно долго еще ткать паутину религіозно-патріотическаго сорта.

П. Я. Рыссъ.

P. S. Настоящее письмо было уже набрано, когда газеты принесли извѣстіе, что палата большинствомъ 239 голосовъ противъ 91, высказалась за утвержденіе ареста Нази. Газеты прибавляютъ, что извѣстіе объ этомъ произвело сильнѣйшее впечатлѣніе, и что въ пользу Нази готовятся новыя демонстраціи.

Ред.

Политика.

Изъ итоговъ 1907 года.—Международные вопросы.—Соглашеніе между Японіей, Франціей, Россіей и Англіей.

I.

Международныя политическія соглашенія, состоявшіяся между Франціей и Японіей, Японіей и Россіей, Россіей и Англіей, представляются замѣтными событіями истекшаго года, значительно уменьшающими шансы возможныхъ военныхъ столкновеній. Франко-японская и русско-японская конвенціи, заключенныя въ 1907 году, даютъ взаимную гарантію сохраненія statu quo на Дальнемъ Востокѣ. Японія измѣнила войною 1904—1905 гг. положеніе на Дальнемъ Востокѣ въ свою пользу, затѣмъ въ 1905 году Англія въ союзномъ трактатѣ съ Японіей гарантировала ей это новое положеніе, а теперь японской дипломатіи удалось получить отъ Франціи и Россіи полное признаніе незыблемости новаго положенія и взаимной въ томъ поруки.

Новое заключается въ томъ, что Корея всецѣло предоставлена японцамъ; что имъ же уступлены Квантунская область и южный Сахалинъ; что Маньчжурія и правый берегъ Амура возвращены Китаю; и что послѣднему гарантированы территоріальная цѣлость и независимость при политикѣ открытыхъ дверей. Это новое, созданное японскими побѣдами 1904—1905 гг. и въ сущности условленное въ портсмутскомъ мирномъ трактатѣ 1905 года, теперь, черезъ два года, снова торжественно признано Россіе съ обязательствомъ не только не нарушать, но и защищать это statu quo. Это большое пріобрѣтеніе для Японіи. Это пріобрѣтеніе и для международнаго мира. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ русско-японская конвенція 1907 года является пріобрѣтеніемъ и для Россіи, которой она обезпечила-бы миръ на Дальнемъ Востокѣ на долгое время, если бы не другія русско-японскія конвенціи того же 1907 года, торговая, рыболовная, желѣзнодорожная, заключающія въ себѣ сѣмена новыхъ осложненій и столкновеній. Объ этомъ ниже. Относительно политической русско-японской конвенціи слѣдуетъ признать ее выгодною обѣимъ сторонамъ, а такъ же и другимъ заинтересованнымъ державамъ и народамъ. Тоже надо сказать и о франко-японской конвенціи, тоже устраняющей опасность осложненій и столкновеній на Дальнемъ Востокѣ и въ водахъ Тихаго Океана и составляющей, вмѣстѣ съ англо-японскимъ трактатомъ 1905 года и упомянутою русско-японскою политическою конвенціей 1907 года, могущественную основу для мирнаго развитія тѣхъ странъ и на-

родовъ. Англо-японскій договоръ проложилъ путь для франко-японскаго, франко-японскій—для русско-японскаго, а этотъ послѣдній для англо-русскаго, выработаннаго и заключеннаго тоже въ 1907 году.

Впрочемъ, надо говорить не объ англо-русской конвенціи, а объ англо-русскихъ конвенціяхъ, потому что ихъ цѣлыхъ три. Одна касается Тибета, другая—Афганистана, а третья Персіи. На всемъ этомъ пространствѣ отъ Китая до Турціи существовало до русско-японской войны чувствительное треніе между русскою и британскою политикою. Существовало постоянное опасеніе, что треніе перейдетъ въ открытое столкновеніе, исходъ и развитіе котораго никто не могъ бы предвидѣть, но которое во всякомъ случаѣ грозило огромными бѣдствіями значительной части человѣчества. Три англо-русскія конвенціи, заключенныя въ 1907 году, устранили-бы всякую опасность этихъ бѣдствій, если бы въ Россіи воцарился порядокъ, прочный, согласный съ народными желаніями и потому внушающій всѣмъ довѣріе. Шаткость политическаго состоянія Россіи является единственнымъ облакомъ, умаляющимъ огромное значеніе англо-русскаго соглашенія и лишающимъ человѣчество полной увѣренности въ устраненіи всякихъ конфликтовъ между Россіей и Англіей по средне-азіатскимъ вопросамъ.

Въ послѣдніе годы XIX в. и въ первые три года XX в. особенно усилилось треніе между Англіей и Россіей по дѣламъ Тибета. Здѣсь Англія давно добивалась открытія двери для торговли и установленія политическаго вліянія, которое прикрывало бы сѣверную границу Индіи при помощи Тибета подобно тому, какъ сѣверо-западная граница была прикрыта при помощи Афганистана. Господствующіе классы въ Тибетѣ не желали ни англійской торговли, ни англійской политики. Ихъ представители проникли въ Петербургъ и здѣсь нашли покровительство. Это связало руки англичанамъ. Начались переговоры, по обычаю русской дипломатіи длинные и неискренніе. Въ это то время вспыхнула война на Дальнемъ Востокѣ и какъ только обнаружился явный перевѣсъ японцевъ, англичане почувствовали свои руки развязанными и двинули военную экспедицію въ Тибетъ. Тибетцы были разбиты, ихъ столица взята, ихъ верховный владыка Далай-Лама изгнанъ, Россія не могла придти на помощь, ея престижъ оказался подорваннымъ. Правительство тибетское приняло продиктованныя англичанами условія, сравнительно мягкія, не способныя оттолкнуть побѣжденныхъ. Тибетцы обязались открыть двери для торговли и уплатить контрибуцію, а до этой уплаты предоставили англичанамъ оккупировать провинцію Думби, черезъ которую идутъ единственно сносные пути изъ Индіи въ Тибетъ. Уплата контрибуціи очень бѣдными тибетцами очень затруднительна и англійская оккупація имѣетъ всѣ шансы быть не временною. Значеніе этого англо-тибетскаго договора было усилено тѣмъ, что онъ былъ утвержденъ Китаемъ,

котораго вассаломъ считается Тибетъ. Нынѣ это положеніе утверждено и англо-русскою конвенціею. Эта конвенція признаетъ, что обѣ державы обѣщаютъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Тибета и что торговыя права всѣхъ иностранцевъ одинаковы, но фактически только англичане могутъ воспользоваться торговыми преимуществами. Съ другой стороны, русское вліяніе совершенно устранено и надолго невозможно, благодаря тому, что Россія не заступилась за Тибетъ. Такимъ образомъ, соглашеніе съ Тибетомъ утверждаетъ два факта, изъ-за которыхъ чуть не возгорѣлась война, именно: вторженіе англійской торговли и утвержденіе англійскаго вліянія съ долгосрочною оккупаціею въ придачу. Ничего другого англичане никогда не добивались и теперь могутъ поздравить себя и свою дипломатію съ блестящимъ успѣхомъ.

Давно было условлено между Россіей и Англіей (еще въ 1873 году въ нотахъ графа Гренвилля и князя Горчакова), что Афганистанъ находится внѣ сферы русскихъ интересовъ и русскаго вліянія. Однако, со стороны Россіи были объявлены оговорки относительно сѣверной границы Афганистана. Эта неопредѣленность давала себя чувствовать и въ первые годы XX вѣка, когда началъ обостряться тибетскій вопросъ. Въ это время, въ самомъ концѣ 1903 года, проникли въ печать слухи, что Англія готова въ этомъ вопросѣ идти на уступки и склонна признать весь бассейнъ Аму-Дарьи входящимъ въ сферу русскихъ интересовъ. Но вспыхнувшая война переговоры прервала. Теперь они были возобновлены и окончились конвенціей. Само собою разумѣется, что въ ней нѣтъ проектированныхъ раньше уступокъ и весь Афганистанъ, включая и лѣвый берегъ Аму-Дарьи, исключенъ изъ сферы русскихъ интересовъ и русскаго вліянія. Конвенція утверждаетъ все, чего домогалась Англія въ теченіе тридцати лѣтъ и чего не желала признать Россія.

Эти крупныя уступки въ тибетскомъ и афганскомъ вопросѣ въ сущности не наносятъ ущерба дѣйствительнымъ интересамъ Россіи и устраняютъ лишніе поводы къ вооруженному столкновенію. А это выигрышъ и для Россіи. Тѣмъ не менѣе, это уступки и уступки крупныя. Говорятъ, онѣ компенсируются англійскими уступками въ Персіи...

II.

Международныя соглашенія, о которыхъ шла рѣчь выше, являются соглашеніями политическими. Теперь мы поведемъ рѣчь о соглашеніяхъ экономическаго характера или съ преобладающимъ экономическимъ характеромъ. Таково англо-русское соглашеніе о Персіи. Таковы русско-японскія соглашенія о торговлѣ и мореплаваніи, о рыболовствѣ въ русскихъ территоріальныхъ водахъ и соединеніи русскихъ и японскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Маньчжуріи.

Послѣдняя большого интереса не имѣетъ и заключена въ цѣляхъ увеличенія удобствъ пассажирскаго и товарнаго движенія. Ее мы оставимъ въ сторонѣ и остановимся подробнѣе на двухъ остальныхъ русско-японскихъ конвенціяхъ и на англо-русской о Персіи. Выше я уже упомянулъ, что она считается особо выгодною для Россіи. Существенное этой конвенціи заключается въ слѣдующихъ статьяхъ:

«Правительства Россіи и Великобританіи, взаимно обязавшись уважать цѣлость и независимость Персіи и желая искренно сохраненія порядка на всемъ протяженіи этой страны и ея мирнаго развитія, равно какъ и постояннаго установленія одинаковыхъ преимуществъ для торговли и промышленности всѣхъ другихъ народовъ;

принимая во вниманіе, что каждое изъ нихъ имѣетъ, по причинамъ географическаго и экономическаго свойства, спеціальный интересъ въ поддержаніи мира и порядка въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Персіи, смежныхъ или сосѣднихъ съ русской границей, съ одной стороны, и съ границами Афганистана и Белуджистана, съ другой; и желая избѣжать всякаго повода къ столкновенію между ихъ взаимными интересами въ персидскихъ провинціяхъ, о которыхъ было упомянуто выше;

согласились о нижеслѣдующихъ положеніяхъ.

I. Великобританія обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать въ пользу британскихъ подданныхъ, равно какъ и въ пользу подданныхъ третьихъ державъ, какихъ-либо концессій политическаго или торговаго свойства, какъ-то: концессіи желѣзнодорожныя, банковскія, телеграфныя, дорожныя, транспортныя, страховыя и т. д.—по ту сторону линіи, идущей отъ Касри Ширина черезъ Исфаганъ, Іездъ, Хаккъ и оканчивающейся въ точкѣ на персидской границѣ при пересѣченіи границъ русской и афганской, и не противиться, ни прямо, ни косвенно, требованіямъ подобныхъ концессій въ этой области, поддерживаемыхъ россійскимъ правительствомъ. Считается, конечно, условленнымъ, что мѣстности, упомянутыя выше, входятъ въ область, гдѣ Великобританія обязуется не домогаться вышесказанныхъ концессій.

II. Россія, съ своей стороны, обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать въ пользу россійскихъ подданныхъ, равно какъ и въ пользу подданныхъ третьихъ державъ, какихъ-либо концессій политическаго или торговаго свойства, какъ-то: концессіи желѣзнодорожныя, банковскія, телеграфныя, дорожныя, транспортныя, страховыя и т. д.—по ту сторону линіи, ведущей отъ Афганской границы черезъ Газикъ, Бирджандъ, Керманъ и оканчивающейся въ Бендеръ-Аббасѣ, и не противиться, ни прямо, ни косвенно, требованіямъ подобныхъ концессій въ этой области, поддерживаемымъ британскимъ правительствомъ. Считается, конечно, условленнымъ, что мѣстности, упомянутыя выше, входятъ въ

область, гдѣ Россія обязуется не домогаться вышесказанныхъ концессій.

III. Россія обязуется, со своей стороны, не противиться, не уговорившись предварительно съ Англіей, тому, чтобы какія-нибудь концессіи были выдаваемы британскимъ подданнымъ въ областяхъ Персіи, расположенныхъ между линіями, упомянутыми въ статьяхъ I и II.

Великобританія принимаетъ тождественное обязательство въ томъ, что касается концессій, могущихъ быть выданными русскимъ подданнымъ въ тѣхъ же областяхъ Персіи.

Всѣ концессіи, существующія нынѣ въ областяхъ, указанныхъ въ статьяхъ I и II, сохраняются.

IV. Условлено, что доходы всѣхъ персидскихъ таможенъ, за исключеніемъ таможенъ Фарсистана и Персидскаго залива, доходы, обезпечивающіе погашеніе и проценты по займамъ, заключеннымъ правительствомъ шаха въ учетно-ссудномъ банкѣ Персіи до дня подписанія настоящаго соглашенія, будутъ обращаемы на тотъ же предметъ, что и въ прошломъ.

Равнымъ образомъ условлено, что доходы персидскихъ таможенъ Фарсистана и Персидскаго залива, равно какъ и доходы рыбныхъ ловель на персидскомъ побережьи Каспійскаго моря, а также почтъ и телеграфовъ, будутъ обращаемы, какъ и въ прошломъ, на платежи по займамъ, заключеннымъ правительствомъ шаха у персидскаго шахиншахскаго банка до дня подписанія настоящаго соглашенія.

V. Въ случаѣ неисправностей въ погашеніи или уплатѣ процентовъ по персидскимъ займамъ, заключеннымъ въ учетно-ссудномъ банкѣ Персіи и въ персидскомъ шахиншахскомъ банкѣ до дня подписанія настоящаго соглашенія, и если представится необходимость для Россіи установить контроль надъ источниками доходовъ, обезпечивающими правильное поступленіе платежей по займамъ, заключеннымъ въ первомъ изъ сказанныхъ банковъ, и расположенными въ области, упомянутой въ статьѣ 2 настоящаго соглашенія, или же для Великобританіи установить контроль надъ источниками доходовъ, обезпечивающими правильное поступленіе платежей по займамъ, заключеннымъ во второмъ изъ сказанныхъ банковъ, и расположенными въ области, упомянутой въ статьѣ I настоящаго соглашенія,—правительства россійское и англійское обязуются войти предварительно въ дружественный обмѣнъ мыслей въ видахъ опредѣленія по взаимному согласію означенныхъ мѣръ контроля и избѣжанія всякаго вмѣшательства, которое не было бы согласно съ принципами, служащими основаніемъ настоящему соглашенію».

Особую выгодность для Россіи приведенной конвенціи обыкновенно усматриваютъ въ томъ, что сфера русскихъ концессій гораздо больше, нежели сфера, предоставленная для англійскихъ

концессій. Дѣйствительно, если на картѣ провести двѣ линіи, какъ онѣ указаны въ первыхъ двухъ статьяхъ конвенціи, то сфера русскихъ концессій занимаетъ территорію много обширнѣе сферы британскихъ концессій. Къ тому же въ русскую сферу входятъ самыя богатыя и населенныя провинціи, Адербиджанъ и большею частью Иракъ и Хоросанъ съ самыми большими и промышленными городами (Тегеранъ, Исфаганъ, Тавризъ, Мешхедъ). Съ другой стороны, въ британскую сферу не входитъ ни одинъ значительный городъ (Ширазъ и Буширъ лежатъ въ полосѣ между русскою и британскою сферами), а провинціи (Мекранъ и Сеистанъ) изобилуютъ пустынями. Все это правда, но и засимъ нельзя не усомниться въ особыхъ выгодахъ этого соглашенія для Россіи.

Прежде всего, не отъ одной Англіи зависитъ раздача концессій на территоріи, указанной первою статьею конвенціи. Концессіи надо получить у персидскаго правительства. Англія не будетъ конкуррировать, но нѣмцы, французы, голландцы, бельгійцы и т. д. будутъ, конечно, конкуррировать и при обильныхъ и дешевыхъ капиталахъ будутъ конкуррировать съ успѣхомъ. Если въ Персіи установится народное правленіе, то, несомнѣнно, персы пожелаютъ сохранить въ собственныхъ рукахъ перечисляемыя въ I и II статьяхъ предпріятія. Но если бы даже, по несчастію для персовъ, этого не случилось и правительство шаха осталось бы столь же деспотическимъ, какъ было, а страна поэтому столь же угнетенною и разоренною, то и тогда отсутствіе капиталовъ въ Россіи (иностранные капиталы нужны самой Россіи) и отсутствіе подходящихъ людей (серьезныхъ предпринимателей, а не хищниковъ) не допустили бы русскихъ использовать условленныя преимущества. Конечно, можно и въ Персіи, какъ въ Маньчжуріи, акціонерными компаніями маскировать правительственное хозяйство, но это повело бы лишь къ новымъ тяготамъ и безъ-того разореннаго русскаго народа. При современныхъ условіяхъ русской жизни, всякія условленныя выгоды должны обращаться въ новыя бѣдствія. Можно отъ всего сердца пожелать, чтобы концессіи, о которыхъ говоритъ конвенція, шли мимо насъ и чтобы чаша сія, наполненная бѣдою и нищетою, не досталась русскому народу, которому и такъ приходится пить много подобныхъ чашъ.

Итакъ: освобожденная Персія не пожелаетъ раздавать концессіи иностранцамъ; порабощенная и разоренная Персія ихъ будетъ раздавать, но западные конкурренты, богатые и знающіе, имѣютъ больше шансовъ; русскіе предприниматели, безъ капиталовъ, но съ большими аппетитами, сами безсильны создать дѣло; наконецъ, если имъ дадутъ капиталы казенные, то плакали народныя денежки... Таковы огромныя выгоды, которыя предоставляетъ Россіи англо-русская конвенція! Если правительство не пожелаетъ повторить разорительной маньчжурской авантюры, то на эту конвенцію надо смотрѣть, какъ на соглашеніе не экономическаго, но по преиму-

ществу политическаго характера. Запретъ русскихъ концессій и предпріятій на территоріи, указанной въ II статьѣ, гарантируетъ англичанамъ безопасность ихъ западной границы (западной границы Афганистана и Балуджистана) и ближайшихъ къ ней морскихъ береговъ. Въ этомъ весь смыслъ англо-русской конвенціи о Персіи, такъ что и эта конвенція даетъ Англіи все, что ей надо, ничего не давая Россіи, потому что англичане никогда не собирались дѣлать стратегическіе подступы къ Кавказу или Закаспійской области. Они только себя берегутъ, и всѣ три англо-русскія конвенціи имѣютъ то единственное значеніе, что увеличиваютъ безопасность сѣверной и западной границъ Индіи. Они увеличиваютъ вмѣстѣ съ тѣмъ шансы мира, и за это и мы, русскіе, должны быть имъ благодарны. Англо русскій конфликтъ, какъ Дамокловъ мечъ, висѣвшій надъ головою міра, если не устраненъ совершенно, то значительно смягченъ, а на ближайшее время и совсѣмъ устраненъ. Правда, во всѣхъ трехъ конвенціяхъ Россіи пришлось очистить позиціи, какія она занимала раньше, но это естественное и неизбѣжное послѣдствіе серьезнаго пораженія, понесеннаго Россіей на сопкахъ Маньчжуріи и на водахъ Желтаго моря и Корейскаго пролива. Упроченіе англійскихъ позицій въ Тибетѣ, въ Афганистанѣ и въ восточной Персіи явилось послѣдствіемъ японскихъ побѣдъ и теперь, въ 1907 году, признано Россіей.

III.

Русско-японскія хозяйственныя соглашенія явились тоже послѣдствіемъ японскихъ побѣдъ. Поэтому, конечно, и отъ нихъ нельзя ожидать выгодъ Россіи и слѣдуетъ ожидать не мало выгодъ Японіи. Конвенція о торговлѣ и мореплаваніи содержитъ много статей, но сущность всей конвенціи совершенно ясно формулирована въ статьѣ I, которую и приводимъ дословно:

«Подданнымъ каждой изъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ предоставляется, при соблюденіи ими законовъ страны, полная свобода пріѣзда, путешествія или проживанія на какомъ бы то ни было мѣстѣ территоріи другой договаривающейся стороны, при чемъ они будутъ пользоваться полнымъ покровительствомъ, какъ сами лично, такъ и относительно своихъ имуществъ.

Они будутъ имѣть свободный и легкій доступъ къ судебнымъ учрежденіямъ для отыскиванія или защиты своихъ правъ; они могутъ наравнѣ съ туземными подданными избирать и пользоваться услугами повѣренныхъ, адвокатовъ и уполномоченныхъ для вчиненія исковъ и отвѣта по искамъ передъ означенными судами, и относительно другихъ предметовъ судебнаго порядка они будутъ пользоваться всѣми правами и преимуществами, какія предоставлены туземнымъ подданнымъ.

Подданные каждой изъ обѣихъ договаривающихся сторонъ относительно всего, что касается права проживанія и путешествія, владѣнія какого бы то ни было рода движимыми имуществами или вещами, передачи движимыхъ имуществъ путемъ наслѣдства по завѣщанію или закону и права располагать какимъ бы то ни было способомъ всякаго рода имуществомъ, какое они могутъ законно пріобрѣсти, будутъ пользоваться на территоріи другой стороны тѣми же преимуществами, льготами и правами, какія предоставлены туземнымъ подданнымъ или подданнымъ, либо гражданамъ наиболѣе благопріятствуемой націи, и не будутъ въ этомъ отношеніи подвергаемы никакимъ налогамъ или сборамъ болѣе высокимъ, чѣмъ тѣ, которымъ подлежатъ туземные подданные или подданные, либо граждане наиболѣе благопріятствуемой націи.

Подданные каждой изъ договаривающихся сторонъ будутъ пользоваться на территоріи другой стороны полною свободою совѣсти и могутъ, при соблюденіи законовъ, предписаній и правилъ, исполнять свои религіозные обряды въ частныхъ или общественныхъ помѣщеніяхъ; равнымъ образомъ они будутъ пользоваться правомъ хоронить или сжигать тѣла своихъ умершихъ соотечественниковъ по своимъ религіознымъ обычаямъ на приличныхъ и приспособленныхъ къ тому мѣстахъ, которыя будутъ для этой цѣли устроены и содержимы.

При этомъ разумѣется, что во всемъ, что касается земледѣлія, права собственности на недвижимыя имущества и пользованія земельными участками на какихъ-либо иныхъ основаніяхъ, японскіе подданные въ Россіи и россійскіе подданные въ Японіи будутъ пользоваться тѣми же правами, кои предоставлены подданнымъ или гражданамъ наиболѣе благопріятствуемой націи.

Они не будутъ ни подъ какимъ предлогомъ подвергаться повинностямъ или сборамъ инымъ или болѣе высокимъ, чѣмъ тѣ, какимъ подлежатъ или будутъ подлежать туземные подданные, либо граждане наиболѣе благопріятствуемой націи.

Подданные каждой изъ договаривающихся сторонъ, проживающіе на территоріи другой стороны, не будутъ привлекаемы ни къ какой обязательной военной службѣ, какъ въ сухопутныхъ войскахъ или во флотѣ, такъ и въ національной гвардіи или въ ополченіи; они будутъ изъяты отъ всякихъ повинностей, налагаемыхъ взамѣнъ личной службы, отъ всякихъ насильственныхъ займовъ и всякихъ военныхъ требованій и платежей.

Сказанное изъятіе не распространяется на повинности, связанныя съ владѣніемъ земельной собственностью, ни на военныя повинности и реквизиціи, къ исполненію которыхъ могутъ быть призваны туземные подданные, въ качествѣ собственниковъ, арендаторовъ, наемщиковъ, и владѣльцевъ недвижимости».

Эта статья, какъ и всѣ остальныя, ее развивающія и дополняющія, вездѣ выдерживаютъ этотъ тонъ полнаго равенства. Однако-

это равенство совершенно фиктивное и не надо какихъ-либо особыхъ соображеній, чтобы признать такую конвенцію огромнымъ выигрышемъ японцамъ и значительномъ ущербомъ для Россіи. Амурскій и Уссурійскій край, Камчатка, Сѣверный Сахалинъ, даже Забайкалье, даже Восточная Сибирь лежатъ очень далеко отъ центровъ русской культуры и русскаго населенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, близко отъ Японіи съ ея густымъ населеніемъ, старою культурою и новымъ капитализмомъ. При этихъ условіяхъ равноправность представляется явнымъ неравенствомъ и японизація русскаго Дальняго Востока становится естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ русско-японскаго торговаго договора.

Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что вся совокупность современной экономической политики русскаго правительства будетъ важнымъ факторомъ, который долженъ ускорить японизацію русскихъ владѣній по берегамъ Тихаго океана и въ Пріамурьѣ. Предполагаемое упраздненіе porto franco, нынѣ охватывающаго все Пріамурье до Байкала, и установленіе покровительственныхъ пошлинъ для ввозимыхъ товаровъ не только увеличитъ дороговизну въ тѣхъ краяхъ, но и сдѣлаетъ выгоднымъ перенесеніе туда торгово-промышленныхъ предпріятій. Теперь ввозятъ японскій товаръ. Тогда японцы постараются его производить въ самой странѣ, устраивая тамъ фабрики и заводы и заселяя страну своими капиталами и своими рабочими. Съ другой стороны, разрушеніе сельской общины и переводъ надѣльныхъ земель въ разрядъ частновладѣльческихъ откроетъ двери и для перехода земельной собственности въ руки иностранцевъ, который теперь затрудненъ отсутствіемъ частновладѣльческихъ земель въ краѣ внѣ городовъ.

Рыболовная конвенція только усугубляетъ серьезность этого положенія. Эта конвенція дѣлитъ все русское побережье на три разряда: въ 34 бухтахъ японцы не допущены, въ Амурскомъ лиманѣ они допущены съ ограниченіями и на всемъ остальномъ протяженіи они пользуются равными правами съ русскими. Имъ предоставлено устраивать на самомъ берегу ватаги для засола рыбы и мѣсто для ремонта судовъ. Кромѣ рыбы и всѣ остальные морскіе продукты (тюлени, моржи, сивучи, киты, черепахи, устрицы, морская капуста и пр.) почитаются входящими въ понятіе pêche. т. е. японцы могутъ заниматься и ихъ ловлею и добываніемъ' Все это, давая японцамъ широкій доступъ къ русскимъ берегамъ и къ естественнымъ богатствамъ этихъ береговъ, создаетъ могущественные японскіе интересы въ краѣ и привлеченіе массы японскаго рабочаго люда, содѣйствуя японизаціи края, и безъ того предрѣшенной торговою конвенціей.

Хуже всего въ этомъ положеніи то обстоятельство, что можно предвидѣть столкновеніе между русскими и японцами, промышленниками, рабочими. Уже на Камчаткѣ было такое столкновеніе.

Шереховатости между американскими и японскими рабочими на Дальнемъ Западѣ Америки тоже не слѣдуетъ забывать. Между тѣмъ національныя столкновенія могутъ привести и къ столкновенію государствъ, создаютъ опасность международнаго конфликта. Конечно, японскія побѣды создали необходимость этихъ уступокъ, дѣлающихъ японцевъ хозяевами на русскомъ Дальнемъ Востокѣ. Безпросвѣтный шовинизмъ правящей бюрократіи, при совершенной неподготовленности къ серьезной борьбѣ, были причинами войны и военнаго пораженія. Они, стало быть, только и виновны въ создавшемся неудобномъ и опасномъ положеніи. Одно время можно было надѣяться, что горькій опытъ маньчжурско-корейской авантюры сдвинулъ нашу бюрократію съ ея олимпійскихъ позицій и тѣмъ самымъ подготовляетъ условія лучшаго хода дѣлъ. Можно было надѣяться, но надежды не сбылись и тѣ же бюрократическія руки продолжаютъ направлять русскую жизнь, ея дальневосточные отпрыски въ томъ числѣ. Въ этомъ огромная опасность. Отсюда возможность для Россіи утратить всѣ свои земли во всей восточной половинѣ Азіи.

Въ настоящее время японцы заняты Кореей, Квантуномъ, своею половиною Сахалина и отчасти Маньчжуріей, но не сегодня такъ завтра наступитъ очередь и русскихъ владѣній. Къ тому времени замышляемое упраздненіе porto franco и замышляемое разрушеніе сельской общины облегчатъ задачу японизаціи. Только свободная самоуправляющаяся нація могла бы избѣгнуть этой опасности, какъ и опасности военнаго столкновенія. Когда-нибудь эта свободная и самоуправляющаяся Россія станетъ совершившимся фактомъ, но Улита ѣдетъ, когда-то пріѣдетъ, а теперь тѣ же причины, которыя гнетутъ нашу внутреннюю жизнь, подготовляютъ и новые удары извнѣ, новыя опасности и потери.

С. Южаковъ.

Новыя книги.

Литературно-художественные Альманахи издательства **«Шиповникъ»**. III. Спб. 1908. Цѣна 1 руб.

Въ томъ глубокомъ и сложномъ кризисѣ, который переживаетъ за послѣднее время нашъ книжный рынокъ, среди быстраго расцвѣта и столь же быстраго увяданія многихъ литературныхъ фирмъ и предпріятій, общее вниманіе приковываетъ на себя крупный успѣхъ двухъ издательствъ — «Знанія» и «Шиповника».

Какъ бы ни представлялись сложными причины общаго необычайнаго успѣха этихъ двухъ издательствъ, одно обстоятельство не подлежитъ, кажется, спору: какъ прежде созвѣздіе «Знанія» вращалось вокругъ центральнаго имени г. Горькаго, такъ въ настоящее время крупные, средніе и малые беллетристы «Шиповника» примыкаютъ къ центральному свѣтилу, Леониду Андрееву, и намъ даже кажется, что выйди подъ рядъ 2—3 №№ «Шиповника» безъ разсказа или драмы этого крупнаго художника—вниманіе и сочувствіе публики сразу охлынуло бы отъ популярной издательской фирмы...

Леонидъ Андреевъ — вотъ камень, на которомъ зиждется новая литературная церковь. Въ № 1 Альманаха шумъ общаго любопытства сосредоточивался на «Жизни человѣка», въ № 3 — на «Тьмѣ». Талантъ этого молодого писателя, всего лишь пять лѣтъ работающаго въ литературѣ, несомнѣнно, еще растетъ, и слава его разгорается все болѣе яркимъ свѣтомъ.

Одна общая черта въ талантахъ г.г. Горькаго и Андреева была, думается намъ, причиной ихъ одинаково шумной извѣстности: произведенія того и другого имѣли для Россіи символическое, даже какъ бы пророческое значеніе... Въ эпоху злого безвременья, когда удушливый мракъ,—наслѣдіе 80-хъ годовъ,—окутывалъ еще нашу родину, и заря освобожденія скорѣе еще предчувствовалась только,—въ ночной темнотѣ вдругъ раздалась громкая пѣснь хвалы погибшему за десять лѣтъ передъ тѣмъ героическому поколѣнію:

... О, смѣлый Соколъ! Въ бою съ врагами истекъ ты кровью. Но будетъ время — и капли крови твоей горячей, какъ искры, вспыхнутъ во мракѣ жизни и много смѣлыхъ сердецъ зажгутъ безумной жаждой свободы, свѣта... Пускай ты умеръ! Но въ пѣснѣ смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь живымъ примѣромъ, призывомъ гордымъ къ свободѣ къ свѣту! Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню!

Это была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предразсвѣтная пѣснь, пророческая пѣснь о приходѣ новаго, смѣлаго и сильнаго поколѣнія... Для обезличеннаго и измученнаго долгимъ гнетомъ русскаго общества середины 90-хъ годовъ, поэзія г. Горькаго явилась своего рода благой и радостной вѣстью, и мы помнимъ, какъ быстро и беззавѣтно-пламенно отдало оно молодому поэту свои симпатіи... Не успѣлъ г. Горькій допѣть свой гимнъ «буревѣстнику», какъ всероссійская буря уже разразилась, и его голосъ постепенно затерялся въ ея шумѣ... Совершенно напрасно (и безъ малѣйшаго фактическаго основанія) литературный критикъ «Образованія» причисляетъ нашъ журналъ къ органамъ, «похоронившимъ» г. Горькаго. Мы не думали и не думаемъ хоронить этотъ красивый и сильный художественный талантъ; для насъ не подлежитъ только сомнѣнію, что та, первоначальная его пѣсня, дѣйствительно, уже спѣта, и что новый Горькій будетъ, можетъ быть, шире и сложнѣе прежняго, но онъ будетъ неизбѣжно иной...

Въ лицѣ Леонида Андреева послѣдующая эпоха выдвинула художника на менѣе крупнаго и яркаго, но съ содержаніемъ и физіономіей совершенно другого характера. Пришло, наконецъ, то смѣлое и сильное поколѣніе, расцвѣтъ котораго привѣтствовалъ г. Горькій, но, увы, и ему не суждено было достигнуть скорой и легкой побѣды... Въ крови народа опять потоплены его лучшія надежды... И нужно сказать, что г. Андреевъ, словно какимъ-то высшимъ чутьемъ, съ самаго же начала провидѣлъ ожидавшіе Россію ужасы, несчастія и пораженія; не гордую, не жизнерадостную ноту своего предшественника взялъ онъ въ первыхъ же своихъ произведеніяхъ, а ноту скорбную и гнѣвную... Страшныя, жестокія событія, дѣйствительно, шли передъ его глазами одно за другимъ: кровавая дальневосточная авантюра; ужасныя голодовки цѣлыхъ десятковъ губерній; вспышки военныхъ и крестьянскихъ бунтовъ—и слѣдовавшіе за ними усмиренія и карательныя экспедиціи... Грозно поднявшись высоко вверхъ, освободительный валъ не разбилъ вѣковой твердыни безправія, а самъ разлетѣлся пѣной анархіи и окрасился живой кровью побѣжденныхъ борцовъ; жизнь превратилась въ сплошной кровавый кошмаръ... И г. Андреевъ сдѣлался пѣвцомъ этого кошмара, пѣвцомъ неисчислимыхъ язвъ и ужасовъ современной дѣйствительности.

Содержаніе новаго его разсказа вкратцѣ таково. Чистый тѣломъ и цѣльный духомъ революціонеръ, загнанный полицейскими ищейками и истерзанный рядомъ безсонныхъ ночей, укрывается въ домѣ терпимости и, выбравъ одну изъ женщинъ, которая показалась ему болѣе скромной, уходитъ съ ней въ ея комнату. Здѣсь онъ запираетъ на ключъ дверь, предлагаетъ женщинѣ пить коньякъ и ѣсть фрукты, а самъ ложится въ постель и крѣпко засыпаетъ. Черезъ нѣкоторое время проститутка догадывается, кто онъ такой, и грубо будитъ его: она раздражена его поведеніемъ, она готова его предать... Молодой человѣкъ пытается смягчить ея гнѣвъ сердечнымъ разсказомъ о томъ, что онъ «всю жизнь отдалъ людямъ», никогда ничего не требовалъ для себя, не видѣлъ никакихъ радостей и даже не зналъ до сихъ поръ женщины... Жалѣя также и ее, онъ говоритъ: «Бѣдная ты, Люба!» Для переполненной горечью, ожесточенной души проститутки эти слова сожалѣнія были послѣдней, непереносной каплей: она даетъ ему пощечину и плюетъ въ лицо... Ошеломленный и оскорбленный, молодой человѣкъ сначала съ силой отбрасываетъ несчастную отъ себя; ударившись головой объ стѣну, дѣвушка зарывается лицомъ въ подушки и начинаетъ горько плакать. Его сердце тотчасъ же размягчается; наполняется жалостью къ ней... Происходитъ примиреніе. Она пьетъ, быстро пьянѣетъ и грубо, грязно надъ нимъ издѣвается; и онъ, все еще желая тронуть ее, предлагаетъ ей себя, чистаго... Тогда завязывается между ними странный разговоръ, во вкусѣ Достоевскаго: «Ты разсчитывалъ,—говоритъ проститутка,—

отдамъ ей невинность, и оттого стану еще невиннѣе, и получится у меня какъ бы неразмѣнный рубль. Я его нищему—а онъ ко мнѣ назадъ! Я его нищему—а онъ ко мнѣ назадъ! Нѣтъ, миленькій, этотъ номеръ не пройдетъ». — «Купецъ награбитъ милліонъ, а потомъ дастъ цѣлковый на церковь, да и думаетъ, что правъ. Нѣтъ, миленькій, ты мнѣ всю церковь построй. Ты мнѣ самое дорогое дай, что у тебя есть, а не невинность.—Да зачѣмъ же я тебѣ отдамъ? — Затѣмъ, чтобы стыдно не было». — «*Какое ты имѣешь право быть хорошимъ, когда я — плохая?..*» «И вдругъ съ тоскою, съ ужасомъ, съ невыносимой болью онъ почувствовалъ, что *та* жизнь кончена для него навсегда, что уже онъ не можетъ быть хорошимъ». Потому что тѣ, хорошіе, — своего рода *господа*, сытые нравственно и довольные... Открывъ какъ бы «послѣднюю ужасную правду», онъ отдаетъ проституткѣ свой браунингъ и, оставшись въ вертепѣ, начинаетъ безумную оргію... «Стыдно зрячимъ смотрѣть на слѣпыхъ отъ рожденія. Погасимъ огни и всѣ полѣземъ во тьму! Если нѣтъ рая для всѣхъ, то и мнѣ его не надо—это ужъ не рай, дѣвицы, а просто-на-просто свинство. Пей, темнота»!..

Не спрашивайте, читатель, логики отъ этихъ горячечно страстныхъ разсужденій. Развѣ приходящій среди глубокой ночи кошмаръ бываетъ когда-нибудь логиченъ? И однако, уже проснувшись уже находясь во всеоружіи здраваго смысла, иногда мы долго еще ощущаемъ мучительный гнетъ, отираемъ холодный потъ со лба, дрожимъ, какъ въ лихорадкѣ... Повторяемъ, г. Андреевъ—пѣвецъ ночной кошмарной дѣйствительности, и, несмотря на то, что въ смыслѣ реальности его «Тьма», какъ и большинство его произведеній, оставляетъ желать очень многаго, она производитъ неотразимое впечатлѣніе. *Такой* революціонеръ и *такая* проститутка въ дѣйствительности, вѣроятно, невозможны, и однако, силой таланта они превращены въ яркія, живыя индивидуальности, и мы точно видимъ ихъ передъ глазами... Бываютъ эпохи, — и мы живемъ, какъ разъ, въ одну изъ такихъ,—когда мучительно-яркая, словно топоромъ бьющая по нервамъ жизнь до того притупляетъ впечатлительность людей, что обыкновенное реальное искусство теряетъ надъ ними всякую силу, когда самый тонкій и вѣрный психологическій анализъ не даетъ имъ конкретнаго, яркаго представленія, и художникъ долженъ прибѣгнуть къ необходимому пріему конденсированія красокъ, гиперболизаціи психологическаго рисунка... Г. Андреевъ отъ природы такой именно художникъ, — это его естественная манера; и вотъ, онъ «ударяетъ» по нашимъ очерствѣлымъ и ожесточеннымъ сердцамъ!

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на поразительно сильной и яркой сценѣ появленія въ домѣ терпимости полиціи и послѣдовавшаго затѣмъ ареста. По той же причинѣ мы можемъ лишь кратко отмѣтить, что остальныя произведенія, во-

шедшія въ третій альманахъ «Шиповника», не возвышаются надъ среднимъ уровнемъ текущей беллетристики, хотя описанія природы въ разсказѣ г. Бунина, по обыкновенію, красивы, хотя лошадиная психологія въ разсказѣ г. Куприна, можетъ быть, даже великолѣпна... За то стоитъ внѣ всякой критики новый романъ г. Сологуба (правда, еще не конченный). Младенческая манера письма, напоминающая 20-е годы прошлаго вѣка, полное отсутствіе въ «романѣ» живой крови и живого чувства, а въ довершеніе всего— эти чисто-сологубовскіе «ужимки и прыжки» — дѣлаютъ чтеніе «Новыхъ чаръ» дѣломъ тяжелымъ, прямо нестерпимымъ...

Ѳедоръ Сологубъ. Истлѣвающія личины. Книга разсказовъ. Книгоиздательство „Грифъ". Москва. 1907. Ц. 1 р. Стр. 108.

Поль Верленъ. Стихи избранные и переведенные **Ѳедоромъ Сологубомъ.** Издательство „Факелы". Сиб. 1908. Стр 91. Ц. 90 к.

Есть какое-то сходство между Верленомъ и Сологубомъ; не случайно нашъ поэтъ занялся переводами изъ французскаго лирика. Та же трагическая гримаса исказила оба эти лица, то же одиночество окружаетъ ихъ характерныя фигуры въ литературѣ, то же сплетеніе изступленной чувственности съ мистикой потусторонняго исканія отмѣчаетъ ихъ творчество. Въ теоретическомъ предисловіи къ своимъ переводамъ изъ Верлена г. Ѳедоръ Сологубъ косвенно намѣчаетъ еще одну точку сближенія: сходство въ философско-поэтическомъ міровоззрѣніи. Конечно, психологическое сродство существеннѣе этого метафизическаго единомыслія, но интересно и послѣднее. Въ поэтическомъ творчествѣ Сологубъ различаетъ два стремленія—«положительное, ироническое, говорящее міру *да*, и этимъ вскрывающее роковую противорѣчивость жизни,—и отрицательное, лирическое, говорящее данному міру *нѣтъ* и этимъ созидающее иной міръ, желанный, необходимый и невозможный безъ конечнаго преображенія міра». Весьма возможно, что въ теоріи можно отчеканить это противоположеніе до полной опредѣленности; на практикѣ, конечно, мы найдемъ только типы, не годные ни для одной изъ этихъ категорій. Для нихъ авторъ изобрѣтаетъ иныя, сложныя рамки—«скептическая лирика», «мистическая иронія»—и въ этомъ видитъ «уклоны». Кажется, здѣсь все уклоны—и нельзя сдѣлать правила изъ сплошной коллекціи исключеній. Верлена и себя авторъ, во всякомъ случаѣ, причисляетъ къ первому типу—не безъ «уклона», конечно. Какъ извѣстно, та дѣвушка, которую представлялъ себѣ въ идеалистическихъ мечтаніяхъ Донъ-Кихотъ въ видѣ неземной Дульцинеи Тобозской, была въ дѣйствительности дебелой крестьянской красоткой и звалась Альдонсой. Такъ вотъ, Верленъ принимаетъ дѣйствительность, «какъ подлинную Альдонсу и подлинную Дульцинею»—«каждое ея переживаніе ощущается въ ея роковыхъ противорѣчіяхъ». И о себѣ Сологубъ въ другомъ мѣ-

стѣ говоритъ: «Я влекусь нынѣ къ тому полюсу поэзіи, гдѣ слышится вѣчное *да* всякому высказыванію жизни». Онъ «позналъ законъ тожества совершенныхъ противоположностей», онъ «не убоится дракона и безтрепетно вступитъ въ область вѣчной Ироніи».

«Истлѣвающія личины» должны представить собою опытъ такого вступленія. Онѣ истлѣваютъ отъ огня Ироніи—и за ними открывается «вѣчно двойственный, вѣчно противорѣчивый, всегда и на вѣки искаженный ликъ». Чей ликъ? Автору кажется, что это ликъ міра. Но глядится ли онъ въ чистое зеркало дѣйствительности? Не пеняетъ ли на него напрасно? Разсказы, собранные въ «Истлѣвающихъ личинахъ», не разъ говорятъ отъ этомъ. Это міръ безумія, подчасъ поучительнаго, но всегда страшнаго. Юркіе, маленькіе сѣренькіе «нежити»—духи, реальные для героевъ и автора, который и вѣритъ, и не вѣритъ въ нихъ, снуютъ все время по сценѣ разсказовъ Сологуба, вмѣшиваются въ дѣйствіе, мигомъ перенося его изъ современной дѣйствительности съ уличными манифестаціями и разстрѣлами въ міръ, безконечно далекій отъ всякаго естества. Вмѣшивается и самъ авторъ, строя гримасы, подмигивая читателю и оставляя впечатлѣніе чего-то недосказаннаго, намѣренно двусмысленнаго и искусственно непонятнаго. Это должно производить иллюзію сложности и глубины мысли, но таковой не производитъ. Сологубъ талантливый лирикъ,—также и въ повѣствованіи,—но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе пониженныя требованія предъявляетъ онъ къ себѣ; создавая свой міръ—на что онъ имѣетъ безспорное право,—не проясняетъ его ни для другихъ, ни для себя,—что есть его художественный долгъ и оправданіе его творчества. Безвременье возводитъ его на пьедесталъ и тѣмъ не оказываетъ ему хорошей услуги.

Ни любовь къ Верлену, ни то, что называютъ конгеніальностью не помѣшали Сологубу передать порывистую лирику «бѣднаго Леліана» съ неожиданной прозаичностью. Взялъ онъ не разсудочныя произведенія послѣднихъ томовъ полнаго собранія стиховъ Верлена, а по преимуществу первыя съ ихъ нѣжнымъ лиризмомъ и призывной задушевностью. Исключеніе составляютъ только четыре стихотворенія изъ цикла «Chansons pour elle». И однако, лишь немногія изъ этихъ скорбныхъ впечатлѣній больной души сохранили въ русскомъ переводѣ нѣкоторое подобіе воздушности и мягкости Верлена: все сухо, категорично, безъ вдохновенія. Завѣты Верлена, съ такой геніальностью выраженные въ его лирической эстетикѣ, попраны въ этой попыткѣ передать его на языкѣ, который, конечно, нельзя считать неспособнымъ къ выраженію тончайшихъ переживаній человѣческаго чувства и человѣческой мысли. Нѣтъ, Сологубъ не можетъ быть переводчикомъ, даже близкаго ему Верлена: онъ слишкомъ поглощенъ своимъ *я*, чтобы приспособляться къ чужому. Выражая себя, онъ смѣлъ; въ переводахъ онъ робокъ, ищетъ точности буквы и теряетъ точность духа. Эта несмѣлость съ

особенной характерностью проявляется въ особомъ нововведеніи Сологуба: онъ даетъ по нѣсколько переводовъ одного и того же стихотворенія. Никакъ не можемъ признать эту своеобразную выдумку удачной. Переводъ вѣдь не проба силъ переводчика, а самостоятельное художественное созданіе: иначе онъ не нуженъ. Переводъ долженъ не только давать извѣстное представленіе о подлинникѣ: онъ долженъ *замѣщать* подлинникъ въ сознаніи читателя. Мы не говоримъ ужъ о такихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, одинъ и тотъ же французскій стихъ передается въ одномъ изъ трехъ рядомъ напечатанныхъ переводовъ «шуму проливня внемлю», а въ другомъ—«дождика тихіе звуки», и читатель не знаетъ, съ чѣмъ ему связать тихую грусть поэта: съ грохотомъ потоковъ проливного дождя или съ тихою тоскливою капелью осенняго дождичка. Но и тамъ, гдѣ нѣтъ противорѣчій, эти сочетанія стихотвореній-синонимовъ совершенно неумѣстны; вмѣсто того, чтобы сгущать впечатлѣніе, они его разжижаютъ. Если поэтамъ не приходитъ въ голову нелѣпая мысль представлять читателямъ на выборъ параллельные варіанты своихъ произведеній, то тѣмъ болѣе не долженъ прибѣгать къ такому рискованному средству переводчикъ.

С. Рафаловичъ. Отвергнутый Донъ Жуанъ. Издательство „Шиповникъ": „Театръ". Выпускъ второй. Спб. 1907. Стр. 112. Ц. 60 к.

Это модная форма—драматическая трилогія изъ одноактныхъ пьесокъ въ стихахъ—и модный сюжетъ—любовь, близкая къ удовлетворенію, но онаго не обрѣтающая. Г. Рафаловичъ понатужился и выдумалъ «своего» Донъ Жуана, отвергнутаго тремя женщинами. Первая—хорошая жена, вторая—монахиня, третья—блудница; всѣ три его любятъ и всѣ отвергаютъ: первая потому, что хранитъ «честь жены и женщины» и боится «грѣха передъ людьми и передъ Богомъ»; вторая потому, что она связана обѣтомъ—«не мнѣ Господь,—я Богу обѣщала—до гроба вѣрной быть завѣту вѣчныхъ узъ»; наконецъ, третья потому, что хранитъ въ душѣ идеалъ чистоты и только эту чистую, идеальную любовь, а не свое грѣшное тѣло хочетъ отдать любимому человѣку. Все это разсказано въ благопристойныхъ стихахъ, гдѣ чинно смѣняются банальныя риѳмы, и пятистопный ямбъ, потерявъ подчасъ одну стопу въ какомъ-нибудь грѣшномъ стихѣ, старается наверстать эту прискорбную утрату и переходитъ на минуту въ шестистопный. Этого не замѣтитъ публика, одинаково безпечно-благодушная къ формѣ и къ содержанію, и г. Рафаловичъ знаетъ эту публику. Для того, чтобы казаться культурной себѣ самой, ей нужны писатели, которые притворяются, что берутъ ее въ серьезъ; она готова имъ отвѣтить тѣмъ же. Ей сервируютъ глубокія «проблемы» въ литературной формѣ—и она разбирается въ этихъ психологическихъ и даже философскихъ глубинахъ съ тонкостью, отъ которой легко приходитъ въ восторгъ.

Если эти «глубины» такъ или иначе касаются любви—тѣмъ лучше: кто не размышлялъ надъ этой вѣчной загадкой и кто не имѣетъ для ея рѣшенія хоть какого-нибудь жизненнаго опыта. Съ этой стороны «Донъ-Жуанъ» г. Рафаловича роскошный пиръ для весьма рафинированныхъ бесѣдъ, подъ журчаніе которыхъ возможно гостиную петербургскую принять за парижскій салонъ. Здѣсь все такъ изысканно и такъ литературно. И, въ самомъ дѣлѣ, такъ легко и пріятно спорить, права или не права была влюбленная Терезита, отказывая влюбленному Донъ-Жуану въ томъ, вокругъ чего боязливо и блудливо кружится мысль собесѣдниковъ; такъ заманчиво прикрывать свою душевную плоскость литературной мишурой, услужливо предоставленной этимъ читателямъ ихъ поэтомъ. Они нужны другъ другу—и потому охотно вѣрятъ другъ другу.

Съ этой точки зрѣнія намъ представляется просто непростительнымъ предисловіе г-жи З. Венгеровой къ сочиненію г. Рафаловича. Не можетъ быть, чтобы она серьезно считала его чѣмъ-то подлежащимъ критическому истолкованію; также, какъ и мы, она, конечно, знаетъ, что это произведеніе литературнаго снобизма не имѣетъ ничего общаго съ поэзіей, что изъ этого насквозь раціональнаго сочинительства безъ тѣни вдохновенія не могло произойти ровно ничего. И между тѣмъ она старается создать иллюзію глубины этой безнадежной плоскости—сколь напрасно и сколь странно.

Г. Цыперовичъ. За полярнымъ кругомъ. Десять лѣтъ жизни въ Колымскѣ. Спб. 1907. Цѣна 1 р. 50 к.

Г. Цыперовичъ—одинъ изъ тѣхъ тридцати девяти несчастливцевъ, которые, по безконтрольному мановенію руки всевластной русской бюрократіи, прибыли въ Среднеколымскъ только за періодъ послѣднихъ десяти лѣтъ до смерти Плеве. Однако, и раньше того присылались туда политическіе ссыльные. Это тотъ самый Среднеколымскъ, про который сами министры говорили, что они знаютъ о немъ лишь то, что тамъ «жить невозможно». Но и общество русское, сыновья котораго жили, гибли и продолжаютъ гибнуть въ этомъ «невозможномъ» краѣ, до сихъ поръ, въ сущности, очень мало о немъ знаетъ. Беллетристическіе разсказы г. Тана,—именно потому, что они беллетристическіе,—оставляли въ читателяхъ успокаивающую мысль: «а можетъ быть, тутъ есть доля художественной выдумки»... Въ книжкѣ г. Цыперовича мы впервые получаемъ не беллетристическій, серьезный и въ то-же время не лишенный мѣстами художественности, искренній разсказъ очевидца объ этомъ городѣ, похожемъ на призракъ, выдуманный больной фантазіей Эдгара По, и о жизни въ немъ, похожей на страшную сказку.

Интересъ увеличивается многочисленными фотографическими

снимками съ величественно-мрачныхъ ландшафтовъ Якутской области и любопытныхъ сценъ ссыльной жизни.

Первые два-три года ссылки одна отрадная, свѣтлая мечта поддерживаетъ и ободряетъ, — мечта о возможности побѣга на родину, въ Америку, куда угодно, лишь бы вонъ изъ нелюдимой, проклятой пустыни! И глава, посвященная г. Цыперовичемъ тѣмъ попыткамъ побѣга, которыя онъ дѣлалъ съ товарищами, одна изъ лучшихъ въ книгѣ. Побѣги не удаются и не могутъ удасться: неизмѣримо велика окружающая ледяная пустыня; ничтожны и жалки до смѣшного тѣ силы и средства, какими располагаетъ несчастная ссыльная молодежь; постепенно приходится примириться съ страшной мыслью, что нужно дожидаться законнаго конца ссылки... А сколько она продлится? Десять лѣтъ? Однако, что же мѣшаетъ всесильнымъ чиновникамъ увеличить ее на пять, на десять лѣтъ?!. Не жизнь, а какая-то ужасная фантасмагорія...

Послѣ ряда лѣтъ, проведенныхъ въ «гиблыхъ мѣстахъ», нервы издергиваются у самыхъ сильныхъ людей; овладѣваетъ кошмарное настроеніе, когда самые близкіе товарищи, любимые люди начинаютъ порой казаться ненавистными. Это настроеніе недурно изображено г. Цыперовичемъ. Два близкихъ товарища расходятся изъ-за маленькаго слова «даже», въ которомъ одному изъ нихъ почудилось кровное оскорбленіе... «Въ юрту ворвалась какая-то неосмысленная въ своей враждебности сила, низменная и опьяняющая, захватывающая человѣка противъ его воли и одерживающая легкую побѣду надъ тѣмъ, что считается самымъ дорогимъ, самымъ важнымъ въ человѣкѣ,—надъ человѣчностью».

И, быть можетъ, всего кошмарнѣе, всего страшнѣе въ этой страшной книгѣ ея заключительныя страницы, гдѣ ссыльные, эти живые полумертвецы, тѣни людей рѣшаютъ «очень важный» принципіальный вопросъ: какъ слѣдуетъ отнестись имъ къ амнистіи, принять ее или отвергнуть? Многіе утверждали, что принятіе амнистіи не совмѣстимо съ достоинствомъ ссылки, которая, по установившейся традиціи, всегда относилась крайне отрицательно ко всякимъ, такъ называемымъ, «милостямъ»... И только соображеніе, что амнистія является въ настоящемъ случаѣ недобровольной, завоеванной самимъ народомъ, а также то чисто практическое соображеніе, что, и отказавшись отъ амнистіи, они все равно принуждены будутъ уѣхать, такъ какъ выдача пособія немедленно будетъ прекращена, а безъ пособія жить немыслимо, — успокоили въ концѣ концовъ группу непримиримыхъ...

Въ заключеніе, для характеристики русской бюрократической системы, отмѣтимъ два любопытныхъ документа, приводимыхъ г. Цыперовичемъ. Извѣстно, что въ концѣ 90-хъ годовъ нью-іоркскимъ музеемъ естественныхъ наукъ была снаряжена научная экспедиція въ Якутскую область, и во главѣ ея поставлены были бывшіе русскіе государственные преступники, г.г. Іохельсонъ и

Богоразъ (Танъ). По ходатайству академіи наукъ, 17 ноября 1899 года имъ былъ выданъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Сипягинымъ «открытый листъ» гласившій: «По указу его величества государя императора, самодержца всероссійскаго и нр., и пр., предписывается мѣстамъ и лицамъ, подвѣдомственнымъ министерству внутреннихъ дѣлъ, оказывать предъявителямъ сего всякое законное содѣйствіе къ исполненію возложенныхъ на нихъ порученій». Не смотря, однако, на такое громкое покровительство, экспедиція на первыхъ же шагахъ почувствовала, что кто-то ей бросаетъ палки въ колеса. Впослѣдствіи обнаружилось, что тотъ же Сипягинъ одновременно отправилъ, уже отъ себя лично, конфиденціальное предписаніе сибирскимъ властямъ: «Въ виду прежней противуправительственной дѣятельности Богораза и Іохельсона, оказаніе имъ какого-либо содѣйствія по возложеннымъ на нихъ ученымъ трудамъ представляется совершенно не соотвѣтственнымъ»... Краснорѣчивые документы!..

Декабристы. Матеріалы для характеристики. Подъ ред. пр.-доц. П. М. Головачева. М. 1907. Ц. 1 р.

Памяти декабристовъ. Фотографіи и рисунки. Изданіе М. М. Зензинова. М. 1907.

«Память провозвѣстниковъ русской свободы становится все болѣе дорогой для русскаго общества по мѣрѣ того, какъ умираетъ тотъ (режимъ), борцами съ которымъ выступили декабристы и жертвою котораго они пали болѣе 80 лѣтъ тому назадъ. Вполнѣ понятно потому вниманіе и интересъ, съ какимъ собирается все, относящееся къ жизни и дѣятельности борцовъ 1825 г., и нѣтъ сомнѣнія, что литература о декабристахъ будетъ возростать до полнаго и всесторонняго освѣщенія ихъ времени и ихъ личностей».

Такая,—безусловно справедливая, — точка зрѣнія руководила г. Зензиновымъ, издавшимъ двѣ отмѣчаемыя нами книги, и хотѣлось бы надѣяться, что на нихъ онъ не остановится. Многое изъ собраннаго здѣсь кажется, на первый взглядъ, мелкимъ и не значущимъ, но мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ русской жизни слишкомъ крупнаго калибра, къ сожалѣнію, далеко еще не всесторонне уясненнымъ, такъ что всякаго рода «матеріалъ» цѣненъ и дорогъ. То, что онъ случайный и сырой, — вытекаетъ изъ самого характера изданія, и съ этимъ необходимо примириться. Книги, не велики, разобраться въ предлагаемомъ матеріалѣ не трудно, и кое-что въ немъ представляетъ немалый интересъ. Таково, напр., исполненное достоинства «объясненіе», данное декабристомъ фонъ-деръ-Бриггеномъ въ отвѣтъ на «предложеніе» генералъ губернатора Западной Сибири кн. Горчакова дать подписку въ томъ, что онъ не будетъ впредь «гласно кичиться какимъ-то мнимымъ покровительствомъ въ С.-Петербургѣ и безсиліемъ яко бы противъ него

сибирскихъ властей», а также «явно распространять дерзкія сужденія, неприличныя наипаче отъ лица, находящагося подъ надзоромъ полиціи». Предложеніе кончалось угрозой: «если не желаетъ подвергнуться мѣрамъ укрощенія, высочайше мнѣ предоставленнымъ». Фонъ-деръ-Бриггенъ отвѣчаетъ кн. Горчакову въ довольно дерзкомъ, по тѣмъ временамъ, тонѣ: «Кичиться покровительствомъ сильныхъ лицъ, да еще на шестомъ десяткѣ лѣтъ моей жизни, не въ моемъ характерѣ. Я никогда ни у кого покровительства не искалъ, да и не имѣлъ надобности искать, потому что находилъ его въ самомъ себѣ добросовѣстнымъ исполненіемъ моихъ обязанностей и поведеніемъ, свойственнымъ честному и благородному человѣку. Если бъ я былъ такой искатель покровительства, каковымъ вамъ угодно меня признать, то вмѣсто того, чтобы снискивать себѣ покровителей въ отдаленномъ Петербургѣ, пригоднѣе было для меня домогаться покровительства у вашего сіятельства, какъ главнаго начальника той страны, въ которую судьба меня забросила; но вашему сіятельству извѣстно, что я вашимъ покровительствомъ никогда не пользовался, никогда его не искалъ, да и теперь не ищу».

Большой интересъ представляетъ также рядъ писемъ кн. Е. П. Оболенскаго къ М. И. Муравьеву-Апостолу, относящихся уже къ шестидесятымъ годамъ, къ эпохѣ освобожденія крестьянъ, петербургскихъ пожаровъ и польскаго возстанія. Многое здѣсь должно болѣзненно поразить тѣхъ, кто привыкъ считать декабристовъ не только «провозвѣстниками» русской свободы, но и борцами, во всемъ главномъ близкими и дружественными современнымъ передовымъ теченіямъ. Если отдѣльные представители декабристовъ, дѣйствительно сумѣли бы, можетъ быть, и въ наши дни стоять въ первыхъ рядахъ движенія, то въ общемъ такой взглядъ на нихъ, несомнѣнно, неправиленъ. Примѣняя современный политическій масштабъ и читая, напр., письма Оболенскаго, мы могли бы сказать, что декабристъ превратился въ октябриста... На самомъ дѣлѣ, никакого превращенія не было, но мы сами обязаны помнить о необходимости исторической перспективы.

Книга «Декабристы» заключается очень важнымъ «Погостнымъ спискомъ», составленнымъ М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ и указывающимъ время смерти и мѣсто погребенія 109 декабристовъ.

Въ качествѣ приложенія дается въ особой папкѣ («Памяти декабристовъ») 40 фотографическихъ снимковъ съ могилъ многихъ декабристовъ, умершихъ въ Сибири, и ихъ до сихъ поръ уцѣлѣвшихъ скромныхъ жилищъ. Передъ глазами читателя какъ бы воочію проходятъ ландшафты, города и поселки, названія которыхъ онъ чуть не съ дѣтства привыкъ слышать и которыя освящены въ его глазахъ красотою великаго подвига и страданія. — Чита, Петровскій Заводъ, Акатуй... По одной спеціальной причинѣ вни-

маніе съ особенною силой останавливается на мрачной картинѣ (№ 35) акатуйскихъ горъ, у подножія которыхъ, въ глубокой котловинѣ, расположена въ бѣломъ четырехъугольникѣ каменной ограды каторжная тюрьма. Всѣ эти снимки,—какъ значится на обложкѣ книги,—взяты изъ коллекціи фотографій и рисунковъ А. К. Кузнецова, извѣстнаго всей Сибири культурнаго дѣятеля, основателя замѣчательнаго нерчинскаго музея. Когда два года назадъ надъ нашей родиной, въ томъ числѣ и надъ Сибирью, промчался революціонный ураганъ, грозившій, казалось смести до основанія заплѣсневѣлый бюрократическій строй, и послѣдній, на моментъ покачнувшись, опять всталъ на свои «глиняныя ноги» и началъ расправляться съ своими недругами, — въ числѣ первыхъ жертвъ его оказался Алексѣй Кирилловичъ Кузнецовъ, по чисто-литературному дѣлу осужденный на вѣчную каторгу... Несмотря на всѣ амнистіи и давности ему не могли простить и забыть того, что когда-то онъ былъ уже «государственымъ преступникомъ» (судился по процессу нечаевцевъ). И вотъ, дряхлый, ни для кого не опасный 66-лѣтній старикъ томится въ настоящее время въ каторжной Акатуйской тюрьмѣ, которую не такъ давно еще, будучи свободнымъ, онъ увѣковѣчилъ въ своей прекрасной, по-истинѣ художественной фотографіи!...

М. Гершензонъ. П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. Спб. 1908. Стр. 320. Ц. 1 р. 25 к.

Намъ давно не приходилось наталкиваться на болѣе содержательную историко-литературную работу. Въ тѣсныхъ рамкахъ фактическаго изслѣдованія авторъ поставилъ себѣ рядъ широкихъ задачъ и на двустахъ безъ малаго страницахъ успѣлъ дать не только образцовую монографію, предлагающую послѣ пересмотра ряда вопросовъ о Чаадаевѣ совершенно новое ихъ рѣшеніе, но и интересный литературный портретъ, тонкій, убѣдительный и яркій. Авторъ чувствуетъ за собой право назвать то представленіе о Чаадаевѣ, которое живетъ въ нашей литературѣ Чаадаевской легендой. Мистикъ и догматикъ, онъ считается историческимъ скептикомъ, отрицатель революціи и послѣдовательный политическій консерваторъ, онъ числится въ сонмѣ патріарховъ русскаго освободительнаго движенія. Конечно, чрезвычайно сложна натура этого удивительно интереснаго мыслителя и сложна роль—отчасти не по его волѣ—сыгранная имъ въ нашемъ развитіи: легенда имѣетъ точки опоры. Но авторъ новой характеристики такъ доказателенъ, такъ исчерпывающе владѣетъ обширнымъ матеріаломъ, что приходится согласиться съ его концепціей, которая къ тому же покоится не столько на критикѣ общепринятыхъ воззрѣній, сколько на самостоятельномъ критическомъ изученіи источниковъ. Эта критика дала возможность г. Гершензону прежде всего установить совер-

шенно новое соотношеніе четырехъ знаменитыхъ «философическихъ писемъ» и тѣмъ придать имъ новое значеніе въ характеристикѣ воззрѣній ихъ автора. Онъ напоминаетъ о томъ, что первое письмо—именно прославившееся впослѣдствіи—было не литературнымъ произведеніемъ въ эпистолярной формѣ, какъ обыкновенно думаютъ, а дѣйствительно и въ самомъ точномъ смыслѣ слова письмомъ. Оно не имѣетъ никакой формальной связи съ послѣдующими; наоборотъ, второе и третье письмо неразрывно связаны между собою, но представляютъ лишь продолженіе какого-то утеряннаго для насъ начала. Это начало—безъ котораго все ученіе Чаадаева представляется автору какъ бы обезглавленнымъ — онъ, такъ сказать, реконструируетъ въ схемѣ на основаніи имѣющагося у насъ матеріала, и даетъ полную картину этого міровоззрѣнія. Оно казалось до сихъ поръ не самостоятельнымъ—П. Н. Милюковъ отмѣтилъ его связь съ католической философіей, съ ученіемъ де-Местра и Бональда. Ставя себѣ задачу по преимуществу историко-психологическую, новый изслѣдователь личности Чаадаева, не преувеличиваетъ значенія этого вліянія: Чаадаевъ многое заимствовалъ у идеологовъ реакціи, но еще больше отвергнулъ и въ цѣломъ остался безусловно оригинальнымъ. Собственно литературный талантъ Чаадаева, безспорный, но все же ограниченный, представляется намъ преувеличеннымъ въ—извинительномъ—панегирикѣ его новаго біографа: «въ желѣзной и вмѣстѣ свободной послѣдовательности его умозаключеній, столько сдержанной страсти, такая чудесная экономія силъ, что и помимо множества блестящихъ характеристикъ и художественныхъ эпитетовъ, за одинъ этотъ строгій паѳосъ мысли его «Философическія письма» должны быть отнесены къ области словеснаго творчества наравнѣ съ Пушкинской элегіей или повѣстью Толстого». Даже наравнѣ? Примѣры взяты высокіе—даже строгому паѳосу Чаадаева далеко до нихъ. Не надо все таки забывать, что въ «области словеснаго творчества» рѣшающую роль играютъ формы языка; Чаадаевъ съ честью вошелъ бы въ исторію русской изящной словесности, если бы его произведенія... были написаны по-русски. Но онъ пользовался готовыми формами великолѣпнаго эпистолярнаго и философскаго стиля французовъ—и не ему принадлежитъ та заслуга въ развитіи словесныхъ формъ русской публицистики, которую мы приписываемъ Герцену. Паѳосъ мысли умѣстнѣе судить, какъ свойство мысли, а не ея выраженія—и надо отдать справедливость біографу: центральная глава его книги, гдѣ онъ вмѣстѣ съ историко-психологическимъ смысломъ доктрины Чаадаева старается установить также качества ума, ее создавшаго, является наиболѣе удачной во всемъ его интересномъ трудѣ. Идеологическая страстность этого ума было то, чего основательно боялось въ немъ русское правительство. Онъ писалъ Бенкендорфу: «Какое бы мнѣніе ваше сіятельство по сему обо мнѣ не возымѣли, въ моихъ поня-

тіяхъ долгъ святой каждаго гражданина покорность безусловная властямъ, Провидѣніемъ поставленнымъ, а вы, облеченные довѣріемъ самодержца, представляете въ глазахъ моихъ власть его». Но Бенкендорфъ и Николай относились къ Чаадаеву подозрительно—и г. Гершензонъ убѣдительно объясняетъ причины этой подозрительности: «голосъ умственной силы, какъ бы униженно онъ ни звучалъ, отвратительно дѣйствуетъ на нервы деспотовъ, потому что они верхнимъ слухомъ тотчасъ чуятъ ея царственную, непокорную природу». Новый біографъ Чаадаева и склоненъ поставить ему въ историческую заслугу не частные его взгляды, нерѣдко консервативные, но общій духъ его ученія, глубокій и прогрессивный. «Всей совокупностью своихъ мыслей онъ говоритъ намъ, что политическая жизнь народовъ, стремясь къ своимъ временнымъ и матеріальнымъ цѣлямъ, въ дѣйствительности только осуществляетъ частично вѣчную нравственную идею, т. е. что всякое общественное дѣло по существу своему не менѣе религіозно, нежели жаркая молитва вѣрующаго. Онъ говоритъ намъ о соціальной жизни: войдите, и здѣсь Богъ; но онъ прибавляетъ: помните же, что здѣсь Богъ и что вы служите *ему*».

Работа г. Гершензона наполняетъ эти общія выраженія содержаніемъ менѣе эклектическимъ и болѣе позитивнымъ. Съ ней не только будетъ считаться всякое изслѣдованіе въ области развитія общественныхъ идей въ Россіи; она останется надолго лучшей характеристикой одного изъ наиболѣе интересныхъ представителей этихъ идей.

Очень цѣнны приложенія къ книгѣ: главныя произведенія Чаадаева—«Философическія письма» и «Апологія сумасшедшаго» и рядъ его писемъ, удивительно интересныхъ и яркихъ.

Эрнстъ Геккель. Чудеса жизни. Общедоступные очерки біологической философіи, перев. со 2-го нѣмец. изданія Н. А. Алексѣева. Спб. 1908. VIII+220 стр Ц. 1 р. 50 к.

Настоящая работа знаменитаго іенскаго профессора является дополнительнымъ томомъ къ его «Міровымъ загадкамъ». Какъ говоритъ въ предисловіи авторъ: «поводомъ къ изданію настоящаго труда о «Чудесахъ жизни» послужилъ успѣхъ моей книги о «Міровыхъ загадкахъ». Это сочиненіе разошлось въ «200.000 экземпляровъ оригинальнаго нѣмецкаго изданія... и кромѣ того было опубликовано пятнадцать различныхъ переводовъ». Сверхъ того авторъ получилъ болѣе пяти тысячъ частныхъ писемъ съ разными вопросами и замѣчаніями, и въ одинъ только «первый годъ по выходѣ въ свѣтъ «Міровыхъ загадокъ» появилась свыше ста различныхъ критическихъ статей и до дюжины болѣе крупныхъ брошюръ о нихъ».

Все это заставило знаменитаго ученаго нарушить обѣтъ молчанія, данный имъ въ 1894 г., когда онъ заявилъ: «будучи всецѣло

сыномъ XIX вѣка, хочу съ концомъ его поставить точку и на работѣ моей жизни». Онъ почувствовалъ себя вынужденнымъ издать новый томъ, въ которомъ «дополняетъ и разъясняетъ» свои «Міровыя загадки».

Постоянные читатели «Русск. Бог.» знакомы съ содержаніемъ «Міровыхъ загадокъ» по статьѣ, помѣщенной въ іюльской книжкѣ нашего журнала за 1906 г. Поэтому здѣсь мы не будемъ касаться общаго міросозерцанія Геккеля, не будемъ критиковать его философіи, а ограничимся лишь указаніемъ на то, что считаетъ нужнымъ «дополнить и разъяснить» нашъ авторъ своей настоящей работой.

Центральной идеей «монистической философіи» Геккеля является его ученіе о «троицѣ субстанціи». «Я держусь того убѣжденія, говоритъ онъ на стр. 204, что ощущеніе такъ же присуще всякой матеріи, какъ и движеніе, и что именно эта троица субстанціи является самой надежной основой для нашего современнаго монизма; я формулирую ее въ трехъ положеніяхъ: 1) нить вещества безъ силы и безъ ощущенія; 2) нить силы безъ вещества и безъ ощущенія; 3) нить ощущенія безъ вещества и безъ силы. Во всей вселенной и въ малѣйшей частицѣ ея, въ каждомъ атомѣ и въ каждой молекулѣ эти три основныхъ аттрибута субстанціи неразрывно связаны». Геккель задался цѣлью показать, какимъ образомъ, исходя изъ предположенія о вездѣсущности этой троицы, можно объяснить всѣ извѣстныя намъ міровыя явленія. Поэтому и самое заглавіе книги: «Чудеса жизни» нужно понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе разъясняется авторомъ на стр. 103, когда, говоря о явленіяхъ размноженія, онъ обѣщаетъ показать читателямъ, «что они—вовсе не непонятное и сверхъ-естественное «чудо жизни», а естественные физіологическіе процессы, которые подобно всѣмъ прочимъ сводятся къ простымъ физическимъ силамъ».

Чтобы обосновать подобную монистическую философію во всей ея полнотѣ, нужно было бы, конечно, прослѣдить эволюцію вселенной по крайней мѣрѣ отъ Канто-Лапласовскихъ туманностей (если не задавать себѣ вопроса о причинѣ существованія этихъ туманностей) до появленія сознательныхъ существъ. Это отчасти и пытался сдѣлать Геккель въ своихъ «Міровыхъ загадкахъ», но почти всякій разъ, когда онъ выходилъ за предѣлы родного ему естествознанія, его экскурсіи носили далеко не безупречный (въ научномъ отношеніи) характеръ.

«Чудеса жизни» выгодно отличаются отъ «Міровыхъ загадокъ» тѣмъ, что нашъ авторъ гораздо больше остается здѣсь въ родственной ему сферѣ естествознанія. Благодаря этому его книга является прекраснымъ популярнымъ изложеніемъ философіи естествознанія, сдѣланнымъ съ точки зрѣнія послѣдовательнаго дарвиниста. Геккель знакомитъ читателей съ возникновеніемъ жизни, съ организ-

мами безъ органовъ, съ возникновеніемъ и развитіемъ организаціи живыхъ существъ. Двѣ главныя части книги: «часть морфологическая» и «часть физіологическая» читаются съ съ большимъ интересомъ. Но и въ двухъ другихъ частяхъ: въ части «методологической» и въ части «генеалогической» всѣ главы, посвященныя вопросамъ естествознанія, написаны рукой мастера. Такъ, напримѣръ, прочитавши сравнительно небольшую XV главу, трактующую о «происхожденіи жизни», читатель составитъ себѣ вполнѣ ясное представленіе о современномъ состояніи этого вопроса: онъ познакомится со всѣми главнѣйшими теоріями, объясняющими возникновеніе жизни до теорій Негели, Пфлюгера и Ферворна включительно. А слѣдующая XVI глава даетъ краткое, но основательное изложеніе ученій о «развитіи жизни»: она знакомитъ не только съ ученіемъ Дарвина, но и съ тѣми дополненіями и исправленіями, которыя внесены въ дарвинизмъ за почти полъ-вѣка его существованія.

Б. Шмидъ. Философская хрестоматія. Переводъ съ нѣмецкаго Ю. А. Говелева, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге. Одесса, 1907 г. IV и 172 стр. Ц. 1 р.

«Намъ кажется, говоритъ въ своемъ предисловіи проф. Ланге (стр. II), что г. Шмидъ сдѣлалъ свой подборъ искусно, если принять во вниманіе размѣръ книжки и уровень читателя, для котораго она составлена». Съ своей стороны, мы, пожалуй, готовы присоединиться къ мнѣнію одесскаго профессора, но, однако, прежде чѣмъ говорить о томъ, хорошо или худо сдѣланъ подборъ философскихъ статей составителемъ хрестоматіи, мы считаемъ нужнымъ поставить гораздо болѣе общій вопросъ, о томъ, *можно ли вообще сдѣлать хорошій подборъ* для составленія философской хрестоматіи. И мы самымъ рѣшительнымъ образомъ должны дать на это отрицательный отвѣтъ. Самая идея философской хрестоматіи несостоятельна. Она могла зародиться подъ вліяніемъ успѣховъ художественныхъ хрестоматій, но защитники этой идеи забываютъ о громадномъ принципіальномъ отличіи между твореніемъ философскимъ и художественнымъ произведеніемъ. Художественное произведеніе можетъ быть прекраснымъ и въ цѣломъ, и въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, при чемъ, хотя эти отдѣльныя части и имѣютъ общую связь и объединены, какъ цѣлое, высшимъ принципомъ,—онѣ имѣютъ и самостоятельное значеніе. Въ художественномъ произведеніи есть отдѣльныя «красоты», возможенъ даже такой случай, когда въ общемъ довольно посредственное произведеніе имѣетъ одно или нѣсколько выдающихся по художественности мѣстъ. Ничего подобнаго не бываетъ въ области философіи. Если не считать такихъ полуфилософовъ, полубеллетристовъ, какъ Ницше (который, кстати сказать, и не удостоился чести помѣщенія въ

хрестоматію), если обратиться къ чистокровнымъ философамъ, то здѣсь мы, прежде всего, встрѣтимся съ тѣмъ затрудненіемъ, что для *пониманія каждой страницы* даннаго философа нужно хорошо *усвоить весь строй его мыслей*. Вырвать нѣсколько страницъ изъ Канта или Гегеля и приподнести ихъ людямъ, не читавшимъ остальныхъ страницъ этихъ философовъ, значитъ или совершенно поставить втупикъ своего читателя, или, что еще хуже, сбить его съ толку, внушить ему, будто онъ понимаетъ то, чего, въ сущности, онъ не понимаетъ; ибо вѣдь даже главнѣйшіе философскіе термины почти у каждаго самостоятельнаго философа имѣютъ особое, имъ однимъ установленное, значеніе. Когда мы пробѣжали одну страничку, посвященную въ хрестоматіи «Закону логическаго основанія» и выхваченную изъ двухтомной логики Зигварта (имѣющей болѣе 1.200 страницъ), то жалкая роль всѣхъ подобныхъ хрестоматій сдѣлалась намъ особенно наглядной. Вопросъ объ «основаніи» и о «причинѣ» и объ отношеніи между основаніемъ и причиной, вопросъ, надъ которымъ работало столько геніальныхъ головъ, вопросъ, на которомъ потерпѣлъ крушеніе великій Спиноза, этотъ самый вопросъ преподносится читателямъ въ такомъ видѣ, какъ будто бы это было маленькое, но хорошенькое стихотвореніе, которое ребенокъ долженъ выучить къ именинамъ своей бабушки!..

Въ пользу философскихъ хрестоматій проф. Ланге приводитъ то соображеніе, что «никакое изложеніе второй руки не можетъ замѣнить подлиннаго философскаго творенія, такъ же какъ описаніе художественной поэмы не замѣняетъ этой послѣдней» (стр. I). Мы не будемъ настаивать на томъ, что это слишкомъ сильно сказано; что прочитать изложеніе философскихъ системъ у Целлера или Кунофишера, у Гомперца или Виндельбанда не то же самое, что прочитать изложеніе поэмы,—мы не будемъ, повторяемъ, останавливаться на этомъ вопросѣ, мы напомнимъ только профессору логики Ланге, что если бы онъ даже вполнѣ доказалъ малопригодность изложеній, то этимъ онъ еще не доказалъ бы пригодность отрывковъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1908. ***Д. Мережковскій***. Вѣчные спутники Кальдеронъ и Сервантесъ. Ц. 30 к. — ***Его же***. Монтань. Флоберъ. Ц. 30 к.— ***К. Бальмонтъ***. Бѣлыя зарницы. Ц. 1 р. 50 к. —***В. Святловскій***. Профессіональные рабочіе союзы. Вып. I и II. Ц. 1 р—Проф. ***А. Трачевскій***. Новая исторія. Томъ II. 1750—1848 гг. Ц. 3 р.

Изд. С. В. Бунина. Спб. 1908. ***В. Кильчевскій*** Богатства и доходы духовенства. Ц. 15 к.

Изд. „Трудовой Союзъ". 1908. ***П. Веніаминовъ.*** Крестьянская община. Ц 55 к.

Изд. Библіотека „Свѣточа". Спб. 1908. ***С. М. Степнякъ-Кравчинскій.*** Собраніе сочиненій. Часть IV. Андрей Кожуховъ. Ц. 1 р.—Проф ***Н. А. Котляревскій.*** Литературныя направленія Александровской эпохи. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Библіотека свободнаго воспитанія". М. 1907. ***Отто Рюле.*** Дѣти пролетаріата. Ц. 30 к.—Дѣти-работники будущаго. I-я книга Моск. о-ва „Сетлементъ". Ц. 55 к.—***Ю. А. Веселовскій.*** Трагедія дѣтской души. Ц. 55 к.

Изд. „Былины". ***Ванъ.*** Разсказы. Сборникъ I. Спб. 1908. Ц. 40 к.

Изд. „Библіотека Просвѣщенія". Проф ***Ахиллъ Лоріа.*** Соціальный дарвинизмъ. Соціализмъ. Ц. 15 к.—***Фр. Мерингъ.*** Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха Великаго Ц 60 к.—Проф ***Фальбекъ.*** Современный парламентъ. Ц. 40 к. -***Эд. Доллеинъ*** Робертъ Оуэнъ. Ц 50 к.—***А Л. Погодинъ.*** Главныя теченія польской политической мысли (1863—1901). Ц. 3 р.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. ***Бруэръ.*** Обыденныя явленія природы и жизни. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. т-ва А. и И. Гранатъ. Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып 6.

Изд. „Дилетантъ". М. 1907. ***Шарль Бодлеръ.*** Мое обнаженное сердце. Ц. 50 к.

Изд. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1907. Проф. ***С. Н. Булгаковъ.*** Карлъ Марксъ, какъ религіозный типъ. Ц. 25 к. Изд. Виленскаго кн. склада „Знаніе". ***М. Г. Рафесъ.*** Какъ собираются II куда расходуются народныя деньги въ Россіи и иностранныхъ государствахъ. Ц. 10 к.

Изд „Икаръ". М. 1908. ***Августъ Стриндбергъ.*** Брачныя исторіи.

Изд. „Наша Жизнь". ***Г. Штильманъ.*** Внѣпарламентское законодательство въ конституціонной Россіи. Ц. 25 к.

Изд „Новый Міръ". Спб. 1907. За рубежомъ. Международный соціалистическій конгрессъ въ Штутгартѣ. Ц. 60 к.

Изд. книжн. магаз. „Новаго Времени". ***П. М. Невѣжинъ.*** Распадъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Общественной Пользы". ***В. П. Пиконовъ.*** Въ стѣнахъ гимназіи. (Очерки школьной жизни). Ц. 1 р. 25 к.

Изд Ф. Павленкова. Спб. 1907. ***Л. Мельшинъ.*** (***П. Ф. Якубовичъ***). Н. А Некрасовъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Ц. 25 к.

Изд. „Т-ва Издательское бюро". Спб. 1908. ***Артуръ Шницлеръ.*** Маріонетки. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1908. ***В. Анучинъ.*** Сказанія. Ц. 50 к. ***Густавъ Германъ.*** На высотѣ. Драма. Ц. 50 к.

Изд. „Сиріусъ". ***Алексѣй Ремезовъ.*** Прудъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Сотрудничество". ***Викторъ Черновъ.*** Философскіе и соціологическіе этюды. Ц. 2 р.

Изд И Д. Сытина. Проф. ***Л. Е. Владиміровъ.*** Курсъ уголовнаго права. Часть первая. Ц 2 р. 50 к.—***Вильгельмъ Мюнхъ.*** Родители, учителя и школы нашего времени. Ц. 50 к.—Д-ръ мед. ***В. Канель.*** Гигіена. Ц. 2 р.—***Н. Каблуковъ.*** Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. „Посредника". ***П. Бирюковъ.*** Духоборцы. Ц. 1 р.

М. Новорусскій. Земля и ея жизнь. Ц. 40 к.

Изд. Тихомирова. М. 1908. ***Г. Боома.*** Нервныя дѣти. Ц. 50 к.

Изд. С.-Петербургской книжной экспедиціи. 1908. Литературный календарь-альманахъ Ц. 50 к.

П. С. Клейншехетъ. Дѣло объ октябрьскомъ погромѣ въ Симферополѣ. Симферополь. 1907. Ц. 60 к.

А. Шелеръ. Гейнрихъ Гейне. Пер. Ю. Гольдендаха. М. 1906. Ц. 20 к.

К. Д. Бальмонтъ. Жаръ-птица. Свирѣль славянина. Ц. 2 р.

Изд. Панафидиной. М. 1907. ***Н. Денисюкъ.*** Гр. А. К. Толстой. Его время, жизнь и сочиненія. Ц. 30 к.

Изд. В. Л-ва. ***Максъ Клингеръ.*** Живопись и рисунокъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Изд С. В. Бунина. Спб. 1908 ***А. Ѳедоровъ.*** Разсказы. Ц 1 р.

Изд. Иванова. Кіевъ. 1907. ***И. П. Барановъ.*** Леонидъ Андреевъ. Ц. 50 к.

Изд. Панафидиной. ***Н. Денисюкъ.*** Критическая литература о произведеніяхъ гр. А. К. Толстого. Вып. I и II. М. 1907. Ц. 2 р.

Карлъ Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Публичныя лекціи и очерки. Вып. II. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Изд. Дороватовскаго и Чарушнова. М. 1907. ***Жоржъ Сорель.***

ціальные очерки современной экономіи. Ц. 1 р. 25 к

Ал. Билимовичъ. Землеустроительные задачи и землеустроительное законодательство. Кіевъ. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. „Серпъ". Спб. 1907. *С. Лозинскій*. Національный вопросъ и политическія партіи въ Австріи. Ц. 20 к.

П. И. Веселовскій. Въ прошломъ. Проза и стихотворенія. Тифлисъ. 1907. Ц 40 к.

И Х Озеровъ. Что такое общество потребителей, какъ основать его и какъ вести. Ц 35 к.

Александръ Блюменау. „Amores". Стихотворенія. М. 1907. Ц. 1 р.

Изд. „Основа". М. 1908 *Эрнстъ Ферстеръ*. Женскій вопросъ. Ц. 35 к.

Ан. Н. Кремлевъ. Давидъ, Царь Іудейскій. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Владиміръ Станюковичъ. Путевой альбомъ Спб. 1907. Ц. 75 к.

Архимандритъ Анатолій. Въ странѣ шамановъ. Индіане Аляски. Одесса 1907.

Алексѣй Мошинъ. Штрихи и настроенія. Спб. Ц. 1 р.

А. Ѳедоровъ. Стихи 1908. Ц. 1 р.

С. А. Ананьинъ. Софистъ. Діалогъ Платона. Кіевъ. 1907.

Изд Н Глаголева. *Эрнестъ Ренанъ* Антихристъ. Ц. 80 к.—*Эрнестъ Ренанъ*. Исторія Израильскаго народа Томъ II. Ц. 1 р.—*Т. Соколовская*. Русское масонство и его значеніе. Ц 80 к.

Изд. Н. П. Карбасникова. *Б. Б. Глинскій*. Борьба за конституцію. Ц 3 р. 50 к.

Изд. О. Н. Поповой. *Н. А. Рожковъ*. Отъ самовластія къ народовластію 1908. Ц. 1 р.

Изд. И. Д. Сытина и Т-ва „Міръ". М. 1908. Исторія русской литературы. Подъ ред. *Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина*, и *Д Н. Овсянико-Куликовскаго*. Вып. I.

И. Тэнъ. Происхожденіе современной Франціи. Томъ V. Приложеніе къ „Вѣстнику иностранной литературы". 1907.

Случайныя замѣтки.

Педагогическій максимализмъ. Когда старшихъ членовъ семьи судьба заставляетъ рѣшать что-либо важное, отъ котораго зависитъ быть или не быть, дѣтей уводятъ въ дѣтскую и оставляютъ на попеченіи прислуги. Нѣчто въ этомъ родѣ случилось съ русскими дѣтьми за послѣдніе 2-3 года. Передъ Россіей встали основные вопросы соціальнаго и политическаго бытія. Они сплелись въ трагическій узелъ. Почти всѣ силы страны сосредоточились на томъ, чтобы его распутать или разрубить. Старая же трагедія россійскихъ дѣтей школьнаго возраста оказалась не то отодвинутой на задній планъ, не то какъ бы полузабытой.

Дѣтей именно увели въ дѣтскую и оставили на попеченіе прислуги.

Это не значитъ, конечно, что мы, взрослые, совсѣмъ забыли о дѣтяхъ. Вопросъ дѣтскій и въ частности вопросъ школьный несомнѣнно входитъ въ число другихъ вопросовъ, сплетшихся въ узелъ, который надо разрубить или распутать. Но онъ ставится въ связи со многими общими вопросами. Его приходится рѣшать именно въ

этой связи и при томъ въ самой общей постановкѣ, безотносительно къ текущимъ, очереднымъ дѣтскимъ нуждамъ и потребностямъ. Но это значитъ также, что текущее и очередное, которое требуетъ немедленнаго отвѣта, приходилось и приходится рѣшать безотносительно къ нашимъ главнымъ и основнымъ работамъ. Если не всѣ мы, то многіе изъ насъ немножко походимъ на мать, которая, по волѣ судебъ, озабочена тѣмъ, чтобы спасти достояніе семьи и нѣсколько раздраженно говоритъ нянькѣ:

— Дѣти плачутъ... Успокойте ихъ какъ-нибудь. Видите — не до того мнѣ...

И въ самомъ дѣлѣ, намъ не «до того». Да и не сумѣемъ мы при наличныхъ условіяхъ дать сколько-нибудь удовлетворительное рѣшеніе очереднымъ вопросамъ дѣтской жизни. Конечно, дѣти наши растутъ. Имъ нельзя ждать,—когда-то еще появится новый Александръ Македонскій и когда-то онъ разрубитъ россійскій гордіевъ узелъ. Имъ прежде всего надо учиться сейчасъ, немедленно. Но гдѣ? какъ? Въ казенной школѣ? Но за послѣднее время казенная школа слишкомъ тщательно очищена отъ неблагонадежныхъ учителей, слишкомъ изощрена, какъ политическое орудіе въ цѣляхъ укрѣпленія исконныхъ началъ православія, самодержавія и народности, а страна, за то же самое послѣднее время, вынуждена съ особенной ясностью опредѣлить свои отношенія къ этимъ исконнымъ началамъ. Быть можетъ, никогда еще семейныя и вообще внѣшкольныя впечатлѣнія ребенка не были такъ враждебны оффиціальнымъ задачамъ казенной школы, какъ теперь. Пропасть между учениками и школой, и безъ того значительная, углублена и расширена. И многія семьи, которыя прежде хоть и скрѣпя сердце, хоть и въ силу горькой необходимости, но рѣшались пользоваться услугами правительственной школы, нынѣ лишены возможности даже «скрѣпить сердце»: ибо для нихъ очевидно стало, что послать дѣтей, положимъ, въ гимназію или реальное училище, значитъ, обречь ихъ на несомнѣнное столкновеніе съ казеннымъ педагогомъ, на несомнѣнную «исторію», которая неизбѣжно приведетъ къ болѣе или менѣе тяжкимъ для ребенка послѣдствіямъ.

Еще сложнѣе задача, — какъ учить? Казенная рутина — хотѣлось бы какъ можно дальше отъ нея. А «школа будущаго», та «свободная школа», гдѣ образованіе сводится къ гармоническому самоопредѣленію духовныхъ силъ и потребностей ребенка,—далеко она. Гдѣ то, на самомъ краю горизонта, свѣтится огонекъ, но какъ къ нему подойти, — Богъ вѣсть. Въ направленіи отъ рутины къ школѣ грядущаго сдѣлано не мало опытовъ. Но они далеко не всегда удачны. О нихъ среди спеціалистовъ идутъ споры. Относительно ихъ среди огромнаго круга лицъ, просто интересующихся школьнымъ дѣломъ, существуетъ не мало сомнѣній.

Даже въ спокойное время родителямъ, если они дорожатъ индивидуальностью ребенка, весьма не легко сказать:

— Вотъ это хорошо и намъ годится, а это надо отбросить.

И всетаки очередное не ждетъ. Возникаютъ частныя школы. Получилъ довольно широкое распространеніе типъ школы семейной. Разобщенными, а иногда и прямо таки единичными усиліями наскоро приходится опредѣлять, какъ учить и чему учить. Частныя и семейныя школы вовсе не рѣшеніе большого дѣтскаго вопроса. Съ этимъ временнымъ убѣжищемъ миришься поневолѣ, пока идетъ капитальный ремонтъ дома. Даже поскольку дѣло касается чисто техническихъ подробностей, правилъ внутренняго распорядка въ частныхъ и семейныхъ школахъ,—хорошо понимаешь, что многое устраивается слишкомъ наспѣхъ, не того бы хотѣлось, не такъ бы оно нужно, глубже бы слѣдовало вдуматься, яснѣе представить, къ чему ведетъ тотъ или иной шагъ... Но хорошо понимаешь также, что жизнь приняла чисто бивуачный характеръ. Какую новость принесетъ завтрашній день,—неизвѣстно. Рѣшатся общіе вопросы въ одну сторону, и ученическіе годы нашихъ дѣтей пройдутъ такъ-то и такъ-то, рѣшатся общіе вопросы въ другую сторону, и ученическіе годы нашихъ дѣтей пройдутъ совершенно иначе. Самые тонкіе, самые глубокомысленные разсчеты могутъ разлетѣться вдребезги отъ того или иного поворота событій...

Широкая постановка школнаго вопроса въ связи съ рѣшеніемъ очередныхъ дѣлъ стала психологически невозможной. Но именно поэтому явилась возможность смѣло ставить узко-педагогическіе вопросы, которые такъ или иначе приходится рѣшать, между прочимъ, устроителямъ и руководителямъ возникшихъ и вновь возникающихъ семейныхъ школъ. Чему учить, какъ учить, по какому методу, какая должна быть форма школьной жизни, какъ возможно ближе подойти къ идеалу свободной школы, какъ достичь гармоническаго развитія дѣтской индивидуальности,—обо всемъ этомъ стало такъ же легко говорить, какъ легко было нѣсколько лѣтъ назадъ говорить о личномъ самоусовершенствованіи. Когда личность ясно стоитъ передъ тобою, какъ живой и дѣйствующій элементъ общества, въ реальной связи съ многими и сложными общественными вліяніями и въ прямой зависимости отъ нихъ,—разговоръ о самоусовершенствованіи остается на землѣ и въ предѣлахъ весьма узкихъ возможностей. Но когда личность въ общественномъ смыслѣ бездѣйственна, и общественной жизни съ ея властными вліяніями на каждаго въ отдѣльности взятаго человѣка почти не видно и не слышно,—размышленія объ усовершенствованіи легко отрываются отъ земныхъ условій и могутъ быть направлены, куда угодно и до какихъ угодно предѣловъ.

То же и здѣсь. Пока вопросы о формахъ школьной жизни рѣшаются въ связи съ общей постановкой народнаго образованія,—отъ условій и возможностей даннаго времени далеко не уйдешь. Но если рѣшать эти вопросы, какъ нѣчто самостоятельное и отъ общихъ условій независимое, то... вполнѣ понятенъ своеобразный

педагогическій максимализмъ нѣкоторыхъ кружковъ, смѣло идущихъ впередъ, вплоть до попытокъ немедленнаго осуществленія «идеаловъ свободной школы». Этотъ педагогическій максимализмъ, съ его крайне любопытными и поучительными попытками перейти отъ словъ къ дѣлу, до сихъ поръ мало замѣченъ общею печатью. Мало обращала на него вниманія и спеціальная литература. Но, насколько я понимаю, онъ становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ общественнымъ явленіемъ. Между прочимъ, его теоретическому обоснованію и практическому осуществленію въ значительной мѣрѣ посвященъ новый педагогическій органъ: «Свободное Воспитаніе», начавшій выходить въ Москвѣ съ конца осени 1907 г. подъ редакціей П. И. Горбунова-Посадова. Появленіе этого органа позволяетъ судить о педагогическомъ максимализмѣ не только по наслышкѣ. Судить же есть о чемъ. И присмотрѣться есть къ чему.

Собственно, теоретическая часть, поскольку она выражена «Свободнымъ Воспитаніемъ», мало даетъ новаго. «Школа — мѣсто для свободнаго труда... Въ новой школѣ не будетъ мѣста никакому принужденію»... «Помочь молодой душѣ свободно созрѣть и родиться для свободной самостоятельной жизни — вотъ въ чемъ задача истиннаго педагога»... «Еще Руссо высказалъ великую мысль о необходимости гармоническаго соединенія производительнаго физическаго труда съ умственнымъ развитіемъ дѣтей въ школѣ». Все это именно «еще Руссо сказалъ»... Но среди того, что «Руссо сказалъ» встрѣчаются и кое-какія оригинальныя мысли, чаще всего довольно-таки неожиданныя. Рядомъ съ выясненіемъ, напр., роли производительнаго труда въ школѣ будущаго», выясняется также, почему «будетъ исключено нами изъ понятія производительнаго труда... производство такихъ предметовъ, какъ спиртные напитки и табакъ». Въ одномъ этомъ стремленіи «исключить спиртные напитки и табакъ» чуткое ухо уловитъ весьма знакомый мотивъ. И вообще въ теоріи педагогическаго максимализма,—по скольку она опять таки выражена «Своб. Восп.»—чуткое ухо уловитъ цѣлый рядъ знакомыхъ мотивовъ: есть тутъ и проповѣдь малыхъ дѣлъ, и черты практическаго толстовства, и нѣчто отъ «кающагося дворянина», и нѣчто отъ утопическаго соціализма, и кое-что другое. Все это въ довольно новомъ и крайне своеобразномъ сочетаніи. Но углубляться въ этотъ сложный переплетъ старыхъ мотивовъ значило бы слишкомъ далеко отойти отъ чисто педагогической стороны дѣла. И потому теорію оставлю въ покоѣ,—благо она не даетъ ничего новаго въ смыслѣ развитія положительныхъ идеаловъ «Свободнаго Воспитанія». Старое же мы достаточно знаемъ. И для насъ въ данное время интересно, какъ люди осуществляютъ это старое теперь же, немедленно, и чего на своемъ пути достигаютъ.

Въ № 1 «Свободнаго Воспитанія» напечатана замѣтка г. М. К.

«Опытъ семейной школы въ Москвѣ». Г. М. К. говоритъ объ этой школѣ весьма сочувственно, мѣстами почти восторженно, и видимо близко стоялъ къ ней. Основана она была «дружескимъ кружкомъ» родителей. Кружокъ сплотился, отчасти благодаря газетной агитаціи. А газетная агитація (въ Москвѣ) возникла по поводу лекціи г. Вентцеля на тему: «Какъ создать свободную школу или Домъ свободнаго ребенка» *). Члены кружка, по словамъ автора замѣтки, «задумали создать не сколько-нибудь сносную школу, а самую лучшую, какую они только способны были себѣ представить».

«Основная мысль была та, что мы, родители, ни на кого не должны сваливать заботу о воспитаніи и образованіи нашихъ дѣтей, но сами, собственными усиліями, должны попытаться создать для нихъ свободную школу, взаимно поддерживая и дополняя другъ друга и вырабатывая совмѣстно на практикѣ пріемы веденія дѣла на началахъ полной свободы и уваженія къ личности ребенка и къ его самостоятельнымъ духовнымъ запросамъ» *).

Такимъ образомъ, мысль основателей колебалась среди нѣсколькихъ противорѣчій. Съ одной стороны, «мы» желаемъ «создать» для нашихъ дѣтей» «самую лучшую школу, какую только можно себѣ представить». Съ другой,—«мы» не знаемъ, какъ это сдѣлать. Съ третьей,—«мы не должны ни на кого сваливать» это. Единственный, казалось бы, выводъ отсюда: значитъ, нечего мечтать о самой лучшей школѣ, будемъ учить, какъ умѣемъ. Кружокъ, однако, рѣшилъ, что идеальную школу надо все таки устроить и въ ней «совмѣстно на практикѣ выработать пріемы веденія дѣла». Оставалось, въ сущности, неяснымъ, что предполагаютъ члены кружка,—учить своихъ дѣтей или учиться на своихъ дѣтяхъ. Но «уча, учимся...» «Осенью 1906 г. происходили многочисленныя и частыя собранія учредителей». Вопросъ, какъ создать «свободную школу», не зная «пріема веденія дѣла», разсматривался всесторонне. И характерно, между прочимъ, что много времени заняли соображенія о прислугѣ.

Г. М. К. ничего не говоритъ объ имущественномъ положеніи членовъ кружка. Но, судя по тому, что школа, основанная ими, требовала значительныхъ денежныхъ затратъ,—это люди, не привыкшіе жить безъ домашней прислуги. Но вѣдь домашняя прислуга—вообще аномалія. Конечно, въ свободной школѣ, въ школѣ будущаго, прислуги не должно быть. А съ другой стороны, наши дѣти не такъ воспитаны, не могутъ все дѣлать сами... Жажда осуществить идеалъ была столь велика, что кружокъ все таки рѣшилъ: въ «нашей школѣ прислуги не полагается». Въ дѣйствительности это значило, что «нѣкоторыя матери» взяли на себя трудъ «по

*) Лекція эта впослѣдствіи издана отдѣльной брошюрой.

**) „Свободное Воспитаніе", № 1.

очереди» выполнять разныя работы. Кромѣ того, «одинъ изъ членовъ» согласился «поселиться въ школѣ, ежедневно собственноручно топить печи, колоть и приносить дрова, приводить въ порядокъ комнаты и принимать по утрамъ дѣтей». Проще говоря, члены кружка предпочли лучше взять на себя роль прислуги, чѣмъ отказаться отъ идеала или допустить своихъ дѣтей къ такой черной работѣ, какъ носить дрова. . Возникло, однако, еще затрудненіе: кто же будетъ «мыть полы» и производить «капитальную чистку»? Въ кружкѣ охотниковъ на эту работу не оказалось, и ее «пришлось, къ сожалѣнію,—какъ выражается «Свободное Воспоминаніе»—возлагать на лицо, приглашаемое по найму».

Повидимому, не такъ волновалъ членовъ кружка другой вопросъ,—какъ осуществить «начало полной свободы ребенка». Кружокъ рѣшилъ это въ чисто отрицательномъ смыслѣ: въ школѣ не должно быть никакихъ обязательныхъ работъ, никакой регламентаціи образовательнаго труда. «Дѣтямъ предоставлялась свобода заниматься, чѣмъ угодно, съ кѣмъ угодно, когда и сколько угодно, и безпрепятственно переходить отъ одного занятія къ другому или къ играмъ». Предполагалось, между прочимъ, что руководители, способные воплотить эту систему въ нѣчто цѣнное, найдены. Предполагалось также между прочимъ, что сами дѣти не питаются тѣми впечатлѣніями общественнаго бытія, среди которыхъ живетъ страна, и которыя разрыхляютъ и отравляютъ естественное въ здоровомъ человѣкѣ стремленіе къ спокойному, усидчивому и систематическому труду. Былъ нанятъ особнякъ въ Кривоарбатскомъ переулкѣ. 1 октября школа начала дѣйствовать. Учредители назвали ее «Домомъ Свободнаго Ребенка».

Въ «Домѣ Свободнаго Ребенка» «время отъ времени бывали чтенія литературныя, чтенія по географіи и естествознанію, занятія счетомъ, письмомъ, физическими опытами, языками нѣмецкимъ и французскимъ». Авторъ замѣтки не объясняетъ, кто велъ эти «чтенія и занятія» и какъ велъ. Но они именно «бывали» и при томъ лишь «время отъ времени», такъ какъ «въ свободной школѣ производительный физическій трудъ долженъ быть главнымъ дѣломъ, а книжное обученіе—дополнительнымъ» *). И если дѣти ежедневно приходили въ «Домъ Свободнаго Ребенка», то именно для занятія «производительнымъ физическимъ трудомъ», а не для «книжнаго обученія». Судя по описанію М. К., въ «Домѣ Свободнаго Ребенка» не было даже традиціонныхъ классныхъ помѣщеній. «Въ одной комнатѣ стояло нѣсколько столярныхъ верстаковъ, шкафы и полки для инструментовъ и матеріаловъ, простой самодѣльный токарный станокъ; въ каминѣ былъ устроенъ маленькій горнъ, имѣлись тиски и инструменты слесарные». Въ другой комнатѣ «происходили письменныя занятія рисованіемъ, лѣпкой и отчасти рукодѣльемъ;...

*) «Свободное Воспитаніе», № 1, стр. 44.

имѣлся особый столъ и необходимые матеріалы и инструменты». «Третья комната именовалась ботанической». Къ сожалѣнію, авторъ не объясняетъ, почему онъ держится столь своеобразной терминологіи: «занятія рукодѣльемъ и лѣпкой происходили постоянно», переплетные и слесарные инструменты «имѣлись», столярные верстаки «стояли», а «ботаническая комната» даже только «именовалась». Можно бы, пожалуй, считать это редакціоннымъ недосмотромъ, хотя и нѣсколько страннымъ въ замѣткѣ, посвященной описанію школы, въ которой главное вниманіе было сосредоточено на производительномъ физическомъ трудѣ. Но редакціонныя странности заходятъ слишкомъ далеко. Ни авторъ замѣтки о московскомъ «опытѣ», ни журналъ, придающій этому опыту большое принципіальное значеніе, совершенно не касаются самаго важнаго обстоятельства: дѣйствительно ли дѣти занимались «трудомъ»,—не то, чтобы «производительнымъ», а хотя бы только столярнымъ, слесарнымъ и переплетнымъ? Вообще весьма далекимъ отъ идеала, всего лишь «ручнымъ», но трудомъ? И если занимались, то кто руководилъ этими занятіями,—сами родители, или «лица, приглашаемыя по найму»? Авторъ и журналъ обходятъ эти вопросы глухимъ упоминаніемъ: «никакого заранѣе установленнаго внѣшняго распорядка, никакой обязательной внѣшней системы при этихъ занятіяхъ не наблюдалось. На стѣнѣ вывѣшено было росписаніе, въ которомъ значилось, что въ такіе-то дни и часы въ школу обѣщались приходить такіе-то руководители, но затѣмъ предоставлялась полная свобода».

И «самая большая комната отведена была для игръ, которыя могли происходить во всякое время»,—какъ въ дни и часы, назначенные для «производительнаго труда», такъ равно въ дни и часы, назначенные для «книжнаго обученія». «Опытъ перваго года,—оканчиваетъ авторъ замѣтки,—еще не далъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ». Меланхолически звучатъ эти уклончивыя «могли происходить» объ играхъ, и «еще не вполнѣ удовлетворительно» о результатахъ. Меланхолически звучитъ прошедшее время, употребляемое авторомъ замѣтки при описаніи обстановки «Дома Свободнаго Ребенка». «Стояли» станки, «имѣлись инструменты», «именовалась» комната... Стоятъ ли они теперь? Имѣются ли? Именуется ли? «Опытъ», начатый съ 1 октября 1906 г., закончился раньше мая 1907 г. А возобновился ли? Продолжается ли? И не находя въ «Своб. Восп.» никакого намека, который позволялъ бы отвѣтить на эти вопросы утвердительно, я, признаюсь, тоже чувствую себя нѣсколько меланхолически.

Стремленіе къ свободной школѣ само по себѣ законно и свято. Свято и законно сознаніе, что «нанятая прислуга»—аномалія. Свято и законно желаніе, чтобы дѣти учились по внутреннему побужденію, а не подъ давленіемъ извнѣ. Мысль, что производительный трудъ долженъ лежать въ основѣ образовательной си-

стемы,—большая и важная мысль, хоть и дошла она до московскаго кружка въ нѣсколько недоразумѣнномъ видѣ. Неповинно это законное, святое, большое и важное, что къ нему устремились люди, предполагающіе ужъ слишкомъ легко перескочить «изъ царства необходимости въ царство свободы». Живя въ условіяхъ, исключающихъ возможность гармоническаго самоопредѣленія чьихъ-бы то ни было силъ и потребностей, они мечтали, однако, предоставить эту возможность своимъ дѣтямъ. Воспитанные сами и воспитывающіе своихъ дѣтей въ условіяхъ общественнаго строя, при которомъ неизбѣжна домашняя прислуга, они, тѣмъ не менѣе, полагали, что властную силу этихъ условій можно преодолѣть простымъ «добрымъ желаніемъ». Живя въ обществѣ, гдѣ производительный физическій трудъ для однихъ—занятіе неблагородное, для другихъ—согласно Библіи, божеское наказаніе за грѣхъ прародителя, они всетаки надѣялись построить для своихъ дѣтей образовательную систему, основанную на производительномъ физическомъ трудѣ.

Если отвлечься отъ частностей, то основная ошибка московскаго кружка сводится именно къ желанію осуществить нѣчто внѣ времени и пространства. Кружокъ полагалъ, будто общія условія русской жизни—сами по себѣ, а «Домъ Свободнаго Ребенка»—самъ по себѣ. И какъ бы ни сложилась русская жизнь, какія бы начала ни возобладали въ ней, но «мы, родители» хотимъ «создать самую лучшую», вполнѣ идеальную школу и создадимъ. При чемъ тутъ, въ самомъ дѣлѣ, какія-то «общія условія», разъ мы хотимъ сейчасъ, немедленно осуществить свой идеалъ? Естественно, что на этомъ пути, выражаясь уклончивымъ языкомъ «Свободнаго Воспитанія», «еще не достигнуты вполнѣ удовлетворительные результаты». Было бы также естественно, если бы люди сдѣлали отсюда правильный выводъ:

— Идеалы хороши, да путь-то нашъ оказался плохъ и ошибоченъ.

Къ несчастью, вполнѣ мыслимъ и неправильный выводъ:

— Мы сдѣлали все возможное. Но это просто чепуха. И свободная школа—чепуха. И насчетъ прислуги—чепуха. И разговоры о производительномъ трудѣ—чепуха. Старинная палка-то, видно, и вирямь вѣрнѣе и здоровѣе.

И такъ какъ нельзя ручаться, что всѣ члены московскаго кружка сумѣютъ сдѣлать правильный выводъ, то, повторяю, невольно настраиваешься на меланхолическій ладъ: родители поиграли въ «Домъ Свободнаго Ребенка» и обожглись, а за побитые горшки, пожалуй, взыщутъ съ младенцевъ, хотя младенцы и безъ того достаточно заплатили и за верстаки, которые «стояли», и за ботаническую комнату, «которая именовалась» и за многія другія принадлежности, вплоть до «росписанія», которое, правда, висѣло, но не всѣ питомцы «Дома Свободнаго Ребенка» умѣли его читать

и понимать... Съ нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, еще надо было «заниматься счетомъ и письмомъ».

Было бы утѣшительнѣе, если бы авторъ замѣтки призналъ открыто: «опытъ кончился крахомъ». Всетаки думалось бы,— значитъ, опытъ если не послѣдній, то одинъ изъ послѣднихъ- значитъ, не такъ ужъ долго дѣти будутъ расплачиваться за легко, мысленное родительское стремленіе не считаться съ законами соціальнаго бытія. Но въ уклончивомъ «еще не вполнѣ удовлетворительно», звучитъ не только меланхолія. Въ немъ звучитъ также надежда, что дѣло не проиграно, что охотники немедленно, теперь, въ 1907 г., при третьей Государственной Думѣ и при генералъ-губернаторѣ Гершельманѣ создать «Домъ Свободнаго Ребенка», не перевелись. И становится горько за участь дѣтей, которымъ еще предстоитъ расплата. И становится обидно за то святое, законное, большое и важное, что есть въ педагогическомъ максимализмѣ.

А. Петрищевъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ.: отъ А. Черемшанской—2 р.

А всего съ прежде поступившими . . . . . 146 р. 45 к.

Въ пользу безработныхъ: отъ С. Эйноръ, изъ Полтавы—1 р.; отъ А. Черомшанской—2 р.

Итого . . . . . 3 р.

Въ пользу дѣтскихъ столовыхъ: собранные Е. М. Пищиковой—15 р.

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ С. А. Ш.—5 р.; отъ А. Черемшанской—2 р.; черезъ И. Ю. Рабиновича, изъ Ярославля 20 р.; отъ в-ча Николаева—5 р.; отъ неизвѣстнаго—5 р.: отъ М. Чеботарева. изъ Орла—10 р.; отъ подписчицы № 8181, изъ Александровска Грушевскаго—1 р.; отъ М. А. Е. 15 р.

Итого . . . . . 63 р.

Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ первой и второй Государ. Думы: отъ М. А. Е.—15 р.; отъ С. А. Ш.—3 р.

Итого . . . . . 18 р.

Въ пользу б. шлиссельбургцевъ: отъ А. Воробьева изъ г. Сумы—10 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НИВА ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1908 г.**

Кромѣ **52 №№** самаго журнала и др. къ нему приложеній, **ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:**

Полное собраніе сочиненій въ

28 книгахъ **Глѣба Ив. УСПЕНСКАГО**

Съ обширной критико-біографической статьей Н. К. Михайловскаго.

Полное собраніе сочиненій въ

10 книгахъ **Гергарта ГАУПТМАНА**

Въ образцовыхъ переводахъ извѣстныхъ писателей, съ критико-біогр. очеркомъ.

Дневникъ и письма въ

2 книгахъ **гр. Алексѣя ТОЛСТОГО,**

которые представятъ идейное дополненіе къ „Собр. соч." въ видѣ IV тома.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ", ВСЕГО

52 КНИГИ, *т.-е., независимо отъ друг. приложеній,* **ПО ОДНОЙ КНИГѢ ПРИ КАЖДОМЪ № „НИВЫ".**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" со всѣми приложеніями на годъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: безъ доставки—**6 р. 50 к.** съ доставкою—**7 р. 50 к.**

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ МѢСТА РОССІИ 8 р. За границу—**12 р.**

Разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Гг. новые подписчики на 1908 г. могутъ получить, кромѣ „Нивы" 1908 г., еще **10 книгъ гр. А. Н. ТОЛСТОГО за 1907 г.** за единовременную доплату: безъ доставки **2 руб.**, съ дост. и перес. **2 р. 50 к.**

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, Въ Контору журнала „НИВА", улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 годъ НА

„Нижегородскій Листокъ"

(годъ изданія XVI-й).

Составъ редакціи и сотрудниковъ остается прежній.

Съ открытія парламентской сессіи въ «Нижегородскомъ Листкѣ» помѣщаются статьи и сообщенія собственнаго спеціальнаго корреспондента редакціи изъ Государственной Думы. Будутъ также помѣщаться оригинальныя статьи членовъ Государственной Думы какъ отъ Нижегородской губерніи—А. В. Иконникова, Г. Р. Килевейна и А. А. Савельева, такъ и друг.

Подписная цѣна: Для городскихъ и сормовскихъ подписчиковъ: На 1 м—1 р., 2 м—1 р. 50 к., 3 м.—2 р., 4 м—2 р. 50 к., 5 м.—3 р. 25 к., 6 м.—4 р., 7 м.—4 р. 50 к., 8 м.—5 р., 9 м.—5 р. 50 к., 10 м.—6 р.,11 м.—6 р. 50 к., 12 м.—7 р.; для иногороднихъ подписчиковъ. На 1 м.—1 р., 2 м.—1р. 75 к., 3 м.—2 р. 50 к., 4 м.—3 р., 5 м.—4 р., 6 м.—4 р. 50 к., 7 м—5 р., 8 м.—5 р. 50 к., 9 м.—6 р. 25 к., 10 м.—7 р., 11 м.—7 р. 50 к., 12 м.—8 р.

Открыта подписка на „Нижегородскій Листокъ"; 1, въ главной конторѣ редакціи—на Б. Покровкѣ въ д. Приспѣшникова и 2, въ газетномъ кіоскѣ въ Блиновскомъ саду на Нижнемъ Базарѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ 1908 г.

Популярный „Литературно-Медицинскій" журналъ

подъ редакціей д-ра Б. А. Окса и академ. кн. И. Р. Тарханова. (11-й годъ изд.). Учебнымъ отдѣломъ Министерства Торговли и Промышленности рекомендованъ для фундаментальныхъ библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Кромѣ популяризаціи медицинскихъ знаній, журналъ отражаетъ сужденія о медицинѣ и врачахъ въ произведеніяхъ знаменитыхъ писателей и въ современной литературѣ.

Подписчики „Литературно-Медицинскаго" журнала получаютъ безплатно ежемѣсячный народный медицинскій журналъ

„ДОМАШНІЙ ДОКТОРЪ"

подъ редакціей д-ра Б. А. Окса и академ. кн. И. Р. Тарханова.

Въ журналѣ общепонятнымъ языкомъ излагается все, что способствуетъ охраненію здоровья и продленію жизни.

Въ 1908 году въ Литературно-Медицинскомъ журналѣ будутъ, между прочими, напечатаны слѣдующія сочиненія:

1) **Академикъ кн. И. Р. Тархановъ.** Кровообращеніе и питаніе тканей. Изъ лекцій по физіологіи, патологіи и гигіенѣ крови, дыханія и пищеваренія. 2) **Д-ръ Б. А. Оксъ.** Физіологія сна и сновидѣній. Второе переработанное изданіе. 3) **Женщина врачъ М. М. Волкова.** Здоровье дѣвочки до половой зрѣлости. 4) **Д-ръ Л. М. Василевскій.** Медицина въ классической живописи (по сочиненію д-ра E. Holländer'a Die Medizin in der klassischen Malerei"). Анатомія, медицинскія группы, кожныя и внутреннія болѣзни, хирургія, зубныя болѣзни. Съ роскошными рисунками. 5) **Проф. П. Дюбуа.** Воображеніе, какъ причина болѣзней. (Перев. съ нѣмецкаго). 6) **Д-ръ Вилли Гельпахъ.** Психическія эпидеміи. (Перев. съ нѣм.). 7) **Д-ръ М. Е. Ліонъ.** Невинная молодежь (половое воздержаніе мужчинъ). 8) **В. Брусянинъ.** Данилычъ. Очеркъ. 9) Во врачебныхъ сферахъ, библіографія, практическая медицина (рефераты) и др. сочиненія. 10) Двѣнадцать номеровъ журнала «Домашній Докторъ» съ разнообразнымъ содержаніемъ.

Цѣна «ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЦИНСКАГО ЖУРНАЛА»: **4 руб.** за годъ, **2 руб.** за полгода и **1 руб.** за 3 мѣсяца съ пересылк.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только при непосредственной подпискѣ черезъ контору редакціи (Спб. Морская ул., 27)

Редакторъ-Издатель д-ръ **Б. А. Оксъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

(XVIII-й годъ изданія)

„Сибирскій Листокъ".

Выходитъ въ Тобольскѣ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: На 1 годъ—5 руб., на полгода—3 руб., 3 мѣс.—1 руб. 50 коп.; на 1 мѣс.—60 коп.

Цѣна объявленій за строку петита на первой страницѣ 20 к., на послѣдней 10 коп. За разсылку отдѣльныхъ объявленій по одному рублю за сотню.

Мелкія суммы принимаются почтовыми марками.

Иногородніе адресуютъ: Тобольскъ. Редакція „Сибирскаго Листка".

Редакторъ-издательница **М. Н. Кострома**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„Саратовскій Листокъ“

въ 1908 году (46-й годъ изданія).

Подписная цѣна съ доставкою въ Саратовѣ и въ Покровской сл.: на годъ—7 р., 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 50 к., 2 мѣс.—2 р., 1 мѣс.—1 р. Съ пересыл. въ другіе города: на годъ—8 р., 11 мѣс.—7 р., 10 мѣс.—6 р. 50 к., 9 мѣс.—6 р., 8 мѣс.—5 р. 50 к., 7 мѣс.—5 р., 6 мѣс.—4 р. 50 к., 5 мѣс.—4 р., 4 мѣс.—3 р. 50 к., 3 мѣс.—3 р., 2 мѣс.—2 р. 40 к., 1 мѣс.—1 р. 20 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая ул., домъ Оневорге; въ сл. Покровской у П. М. Осыко.

Редакторъ-издатель П. О. Лебедевъ.

Издатель И. П. Горизонтовъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

„Астраханскій Листокъ“

будетъ выходить въ 1908 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, независимая отъ какихъ-либо партій и кружковъ. Основная задача газеты: содѣйствіе осуществленію широкихъ народныхъ реформъ путемъ мирнаго преобразованія государства и народнаго быта на демократическихъ началахъ.

Дѣятельное представительство краевыхъ интересовъ.

Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ.

Самый полный торгово-промышленный и сел.-хозяйств. обзоръ юго-востока Россіи. Точныя свѣдѣнія съ рынковъ рыбнаго, соляного, хлѣбнаго нефтяного, мясного, о судоходствѣ, садоводствѣ, и др.

Подписная цѣна съ пересылкою: на годъ—7 руб. 50 коп., полгода—4 руб. 50 коп., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.

„Астраханскій Листокъ“ расходится больше, чѣмъ всѣ прочія астраханскія изданія, взятыя вмѣстѣ.

Подписка принимается исключительно въ Астрахани, въ конторѣ „Астрах. Листка“, по Мало-Демидовской улицѣ, свой домъ.

Редакторъ-издатель В. И. Силабинскій.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНАЯ ЗАРЯ.

Большая ежедневная газета, выходитъ въ Екатеринославѣ подъ редакціуй А. Я. Ефимовича, изданіе П. Г. Гезе.

Подписная цѣна: Городск. съ доставкой. На годъ 6 р., 6 м.—3 р. 50 к., 3 м.—2 р., 1 м.—70 к. Иногороднимъ на годъ 7 р., 6 м.—4 р., 3 м.—2 р. 50 к., 1 м.—90 к. Заграницу на годъ 12 р., 6 м.—7 р., 3 м.—4 р., 1 м.—1 р. 50 к.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ «Южной Зари».—(Екатеринославъ, проспектъ домъ Ильева). Объявленія изъ Петербурга, Москвы, и вообще Сѣверо-Западн. района принимаются въ конторѣ торгов. дома Метцль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 г.

на ежедневную большую общественно-политическую и литературную газету

„Волжское Слово“

издающуюся въ гор. Самарѣ.

Газета будетъ выходить при значительно увеличенномъ новыми силами составѣ редакціи, при чемъ къ участію въ ней приглашены видные сотрудники столичныхъ изданій.

Корреспондентомъ въ Государств. Думу приглашенъ С. С. Кондурушкинъ.

Подписная цѣна. Для городскихъ: На годъ безъ дост.—6 р., съ доставк.—7 р. на 1/2 года—3 р. 60 к., на 1/4 года 1 р. 80 к., на 1 мѣс.—65 к. Для иногороднихъ: на годъ—7 р., на 1/2 полгода—3 р. 60 к., на 1/4 года—2 р., на 1 мѣсяцъ—75 к.

Адресъ конторы и редакціи: Самара, Саратовская, д. Подбѣльскаго

Редакторъ-издатель В. Вѣтровъ. Редакторъ К. Троицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 годъ (II-й годъ изданія).

На ежедневную политическую, общественную, литературную и экономич. газету

„УТРО“

издающуюся въ г. Харьковѣ, Николаевская площадь, д. Земельнаго Банка.

При ближайшемъ участіи Проф. Ар. Ник. Фатѣева.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: На 12 м.—9 р., 11 м.—8 р. 50 к., 10 м.—8 р., 9 м.—7 р. 50 к., 8 м.—6 р. 75 к., 7 м.—6 р., 6 м.—5 р. 25 к., 5 м.—4 р. 50 к., 4 м.—3 р. 65 к., 3 м.—2 р. 80 к., 2 м.—1 р. 90 к., 1 м.—1 р. За границу вдвое.

Учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, народнымъ учителямъ, безплатнымъ народнымъ библіотекамъ-читальнямъ, сельскимъ священникамъ, фельдшерамъ, фельдшерицамъ, акушеркамъ, а также рабочимъ подписывающимся на газету черезъ свои организаціи, подписная плата 70 к. въ мѣсяцъ.

Редакторъ П. Г. Риттеръ. Издатель А. А. Жидскій

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 годъ. (IX годъ изданія)

на литературную и политическую газету

„Амурскій Край“.

Газета выходитъ ежедневно кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Подписная цѣна: за годъ съ доставкой и перес. 9 р., 6 м.—5 р., 1 м.—1 р. Въ розничной продажѣ отдѣльный номеръ 5 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Благовѣщенскѣ на Торговой у. № 38.

Редакторъ-Издатель Г. И. Клитчогду.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 г.

на ежедневную общественно-литературную газету

„Вятскій Край“

Газета выходитъ въ Вяткѣ, по програмѣ большихъ столичныхъ газетъ, внѣпартійная, прогрессивная.

Подписная цѣна: На годъ 6 р.; на 6 м.—3 р. 50 к.; на 3 м.—1 р. 75 к.; 1 мѣсяцъ—65 к.

Контора газеты: Вятка, уг. Николаевской и Пятницкой, д. Либерманъ

Издательница А. Н. Праздникова. Редакторъ Н. І. Новиковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 годъ. (III-й годъ изд.)

Вѣстникъ Народной Свободы.

Еженедѣльникъ к-д.

Еженедѣльникъ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи В. Д. Набокова и А. И. Каминка, по прежней программѣ и съ тѣмъ же составомъ сотрудниковъ.

Въ вышедшихъ №№ „Вѣстника Народной Свободы" помѣстили, между прочимъ, статьи слѣдующіе авторы: А. Ю. Блохъ, Н. А. Бородинъ, А. В. Вергежскій, І. В. Гессенъ, профессоръ Н. А. Гредескулъ, А. П. Гресеръ, кн. Павелъ Дм. Долгоруковъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, А. С. Изгоевъ, Н. М. Іорданскій, прив.-доц. А. И. Каминка, профессоръ Н. И. Карѣевъ, А. А. Кауфманъ, А. А. Кизеветтеръ, А. М. Колюбакинъ, А. А. Корниловъ, прив.-доц. С. А. Котляревскій, Н. Н. Кутлеръ, А. Р. Ледницкій, П. Н. Милюковъ, М. М. Могилянскій, А. А. Мухановъ, В. Д. Набоковъ, И. И. Петрункевичъ, А. А. Прессъ, Д. Д. Протопоповъ, Ѳ. И. Родичевъ, Л. Родіоновъ, А. В. Смирновъ, П. Б. Струве, Л. С. Таль, А. В. Тыркова, З. Г. Френкель, прив.-доц. М. И. Фридманъ, Н. Н. Черненковъ, кн. Д. И. Шаховскій, Г. Швиттау, А. И. Шингаревъ, Л. И. Шифъ, профессоръ Н. Н. Щепкинъ, Е. Якушкинъ, Л. Яснопольскій и др.

Кромѣ статей, въ „Вѣстникѣ Народной Свободы" отводится много мѣста сообщеніямъ о текущей партійной жизни. Относящійся сюда матеріалъ располагается по слѣдующимъ постояннымъ рубрикамъ:

Центральный комитетъ: Отчеты о засѣданіяхъ и дѣятельности ц. к. циркуляры ц. к. мѣстнымъ партійнымъ организаціямъ, отчеты о дѣятельности состоящихъ при ц. к. комиссій: аграрной, рабочей, церковной и т. д.

С.-Петербургская и Московская группы: Отчеты о засѣданіяхъ и дѣятельности городскихъ и губернскихъ комитетовъ, а также районныхъ комитетовъ к.-д. партіи въ столицахъ. Отчеты о собраніяхъ, рефератахъ и т. п.

Провинціальный отдѣлъ: Корреспонденціи, отчеты и хроника партійной жизни на мѣстахъ.

Изъ жизни другихъ партій: Сообщенія о выдающихся моментахъ жизни другихъ партій—лѣвыхъ и правыхъ. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются, между прочимъ, отчеты о съѣздахъ и всѣ важнѣйшія постановленія и резолюціи партійныхъ организацій Россіи.

Особое вниманіе удѣлено Государственной Думѣ и дѣятельности парламентской фракціи партіи Народной Свободы. Въ «Вѣстникѣ» печатаются, между прочимъ, всѣ законопроекты партіи, предназначенные для внесенія въ Государственную Думу.

Подписная цѣна:

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—5 р., на полгода—3 р.

Разсрочка: при подпискѣ 3 р. и къ 1 мая 2 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала—Кирочная, № 30, отдѣленіе конторы для городскихъ подписчиковъ при конторѣ газеты «Рѣчь», Невскій пр., № 13 (въ кн. маг. Вольфа); 2) въ Москвѣ: при книжномъ складѣ „Народное Право", Б. Никитская, Чернышевскій пер., домъ Пустошкина, кв. 26; 3) въ комитетахъ конституціонно-демократической партіи.

Издатель **В. Д. Набоковъ** Редакторъ **А. Ю. Блохъ**.

ПОДПИСКА на 1908 г. (41 г. изданія) на ежедневную газету

„ДОНЪ"

(въ Воронежѣ).

Условія подписки: Съ доставкой въ Воронежѣ, на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к., на 3 м.—2 р., на 1 м.—75 к. Съ пересылкой въ другіе города. На годъ 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 руб.

Ред.-Издатель **В. Веселовскій**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на внѣпартійный историческій и историко-литературный журналъ

„Минувшіе Годы".

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами 18—20 листовъ.

Программа: 1. Изслѣдованія и статьи по русской исторіи и русской литературѣ. 2. Матеріалы, документы, мемуары и письма изъ области русской исторіи и русской литературы. 3. Біографіи дѣятелей русской исторіи и литературы. 4. Критика историческая и литературная и библіографія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: В. П. Акимовъ, М. А. Антоновичъ, К. К. Арсеньевъ, М. Ю. Ашенбреннеръ, Ф. Д. Батюшковъ, А. В. Бауеръ, П. А. Берлинъ, П. Д. Боборыкинъ, В. Я. Богучарскій, А. К. Бороздинъ, В. Я. Брюсовъ, В. Л. Бурцевъ, В. Н. Бугаевъ, П. И. Вейнбергъ, С. А. Венгеровъ, Е. Н. Водовозова, В. В. Водовозовъ, М. О. Гершензонъ, И. С. Джабадари, А. И. Иванчинъ-Писаревъ, Н. И. Іорданскій, Н. И. Карѣевъ, А. А. Кизеветтеръ, В. О. Ключевскій, М. М. Ковалевскій, Н. А. Котляревскій, А. А. Корниловъ, В. П. Кранихфельдъ, Л. П. Купріянова, Е. Д. Кускова, М. К. Лемке, Г. А. Лопатинъ, О. И. Любатовичъ, И. И. Майновъ, И. Л. Манучаровъ, П. Н. Милюковъ, Н. А. Морозовъ, Д. С. Мережковскій, Н. К. Муравьевъ, М. В. Новорусскій, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Н. П. Павловъ-Сильванскій, Л. Ф. Пантелѣевъ, Э. К. Пекарскій, А. В. Прибылевъ, А. П. Прибылева-Корба, А. С. Пругавинъ, П. Н. Переверзевъ, Ф. И. Родичевъ, Н. С. Русановъ, С. Г. Сватиковъ, В. И. Семевскій, Е. В. Тарле, В. Г. Танъ, М. Н. Тригони, Н. И. Фалѣевъ, В. Н. Фигнеръ, Д. В. Философовъ, П. Е. Щеголевъ, В. Е. Якушкинъ и др.

Цѣна журнала: на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. За границу (при выпускѣ изъ Россіи)—10 р. Выписывающіе черезъ мѣстныя заграничныя почтовыя учрежденія платятъ только 8 р. 50 к. Цѣна отдѣльнаго номера—1 руб.

Подписка городская принимается: въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостиный дворъ, 18 и Невскій просп., д. № 13, въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ и Моховая.

Подписка иногородняя направляется по адресу: Знаменская, 19.

Временный адресъ редакціи: Знаменская, 19.

Издатель Н. В. Мѣшковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 г. (XXIV г. изданія).
на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

Вокругъ Свѣта

Въ теченіе года подписчики получатъ: 50 №№ иллюстрированнаго журнала. Содержательныя и разнообразныя безплатныя преміи: 14 книгъ иллюстрированныхъ сочиненій; Камилла Фламмаріона. Многосиленность обитаемыхъ міровъ и условія существованія живыхъ твореній на этихъ мірахъ.—Люменъ. Разговоръ астронома съ душой умершаго друга.—Исторія одной кометы.—Ея странствованія среди безконечности и встрѣча съ землею.—Въ безконечности. Фантастическій разсказъ.—Стелла. Звѣздный романъ.—Конецъ міра. Фантастическій очеркъ гибели нашей планеты.—Уранія. Звѣздный романъ.—Въ небесахъ и на землѣ. Очерки и разсказы. Лунный свѣтъ. Повѣсть. 10 книгъ «необыкновенные разсказы» Эдгара Поэ. Кромѣ того съ приплатою одного рубля подписчики «Вокругъ Свѣта» получатъ «Тысяча одна ночь». 12 выпусковъ (болѣе 100 стр. текста и 200 рис.) полнаго богато-иллюстрированнаго собранія восточныхъ сказокъ знаменитаго арабскаго анонса Шехеразады, стоющихъ въ отдѣльной продажѣ 3 рубля.

Цѣна на годъ безъ собр. сказокъ «Тысяча одна ночь» 4 р. съ пересылкой и доставкой. Цѣна на годъ съ собр. сказокъ «Тысяча одна ночь» 5 р. съ пересылкой и доставкой. Разсрочка: при подпискѣ 2 р. къ 1 апрѣля 2 р. къ 1 іюля 1 руб.

Адресъ конторы журн. „Вокругъ Свѣта": Москва, Тверская улица, д. Т-ва И. Д. Сытина. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

на ежедневную газету общественной жизни, политики, литературы и торговли

„Орловскій Вѣстникъ".

Условія подписки съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города: на годъ—7 р., за границу—14 р., 11 мѣс. 6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., 1/2 мѣс.—50 к.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производится: Въ Орлѣ—въ конторѣ „Орловскаго Вѣстника", Зиновьевская улица, домъ № 2 и въ отдѣленіи ея: Московская улица, аптекарскій магазинъ Коссовскаго.

Издатель А. И. Артистовъ. Отв. редакторъ М. Я. Андреевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ. (3-й годъ изданія).

на политическую, общественную и литературную газету

„Могилевскій Вѣстникъ".

Въ интересахъ всесторонняго освѣщенія вопросовъ мѣстнаго земскаго хозяйства, поднятія сельскохозяйственной культуры и облегченія обмѣна между спросомъ и предложеніемъ произведеній сельскаго хозяйства, съ ноября мѣсяца 1907 г. при «Могилевскомъ Вѣстникѣ» выходитъ особое безплатное еженедѣльное прибавленіе

Вѣстникъ земскаго хозяйства Могилевской губерніи.

Условія подписки: на годъ съ доставкой въ г. Могилевѣ и пересылкой въ другіе города 6 руб., на полгода 3 руб., на 2 мѣс. 1 р., на 1 мѣс. 60 к.

Подписка принимается: Могилевъ губ. Редакція „Могилевскаго Вѣстника.

Редакторъ М. Пилихъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 годъ на журналъ

„Вѣстникъ Воспитанія".

XIX г. ИЗДАНІЯ.

Журналъ ставитъ своею задачею выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ систематическіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ и другихъ, о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и проч.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—5 р., съ доставкой и пересылкой—6 р., въ полгода—3 р., съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается; въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ

Критическое Обозрѣніе

Серія періодическихъ сборниковъ, издаваемая при Комиссіи по организаціи домашняго чтенія

подъ редакціей: Прив.-доц. Н. Д. Виноградова (философскій отдѣлъ). М. О. Гершензона (литературн. отд.) Прив.-доц. П. П. Гензеля (экономическій отд.) В. А. Кистяковскаго (юридич. отд.) Прив.-доц. Н. К. Кольцова (естествен.-научн. отд). Проф. Д. М. Петрушевскаго (историч. отд.).

Цѣль изданія—поднять на уровень истинной научности дѣло оцѣнки текущей литературы.

Программа изданія: 1) Систематическіе обзоры научно-популярной литературы по разнымъ отраслямъ знанія, равно какъ и по беллетристикѣ. 2) Критическіе отзывы о вновь вышедшихъ книгахъ, брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, а также и по беллетристикѣ. 3) Библіографическія свѣдѣнія. 4) Краткія ученыя и литературныя извѣстія. 5) Почтовый ящикъ.

Въ приложеніи будутъ печататься программы, составленныя Комиссіей по организаціи домашняго чтенія.

Сборники будутъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками отъ 4 до 6 печ. листовъ, цѣной отъ 25 до 50 коп. за книжку.

Въ вышедшихъ трехъ выпускахъ помѣщены 11 обзоровъ 131 рецензія Ц. 40 коп. за выпускъ.

Выпускъ IV выйдетъ 15 Ноября.

Складъ изд. при редакціи; для Петербурга—въ кн. складѣ „Прометей", Пушкинская, 15. Книгопродавцамъ 30% скидки.—Объявленія (послѣ текста) о книгахъ, газетахъ и журналахъ принимаются по цѣнѣ въ 10 р. за страницу.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Никитская, д. Семенковича, кв. 16.

Редакторъ-издательница Е. Н. Орлова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 г. (II годъ изданія).

На большую политическую, общественную и литературную газету

„СИБИРСКАЯ ЗАРЯ"

выходитъ въ г. Иркутскѣ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ, подъ редакціей П. А. Титкова.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой: Внутри имперіи: На годъ 9 р., 6 м.—5 р., 3 м.—3 р., 1 м.—1 р. За границу: на годъ 14 р., 6 м.—8 р., 3 м.—5 р., 1 м.—2 р.

1908 г. 20-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ 1908 г.

„Астраханскій Вѣстникъ"

издается по программѣ и въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна: на полученіе «Астраханскаго Вѣстника» въ 1908 г. Для иногородныхъ: на годъ—7 р. 50 к., на 6 м.—4 р. 50 к., на 3 м.—3 р. и на 1 м.—1 р. Въ розничной продажѣ отдѣльн. №№ по 5 к. Допускается разсрочка на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи Астрахань, д. Рѣпина, Почтовая ул., противъ Городского Банка.

Издательница А. А. Штылько. Редакторъ А. Н. Штылько.

Контора «Русскаго Богатства» проситъ руководствоваться, при подпискѣ и доплатахъ, прилагаемыми образцами. Это избавитъ отъ ошибокъ, происходящихъ вслѣдствіе того, что почтовые штемпеля, попадая на адреса, совершенно ихъ закрываютъ.

Подписка.

Прилагая р. к., прошу высылать „Русск. Бог." въ теченіе 1907 г.

Имя:

Отчество:

Фамилія:

Городъ или станція:

Губерніи:

Уѣзда (или ул. и домъ)

(или *ж. д.*)

Мѣсто почтоваго штемпеля.

Доплата:

№ бандероли.

Прилагаю:

2-й взносъ р. к.

3-й взносъ р. к.

Имя:

Отчество:

Фамилія:

Городъ

Губернія:

Уѣздъ:

(или *ж. д.*)

Мѣсто почтоваго штемпеля.

Редакторъ-Издатель *В. Г. Короленко*

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.